Годъ 11-й. Кн. XL—XLI.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Изданіе Этнографическаго Отдѣла

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи,

состоящаго при Московскомъ Университетѣ.

1899, № 1—2.

подъ редакціей

Н. А. Янчука.

МОСКВА.

Т-во Скоропеч. А. А. Левенсонъ. Коммиссіонеры ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія въ Москвѣ, Петровка, д. 22.

1899.

Печатано съ разрѣшенія Совѣта ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

СОДЕРЖАНІЕ.

Очерки Витебской Бѣлоруссіи [1]).

VIII. Сбягѝ, прóчки, вóнии, уходáлы.

Подъ приведенными наименованіями съ давнихъ поръ извѣстно самохотное, правда, хотя и вызванное крутыми причинами удаленіе отъ близкихъ лицъ, семьи, общины, и вся разница состоитъ лишь въ срокахъ удаленія, а отчасти—въ притонныхъ мѣстахъ его. Но каковы ни были бы причины и сроки удаленія, послѣднее, какъ нарушеніе привычнаго теченія жизни, неизбѣжно оказывается такою или иною скорбью и въ оставленной средѣ, и, въ особенности, въ душѣ и жизни того, кому суждено было сдѣлать роковой иногда шагъ. Если путемъ брачныхъ обязательствъ сплошь и рядомъ происходитъ нѣчто подобное, то такое удаленіе изъ насиженнаго угла и отъ присныхъ не приходится считать неожиданностью: простонародная, напримѣръ, женщина готовится къ нему почти съ дѣтства, оно такъ заурядно, часто не прерываетъ пріязни сторонъ, ихъ сношеній—родственныхъ и сосѣдскихъ. И при всемъ этомъ, какъ подтверждаетъ практическая жизнь, брачное удаленіе далеко не обходится безъ потрясающихъ сценъ при разлукѣ съ роднымъ домомъ и семьей, безъ щемящихъ впослѣдствіи думъ, *кои* нѣтъ—нѣтъ, да и посѣтятъ удалившагося добровольца.

Какъ ни скорбна дѣйствительность, какъ тоскливо ни передаютъ ее бытовыя на сей счетъ пѣсни, удаленіе путемъ брачныхъ обязательствъ все же имѣетъ сглаживающую, примиряющую сторону: въ супружествѣ видится матеріальная и нравственная опора, предвидится и родительское утѣшеніе въ дѣтяхъ. Нѣтъ той и другихъ—и допущенное доброхотное удаленіе дѣлаетъ жизнь пошлою, низводитъ обаяніе супружества до несноснаго бича, отъ котораго приходится искать новаго удаленія, но уже одного изъ тѣхъ, на кои, между прочимъ, указано въ заголовкѣ очерка.

---

1) См. Этнограф. Обозр. XXXVII.

Съ другой стороны, какъ ни реальна, близка къ дѣйствительности пѣсня, какими красками ни живописуетъ она состояніе удаляющагося, въ ней не можетъ быть настоящей картины душевнаго состоянія его, и послѣднее приходится улавливать между пѣсенными строками, въ áхахъ да бхахъ, возстановлять по личному чувству и мысли. Тѣмъ труднѣе сдѣлать это по пѣснѣ мѣстной, часто тусклой, далеко не исчерпывающей глубины чувствъ и души творцовъ ея, хотя, несомнѣнно, эти чувства и бьютъ ключомъ—увы!—слабо пробивающимся наружу. Въ этомъ разсѣянномъ осматриваньи вокругъ и около, въ этомъ опущеніи головы на грудь, въ судорожномъ подергиваніи, непосѣдливости, явномъ и скрытомъ вздохѣ, въ увлажненныхъ глазахъ, въ сосредоточенномъ разсматриваніи какой-нибудь завѣтной бездѣлушки, будь она хоть бабина или дѣдова „берестя́нка",—сколько тутъ непередаваемаго и десятками пѣсенъ, сколько живыхъ, но не поддающихся оформленію впечатлѣній! А въ послѣднемъ, такъ сказать, общемъ взглядѣ на покидаемые предметы, въ конечномъ обращеніи къ нимъ—сколько невыразимой жгучести, скрытой душевной боли, коихъ сторонній, пожалуй, и не въ состояніи даже подмѣтить!

Не уловить должнымъ образомъ и не передать въ надлежащей полнотѣ всего этого и немощному перу бытописателя, уже потому, что такое состояніе есть чужое, что оно подпадаетъ наблюденію выхватами, въ отдѣльныхъ стадіяхъ, и въ нѣкоторой степени осуществимо при предварительномъ знаніи существенныхъ чертъ склада и жизни бытописуемаго. Но и при семъ иногда трудно бываетъ разобраться, имѣешь ли дѣло съ цѣлостными натурами, съ существенными элементами населенія, или же съ такими „безба́тьковичами-безма́тковичами", которымъ нѣтъ здѣсь ни родного угла, ни родныхъ лицъ, и для которыхъ обаяніе родины или потеряло смыслъ, или же никогда не имѣло его. Насколько позволяетъ личное разумѣніе, и въ предлежащемъ очеркѣ подобные пасынки населенія, отщепенцы его, не будутъ приняты во вниманіе: не ими красна была во всѣ памятные сроки своеобразная любовь бѣлорусса къ осѣдлости на прадѣдовскихъ клочкахъ земли, не ими согрѣвается она и нынѣ, несмотря на горячечное притяженіе къ переселъничеству, быть-можетъ, и созданное тѣми же безшабашниками,—что составитъ, пожалуй, единственный, далеко несимпатичный поминъ о нихъ. Когда и какъ проходило и проходитъ добро-

хотное, но вызванное крутыми обстоятельствами удаленіе, помѣченное заголовкомъ, — отвѣтитъ послѣдующій очеркъ, имѣющій въ виду лишь истинныхъ сыновъ простонародья Витебской Бѣлоруссіи.

I.

Говоря о „сбя(ѣ)гáхъ“, потерявшихъ нынѣ свое давнишнее значеніе, приходится перенестись воспоминаніями къ скорбнымъ днямъ мѣстнаго крѣпостничества, по отдѣльнымъ проявленіямъ, напоминавшаго ту ежечасную необезпеченность, о которой повѣствовалось коротко при поминѣ о первобытной политической и гражданской жизни: набѣжалъ врагъ, прошелъ разгромъ, побилъ, полонилъ—и ушелъ... Въ послѣднее десятилѣтіе, когда поминаемое крѣпостничество стояло на высшей точкѣ своеобразнаго развитія, когда оно переживало сперва непонятную, а потомъ и явную агонію, понятіе „сбягóвъ“ сдѣлалось настолько популярнымъ, что оно носилось въ устахъ общества такъ же, какъ мелькало въ оффиціальныхъ данныхъ, по крайней мѣрѣ, въ экономическихъ и церковныхъ спискахъ противъ многихъ именъ крѣпостныхъ лицъ значилось—„въ сбѣгахъ“. На житейскомъ языкѣ это означало, что отмѣченный скрылся изъ мѣста жительства, находится въ безвѣстной отлучкѣ, порвалъ связь съ семьею и обществомъ, къ коимъ вернется развѣ при исключительныхъ обстоятельствахъ. Безвѣстность отлучки составляла существенное условіе „сбягóвъ“, и удаляющійся таилъ свой побѣгъ отъ самыхъ близкихъ лицъ, укрывалъ слѣдъ его, а ввиду спѣшности и внезапности ухода не могъ передать иногда и двухъ-трехъ прощальныхъ словъ. Густые родные кусты да глубокіе овраги, за ними—родной и сосѣдній лѣса увлекали бѣглеца все дальше и дальше, скрывали его если не навсегда, такъ на весьма и весьма долгіе сроки, зависѣвшіе отъ причинъ бѣгства и отъ видоизмѣненія обстоятельствъ, вызвавшихъ послѣднее [1]).

Останавливаясь на причинномъ выраженіи „сбягóвъ“, приходится повторить, что преобладающій процентъ ихъ давало крѣпостничество: тутъ человѣкъ спасался не отъ крѣпостной неволи, съ которою сживался съ дѣтства, мирился по традиціямъ, и которая проходила все же на прадѣдовской „вячнѝнѣ“ [2]), а отъ рѣзкихъ, невыносимыхъ проявленій крѣпостничества—тяжкой кары

за сравнительно ничтожный проступокъ, чаемаго насиліи надъ близкими и присными, низведенія до позора, крайней бѣдности, при захватѣ трудовой собственности и т. под. Пройдетъ острота положенія, уймутся грозныя опасенія, или же произойдетъ перемѣна лицъ и обстоятельствъ,—и такой бѣглецъ возвращается къ покинутому очагу, приноситъ повинную, выдержитъ положенную кару и снова заживетъ родною жизнію. Послѣдній такой массовый возвратъ изъ „сбяго́въ" происходилъ въ дни, близкіе къ историческому 19 февраля, когда дѣло желанной воли обозначалось яснѣе и яснѣе, когда и невѣрующіе Ѳомы поколебались въ своей вѣрѣ.

Одновременно съ симъ весьма замѣтною причиною „сбяго́въ" бывалъ страхъ „красной шапки", когда бѣглецъ искалъ не только личнаго спасенія отъ грозной тогда солдатчины, но и ограждалъ отъ того же и своихъ сыновей [4]). Такой бѣглецъ длилъ „сбяги́" иногда лишь до окончанія „някру́ччины" [5]), или же протягивалъ ихъ до „някру́цкій" перезрѣлости, т. е. до потери зубовъ, до бѣлизны волосъ, до образованія лысины, морщинъ. Примѣнительно къ обстоятельствамъ, бѣглецъ или возвращался къ семьѣ, на родину, или же, при отсутствіи семьи да слабой связи съ родиною, навсегда устраивался на чужбинѣ. Даже опредѣленныя вѣсти о волѣ приманили назадъ сравнительно немногихъ изъ такихъ „сбѣ́глыхъ"—бездомниковъ-безродниковъ: они и сами забыли старыя гнѣзда свои, какъ позабыты стали своими же земляками, съ которыми поздно было возобновлять житейскую связь. Да и какая связь могла состояться между бездомникомъ-безродникомъ и „сто́ищимъ жи́хырымъ"? Развѣ на почвѣ сношеній между нанимателемъ и наймитомъ? Но, какъ извѣстно, послѣдними пестрѣла Витебская Бѣлоруссія вслѣдъ за актомъ освобожденія и первымъ отдыхомъ отъ крѣпостной неволи: бывшіе „сдо́льники" [6]), дворовые всѣхъ ранговъ, бобыли и, вообще, обойденные земельными надѣлами составили почтенную армію готовыхъ наймитовъ, а кто изъ нихъ не годился для службы, тѣ скоро вступили въ ряды мѣстныхъ „христора́дниковъ" [7]). Такимъ образомъ, кто изъ возвратившихся на родину не имѣлъ здѣсь надежнаго пристанища, а на чужбинѣ оставилъ по себѣ симпатіи, могъ опереться тамъ на сносное отношеніе случайныхъ родичей, тотъ благоразумно дѣлалъ „обырта́сы" [8]), но уже не какъ бѣглецъ, избиравшій прежде

лѣсныя тропы и потайные притоны, а какъ свободный человѣкъ, по доброй волѣ идущій къ насиженному мѣсту.

Само собою разумѣется, что ряды „сбѣглыхъ" пополнялись тогдашними криминальниками, совершившими убійство, грабежъ, насиліе, святотатство, взломъ, крупное воровство,—т. е. всѣми тѣми, которымъ послѣ долгаго сидѣнья „у бáцькиной хáци" [9]) предстояло отвѣдать „телячьей кожи", перенести позорное клеймленіе, путешествіе по „владимиркѣ", вплоть до отыскиванія благородныхъ металловъ въ грозныхъ рудникахъ Сибири. Чтó именно приводило криминальниковъ къ преступнымъ дѣяніямъ, каковы были мотивы преступленій, каковы наличныя, смягчающія вину обстоятельства,—тому не придавалось значенія; совершилъ преступленіе—отвѣчай по подлежащимъ статьямъ закона. Въ предвидѣніи кары неминучей, зная степень ея, криминальники уходили, куда глаза глядятъ, лишь бы спастись отъ предстоящихъ ужасовъ, начинающихся скручиваньемъ рукъ и ногъ веревками или „браслетами", и оканчивающихся въ рудничномъ подземельѣ. Въ то время, когда „сбѣглые" первыхъ двухъ категорій могли разсчитывать на нравственную и матеріальную поддержку семьи и общины, криминальники должны были помнить, что отъ нихъ сразу отступаются самыя близкія лица—родители отъ дѣтей и наоборотъ [10]),—что и первый другъ не укроетъ виновнаго, убѣжитъ отъ сношеній, и что нигдѣ и никому изъ мирныхъ людей они не могутъ повѣдать тайны „сбягóвъ". Криминальники уходили съ родины безъ надежды когда-нибудь вернуться къ родному гнѣзду, провести здѣсь остатокъ дней своихъ и улечься рядомъ съ родственными могилами. Если они добирались до чужбины, въ безопасныя, повидимому, мѣста, то и здѣсь, съ немолчными угрызеніями совѣсти, съ каинскою печатью на прошлой жизни, они должны были сугубо таиться — и отъ коренного населенія, и отъ прибывающихъ „сбѣглыхъ", въ опасеніи быть узнанными и выданными правосудію. Дичая въ лѣсномъ да трущобномъ притонѣ, по вызову голода и нужды воруя или отнимая у путника его достояніе, эти случайные по первому преступленію криминальники спускались все ниже и ниже, дѣлались уже профессіональными преступниками, и если рано или поздно не попадали въ руки правосудія, то кончали жизнь „собачьею смертью" въ какомъ-нибудь трущобномъ притонѣ: съ завѣдомымъ и оглашен-

нымъ своимъ проступкомъ имъ уже не примкнуть къ честнымъ людямъ, не найти въ нихъ поддержки и опоры!

Послѣдній видъ „сбѣглыхъ“ составляли непосѣды, искатели новыхъ впечатлѣній, смѣны лицъ и мѣстъ, не воспитавшіе въ себѣ ни привязанностей, ни трудовыхъ навыковъ, т. е. такіе выродки среды, которыми и по сейчасъ не бѣдна деревня. Правда, этихъ безшабашниковъ, жизненныхъ „ниприто́мниковъ“ или „недопечковъ“ не приходится равнять съ предыдущими „сбѣглыми“; да и самые „сбягй“ ихъ есть нѣчто подражательное: пустой предлогъ, неразумная обстановка побѣга и результатъ его какъ-будто шаблонны даже въ жизни одного и того же бѣгуна. Возвратятъ такого „сбѣглаго“ на мѣсто, взыщутъ по тогдашнему, пожалуй, свяжутъ новый побѣгъ крутыми ограниченіями, или приставятъ къ легкому относительно дѣлу. Тутъ онъ или напуститъ на себя неисправимую одурь, или снова сбѣжитъ—и такъ до безконечности, до пріобрѣтенія не напускной, а настоящей одури, до увѣчья, старческой немощи, съ которыми онъ и находитъ нескончаемую смѣну мѣстъ и лицъ, благодаря нищенской сумѣ—единственной спутницѣ безплодныхъ дней его жизни. Если не ушло время и былъ подходящій случай—такой „ниприто́мникъ“ попадалъ „подъ красную шапку“, и сожалительныя воспоминанія о немъ могли посѣщать развѣ безпредѣльно-любовное сердце родной матери... Такіе „сбѣглые“ не сто́или бы этнографическаго упоминанія, если бы у нихъ не бывало одной типичной особенности: намозоливъ глаза всѣмъ своимъ „корми́льцамъ-пои́льцамъ“, достигнувъ полной немощи, эти безшабашники все-таки искали вольной жизни, предпочитали жизнь кочевыхъ „ста́рцевъ“ жизни осѣдлыхъ богадѣленныхъ собратій своихъ, даже самую кончину свою находили на привалочныхъ мѣстахъ, подъ изгородями, въ сугробахъ, у сѣнной копны, у стога, въ сараѣ...

Что именно изъ описанныхъ „сбяго́въ“ сохранилось до текущихъ дней,—легко видѣть изъ сопоставленія съ ними современной безпаспортности, бродяжничества, укрывательства отъ законной кары за злодѣяніе. По обязанности бытописателя остается еще разъ вернуться къ „сбѣглымъ“ первыхъ двухъ категорій и вспомнить, что, за исключеніемъ единичныхъ случаевъ, они сторонились отъ разбойничьихъ и воровскихъ шаекъ, хотя естественное озлобленіе, нужда, потеря всего дорогого и могли притягивать къ пре-

ступному дѣлу и обществу. Хотѣлось бы вѣрить, что отъ постыднаго шага удерживались такіе „сбѣ́глые“ по силѣ неочерствѣвшей совѣсти, прирожденной чести, кои не воспитали въ нихъ такъ называемой мошеннической изворотливости, неизбѣжнаго криводушія. Надъ всѣмъ же этимъ витала крѣпкая вѣра въ небесную кару, царила завѣтная надежда рано или поздно возвратиться къ покинутому родному очагу: послѣдняя проводила „сбѣ́глыхъ“ чрезъ невѣдомые лѣса и воды, заставляла просить честнаго подаянія, а еще болѣе—искать честнаго труда, угождать милосердымъ покровителямъ, рабски подчиняться жистокосердымъ эксплоататорамъ „сбягóвъ“, лишь бы сберечь и продлить жизнь до такого или иного осуществленія завѣтной надежды.

II.

Тѣ „сбягѝ“, о которыхъ только-что закончена рѣчь, безвозвратно потерялись во времени; уже и самихъ давнихъ „сбѣ́глыхъ“, какъ возвратившихся на родину, такъ и оставшихся на чужбинѣ, трудно отыскать гдѣ-либо. Если же и существуетъ пока подобное доброхотное удаленіе, такъ оно имѣетъ совершенно иныя побужденія, пожалуй, и весьма близкія къ „сбягàмъ“ послѣднихъ двухъ категорій. Зато ведущіе свое начало съ незапамятныхъ временъ „прóчки“ живы и дѣйственны въ той же мѣрѣ, въ какой они были за много-много десятковъ лѣтъ предъ симъ; тѣ же источники, та же обстановка „прóчи(е)къ“ и въ жизни прадѣдовъ, и въ жизни правнука. Безспорно, современная простонародная жизнь удалилась отъ жизни дореформенной, крѣпостнической; безспорно и то, что много просвѣтлѣнія внесено въ нее за истекающее полустолѣтіе; но также безспорно и то, что основы и спутники этой жизни остаются прежніе: замѣнить, а тѣмъ болѣе изъять ихъ—невозможно, какъ невозможно пока учредить міровую „тишь да гладь“, предупредить нестроенія семейныя, пререканія и препирательства между присными, преслѣдованіе слабѣйшихъ, непокладливость равноправныхъ членовъ. Доброхотное удаленіе отъ такихъ семейно-житейскихъ невзгодъ составляло и составляетъ „прóчка“—обыденное и извѣстное въ простонародной средѣ бѣгство отдѣльнаго члена прочь изъ семьи. Въ минуты ли незадачъ, или же просто играми уже маленькія дѣти воспроизводятъ „прóчки“, разумѣется, копируя въ семъ случаѣ дѣянія возрастныхъ.

— Куды-жъ ты ёто, Иванька?—спрашиваютъ у снаряжающагося въ путь пятилѣтка-„прóчника".

— У прóцки пойду,—отвѣчаетъ тотъ.

— А йдѣ-жъ твоё прбчки будуць?

— Мóжа къ бáбцы пойду, ножа къ Миколи.

— Ци ня вóзьмишь-жа ты й мине съ цабóй?—спрашиваетъ обидчикъ (примѣрно, отецъ).

— Нѣ, цибе ни возьму, а тольки мамку,—отвѣчаетъ „прóчникъ" и направляется на задворокъ, въ гумно, къ сосѣду, или же ждетъ-пождетъ, авось, кто-нибудь скажетъ: „вярнися съ прóчикъ!" Не дождавшись подобнаго зова, „прóчникъ" и самъ собою возвращается къ покинутому углу...

Это—игра, подражаніе старшимъ, дѣтская выходка. Но она выдерживаетъ характерныя стороны настоящихъ „прóчикъ", или создающихъ драму, или послѣдующихъ за таковой. Идутъ „у прóчки" всѣ, кто не умѣетъ управиться съ набѣжавшею остротою положенія, кто не можетъ приладиться къ необычному строю жизни въ домѣ, по недомыслію иногда, по упорству чаще всего: избалованные въ бобыльскихъ домахъ подростки, ставшіе на пастушескую службу въ хозяйскіе дома, работники и работницы изъ тѣхъ же бобыльскихъ гнѣздъ, пасынки и падчерицы, преслѣдуемые своими родными отцами и матерями, невѣстки отъ свёкровъ, свекровей и золовокъ, жены отъ мужей, родители отъ дѣтей—вотъ далеко неполный списокъ мѣстныхъ „прóчниковъ". Оставляя въ сторонѣ мелкія „прóчки", весьма часто разрѣшающіяся ничѣмъ, самими собою, нелишне остановиться на двухъ изъ нихъ—жениныхъ и родительскихъ: такія „прóчки" составляютъ событіе, о которомъ долго говорятъ и помнятъ не въ семьѣ только, но и по сосѣдямъ, въ окружицѣ.

Если жена не имѣетъ крѣпкой родственной поддержки и защиты, если она сирота, то „прóчки" ея ограничиваются бѣгствомъ и пріютомъ у добрыхъ знакомцевъ, у сосѣдей, гдѣ она перекочевываетъ изъ одного дома въ другой, укрываетъ, при надобности, свой слѣдъ, помогаетъ въ работѣ дому, гдѣ пріютилась; но она не отходитъ далеко, какъ-скоро въ постыломъ домѣ мужа остались дѣти, скопленный трудами скарбъ: „подсы́лъ за подсы́ломъ" слѣдуютъ въ оставленный домъ для околичнаго развѣдыванія, что и какъ тамъ? Тоска по дѣтямъ, заботы по оставленному добру

пересиливаютъ страхъ—и „прóчница“ идетъ самовольно на мужнину расправу, на рядъ новыхъ, быть можетъ, и тягчайшихъ невзгодъ. Но возвращеніе „прóчницы“ въ постылый домъ происходитъ и при иныхъ обстоятельствахъ: тамъ ее выдадутъ головою коварные пріютчики, здѣсь разыщетъ самъ мужъ. Подъ навѣтомъ ли родни и разныхъ благопріятелей, или благодаря личному складу характера, разной случайности, первое подобное свиданіе супруговъ часто полно потрясающими особенностями, до вмѣшательства стороннихъ лицъ и властей включительно, и если оно не разрѣшаетъ окончательно супружескихъ отношеній, такъ нерѣдко кладетъ на эти отношенія неизгладимую печать. При всемъ томъ „жóнкины прóчки“ рѣдко заканчиваются полною размолвкою, рѣшительнымъ расходомъ супруговъ, безвѣстнымъ бѣгствомъ жены, потому что и та и другая стороны не сумѣютъ повести разъединенной жизни.

Горазо хлопотливѣе „прóчки“ жены, имѣющей мощную, многочисленную родню, вліятельныхъ защитниковъ въ лицѣ родителей. Въ то время, когда первая „прóчница“ удаляется спѣшно, тайкомъ, прячется по притоннымъ мѣстамъ, выплакиваетъ скорбь въ лѣсу, въ оврагѣ, ежеминутно дрожитъ изъ-за погони и поимки, послѣдняя товарка ея „идéць у прóчки“ въ опредѣленныя мѣста, подъ надежный кровъ, иногда явно, даже парадно, забирая изъ постылаго дома не только дѣтей, но и скарбъ свой, выплакиваетъ семейную обиду въ родственномъ гостепріимномъ домѣ, при участливомъ вниманіи сродичей. „Нихáй-ка пыкрасýитца циперь!“—твердятъ вокругъ по адресу обидчика,—„а ты дыки́ (таки) пыживи́ и ў насъ!“—дополняютъ сторонники „прóчницы“. И дѣйствительно, послѣдняя живетъ здѣсь гостьей не день какой, а мѣсяцы, до тѣхъ поръ, пока не прибудетъ лично обидчикъ, принужденный къ тому то личнымъ побужденіемъ, то подготовленный многочисленными сторонниками обиженной.

Состоитъ ли мужъ „прóчницы“ фактическимъ обидчикомъ ея, или на мужѣ-тряпкѣ необходимо сорвать негодованіе на свекра, свекровь и золовокъ, но только прибывшій съ повинною прежде всего выслушиваетъ, приблизительно, такую исповѣдь: „ци мы жъ на тóя росци́ли-гудувáли свою дочкý, кыбъ инá éдыкыя пéкло умýчилыся?! Ды нихáй лѣ́пи йнá пы мылыччáнкыхъ идéць, а ни чи́мъ сё тóя! А мóжа-жъ и ў бáцькиный хáци знáйдитца якéй ни-ли-

бу́ць ли йіе́ кыва́лыкъ хлѣба!" [11]). Отвѣтомъ на подобныя рацеи служитъ или покорное молчаніе, или обѣты за себя, за домашнихъ обидчиковъ и обидчицъ, или же униженная просьба о прощеніи. Само собою разумѣется, что серіозная, какъ и вздорная размолвка супруговъ сводится къ миру, за которымъ слѣдуетъ совмѣстное гощеніе ихъ у „сця [12]) и це́щи", не менѣе торжественное отправленіе въ постылый домъ, до новой впредь размолвки, до новыхъ „про́чикъ", которыя въ общемъ не затягиваются надолго, а нерѣдко сокращаются и до нѣсколькихъ часовъ...

„Ба́цькины-ма́ткины про́чки" оттѣняются совершенно другимъ складомъ и, по своимъ проявленіямъ, носятъ чисто-демонстративный характеръ; благодаря же соціальной неприкосновенности и положенію „про́чниковъ", послѣдніе безнаказанно могутъ дѣлать все, что́ подскажетъ разгоряченный умъ и сердце и что можетъ создать старческая привередливость. Отъ послѣдней мѣстный простолюдинъ пословично отмаливается такъ: „ни дай Богъ тэй нявó ли, што да́вныи гряхи́ моли́ць, ста́рыи довги́ плаци́ць—старыхъ бацёкъ-матóкъ кормиць!.." Нѣтъ у старика полной воли по дому, не мирится онъ со второстепеннымъ въ немъ положеніемъ и зависимостью отъ снохи („сынова") [13]), привередливъ и вздоренъ онъ—и „про́чки" готовы, хотя таковыя начнутся не сразу, а съ системною подготовкою. Уже раньше неоднократно изливалъ свою скорбь обижаемый, передавалъ на судъ сверстниковъ личное положеніе въ домѣ; теперь ему остается дополнить, что онъ „надумалъ",—подъ чѣмъ сѣдовласые слушатели единодушно разумѣютъ предстоящее, доброхотное удаленіе его изъ дому. На всякій случай, „надумавшійся про́чникъ" прощается съ товарищами, проситъ добраго о себѣ помина. Когда такимъ образомъ сдѣланы первые приступы къ „про́чкамъ", обиженный исподволь управляется со своимъ „питома́ннымъ" [14]) скарбомъ: болѣе нужное укладываетъ въ дорожные „хотули́" [15]), остальное размѣщаетъ по сосѣдямъ. Остается какой-нибудь второстепенный „кіёкъ": послѣ нѣкотораго обсужденія „прочникъ" поручаетъ его уходу и бережливости наиболѣе любимаго внука, которому вмѣстѣ съ тѣмъ снисходительно разрѣшаетъ кое-когда употреблять таковой „за́мистъ кы(о)ня́"...

Если всѣ такія подготовительныя дѣянія „про́чника" не повліяли на измѣненіе домашнихъ обстоятельствъ, и обижаемый со-

стоитъ на прежнемъ счету, а между тѣмъ душевное состояніе его достигло наивысшаго возбужденія, то въ однпъ неожиданный день изумленная семья становится свидѣтелемъ слѣдующей сцены: одѣтый по-подорожному, съ укладками за спиною и у пояса, съ надежнымъ „кійкомъ" въ рукахъ, молчаливо сидитъ „прочникъ" на лавкѣ; поглядывая изрѣдка на различные предметы домашней обиходности, точно прощаясь съ ними, „прочникъ" ни однажды не остановится взглядомъ на мелькающихъ въ домѣ присныхъ. Долго ли, коротко ли бываетъ такое предпутное сидѣнье на лав кѣ (лишь бы не противъ двери!), „прочникъ" встаетъ съ мѣста, молится домашнимъ иконамъ, послѣ чего, не обращаясь лично ни къ кому, произноситъ приблизительно такую напутную: „спасибо за ўсе!.. накармили-напоили и ў дарогу знарядили!.. нихай Божинька правидный заплоциць!.. А я, кылй можа й выма [16]) пы стáрцыхъ пойду, дыкъ пéвни сюды ни зайду!.. Живиця зъ Богымъ!.."

Какъ угодно, но только одна черствая душа способна выдержать такую сцену, до которой дѣти едва-ли могутъ допустить, видя предварительныя приготовленія родителя къ „прочкамъ", и, какъ бы ни былъ рѣзокъ поводъ къ разладу, присущая мѣстному бѣлоруссу почтительность къ родителямъ побораетъ все—и дѣти спѣшатъ принести покаяніе, примирить родителя-„прочника", какъ то ни трудно бываетъ устроить. Но и помимо побужденій дѣтской привязанности, дѣло родительскихъ „прочикъ" грозитъ компромиссомъ: а ну, скажутъ: дѣти прогнали! а ну, родитель и въ самомъ дѣлѣ станетъ христарадничать! а ну, онъ отдастъ свою душеньку Богу въ чужомъ домѣ, послѣднюю земную постельку приметъ на чужой лавкѣ! Вѣдь перспектива этого есть острый ножъ въ ранѣ, а осуществленіе—ничѣмъ непокрываемый грѣхъ. Какъ тогда показаться на свѣтъ Божій, къ міру честному?!..

„Родительское сердце отхóдливо"—и въ этомъ счастье дѣтей, ушедшихъ путемъ покаянной отъ возможныхъ бѣдъ и компромисса. Само собою разумѣется, что послѣднія идутъ на уступки, отрезвляются въ своихъ отношеніяхъ, если только они были ненормальными. Такъ дѣлается одною стороною; что же другая?—Замѣчено многократно, что разъ „прочнику" удалось достигнуть благопріятныхъ цѣлей, онъ уже имѣетъ вѣрное средство держать волю дѣтей въ своихъ рукахъ, подчинять ихъ своимъ иногда и ка-

призныміъ причудамъ. Часто бываетъ, что всѣ окружающіе, родня и чужіе очень хорошо понимаютъ истинныя причины родительскихъ „про́чикъ", но всѣ сваливаютъ вину за нихъ—если не исключительно, такъ предпочтительно—на дѣтей.

При вопросѣ о томъ, кто изъ родителей чаще уходитъ въ „про́чки", естественно ожидать этого отъ матерей; практика указываетъ, однако, на обратное: если матери часто удаляются изъ постылаго дома, то ихъ удаленіе, во-первыхъ, непродолжительно и скорѣе можетъ быть приближено къ послѣдующимъ двумъ видамъ удаленія, а во-вторыхъ, оно не имѣетъ подготовленности и парадности „про́чикъ" отцовскихъ. Что же касается остальныхъ „про́чикъ", то дѣтскія, напримѣръ, и даже подростковыя стоя́тъ ниже общественнаго вниманія: на „про́чвиковъ" смотрятъ, какъ на бѣглецовъ, на балованныхъ непосѣдъ, и всѣ согласны въ одномъ, что они заслуживаю́тъ „па́ринки" [17]), которою почти всегда и разрѣшаются „про́чки" недоростковъ. На остальныхъ „про́чниковъ" простонародная среда смотритъ такъ: удалился недовольный изъ достаточнаго дома—про него говорятъ: „отъ е́дыкыго добра уйци́ць?! ды ци ни ры(о)жна́ жъ яму одъ Бога хоцѣ́ць?!" Удалился онъ изъ дома скромнаго—та же среда спѣшитъ осудить за неумѣнье примириться съ матеріальнымъ положеніемъ, прежде всего, а потомъ—съ положеніемъ второстепеннаго въ семьѣ лица.

III.

Когда данное лицо принуждено бываетъ спѣшно удалиться изъ дому, чтобы спастись отъ ворчбы, брани, крупнаго пересуда, или отъ возможной колотушки, нежелательнаго порученія, для скрытія смущенія и стыда, избѣжать нежелательной встрѣчи,—оно прибѣгаетъ къ „во́нкамъ", т. е. оставляетъ хату на нѣсколько часовъ, ютясь въ это время въ сѣняхъ „исцёпки" [18]), въ хлѣву, на дворѣ, въ саду, огородѣ, гумнѣ и въ разныхъ усадебныхъ строеніяхъ, лишь бы не быть передъ глазами ненавистника, недовольнаго, уйти отъ встрѣчи. Такимъ образомъ, на „во́нки" приходится смотрѣть, какъ на прятки, разумѣется, далеко не игорнаго значенія. Но изъ такихъ „во́ныкъ" необходимо выдѣлить заурядныя будничныя „во́нки"—выходъ изъ избы въ одно изъ указанныхъ, мѣстъ, чтобы исполнить хозяйственную и другую нужду. Въ семъ

случаѣ, на вопросъ—гдѣ такой-то? обыкновенно отвѣчаютъ: „у вóнкахъ", или—„пойшовъ у вонки". Само собою разумѣется, что въ дальнѣйшемъ словѣ пойдетъ рѣчь о „вóвкахъ примýсныхъ" только, вызванныхъ стороннею волею, насиліемъ, крутою необходимостью,—отъ чего обыкновенно уходятъ:

а) дѣти, когда имъ грозитъ родительское наказаніе, упреки, братняя потасовка, приставленіе къ скучной, нежелательной работѣ, улика въ обидѣ сосѣдей, въ преступномъ поведеніи, ради чего, примѣрно, прибылъ въ домъ жалобщикъ.

б) Тѣ же дѣти, иногда и возраствые, очутятся „у вóнкахъ" по приказу старшихъ, или со страху при родительскихъ препирательствахъ, брани и дракѣ, при появленіи буйнаго бражника, при „сорóмныхъ" рѣчахъ лицъ зрѣлыхъ, женатыхъ. Вмѣстѣ съ неразумными дѣтьми „у вóнки" удаляются подростки и вообще всѣ, кому нельзя или нежелательно слушать подобныя рѣчи.

в) При появленіи сватовъ и, въ особенности, при ихъ вступительныхъ рѣчахъ, дѣвушка-невѣста опрометью бросается „у вóнки", чтобы скрыть волненіе, стыдливость, испугъ и вообще неловкость свою, какъ „торгуемаго товара", какъ „куницы, за поисками которой прибыли чужедальніе охотники"...

г) Жена уходитъ „у вóнки", когда принуждена бываетъ уклониться отъ мужниныхъ грызеній, брани, побоевъ, или отъ неумѣстныхъ приставаній, когда ея личное душевное состояніе не гармонируетъ съ игривымъ настроеніемъ мужа.

д) Мужъ уходитъ „у вóнки" отъ капризовъ, попрековъ и брани жены, какъ по отношенію лично къ нему, такъ и во избѣжаніе вмѣшательства въ бабью ссору.

е) Невѣстка выбѣгаетъ „у вóнки" отъ придирчивой ворчбы свекра, свекрови и „золовокъ-колотовокъ", чтобы избѣжать дальнѣйшихъ неурядицъ, или чтобы наскоро выплакать свое горе.

ж) То-же дѣлаетъ возрастный сынъ, когда ему необходимо уклониться отъ нежелательнаго, а иногда и опаснаго препирательства съ отцомъ или съ матерью, или когда трудно бываетъ стоять лицомъ къ лицу съ ихъ справедливыми укоризнами.

з) Всѣ дѣвическія тайны свои подруги обыкновенно передаютъ одна другой „у вóнкахъ", ради чего онѣ за одинъ какой-нибудь посидѣлочный вечеръ очутятся тамъ десятки разъ,—чтó обыкно-

венно вызываетъ двусмысленное замѣчаніе старшихъ, въ свою очередь; приводящее подругъ къ новому выбѣгу „у во́нки".

и) Наконецъ, „во́нки" служатъ однимъ изъ обыденныхъ мѣстъ, гдѣ любящіяся пары имѣютъ возможность наскоро передать другъ другу текущія и пережитыя впечатлѣвія, кстати обмѣняться рукопожатіями и, вообще, исполнить то, чего нельзя сдѣлать при свидѣтеляхъ.

Какъ очевидно, „во́нки" хотя и имѣютъ въ большинствѣ острыя причины, все-же онѣ значительно далеко отстоятъ отъ давнихъ „сбяго́въ" и „про́чковъ", а въ отдѣльныхъ проявленіяхъ даже симпатичны и приманчивы.... для „во́нниковъ" послѣднихъ двухъ категорій; но далеко не таковы онѣ для бѣдныхъ матерей, ревнивыхъ и даже не ревнивыхъ мужей, когда необходимо бываетъ оградить честь, предупредить опасность и вообще принимать мѣры противъ незаурядныхъ „во́нокъ", не въ мѣру игривыхъ, или же разнузданныхъ „во́нниковъ". Благодаря послѣднему, „во́нки" нерѣдко служатъ мѣстомъ жизневныхъ драмъ, послѣдніе акты которыхъ проходятъ далеко-далеко отъ лицедѣевъ и зрителей перваго акта.

IV.

Всѣ крутыя движенія даннаго лица, служащія „конемъ во спасеніе", будутъ ли они бѣгствомъ, уверткою, оставленіемъ „поля сраженія", т. е. уступкою сильной сторонѣ, извѣстны подъ названіемъ „уходáловъ, драпако́въ". Вмѣсто этихъ именъ то же движеніе выражается и слѣдующими летучими фразами: „дать тя́гу, дать стрекачá, круто повернуть оглобли, пятки затрещали" и т. под. Въ простонародной жизни „уходáлы" встрѣчаются чаще остальныхъ видовъ удаленія, какъ то́ видно будетъ изъ далеко неполнаго перечня ихъ. „На ўходáлы иду́ць:"

а) слишкомъ юныя дѣти, когда надъ ними занесены карающіе предметы для ординарнаго удара. Юркнулъ виновникъ подъ „кутъ", въ запечье, а тѣмъ временемъ опустилась карающая рука, отставленъ предметъ—„уходáльникъ" почти безъ страха покидаетъ минутное убѣжище, а то и не замедлитъ появиться вблизи недавней грозы.

б) Дѣти всѣхъ юныхъ возрастовъ, замѣченныя въ горохѣ, въ саду, въ огородѣ и другомъ „пустодомствѣ", спѣшатъ „на ўхо-

дáлы", чтобы не попасться въ руки и тутъ же, на мѣстѣ, не подвергнуться расправѣ, которая, несомнѣнно, будетъ жесточе послѣдующей.

в) Пастухи и конопасы со скотомъ на стравежѣ „уходáлюць", какъ только будутъ замѣчены хозяевами потравы, или вообще радѣтелями полевого хозяйства.

г) Неуважающіе чужой собственности, какъ-то: сборщики ягодъ, грибовъ, орѣховъ, рыболовы, охотники и проч., „даю́ць цягу", какъ скоро на нихъ направлена поимка со стороны караульщиковъ, хозяевъ.

д) Профессіональные воры всѣхъ видовъ „зы(а)даю́ць лы(а)тáты [19]) во всѣ лы(о)пáты" по весьма понятнымъ причинамъ.

е) „Уходалами" пользуются всѣ нарушители семейнаго и общественнаго спокойствія, мѣстные ловеласы, которымъ на мѣстѣ поимки, да подъ горячую руку, можно жестоко поплатиться за учиняемое дѣяніе.

ж) „Уходáлы" спасаютъ отъ единоличной, или коллективной мести какого-нибудь обидчика, ненавистника, соперника, какъ это примѣчается на „кирмáшныхъ", игрищныхъ и другихъ сборищахъ, гдѣ группируются часто горячія головы и гдѣ вдосталь причинъ для вящшаго ихъ подогрѣванія.

Перечисленные и естественно предполагаемые „уходáлы" носятъ матеріальный характеръ—увертку отъ колотушекъ или посрамленія. Но къ сему виду удаленія необходимо причислить и другіе „уходáлы", правда, не вызывающіе исчезновенія лица, хотя и стушевывающіе его пребываніе на мѣстѣ. Сюда слѣдуетъ отнести „молчанку", въ силу которой данное лицо остается безмолвнымъ зрителемъ всего происходящаго вокругъ,—гляды нáвскесъ [20]), когда собесѣдникамъ желательно привлечь молчальника къ участію въ разговорѣ, къ подачѣ личнаго мнѣнія. Наиболѣе типичнымъ выразителемъ подобныхъ „уходáловъ" служитъ дѣвушка-невѣста передъ синклитомъ сватовъ и родни, рѣшающихъ предстоящую свадьбу,—женихъ и невѣста, ставшія лицомъ другъ къ другу, приниженная жена Гаврилы передъ нимъ самимъ и его гостями [21]) и вообще всѣ, кому нежелательно переносить пытливаго взгляда, кто хочетъ утаить личное смущеніе, неловкость, замѣшательство.

Бытописатель считаетъ свою тему посильно-исчерпанною, а отвѣтъ на нее законченнымъ. Весьма возможно, что всѣ эти „сбяги́, прбчки, вбнки, уходáлы“ и сродное самохотное удаленіе въ другихъ мѣстахъ имѣютъ отдѣльный характеръ, на бытія лица, семьи и общества отражаются совершенно иными особенностями,—въ законченномъ очеркѣ они, однако, изображены такъ, какъ происходятъ на мѣстѣ, какъ создаетъ жизнь—неустающій, плодовитый авторъ то скорбныхъ, то комическихъ произведеній.

Ник. Як. Никифоровскій.

29 дек. 1898 г.
Витебскъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Безбатьковичъ-безматковичъ, или: безбатькинъ-безматкинъ сынъ—обычное имя незаконно-рожденнаго, безроднаго, пріемыша, „пасынка общества“ и также, вообще, лица съ разнузданною волею, съ изуродованнымъ строемъ души.

2) Такою благопріятною перемѣною слѣдуетъ считать: кончину жестокаго владѣльца крѣпостныхъ, переходъ имѣнія и крѣпостныхъ въ иныя руки, капиталъ, достаточный для выкупа на волю, или же удаленіе отъ службы не въ мѣру усердныхъ крѣпостныхъ чиновъ. Весьма нерѣдки бывали случаи возврата изъ-за тоски по родинѣ: бѣглецъ поступалъ на саможертвы.

3) Въ данномъ случаѣ „вя(ѣ)чи́на“ означаетъ тотъ участокъ земли, на которомъ поселились и обрабатывали предки, хоть на самомъ дѣлѣ такой участокъ всегда составляетъ собственность помѣщика. Нуженъ заселенный участокъ на стороннія надобности—поселяне разметывались по другимъ деревнямъ, помѣщались на „нóви“—и мѣстная „вячи́на“ становилась пустымъ звукомъ.

4) Какъ извѣстно, сыновья тогдашнихъ солдатъ, по достиженіи призывного возраста, поступали на ту же солдатскую службу, проходя предварительно школу кантонистовъ, въ свою очередь грозную и суровую.

5) Мѣстный „никрýтъ“ (рекрутъ) понимается въ смыслѣ неловкаго, неповоротливаго въ движеніяхъ человѣка, совершенно непохожаго на солдата, уже получившаго военную выправку.—Авторъ припоминаетъ, что за „никрутами“ точно охотились, устраивали „обламу“ (облаву): ловили на сборищахъ, на работахъ, во время сна, и тутъ же скручивали веревками, отводили въ господскую сборную, гдѣ немедленно „колóдили“ (надѣвали на ноги грузныя деревянныя колодки—двѣ плахи съ выемкою для помѣщенія голени, прочно сколоченныя потомъ желѣзными съ зазубринами гвоздями), или же „ланцýжили“ ихъ (заковывали въ

кандалы) и, во всякомъ случаѣ, приставляли усиленную стражу. Въ „колодкахъ“ и кандалахъ „никруты́“ слѣдовали въ городъ, въ пріемное присутствіе.

Другое личное воспоминаніе автора: крѣпостной д. Рыбаковъ (Вит.у.) Силка долженъ былъ поступить въ рекруты при наборѣ 1854 г. Онъ бѣжалъ въ с. Веляшковичи, за 18 вер., и тамъ укрывался у мѣстнаго причта, Разъ, когда помѣщики открыли слѣдъ бѣглеца и вошли въ домъ гдѣ онъ былъ, Силка только за минуту времени успѣлъ скрыться въ подпольный (для овощей) погребъ, откуда свободно слышалъ и видѣлъ своихъ преслѣдователей... По минованія набора Силка почти безнаказанно возвратился домой, но... на половину сѣдымъ, хотя тогда ему было не свыше 35 лѣтъ.

6) О до́льникахъ или сдольникахъ мною достаточно сказано въ очеркѣ „Пособники жихара“ („Эти. Обозр.,“ кн, XVII, стр 97—99),

7) Подъ такимъ названіемъ извѣстны всѣ „побиру́шники“—нищіе, странники, колядовники, захудалые бобыли и вообще всѣ тѣ, кому подается помощь по христіанскимъ побужденіямъ.

8) Обы(о)ртáсъ, са,—сущ.—поворотъ назадъ—физическій и моральный, при чемъ подъ послѣднимъ разумѣется возвращеніе къ оставленнымъ навыкамъ, или крутой поворотъ отъ одного дѣла къ другому вслѣдствіе неудачъ, козней и пр.

9) Подъ „ба́ц(т)ькиной хатой“ повсемѣстно разумѣется тюрьма (она же—„бацько́вщина“) въ шутливомъ, или бранномъ смыслѣ, когда желательно уязвить данное лицо его злодѣйскимъ родомъ, происхожденіемъ отъ преступныхъ родителей („для кого острогъ, а для него—батькина хата“).

10) Припоминается, что Юдинцы (дер. Юдино, Вит. у.), убившіе своего жестокаго управляющаго въ 40-хъ годахъ, были судимы и сосланы въ Сибирь на каторжныя работы. Въ 50-хъ годахъ, окончивъ каторгу и получивъ амнистію, ссыльные пожелали возвратиться на родину; но дѣти не были приняты родителями, послѣдніе дѣтьми, родственниками...

11) Авторъ оставляетъ безъ надлежащихъ объясненій многія мѣста изъ мѣстныхъ рѣченій, въ увѣренности, что читатели его очерковъ не успѣли забыть раньше данныхъ лексическихъ и другихъ его толкованій.

12) Слово тесть склоняется такъ: тесь, сця, сцю, сцёмъ, объ сцѣ.

13) Сыво́ва, или сыно́вая, сыново́чка—жена сына—наиболѣе употребительное имя снохи.

14) Хоту́ль, ля,—сущ.—котомка, дорожный у пѣшехода мѣшокъ съ поклажею, носимый за плечами (пословица; „схопи́въ хоту́ль—дый бывъ поту́ль»—говорится про спѣшный уходъ.

15) Собственно „питома́нный“ значитъ — вскормленный, вспоенный, выращенный,—что скорѣе должно относиться къ предметамъ одушевленнымъ. Но тоже въ преобладающемъ большинствѣ случаевъ относится ко всякой трудовой собственности („питоманный грошъ“—трудовыя деньги).

16) Вы́ма,—нар.—мимо.

17) Пáри(е)нка, нки,—паренье въ банѣ вѣникомъ; но тѣмъ же именемъ называется сѣченье розгами, плетью, веревками. При всемъ этомъ словá: пáринка, ры(о)загачí, подсцёбка—различаются: первое означаетъ вообще битье жесткими предметами (но не рукою — плескáчъ), второе — сѣченье розгами, третье—ударъ кнутомъ, прутомъ.

18) Исп(т)ёпка, пки,—сущ.—изба чрезъ сѣни, но подъ одною крышею съ жилою избою (см. мои „Очерки" 1895 г., стр. 254—255).

19) Лытáты, или лытатá,—сущ.—бѣгство, бѣгъ при которомъ высоко поднимаются и широко раскидываются ноги, при чемъ слышится звонкое шлепанье ступней.

20) Глáды (взгляды) нáвекесъ (наискось)—довольно извѣстное состояніе, когда слушатель уклоняется отъ взоровъ собесѣдника, отъ смотрѣнія на указываемый предметъ.

21) См. мой очеркъ „Бабы, або жонки" („Эти. Обзр." XXXVII кн. стр. 22—25).

Н. Я. Н.

Замѣтки по исторіи народной ботаники.

I.

Во время господства сошедшей со сцены старой миѳологической школы, распространенность въ Европѣ извѣстнаго обычая, обряда, повѣрья признавалась неоспоримымъ доказательствомъ того, что все широко распространенное существовало до выдѣленія европейскихъ народовъ изъ общеарійской семьи. Такой взглядъ находился въ связи съ патріотическими воззрѣніями представителей этой школы о духовной самобытности того или другого народа.

Смѣнившіе миѳологическую школу приверженцы теоріи заимствованія въ той же распространенности видятъ доказательство заимствованія тѣхъ или другихъ идей или мотивовъ у другихъ народовъ, а приверженцы антропологической школы съ неменьшей убѣдительностью доказываютъ, что эта распространенность объясняется не заимствованіемъ, а одинаковой природой человѣческой души, благодаря которой однѣ и тѣ же идеи и образы возникаютъ въ различныхъ уголкахъ земного шара, часто раздѣленныхъ громадными пространствами, совершенно самостоятельно и независимо.

Эти общія замѣчанія одинаково относятся и къ народной ботаникѣ. Такъ, Н. Калачевъ, печатая сборникъ подъ названіемъ „Книга, глаголемая травникъ“ (Архивъ истор. и практ. свѣд., относящ. до Россіи, 1858, кн. I), полагалъ, что этотъ сборникъ не заимствованъ отъ иностранцевъ; позднѣе И. Е. Забѣлинъ, трактуя о языческихъ вѣрованіяхъ въ древней Руси, смотрѣлъ на „травникъ“ какъ на „принесенное славянами на европейскую почву арійское наслѣдство“ (Ист. рус. жизни, II, 265). Но ни Калачевъ, ни Забѣлинъ не останавливались надъ этимологіей такихъ названій растеній, какъ „архилимъ“, „поромонъ“, „кукоосъ“, „сириндархъ-херусъ“, „варахиль“, въ которыхъ нѣтъ ничего русскаго; даже такое названіе „травника“, какъ „безмѣрное доброе“, свидѣтельствуетъ о томъ, что мы имѣемъ дѣло не съ произведеніемъ самобытнаго русскаго творчества, а съ неуклюжимъ переводомъ.

При такихъ условіяхъ изслѣдователю народной ботаники необходимо опредѣлить, въ пользу какой теоріи служитъ пріуроченіе извѣстныхъ названій, обрядовъ, повѣрій, примѣтъ и символовъ къ тѣмъ или другимъ растеніямъ. Для разрѣшенія этого вопроса надежнѣйшимъ методомъ, по моему мнѣнію, слѣдуетъ признать тотъ, который разсматриваетъ обряды примѣты, повѣрья, символы, пріуроченные къ растеніямъ въ связи съ ихъ этимологіей.

Съ этой именно точки зрѣнія я намѣренъ дать здѣсь объясненія, касающіяся нѣскольких растеній.

1. Макъ. Papaver Roeas L. Ῥοίας μήκων, παπάβαρις, παπαροῦνα, βασιλικὸν περσεφόνιον, κουτζουνάδα, παπαδούλα, κουδία, κώδειον. (*Rolland, Eug.*, Flore populaire, I, 162—3).

Сопоставленіе всѣхъ этихъ названій обнаруживаетъ устойчивость въ нихъ двухъ корней: во-первыхъ μα или μη и во-вторыхъ πα или παπα. Съ семазіологической точки зрѣнія оба эти корня тожественны, потому что выражаютъ одно и то же понятіе о материнствѣ: μήτηρ, дорич. μάτηρ=„мать", πάππα=„великая (или старая) мать". Семазіологическое тожество именъ Πάππα и Μαῖα [1]) отразилось въ великорусскихъ былинахъ и въ малорусскихъ думахъ въ имени сына послѣдней, Алексѣя Поповича (Ἀλεξίκακος Παπύλος, или Παππούλος, который въ м.-рус. колядкахъ называется то *Поповичемъ* (*Головацк.* IV, 71), то *Маемъ* или *Майномъ* (Μαιαδεύς) (*Купчанко*, Пѣсни буковин. нар. № 331).

Названіе мака βασιλικὸν περσεφόνιον обусловлено тѣмъ, что имена Πάππα и Μαῖα пріурочивались одной и той же богинѣ, которая, въ качествѣ богини природы, отожествлялась съ царицей ночного неба Ферсефоной (βασίλεια Φερσεφόνη v. Περσεφόνη) [2]).

И прочія греческія названія мака стоятъ въ связи съ именемъ той же богини, что̀ видно изъ слѣдующаго. По мнѣнію А. Н. Веселовскаго, кахетинское *лазарэ* и абхазская *кукла*, какъ обряды умоленія дождя, должны стоять въ одинъ рядъ съ сербской *додолой* или *прперушец*, болгарскими *пеперугой* или *дюдюломъ*, румынской păpălúgă, păpălúdă, новогреческой πυρπηροῦνα (*Весел.*, Разыск. VIII, 313); но А. Н. Веселовскій не касается этимологіи этихъ названій, вслѣдствіе этого остается неразъясненнымъ вопросъ, почему именно эти различныя названія пріурочены къ одному и тому же обряду.

Слово *Кукла* выражается греческимъ Κόρη [3]), подъ каковымъ именемъ была извѣстна Персефона, богиня ночного неба. Такимъ образомъ, румынскія названія păpălúgă и păpălúdă, восходящія къ

---

[1]) По в.-рус. былинамъ *Бабище Мамаишна* или *Попъ Ростовскій* Левонтій, Πάππα ἡ τοῦ σταυροῦ Λέων=„Папа, небесная Львица".

[2]) Собственно Персеѳона носила прозвище Λέων.

[3]) Κόρη=1, кукла; 2, дѣвица; 3, зрачокъ въ глазѣ, и 4, Кора, какъ собственное имя Персеѳоны.

греческому Πάππα λύγη = „Темная Мать“, по своему значенію тожественны съ именемъ Коры-Персефоны. Если же предположить, что păpălúgă есть искаженіе латинскаго Puppa luga, Κόρη λύγη = „Темная Кукла“, то существо дѣла отъ этого нисколько не измѣнится. Греческому Κόρη соотвѣтствуетъ сербско-кроатское названіе мака *lala* [1]).

Названіе πυρπηροῦνα состоитъ изъ двухъ словъ: πῦρ = „огонь“ и πηρός = „слѣпой“. Такое сочетаніе указываетъ на два прозвища Персефоны: Ἄβυσσος-Πύῤῥος (въ заклинаніяхъ: Βυζοῦ, Ὀβιζοῦϑ, Avezuha, Avezіha, Авизоя, Авѣщица и т. д.). = Огненная Бездна“ и Ἀϊδωνεύς = 1, „Слѣпая“, „Темная“ и 2, „Адская“. Какъ „Слѣпая Богиня“, она упоминается въ дѣтской игрѣ, извѣстной подъ названіями: „Цици-Баба“, „Куци-Баба“ = Καϊκή Πάππα, Caeca Pappa, въ имени великорусской Кики-Моры (Καϊκή Μῶρα v. Μαῦρα = „Слѣпой Чернавы“) и въ малорусской поговоркѣ: „Слипá Макýра“ (Ἀϊδωνεὺς Μᾶ Κόρη v. Κούρα = „Слѣпая мать Кора“,— „Дзѣва-Мáци“—змѣя бѣлорусскаго заговора: *Романовъ*, Брус. сборн. V, 184). Очевидно, къ слову καϊκός = caecus восходитъ и выраженіе былинное: „степи Цѣцарскія“ (Кир. I, № 4). Въ смыслѣ слѣпого понимается слово Ἀιδής (дорич. Ἀιδήρ), и какъ имя скандинавскаго Гедера (= Гадеса). Такимъ образомъ, выраженіе πυρπηροῦνα буквально означаетъ: „Адскій огонь“, а παπαροῦνα (вм. παπα-πηροῦνα) — то же, что Καϊκή Πάππα, т. е. „слѣпая (или: „Адская“) мать“.

У румынъ макъ также называется *paparóne* или *paparuna*, а у сербовъ и кроатовъ—prpluce, prpulice, purpala, purpava, purpelica (*Roll.* I, 174), и эти названія, очевидно, восходятъ къ греческому Πῦρ-Πάππα-Λύγη v. Πῦρ Πάππης Λύγης).

Въ связи съ названіемъ πυρπηροῦνα стоятъ названія мака: въ Вогезскихъ горахъ—fiame de feu (= „огненное пламя“), въ Верхней Марнѣ—feu d'enfer, feuy d'enfer (= „адскій огонь“), chaudière d'enfer (= адскій котелъ“), bouquet du diable (= „чортовъ букетъ“), въ Юрѣ—feu d'infa (= адскій огонь“) (*Rolland* I, 166), въ Швабіи—fakel (172).

Названія *додоли*, *дюдюла* въ этимологическомъ отношеніи соотвѣтствуютъ греческому παπαδούλα = „Мать Обманщица“, т. е., „Обманщица Афродита-Киприда“, Κύπρις δόλιος (v. δολιόφρων), δολοπλόκος Ἀφροδίτη, культъ которой сохранился до настоящаго

[1]) Къ этому слѣдуетъ добавить, что обрядовому лазаревскому хлѣбу, извѣстному у болгаръ подъ именемъ *кукла*, соотвѣтствуетъ галицкій *керечунъ* и латышская *караша* (*Вольтеръ*, Матер. для этн. латыш. плем. I, 45), названія которыхъ восходятъ къ имени Персефоны *Κερόϑεα, *Κέρϑα, Κερόεσσα Περσεφόνη (=„Рогатая богиня“, „Рогатая Персефона“), откуда она же Κερδῶ περιγαία (=„Лиса Перикѣевна“; *Потебня*, О миѳич. знач. нѣкот. обр. и повѣр. 136)=собственно „рогатая богиня. вѣчно блуждающая около земли“ (ср. Ἄρτεμις Περγαία [περιγαία]=„Вѣчный Жидъ“).

времени въ обычаѣ обманывать знакомыхъ 1-го апрѣля, какъ мѣсяца, постященнаго этой богинѣ. Замѣна же имени Персефоны именемъ Афродиты объясняется тѣмъ, что обѣ эти богини во многихъ случаяхъ взаимно мѣняли свои имена и отличительныя черты своихъ личностей [1]).

Наконецъ, названіе χουτζουνάδα можетъ быть возведено или къ одному χουτζούνα = „кукла", или же, какъ сложное, къ двумъ: χοῦτζα = „кукла" и ἀδής = „слѣпой". Но, какъ бы то ни было, χουτζουνάδα есть замѣна имени Персефоны: Κόρη, понимаемаго въ смыслѣ Куклы.

Чтобы покончить съ греческой этимологіей, скажу нѣсколько словъ по поводу удвоенія слоговъ въ названіяхъ: *папа*—, *додола*, *дюдюлъ*. Въ первобытныхъ языкахъ степень качества и продолжительность дѣйствія выражаются: 1, при помощи прибавленія къ словамъ, выражающимъ качество или дѣйствіе, частицъ, по своему значенію соотвѣтствующихъ нашимъ: „вотъ", „вонъ", „вонъ сколько", „вотъ столько", „вонъ какой", „вотъ такой"; 2, удлинненіемъ извѣстныхъ гласныхъ слова или цѣлаго слова, и 3, повтореніемъ отдѣльныхъ слоговъ или цѣлыхъ словъ [2]), съ присовокупленіемъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ извѣстнаго жеста, выражающаго максимумъ, минимумъ или среднюю степень качества. Такимъ агглютинаціоннымъ путемъ произошли греческія приращенія, удвоенія, суффиксы, префиксы и флексіи.

Приведу нѣсколько примѣровъ. Латинское vervex = „баранъ" (откуда франц. berbis, м.-рус. „бырька") прошло слѣдующія ступени: ver-vex=*ves-ves=*vis-vis=ovis-ovis=„большая овца". Малорусское бранное названіе великороса *кацапъ* (вм. **какапъ*) буквально означаетъ: „велыкый цапъ", и восходитъ къ лат. *caper*=„козелъ" [3]). Въ Воронежѣ въ 80-хъ годахъ длиннаго и въ то же время тонкаго актера по имени Тихона шутя называли: *Титиша*.

Такимъ образомъ, и названія *додола* и *дюдюлъ*, восходящія къ греч. δο-δόλιος или δου-δούλιος, означаютъ: „великая обманщица". По той же причинѣ Πάππα=„Великая" или „Старая Мать", а „Баба-Яга"=„Великая Мать Геката" (ср. мою статью: „О царск. загадкахъ", Этн. Обозр. XXXI, 62, прим. 2).

---

[1]) Ср. *Homolle, Th.*, De antiquissimis Dianae simulacris Deliacis (Paris, 1885), p. 58.

[2]) Ср. *Passy, P.*, Étude sur les changements phonétiques etc. p. 47, § 107; *Henry, V.*, L'analogie dans la langue grecque [Paris, 1883], p. 317, margin. 321, со ссылкой на *Schleicher*, Cpd[4]., p. 716 sq.; *Тейлоръ*, Первобытн. Культ. [1896], I, 192 sq.

[3]) Проф. Ом. Огоновскій въ словѣ *кацапъ* точно такъ же, какъ и въ словахъ *кацаръ*, *кацарыха*, *кадубъ*, видѣлъ мѣстоименный корень *къ* (*Ogon.*, Studien auf dem Gebiete der ruthenischen Sprache, s. 166). я же нахожу болѣе правильнымъ сопоставлять послѣднія слова съ нѣм.: Keiser, Kaiserin, лат. cadus, греч. κάδος; а пол. kadłub объясняю осмысленіемъ слова при помощи корня *длъб*.

Перейдемъ теперь къ малорусскимъ вазваніямъ

Малоросы различаютъ два вида мака: 1, „макъ зиркатый“, „зиркачъ“, „выдюкъ“, „скакунъ“ (въ Валуйск. у.), т. е. макъ, имѣющій сѣменную коробочку съ дырами, въ которыя сѣмена выскакиваютъ (Papaver Roeas L. = в.-рус. „макъ текунъ“), и 2, „макъ слипый“, „слипакъ“ (Papaver orientale L.), т. е. макъ съ совершенно закрытой сѣменной коробочкой. Эти названія заставляютъ предполагать, что греч. παπαροῦνα и βασιλικὸν περσεφόνιον первоначально относились не къ Papaver Roeas L., а къ Papaver orientale L.

Изъ сопоставленія греческихъ названій мака съ малорусскими можно видѣть, что понятіе о материнствѣ болѣе отразилось въ греческихъ названіяхъ, чѣмъ въ малорусскихъ, исключительно мужскихъ, тѣмъ не менѣе названіе мака, какъ символъ материнства, встрѣчается и въ малорусскомъ, напр., въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

Нема цвиту цвитнійшого (v. свитлійшого) надъ макивочкы,
Нема роду рвднійшого надъ матвночкы.
(*Чубинскій* V, 437; *Номисъ*, № 9361).
А въ городи зацвила макивка—До то мени матинка.
(*Чубинскій* V, 455).

Въ великорусскихъ, бѣлорусскихъ и малорусскихъ загадкахъ, обозначающихъ макъ, не трудно открыть символику звѣздной семьи, съ матерью во главѣ: „Стойить стрила середъ двора, а въ ти стрили симсотъ и дви.“—„Пидъ одвымъ ковпакомъ 700 казаковъ.“— „Симсотъ войеводъ на стрильци городъ“. (*Номисъ*, 296 №№ 195, 197, 198; ср. *Даль*, Послов. II, 609).—„Стойць полка, а у тэй полки семьсотъ воеводъ“. (*Никифоровск.*, Простонародн. загадки, 26 № 443).

Число 700 нерѣдко встрѣчается въ пѣсняхъ, гдѣ этой цифрой опредѣляется: 1, число „Блудцивъ-Молодцивъ“ [1]), обѣщающихъ

[1]) „Блудци-Молодци“, Πλανῆται Ναΐδες (собственно: „Планеты—Наяды) малорусскихъ пѣсенъ соотвѣтствуютъ „Каликамъ—Перехожимъ“, Καλλίκομοι Πλανῆται (=„Превраеноволосымъ Планетамъ“) великорусскихъ былинъ. Для объясненія этихъ названій необходимо привлечь сюда другія данныя. По Пиѳагору (Porph. v. Pyth. 41) планеты назывались „Собаками Персеѳоны“; подъ этимъ же названіемъ были извѣстны и адскія Эриніи, спутницы Персеѳоны; а это даетъ намъ основаніе считать Эриній за олицетвореніе планетъ.

Такое заключеніе подтверждается еще и другими данными. Такъ, Эриніи носили прозвище Ἀραὶ Θεαί=„Богини проклятія“, созвучное съ выраженіемъ Χάριτες=„Хариты“. Послѣднія въ свою очередь носили прозвище, пріуроченное въ в.-рус. былинахъ „Каликамъ Перехожимъ“, именно καλλίκομοι или ἠΰκομοι=„прекрасноволосыя“. Очевидно, эти прозвища возникли вслѣдствіе смѣшенія двухъ созвучныхъ словъ: κόμα (дорич. отъ κόμη)=„волосá“ и κῶμα (=καῦμα)=„горѣніе“. Такимъ образомъ, указанныя прозвища Харитъ и Каликъ Перехожихъ буквально означаютъ: „прекрасно горящія“ или „прекрасно свѣтящія“.

О горѣніи планетъ свидѣтельствуетъ и выраженіе в.-рус. былинъ о кали-

доброму пану помочь въ похищеніи невѣсты (*Потебня*, Объяон. м.-рус. и сродн. нар. пѣс., II, 382—4); 2, число „хлопцивъ-молодцивъ“, которые „ворота повидчыняды, садъ-выноградъ повытопталы, райськійи пташкы повыпускалы“ (*Чуб.* III, 357); 3, число молодцивъ-билоцерковцивъ“, замышляющихъ захватить съ собой прекрасную „пани“, жнущую въ полѣ пшеницу (*Пот.* о. с. 498); 4, число бояръ или сватовъ въ свадебныхъ пѣсняхъ (*Чуб.* IV, 118, 173, 199, 268); 5, число „женцивъ-молодцивъ, собираемыхъ домохозяиномъ на работу (*Чуб.* III, 389), и 6, число „варобьевъ“ похищающихъ на вербѣ „расу залацистую“ (*Пот.* о. с. 458).

Что число семьсотъ выражаетъ здѣсь первобытную семью, видно изъ слѣдующей свадебной пѣсни:

кахъ перехожихъ: „лапотки семи шелковъ“ (*Гильферд.* I, стр. 327; II, 217; ср. II, 145, 347, 428). Хариты имѣли соотвѣтствующее прозвище ὠκυπέδιλος= „въ сандаліяхъ—скороходахъ“. У грековъ празднества въ честь Харитъ, какъ сопутницъ богини Аѳродиты, происходили 5-го числа каждаго мѣсяца; греческое же духовенство, устанавливая христіанскіе праздники, старалось пріурочивать имена святыхъ къ созвучнымъ именамъ или прозвищамъ языческихъ божествъ: по этому именно подъ 5-мъ апрѣля мы встрѣчаемъ имя *Агаѳоподъ* (Ἀγαθόποδος=„въ хорошихъ сандаліяхъ“), соотвѣтствующее прозвищу Харитъ ὠκυπέδιλος. Сопоставляя эти послѣднія прозвища съ былинными „лапотками семи шелковъ“, πόδια ἑπτα-βύσσινα, мы имѣемъ основаніе думать, что всѣ эти выраженія восходятъ къ первоначальнымъ: φῶτα ὀπτ-αβύσσινα=„огни пылающей бездны“ (адскіе, respect: „огни ночного неба“) ἀγαθὰ φῶτα=„прекрасные огни“. Повидимому и выраженіе πᾶσα, отнесенное къ Харитѣ (*Nicet.* Eug. 2, 307), также есть искаженіе первоначальнаго φῶς (сокращен. изъ φάος)= „свѣтъ“.

На замѣну „огней пылающей бездны“ „лапотками семи шелковъ“ указываетъ и названіе *тиронами* былинныхъ камней-самоцвѣтовъ, вплетенныхъ въ лапотцы, произведенное не отъ новогреч. τηρῶ=„смотрѣть“, „глядѣть“, какъ полагаетъ А. Н. Веселовскій (Южн.-рус. был., VI, 195), а отъ τεῖρος (plur. tantum)=„звѣзды“. Слѣдовательно, выраженіе, „камни-тироны“ буквально означаетъ: „звѣздные камни“.

Повидимому сюда же восходитъ и прозвище Персеѳоны Θηρόσια (вм. Θειρόσια) или Θηρώ=„Богиня - Поляница“ (собств. „Звѣздная Богиня“), превратившаяся въ сказкахъ и былинахъ въ „звѣря“, Θῆρ.

Число Харитъ (μυρίαι Χ., χόρος Χ., τριακόσιαι στίχες Χ., στῖφος) указываетъ на то, что подъ Харитами у грековъ разумѣлись не только пять извѣстныхъ древнему образованному міру планетъ, но вообще всѣ звѣзды. Число Каликъ Перехожихъ, „*сорокъ* Каликъ со Каликою“, вѣроятно, есть простое искаженіе созвучнаго слова ψόρος, а число „Блудцивъ Молодцивъ“ или „козакивъ“ семьсотъ, ἑπτακόσιοι,—искаженіе первоначальнаго ὀπτό-κοραι=„горящія дѣвы“. (Ср. подобныя же альтернаціи: σοῦρα || σοῦζα; Суражь || Суздаль).

Кстати скажу здѣсь, что одноэначащія выраженія: κῶμα, κώστρωμα (=καῦμα, καῦστρωμα) отразились въ названіяхъ: в.-рус.—*Кострома*, м.-рус.—*Кострубъ*, латышскомъ *Kohta* или *Kuhta* (*Вольтеръ*, Мат. для этн. лат. плем. I, 96) былинной рѣки *Камы*, „не тоя Камы, коя въ Волгу впала, а тоя-то Камы за синимъ моремъ“ (*Весел.* Ю.-рус. был. VI, 126), болгарскаго „каурска царства“ (о. с. VII, 209) и въ выраженіи греч. былинъ ἡλὶ τὸ κάστρον (о. с. 263; *Дестунисъ*, О Ксанеинѣ, 5) (=ἡλίου τὸ καύστρον). Оба ученые ошибочно отожествляютъ послѣднее слово съ лат. castrum=„замокъ“.

— Порадь мене, та мій батеньку,
Скильки мени та бояръ браты?
— Беры, сынку, *всю родыночку*,
И блызькую, и далекую,
И вбогую, и богатую.
(*Чуб.* IV, 317; ср. 133).

Т.-е. семьсотъ бояръ или сватовъ въ періодѣ возникновенія пѣсни представляли собою „всю родиночку".

Въ параллель къ семистамъ боярамъ малорусскія свадебныя пѣсни, очевидно, возникшія въ періодъ экзогаміи, указываютъ и на семьсотъ дѣвицъ, принадлежащихъ къ другой семьѣ:

Не стій, вербо, розвывайся,
Свій, свій собі, вербо,
Симсотъ квитокъ,
[Щобъ вамъ] боярамъ [було] по квиточци.
Одну невисти й молодому;
Ото тоби квитка—
Хорошая дивва.
(*Чуб.* IV, 179, № 325; ср. 118, 199).

Такъ какъ по малорусскимъ пѣснямъ невѣста представляется „зирныцею" (вечернею звѣздой) рядомъ съ „мисяцемъ" [1]), то и остальныя участницы свадьбы должны представляться въ видѣ звѣздъ, на что указываетъ самый запѣвъ пѣсни

Выраженіе: Не стій, вербо", Μὴ ἀνάστα, ἰτέα, есть искаженіе первоначальнаго: Νῆϊς Ἄνασσα ἡ Θεά = „Молодая Царица-Богиня", подъ которой разумѣется „Заря-Амазонка", ἡ Θεά Ἱππεύς, превратившаяся въ галицкой колядкѣ въ „червыву иву", ἰτέα ἱπεύς (*Голов.* IV, 27). Такимъ образомъ, семьсотъ „квитокъ" на вербѣ представляютъ семьсотъ звѣздъ на небѣ, охваченномъ багровымъ заревомъ, какъ символовъ дѣвицъ, принадлежащихъ къ одной семьѣ.

Такая символика могла возникнуть вслѣдствіе смѣшенія словъ ἀστήρ или ἄστρον—звѣзда съ дорическимъ ἄνθορ (ἄνθος) = „квитка"; слово же ἀστήρ въ свою очередь смѣшано съ ἀστή = „горожанка", „мѣщанка".

Въ томъ же смыслѣ „квитка" понимается и въ малорусской щедривкѣ:

Да въ своему дому, якъ у раю:
Тутъ господаръ, якъ выноградъ,
Господывя якъ калына,
А диточкы, якъ *квиточкы*.
(*Чуб.* III, 445).

И въ свадебной пѣснѣ:

Ой, у поли да овесъ рясенъ,
Хвалыть Бога, що нашъ ридъ красенъ:
А диточкы, якъ *квиточкы*,
Господыня, якъ калына.
(*Чуб.* IV, 445).

Вообще же „диточкы" сравниваются въ колядкахъ съ „зирочками":

Шо на неби молодыкъ, да то божый чоловикъ,
Шо на неби зора, да то божая жона,
Шо на неби *зирочкы*, да то божи диточкы.
(*Пот.* II, 611; ср. 414 sq.).

---

[1]) Ср. *Потебня*, о. с. 84 sq.

По былинѣ о Чурилѣ (Κυρίλος):

Дворъ у него на семи верстахъ,
Около двора желѣзный тынъ,
На всякой тычинкѣ *по маковкѣ*,
А и есть по жемчужинкѣ.
(*Пот.* о. с. 613=*Кир.* IV, 81—2).

„Желѣзный тынъ", σταυρός, представляетъ осмысленіе слова σαῦρα, σοῦρα, санскр. svarga, sura=„небо" [1]). Въ томъ же смыслѣ понимается и „тынъ серебряный" в.-рус. пѣсни:

Господиновъ (κυρίου) дворъ на семи верстахъ,
На семи верстахъ, на восьми столбахъ,
(Что) вокругъ двора тынъ серебряный...
На всякой тычинкѣ по жемчужинкѣ,
Во этомъ тыну (да) три терема (θεώρημα),
Во этомъ тыну златоверхіе;
Въ первомъ терему свѣтелъ мѣсяцъ,
Во второмъ терему красно солнышко,
Въ третьемъ терему *часты звѣздочки.*
Свѣтелъ мѣсяцъ, то хозяинъ въ дому,
Красно солнышко, то хозяюшка,
Часты звѣздочки — малы дѣточки.
(*Пот.*, о. с. 609=*Тер.* VII, 59; *Шейнъ*, Рус. н. п. 365—6).

По другой великорусской пѣснѣ:

Господиновъ дворъ на семидесяти столбахъ,
Что на каждомъ столбушкѣ по свѣчкѣ горитъ,
Что на каждой свѣчкѣ по жемчужинкѣ...
(*Пот.* II, 612=*Ефим.*, Мат. по этн. Арханг. губ. II, 93).

Такимъ образомъ, дѣти представляются звѣздами, а послѣднія „квитками", желѣзнымъ или серебрянымъ тыномъ, въ которомъ каждая тычина имѣетъ по жемчужинѣ, или по горящей свѣчѣ, или же по *маковкѣ.*

Въ самомъ выраженіи „на семи верстахъ" не трудно открыть искаженіе первоначальнаго ὀπτό-αστρα = „горящія звѣзды", превратившагося сперва въ ἑπτά-αστρα = „семь звѣздъ", а потомъ въ „семь верстъ" [2]).

Маковка, какъ символъ матери, является и въ слѣдующей пѣснѣ:

Отерлася *макивочка*,
Уприла *матиночка*,
Перци, шафраны тручы,
Вечеру готуючы.
(*Чуб.* IV, 206 № 456).

На основаніи символики маковки, какъ связанной съ именемъ Персефоны, матери многочисленной звѣздной семьи, построена слѣдующая пѣсня:

---

[1]) Ср. Ἀπόλλων Σούριος.

[2]) Ср. в.-рус. *Сильвёрстъ* вм. *Сильвестръ*.

. . . .

— На що жъ мене сватаешъ,
Колы хаты не маешъ?
— Заведу тебе въ чужую,
Закы'мъ свою збудую.
Збудуй мени зъ лободы—
До чужойи не веды,

Бо чужая такая,
Якъ свекруха лыхая.
Збудуй мени свитлоньку
Зъ маковою цвитоньку,—
Буде тебе, буде мене
Да по всьому свитоньку.

(*Чуб.* V, 121).

„Лобода", χηνοπόδιον, есть искаженіе слова χηνίπους (pl. χηνίποδες) = „гусеногій", восходящаго къ ἐνίππος = „всадница", „амазонка". Въ томъ же смыслѣ „лебеда" упоминается въ великорусскихъ былинахъ, гдѣ Иванушка Гостинный сынъ (Ζὰν Ἔμπολος= „Небесный Богъ", т. е. Діонисъ) [1]) берется—

Скакать отъ города отъ Кіева до Чернигова
Между тыма между частыма между лебедами.
(*Гильферд.* I, № 133).

Въ сказкахъ Шехеразады этимъ „лебедамъ" соотвѣтствуютъ *кони*, собравшіеся около Гасана [2]) и мѣшавшіе ему ѣхать къ пещерѣ Абуръ-Рувейша [3]), имѣвшаго черный цвѣтъ и одѣтаго во все черное.

Такъ какъ Діонисъ считался богомъ заходящаго солнца и подземнымъ богомъ (Διόνυσος χθόνιος), то подъ „частыми всадницами", между которыми онъ скачетъ, слѣдуетъ разумѣть „частыя звѣзды" [4]) на ночномъ небѣ, въ смыслѣ котораго понимается и „свитлонька зъ маковаго цвитоньку". Такимъ образомъ, выраженіе: „Буде тебе, буде мене Да но всьому свитоньку" означаетъ распространенность звѣзднаго неба по всему свѣту.

То же въ великорусской пѣснѣ:

Сруби, милый, теремъ изъ маковыхъ зеренъ,
Чтобы были двери, двери двѣ кровати.
(*Пот.* о. с. 599).

Въ малорусской свадебной пѣснѣ сама невѣста, какъ будущая

---

[1]) Здѣсь ἔμπολος (отъ ἐν=„на" и πόλος=„небо")=„небесный" понято въ смыслѣ: „купецъ", „гость".

[2]) Ср. ὁ Ζάν.

[3]) Ср. Αὔωρ υ. Ἀώς Ερυθραια=„Красная Зоря", при Ρεπαῖα τὰ ὄρη. „Абуръ" или „Буръ", какъ искаженное дорическое названіе зори: αὔωρ=αὔως встрѣчается и въ греч. былинахъ, напр.: Αὐράτης βουρκωμένος (=αὐωρκαυμένος)=„р. Авратъ, загорѣвшаяся отъ зори". (*Дестунисъ*, Разысканія о греч. богатырскихъ былинахъ, 102); μπροστοβούρκιν (=μπροστοαυώρχυνα=μ—καίονα?)=„находящуюся впереди погорѣвшую зорю". (*Весел.* о. с. III, 5).
Разумѣется, названіе рѣки Аврата восходитъ все къ тому же αὔωρ=„зоря".

[4]) Въ другой былинѣ (l. с. № 135) новое искаженіе, возникшее уже на великорусской почвѣ: выраженіе „между частыма лебедама" превратилось въ созвучное: „между частыма молебнама".

глава семьи, первоначально матріархальной, называется „макивочкою“:

Ой, нашъ Ягорка вы промахъ,
Та держыть (bis?)
Макивочку въ хомахъ...
(Та) вильножъ йому
У своёму дому
И тыны городыты,
И перелазы робыты,
Ще й *макивочку* садыты.
(См. мою статью „О царск. загадкахъ“, Этн. Обозр. XXXI, 31).

Въ томъ же смыслѣ упоминается „макивочка“ и въ другой пѣснѣ:

Якъ сивъ комаръ *на макивци*,
Весь *макъ* обламавъ,
Тилько одну да *макивочку*
Да й обминувавъ.
Да козаченько за дивчыну
Да тры кони давъ,
Шобъ мойейи дивчыны
Нихто не займавъ,
Ой, хоть займавъ, хоть не займавъ,
Абы не цилувавъ.
(*Чуб.*, III, 173).

Для опредѣленія символики мака имѣетъ большое значеніе слѣдующій погребальный обычай: „Якъ умре стара баба, така, шо майе богато онукивъ, то завъязують у узлыкъ трошкы *маку* и кладуть йій коло бока.—Ná тоби, кажуть, щобъ було, чымъ на тимъ свити онукивъ обсыпáть, якъ прыйдуть йисты просыть“. (*Чуб.* IV, 708).

Обычай этотъ имѣетъ двоякое значеніе. Во-первыхъ, здѣсь видна символика материнства, параллельная символикѣ молодости, выражаемой при помощи вѣнковъ, полагаемыхъ въ могилы умершихъ „дивчатъ“ и паробковъ (l. c. 703).

У римлянъ маковыя головки, какъ предметъ жортвоприношенія въ честь Маніи, матери Ларовъ, замѣнили собой изображенія человѣческихъ головъ и самыя головы. (*Varro*, De lingua Lat. VIII, 38; *Macrob*, Sat. I, 7). Греческая *Мать-Земля* (Δη·μήτηρ) подобно Герѣ изображалась съ материнскимъ выраженіемъ лица, съ корзинкою плодовъ, колосьями и *макомъ* въ рукахъ.

Во-вторыхъ, макъ имѣетъ еще и другое миѳологическое значеніе. Извѣстно, что макомъ обсыпаются такія мѣста, гдѣ желаютъ парализовать дѣйствія вѣдьмъ [1]).

Макъ, употребляемый противъ вѣдьмъ, „выдюху“ (дикій), освящаютъ на „Маковія“, т. е. въ день мучениковъ Маккавеевъ, 1-го августа. „По народному вѣрованію, стóитъ только макомъ этимъ обсыпать домъ—и всѣ дѣйствія и хитрости вѣдьмъ останутся недѣйствительными“. Въ этотъ же день пекутъ „шуляки“, пшеничные коржи, обливаемые при ѣдѣ медовой „сытою“, съ примѣсью растертаго мака. (*Чуб.* III, 225).

---

[1]) Въ одной изъ станицъ Кубанской области казакъ рано по утру замѣтилъ на своемъ дворѣ по снѣгу разсыпанный макъ и слѣды женскихъ галошъ. По примѣркѣ слѣды пришлись къ галошамъ сосѣдки, которая была привлечена въ станичномъ судѣ къ отвѣтственности и строго наказана „за клевету“.

Дѣйствіе мака, какъ предохранительнаго средства отъ вѣдьмъ, объясняется тѣмъ, что его названіе связано съ именемъ богини ночи и подземнаго царства, которой подвластны вѣдьмы. Какъ по малорусской народной этимологіи имя *Маккавеи* произведено отъ слова *макъ* и *вѣять*, такъ, очевидно, и греки понимали Μακκαβαῖοι въ смыслѣ Μακόθεα (эол. Μακόφεα) = „Богиня мака" или Μεγάθεα (эол. Μεγάφεα) = „Великая Богиня", подъ именемъ которой у грековъ была извѣстна Μεγάλη Ῥέα = „Великая Рея" (*Strab.* 10, 469), отожествлявшаяся съ богинями луны. Послѣдняя этимологія тѣмъ болѣе допустима, что мать Маккавеевъ Σολομονή греку напоминала имя той же богини Σωλόμα v. Σαυλόμα, шепелеватую форму отъ Σαυρόμα = „Небесная Мать" [1]).

Подобно маку, въ сказкахъ Шехеразады волшебный перстень отдаетъ во власть его владѣльца шайтановъ потому, что на этомъ перстнѣ вырѣзаны имена и талисманы. Ту же силу имѣетъ и Господень перстень, данный Соломону, по апокрифу о крестномъ древѣ (*Весел.*, Разысканія X, 410).

По польскому повѣрью, отъ дикихъ женъ (dziwożony) можно избавиться при помощи растеній, извѣстныхъ подъ названіями trojan и dzwonki (*Machal*, Nákres slovanského bájesloví, 128—9), и, конечно, потому, что оба эти растенія имѣютъ созвучіе съ прозвищами Персефоны. Θρῶ Ἄνα (= Θηροσία Ἄνασσα) Ἀρά = „Царица-Поляница, Богиня проклятія" [2]), и Βριμώ = „Сильная" по смѣшенію съ βρέμω = „звонить" [3]).

По греческому заговору, отъ трясавицы можетъ избавиться всякій, имѣющій молитву, упоминающую „двѣнадцать съ половиною" именъ Гилу, виновницы болѣзни. (*Весел.*, Разыск. VI, 94). Гилу— искаженное названіе богини луны Σελήνη, прошедшее черезъ посредствующее χελύνη или χελώνη = „Черепаха" [4]). Поэтому именно въ заговорѣ сл Ѳедоровки Темрюкскаго отдѣла она называется: „Черепаха, всимъ гадынамъ старшаха". (Сообщеніе козака *А. Пивня*).

Принесеніе въ жертву Маніи маковыхъ головокъ, вмѣсто человѣческихъ головъ, основано на сходствѣ маковой головки съ человѣческой головой.

У грековъ сѣменная маковая коробочка называлась κώδεια— „голова", откуда средневѣковое латинское codion, cadion; лат.

---

1) Ср. Ῥέα Μάσταυρα.

2) Въ славянскихъ апокрифахъ Θρῶ Ἄνα Ἀρά=„Троянъ Проклятый"; въ в.-рус. былинахъ „Андронище", Ἄνα Τρῶ, вс. Πάππα; ср. *Дестун.*, Разыск., стр. 72—73. Въ скандинавской миѳологіи ея именемъ называется міровой ясень Игдразилъ, т. е. ясень „Свѣтлой Богини-Поляницы" (*Αἰγθρωσία).

3) Къ имени Βριμώ восходитъ и выраженіе: „Ой дзвинъ дзвонитъ, мисяць сходытъ": объясненіе же А. А· Потебня (о. с. 718): „звонъ=рѣчь, слава" въ этомъ случаѣ ошибочно.

4) Ср. прозвище Артемиды Χελύτις (*Clem. Alex.*).

V-го в.—papaveris capitellus (маковая головка), франц. tête de pavot (тоже), др.-верх.-нѣм. magenkopf (тоже), фламандское meekop (тоже) (*Roll.* o. c. 183—4), малорусское „мáкова головка", или „макивка".

Вытекающая изъ этого сходства символика наблюдается и въ малорусскихъ пѣсняхъ и поговоркахъ:

Убывъ брата ридного,
А шурына вирного:
Покотылась *голова*,
Такъ якъ *макивочка*.
(*Чуб.* V, 739).

А въ городи *макивка* брывила,
[А] вже Маруси *головка* злетила.
(*Чуб.* V, 387).

Голова, якъ *макивка*, а въ нейи розуму якъ наклано. (*Номисъ*, № 5707; ср. *Шеинъ*, Брус. п., № 319).

Въ великорусскомъ языкѣ *маковкой* называется украшеніе въ видѣ головы; такъ, церковныя главы слывутъ „золотыми маковками"; „маковкой" называется и верхняя часть головы, извѣстная у малороссовъ подъ именемъ „макушки".

Греческія названія мака: κουδία и κώδειον также произведены отъ κώδεια = „голова".

Отъ понятія о головѣ названіе мака переходитъ къ значенію верхней или главной части чего либо, напр.:

„Поставылы, попускалы стрилочкы. Заразъ царевыча застряла въ дубови, въ россохахъ; куховароча дальши застряла, у *маковыни*". (*Чуб.* II, стр. 258).

Сыдыть пивень на *маковци*
Та маковку пъйе.
Сыдыть вашъ панъ на *покути*,
Горилочку пъйе.
(*Чуб.* III, 229).

Что касается греческой миѳологіи, то и здѣсь маковка, какъ символъ головы, также имѣла связь съ богиней луны Персефоной, вслѣдствіе представленія луны головой, что̀ видно предже всего изъ сопоставленія малорусской сказки о Сучченкѣ-богатырѣ (*Чуб.* II, №№ 68, 69) съ великорусской былиной о Сокольникѣ.

Въ этой сказкѣ Персефона изображена подъ видомъ Змѣя на конѣ (ἡ Δράχων ἐνίππος) съ соколомъ (ἅρπη) и сукой или хортомъ (κύων). Соколъ появился здѣсь вслѣдствіе неправильнаго пониманія въ греческомъ оригиналѣ слова ἅρπη, означающаго здѣсь *серпъ* (разумѣется—лунный), какъ оружіе Персефоны, а адскими хортами или собаками назывались адскія Эриніи, сопутницы Персефоны (*Horat.*, 1 Sat. 8,35; *Virg.*, *Aen.* 6,257), какъ олицетворенія планетъ (по Пиѳагору—κυνὲς τῆς Περσεφόνης).

Этотъ же образъ повторяется въ лубочномъ изображеніи свят. Трифона на бѣломъ конѣ съ соколомъ въ рукѣ, вслѣдствіе созвучія имени *Трифонъ* съ прозвищемъ богини луны Τριφῶτα = „весьма свѣтлая" и съ миѳическимъ именемъ Τρύφων Δράχων (*Strab.*

16,571). Еще лучше изображаетъ Всадницу-Персефону великорусская былина о Сокольникѣ, у котораго

Съ лѣва стремени борзой выжлецъ бѣжитъ,
На правомъ плечѣ ясёнъ соколъ сидитъ,
По одной рукѣ ли соловей летитъ,
По другой ли жавролёночекъ,
Перелётываютъ съ руки на руку,
Перенашиваютъ свисты съ уха на ухо.

Подъ соловьемъ, *ἀηδών*, вм. Ἀϊδωνεύς (= „Слѣпая"), слѣдуетъ разумѣть здѣсь луну въ ея невидимомъ положеніи, въ періодъ конъюнкціи [1]), а подъ „жавроленкомъ"—въ положеніи полнолунія, такъ какъ слово *κόρυς* обозначаетъ и жаворонка и *голову*, подъ видомъ которой еще и теперь изображается полнолуніе.

Такимъ образомъ, названіе мака въ Aveyron'ѣ flour de serp, соотвѣтствующее греческому *ὁ Δράκοντος ἄνθος*, означаетъ собственно „цвѣтокъ Персефоны". Послѣ этого становится понятнымъ изображеніе Берхты (*Πέρθα* = Персефона) въ Molthal'ѣ въ видѣ чудовищной женщины то *съ головой*, то *безъ головы*. (*Весел.* Опыты, II, 278—9 въ Ж. М. Н. П. ч., 183) [2]).

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ варіантахъ цитируемой былины вм. Сокольника фигурируетъ „Невѣжа-Черный-Воронъ" (*Весел.*, Ю.-р. б., X, 377—9), *Ἀοιδωνεύς Μαῦρος Κόραξ* (вм. *Ἀϊδωνεύς Μαυρᾶ Κόρα*), очевидно вслѣдствіе производства прозвища Коры—Персефоны *Ἀϊδωνεύς* не отъ *εἴδομαι*=„быть видимымъ", а отъ *οἶδα*=„вѣдать".

[2]) *Πέρθα* есть альтернація имени *Κέρθα* или *Κερδώ*=„Рогатая Богиня". Въ бѣлорусскихъ заговорахъ это имя упоминается въ обѣихъ формахъ: 1) „Змія Ева, Змія *Куртупея*, Змія Черепея, Змія Вадъ" (=*Δράκων Ἕως* v. *Εὔως*, *Δράκων Κέρθα Παιάν*, *Δράκων Θηρῶ Παιάν*, *Δράκων Ἀιδής*); 2) *Портупея*, Скулупея (v. Шкурупея) (*Πέρθα Παιάν*, *Κόρη Παιάν*) (*Роман.*, Брус. сборн. V, 122 № 349, 177, № 76).

Очевидно, благодаря шепелеватому произношенію, слово *Κούρα*=„Кора" смѣшано съ *σκύλα*=„сука", какъ и въ слѣдующемъ выраженіи греч. былины объ Армури: *εἰκὲ τῆς σκύλας τὸν υἱόν, της ἀνομίας τέκνον*. (*Весел.* Ю.-р. б. III, 7). (Сравн. въ сказкѣ Аѳан. № 125 g: „Чудо-Юдо Беззаконный=*Οὔδαῖα Ἄνα Μία*? какъ *Χάρις Μία*).

Въ имена Армури, какъ и въ именахъ великорусскихъ богатырей, отразились черты матріархальнаго общественнаго строя, свидѣтельствующія о глубокой древности возникновенія былинъ. Богатыри обыкновенно носятъ имена матерей, впослѣдствіи принятыя за имена отцовъ. Такимъ образомъ, Армури или Армурычъ является сыномъ Темной Ары (*Ἀρὰ Μῦρα*, или *Μαῦρα*; ср. *μύρμιξ*, вм. **μαύρμιξ*), т. е Персефоны, похищенной Плутономъ; Добрыня (*Ὄβριμος*) Никитичъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ совпадающій съ греч. Одиссеемъ, носитъ имя Аѳины-Сильной-Побѣдительницы, *Νίκη Ῥωμαΐς*; Алеша Поповичъ или Левонтьевичъ—имя Папы, Небесной Львицы, *Πάππα ἡ τοῦ σταυροῦ Λέων*; *Αμυράδοντες* или *Ἀμύροντες* греч. былины (*Дестунисъ*, О Ксанѳинѣ, 6—имя Темной Царицы, *Ἀμῦρα Δόνα*, т. е. Персефоны. О *Δόνα* будетъ рѣчь далѣе). Проф. Дестунисъ, не подозрѣвая ошибочной транскрипціи въ словахъ: *ἀμηράδοντες*, *ἀμήροντες*, производитъ ихъ отъ *ἀμηρᾶς*=„эмиръ", слова арабскаго. Такъ-же онъ толкуетъ слово *Ἀμυρᾶς* и въ другомъ мѣстѣ. (Разыск., стр. 104, прим. 209).

Въ смыслѣ символа головы упоминается „маковичка“ еще въ малорусскихъ свадебныхъ пѣсняхъ:

Славный городъ да Дивычъ Вечоръ!
Рано, рано, та Дивычъ Вечоръ!
Хороше вряженъ (bis?);
Та не такъ вряженъ, якъ обсаженъ.
Славно жъ його збудовано
На тры стины камъяныйи,
А четверту волотую.
На тій стини *макивочка*,
На макивочци—ластивочка
Звила гниадечко зъ чорного шовку,
А червонымъ обвыла.
Вывела дитки однолитки,
Перше дытатко роженейе,
Другейе дытятко суженейе:
Роженейе—та Ивашко,
Суженейе—та Маръйечка.
(*Чуб.* IV, 148, № 239 А).

По варіанту Б, вм. „гнизда“ упоминается „теремъ“; по варіанту Д (l. c., p. 149)—

Дивычъ—Вечоръ славевъ,
А ще славній мій чорный воронъ,
Чорный воронъ абудувавъ городъ...

Въ варіантѣ В припѣвъ имѣетъ редакцію: „Да рано, рано, да ранесенько“ (l. c.).

По другой пѣснѣ:

Ой, дывно Львивъ збудованы,
На тры углы ставлены;
На четвертымъ золотымъ,
А на тимъ золотымъ—*макивка*,
А въ тій макивци—ластивка,
Ой вывела двойе дытятъ:
Першойе дытя—Ивашенько,
Другойе дытя—Марусенька.
(*Чуб.* IV, 150, № 242).

Для уясненія смысла этихъ пѣсенъ слѣдуетъ разсмотрѣть ихъ въ связи съ такими колядочными припѣвами, какъ: „Святый Вечеръ!“ „Ой рано!“ „Въ недилю!“

Припѣвъ: „Святый Вечеръ“, Ἱερὸς Ἕσπερος, относится къ богинѣ вечерней звѣзды Афродитѣ, такъ какъ и самая звѣзда называлась Ἕσπερος [1]). Слово *городъ*, πόλις, во многихъ случаяхъ и въ малорус. пѣсняхъ и думахъ, и въ быливахъ и апокрифахъ, замѣняетъ созвучное названіе *неба*, πόλος. Такимъ образомъ, выраженіе: „Славный городъ да Дивычъ-Вечоръ“ есть замѣна первоначальнаго: „Славное небо Дѣвицы вечерней звѣзды“.

Выраженіе: „рано, рано“, ἔωθεν, ἔωθεν, есть искаженіе повтореннаго выраженія Ἕως θεά = „Богиня Зоря!“ Затѣмъ искаженіе

[1]) Мы имѣемъ основаніе думать, что слово ἱερός=„святый“ въ этомъ случаѣ смѣшано съ Ἔρως=„Богиня любви“, именемъ, связаннымъ съ зарею и въ другихъ случаяхъ. Такъ, значеніе неба (πόλος), охваченнаго зарей, имѣетъ миѳологическій городъ (πόλις) Rochon или Iericho въ апокрифическомъ житіи св. Андрея Первозваннаго=городъ „Владычицы Любы“ (Ἐρύχος, Ἐρώοχος), т. е. Афродиты, богини утренней и вечерней звѣзды и зори, превратившейся въ бѣлорусскаго свадебнаго бога „Любмѣла“. (*Фаминцынъ*, Божества древн. слав., 260; ср. Кн. Іис. Нав. VI).

Въ смыслѣ неба, охваченнаго зарей, понимается и городъ Романія (Ῥωμανία) греч. былины (*Дестунисъ*, Разыск. 72—3), названіе котораго восходитъ къ выраженію: Ἔρως Μᾶ Νέη=„Молодая Мать—Любовь“.

пошло еще далѣе: въ словѣ ἕωθεν конецъ—εν принятъ за предлогъ ἐν = „въ“, вслѣдствіе чего выраженіе Ἕως θεὰ ἄνασσα (v. *ἄναστα) превратилось въ ἕωθ' ἐν ἀναστάσει = „въ недилю рано“.

Слово „стина“, повидимому, есть переводъ греческаго σταυρός = собственно „острогъ“, „тынъ“, „частоколъ“: подъ такимъ названіемъ у грековъ было извѣстно ночное небо, „обсаженное“ звѣздами, какъ бы кольями. Впрочемъ, не слѣдуетъ забывать, что σταυρός пріурочено къ небу въ видахъ осмысленія созвучныхъ его названій: σαῦρα, σῶρα, σοῦρα, σοῦζα, восходящихъ къ санскритскимъ svarga, sura, sûrya. Оттуда же ведетъ свое названіе былинный Ставръ Гадиновичъ (Σταυρὸς Ἀϊδωνεύς), Плутонъ, владыка ночного неба; оттуда же происходятъ апокрифы о крестномъ деревѣ (τὸ ξύλον τοῦ σταυροῦ). Выше было указано, что Персефона, какъ богиня ночного неба, называлась Πάππα ἡ τοῦ σταυροῦ Λέων (= „Попъ Ростовскій Левонтій“); отсюда и ночное небо получило названіе ὁ Λέοντος σταυρός, въ великорусскихъ былинахъ превратившееся въ „крестъ Леванидовъ“. Такимъ образомъ, „золотая стина“ должна означать небо, охваченное вечернимъ заревомъ [1]).

Городъ „Львивъ“ также означаетъ ночное небо, подвластное Персефонѣ-Львицѣ (Λέων) и Гекатѣ-Львицѣ (Λέαινα), по имени которой названа апокрифическая „Легенская земля“. Слѣдовательно, городъ „Львивъ“ является эквивалентомъ былиннаго „креста Леванидова“.

„Макивочка“, κώδεια, означаетъ здѣсь голову, понимаемую, какъ и въ былинѣ о Сокольникѣ и въ повѣрьѣ Molthal'я, въ смыслѣ луны.

Слово „ластивочка“, χελιδών, заключаетъ въ себѣ сложное имя богини зори: Χελύτις (v. Χελύνη) Ἄνασσα = „Царица Черепаха“ (вм. Ἥλια Ἄνασσα = „Свѣтлая Царица), прошедшее черезъ посредствующую ступень: Χελυ—δόναξ; а почему появилось δόναξ, будетъ объяснено далѣе.

Въ одномъ изъ варіантовъ, какъ сказано, вмѣсто „ластивочкы“ является „чорный воронъ“, μαῦρος κόραξ, и это потому, что онъ замѣнилъ созвучное имя Персефоны Μαῦρα (v. Μῶρα) Κόρα.

„Черный шовкъ“, изъ котораго свито гнѣздо, μαῦρος βύσσος [2]), очевидно, стоитъ въ связи съ прозвищами Персефоны: Μαῦρα (v. Μῶρα) Ἄβυσσος Πύῤῥος.

„Червоный“ ободокъ, окружающій гнѣздо,—багровое зарево, окружающее вечернее небо.

---

[1]) Ср. прозвище Зори χρυσόθρονος = „золототронная“.

[2]) Lipsius ad 2 Annal. Taciti observat: *Byssina*, *serica* et *bombycina* non raro ab auctoribus profanis confundi; hoc autem interesse, quod *byssina* e terra nascuntur, ut linum, *sericum*, de illorum sententia, falsa quidem, lana est arborum, quam Seres in sylvis depectant; *bombycina* denique belam esse vermium. (*Faber*., *B*., Thesaur. eruditionis scholasticae, I, 363).

Наконецъ, подъ *Ивашкомъ* или *Ивашенькомъ* (Ζάν) разумѣется Діонисъ, богъ заходящаго солнца, а подъ *Марьечкою* или *Марусенькою*—Мать Рея (Μᾶ Ῥέα v. Ῥεία), отожествлявшаяся съ Афродитой, какъ богиней луны, а также и вечерней и утренней звѣзды.

Такимъ образомъ, пѣсня представляетъ всякій бракъ земной какъ бы повтореніемъ брака небеснаго, брака бога солнца съ богиней луны и вечерней звѣзды („зори") [1].

На первый взглядъ можетъ показаться страннымъ то, что вмѣсто Діониса, бога солнца, въ м.-рус. пѣсняхъ весьма часто фигурируетъ „мисяць", или „молодикъ" (народившійся мѣсяцъ), но эта странность объясняется, во-первыхъ, тѣмъ, что въ малорусскомъ названіе солнца не мужскаго рода, какъ въ греческомъ, а средняго, и, во-вторыхъ, тѣмъ, что слово „молодыкъ" есть переводъ греческихъ прозвищъ Діониса Κόρος и Νεοσσός = собственно „Юноша", извѣстный въ галицкихъ пѣсняхъ подъ именемъ „Младенця" (*Голов.*, III, 225 № 95; I, 210 № 36; ср. 211 № 37) [2].

Выше я упомянулъ объ игрѣ, извѣстной подъ названіемъ *Цици-Баба*, или *Куци-Баба*; у малоруссовъ она иначе называется „Слипець" (Ἀιδής), или Опанасъ (Ἀθάνατος), у грековъ же она еще называлась Χαλκῆ μυῖα = „мѣдная муха" (*Poll.*, Onomat, IX, 7, 123). Иллюстраціей къ этой игрѣ можетъ служить рисунокъ, помѣщаемый на обложкѣ „Крестнаго Календаря" Гатцука, гдѣ изображена *женщина съ луной вмѣсто головы, съ закрытыми*

---

1) Ср. *Сумцовъ, Н. Ѳ.*, Къ вопросу о вліяніи греч. и римск. свадебн. ритуала на м.-рус. свадьбу. Кіевъ 1886.

Принимаю Ивашка за Діониса потому, что въ нашихъ сказкахъ онъ обыкновенно является дуракомъ, μῶρος, у грековъ же подъ именемъ дурака былъ извѣстенъ Діонисъ, Διόνυσος Μώρυχος (=„Діонисъ Владыка глупости"), хотя первоначально Μώρυχος означало: „Владыка тьмы" (Διόνυσος χθόνιος), отъ μαῦρος=„темный". Подобно этому м.-рус. выраженіе: „глупа ничъ"=μώρα νύξ возникло изъ μαύρα νύξ=„темна ничъ".

Διόνυσος Μώρυχος въ в.-рус. сказкѣ (*Аѳан.* № 177) фигурируетъ подъ именемъ „Марышка Паранова сына" (Μώρυχος Κορόνεος?), слуги Алеши Поповича. Въ в.-рус. былинахъ этотъ слуга носитъ имя Акима Паробка (Ἴακχος Κόρος), а въ Никоновской лѣтописи (подъ 1216 годомъ)—имя Торопа (Ὄροβος).

Для объясненія смысла послѣдняго имени необходимо обратиться къ греч. миѳологіи. Подобно Плутону, Діонисъ, какъ богъ заходящаго солнца, носилъ прозвище: „Эребскій", Ἐρεμβεύς, путемъ смѣшеній превратившееся въ созвучныя: Ἐρεβίνθιος, Ἐρεβινθινος (=„Гороховый") (Zenob. 3, 83) (=Царь Кирбитъ в.-рус. сказокъ; Перминъ, Пермилъ в.-рус. был.), Ἐρέβινθος, Ὄροβος (=„Царь Горохъ" в.-рус. сказ., „Терентій Гость" в.-рус. был.) и наконецъ Ἀβάβιος (=Ἀράμβιος=„Арабынъ"—Плутонъ, похититель Персефоны въ галицкой пѣснѣ; Гол. I, стр. 23).

2) Выраженіе Ὀραβεύς (вм. Ἐρεβεύς) Νεοσσός (=„Эребскій Юноша"=Διόνυσος χθόνιος) въ Галицкой пѣснѣ имѣетъ переводъ: „Орябочокъ Птачокъ" (*Голов.*, III, 228 № 98). Кстати скажу здѣсь, что высказанное А. П. Веселовскимъ о Михайликѣ или Михайлѣ Даниловичѣ и о тожественныхъ съ нимъ богатыряхъ относится къ „Юношѣ"—Діонису. А. Н. Веселовскій не разгадалъ смысла его различныхъ именъ, а потому и всѣ указанные авторомъ богатыри остались для него неразгаданной загадкой.

вѣками, ѣдущая верхомъ на старикѣ, у котораго завязаны глаза (ʽΑιδῆς = „Слипець“). Старикъ вытянулъ впередъ руки, какъ будто стараясь кого-то поймать, а вокругъ него проказятъ маленькіе участники игры *съ звѣздами вмѣсто головъ*. Солнце, глядя на проказы звѣздъ, весело смѣется. Такъ какъ у грековъ ребенокъ съ завязанными глазами произносилъ: „Ловлю мѣдную муху“, то подъ послѣдней, какъ и на указанномъ рисункѣ, разумѣется звѣзда.

Подобно армянскому названію мака *dole*, къ прозвищамъ Афродиты, какъ мы увидимъ далѣе, восходятъ и его итальянскія названія: madonina, madonine, madonna, donetta, paradun, basadone, done roselle, rosolie, rusele, rosola, rosolina (*Roll.* o. c. 170—1). Названіе madonna можно было бы произвести отъ лат. mater и domina, если бы не существовали формы: madonina, madonine, paradun и basadone, не укладывающіяся въ эту этимологію. Для объясненія этихъ итальянскихъ названій могутъ служить слѣдующіе м.-рус. колядочные припѣвы:

1.

Авъ Ней (v. Нейи), Авъ Молоденькый, Авъ Ней [1]), т. е.
Αὔως [Ἀώς, Ἠώς] Νέη, Αὔως Νεᾶνις, Αὔως Νέη [2]) =
„Молодая Зоря, Молоденькая Зоря, Молодая Зоря.
(*Голов.*, II, 76 № 8; 77 № 10; ср. 81 № 16; *Чуб.* III, 304 № 37 К).

2.

Въ искаженномъ видѣ:	*Должно быть*:
Не чорно, не чорно перо	Молодая Зоря, Молодая Зоря,
По конику (v. к- кови, конычевьку) полегло.	Красная Царица—Амазонка!
Αορφναῖος, ἀορφναῖος δόναξ.	Ἀώρ Ναΐς, Ἀώρ Ναΐς,
Ἐν ἵππῳ κεκειμένος!	Ἄνασσα Ἐνίππος Κόκκινος (v.—νη).

(*Гол.* IV, 43 № 15; *Чуб.* III, 277 № 6.

Не чорно перо на конычевьку,	Молодая Зоря, Царица—Амазонка,
На стайни лежыть.	Красная Царица!
Ἀορφναοῖς δόναξ ἐν ἵππῳ,	Ἀώρ Ναΐς, Ἄνασσα Ἐνίππος,
Ἀνάστα κεκειμένος.	Ἄνασσα Κόκκινος.

(*Голов.* IV, 42 № 13).

---

[1]) У Головацкаго неправильная транскрипція: „А въ ніи, а въ молоденькый“ и т. д.

[2]) Къ слову Νέη, какъ эпитету Молодой Зори, восходитъ названіе былинной рѣки *Невы*, черезъ которую перевозится—переносится царь Курганъ (Κούρα Ἀνα? Κόρη Ἄνασσα?); при такомъ объясненіи предположеніе А. Н. Веселовскаго, что здѣсь вм. Невы должна быть Нѣпра, такимъ образомъ, падаетъ само собой, хотя обѣ эти рѣки служатъ символами неба, охваченнаго зорей: только въ такомъ смыслѣ понятно чередованіе именъ этихъ рѣкъ.

На коню, гей, на коню,	Амазонка, Утренняя Зоря. Амазонка!
На коныченьку вороненькимъ.	Амазонка, Вечерняя Зоря, Амазонка!
Ἐν ἵππῳ, ἴω (=ὦ), ἐν ἵππῳ,	Ἐνίππος Ἕως, Ἐνίππος!
Ἐν ἵππῳ ζοφερῷ, ἐν ἵππῳ.	Ἐνίππος Ζόφος (cf. Od. X, 190), Ἐνίππος!

(*Голов*. II, 58 № 9).

3.

Стій, калыно, стій, калыно,	Царица Елена, Царица Елена,
Сли пры луви стояла.	При (асфоделовомъ) лугѣ Царица!
Ἀνάστα Ἀλήνα, ἀνάστα Ἀλήνα,	Ἄνασσα Ἀλήνα, Ἄνασσα Ἀλήνα,
Εἰ παρὰ λειμῶνα ἀνάστα (?)!	Ἡ παρὰ λειμῶνα Ἄνασσα!

(*Голов*., IV, 72 № 17).

Сюда же относится запѣвъ болгарскихъ колядокъ:

Стани нине, господине!	Молодая Царица, Владычица!
Ἀνάστα νῦν, δέσποτα!	Ἄνασσα Νεῆνις Δέσποτι!

(*Потебня* о. с. 72).

И малорусскихъ:

А встань же, а встань же д'гори!	Царица, Царица, Царица!
Ἀνάστα, ἀνάστα ἄνω!	Ἄνασσα, Ἄνασσα, Ἀνα'!

(*Голов*. IV, 15) [1]).

Выраженія: αὔως, ἀώρ, Ἀλήνα—дорическія формы отъ Ἠώς, Ἑλένη [2]).

Имя „Красной Царицы Амазонки" повторяется и въ другихъ мѣстахъ. Такъ, въ апокрифахъ о крестномъ деревѣ она называется „Гусеногой" или „Ослоногой Красной Сивиллой" (*Весел*., Разыск. X, 375, 384, примѣч.) (Χηνίπους v. Ὀνίπους Ἐρυθραία Σιβύλλα, въ галиц. пѣснѣ—„Рыхтаровою Ганусею" (*Голов*. III, 225 № 95) (Ἐρυθραία Ἄνασσα = „Красной Царицей"), въ галицк. колядкѣ—„червывою ывою" (*Голов*., IV, 27), по смѣшенію выраженія: ἡ Θεὰ Ἱππεύς = „Богиня Амазонка" съ ἰτέα ἰπεύς = „червывая ыва" [3]).

---

[1]) Объ исчезновеніи неударяемыхъ гласныхъ въ повторенныхъ воззваніяхъ (vocativi) см. *Богородицкій*, Курсъ грам. рус. яз. I, 213 § 67, 4.

[2]) Ср. м.-рус. колядочный припѣвъ:

> Пидъ боромъ, гей, пидъ боромъ,
> Пидъ зеленейкымъ яворомъ (*Голов*. II, 82 № 17),

вм.: „Гиперборейская (Зоря?), Борейская, „Цвѣтущая Зоря" = Ὑπερβόρεος (Ἕως?), Βόρεος Εὐθαλὴς Αὔωρ.

[3]) Въ колядкѣ поется:

> Червыва ыва та согришыла,
> На Йсуса Хрыста (v. з пальця мызынця) кровцю пустыла.

А. А. Потебня дѣлаетъ подъ вопросомъ поправку: „У Йсуса Хрыста" и т. д., чего совсѣмъ не требуется, если признать, что „червыва ыва" появилась вмѣсто „Богини—Амазонки" (*Пот*. о. с. 766), Въ „палець-мызынець"

При этомъ слово Ἐνίπους = „Амазонка" прошло черезъ посредствующую форму ἐνίπους = „одноногая"—эпитетъ Гекаты и отожествлявшейся съ нею Эмпузы, которая изображалась то *съ одной ногой* (ἐνίπους), то съ двумя, изъ которыхъ одна желѣзная (σιδηρόπους = σιὰ δηρόπους? = „длинноногая богиня"?) или *ослиная* (ονίπους).

О Зорѣ, какъ объ амазонкѣ, имѣются намеки и у древнихъ писателей. Такъ, по ихъ мнѣнію, городъ Ефесъ (Ἔφεσος) названъ по имени или амазонки (*Pape*, Wörterb. d. griech. Eigennomen, 432 = St. B., Arr. *b.* Eust. zu D. Per. 828, Heracl. Pont. 34, Schol. II, 6, 186), или же по имени сына Каистра (Κάϋστρος) (*Paus.*, 7, 2, 7, Et. M.). Очевидно, слово Ἔφεσος возведено къ Ἔφος = Εὔως = Ἔως = „Зоря", подъ именемъ которой несомнѣнно разумѣется и Κάϋστρος = „Изрой" великорусскихъ былинъ, собственно „погорѣвшая зоря": самая область Ефеса называлась Κατακεκαυμένη или Καϋστριόν, т. е. именемъ все той же „погорѣвшей зори".

Самая этимологія имени и прозвищъ Аѳины служитъ доказательствомъ тожества Зори съ Аѳиной-Амазонкой. Имя Аѳина (Ἀθηνᾶ, Ἀθανάα, Ἀθαναία), сложенное изъ трехъ корней: 1, ἀ = „вотъ", „вотъ какая" (+соотвѣтствующій жестъ), [1]) „великая";

(δάκτυλος) здѣсь превратился ῥοδοδακτύλιος = „розовый перстень", т.-е. кольцеобразное розовое зарево, которое по колядкѣ представляется кровавымъ.

Названіе Зори „Розоперстая" объясняется еще тѣмъ, что въ Малой Азіи и Греціи предъ восходомъ солнца на горизонтѣ поднимаются перпендикулярно пять полосъ свѣта; но это объясненіе не исключаетъ перваго, если принять во вниманіе то обстоятельство, что народная этимологія можетъ измѣнять значеніе словъ до безконечности.

На представленіе Зори кольцеобразной указываютъ галицкія пѣсни, въ которыхъ похищаемая богиня зори „Аничка" (Ἄνασσα), или „Рыхтарова Ганушa" (Ἐρυθραία Ἄνασσα) вьетъ „винецъ" или „три винки" (Гол. III, 225 № 95; I, 211 № 37), которые въ другихъ случаяхъ называются фіалковыми, по созвучію словъ: ἴον = „фіалка" и ἠώς = „зоря".

Связь фіалковыхъ вѣнковъ съ Зорею видна еще изъ слѣдующаго. Хариты носили прозвища: ξανθαί = „золотистыя", χρύσαι = „золотыя" и ἰοστέφανοι = увѣнчанныя фіалками", названіе же „золотая"—обычное прозвище Зори. Въ в.-рус. м.-рус. вносѣ Зоря извѣстна подъ именемъ „золотыхъ воротъ", χρύσεαι πύλαι, представляющимъ въ сущности шепелеватую форму отъ χρύσεα πύρα = „золотые огни". Подобно Харитамъ, и сама Зоря носила прозвище ξανθή—„золотистая". Въ б.-рус. заговорѣ она извѣстна подъ именемъ „Царицы Евы" (Ἄνασσα Ἕως), лежащей въ „лопуховомъ гнѣздѣ" (*Романовъ*, Б.-рус. Сборн., V, 110—1, № 290), по смѣшенію словъ ξανθός—золотистый и ξάνθιον—„лопухъ".

„Йсусъ Хрыстосъ" колядки замѣняетъ бога солнца, восходящаго среди розоваго зарева.

[1]) Различное значеніе слова ἀ можетъ быть объяснено только тѣмъ, что оно въ первобытной рѣчи сопровождалось различными жестами, придававшими ему и различное значеніе. Такъ, напр., въ греч. различаются: 1, α στερητικόν, privativum = „отрицательное"; 2, α ἀθροιστικόν, copulativum = „собирательное"; 3, α ἐπιτακτικόν, intensivum = увеличительное. (См. *Pape's*, *W. Dr.*, Griech.—Deut. Handwörterb. B. I, s. 1). Къ послѣднему разряду принадлежитъ префиксъ имени Ἀθηνᾶ.

2, ϑεά = „богиня", и 3, ναΐς = „молодая", первоначально понималать въ смыслѣ прозвища Молодой Богини Зори [1]).

Имя Богини Зори, Αὔως, греки смѣшивали съ другими созвучными именами, напр. Σαύα или Σάβη („Царица Савская", т. е. небесная, апокрифовъ), Σαῦρα, Σαῦλα, откуда Οὐρανία = „Небесная" (прозвище Афродиты, какъ богини Зори), Σοφά = „Премудрая" (откуда Василиса Премудрая в.-рус. сказокъ [Аѳан. № 125 a, d, f, g, 150 c], Сафатъ-рѣка и Іосафатова долина в.-рус. былинъ), Ναΐς Σοφά = „Премудрая Наяда" (откуда церковь св. Софіи, ναὸς Σοφίας, въ нашемъ эпосѣ), ἡ Ἔρως Σοφά = „Премудрая Богиня Любви" (Св. Софія, ἡ Ἱερος Σοφία, нашего эпоса и въ апокрифахъ, напр. въ Откровеніи Псевдо-Меѳодія).

Аѳина также имѣла прозвище, связанное съ названіемъ неба, именно Ταυροπόλα = „Небесная Турица", повидимому происходящее отъ первоначальнаго ἀυρόπολος = „небо, охваченное зорею".

Къ слову πόλος = „небо" должны восходить и прозвища богини: Πολίας, Πολιοῦχος, означавшія у грековъ „Покровительницу города", очевидно по забвенію первоначальнаго смысла („Владычица неба").

Въ великорусскихъ былинахъ матерью богатырей обыкновенно является вдова Офимія Александровна или Мамельѳа (Нанерпа, Намереа, Намельѳа, Омельеа, Амальѳа, Мальѳа) Тимофеевна.

Греч. Ἀλέξανδρος значитъ: „Отразитель (О—ница) мужей": Аѳина также называлась „Отразительницей", Ἀλαλκομενηΐς. Я полагаю, что прозвища эти возникли въ слѣдующей градаціи: сперва Аѳина называлась Ἀνασσάπολα = „Царица Небесная" [2]), а затѣмъ въ искаженномъ видѣ Ἀλεξάπουλα = „Александровна" и Ἀλέξανδρος, и наконецъ Ἀλαλκομενηΐς.

Имя „Офимья" въ такомъ случаѣ могло бы означать *Ὄφως (эол. = дор. Ἄφως, Αὔως) Νηΐς, или въ видѣ сложнаго Ὀφίνηΐς = „Молодая Заря". Такое объясненіе подкрѣпляется и другимъ ея именемъ.

Выраженіе „Мамельѳа" или „Намереа" есть искаженіе греческаго прозвища Аѳины Μαμέρσα, или Μαμέρθα (Lycophr. 1417). „Тимофеевна"—Τιμόθεα = „Честная Богиня", въ одной изъ былинъ (Гильферд. № 141) названа тавтологическимъ „Ѳетьма Тимоѳеевна" = Θεὰ τίμια Τιμόθεα [3]).

---

[1]) Этимологію слова Ἀθηνᾶ, данную: Максомъ Мюллеромъ, Бенѳеемъ, Велькеромъ и Преллеромъ, см. въ Mythes, cultes et religions par A. Lang. Traduit par Léon Marillier [Paris, 1896], p. 547—8.

[2]) Это обычный эпитетъ богини Зори, но смѣшенію Ἄνασσα Αὔως = „Царица Зоря" съ Ἄνα[σσα] Σαῦα = „Царица Небесная".

[3]) Такъ какъ богиня Зори имѣла прозвища: Ἔρως и Μᾶ, то этимъ объясняется то кажущееся страннымъ обстоятельство, что богатыри греч. былинъ, несомнѣнно солнечнаго характера, живутъ то съ матерью, то съ женою. (*Деетун.*, Развск., 121). (Здѣсь слѣдуетъ припомнить, что Аѳродитѣ, богинѣ

Зоря, какъ богиня, по велико-бѣло-малорусскимъ пѣснямъ и заклинаніямъ представляется ключницей, отпирающей небесныя ворота и выпускающей росу (*Потебня*, Объясн. м.-рус. и сродн. пѣс. I, 93 sq.): Аѳина также носила прозвище Κληδοῦχος = „Ключница". Здѣсь необходимо припомнить, что ключникомъ называется и смѣшиваемый въ былинахъ (*Гильф.* №№ 81, 94, 108, 125, 129; *Тихонрав.* и *Миллеръ*, II, № 36) съ Дономъ (Τάναϊς) богатырь Дунай, имѣющій имя, созвучное съ первоначальнымъ именемъ богини Аѳины (Ἀθάναϊς) [1], и что Донъ первоначально назывался „Амазонкой рѣкой", Ἀμαζόνιος (*Plut.*, fluv. 14).

Подобно богинѣ Зори Аѳина считалась богиней мудрости: можетъ быть, поэтому статуи изображали ее со змѣями, какъ символами мудрости, хотя змѣя вообще имѣла связь съ зорей. Такъ, въ числѣ синонимовъ Ливіи, какъ страны, находящейся на краю свѣта, Ἐσχατία, и, такъ сказать, отдѣляющей небо отъ земли, были: Ὠκεανία, Ὀρτυγία = „Перепелиная" (по созвучію съ ἦωρ = „зоря"?) и Ὀφιοῦσα = „Змѣиная" (по созвучію съ эол. *ὄφως = дор. *ἄφως, αὔως = „зоря"?)

По скандинавской Эддѣ землю опружаетъ змѣй Iörmungand, имя котораго имѣетъ созвучіе съ греч. ἦωρ = „зоря". Сперва онъ служилъ олицетвореніемъ океана, облекающаго землю и соединяющаго свою голову съ хвостомъ (*Чудиновъ*, Сборн. I, стр. 36), т. е. имѣлъ значеніе греческаго Океана.

Приведенныхъ сопоставленій, я полагаю, достаточно для того, чтобы признать Амазонку-Зорю и Амазонку-Аѳину тожественными.

Сочетаніе Αὔωρ Ἄνασσα = „Царица Зоря" дало двѣ искаженныя формы: первая прошла черезъ Αὐώρ δόναξ и въ греческомъ заговорѣ отъ трясавицъ отразилась въ седьмомъ имени Гилу Βορδόνα (*Весел.*, Разыск. VI, 94) и въ имени былинной Настасьи Зб(о)родовичны (*Кир.* II, №№ 1, 3 = *Весел.* Ю-р. был. XI, 382—3)— Ανασσα Βορδόνα, а вторая имѣла посредствующею ступенью вы-

---

Зори, пріурочивались прозвища Реи, Матери боговъ, Владычицы, Царицы Небесной болѣе, чѣмъ какой-либо богинѣ). Этимъ же объясняется преслѣдованіе Аполлономъ принимаемой за богиню зори Дафны, имя которой, каково бы ни было его происхожденіе, народная этимологія могла возводить къ выраженію Ἄφως Νέη = „Молодая Зоря". Въ м.-рус. пѣсняхъ ей соотвѣтствуетъ Немеривна, или Лемеривна, по смѣшенію Ἐρινύς = „Эринія" и εἰρήνη = „миръ".

Материнство Царицы—Зори (Ἄνασσα Ἕως) отризилось и въ болгарской пѣснѣ, гдѣ Анастасія — Недѣля (*Ἄναστα, Ἄνασσα) является Богородицей. (*Весел.*, Опыты по ист. раз. христ. лег. II, 194 въ Ж. М. Н. П., ч. 189), въ качествѣ же бабки Іисуса она въ Protoevangelium Iacobi чередуется съ Соломеей Σαυλόμα = „Небесная Мать" = *Αὐλώμα, *Αὐρώμα = Мать Зоря).

[1]) Въ в.-рус былинахъ имя Паллады—Аѳины (Παλλὰς Ἀθάναϊς) отразилось въ названіи „Палачъ-горы Аѳанасьевой", на которую Мамельфа Тимоѳеевна запрещаетъ заѣзжать своему сыну Дюку Степановичу (Рыбн. I, 47). Это запрещеніе равносильно запрещенію купаться въ рѣкахъ Изроѣ, Пучаѣ, Іорданѣ (ср. ἦωρ), подобно упомянутой горѣ, представляющихъ собою символъ неба, охваченнаго зорей.

раженіе Αὐώρ 'Ανάστα, превратившееся въ *горностая* великорусской и малорусской пѣсенъ (*Потеб.* о. с. 218 = *Варенцовъ*, Сборн. пѣс. Самарск. края 192—3, *Чуб.* V, 318).

Подъ Еленой разумѣется богиня зори. По в.-рус. сказкѣ она называется Еленой Прекрасной (Ἑλένη Ζαχάρις), Премудрой Василисой Царевной (Σοφὰ Βασιλὶς Ἄνασσα), Бѣлой Лебедью Захарьевной (ἡ Λευκὴ Κύκνος [вм. Κύκλος] Ζαχάρις), живущей „на самомъ краю свѣта, гдѣ восходитъ красное солнышко" и т. д. (*Аѳанасьевъ*, №№ 102, 103, 104 b, c, d, e, f, g, h, 130). Выраженіе Λευκὴ Κύκλος Ζαχάρις первоначально должно было относиться къ острову Левкѣ, какъ символу утренней звѣзды: по греческимъ вѣрованіямъ на этомъ островѣ жила послѣ смерти Елена Прекрасная.

Между болгарскимъ *нине* и греч. νεᾶνις должны были существовать слѣдующія ступени: νεᾶνις = νεῆνις = νῆνις = νινις = νύν.

Болгарское „господине" я старался перевести буквально греческимъ δεσπότις, хотя есть основаніе предполагать, что слово „господине" появилось какъ результатъ неправильнаго истолкованія греческаго δόνα (= δόναξ = эол. ὄνασσα = ἄνασσα) въ смыслѣ donna (dom'na, domina).

Послѣ такихъ предварительныхъ замѣчаній можно перейти къ объясненію итальянскихъ названій мака.

Выраженія: madonina, madonine соотвѣтствуютъ греч. выраженію Μᾶ Δόν(αξ) Νῆνις = „Мать—Молодая—Царица", а выраженія: paradun, basadona—греческому Βορδόνα = „Царица—Зоря".

Названія мака: rosolie, done roselle, rusele, rosola, rosolina также имѣютъ связь съ именемъ Афродиты, которая, въ качествѣ богини Зори, называлась „Розоперстой Кипридой" (Ῥοδοδάκτυλος Κύπρις). Въ этомъ случаѣ подъ „розовымъ перстнемъ" (ῥοδοδακτύλιος) точно такъ же, какъ и подъ поясомъ Афродиты, заключавшимъ всѣ очарованія, греки понимали кольцеобразное розовое зарево.

Въ смыслѣ зори понимается „макивочка" и въ слѣдующихъ м.-рус. пѣсняхъ:

Ой зацвила макивочка,
Зачала брынiты:
Иде козакъ отъ дивчыны,
Починайе днiты.

Ой зацвила макивочка,
Билесенькымъ цвитомъ
Иде козакъ отъ дивчыны
Билесенькымъ свитомъ.

(*Чуб*, V, 53; ср. *Пот.*, о. с. 106).

А вже свитъ свитайе,
Якъ макъ процвитайе (*Чуб.* IV, 405).

Изъ сказаннаго можно видѣть, что зоря является символомъ молодости и красоты: эта символика перешла и на макъ, носящій имя богини зори. Макъ считается самымъ красивымъ цвѣткомъ: „Да нема цвиту цвитнiйшого надъ макивочку".

И въ пѣсняхъ молодость и красота выражаются при помощи сравненія съ макомъ:

А на двори бояре,
Якъ *макъ* процвитайе,
И *хороши й молоденьки,*
Коло хаты блызенько.
(*Чуб.* IV, 133).

Гей въ мойемъ городчыку
Зеленый мачокъ:
Любывъ мене, не взявъ мене
Молоденький дячокъ.
(*Голов.* II, 431; ср. *Пот.*, о. с. 106).

Пишла жъ панночка та по-пидъ мачокъ,
Урвала соби *червоный мачокъ*,
Та прыложыла д'свому лыченьку.
— Кабы жъ бы у мене таке лыченько,
Годыла жъ бы'мъ ея поповычевы,
Поповычевы попадевъ буты.
(*Гол.* II, 83 № 20).

Однако же не слѣдуетъ забывать, что имя богини зори Афродиты связано съ названіемъ мака посредствомъ понятія о материнствѣ; но какъ богинѣ красоты ей была посвящена роза, царица цвѣтовъ [1]).

И малорусская пѣсня, сравнивая два цвѣтка: макъ и розу, отдаетъ предпочтеніе послѣдней, и тѣмъ усиливаетъ ея красоту:

А въ новому городочку,
Тамъ зацвила не *макъ—рожа*...
— Ой батеньку, голубоньку!
Кобъ и такая, якъ рожа тая...
(*Чуб.* III, 472).

По французской пословицѣ, сравнивать розу съ макомъ значитъ сравнивать вещи, неподдающіяся сравненію [2]). Однако же, самое сопоставленіе розы съ макомъ показываетъ, что у нихъ есть и общія черты.

Разсмотрѣніе приведенныхъ выше малорусскихъ колядочныхъ припѣвовъ заставляетъ предполагать, что въ названіяхъ мака, точно такъ же, какъ и въ малорусскихъ пѣсняхъ, должно бы повториться прозвище Афродиты „Красная“, Κόκκινη, тѣмъ бобѣе, что и Артемида, богиня луны, называлась Κοκκώκα.

Относительно пѣсенъ такое предположеніе дѣйствительно оправдывается. Такъ, въ малорусскихъ свадебныхъ пѣсняхъ невѣста среди дружекъ извѣстна подъ именемъ „зузули“ (κόκκυξ) впереди „галочокъ“ (ἅλιαι = „свѣтлыя“), первоначально „Красной“ богини вечерней звѣзды („зирныци“) впереди свѣтлыхъ звѣздъ. Тоже символическое значеніе имѣетъ „зузуля“ и въ одной изъ колядокъ (*Голов.* IV, 30 № 1), гдѣ она является рядомъ съ „сивъ-соколонь-

[1]) De rosa Achilles Tatius lib. 2 de Leucippae et Clitophontis amoribus: Εἰ τοῖς ἄνθεσιν ἤθελεν ὁ Ζεὺς ἐπιθεῖναι Βασιλέα, τὸ ῥόδον ἐβασίλευε. (*Fabri*, *Bas.* Thesaur. eruditionis. scholast. II, 491).

[2]) Comparer la rose au pavot, c'est comparer des choses qui ne sont pas comparables. (*Rolland*, o. c 176).

комъ“ (ἅρπη) и „ярыми пчилойками“ (φλέγοντες μέλισσαι), какъ символами луннаго серпа (ἅρπη) и „горящихъ“ звѣздъ.

Что же касается названій мака, то понятіе о красномъ здѣсь выражается какъ при помощи греч. κόκκινος, понимаемаго въ буквальномъ смыслѣ, или же осмысленнаго народной этимологіей, такъ и при помощи перевода этого слова на другіе языки. Таковы названія мака: албанское — lule kukke, или kukje = „красный цвѣтокъ“, французское (Valenciennes, environs de Cambrai et de Cateau—Cambrésis, Romorantin)—coucou = „кукушка“, нѣмецкое (въ Трансильваніи) — kokeschbloen, древне-фламандское — gokelbloen, ютландское—cockrore; переводныя: латинское (средневѣк.)—rubiola, французскія—rouget (Bessin), rougerole (древн.-франц.), rougelo (Lauragais, Castelnaudary), rouzela (Tarn), rouzelo (Tarn, Tarn-et-Garonne, Castres, Carcassone, Hérault, Toulouse, Agenais), tulipo rougeo (Aveyron) и т. д. (*Roll.* o. c. 163, 165, 169, 170, 173, 174).

Затѣмъ широко распространены названія мака звукоподражательнымъ именемъ пѣтуха: „кукурику“. Таковы coquelicot (современ. франц.), coquelicoc (древн.-франц.), coquelique (Верх. Марна), cocriacot (Пикардія), cocalincot (Алансонъ), corcarico (Орна), coquelicaou (Карреца), coquelincau (Юра), coquelija (Вогезы), quicaracoq (Каталонія), cararequecs (Минорка), kokelico (Бретань), kokkeurt (Данія), kukoriek, kukurik (Сербія, Кроація) и т. д. и т. д. (*Roll.* o. c. 163, 171, 174).

Наконецъ наблюдаются названія мака и не вукоподражательнымъ именемъ пѣтуха (или курицы), вслѣдствіе чего связь такихъ названій съ греческимъ κόκκινος совсѣмъ не видна. Таковы французскія: galle (Nice), jole (Vosges), poulas (Vonne), poulogno (Alpes-Maritimes), jaline (Allier), poulo-gaou, gaou-galino (провансал.), gaougalin (Vaucluse) [1]), galingalaou (прованс.), jaou-poula (Bas-Dauphiné), grô-dzaï (=„большой пѣтухъ“) (Haute Loire). (*Roll.* o. c. 164, 165, 169).

Если мы примемъ во вниманіе, что въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ распространены названія мака звукоподражательнымъ именемъ пѣтуха, они по своему звуковому составу не заключаютъ въ себѣ понятія о красномъ и не даютъ основаній для мѣстной народной этимологіи въ этомъ смыслѣ, то мы можемъ объяснить возникновеніе этихъ названій только на греч. почвѣ, гдѣ κόκκυξ = „кукушка“ является символомъ „Красной Царицы Зори“ (κόκκινη Ἄνασσα Ἕως). У французовъ названіе мака звукоподражательнымъ именемъ пѣтуха также служитъ символомъ краснаго цвѣта [2]).

Та же символика и у малоросовъ, какъ это видно изъ поговорки: „Почервонивъ, якъ макъ“ (*Номисъ*, № 8776). Въ то же

---

[1]) Gaou—galin=„пѣтухъ—курица“; подъ пѣтухомъ здѣсь разумѣется макъ съ красными лепестками цвѣтовъ, а подъ курицей—съ бѣлыми.

[2]) On dit aussi: *rouge coquelicot—rouge comme un coquelicot.* (*Roll.* o. c. 175).

время у малороссовъ названіе *пивныкы* или *кукарички* носятъ луковичныя растенія, имѣющія листья на подобіе пѣтушьихъ хвостовъ, какого бы колера ни были ихъ цвѣты, напр. Iris всѣхъ родовъ [1]).

Въ виду этихъ данныхъ можно полагать, что названіе мака звукоподражательнымъ именемъ пѣтуха, не заключая въ себѣ понятія о красномъ за предѣлами Греціи, появилось на смѣну названія именемъ кукушки. Такое предположеніе тѣмъ болѣе вѣроятно, что пѣтушьи гребни своимъ красимымъ цвѣтомъ напоминали цвѣты мака. Считать же названія мака звукоподражательнымъ именемъ пѣтуха первичными, а не секундарными нѣтъ основаній потому, что въ такомъ случаѣ для выраженія символики не было бы надобности придерживаться звукоподражанія; или, наконецъ, символика красваго цвѣта, какъ въ малорусскомъ, выражалась бы при помощи общеупотребительнаго названія мака (pavot и т. п.).

У грековъ въ жертву богамъ приносились такія животныя и растенія, названія которыхъ имѣли созвучіе съ именами или прозвищами боговъ или вообще имѣли къ нимъ какое либо отношеніе.

Маковыя головки, равно какъ и головки чеснока, со времени Юнія Брута, замѣняли у римлянъ приносившіяся въ жертву Маніи, матери Ларовъ, дѣтскія головы. Приношеніе въ жертву мака Матери Афродитѣ (Μᾶ Ἀφροδίτη) отразилось въ малорусскомъ обычаѣ призывать Долю 24 ноября, въ день св. Екатерины. „Призываніе Доли заключается въ томъ, что дѣвушки, собравшись въ какой-либо домъ, варятъ кашу изъ пшена и *мака* и поочередно лазятъ на ворота, приговаривая: „Доле, ходы до насъ вечеряты!“

Этотъ обрядъ соотвѣтствуетъ греческой „Гекатиной вечерѣ“, δεῖπνον Ἑκάτης, которую оставляли на перекресткахъ изъ трехъ дорогъ. Самое время празднованія памяти св. Екатерины совпадаетъ со временемъ греческихъ празднествъ въ честь Гекаты и, вообще, хтоническихъ божествъ, къ числу которыхъ принадлежала и Афродита, какъ богиня вечерней звѣзды,—празднествъ, происходившихъ въ теченіе трехъ послѣднихъ дней каждаго мѣсяца.

Имя *Екатерина* соотвѣтствуетъ прозвищу Афродиты (по Гезихію) Ἐρινὺς или Ἁιδερινύς = „Эринія“, „Адская Эринія“ [2]).

---

[1]) Франц. названіе мака tulipe rouge = „красный тюльпанъ“ даетъ основаніе предполагать, что и у французовъ существуетъ названіе тюльпана, соотвѣтствующее малорусскому *кукарички*.

[2]) Въ бѣлорус. заговорѣ она называется *Адаренадиня*, Ἁιδερινὺς δεινή = „Ужасная Адская Эринія“. (*Роман.*, Б.-рус. сборн. V, 120 № 339). Отсюда же *Кадарены*—миѳическій народъ въ апокрифическомъ житіи св. Андрея Первозваннаго, къ которому въ этомъ случаѣ пріурочены миѳы, относящіеся къ „мужественному Гермесу“ (ἀνδρεῖος v. σῶκος Ἑρμῆς).

Можно полагать, что воззваніе „Доле!“ соотвѣтствуетъ греческому прозвищу Афродиты: Δόλιε (= „Обманщица!“) [1].

Изъ сказки, записанной въ Каневскомъ уѣздѣ (*Чуб.* II,427—8), предложеніе вечери Долѣ въ видѣ каши происходитъ на перекресткѣ, и такимъ образомъ болѣе соотвѣтствуетъ греческому δεῖπνον Ἑκάτης.

По поводу предложенія вечери Долѣ А. А. Потебня замѣчаетъ, что каша, точно такъ же, какъ и рождественская кутья, были жертвенными блюдами, на что указываетъ болгарское названіе *молитва*, и что „самое имя, лежащее въ основаніи гл. *молити*, могло имѣть значеніе жертвы, если судить по старопол. modła = oblata, жертва“ (*Пот.* о. с. II, 158). Но А. А. Потебня какъ будто и не подозрѣвалъ, что такія выраженія, какъ *молить кашу*, *молить куръ*, *молить корову* и т. п., отмѣченныя у Даля, восходятъ къ лат. immolare = „приносить въ жертву“ (собственно посыпать жертвенное животное непросѣянною мукою съ солью, mola salsa).

Къ числу жертвенныхъ обрядовъ относится и свадебный обычай с. Михалкова, Мозырскаго у., Минской губ. „дзѣлиць кашу“ вечеромъ, на слѣдующій день послѣ первой брачной ночи. „Старшая *титка* жениха подноситъ каждому на тарелкѣ кашу, приговаривая: „Обсылайе князь и княгыня кашою, да не такъ кашою, якъ покрасою. Гдзе Маръюхна, щобъ вона ласкава була, да цюю кашу прыйняла?“ При раздачѣ каши поютъ:

Колы каша въ медомъ,
То оддадзимъ медведзимъ;
А колы въ *макомъ*,
Оддадзимъ собакамъ;
А колы въ сытою,
Дакъ возьмемъ зъ собою.

„Затѣмъ выносятъ изъ избы столъ и ставятъ его предъ порогомъ; на столъ ставятъ водку и закуску и гуляютъ до поздней ночи. Потомъ поютъ:

Корогодъ—самъ Бугъ напередъ,
Пречистая Мыци
Велила гуляци.
Цы Бугъ цебе вынисъ,
Цы Б жая Маци?
Чому въ цебе таки станъ,
Якъ у паненяци?
(*Чуб.* IV, 654—5).

Въ слоб. Борисовкѣ Валуйскаго у. въ это же время въ домѣ жениха устраивается „жиноча складка“, извѣстная подъ названіемъ „курло“, а въ Черноморіи: „курей йисты“.

Для объясненія смысла первой изъ приведенныхъ пѣсенъ слѣдуетъ припомнить, что Артемида, богиня луны, въ нѣкоторыхъ областяхъ Греціи изображалась медвѣдицей; Эриніи, какъ сказано выше, назывались адскими собаками, и сама Геката, властвовавшая надъ Эриніями, носила названіе Κύων = „Собака“. Упоминаемый въ пѣснѣ *медъ*, μέλι, наравнѣ съ виномъ, составлялъ

---

[1]) О тожествѣ Доли и Зори см. *Потеб.*, Объясн. м.-рус. и сродн. народн. пѣс. I, 100 sq.

главную составную часть возліяній въ честь умершихъ, принесеніе же его въ жертву богинѣ луны могло быть обусловлено тѣмъ, что названіе меда имѣетъ созвучіе съ прозвищемъ отожествлявшейся съ Артемидою Селены, богини луны, Μέλισσα = „Пчела", послѣднее же, съ свою очередь, пріурочено къ богинѣ по созвучію съ другимъ ея прозвищемъ Μέλαινα или Μελαινίς = „Темная", „Черная" (въ рус. заклинаніяхъ: Меланья). Такимъ образомъ, по пѣснѣ, каша съ медомъ предназначается богинѣ луны Артемидѣ, каша съ макомъ—Гекатѣ и Эриніямъ, какъ олицетвореніямъ звѣздъ, признаваемыхъ малороссами за души умершихъ (*Чуб.* 1, 14). Такое толкованіе пѣсни подкрѣпляется устройствомъ пиршества вечеромъ и подъ открытымъ небомъ, такъ сказать, предъ лицомъ тѣхъ божествъ, въ честь которыхъ оно устраивается.

По другой пѣснѣ въ этомъ пиршествѣ „корогода" участвуетъ самъ Богъ, и пиршество устроено по велѣнію Пречистой Матери.

Слово „корогодъ" (отъ χορῳδέω = „пѣть хоромъ"), употребленное въ пѣснѣ, намекаетъ на введенный коринеяниномъ Аріономъ (около 600 г. до Р. Х.) обычай плясать хоромъ около жертвеннаго алтаря и пѣть спеціально для этого написанную оду.

„Пречистая Маци"—„Мать Артемида", такъ какъ Артемида считалась дѣвственницей, и ея имя производилось отъ ἀρτεμής = „цѣлый", „неповрежденный" (*Pape*, l. c. 148 = *Plat.* Cratyl. 406, b. *Et. M.*, *Eust.* Hom. 1732, 28). Другое названіе „Божая Маци" пріурочено къ ней вслѣдствіе отожествленія ея съ Реей, какъ Божіей Матерью (μήτηρ θεῶν, θεομήτωρ), Богородицей (θεητόκος).

Къ остаткамъ религіозныхъ обрядовъ относится и малорусская игра, извѣстная подъ названіями: „Макъ" и „Горобейко". Наилучшее описаніе этой игры дано П. В. Ивановымъ:

„Дѣвочки, взявшись за руки, составляютъ кругъ, въ срединѣ котораго одна изъ играющихъ садится на землю. Хороводъ ходитъ кругомъ и поетъ:

— Соловейечку—спадку, спадку!
Чы бувавъ же ты въ садку, въ садку?
Чы выдавъ же ты, якъ макъ сіють?
— Ой такъ-такъ сіють макъ!

„При этомъ или весь хоръ, или только одна сидящая дѣвочка показываетъ жестами, какъ сѣютъ макъ. То же дѣлается и при каждомъ отвѣтѣ на слѣдующіе вопросы:

Соловейечку—спадку, спадку!
Чы бувавъ же ты въ садку, въ садку?

Эти два стиха повторяются предъ каждымъ вопросомъ).

Чы выдавъ же ты, якъ макъ росте?
— Ой такъ-такъ росте макъ!...
— Чы выдавъ же ты, якъ макъ полять?
— Ой такъ-такъ полять макъ!...

— Чы выдавъ же ты, якъ макъ ирвуть?
— Ой такъ-такъ ирвуть макъ!...
— Чы выдавъ же ты, якъ макъ йидять?
— Ой такъ-такъ йидять макъ!

„При послѣднихъ словахъ бросаются къ сидящей дѣвочкѣ и подхватываютъ ее на руки, или поютъ:

Ой на гори макъ,
Роды Боже такъ!

Макъ, макъ, моя маковочка,
Золотая головочка!

„Потомъ, обратясь къ сидящей, спрашиваютъ ее: „Пора ли сѣять макъ?“ — Я уже посѣяла! отвѣчаетъ сидящая. Хороводъ снова поетъ: „Ой на гори макъ“ и т. д. Затѣмъ опять спрашиваетъ: „Чы зійшовъ макъ?“ и, получивъ утвердительный отвѣтъ, поетъ, и наконецъ, когда на вопросъ, поспѣлъ ли макъ, получается отвѣтъ: „Да, поспѣлъ!“ тогда всѣ составлявшія хороводъ дѣвочки бросаются къ сидѣвшей со словами: „Дай мачку! дай мачку!“ а она отъ нихъ убѣгаетъ: (*Ивановъ*, *П.*, Игры крест. дѣтей въ Купянск. у. 76 № 92).

Въ варіантѣ, напечатанномъ въ „Матеріалахъ“ Чубинскаго, въ отвѣтѣ упоминается посѣвъ и другихъ огородныхъ овощей:

Ой такъ-такъ сіють *макъ*,
И *морковку*, й *постернакъ*,
Й *огуркы--жовтякы*...

И самый отвѣтъ даетъ не соловей, а „горобейичко-спадокъ“ или „горобійечко-шпачокъ“ (*Чуб.* III, 57; ср. *Голов.* II, 193).

Въ этой игрѣ принимаютъ участіе только „дивчаты“ и „молодыци“, но не „парубкы“ и „чоловикы“ (*Чуб.* III, 47—50).

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что игра эта заимствована у грековъ. Къ такой мысли приводятъ слѣдующія данныя.

Если принять текстъ пѣсни за чистую монету, то она не будетъ имѣть смысла, такъ какъ ни соловей, ни воробей на произрастаніе мака не производятъ никакого вліянія; поэтому необходимо опредѣлить то божество, которое призывалось въ приведенной пѣснѣ подъ именемъ соловья или воробья.

Слово *соловей*, ἀηδών, въ данномъ случаѣ, какъ и въ в.-рус. былинахъ [1]), представляетъ искаженіе греческаго Ἀϊδωνεύς = „Темный“, „Слѣпой“, — прозвища Плутона и его жены Персефоны, какъ божествъ ночи [2]).

[1]) Соловей Будимировичъ и Соловей Разбойникъ.

[2]) Л. Ф. Воеводскій по поводу звучащей тетивы Одиссея (Od. XXI, 406 sq) говоритъ: „Сравненіе съ голосомъ *ласточки* обусловливается тѣмъ, что названіе этой птицы (χελιδών, отъ корня GHAR „горѣть“, „сіять“) было также названіемъ луны, какъ видно изъ миѳа о *Хелидонѣ*, т.-е. „Ласточкѣ“ (Χελιδών), сестрѣ *Аидоны*, т.-е. „Соловья“ (Ἀηδών), Anton. Lib. 11, а также изъ того, что *Аѳина*, о которой мы убѣдимся, что она богиня луны, *превращается въ ласточку*, Odyss. XXII, 235 сл.“ (*Воевод.*, Введеніе въ миѳол. Одиссеи, 22,

„Шпачокъ“, или „спадокъ“ выражается греческимъ ψάρ, или ψήρ = собственно „скрипунъ“, или „трескунъ“ (отъ ψαίρω = „тереть“); слѣдовательно, первоначально, т.-е. во второй стадіи, слово ψάρ указывало на характеръ пѣнія соловья, а впослѣдствіи было понято въ смыслѣ шпака (sturnus) и въ смыслѣ воробья, такъ какъ его названіе (passer) соотвѣтствовало двумъ греческимъ: στρουθὸς и ψάρις.

Въ виду всего сказаннаго о связи Персефоны съ макомъ и выраженіе ἀηδών, вм. Ἀϊδωνεύς, должно относиться къ этой богинѣ. Въ такомъ случаѣ игра „макъ“ или „горобейко“ первоначально представляла собой обрядъ, сопровождавшій посѣвъ или одного мака, или же вообще всѣхъ огородныхъ овощей, причемъ обрядъ изображалъ не только самый посѣвъ, но и дальнѣйшее произрастаніе и наконецъ созрѣваніе мака. Этимъ обрядомъ производилось, такъ сказать, заклинаніе, благодаря которому впослѣдствіи должны были повториться тѣ благопріятные результаты, которые изображались заранѣе при помощи обрядовыхъ жестовъ.

Здѣсь весьма кстати будетъ припомнить о ежегодной торжественной распашкѣ Рарскаго поля, находившагося около Элевзина [1]).

Такимъ образомъ, разбираемая игра заставляетъ богиню Персефону продѣлывать всѣ манипуляціи, сопряженныя съ культурой мака, и тѣмъ обезпечить его урожай. Подобно этому въ колядкахъ Богъ вмѣстѣ съ святыми производитъ распашку поля у величаемаго господаря, а „Пресвята Дива (Κόρη) йистонькы носытъ“. И припѣвы этихъ колядокъ:

Звенилы-звенилы,
Чотыри волы вь золоти горилы,

или:

Бронилы-бронилы волойкы
А вси чотыри въ злоти
(*Пот.* Объясн. малорус. и сродн. нар. п. II, 103), —

примѣч.). Объясненія относительно смысла названій χελιδών и ἀηδών, какъ названій зори и луны, уже даны мною, и эти объясненія по своей простотѣ и ясности имѣютъ преимущество предъ объясненіями г. Воеводскаго; что же касается звучащихъ роговъ луна, то имя Περσεφόνη, первоначально *Κερσεφόνη, греки могли понимать не иначе, какъ въ смыслѣ: „Звучнорогая“, хотя на самомъ дѣлѣ оно должно означать: „Свѣтлорогая“, Περσέφασσα, первоначально Κερσεφάεσσα, отъ κέρας = „рогъ“ и φαίνω = „свѣтить“.

[1]) Я полагаю, что празднество Ῥουσάλια получило свое названіе не отъ лат. rosa, какъ полагаетъ А. Н. Веселовскій, а отъ ἄροσις = „пахота“; слѣдовательно, первоначальное названіе этого празднества было Ἀροσάλια. Отсюда и нимфы, покровительницы пахоты, называются у малороссовъ „русалками“ и фараонами“, „фарыйонамы“, „фаляронамы“, или „войскомъ Фараона“, отъ φαράω = „орать“, „пахать“. (*Драгом.*, М.-рус. нар. пр., 96; *Ивановъ П.*, Народн. разск. о домовыхъ и пр. 46, 48, 49; рукопись крест. слоб. Попасной, Богучарск. у. А. *Субботы*). Указанную А. Н. Веселовскимъ связь римскихъ rosalia съ parentalia объясняю заимствованіемъ у аѳинянъ, у которыхъ умершіе назывались Δημήτριοι, по имени Деметры, какъ хтонической богини, покровительницы пахоты, которой при похоронахъ приносились жертвы. (*Пот.*, О миѳич. знач. нѣкот. обр. и повѣр., 198 = Preller, Gr. Myth., I).

указываютъ на участіе въ пахотѣ четырехъ богинь: Гекаты, Реи, Деметры и Персефоны, носившихъ прозвища: Σταυροί=„Небесныя" и Βριμώ = „Сильныя", понятыя здѣсь въ смыслѣ: „волойкы", по смѣшенію съ ταῦροι, и въ смыслѣ „звениты", „брыниты", по смѣшенію съ глаголомъ βρέμω.

Кромѣ указанной выше символики краснаго цвѣта макъ имѣетъ еще и другую: въ слѣдующихъ далѣе малорусскихъ и бѣлорусскихъ пѣсняхъ по колеру своихъ сѣмянъ онъ является символомъ чернаго цвѣта:

Ой мала вдова чомъ тры доненькы:
Одвая була била, румяна,
Била, румяна—за Ормяныва;
А другая була тонка, высока,
Тонка, высока—за Мищаныва;
А третя була чорна горбата,
Чорва, горбата,—за Крилевыча.
Ой зъйихалыся панове-зятьове,
Та й узялыся изъ Крила кпыты:
— Ой чы не мавъ ты въ чимъ выбераты?
Ой чы не мавъ же ты тонкыхъ, высокыхъ?
Ой чы не мавъ ты билыхъ, румяныхъ?
Та ты взявъ соби чорну, горбату?
— Редька биленька, але гиренька,
Мачокъ чорненькый, а солоденькый.
(*Голов* II, 581).

Соотвѣтствующая этой пѣснѣ галицкая гаивка начинается словами: „Коло двора сыдила вдова"; зятьями вдовы: „Поповычъ", „Крилевычъ" и „Панычъ". *Голов.* (II, 677 № 2).

Въ бѣлорусской купальской пѣснѣ вмѣсто вдовы—Купалка; у нея зятьями: „Поповичъ", „Войтовичъ" и „Кролевичъ". И здѣсь Кролевичъ, выбравшій чорну—горбату, отвѣчаетъ на насмѣшки прочихъ зятей:

— Тонка былинка завсегда гнецца,
Бѣлая рѣчька (!) завсьогда горка,
А *чорны мачокъ* завсеогды смаченъ.
(*Шейнъ*, Б.-рус. пѣс. № 220; ср. № 219).

„Вдова", χήρα, появилась въ пѣснѣ вслѣдствіе искаженія слова Κήρ, которое иногда сопровождалось словомъ ἐρινύς [1]), послѣднее

---

[1]) Ср. Aesch. Sept. 1055: Κῆρες Ἐρινύες.

Матерью великорусскихъ богатырей обыкновенно является „честна вдова", подъ которой, какъ мы видѣли, разумѣется богиня Зори. Въ томъ же смыслѣ слѣдуетъ понимать вдову, какъ мать солнечнаго богатыря, и въ греч. былинахъ о Лиссарѣ и Сынѣ Вдовы (*Дестунисъ*, Разыск. 83—92, 119—122).

Впрочемъ, въ греч. былинахъ, вслѣдствіе затемнѣнія первоначальнаго ихъ смысла и смѣны матріархальнаго общественнаго строя, въ періодъ котораго возникли былины, патріархальнымъ, богатыри имѣютъ по двѣ матери, изъ которыхъ первая, т.-е. мать матріархальнаго періода, превратилась впослѣд-

же названіе, какъ указано выше, пріурочивалось Афродитѣ, богинѣ зри. По бѣлорусской пѣснѣ ей соотвѣтствуетъ *Купалка*, т.-е. та-же погорѣвшая зоря [1]).

Подъ тремя дочерьми Вдовы-Купалки разумѣется луна, появляющаяся „коло двора“, т.-е. на горизонтѣ, въ области зори, въ трехъ видахъ: „била, румяна“—въ видѣ полнолунія, „тонка, высока“—въ видѣ новолунія и „чорна, горбата“—въ темномъ видѣ, въ періодъ ея конъюнкціи.

„Ормянынъ“, или „Вирменъ“ въ малорусскихъ пѣсняхъ—обычная замѣна греческаго Ἐρεμβεύς = „Эребецъ“, „Обитатель Эреба“, подъ каковымъ прозвищемъ былъ извѣстевъ Гадесъ-Плутовъ, какъ владыка ночного неба; „Мищанынъ“—„Небесный Богъ“ (Ἔμπολος Ζάν), Діонисъ, какъ олицетвореніе заходящаго солнца, по смѣшенію словъ πόλις = „мисто“ и πόλος = „небо“ [2]); „Криль“—Зевсъ, богъ дневного неба, носившій названія: Ἄναξ, Βασιλεύς. „Поповычъ гаивки и бѣлорусской пѣсни—Гермесъ, сынъ Папы—Маи (Παπύλος), которому была посвящена планета Стильбонъ (Меркурій); „Панычъ“, Κυρίλος, въ малорусскихъ колядкахъ обыкновенно

ствіи въ отца. И это могло случиться тѣмъ легче, что первоначальное прозваніе богатыря именемъ матери было понято въ смыслѣ патріархальномъ, т.-е. было отнесено къ отцу.

Такимъ образомъ, Персефона по прозванію Ἄνα Τ'ρωί=„Звѣздная Царица“ изъ матери превратилась въ отца Андроника (въ в.-рус. был. Андронище); она же, имѣя прозвище Ἀρὰ Μ'ρα=„Темная Ара“, изъ матери Армурычи превратилась въ его отца Армура (См. *Дестунисъ*, Разыск. №№ 14, 21).

По тѣмъ же причинамъ мать Добрыни (Ὄβριμος=„Сильный“) Никитича Аеина—Сильная—Побѣдительница, Νίκη Ῥωμαίς въ великорусскихъ былинахъ фигурируетъ въ качествѣ его отца Никиты Романовича.

Благодаря этому должно было соотвѣтственно измѣниться и самое содержаніе былинъ. Такъ, въ первоначальной редакціи былинъ говорилось о приключеніяхъ богатыря, отправляющагося для возвращенія плѣненной матери, а въ послѣдней—для возвращенія отца, или же милой жены. Поэтому же греч. Діонисъ возвращаетъ изъ подземнаго царства на Олимпъ мать, а Діонисъ в.-рус. былинъ, извѣстный подъ именемъ Михайла Потыка или Потока, Μέγας (осн. Μεγαλ) Ποτῦχος v. Ποτόχος („Великій Владыка попоекъ“), возвращаетъ изъ подземнаго царства свою жену Марью-Лебедь Бѣлую, которая уже своимъ именемъ (Μᾶ Ῥέα v. Ῥεία=„Мать Рея“) изобличаетъ забвеніе первоначальнаго ея материнства.

Эти данныя служатъ наилучшимъ доказательствомъ несостоятельности теоріи заимствованія, начинающей былинный эпосъ отъ средневѣкового, т.-е. христіанскаго періода. И мы поэтому можемъ трактовать не о „самозарожденіи христіанской миеологіи“ и о вліяніи ея на языческую, а только о перелицовкѣ послѣдней. Въ такомъ случаѣ нѣтъ надобности предполагать конецъ ранѣе начала, какъ это выходитъ изъ указанной теоріи. Отсюда же само собой вытекаетъ, что былинные богатыри значительно древнѣе одноименныхъ богатырей лѣтописныхъ.

[1]) Ср. у Папе: καυαλέος (отъ καίω)=verbrannt.

[2]) Имя „Небеснаго Бога“ принадлежитъ Діонису потому, что онъ считался Богомъ Дождя (Ὕης, Ὑεύς); „богъ же дождя есть всего чаще богъ Неба“ (*Тэйлоръ*, Первобытн. культ. [Спб. 1897], II, 301). Діониса-Якха средневѣковый крестьянинъ просилъ о ниспосланіи дождя подъ именемъ св. Іакова. (L. c. 304).

называется Иваномъ (Ζάν), который, какъ сказано выше, соотвѣтствуетъ Діонису [1]); „Войтовычъ“—замѣна греческаго Βόηθος = „Помощникъ“, но кто именно разумѣется подъ этимъ именемъ, опредѣлить невозможно, такъ какъ всѣ вообще боги считались „помощниками“ [2]).

По цвѣту сѣмянъ макъ у сербовъ и кроатовъ носитъ названія: *циганка*, *турчинакъ*, *турчинъ-цвѣтъ* (*Roll.* o. c. 174).

Названіе „циганка“ въ данномъ случаѣ имѣетъ связь съ именемъ богини луны, давшей названіе маку.

Эту связь лучше всего можно выяснить по былинамъ о Чурилѣ Попленковичѣ, Садкѣ, Богатомъ Гостѣ и Василіи Буслаевичѣ.

Въ первой былинѣ жена Безмѣра (онъ же Пермятъ, Пермянъ или Вельма) Васильевича (Ἐρεμβεὺς Βασιλεύς), т.-е. Плутона, Катерина Микулишна (Ἁιδερινὸς Μίκυλλα) [3]) въ отсутствіе мужа вступаетъ въ любовную связь съ Чурилой Попленковичемъ (Κυρίλος Παπύλος) [4]). Объ этомъ сообщаетъ мужу „Чорна Дѣвчонка челядинка“ (*Гильферд.*, I, № 8), Αἰθοπία (прозвище Артемиды), въ одной изъ былинъ названная „Дѣвушкой Поваренкой“ (*Гильф.* I. № 35), очевидно, вслѣдствіе производства ея имени не отъ αἶθος = „огонь“ и ὤψ = „лицо“, какъ бы слѣдовало, а отъ αἶθος и ὀπτάω = „жарить“, смѣшиваемаго съ ἕψω = „варить“.

---

[1]) Нужно имѣть въ виду еще то, что имя *Панъ*, Κύρις, носилъ Адонисъ, котораго греки часто отожествляли съ Діонисомъ.

[2]) На имѣющейся у меня олеографіи подъ названіемъ „Четырнадцать Помощниковъ“ (The fourteen holy auxiliaries. Les 14 auxiliaires. Vierzehn Nothelfer) изображены святые, имена которыхъ соотвѣтствуютъ именамъ ураническихъ и хтоническихъ божествъ, а именно: Stt.: *Dionysius* (Διόνυσος), *Pantaleon* (Ζεὺς παντελής), *Georgius* (Ζεὺς γεωργός), *Aegidius* (Ζεὺς αἰγίοχος), *Blasius* (Ἥλιος), *Eustachius* (Ἑρμῆς εὐσταθής?), *Erasmus* (Ἑρμᾶς), *Achatius* (?), *Cyriacus* (Κύρις Ἴακχος), *Vitus* (Ζεὺς ὑέτιος), *Christophorus* около пылающаго огня (Χρυσόφορος Πλούτων), *Margaretha* (Μαργὴ Ἀρὰ Θεά; откуда: 1) Марко Проклятый; 2) „безкостый Марко, що въ погребци замуровався“ [*Драгом.*, l. c. 38—9]; 3) „Марко Душный“ станицы Старолеушковской, Ейскаго отдѣла, „що скотыну душе, якъ його не святкуютъ“; 4) „Марко Фраческый, той трыдцять годивъ боровся ызъ чортамы: такъ перво воны йому усю шкуру ободралы... на йому поросла шерсть, ставъ якъ звиряка“ [рукоп. крест. А. *Субботы*]; 5) „Отчаивающійся Малхъ-Маркъ“ сицилійской сказки [*Pitrè*, Fiabe, novelle etc. v. III, № CXX, p. 46] [ἡ Ἄνελπις Μάλχος — искаженіе шепелеватой формы отъ ἡ Ἀρὰ Ἐρεβὶς Μάργος = „Бѣшеная Адская Царица“; ср.: а) Ἐρινὺς Μανία = „Бѣшеная Эринія“ и б) „Вельма Васильевичъ“ въ в.-рус. былинахъ—шепелеватую форму отъ греч. Ἐρεβεὺς Βασιλεύς, в) тавтологич. „Яни Отчаянный“ греч. былины, Ἄνα Ἄνελπις = Ἄνασσα Ἄνα Ἐρεβίς, *Дестун.* Разыск. 82; *Barbara* Ἐρεμβίς; ср. имена св. Касьяна до крещенія: *Репреsъ*, Ἐρεβρεύς [= Ἐρεβεύς], рядомъ *Варваръ*, Βάρβαρος [=1, „Нимець“; „не умѣяше никоторымъ языкомъ глаголати“; 2) „Невира“; 3) „Паганый“] = Ἀραμβεύς = Ἐρεβεύς); *Catharina* (Ἁιδερινός).

[3]) Ἁιδερινὸς Μίκυλλα = „Маленькая Адская Эринія“, т.-е. Κόρη (= „Кукла“).

[4]) Κυρίλος Παπύλος—малорусскій „Панычъ—Поповычъ“, подъ которымъ разумѣется Діонисъ-Загрей, какъ сынъ Папы-Персефоны, растерзанный Титанами.

Въ былинахъ о Садкѣ. новгородскомъ Гостѣ, также фигурируетъ „Дѣвушка Черная *Чиганочка*", „Дѣвица-Красавица, по фамиліи Чернава" (Αἰϑοπία), „Дѣвка, коей чернѣе нѣтъ" (*Гильферд.*, I 2, 70; II, 174).

Наконецъ, въ былинѣ о новгородскомъ богатырѣ Василіи Буслаевичѣ упоминается „Поварная дѣвушка Чернавушка" (*Гильферд.* I, № 30; II № 141).

Малорусская пѣсня, какъ и былина о Чуринѣ Попленковичѣ, развивающая мотивъ о невѣрной женѣ, и послѣднюю называетъ „Чорнявою молодыцею" (*Чуб.* V, 650, № 252 Б).

Названіе Чернавы Дѣвушкой Поваренкой, какъ результатъ греческой народной этимологіи, служитъ наилучшимъ доказательствомъ того, что, во-первыхъ, былина представляетъ переводъ съ греческаго и, во-вторыхъ, что подъ Чернавой-Цыганкой разумѣется богиня луны. Названіе *Цыганка*, какъ прозвище лунвой богини, послужило къ созданію малорусской легенды, по которой „цыганамъ ны грихъ божыця: воны своею божбою сохраныли Спасытыля у те времня, якъ винъ ище ходывъ по зымли, и бутто первосвященныкы ище ны во время хотилы його застукать и убыть, а Спасытыль заховався до цыганивъ, у будку, и воны одбожылысь, шо у йихнихъ будкахъ ныма никого чужого" (Слоб. Тишанка, Валуйск. у. 1894. Рукоп. *П. К. Тарасевскаго*).

Очевидно, идею для приведенной легенды дало прозвище Цыганки Луны и подвластныхъ ей сопутницъ Эриній: Ἀρά = „Богиня клятвы" [1]).

Названія мака „турчинакъ" и „турчинъ цвѣтъ" также восходятъ къ имени лунной богини. Выше было указано, что лунныя богини носили названіе σταυροί = „небесныя", превратившееся въ ταῦροι = „туры", „волойкы". Въ великорусскихъ былинахъ тоже значеніе имѣетъ: „туръ-золотые рога". Артемида имѣла прозвище Ταυροπόλα или Ταυροπόλος = „Небесная Турица".

Затѣмъ Діонисъ, какъ хтоническій богъ, назывался Ταῦρος = „Туръ", Ταυροφάγος = „Пожиратель туровъ", Σάτυρος = „Небесный Туръ". Послѣднее прозвище производилось до настоящаго времени отъ греч. σάϑη (откуда будто бы σάϑηρος и наконецъ σάτυρος), отъ σάττω и лат. satis, satur. Всѣ эти догадки неосновательны потому, что греч. σάϑη и σάττω не объясняютъ появленія въ словѣ звука υ, а лат. satur можно было бы принять только въ томъ случаѣ, если бы было доказано, что слово Σάτυρος первоначально возникло не на греческой, а на латинской почвѣ. По моему мнѣнію, слово Σάτυρος есть сокращеніе изъ Σαυρο-

---

1) Въ м.-рус. колядкахъ „сына своего" или „Бога мылого" ищетъ вдова (χήρα=χήρ ἐρινύς), „Пречыста" (Ἄρτεμις), „Свята Олена" (Ἑλένη). Вопросъ ея относится къ солнцу, мѣсяцу, зарницѣ или къ тремъ „жидамъ" (οὐδαῖοι, т.-е. къ подземнымъ" Эриніямъ (*Потебня*, о. с. LXXX, LXXXI).

ταῦρος = „Небесный Туръ“: отъ этой именно формы происходитъ и имя скандинавскаго Чернаго Великана Суртура (Σύρτυρος = „Небеснаго Тура“) [1].

„Турка“, какъ эквивалентъ греч. Ταῦρος, понимаемаго въ смыслѣ Діониса, въ малорусской пѣснѣ предлагаетъ загадки „Дивци-Семылитци“ ἑπτά-κορη) [2]. (*Драгоман.* I, 2, 136); въ соотвѣтственныхъ же великорусскихъ пѣсняхъ Діонисъ извѣстенъ подъ именемъ „Купецкаго“ или „Гостиннаго Сына“ (Διόνυσος Ἔμπολος), или же „Сына Боярскаго“ (Διόνυσος Ἐλευθερεύς v. Ἐλεύθερος), соотвѣтствующаго скандинавскому Фрею.

Такимъ образомъ названія мака „турчинакъ“ и „турчинъ-цвѣтъ“ восходятъ къ греческимъ прозвищамъ лунной богини Ταῦρος и Σταυρός.

Маковое зерно, вслѣдствіе своей величины, послужило для двоякаго рода символики: во-первыхъ, оно является символомъ мельчайшей или незначительной части цѣлаго и, во вторыхъ, собираніе разсыпанныхъ зеренъ мака представляетъ символъ трудности или совершенной невозможности выполнить что-либо.

Такъ, напр., голодный говоритъ: „У меня съ самаго утра *ни маковой росинки* во рту не было“. Въ другихъ поговоркахъ: „Макъ макомъ“ (мелко, часто, густо). „Какъ макомъ усыпано, усѣяно“ (мелкое письмо) (*Даль*, Толк. Слов.).

Да не переходь да дориженькы:
Якъ перейдешъ - выновать будешъ.
Посичу я тебе да на *дрибенъ макъ*,
На дрибенъ макъ, на капусточку.
(*Чуб.* III, 483).

Не дуже го постриляно:
Головонька на четверо,
А серцевько на шестеро,
А нижечки на гышечку,
Биле тило, *якъ макъ мило.*
(*Голов.*, I, 24).

Ой ходыла дивчына по городу,
Та сіяла дрибный макъ изъ прыполу.
Ой якъ мени сей *дрибенъ макъ позбираты*?
Ой якъ мени та свекорка называты?
Позбираю я дрибенъ мачокъ сывымъ голубцемъ,
Назову я та свекорка ридвымъ пан-отцемъ.
(*Чуб.* IV, 207 № 459).

Очевидно, здѣсь пропускъ, вслѣдствіе чего нельзя опредѣлить, въ чемъ собственно заключается затрудненіе. Этотъ пропускъ можно восполнить свадебной пѣсней Воронежской губерніи

Ой якъ мени въ чужій хати прывыкаты?
Та якъ мени до столыка доступаты?
Якъ мени та свекорка называты?
Та назову я свекоркомъ,—ой! непрывычно;
Назову я батечкомъ,—ой! дуже пышно.

---

[1] Кстати упомяну здѣсь, что подъ кораблемъ Суртура, построеннымъ изъ ногтей мертвецовъ (ὀνύχια ναῦς), слѣдуетъ разумѣть „ночвой корабль“ (νύχια ναῦς).

[2] Ἑπτά-κορη—искаженіе первоначальнаго Ὀπτὸ-κορη=„Горящая Дѣва“. Ср. упомянутое выше „симсотъ“, ἑπτακόσιοι=ὀπτό-κοραι.

Въ заключеніе всего приведу пословицы и поговорки, упоминающія о макѣ.

Великорусскія: Дѣвка не макъ, въ одинъ день не облетитъ.—Краснѣе маку; что макъ красна.—Мачекъ съ медкомъ—усы оближешь. Такъ тихо, что хоть макъ сѣй.—Черенъ макъ, да бояре ѣдятъ.—Радъ Яковъ, что пирогъ съ макомъ.—Ѣшь, дуракъ, съ макомъ!—Въ карманѣ-то макъ, а въ другомъ-то и такъ.—Семь лѣтъ маку не родило, а голоду не бывало.—Поминаючи макъ, не прогнѣвайся и такъ.—Сѣяла баба макъ: уродился—такъ макъ, а не уродился—инъ и такъ. (*Даль*, Толк. Сл.).

Малорусскія: Багато, якъ за гришъ маку.—Такъ тыхо, хочъ макъ сій.—Макомъ сивъ (нема ходу).—Симъ годъ макъ не родывъ и голоду не робывъ.—Вскочывъ въ макъ (не доладу зробывъ).—Сей свитъ, якъ макивъ цвитъ: день цвите, а вночи опаде. (*Номисъ*, №№ 4586, 1835, 7579, 7711, 8259)

Польскія: Narodów dzikich świat pełen był jak maku — Ten bój sprawi, czego wiek żaden nie nagrodzi, Ni ludzkie pokolenie, choć się jak mak zrodzi. — Poganie dusze chrześciańskie jak mak żobią.—Człowieka zabić, nie mowią zabić, ale uspić, pożrzeć, pożobać, jako mak posiec.—Nic trzeba maku siekać (actum ne agas).—Darmo na jego miękkie piernaty Kłączystych maków sen rzuca kwiaty, Bo dawno się wybrał na gór wierzchołki.—Rzekłbyś, że ktoś między niemi posiał maku, takie milczenie panowało, młodzian jeszcze przeszkodził, że nie podrzymali.—Skoro matka weszła, jako zasuł makiem, Choć dotąd igrał, żartował i brojił.—Nie radzę Mościa Panna siłą jadać maku, Bo zbytnim makiem tego człek przypłaca smaku.—Główka jak makówka, a rozumu pusto.—Główka by makówka, a rozumu by naplwał.—Po téj pracy wyśpicie się, jak po makowéj poléwce.—Makowe ziarno; *Prov. Croat.* Uchinil sze kuliko makovo zerno; *Ragus.* Ucinio se koliko makkovo zarno, *humiliavit se cum maxima demissione*. (*Linde*).

Митроф. Дикаревъ.

Нечистая сила въ судьбахъ женщины-матери [1]).

Родильныя муки не составляютъ исключительно „женской доли". Страданія роженицы могутъ, напримѣръ, перейти на мужа.

Въ концѣ 1894 г. у насъ въ семьѣ служила дѣвушка изъ семьи калужскихъ крестьянъ-переселенцевъ. Однажды, бесѣдуя съ моей женой, она вскользь упомянула, что у ея тетки, живущей здѣсь же, въ Владикавказѣ, послѣдніе роды были необыкновенно легкіе: вмѣсто нея болѣлъ ея мужъ... Остановленная разспросами, она пояснила, что, въ противоположность предыдущимъ случаямъ, ея тетка въ послѣдній разъ очень легко родила, но за то ея мужъ цѣлую недѣлю промаялся поясницей. Отъ болей онъ не могъ работать; онъ сердился и бранилъ жену, говоря, что она „наворожила" на него *свои* боли [2]).

Заинтересованный необычнымъ разсказомъ, я просилъ жену провѣрить его и пополнить, разспросивъ о томъ же мачеху Өедосьи— имя дѣвушки. Мачеха разсказъ подтвердила, добавивъ слѣдующія подробности. Тетка Өедосьи—тоже калужская переселенка— замужемъ вторично. Отъ перваго мужа у нея было нѣсколько дѣтей, и всѣ роды были трудные. Отъ второго мужа у нея пока былъ одинъ ребенокъ. Въ противоположность предыдущимъ родамъ, на этотъ разъ роды были исключительно легкіе. Она почти не болѣла, на второй день была уже на ногахъ, работая „какъ ни въ чемъ не бывало". Въ то же самое время мужъ на цѣлую недѣлю заболѣлъ поясницей. Это совпаденіе и было истолковано, какъ переходъ на него родильныхъ страданій жены.

Относительно самой себя и своихъ мачеха замѣтила, что они-то не вѣрятъ въ возможность такого перехода: „Мы говорили ей (теткѣ), какъ это можетъ быть, чтобы вмѣсто жены да мужъ бо-

---

[1]) Преимущественно по даннымъ русской этнографіи.

[2]) Родовыя боли сознаются роженицей, какъ поясничныя боли,—обстоятельство, обусловленное нервной топографіей.

дѣлъ? и отчего же этого ни съ кѣмъ не бываетъ, кромѣ тебя?"— Мачеха считала гораздо болѣе вѣроятнымъ другое объясненіе, почему тетка въ первое замужество мучилась родами, а теперь нѣтъ. Она слышала здѣсь, въ Владикавказѣ, что если невѣста, идя къ вѣнцу, при входѣ въ церковь, обопрется на ручку церковной двери, но только незамѣтно для самой себя, то она будетъ легко рожать. Такъ, полагаетъ она, было, вѣроятно, и съ теткой, когда она шла къ вѣнцу во второй разъ: оперлась и не замѣтила [1]). Мачеха прибавила, что тетка снова беременна, и что всѣ родные ждутъ предстоящихъ родовъ: повторится ли снова то же самое?.. (NB. Не повторилось).

Это не было единственнымъ указаніемъ на переходимость родильной муки, съ которымъ намъ довелось встрѣтиться... Здѣшняя жительница Л., родомъ изъ Малороссіи, жена кузнеца, на разспросы моей жены сообщила, что въ Малороссіи „этого не бываетъ, а у русскихъ [2]), говорятъ, бываетъ". Она привела даже пословицу: „Корова рожаетъ, а у быка брюхо болитъ". На вопросъ: „отчего же это бываетъ", она отвѣтила: „кто его знаетъ: говорятъ, отъ колдовства, что ли". Впрочемъ, поспѣшила она оговориться, „все это пустяки, которымъ нельзя вѣрить, вродѣ какъ вотъ говорятъ, что человѣка можно испортить"; ни съ ней самой ничего похожаго не случалось, ни съ ея матерью.—Сосѣдка ея, тоже малороссіянка, присутствовавшая при разговорѣ, также подтвердила, что „у рускихъ это, говорятъ, бываетъ", и повторила ту же пословицу, но въ другой, нѣсколько менѣе приличной формѣ, замѣнивъ „брюхо" менѣе удобнымъ словомъ „ж"... Наконецъ, наша добрая знакомая Б., выросшая въ Сибири, сообщила намъ, что она слышала о такой возможности въ Сургутѣ и Ишимѣ, Тобольск. губ. Ей даже указывали на одну женщину, которая сумѣла такъ „наколдовать" на мужа: „онъ рожалъ—мучился, а она ничего, опросталась себѣ—и горя мало" [3]).

Такимъ образомъ, идея о возможности перехода родильныхъ страданій на мужа донынѣ не исчезла изъ народной памяти въ разныхъ уголкахъ нашей земли. А еще не такъ давно, по свидѣтельству В. Н. Добровольскаго, она была весьма живой и пользовалась извѣстной распространенностью.

„Въ одномъ... уголкѣ Смоленской губ., сообщаетъ онъ, на границѣ Ельнинскаго и Смоленскаго уѣздовъ, переживался до сихъ

---

[1]) О сходномъ повѣрьи упоминаетъ Даль: чрезъ посредство церковнаго замка, путемъ какой-то передачи, можно избавиться отъ тягостныхъ послѣдствій будущего материнства. „Мнѣ беременѣть, тебѣ прихоти носить", говоритъ (смоленская) невѣста, грызя зубами церковный замокъ, при входѣ къ вѣнцу. (Даль, Пословицы русскаго народа, т. I, стр. 340).—О смоленскихъ повѣрьяхъ см. ниже.

[2]) Т. е. у великороссовъ.

[3]) Привожу подлинное выраженіе.

поръ народомъ спорадически замѣчательно древній обычай, и еще до сихъ поръ поется пѣсня, сопровождающая этотъ обычай. Повѣрія, связанныя съ этимъ обычаемъ, существовали и въ Могилевской губерніи, близъ Микулина. Древній обычай, выполняемый во время родовъ, состоялъ въ слѣдующемъ: во время родовъ женщины мужъ ея стоналъ и очень усердно, какъ будто раздѣляя муки своей жены. До сихъ поръ въ деревнѣ Руднѣ, Ельнинскаго уѣзда, живъ еще одинъ крестьянинъ Иванъ Лоричкинъ, считавшій своею обязанностью стонать въ подобныхъ случаяхъ. Иванъ Лоричкинъ такъ сильно стоналъ, такъ сильно, „не ў галаву", кричалъ во время родовъ жены, что его мать не знала, кого „ретовать" (спасать): сына или невѣстку; онъ блѣднѣлъ, „какъ полотно", и чернѣлъ, „какъ чугунъ".

Вышеописанный обрядъ былъ предваряемъ свадебнымъ обрядомъ: молодой супругъ, если признавалъ авторитетъ жены выше своего, позволялъ женѣ три раза перекатиться черезъ себя. Въ силу этого обряда супругъ какъ бы обязывался принимать на себя муки родовъ и сочувствовать стонами страданіямъ своей жены.

Обычаю соотвѣтствуетъ пѣсня:

А скачила да Хрузычка,
А ина съ печи на полъ,
Пакланилась да Иванички,
Ды да самыхъ да похъ:
—„А, Иваничка Тимаѳеичъ,
Да навяликій ты панокъ:
Да скинь-ка ты, Иваничка,
Да свой синій жупавокъ!..
Улажилъ ты мнѣ у галовушку стыгнáння,
Стыгнання, стыгнання, стыгнання!..
Якъ буду жъ я да на каравати стагнати,
Стагнати, стагнати, стагнати,
Будитъ па мнѣ мой миленькій ильнати,
Ильнати, ильнати, ильнати...
Да ўлажилъ ты мнѣ у галовушку стыгнання,
Стыгнання, стыгнання, стыгнання...

... Есть бабки, по народному повѣрію, которыя могутъ поддѣлать такъ, что мужчина будетъ мучиться родами вмѣсто жены; въ этомъ случаѣ уже не упоминается о добровольномъ согласіи мужчины и женщины дѣлить между собою муки родовъ, — муки родовъ навязываются мужчинѣ невольно вслѣдствіе чаръ колдуньи-бабки. Въ сельцѣ Подборьѣ, Хмарской волости, Ельнинскаго уѣзда, былъ подобный случай. По просьбѣ жены крестьянина Ивана Горбачева, былъ сдѣланъ бабкою поддѣлъ ея мужу; во время родовъ своей жены Иванъ Горбачевъ такъ же стоналъ „не ў галаву", вслѣдствіе поддѣла, какъ и Иванъ Лоричкинъ; жена его не страдала, а у него сильно болѣла „середина" и животъ [1]).

Замѣчательно, что этотъ поддѣлъ былъ сдѣланъ съ цѣлью наказать Ивана Горбачева за его супружескую невѣрность; потомъ

[1]) Докторъ медицины К. сообщилъ мнѣ случай подобнаго сочувствованія мужа внѣ зависимости отъ какого-либо повѣрья. Ему былъ извѣстенъ одинъ субъектъ, который во время родовыхъ схватокъ жены самъ страдалъ спазматическими болями кишечника. Это повторилось всѣ три раза, какъ его жена рожала; въ обыкновенное же время онъ не страдалъ подобными болями. (А. Р.)

ужъ жена жалѣла его, но даже при помощи бабокъ и дѣдовъ не могла отмѣнить силы заклятія.

По сообщенію крестьянки села Данькова Матрены Антоненковой, случаи подобнаго рода бывали въ Краснинскомъ уѣздѣ; поддѣлъ дѣлался на свадьбѣ" [1]).

Попутно сдѣланное указаніе, что подражаніе стонамъ сопровождалось для мужа дѣйствительнымъ недомоганіемъ и въ то же время дѣйствительнымъ облегченіемъ для жены, которой онъ, по словамъ пѣсни, „ўлажилъ у галовушку стыгнання", совпадая съ данными научной психологіи,—съ одной стороны, служитъ порукой въ правдивости разсказа, а съ другой, въ извѣстной мѣрѣ, объясняетъ, какими вліяніями держалось повѣрье. По Рябо, притворныя дѣйствія сопровождаются дѣйствительнымъ психическимъ эффектомъ. „Мы не въ состояніи оставаться безучастными передъ возбужденіемъ, которое мы притворно выражаемъ... между состояніемъ мозга и его внѣшними проявленіями существуетъ всегда извѣстное отношеніе взаимности, въ томъ смыслѣ, что одно не можетъ родиться, чтобы не вызвать другого, и наоборотъ" [2]).

Такимъ образомъ, самое исполненіе обычая освѣжало и поддерживало повѣрье. - При наличности же повѣрья „не важно, реальны... или воображаемы страданья,—съ точки зрѣнія психологической, субъективной, это одно и то же. Извѣстно, что достаточно сосредоточить вниманіе на какой-либо части тѣла (сердцѣ, желудкѣ, пузырѣ, кишкахъ), чтобы вызвать въ сознаніи необычныя ощущенія; здѣсь передъ нами частный случай общаго закона—стремленія всякаго рѣзкаго состоянія сознанія выразиться въ дѣйствіи. Нѣкоторые люди обладаютъ въ этомъ отношеніи особымъ даромъ. Сэръ Дж. Броди утверждаетъ, что онъ могъ по желанію ощущать боль въ *любомъ мѣстѣ* своего тѣла, сильно фиксируя на немъ вниманіе" [3]).

---

[1]) В. Н. Добровольскій. Смоленскій Этнограф. Сборникъ, ч. II, стр. 4—5, 369—72 (1894 г.). Предварительная замѣтка: V. Jagić. „Spuren der Couvade in Weissrussland" была въ „Archiv für slavische Philologie" за 1887 г. (т. IV, стр. 701—2).

[2]) Одно изъ основныхъ положеній въ „Психологіи преступной толпы" Сигеле (стр. 63).—Выдержка взята отсюда.

[3]) Рибо. Психологія вниманія, стр. 87.—О томъ же: Рише. Сомнамбулизмъ, демонизмъ и пр., стр. 335—9. Маудсли. Физіологія души, стр. 162—3. Карпентеръ. Основанія физіологіи ума, стр. 124—5, 136; на стр. 137 приводится слѣдующій случай: „въ лавку Макферлана, дрогиста, привели однажды съ сосѣдняго рынка мясника, съ которымъ случилось большое несчастіе. Человѣкъ этотъ, вѣшая тяжелую тушу на крюкъ, надъ своей головой, поскользнулся, и острый крюкъ захватилъ его руку, такъ что онъ самъ повисъ. Лицо его было блѣдно, пульсъ едва замѣтенъ, и онъ стоналъ отъ острой боли. Двинуть рукой безъ сильнаго страданія онъ не могъ и, пока разрѣзывали рукавъ, нѣсколько разъ вскрикивалъ. Когда же рука его была, наконецъ, обнажена, то ее нашли цѣлой и невредимой: крюкъ прошелъ только черезъ рукавъ верхняго платья. Нельзя придумать, замѣчаетъ Карпентеръ,

Обратное явленіе—возможность не чувствовать боли, когда существуютъ на лицо объективныя условія ея. Хотя явленіе это, по Карпентеру, „всѣмъ извѣстно“, я приведу по книгѣ проф. Бернгейма, въ силу самостоятельнаго интереса, нѣсколько пространную выдержку, касающуюся психологіи талисмановъ и заговоровъ. Во времена пытки, при судебномъ допросѣ, „нѣкоторые индивиды дѣлались нечувствительными подъ вліяніемъ ихъ вѣры въ снотворную силу какого-либо талисмана“. По этому поводу проф. Бернгеймъ приводитъ слѣдующую страницу, взятую изъ чудесныхъ тайнъ натуральной и кабалистической магіи (Lyon. 1629): „преступники столь сильно вѣрили обладаемымъ ими тайнамъ — дѣлаться нечувствительными къ пыткѣ, что добровольно шли подъ арестъ, съ цѣлью очиститься отъ извѣстныхъ подозрѣній. Изъ нихъ одни пользовались извѣстными, шепотомъ произносимыми словами; другіе маленькими билетиками, прятавшимися ими въ какой-либо части своего тѣла. Одинъ изъ такихъ, который, какъ я это открылъ, пользовался этого рода волшебствомъ, удивилъ насъ своей сверхъестественной твердостью: послѣ перваго приступа пытки онъ казался такъ же спокойно спящимъ, какъ если бы онъ лежалъ на хорошей постели, безъ плача, безъ жалобы и крика; при продолженіи пытки онъ оставался неподвижнымъ, подобно мраморной статуѣ. Это заставило насъ подозрѣвать, что онъ снабженъ какимъ-либо волшебствомъ, и, чтобы въ этомъ убѣдиться, его до нага раздѣли; послѣ тщательнаго обыска на немъ нашли только бумажку, на которой находилось изображеніе созвѣздія трехъ волхвовъ съ слѣдующими словами на оборотѣ: „Прекрасная звѣзда! ты, которая спасла маговъ отъ преслѣдованья Ирода, спаси меня отъ всякаго мученья“. Бумажка эта спрятана была въ лѣвомъ ухѣ. Но, хотя у него и отнята была эта бумажка, онъ, однако, оставался нечувствительнымъ къ мученіямъ, ибо, когда его подвергали послѣднимъ, онъ шепталъ, сквозь зубы, произносилъ извѣстныя слова, разслышать которыя нельзя было. Такъ какъ въ своихъ отрицаніяхъ онъ продолжалъ упорствовать, то принуждены были снова отправить его въ тюрьму“ [1]).

Сказанное выше дѣлаетъ самый фактъ вѣрованья въ переходимость родовыхъ болей (по крайней мѣрѣ, на мужа) не подлежащимъ сомнѣнію. Вопросъ можетъ быть только о прошломъ этого, нынѣ угасшаго или угасающаго, вѣрованія,—о степени его былой распространенности.

болѣе убѣдительнаго доказательства реальности чувствуемой боли, чѣмъ разстроенное состояніе субъекта въ этомъ случаѣ, и тѣмъ не менѣе боль вытекаетъ здѣсь всецѣло изъ внутренняго убѣжденія, что крюкъ прошелъ черезъ руку“

[1]) Бернгеймъ. О гипнотич. внушеніи и примѣн. его къ лѣченію болѣзней, стр. 96—97.

Если допустить, что оно было не мѣстнымъ, а всеобщимъ, разъясняется многое; прежде всего разъясняется темный вопросъ о „странномъ обычаѣ" кувады.

Но есть ли данныя въ пользу такого допущенія? — Да, есть.

II.

Съ точки зрѣнія „народной физіологіи" въ мукахъ родильницы нѣтъ ничего неразрывно связаннаго съ самымъ актомъ родовъ. Эти муки всецѣло объясняются, какъ результатъ дѣятельности злыхъ духовъ. Относительно этого мы имѣемъ, помимо косвенныхъ, прямыя и ясныя указанія. Привожу ихъ, не опуская деталей, въ порядкѣ полноты и ясности.

Источникъ прошлаго вѣка отмѣчаетъ, что башкиры считаютъ роды „игрою бѣсовъ и полагаютъ, будто схватки роженицы при началѣ родовъ вызываются прикосновеніемъ къ ней нечистаго духа. Поэтому призываютъ чародѣевъ для прогнанія бѣсовъ" [1]. Акушерская помощь нынѣ выражается въ попыткахъ терроризировать духа. „Полагая, что ребенка въ утробѣ матери держитъ за ноги шайтаиъ, онъ (мужъ), тихонько подкравшись къ женѣ, стрѣляетъ на воздухъ изъ ружья... Въ прежнее время для этой цѣли, по словамъ Лепехина (Дневникъ), приглашались особые спеціалисты шайтанъ-курязи, т. е. люди, способные видѣть черта, но теперь о нихъ и понятія не имѣютъ" [2]).

Армяне Эриванской губерніи понынѣ убѣждены, что муки родильницы при разрѣшеніи мальчикомъ создаются нечистою силой. Они вѣрятъ, что „черти отъ тайнаго сожительства съ мужчинами всегда разрѣшаются дѣтьми женскаго пола и никакъ не могутъ разрѣшиться дѣтьми мужского пола; потому они знаютъ, гдѣ, когда должна разрѣшиться женщина, и собираются въ ея домъ, невидимо достаютъ изъ ея чрева плодъ мужского пола и уносятъ, а чтобы родильница не говорила объ этомъ, и ея сердце ѣдятъ; если же это имъ не удается, такъ они ей затрудняютъ роды. Отъ этого на порогѣ родильнаго дома нужно положить кусочекъ желѣза, и тѣмъ загородить путь въ домъ чертямъ; также стрѣляютъ на дворѣ, чтобы черти испугались и убѣжали. Черти сильно завидуютъ родильницѣ мальчика и стараются повредить ей, и если подъ голову ея не положить Евангелія или какой-нибудь другой св. книги, то злые духи разорвутъ ея сердце, и она умретъ, или же, когда дома никого не будетъ, подымутся

---

[1]) Абевега русскихъ суевѣрій, сочиненіе М. Ч (улкова). Москва. 1786. (Цитировано у В. Ѳ. Демича: Очерки русской народн. медицины. I. Акушерство. Врачъ, 1889 г., № 9, стр. 227).

[2]) П. С. Назаровъ. Къ этнографіи башкиръ. (Этнограф. Обозрѣніе, кн. III, стр. 190).

на потолокъ и станутъ бросаться на лежащую родильницу, пока не измучатъ и не убьютъ ея" [1]).

Удины вѣрятъ въ злого духа „hал" (алъ).—„Послѣ родовъ у нѣкоторыхъ женщинъ бываетъ сильное истеченіе крови, и онѣ лишаются чувствъ; удины говорятъ, что это дѣйствіе злого духа „hал", и для предупрежденія этого подъ подушку женщины кладутъ кинжалъ, шампуръ, чеснокъ, окружаютъ постель цѣпью и заставляютъ женщину откусывать чеснокъ... По разрѣшеніи сейчасъ приглашаютъ священника, чтобы освятить домъ..." [2]). Злая дѣятельность hал'а и борьба съ нимъ заключается въ слѣдующемъ: онъ „вынимаетъ сердце и печень, желая лишить родильницу жизни; она впадаетъ въ обморокъ; на помощь являются мужчины: стрѣляютъ изъ ружей; одинъ открываетъ ей ротъ, держитъ за языкъ, другой тянетъ за уши, третій бьетъ по щекѣ, четвертый тащитъ за волоса; кричатъ, зовутъ по имени,—такъ изгоняютъ злого духа „hал". Женщина просыпается и оживаетъ. Во время этого процесса опорожняютъ всѣ кувшины съ водою, чтобы злой духъ не бросилъ сердце и печень въ кувшинъ. (Женщина не умираетъ, пока „hал" не опуститъ сердце и печень ея въ воду). Когда женщина приходитъ въ себя, ей даютъ жевать кеву; нитку наматываютъ на клубокъ; кладутъ косу въ ротъ или приводятъ къ больной женщинѣ осла и на подолѣ ея даютъ ослу ѣсть ячмень, чтобы злой духъ „hал" вторично не пришелъ" [3]).

Предметъ страха куртинокъ Эриванской губерніи—„алки". Это—„невидимыя женщины, чертовки, которыя безпощадно истребляютъ женщинъ послѣ родовъ: онѣ превращаются въ волосокъ,

---

[1]) Бунятовъ. Домашнее воспитаніе у армянъ Эриванск. губ. (Этногр. Обозр.. кн. XXIII, стр. 168).—Любопытно, что въ давномъ случаѣ примитивная теорія страданій материнства, сохранивъ свои наиболѣе характерныя черты, примѣняется лишь частично: только къ случаю труднаго разрѣшенія мальчикомъ. (Сравн. съ другими указаніями).—Въ какой мѣрѣ здѣсь могло сказаться то обстоятельство, что мальчики, вообще говоря, родятся болѣе крупными, чѣмъ дѣвочки? Для мальчиковъ *среднимъ числомъ* можно принять $7^7/_{10}$ фунт. (3147 грм.), а для дѣвочекъ $7^3/_{10}$ ф. (2968 грм.), т. е. на $^2/_5$ фун. больше. (Жукъ. Мать и дитя, стр. 192, изд. 2).

[2]) Отмѣтимъ эту подробность. Оговорюсь попутно относительно детальности приводимыхъ указаній. Эти детали въ послѣдующемъ изложеніи позволятъ разъяснить тѣ случаи, когда „родовспомогательные" обычаи въ большей или меньшей степени сохранились, вѣрованія же, создавшія ихъ, уже забыты.

[3]) М. Бежановъ. Краткія свѣдѣнія о с. Варташенъ и его жителяхъ. (Сборникъ матеріал. для опис. мѣстностей и племенъ Кавказа, т. XIV, стр. 244—5, 261).—„Разсказываютъ, одинъ варташенецъ засталъ около рѣчки злого духа „hал", который хотѣлъ мыть печень и сердце женщины; онъ поймалъ духа, отрѣзалъ его косу и его самого хотѣлъ взять домой; „hал" сталъ просить: „ради Бога пусти меня! я сердце и печень возьму обратно, чтобы женщина не умерла",—варташенецъ отпустилъ его. Теперь отрѣзанная коса „hал"'а находится у него въ домѣ, и когда какую-нибудь женщину одерживаетъ „hал", то косу берутъ и показываютъ ей, и она выздоравливаетъ" (стр. 261).

съ пищею входятъ во внутренность женщины; вырвавъ легкія съ сердцемъ, алки уносятъ ихъ и пожираютъ вмѣстѣ съ дѣтьми; женщина же, лишившись внутренности, умираетъ. Поэтому, проклиная женщину, ей говорятъ: „чтобы алкъ съѣла твою внутренность“ [1]).

Со страхомъ и ужасомъ ждетъ приближенія родовъ киргизка. „Албоста—злой духъ роженицъ—наиболѣе подходитъ къ вѣдьмѣ, живетъ въ логахъ и ярахъ. Албосту представляютъ въ образѣ женщины высокаго роста, съ большой головой и большими грудями, доходящими до колѣнъ; пальцы рукъ вооружены длинными и острыми когтями; волосы очень длинные и спускаются до земли. Въ такой формѣ представляютъ Албосту какъ Семирѣченскіе, такъ и Акмолинскіе и Ферганскіе киргизы; повидимому, такое представленіе о ней существуетъ и у другихъ киргизовъ. Это, къ счастью, одно изъ немногихъ вѣрованій, которое имѣетъ мрачный характеръ и даже заставляетъ ихъ прибѣгать къ употребленію жестокихъ мѣръ противъ безпомощныхъ и беззащитныхъ своихъ рожевицъ. Еще и въ настоящее время дѣлается жертвою этого вѣрованія ежегодно и уходитъ преждевременно въ могилу не одна киргизка, но еще больше платится здоровьемъ. Сущность этого вѣрованія состоитъ въ слѣдующемъ: когда, по несчастью, во время процесса родовъ случится обморокъ съ роженицей, то киргизы думаютъ, что это Албоста душитъ ее; во время этого обморока Албоста будто бы вынимаетъ легкія черезъ ротъ, мочитъ ихъ въ водѣ, отчего роженица и умираетъ. Безспорно, подобное вѣрованіе, дѣйствуя подавляющимъ образомъ на душевное состояніе беременной женщины, служитъ причиной, способной легко вызвать во время родовъ припадокъ обморока. И дѣйствительно, киргизка не безъ страха и ужаса ожидаетъ приближенія срока родовъ, о чемъ за нѣсколько времени впередъ сообщаетъ мужу и близкимъ роднымъ, исключительно женщинамъ и притомъ уже не молодымъ Мужъ и родные заблаговременно стараются принять мѣры предосторожности противъ Албосты. Такъ, въ прежнее время приглашали баксу, который чтеніемъ своихъ таинственныхъ заговоровъ и заклинаній старался не допустить Албосту войти въ юрту; теперь для этой цѣли приглашаютъ муллу, который читаетъ молитвы изъ корана, какъ до обморока, такъ и во время случившагося обморока. Когда же чтеніе молитвъ не помогаетъ, и роженица продолжаетъ лежать въ обморокѣ, тогда начинаютъ принимать болѣе энергичныя мѣры: роженицу слегка бьютъ, а если и это не помогаетъ, то принимаютъ еще болѣе рѣшительныя мѣры: 1) начинаютъ бить плетями сначала легонько, а потомъ и сильнѣе; 2) вбиваютъ въ землю четыре

---

[1]) Егіазаровъ. Краткій этнографич. очеркъ курдовъ Эриванской губ. (Записки Кавказск. отдѣла Имп. Русск. Геогр. Общ., кн. XIII, вып. 2, стр. 59).

шеста, къ которымъ привязываютъ роженицу за руки и за ноги и такъ оставляютъ на нѣкоторое время. Старожилы утверждаютъ, что въ прежнее время въ такихъ случаяхъ по несчастнымъ роженицамъ прогоняли барановъ и даже, будто бы, табунъ лошадей! Такія жестокія мѣры, какъ удалось слышать, и до сихъ поръ употребляются, главнымъ образомъ, Акмолинскими киргизами. Семирѣченскіе же кара-киргизы, во время случившагося обморока съ роженицей, также приглашаютъ муллу, но, по разсказамъ, рѣже прибѣгали и прибѣгаютъ къ вышеприведеннымъ мѣрамъ. Какъ намъ пришлось наблюдать, они главнымъ образомъ стараются произвести какъ можно большій шумъ: бѣгаютъ вокругъ юрты, громко кричатъ, стучатъ палками или бьютъ въ самодѣльные барабаны, стрѣляютъ изъ ружей. Изъ сосѣднихъ юртъ также сбѣгаются и принимаютъ дѣятельное участіе въ изгнаніи Албосты. Всѣ въ ужасѣ и страхѣ. Роженица, почти оставленная всѣми, лежитъ безъ помощи; подлѣ нея, съ убитымъ видомъ, сидитъ близкая ей родственница старуха и плачетъ. Громкій плачъ и крики отчаянія раздаются и изъ толпы, бѣгающей вокругъ юрты и старающейся вышеупомянутыми средствами прогнать Албосту. Если и это все не помогаетъ, то стараются достать и принести въ юрту беркута: киргизы вѣрятъ, что Албоста боится этой птицы и, увидѣвъ ее, уходитъ. Пить воды роженицѣ ни подъ какимъ видомъ не даютъ, хотя бы она, очнувшись отъ обморока, и просила. Изъ юрты вода обязательно уносится, такъ какъ, въ силу существующаго вѣрованія, что Албоста мочитъ легкія въ водѣ, понятное дѣло, вблизи роженицы нельзя держать воды; въ противномъ случаѣ, это значило бы создавать и поддерживать благопріятныя условія для дѣятельности Албосты, и это тѣмъ болѣе достойно замѣчанія, что здѣшніе киргизы почти всѣ болѣзни лечатъ исключительно водой, а это чуть ли не единственный случай, когда они избѣгаютъ дать больной хоть каплю воды, глотокъ которой, въ данномъ случаѣ и при ихъ условіяхъ жизни, былъ бы единственно спасительнымъ и полезнымъ..." [1])

Пополню эти данныя слѣдующимъ указаніемъ. „Киргизы приписываютъ задержаніе послѣда living козням злыхъ духовъ.. они прибѣгаютъ въ такомъ случаѣ къ суевѣрнымъ средствамъ, долженствующимъ испугать виновниковъ болѣзни: 1) приводятъ быстро

[1]) Ѳ. Поярковъ. Изъ области киргизскихъ вѣрованій. (Этнографич. Обозр., кн. XI, стр. 41—2). Какъ и среди удинъ, среди киргизовъ распространенъ разсказъ объ одномъ киргизѣ, который однажды засталъ Албосту въ то самое время, когда она мочила въ водѣ вынутыя изъ роженицы легкія. Киргизъ заставилъ ее вернуться и вложить легкія обратно, послѣ чего роженица ожила.—Киргизы вѣрятъ, что между ними есть такіе, которыхъ Албоста боится и приказаній которыхъ она слушается. Есть и такіе, которые знаются съ Албостой и употребляютъ ее своимъ орудіемъ для того, чтобы принести ближнему или сосѣду непріятности или даже несчастіе.

въ кибитку лошадь съ свѣтлыми глазами и наклоняютъ морду ея къ груди больной; 2) приносятъ филина и заставляютъ его кричать, вѣря, что голосъ этой птицы прогоняетъ нечистыхъ духовъ; 3) набрасываютъ на голое тѣло роженицы особенный колючій кустарникъ (чингиль), чтобы уколоть духовъ. Если же такіе способы не помогаютъ, то призывается знахарь (бакса), который стремглавъ бросается къ больной и бьетъ ее палкой, чтобы изгнать изъ нея злыхъ духовъ. Лишь въ крайнемъ случаѣ вынимаютъ послѣдъ рукою" [1]).

Обычаи современныхъ калмыковъ, и алтайскихъ и астраханскихъ, съ точки зрѣнія опредѣленности обоснованія стоятъ ниже приведенныхъ. Объ алтайскихъ калмыкахъ читаемъ только, что „рожденіе дѣтей... происходитъ при стеченіи народа, крикахъ и ружейной пальбѣ .. Огня изъ юрты, гдѣ есть новорожденный младенецъ, не даютъ до 40 дней, а болѣе гоняющіеся за счастьемъ— и въ теченіе года [2]). Объ астраханскихъ читаемъ: „если роды трудные и продолжительные, то послѣ употребленія всякихъ манипуляцій, въ родѣ встряски, искусственнаго потягиванія и сжиманія живота родильницы, приглашаютъ гелюнга для чтенія назначенныхъ на такой случай молитвъ... По убѣжденію калмыковъ, смертность дѣтей происходитъ отъ дѣйствія злыхъ духовъ (чоткиръ, алмысъ и пр.), и вотъ, чтобы ввести въ заблужденіе ихъ, даются имена животныхъ, бранныя и пр. Употребляются и другія средства. Въ той семьѣ, гдѣ дѣти умираютъ, новорожденнаго не показываютъ постороннимъ лицамъ, а иногда даже и родственниковъ, причемъ или ребенка только прячутъ передъ входомъ постороннихъ лицъ, или же послѣднихъ совершенно не пускаютъ въ ту кибитку, гдѣ есть охраняемый ребенокъ [3]). Третье средство сохраненія жизни дѣтей—посвященіе ихъ, хотя фиктивное, хурулу подъ названіемъ манжиковъ. Наконецъ, практикуется родъ талисмановъ: къ волосамъ дѣтей прикрѣпляютъ или серебряныя монеты изъ числа подаренныхъ ребенку въ день рожденія и омовенія, или же мелкія раковины „могантола" [змѣиная голова[4]] [5]).

---

[1]) Русскій Туркестанъ, вып. II, стр. 120 и сл. (Цитир. въ „Очеркахъ народной медицины" В. Ө. Демича.—Врачъ, 1889 г., № 10, стр. 270).—Слабымъ отблескомъ приведенныхъ указаній о киргизахъ кажется то, что упоминаетъ Гельвальдъ о пріемахъ „помощи" у австралійскихъ папуасовъ: „во время разрѣшенія родильницу навѣщаютъ женщины ея деревни и оказываютъ ей помощь тѣмъ, что колотятъ ее въ грудь кулаками и обливаютъ водой". (Гельвальдъ. Естеств. истор. племенъ и народовъ, т. I, стр. 110).

[2]) Вербицкій. Алтайскіе инородцы, стр. 85—6.

[3]) Сравн. съ повѣрьемъ месховъ о томъ, что вмѣстѣ съ путникомъ къ родильницѣ можетъ войти злой духъ-мучитель (См. ниже).

[4]) Сравн. съ повѣрьемъ туземцевъ Закатальскаго округа о томъ, что злые духи боятся змѣй и даже веревки, похожей на змѣю (См. ниже).

[5]) Житецкій. Очерки быта астрах. калмыковъ. (Труды Этногр. Отд. Имп. Общ. Люб. Естеств., Антр. и Этногр., т. LXXVII, стр. 26).

Ключъ къ этимъ малоопредѣленнымъ обычаямъ и повѣрьямъ мы находимъ, вернувшись за столѣтіе назадъ, въ вѣрованіяхъ калмыковъ, записанныхъ Палласомъ. „Если рожаетъ простолюдинка, зовутъ жреца, который долженъ прочесть у кибитки соотвѣтствующія тангутскія молитвы. Тѣмъ временемъ мужъ роженицы долженъ растянуть вокругъ кибитки сѣть и, затѣмъ, вооружившись палкой, онъ долженъ обходить кибитку, размахивая палкой и крича: „гартъ, четкиръ“ (прочь, чертъ); это воздушное сраженіе, имѣющее цѣлью не допустить къ родильницѣ сатанинскаго посланца, должно продолжаться, пока не явится на свѣтъ ребенокъ. У знатныхъ людей попы, читающіе молитвы, ставятся на стражу въ такомъ количествѣ, котораго за глаза довольно, чтобы прогнать злыхъ духовъ [1]).

Въ Абиссиніи [2]) „если роды тяжелые, то отецъ снимаетъ сандаліи и обходитъ домъ босикомъ, нанося плашмя удары своимъ мечемъ по стѣнамъ съ наружной стороны... женщины, присутствующія при родахъ, поютъ молитвы св. Маріи, покровительницѣ матерей [3]). Это указаніе также не заключаетъ прямого свидѣтельства, что родильныя муки—дѣло призрачныхъ враговъ. Но оно пріобрѣтаетъ такую опредѣленность при сопоставленіи, въ частности, съ слѣдующимъ указаніемъ относительно киргизовъ (семипалатинскихъ): „во время акта родовъ, особенно затянувшихся, киргизъ усердно бьетъ плетью по стѣнамъ той юрты, въ которой лежитъ родильница, прогоняя тѣмъ присутствіе злыхъ духовъ“ [4]). Очевидно, вся разница или въ полнотѣ наблюденія или въ полнотѣ переживанія.

XVIII вѣкъ: „Рейнегсъ передаетъ намъ слѣдующія интересныя подробности о суевѣріяхъ грузинъ. Они думаютъ, говоритъ онъ, что злые духи особенно охотно нападаютъ послѣ родовъ какъ на саму роженицу, такъ и на ребенка; чтобы предохранить обоихъ отъ ихъ дурного вліянія, грузины кладутъ подъ подушку роженицы кинжалъ или мечъ мужа. Надъ одѣяломъ прикрѣпляютъ краснаго цвѣта сѣтку, на узлахъ которой повѣшены свинцовые шарики одинаковой величины: дѣлается это съ тою цѣлью, чтобы сѣть, сохраняя всегда неизмѣнное положеніе и прикрывая роженицу со всѣхъ сторонъ, не дала возможности злымъ духамъ про-

---

[1]) Pallas. Reise durch verschiedene Provinzen des russischen Reichs. 1773—1776, т. I, стр. 360. Въ первое время роженица „должна выходить не иначе, какъ съ закутанной головой, и до сорока дней она не можетъ присутствовать при богослуженіи“ (сравн. ниже, гл. VII).

[2]) Расположеніе матеріала обусловлено полнотой, съ которою сохранилась примитивная теорія страданій материнства—въ однихъ случаяхъ, и степенью легкости, съ которой могутъ быть возстановлены характерныя, но уже утраченныя черты ея—въ другихъ случаяхъ.

[3]) Гельвальдъ. Ест. ист. плем. и народ., т. I, стр. 327.

[4]) Троновъ. Матеріалы по антропологіи и этнологіи киргизовъ. (Записки Имп. Русск. Географ. Общ. по отд. Этногр., т. XVII, вып. 2, стр. 57).

никнуть подъ ея одѣяло. Сорокъ дней проводитъ роженица въ этомъ положеніи, не смѣя выйти изъ постели или показаться на чистый воздухъ [1]). Современный источникъ [2]) перечисляетъ бѣды, угрожающія родильницѣ: „существуетъ повѣрье, что при родахъ нечистая сила, въ образѣ змѣи, старается напасть на новорожденнаго и задушить родильницу. Чаще же всего Али, духъ женскаго пола, преслѣдуетъ родильницъ. Онъ является имъ въ образѣ повивальныхъ бабокъ, умерщвляетъ дитя, а родильницу уводитъ и бросаетъ въ рѣку. Ей угрожаетъ еще „злой вѣтеръ", который пристаетъ къ людямъ, отправляющимся ночью черезъ рѣку, или вообще черезъ воду. „Вѣтеръ этотъ не приноситъ никому вреда, кромѣ женщинъ, находящихся въ родахъ, и ихъ новорожденныхъ". На этомъ основаніи пріѣзжій никогда ранѣе часа не впускается къ родильницѣ. Въ защиту матери и ребенка, кромѣ вышеупомянутыхъ средствъ (обнаженные кинжалъ и шашка подъ головой и *освященная* [3]) сѣть вокругъ постели), практикуется еще особая мѣра: „учреждается ночная стража (гамис-тева), обязанная защищать ихъ отъ нечистой силы, такъ какъ дознано опытомъ, что новорожденный и мать бываютъ только пятнадцать дней въ опасности отъ змія [4]). Такимъ образомъ, мы получаемъ указаніе, что опасность со стороны злыхъ духовъ ограничена извѣстнымъ срокомъ и что съ этимъ срокомъ связанъ послѣродовой карантинъ женщины (въ данномъ случаѣ въ ея интересахъ [5]).

Остановимся, какъ на ключѣ къ нѣкоторымъ темнымъ обычаямъ, на ясныхъ повѣрьяхъ и обычаяхъ месховъ. „Ави-сули (злая душа или злой духъ)... поселяется въ домѣ во время родовъ женщины. Онъ преслѣдуетъ родильницу и новорожденнаго ребенка. Для загражденія доступа къ ней, прибиваютъ на порогѣ подкову или желѣзную цѣпь, черезъ которую Ави-сули не рѣшается перешагнуть. Саму родильницу, а также ребенка покрываютъ сѣтью, кладутъ у изголовья кинжалъ и вертелъ. Послѣдній снабженъ тремя луковицами, запахъ которыхъ противенъ Ави-сули. Кинжалъ и вертелъ, какъ всѣ желѣзныя вещи, служатъ лучшимъ средствомъ отраженія вообще злыхъ духовъ. Однако, всѣ эти мѣры предосторожности считаются не вполнѣ достаточными для противодѣйствія Ави-сули. Необходимо прочесть особую молитву, произнести заговоръ, извѣстный мѣстной повивальной бабкѣ, слова которой повторяются и родильницей. Вотъ этотъ заговоръ въ русскомъ переводѣ:

---

[1]) Reineggs. Allgemeine historisch-topographiche Beschreibung des Kaukasus. 1796. (Цитир. у М. Ковалевскаго: Законъ и обычай на Кавказѣ, т. I, стр. 100).

[2]) Народы Россіи, вып. IV. 1879 г.

[3]) Обычное добавленіе къ средствамъ, переданнымъ стариной (см. ниже).

[4]) Народы Россіи, вып. IV, стр. 391—2.

[5]) См. ниже главу VII о періодѣ „нечистоты" роженицы.

Али ули Али выучила женщину (родильницу)
Кинжалъ, сѣть и гребень подложить подъ голову.
Поймала Али скверную, мерзкую,
Отрубила кинжаломъ голову, прогнала на дворъ.
Петръ сидитъ у дверей, Павелъ же на кровлѣ,
Цѣпь лежитъ на порогѣ, и крестъ на кровлѣ.
Господи, осѣни крестомъ здѣсь лежащую родильницу.

Если въ домъ родильницы придетъ путникъ ночью, то необходимо очистить его отъ Ави-сули, которая вмѣстѣ съ нимъ можетъ пробраться въ комнату. Для обезопасенія отъ этой нечистой силы путнику предлагается перепрыгнуть черезъ разведенный костеръ, и его окропляютъ св. водой" [1]).

Выше мы встрѣчались съ обычаемъ стрѣлять при разрѣшеніи женщины. Этотъ обычай объяснялся намѣреніемъ испугать и отогнать духа-мучителя. Иное толкованіе даетъ ему г. Радде, описывая обычаи хевсуръ. „Если стоны, говоритъ онъ, продолжаются слишкомъ долго и предвидятся тяжелые роды, то мужъ осторожно прокрадывается къ мѣсту (гдѣ находится жена) и пугаетъ больную выстрѣломъ изъ ружья" [2]). Это объясненіе встрѣчается и у другихъ изслѣдователей. Такъ объяснялъ обычай еще Лепехинъ [3]); такъ объясняютъ его проф. Сумцовъ [4]), д-ръ Демичъ [5]), д-ръ Сицинскій. Послѣдній полагаетъ, что „стрѣляніе надъ головой роженицы, пуганіе ея и тому подобные пріемы (имѣютъ) цѣлью усилить маточныя схватки путемъ воздѣйствія на психику роженицъ и на центры маточныхъ сокращеній, заложенныхъ въ головномъ мозгу" [6]). Чтобы оспаривать правильность этого объясненія, нѣтъ надобности отрицать извѣстную долю раціональности въ этихъ пріемахъ по самому существу ихъ. Что же касается создавшаго ихъ намѣренія, вышеприведенныя записи о родовспомогательныхъ обычаяхъ у башкиръ, армянъ и пр. даютъ этимъ пріемамъ совершенно опредѣленное и ясное толкованіе: мы имѣемъ дѣло съ устрашеніемъ, примѣняемымъ къ нечистому духу-мучителю.

Однако, если бы это понадобилось, въ пользу такого пониманія можно было бы, кромѣ того, привести слѣдующія обстоятельства:

---

[1]) А. Хахановъ. Месхи. (Этнограф. Обозр., кв. X, стр. 10—11)

[2]) Г. Радде. Хевсурія и хевсуры. (Зап. Кавказск. Отдѣла Имп. Русск. Геогр. Общ., кн. XI, стр. 74).

[3]) Дневныя записки путешествія доктора и Академіи Наукъ адъюнкта Ивана Лепехина по разнымъ провинціямъ Россійскаго Государства. 1771 г. Стр. 227. (О калмыкахъ).

[4]) Н. Сумцовъ. О славянскихъ народныхъ воззрѣніяхъ на новорожденнаго ребенка. (Журн. Министерства Народн. Просвѣщ., 1880, ноябрь, стр. 75).

[5]) В. Ѳ. Демичъ. Очерки русск. народн. медицины. I. Акушерство.— (Врачъ, 1889, № 10, стр. 252).

[6]) Сицинскій Акушерск. помощь въ Минской губ., стр. 69.

1) стрѣляніе и другіе пріемы устрашенія практикуются также при одержаніи лихорадкой. Такъ, казанскіе татары „на больного лихорадкой надѣваютъ медвѣжью или волчью шкуру, кладутъ за пазуху, во время пароксизма, кожу съ змѣи [1]), или же проводятъ черезъ больного—медвѣдя, чтобы лихорадка, испугавшись звѣря, убѣжала“ [2]). Такъ, въ Минской губ. вѣрятъ, что „лихорадка—трусиха, боится ружейнаго выстрѣла. Какъ только почувствуется холодъ отъ ея приближенія, стóитъ неожиданно выстрѣлить, чтобы самого больного передернуло, и она уйдетъ и больше не вернется“ [3]).

2) Такимъ же образомъ расправляются съ злыми духами при встрѣчѣ съ ними лицомъ къ лицу. „Если случится, что заблудившійся чеченецъ въ лѣсу или въ глухомъ мѣстѣ набредетъ на ихъ общество, то стрѣляетъ въ нихъ, и робкіе духи исчезаютъ“ [4]). То же самое дѣлаютъ словенцы: они „во время грозы звонятъ въ колокола и стрѣляютъ на воздухъ, чтобы прогнать собравшихся вѣдьмъ“ [5]).

3) Если бы выстрѣломъ имѣлось въ виду испугать самоё роженицу, было бы безразлично, кто бы ни выстрѣлилъ. Между тѣмъ, для этой цѣли предпочитается человѣкъ, который нѣкогда убилъ другого, т. е. человѣкъ способный внушить большій страхъ, чѣмъ простой, „смиренный“ человѣкъ. Такъ, г. Абдулла Омаровъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ муталима“ [6]) разсказываетъ о народѣ лакахъ слѣдующее: „однажды кунакъ пришелъ въ мечеть и сказалъ мнѣ, что его хавумъ заболѣла, а я пожелалъ ему, чтобы родился сынъ. Она страдала сильно, даже опасались за ея жизнь. Для облегченія больной, кадій написалъ талисманъ на бумагѣ [7]) и

---

1) Сравн. съ повѣрьемъ въ Закатальскомъ округѣ о томъ, что злые духи боятся змѣй.

2) Кайюмъ Насыровъ. Повѣрья и обряды Казанск. татаръ. (Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ. по Отд. Этногр., т. VI, стр. 266).—Что слова „испугаться, убѣжать“—не метафора,—общеизвѣстно. Въ Черниговской губерніи извѣстна даже національность лихорадки. „Лихорадка-жидовка, и потому ее можно выгнать, вымазавшись свинымъ саломъ“. (Деммчъ. Лихорадочныя заболѣванія и ихъ лѣченіе у русскаго народа, стр. 36). На лихорадку дѣйствуетъ даже ругань: „въ с. Турзовкѣ, Петровскаго уѣзда, Саратовской губ., проживаетъ знахарь, который лѣчитъ отъ лихорадки руганью. Когда приходитъ къ нему больной, знахарь—отставной солдатъ—начиваетъ ругать его отборною площадною бранью *въ теченіе часа и болѣе*“ (тамъ же, стр. 43).

3) Н. Янчукъ. По Минской губерніи. (Труды Этногр. Отд. Имп. Общ. Люб. Естествозн., Антроп. и Этногр., т. LXI, стр. 82).

4) Умалатъ Лаудаевъ. Чеченское племя. (Сборникъ свѣдѣній о Кавказск. горцахъ, т. VI. стр. 53).

5) Аѳанасьевъ. Поэтич. воззр. славянъ на природу, т. III, стр. 499.

6) Муталимъ—учащійся, ученикъ при мечети.

7) Религіознаго содержанія. „Въ женскія болѣзни, говоритъ въ другомъ мѣстѣ авторъ, мужчины-врачи или муллы не вмѣшиваются, и только сами бабки прибѣгаютъ въ крайнихъ случаяхъ къ помощи послѣднихъ для излѣченія больной посредствомъ молитвъ“; въ примѣчаніи къ этому авторъ доба-

отдалъ, чтобы бумажку смыли водой и дали выпить больной женщинѣ [1]), но это мало помогло, и страданія моей куначки продолжались. Ночью прибѣжали въ мечеть и просили покачать деревянную будку, на которой кадій читаетъ молитвы. Потомъ просили изъ мечети соломы, чтобы подкуривать ею больную... но ничто не помогало. На другой день просили одного человѣка, *который когда-то убилъ другого*, чтобы онъ стрѣлялъ изъ ружья около дома больной. Но и это средство оказалось недѣйствительнымъ. Наконецъ прибѣжала въ мечеть старуха и сказала кунаку, что ханумъ родила благополучно сына... Вечеромъ я былъ приглашенъ кунакомъ покушать у него „курчъ". Это кушанье готовятъ обыкновенно для роженицъ. Послѣ ужина хозяинъ просилъ меня достать изъ мечети коранъ, чтобы положить около больной жены *для отгнанія* отъ нея нечистаго духа [2]), что я и исполнилъ" [3]).

Возвратимся къ обычаю хевсуръ. Справедливость объясненія стрѣльбы, какъ мѣры устрашенія, направленной противъ злыхъ духовъ — мучителей родильницы [4]), находитъ себѣ подтвержде-

---

вляетъ: „при трудныхъ родахъ, кромѣ молитвъ, муллы совѣтуютъ подкуривать больную соломой, взятою изъ мечети". (Сборн. свѣд. о Кавказ. горцахъ, т. II, стр. 67).

[1]) Сравн.: Въ Западн.-русск. краѣ при трудныхъ родахъ „баба снимаетъ икону, обмываетъ ее и этой воды даетъ пить больной. Народъ убѣжденъ, что трудно родившая женщина околдована вѣдьмой, и самымъ дѣйствительнымъ средствомъ считаетъ обращеніе къ Богу и употребленіе священныхъ предметовъ". (Труды Этногр.-стат. экспед. въ Зап.-Русс. край, т. IV, стр. 3—4).

[2]) Что и остальныя, ранѣе перечисленныя средства были направлены противъ него же, видно, между прочимъ, изъ сравненія ихъ съ пріемами лѣченія у тѣхъ же лаковъ бѣлой горячки и сумасшествія, ибо „горцы приписываютъ эти болѣзни преслѣдованію нечистаго духа". Само собою, что въ присутствіи фразъ священнаго корана или молитвъ дьяволамъ не устоять. Первымъ дѣломъ, какъ только входитъ къ больному, мулла беретъ чашку чистой воды, надъ которой прочитываетъ одну главу корана или другія молитвы; потомъ онъ обрызгиваетъ водою комнату, гдѣ лежитъ больной, чтобы изгнать изъ нея шайтановъ. Далѣе начинаетъ выспрашивать у больного имена тѣхъ лицъ, въ образѣ которыхъ шайтаны являются къ нему и мучаютъ. Больной иногда сильно уклоняется отъ признанія, потому что шайтаны будто бы угрожаютъ ему, требуя отъ него, чтобы онъ не признавался. Въ такихъ случаяхъ мулла беретъ сѣру и подкуриваетъ ею носъ больного, пока онъ не начнетъ произносить имена своихъ мучителей. Мулла тотчасъ же записываетъ эти имена на бумажку и бросаетъ ее въ огонь. По окончаніи казни шайтановъ сожиганіемъ, мулла пишетъ молитву и привязываетъ ее къ больному, а также кладетъ ему подъ голову коранъ, чтобы шайтаны не смѣли больше подходить къ нему". (Сборникъ свѣд. о Кавк. горцахъ, т. II, стр. 65).

[3]) Абдулла Омаръ-оглы. Воспоминанія муталима. (Сборн. свѣдѣній о кавказск. горцахъ. Т. I, стр. 50).

[4]) Необходимо, однако, оговорить слѣдующіе пріемы. Въ Пермской губерніи родильницу вспрыскиваютъ внезапно водою; домашніе подымаютъ ложную тревогу криками: „пожаръ! горимъ!" (Такой же обычай—въ Харьковской губерніи). Если даже и допустить здѣсь одно непосредственное намѣреніе испугать роженицу, во всякомъ случаѣ, вопросъ, поскольку это самостоятельно возникшій обычай, а не позднѣйшая надстройка, основаніемъ которой служитъ другой древній обычай и пережитое вѣрованіе (о русскихъ повѣрьяхъ—см.

ніе и въ повѣрьяхъ ближайшихъ сосѣдей хевсуръ—у пшавовъ и тушинъ. Пшавы, удаляющіе (какъ и хевсуры) роженицу изъ общежитія, вѣрятъ, что „роженицу преслѣдуетъ нечистый духъ, который старается обмѣнить у нея ребенка. Для избавленія отъ этого ей даютъ кинжалъ и свиной зубъ. Пшавы полагаютъ, что нечистый духъ боится кинжала и свиного зуба и оставляетъ роженицу“ [1]). А по представленіямъ тушинъ „послѣ разрѣшенія жены отъ беременности... домъ наполняется скверностью и требуетъ очищенія молитвой и водосвятіемъ“ [2]).

Яснѣе сохранился примитивный взглядъ на роды въ Закатальскомъ округѣ. Туземцы этого округа [3]), „чтобы бѣсы не могли имѣть никакого вліявія на родильницу *при разрѣшеніи* ея отъ бремени, обкладываютъ ее черною веревкою, похожею на змѣю, и безпрестанно стрѣляютъ изъ ружей, такъ какъ злые духи боятся змѣй и выстрѣловъ. Когда же ребенокъ родится, то, чтобы вѣдьма не коснулась родильницы, навѣшиваютъ ей на шею узелокъ, говоря, что это „гальдабани“ (пятка вѣдьмы)“ [4]).

У осетинъ „къ родильницѣ“ приглашается старуха-сидѣлка. Она беретъ чесалку для шерсти и кладетъ у изголовья рожающей, чтобы діаволъ не смѣлъ близко подходить къ ней... Когда ребенокъ родился, его продѣваютъ черезъ отверстіе чесалки, съ

ниже). Но это изъятіе не представляется неизбѣжнымъ. Вспрыскиваніе водой, во снѣ или невзначай, практикуется и при лѣченіи народомъ лихорадки, т. е. при попыткахъ изгнать „окаянную видомъ дьяволицу-сестру лихоманку“ (Демичъ. Лихорадочныя заболѣванія и ихъ лѣченіе у русскаго народа, стр. 40—1.— Олонецкая и Воронежская губ.). Что же касается до пуганія пожаромъ, то мы знаемъ, что духи боятся огня. (Тэйлоръ. Первобыт. культура, т. II, стр. 252—3, изд. 1873 г.), боятся раскаленныхъ камней: чуваши бросаютъ раскаленный до-красна камень вслѣдъ покойнику, чтобы заградить этимъ душѣ путь къ возвращенію (тамъ же, стр. 103), и это понятно, если имѣть въ виду, что духи (души) могутъ получать обжоги и по земному лѣчить ихъ растопленнымъ саломъ (тамъ же, стр. 113. Тироль), могутъ въ огнѣ умирать вторичной смертью (о вторичной смерти см. тамъ же, стр. 99 - 101), какъ это видно изъ слѣдующаго повѣрья австрійскихъ славянъ: „Вдругъ вспыхиваетъ костеръ и озаряетъ красноватымъ пламенемъ окрестность—вѣрно вѣтеръ раздулъ его,—то собласти, несчастныя души умершихъ (не находящія себѣ пристанища въ загробномъ царствѣ), говоритъ въ страхѣ народъ, бросились въ пламя“. (Березинъ. О миѳологическ. вѣрованіяхъ австрійскихъ южныхъ славянъ.—Знаніе, 1877 г., мартъ, стр. 2). Приходится вспомнить замѣчаніе Спенсера: „тѣ самыя средства, которыя мы считаемъ естественными, въ ихъ (первобытныхъ врачей) глазахъ не имѣли этого характера“. (Медики и хирурги. Новое Слово, 1895, № 1, стр. 211).

[1]) Пшавія и пшавы. Извлеченіе изъ статьи Д. Хизанашвили, помѣщенной въ грузинской газетѣ „Иверія“. (Записки Кавказск. Отд. Имп. Русск. Геогр. Общ., кн. XVIII, стр. 138). Сравн. съ обычаями и вѣрованіями удинъ.

[2]) А. Хахановъ. Тушины. (Этнограф. Обозр., кн. II, стр. 45).

[3]) Населеніе состоитъ изъ ингелойцевъ (омусульманившихся грузинъ), лезгинъ и мугаловъ.

[4]) А. И. фонъ-Плотто. Природа и люди Закатальскаго округа, стр. 46 (Сборникъ свѣдѣній о кавказск. горцахъ, т. IV).

цѣлью спасти его отъ черта, и чесалка остается день или два подъ изголовьемъ матери" [1]).

Чехи ждутъ опасности со стороны злыхъ духовъ-женщинъ. „По чешскому повѣрью, divé ženy věštice подмѣниваютъ некрещеныхъ младенцевъ и вредятъ родильницамъ. Чтобы противодѣйствовать ихъ замысламъ, подъ подушку родильницы кладутъ ножъ—символъ [2]) разящей молніи" [3]).

Евреи, если разрѣшеніе отъ бремени сопровождается сильными муками, прибѣгаютъ къ силѣ Слова Божія: читаются различныя молитвы, псалмы, стихи изъ Свящ. Писанія. По старинному вѣрованію, имѣющему нѣкоторое основаніе въ талмудѣ, роженица и новорожденное дитя требуютъ блительнаго охраненія отъ нечистаго духа, который невидимо царитъ вокругъ нихъ. Какъ только родильница разрѣшится живымъ младенцемъ, бабка мѣломъ или углемъ чертитъ кругъ около стѣнъ родильной комнаты; подъ подушку, на которой лежитъ родильница и дитя, кладутъ ножъ книгу—библію или другую какую нибудь—религіознаго содержанія.

---

[1]) В. Миллеръ. Осетинскіе этюды, ч. I, стр. 289.

[2]) Символъ или вооруженная защита?—Надъ этимъ вопросомъ, по другому поводу, останавливается проф. Сумцовъ. Приведя указаніе, что „въ Хорольскомъ уѣздѣ Полтавской губ. на порогѣ избы, черезъ который должны переступить воспріемники, кладутъ топоръ, чтобы никто не могъ сглазить младенца, какъ желѣзо не можетъ сглазить", проф. Сумцовъ замѣчаетъ: „является ли здѣсь топоръ символомъ молніи или предметомъ, о который можетъ обрѣзаться злой духъ, если ему вздумается пробраться въ избу, или дѣйствительно топоръ клался и кладется, чтобы на немъ сломился дурной глазъ,—основную мысль обряда въ настоящее время опредѣлить трудно". (О Славянск. народн. воззрѣн. на новорожд. реб.—Жур. Мин. Народ. Просв., 1880, ноябрь, стр. 87).—Возможно, однако, вѣроятное рѣшеніе. Оно зависитъ отъ того, могутъ или не могутъ духи чувствовать страданіе, болѣть отъ ранъ и потому страшиться оружія. Л. Мечниковъ въ своей статьѣ „Культурное значеніе демонизма" приводитъ положительное рѣшеніе этого вопроса, заимствуя его изъ „ученаго спора, какъ онъ выражается, о томъ, изъ Миргорода ли идутъ вѣдьмы или изъ Переяславля", т. е. изъ одного французскаго сочиненія, отпечатаннаго въ 1864 г. въ Парижѣ, въ которомъ авторъ, опираясь на демонологическіе трактаты XVI в., но не вполнѣ съ ними соглашаясь, говоритъ: „подобно живымъ существамъ, духи и призраки способны чувствовать и осязать, слѣдовательно, они доступны физической боли. Одно существенное отличаетъ ихъ отъ живыхъ людей: разрубите ихъ хоть на множество частей, части эти мгновенно сростутся снова, подобно воздуху или водѣ, которую бы вы стали рубить мечомъ; но тѣмъ не менѣе нанесенныя раны, хоть и сростающіяся въ одно мгновеніе ока, причиняютъ имъ мучительную боль. Вотъ почему духи, призраки и демоны боятся шпаги и всякаго лезвія. Пусть же всякій, кто хочетъ испугать или прогнать призракъ или духа, смѣло хватается за шпагу и за всякое другое оружіе, которое случится у него подъ рукою". (Дѣло. 1879, № 2, стр. 157.—Выдержка изъ трактата „Des hauts phénomènes de la magie" Гужно-де-Муссо. См. также: Тейлоръ. Перв. культ, т. II, стр. 256—7). Искать при такихъ условіяхъ символическаго или иного объясненія значило бы искать объясненія внѣ причинъ установленныхъ и достаточныхъ для объясненія.

[3]) Аѳанасьевъ. Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу, т. III, стр. 311).

(Наблюдается паденіе этихъ обычаевъ). Но самое вѣрное средство къ избавленію отъ страшнаго врага есть *Ширъ-Гемалотъ*. Этотъ мощный талисманъ состоитъ изъ четвертушки бумаги, на которой сверху написанъ 121 псаломъ цѣликомъ, ниже нарисованъ кругъ и въ немъ таинственныя слова: „Шадай! кра шатанъ!“ (Всемогущій! рви сатану!), имена мужей, имена женъ первыхъ людей и патріарховъ. Этотъ талисманъ наклеивается на кровати, надъ дверями, надъ окнами, на дымовыхъ трубахъ, вообще, на всѣхъ отверстіяхъ, чрезъ которыя нечистая сила могла бы пробраться. Эти Brieflich остаются до истеченія восьми дней со дня рожденія ребенка.—Наканунѣ дня обрѣзанія, т. е. вечеромъ на 8-ой день рожденія, бываетъ Wachtnacht—ночь стражи. Тутъ собираются, такъ называемые, клаузнеры—бѣдные молодые евреи, занимающіеся изученіемъ талмуда въ ешиботахъ, и проводятъ ночь у родильницы въ бдѣвіи и чтеніи талмуда или *мишны*. (Практикуется вахтнахтъ только у зажиточныхъ людей; бѣдные же обходятся и безъ нея). Даже совершенно оправившись отъ родовъ, женщина не оставляетъ постели до истеченія восьми дней послѣ родовъ; причина этого обычая—возможность причиненія злыми духами вреда, какъ матери, такъ и ребенку [1]).

О соотвѣтствующихъ обычаяхъ у горскихъ евреевъ разсказываетъ г. Черный, какъ очевидецъ. „Когда дали знать нашему хозяину, что жена его родила, онъ пришелъ, и первымъ дѣломъ его было зажечь свѣчи и прибить къ стѣнамъ бумажки, на которыхъ написаны имена различныхъ ангеловъ, предохраняющихъ новорожденныхъ отъ злыхъ духовъ и недобрыхъ приключеній; постороннимъ былъ запрещенъ входъ къ родильницѣ“ [2]). (Любопытно, что въ этомъ разсказѣ упоминается только объ охранѣ новорожденнаго). При трудныхъ родахъ практикуется слѣдующее средство: „Если родильница сильно страдаетъ при родахъ, то берутъ на кладбищѣ землю отъ могилы кого-либо, умершаго втеченіе 40 дней до времени ея родовъ, кладутъ эту землю въ стаканъ съ водою и даютъ родильницѣ выпить эту воду, съ вѣрою, что это будетъ полезно для родовъ и плодородія вообще; если же такое средство не помогаетъ, то выкапываютъ изъ глубины той же могилы еще разъ землю, кладутъ ее, какъ и прежде, въ воду и даютъ ее выпить. Все это дѣлается, прибавляетъ авторъ, безъ позволенія раввиновъ, ибо раввины строго запрещаютъ такой

---

[1]) Берлинъ. Очеркъ этнографіи еврейскаго народонаселенія въ Россіи, стр. 22. (Этнограф. Сборникъ, изд. Имп. Русск. Геогр. Общ., вып. V. 1862 г.).—Труды Этнограф.—статистич. экспедиціи въ Западно-Русск. край, т. VII. Евреи, стр. 43—4.

Браѳманъ. Книга Кагала, т. I, стр. 240, примѣч.

[2]) Сравн. съ обычаемъ ме:ховъ.

способъ лѣченія" [1]). Едва ли будетъ рисковано—особенно, имѣя въ виду всю сумму изложеннаго,—причислить это средство къ числу тѣхъ средствъ, созданныхъ примитивной медициной, дѣйствительность которыхъ, по Спенсеру, измѣрялась ихъ отвратительностью (питье воды изъ черепа самоубійцы или крови убійцы; нюханье порошка изъ плѣсени, найденной на человѣческомъ черепѣ; веревка и щепы отъ висѣлицы и пр.). Введеніе такихъ средствъ внутрь дѣлало непріятнымъ пребываніе въ тѣлѣ больного духовъ—виновниковъ болѣзни и такимъ образомъ вело къ излѣченію [2]). Въ силу этого обломокъ примитивной родовспомогательной практики, отмѣченный г. Чернымъ у горскихъ евреевъ, усиливаетъ вѣроятность, что духъ-преслѣдователь ребенка [3]) и его матери въ современныхъ повѣрьяхъ—простой смѣнщикъ ея духа-мучителя, по забытой теоріи—виновника ея родильной муки.

Употребленіе священныхъ текстовъ въ качествѣ родовспомогательнаго средства входило въ кругъ медицинскихъ воззрѣній Европы; „можно указать, напр., на совѣтъ Франциска Піемонтскаго, рекомендовавшаго при трудныхъ родахъ отдѣльныя мѣста изъ псалмовъ Давида" [4]). Какой смыслъ имѣетъ это обращеніе къ псалмамъ Давида, становится яснымъ при сопоставленіи со слѣдующимъ современнымъ указаніемъ. „По мнѣнію католиковъ, дѣти должны родиться глухими и *одержимыми злымъ духомъ*, почему священникъ обязанъ дать младенцу слухъ и *изгнать изъ*

---

[1]) Черный. Горскіе евреи, стр. 39—40. (Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ, т. III).

[2]) Д-ръ Демичъ упоминаетъ объ употребленіи евреями такого же средства противъ лихорадки: евреи отъ лихорадки носятъ на шеѣ горсточку земли съ могилы ближайшаго родственника, зашитую въ мѣшечкѣ (Лихор. заболѣв. и ихъ леченіе у русск. народа, стр. 23). Требованіе, чтобы земля была съ могилы „ближайшаго родственника", очевидно, позднѣйшая надстройка. Въ совершенно чистомъ видѣ это средство практикуется въ борьбѣ съ „окаянной видомъ дьяволицей" въ Харьковской губ.: тамъ отъ лихорадки „наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ считается *съѣденіе горсти земли со свѣжей могилы*" (тамъ же, стр. 35). Объ аналогичномъ повѣрьи упоминаетъ и Даль, но тоже въ испорченномъ видѣ. „Землица съ семи могилъ добрыхъ людей спасаетъ отъ всѣхъ бѣдъ". (Пословицы русск. народ., т. I, стр. 568). Повѣрье становится понятно, если допустить, что утрата народомъ пониманія былой основы повѣрья вмѣсто „болѣзни" подставила общее понятіе „бѣды" и присоединила ограничительное требованіе, чтобы земля была съ *семи* могилъ и непремѣнно *добрыхъ* людей.

Спенсеръ. Медики и хирурги. — (Новое Слово, 1895, № 1, стр. 121—217).

[3]) Пытающійся, напр., подмѣнить ребенка.

[4]) Розенбахъ. Старые и новые взгляды на природу помѣшательства. („Вѣстникъ Европы", 1896, августа, стр. 497).

нею бѣсовъ заклинаніями" [1]). Очевидно, что и при трудныхъ родахъ преслѣдовался „врагъ человѣческій" [2]).

На силу молитвы въ этомъ случаѣ разсчитываютъ и современные салары. У нихъ „при родахъ присутствуетъ мать роженицы, мужъ ея, который въ это время молится Богу [3]). Если роды трудные, то мулла, прочитавъ на воду молитву, даетъ роженицѣ пить эту воду [4]).

Чуваши и буряты боятся только за новорожденнаго. На чувашскихъ родинахъ шайтана отгоняетъ отъ новорожденнаго приглашенный іомся [5]).—Іомся разбиваетъ надъ головой младенца два сырыя яйца, отрываетъ пѣтуху голову и выбрасываетъ все это за ворота. Послѣ того, какъ іомся оторвалъ пѣтуху голову, чуваши наблюдаютъ за птицей и рѣшаютъ, прогнанъ шайтанъ или нѣтъ. Если пѣтухъ не трепещетъ—шайтанъ прогнанъ; если же бьется, то заключаютъ, что шайтанъ еще предстоитъ лицу новорожденнаго, и немедленно относятъ въ кереметь кереметныя деньги [6]).

Буряты Унгинскаго Инородческаго вѣдомства вѣрятъ въ существованіе духовъ-людоѣдовъ, которые ѣдятъ человѣческое мясо и пьютъ человѣческую кровь, какъ питье. Изъ нихъ „худые [7]) ада" ѣдятъ только новорожденныхъ дѣтей [8]). Поэтому „буряты

---

[1]) А. В. Обряды и обычаи у нѣкоторыхъ народовъ по случаю рожденія дѣтей. (Этногр. Обозрѣніе, 1896, № 1, стр. 146).

[2]) Сравн.: „традиціи халдейской магіи можно прослѣдить и въ средневѣковомъ чернокнижіи. Достаточно вспомнить апокрифъ, извѣстный въ средневѣковой обработкѣ подъ именемъ „Завѣщаніе Соломона" (Testamentum Solomonis), котораго халдейское происхожденіе вполнѣ очевидно. Это трактатъ, основанный на халдейской магіи и астрологіи. Какъ халдейскіе демоны подчиняются мистическому числу, такъ въ Testamentum Solomonis... женскій демонъ Эвизутъ, *убивающій новорожденныхъ дѣтей и родильницъ*, бѣжитъ отъ написаннаго надъ родильницей имени Афарофъ, истолковываемаго какъ Рафаилъ, коего число есть 640. (В. Миллеръ. Ассирійскія заклинанія и русскіе народные заговоры.—„Русская Мысль", 1896, іюль, стр. 77).

[3]) Сравн. съ обычаями въ Абиссиніи и въ Зап.-Русск. краѣ.

[4]) Поярковъ. Салары. (Этнограф. Обозр., кн. XVI, стр. 21). Сравн. съ обычаемъ киргизъ приглашать муллу для загражденія доступа Албостѣ, съ обычаемъ у лаковъ поить водой съ бумажки, на которой написана молитва, и съ обычаемъ въ Зап.-Русск. краѣ поить водою, которою омыта икона.

[5]) Знахарь-мужчина или женщина, смотря по полу новорожденнаго.

[6]) Сбоевъ. Чуваши въ бытов., истор. и религіозн. отношен., стр. 75. Цитир. у Н. А. Покровскаго, въ статьѣ „Потеряла ли свою законную силу бытующая старина въ сознаніи Русскаго народа?" (Изв. Имп. Общ. Люб. Естествозн., Антр. и Этногр., т. XLVIII, вып. I, стр. 55).

[7]) Есть и „хорошіе ада", которые не только не трогаютъ дѣтей, но, наоборотъ, заботятся о нихъ и съ ними нянчаются.

[8]) Сравн.: „Минтиры, на Малайскомъ полуостровѣ, отгоняютъ злыхъ духовъ отъ роженицъ тѣмъ, что помѣщаютъ послѣднихъ близъ огня, и это дѣлается на томъ основаніи, что демоны, по ихъ мнѣнію, всегда пьютъ кровь, если только могутъ найти ее" (Тайлоръ. Перв. культ., т. II, стр. 422, изд. 1873 г.).

употребляютъ всѣ мѣры, чтобы не допустить къ новорожденному ребенку худого ада, и разными религіозными обрядами прогоняютъ его, если онъ входитъ въ домъ или юрту, гдѣ лежитъ новорожденный ребенокъ. По словамъ бурятъ, ада ѣстъ новорожденныхъ дѣтей только до года; ребенка, которому годъ и болѣе, а также взрослыхъ ада не трогаетъ [1]). Чтобы не допустить худыхъ ада въ домъ, то изъ предосторожности никого изъ посторонннхъ или незнакомыхъ не впускаютъ, чтобы худые ада съ ними не вошли въ домъ незамѣченными; эта предосторожность называется „хорюр"— запрещеніе. Если шаманъ положитъ запрещеніе, т. е. „хорюр", тогда обыкновенно никого не впускаютъ въ домъ, и даже дверь держатъ постоянно запертою; другіе возлѣ двери ставятъ чугунный кувшинъ или горшокъ съ палкою: кто входитъ въ домъ, тотъ долженъ постучать палкой въ горшокъ, чтобы худой ада не вошелъ вмѣстѣ съ нимъ. Въ большинствѣ случаевъ шаманъ дѣлаетъ такъ называемый „хахюхан"—оберегатель; хахюханъ или заянъ, отъ имени котораго сдѣланъ оберегатель, долженъ беречь новорожденнаго ребенка отъ худого ада и отъ прочихъ злыхъ духовъ [2]). Въ этомъ указаніи только способы охраненія ребенка— признакъ самъ по себѣ недостаточный и нехарактерный—напоминаютъ ранѣе встрѣчавшіеся повѣрья и обычаи [3]).

Гораздо яснѣе повѣрья караногайцевъ, хотя въ настоящее время они являются уже пережитой ступенью. „Въ прожнее время караногайцы вѣрили, что *при рожденіи ребенка* появляется шайтанъ и старается войти въ новорожденнаго. Только шумъ могъ помѣшать шайтану исполнить его намѣреніе; поэтому, когда рождался ребенокъ, родственники и друзья отца становились у входа въ кибитку и производили ужасный шумъ, ударяя молотками въ пустые котлы. Въ настоящее время, говоритъ г. Малявкинъ, этотъ обычай выходитъ изъ употребленія" [4]).

Мордва Сарат. губ. даже послѣ крещенія боится за ребенка: боится, чтобы „вѣдунъ" не съѣлъ его сердца [5]), и не прекращаетъ вооруженной защиты въ теченіе *шести недѣль послѣ креще-*

---

[1]) Такимъ образомъ, срокъ, въ теченіе котораго ада грозятъ опасностью ребенку, совпадаетъ съ періодомъ наибольшей смертности дѣтей (у культурныхъ народовъ).

[2]) Хангаловъ. Духи-людоѣды у бурятъ. (Этнограф. Обозр., кн. XXVIII, стр. 129).

[3]) Сравн. съ обычаями астраханск. калмыковъ (также месховъ и др.).

[4]) Малявкинъ. Караногайцы. (Терскій Сборникъ, 1893 г., кн. 2, стр. 166).—Такимъ образомъ, вырожденіе примитивной теоріи родовъ зависитъ не исключительно отъ уровня умственной культуры. То, что понынѣ живо и въ значительной ясности сохранилось у армянъ, „выходитъ изъ употребленія у караногайцевъ". Въ IV выпускѣ „Народовъ Россіи", помѣченномъ 1879 г., говорится даже, что описанный обычай „почти вышелъ" изъ употребленія у караногайцевъ Стр. 378.

[5]) Сравн. съ повѣрьями удинъ, курдовъ и др. (о роженицахъ) и бурятъ (о новорожденныхъ).

нія [1]): ежедневно, укладывая малютку въ зыбку, мать три раза креститъ его ножомъ и столько же разъ обводитъ имъ зыбку, а а затѣмъ кладетъ ножъ подъ подушку младенца [2]).

Черемисы, съ одной стороны, боятся, чтобы злой духъ не вселился въ новорожденнаго, и въ охрану ребенка окуриваютъ его порохомъ; съ другой стороны, они боятся, чтобы злой духъ не обмѣнилъ ребенка на худое дитя, и въ предупрежденіе этого кладутъ въ люльку ножницы, ножъ или что-нибудь рѣжущее" [3]).

Литовцы, убѣждены, что маленькихъ дѣтей воруютъ ла́умы Взамѣнъ похищенныхъ младенцевъ лаумы оставляютъ своихъ собственныхъ, или дѣлаютъ изъ соломы и прутьевъ куклы, сообщаютъ имъ чудеснымъ образомъ жизнь и кладутъ ихъ въ колыбели. По мнѣнію литовцевъ, подмѣнышъ живетъ не болѣе десяти или двѣнадцати лѣтъ, постоянно остается недоросткомъ (карликомъ) и. имѣетъ огромную голову, которую не въ состояніи держать прямо [4]). Пока ребенокъ не окрещенъ, литвинки, опасаясь подмѣна, держатъ по ночамъ, при постели родильницы, зажженный огонь [5]). Тѣмъ же опасеніемъ вызвано употребленіе огня у латышей: *послѣ родовъ* всю ночь долженъ горѣть огонь, чтобы въ хату не вошли „святыя дѣвы" подмѣнить ребенка... Послѣ родовъ справляютъ „радеібос" угощеніемъ всѣхъ домочадцевъ, *безъ допущенія чужихъ* [6]). Если является чужой, то у него стараются отнять шапку, за которую тотъ долженъ дать выкупъ въ пользу новорожденнаго [7]): обычай, очевидно, распространенный съ потерей народомъ пониманія его смысла.

На основаніи только что изложеннаго не трудно дать разъясненіе слѣдующаго обычая. По свидѣтельству историковъ, въ Англіи и въ особенности въ Шотландіи, весьма долго сохранялось обыкновеніе вѣшать новорожденныхъ дѣтей надъ огнемъ. Въ объясненіе этого обычая приводятся слова, произносимыя родителями: „пусть огонь истребитъ тебя сейчасъ или никогда [8]). Едва

---

[1]) Такое же ограниченіе срока опасности мы встрѣчали и относительно рожениць.

[2]) Минхъ. Народные обычаи, суевѣрія и предразсудки крестьянъ Саратовской губ., стр. 20 и 51. (Цитировано у г. Демича: „Педіатрія у русскаго народа". стр. 23—4).

[3]) „Уфимскія Губернскія Вѣдомости". 1889 г., № 38. (Цитировано у д-ра Демича: „Педіатрія у русскаго народа", стр. 23).

[4]) „... почти всѣ непросвѣщенные народы приписываютъ образованіе уродства вліянію злыхъ духовъ, діавола и его служителей"... (Демичъ. Педіатрія у русск. народа, стр. 9).

[5]) Аѳанасьевъ. Поэтич. воззр. славянъ на природу, т. III, стр. 307—8.

[6]) Сравн. съ обычаемъ у мехсовъ и др.

[7]) Вольтеръ. Матеріалы для этнографіи Латышскаго племени Витебской губерніи. (Изв. Имп. Русск. Географ. Общ. по отдѣл. Этнографіи, т. XV, вып. 1, стр. 133, 135).

[8]) А. В. Обряды и обычаи у нѣкоторыхъ народовъ по случаю рожденія дѣтей. (Этнографич. Обозрѣніе, кн. XXVIII, стр. 149.).

ли, однако, мы ошибемся, если объяснимъ эти слова, какъ позднѣйшее привнесеніе, и самое держаніе надъ огнемъ истолкуемъ, какъ попытку охранить ребенка отъ злыхъ духовъ. Это объясненіе тѣмъ болѣе вѣроятно, что на Гебридскихъ островахъ простой народъ и въ наше время продолжаетъ защищать рожениць и дѣтей отъ злыхъ духовъ, обнося вокругъ нихъ огонь [1]).

Любопытны средства защиты у айсоровъ Эриванской губерніи. Они убѣждены, что нечистый особенно сильно вліяетъ на ребенка въ первые дни его жизни. Поэтому, при первомъ купаніи новорожденнаго они читаютъ надъ водою молитву и плюютъ въ воду въ надеждѣ выгнать этимъ изъ купели сатану [2]).

Приведенныя указанія—далекія, конечно, отъ полноты—представляютъ гамму вѣрованій и обычаевъ: отъ такихъ, которые, къ несчастью рожениць, еще слишкомъ ярки и живы, до такихъ, которые сохранили, выражаясь языкомъ химиковъ, лишь „химическіе слѣды“ забытой и пережитой старины. Объединенные въ одно цѣлое, они даютъ слѣдующую схему:

1) Духи—виновники схватокъ и при нормальныхъ родахъ.

2) Духи—виновники страданій только въ исключительныхъ, ненормальныхъ случаяхъ: при затянувшихся родахъ, при обморокѣ, при задержаніи послѣда.

3) Духи, преслѣдующіе родильницу послѣ родовъ,—виновники ея послѣродовыхъ заболѣваній и смерти. Духи—преслѣдователи матери и ребенка вмѣстѣ.

4) Духи—преслѣдователи одного только ребенка [3]): духи истребители, духи одержащіе, духи подмѣниватели и подкидыватели уродовъ.

Что это не простой перечень однопредметныхъ и независимыхъ вѣрованій, а родословное дерево [4]) примитивной теоріи страданій материнства (разрѣшенія), мы получимъ подтвержденіе при изученіи русскихъ родовспомогательныхъ обычаевъ и соотвѣтствующихъ вѣрованій.

---

1) Тэйлоръ. Первобытная культура, т. II, стр. 253, изд. 1873 г.

По устному сообщенію, слышанному мною въ 1898 г., отъ бывшаго начальника Анадырскаго края Н. Л. Гондатти, чукчи подвергаютъ новорожденныхъ младенцевъ прокапчиванію, держа ихъ надъ дымящимся очагомъ, въ видахъ предохраненія ихъ отъ болѣзней и съ цѣлью приданія крѣпости ихъ организму. (*Ред.* Н. Я.).

2) Исакова, ж.-врачъ. Объ уходѣ за новорожденнымъ у различн. народовъ Кавказа. (Цитир. у д-ра Демича: „Педіатрія у русск.народа“, стр. 23).

3) Нѣкоторыя изъ соотвѣтствующихъ указаній не могли быть провѣрены по первоисточникамъ, чтобы выяснить не существуетъ ли аналогичныхъ повѣрій и относительно роженицы. Этотъ пробѣлъ не подрываетъ, конечно, выводовъ, разъ они могутъ быть сдѣланы на основаніи приведеннаго.

4) У калмыковъ, какъ мы видѣли, преемственность между современными вѣрованіями и забытымъ примитивнымъ объясненіемъ родовъ—очевидна.

III.

Русскіе обычаи и повѣрья носятъ ясный отпечатокъ старины. *„Во время родинъ проклятая нечисть такъ и увивается вокругъ хаты*, изъ желанія тѣмъ или инымъ способомъ испортить родильницу, загубить душу новорожденнаго. Чтобы отогнать темное воинство, знахарка и стучитъ метлой въ потолокъ избы, зажегши церковную свѣчу" [1]. Въ Пошехонскомъ уѣздѣ убѣждены, что „съ самаго момента рожденія и до крещенія ребенка ни новорожденнаго, ни родильницу отнюдь не слѣдуетъ оставлять въ комнатѣ одихъ, а тѣмъ болѣе на ночь: у некрещеннаго младенца нѣтъ ангела-хранителя, и злые духи стараются завладѣть его душою, причемъ приносятъ вредъ и родильницѣ" [2]. Но въ Вологодской губерніи вѣрятъ, что ангелъ приноситъ душу ребенка и присутствуетъ при его рожденіи, и тѣмъ не менѣе держатся того же правила—не оставлять мать и ребенка однихъ „до очистительной молитвы и сороковой", такъ какъ злые духи въ это время особенно опасны для нихъ [3].

Проклятая нечисть такъ и увивается вокругъ хаты... То, что забыто уже—роль „проклятой нечисти" въ мукахъ роженицы,—оживаетъ при анализѣ родовспомогательныхъ средствъ. Д-ръ Талько-Грынцевичъ сообщаетъ, что малороссійскія повитухи, перепробовавъ въ затянувшихся родахъ множество сравнительно безвредныхъ пріемовъ, бьютъ роженицу по ягодицамъ, дѣтороднымъ частямъ и животу [4]. Въ Казанской губерніи, при задержаніи послѣда, родильницѣ даютъ проглотить вшей въ хлѣбѣ [5]. То же средство практикуется въ Западно-Русскомъ краѣ [6]. Само собой является предположеніе, что это средство дается „для произведенія рвоты". Но этому объясненію [7] мѣшаетъ слѣдующее обстоя-

---

[1] Н. А. Покровскій. Потеряла ли свою законную силу бытующая старина въ сознаніи Русскаго народа? (Извѣст. Имп. Общ. Люб. Естествозн, Антр. и Этногр,, т. XLVIII, вып. 1, стр. 58).

[2] А. Баловъ. Рожденіе и воспитаніе дѣтей въ Пошехонскомъ уѣздѣ. (Этногр. Обозр., кн. VI, стр. 95.). А въ нѣкоторыхъ мѣстахъ „избѣгаютъ оставлять ребенка одного въ комнатѣ, такъ какъ въ противномъ случаѣ домовой легко можетъ унести новорожденное дитя" (тамъ-же, стр. 95).

[3] Н. А. Иваницкій. Матеріалы по этнографіи Вологодск. губ. (Изв. Имп. Общ. Люб. Ест., Антр., и Этн., т. LXIX, стр. 109). „Кромѣ того, родильницу не показываютъ постороннимъ, пока она не оправится, въ избѣжаніе всякихъ дурныхъ вліяній". (Сравн. съ обычаями месховъ и др.)

[4] Народное акушерство въ южной Руси. Черниговъ, 1889 г., стр. 39. (Цитир. у д-ра Демича: „Педіатрія у русск. народа, стр. 61).

[5] Аршиновъ. О народн. лѣченіи въ Казанск. губ. (Изв. Имп. Общ. Люб. Естеств., Антр. и Этногр., т. LXI, стр. 12)

[6] Труды этногр.-статист. экспедиціи въ Зап.-Русск. край, IV, стр. 4.

[7] Говоря о народныхъ средствахъ, приходится, вообще, имѣть въ виду слѣдующее замѣчаніе Спенсера: „Первобытные врачи часто прибѣгали въ одно и то же время къ естественнымъ и сверхъестественнымъ средствамъ лѣченія; поэтому можно было бы предположить, что, употребляя физическія и химическія

тельство. По словамъ д-ра Сицинскаго, къ тому же средству прибѣгаютъ въ Минской губерніи: при задержаніи послѣда даютъ 3—6 вшей, но тамъ зачастую даютъ такимъ образомъ, *чтобы родильница не знала объ этомъ* [1]. Такую же подробность отмѣчаетъ Даль [2]. Правда, въ Каширскомъ уѣздѣ, Тульской губ., родильницѣ говорятъ вслѣдъ за тѣмъ, чтò она съѣла. Но и это обстоятельство не позволяетъ принять, что мы имѣемъ дѣло съ простымъ рвотнымъ средствомъ, даже въ томъ случаѣ, если оповѣщеніе больной не составляетъ позднѣйшаго привнесенія. Ибо въ той же самой губерніи, въ уѣздахъ Тульскомъ и Веневскомъ, то же средство примѣняется относительно *коровъ* [3]: очевидно, что употребленіе его обусловлено не намѣреніемъ произвести рвоту, вызвавши сильнѣйшее чувство отвращенія Очевидно, что примѣненіе этого средства имѣетъ въ виду не самоё родильницу (или корову). Но кого же? Отвѣтъ даютъ слѣдующія строки, написанныя Спенсеромъ:

„Древнее понятіе, что надо изгнать изъ человѣка бѣса, который причинялъ ему болѣзнь, придало особый характеръ нѣкоторымъ медицинскимъ способамъ и до сихъ поръ вліяетъ на взгляды многихъ на счетъ медицинскихъ средствъ. Первобытные знахари, съ цѣлью сдѣлать невозможнымъ для бѣсовъ пребываніе въ тѣлѣ, подвергали своего паціента угрожающимъ, болѣзненнымъ или отвратительнымъ манипуляціямъ. Они производили передъ нимъ ужасный шумъ и страшно искажали свои лица гримасами, или подвергали его нестерпимому жару, невыносимому зловонію и не-

---

средства, они были прототипами медиковъ. Но это только видимое сходство, иллюзія, такъ какъ тѣ самыя средства, которыя мы считаемъ естественными, въ ихъ глазахъ не имѣли этого характера“. (Медики и хирурги. Новое Слово, 1895, № 1 стр. 211)... Такъ, въ Западно-Русскомъ краѣ родильницѣ „также для произведенія рвоты“ запихиваютъ въ ротъ волосы, даютъ пить мыло съ водкой и пр. (Труды, т. IV, стр. 4). Между тѣмъ, у удиновъ мы уже встрѣчалъ вкладываніе волосъ-косы въ ротъ роженицѣ, но это дѣлалось, чтобы помѣшать изгнанному „hалʼу“ придти вторично, а у Даля находимъ указаніе, что „мыло за пазухой спасаетъ отъ *порчи*“. (Пословицы русскаго народа, Т I, стр. 570).

1) Сицинскій. Акушерская помощь въ Минской губ., стр. 77.

2) Народныя врачебныя средства,—въ Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ, 1843 г. [Цитировано у д-ра Демича „Очерки народной медицины. I. Акушерство.—Врачъ, 1889, № 11, стр. 270): „Даль упоминаетъ о 2 народныхъ средствахъ при задержаніи послѣда: даютъ роженицѣ, безъ ея вѣдома, парочку вшей (pediculi capitis) или, вмѣсто нихъ, волу“].

3) „Если родильница не можетъ легко распрощаться съ дѣтскимъ мѣстомъ, то ей даютъ спорыньи или солоду, или гущи квасной, или же, закатавъ въ хлѣбъ трехъ вшей съ трехъ головъ и заставивъ родильницу съѣсть шарикъ, говорятъ ей, чтó она съѣла“. И въ примѣчаніи: „Послѣднее средство употребляютъ лишь въ Каширскомъ уѣздѣ; въ Тульскомъ и въ Веневскомъ уѣздахъ хлѣбъ съ тремя вшами даютъ ѣсть коровамъ въ подобномъ же положеніи“. — Д. И. Успенскій. Родины и крестины въ Тульской губ. (Этнографичес. Обозр., кн. XXVII, стр. 72).

возможной пищѣ [1]). Существуютъ многочисленныя доказательства, что не только въ средніе вѣка, но и въ сравнительно недавнее время дѣйствительность лѣкарствъ соразмѣрялась ихъ отвратительнымъ вкусомъ: чѣмъ непріятнѣе было лѣкарство, тѣмъ, предполагалось, оно сильнѣе дѣйствуетъ. Монтень подымаетъ на смѣхъ чудовищные рецепты современныхъ ему докторовъ, которые примѣшивали, напримѣръ, къ своимъ лѣкарствамъ пометъ слона, лѣвую ногу ежа, печень крота, калъ крысъ и т д. Въ этомъ рецептѣ, приводимомъ въ „Сокровищахъ Анатоміи" Викарія (1641), говорится: „примите пять ложекъ урины невиннаго ребенка"... Одинаково существовало убѣжденіе, что веревка и щепы отъ висѣлицы имѣли свойство излѣчивать извѣстныя болѣзни" [2]).

Если принять ключемъ эти строки, то въ упомянутомъ отвратительномъ средствѣ—даваніи паразитовъ—нельзя не видѣть военнаго пріема, направленнаго противъ виновника задержанія послѣда [3]), которымъ является „онъ", преслѣдователь роженицы.

Съ этимъ совпадаютъ указанія, что народъ и донынѣ сохранилъ память о какомъ-то отношеніи нечистаго къ послѣду. Въ одномъ изъ очерковъ народной медицины д-ръ Демичъ сообщаетъ слѣдующій случай. Бабка, закапывая послѣдъ, что-то шептала. „Слышалъ я только слова: „уходи, уходи!" причемъ бабка объяснила мнѣ, что она прогоняетъ „его"—вѣроятно, нечистаго (объясненіе автора) [4]). Въ другомъ очеркѣ онъ приводитъ слѣдующее указаніе: „въ Оренбургской губерніи, по окончаніи родовъ, бабка

---

1) Сравн. слѣд.: IV главу своей работы о „Лихорадочныхъ заболѣваніяхъ и ихъ леченіи у русскаго народа", д-ръ Д е м и ч ъ начинаетъ словами; „... народъ, представляя себѣ лихорадку въ образѣ безобразныхъ дьяволицъ-дѣвъ, думаетъ, будто бы эти дѣвы-*лихоманки* боятся разныхъ мерзкихъ, противныхъ предметовъ" (стр. 22), и въ послѣдующемъ изложеніи упоминаетъ, между прочимъ, даваніе внутрь вшей и клоповъ, безъ вѣдома о томъ больного. Такъ, напр., мордовскіе знахарки даютъ противъ лихорадки клоповъ, которыхъ „потихоньку отъ больного" закатываютъ въ хлѣбный мякишъ, на подобіе пилюль. „Отъ такого леченія бываетъ сильная рвота, и болѣзнь иной разъ проходитъ (стр. 44). И если подъ датою 1845 г. о киргизахъ (Другъ Здравія за 1845 г., № 19. О киргизахъ Ново-Александровск. укрѣпленія, въ средн. Азіи) сообщается, что они, накормивъ лихорадящаго „чѣмъ-нибудь сквернымъ невзначай, *затѣмъ говорятъ ему это*; съ больнымъ дѣлается рвота, послѣ которой онъ поправляется",—то это обстоятельство не исключаетъ возможности допустить, что и здѣсь мы имѣемъ дѣло съ „выдвореніемъ" виновника болѣзни: ибо подъ датою позднѣйшей—1874 г. о киргизахъ (Л о с е в ъ. Медицина въ Киргизской степи.—Московск. Медиц. Газета, 1874, № 28) сообщается слѣдующее: „врачующій подкрадывается незамѣтно къ больному лихорадкой и ударяетъ его изо всей силы ременною нагайкой, съ цѣлью *спугнуть шайтана*; ударъ сопровождается дикимъ гиканьемъ" (стр. 42). Другими словами, и здѣсь тѣ средства, которыя мы считаемъ естественными, въ глазахъ примитивныхъ врачей не имѣли—не могли имѣть—этого характера.

2) Г е р б е р т ъ С п е н с е р ъ. Медики и хирурги. (Новое Слово, 1895, № 1, стр. 217).

3) Сравн. съ вѣрованіями и обычаями киргизъ.

4) Акушерство у народа. (Врачъ, 1889 г., № 11, стр. 271).

зарываетъ послѣдъ поглубже въ сырую землю съ хлѣбомъ-солью, и со словами: „Вотъ тебѣ, батюшка, святое мѣсто, хлѣбъ и соль, а рабѣ Божій (имя) доброе здоровье [1]. Кто этотъ „батюшка" [2]?

Въ согласіи съ вышеизложеннымъ—если не ожидать буквальнаго совпаденія—находится также отношеніе народа къ тяжелымъ родамъ, и въ теоріи и на практикѣ [3]. Такъ, въ Западно-Русскомъ краѣ „народъ убѣжденъ, что трудно родившая женщина околдована вѣдьмой, и самымъ дѣйствительнымъ средствомъ считаетъ обращеніе къ Богу и употребленіе священныхъ предметовъ [4]. Эпитетъ „священные" не совсѣмъ точенъ. Онъ подсказываетъ мысль о религіозномъ обращеніи къ святынѣ, на которой почіетъ сила Божія; на самомъ же дѣлѣ, цѣлебными считаются и такіе предметы, которые при самомъ преувеличенномъ отношеніи не могутъ считаться источникомъ силы Божіей. Все значеніе этихъ вещей лишь въ томъ, что для нечисти и отъ нихъ страшнымъ „духомъ пахнетъ". Въ случаѣ трудныхъ родовъ вся семья молится.. Баба снимаетъ икону, обмываетъ ее и этой воды даетъ пить больной [5]... Привѣшиваютъ къ потолку „рушникъ", въ которомъ носили пасху, и *для уменьшенія болей* женщина держится за этотъ рушникъ... Идутъ къ священнику и просятъ, чтобы онъ отслужилъ молебенъ... Иногда берутъ ту шапку, „що піпъ носить", и кладутъ родильницѣ подъ голову. Или просятъ церковные ключи и поясъ, которымъ священникъ опоясывается во время богослуженія, и кладутъ эти вещи ей на животъ. Въ особенности эти средства хорошо дѣйствуютъ, если священникъ согласится отпереть на время царскія врата.

Наряду съ этимъ практикуются и такія мѣры: кладутъ посреди хаты кочергу и лопату и проводятъ роженицу черезъ нихъ три раза [6], спрыскивая каждый разъ лицо и грудь во-

---

[1]) Педіатрія у русскаго народа, стр. 17. (Ссылка на „Описаніе Оренбургской губ." Черемшанскаго, стр. 212, 1859 г.).

[2]) Слѣдуетъ также отмѣтить сообщеніе д-ра Сицивскаго относительно Минской губ. „Ускоряя отдѣленіе послѣда, тянутъ послѣдъ за пуповину, приговаривая: цыпъ-цыпъ, подобно курамъ". (Акушерская помощь въ Минск. губ., стр. 76). Что здѣсь: вымаливаютъ—вызываютъ? кого?

[3]) О побояхъ, напоминающихъ киргизское родовспоможеніе, уже упоминалось

[4]) Труды Этнограф.-статист. экспедиціи въ Западно-Русскій край, т. IV, стр. 3—4.

[5]) Сравн. съ родовспомогательными средствами у лаковъ (казикумухцевъ).

[6]) Сравн. съ обычаемъ месховъ прибивать подкову или желѣзную цѣпь для загражденія доступа Ави-сули, съ такимъ же обычаемъ употреблять желѣзо у удиновъ. Значеніе желѣза, какъ средства противъ злыхъ духовъ, см. у Тэйлора: „Восточные джинны такъ смертельно боятся желѣза, что самое названіе его служитъ противъ нихъ заговоромъ. Въ европейскихъ повѣрьяхъ точно также желѣзо прогоняетъ волшебницъ и эльфовъ и уничтожаетъ ихъ силу. Эти созданія, кажется, преимущественно принадлежатъ древнему каменному вѣку, и новый металлъ имъ ненавистенъ и вреденъ. По отношенію къ желѣзу, вѣдьмы принадлежатъ къ той же категоріи, какъ эльфы и домовые

дою [1]), качаютъ животъ съ боку на бокъ... Наливаютъ въ миску водки, зажигаютъ ее и ставятъ между ногъ больной [2]).

Въ Вологодской губ. для облегченія родовъ родильницѣ даютъ жевать или поятъ настоемъ изъ васильковъ [3]); зажигаютъ вѣнчальныя свѣчи; поятъ водой, окаченной съ обручальныхъ колецъ; мужъ идетъ къ священнику, съ просьбой раскрыть царскія врата [4]).

Въ Рязанской губ. при трудныхъ родахъ затепливаютъ вѣнчальныя свѣчи [5]),—средство, о которомъ упоминается въ „Войнѣ и мирѣ" (т. 2, гл. VIII) и о которомъ Афанасьевъ говоритъ, какъ о „принятомъ на Руси" [6]).

Въ Виленской губ. [7]) во время родовъ знахарка зажигаетъ освященную восковую свѣчу и держитъ ее предъ лицомъ больной, „какъ бы вызывая на свѣтъ родственную огню душу ребенка",—объясняетъ обычай проф. Сумцовъ... Кромѣ того, зна-

---

Желѣзные инструменты держатъ ихъ въ страхѣ; въ особенности выбирались для этой цѣли желѣзныя подковы, какъ показываетъ это и до сихъ поръ половина дверей въ конюшняхъ Англіи" (Первоб. культура, т. I, стр. 131, изд. 1873 г.).

1) Сравн.: „И огонь и вода—стихіи свѣтлыя, нетерпящія ничего нечистаго: первый пожигаетъ, а вторая смываетъ и топитъ всякія напасти злыхъ духовъ, къ сонму которыхъ причислялись въ старину и болѣзни. Рядомъ съ окуриваніемъ больного, перенесеніемъ его черезъ пылающій костеръ, высѣканіемъ искръ надъ болячками и тому подобными средствами, народная медицина употребляетъ обливаніе водою, омовеніе, взбрызгиваніе, сопровождая все это заклятіями на болѣзнь, чтобы она покинула человѣка или животное и удалилась въ пустынныя мѣста ада". (Афанасьевъ. Поэтич. воззрѣнія славянъ на природу, т. II, стр. 181).

2) Труды Этнограф.-статист. экспедиціи въ Зап.-Русск. край, т. IV, стр. 3—4. Сравн. съ защитой отъ душъ умершихъ у басутовъ: „если мать видитъ, что ея ребенокъ перебѣжалъ черезъ могилу, она поспѣшно подзываетъ его къ себѣ, ставитъ его передъ собой и зажигаетъ небольшой огонь у его ногъ" (Тэйлоръ. Первоб. культура, т. II, стр. 467).

3) Сравн.: „Родильницѣ немедленно по разрѣшеніи отъ бремени даютъ въ руки или кладутъ подъ голову вещь, предохраняющую отъ колдовства и уроковъ. Въ Малороссіи кладутъ около родильницы *ножъ*, освященный въ день Пасхи, иногда *цвѣты васильковъ* (Сумцовъ. О Славянск. народн. воззрѣніяхъ на новорожд. ребенка—въ Журн. Мин. Народн. Просв., 1880, ноябрь, стр. 76). Что растенія способны прогонять нечистаго, свидѣтельствуетъ, между прочимъ, „Книга, глаголемая Травникъ", согласно которой, напр., „трава укропъ... добра скоту отъ всякой болѣзни... и въ домѣ отъ нечистаго духа" (Архивъ историч. и практич. свѣдѣній, относящихся до Россіи. 1859. Кн. 1-я). По Спенсеру, болеустраняющее дѣйствіе „нѣкоторыхъ растеній или продуктовъ этихъ растеній объяснялось тѣмъ, что въ растеніяхъ жили духи". (Медики и хирурги.—Новое Слово, 1895, № 1, стр. 211).

4) Иваницкій. Матеріалы по этнографіи Вологодск. губ. (Изв. Имп. Общ. Люб. Естествозн., Антр. и Этнографіи, т. LXIX, стр. 109).—Остальныя средства (кромѣ васильковъ) понятны изъ предыдущаго.

5) Варсовъ. Обряды, наблюдаемые при рожденіи и крещеніи дѣтей на р. Орели. (Изв. Имп. Общ. Люб. Ест. Антр. и Этн., т. XXVIII, стр. 76).

6) Афанасьевъ. Поэт. возвр. слав. на природу, т. III, стр. 334.

7) Киркоръ. Этнограф. взглядъ на Виленскую губ. (Этногр. Сборникъ, изд. Имп. Русск. Геогр. Общ., 1858 г., вып. III, стр. 442).

харка стучитъ метлою въ потолокъ избы: „обрядъ, замѣчаетъ проф. Сумцовъ, имѣющій много соотвѣтствующихъ свадебныхъ обрядовъ и указывающій на молитвенное обращеніе къ домашнему духу-покровителю семьи“ [1]). Такое же объясненіе обычая зажигать вѣнчальныя свѣчи даетъ Афанасьевъ [2]). Имѣя въ виду все ранѣе изложенное, едва ли можно принять его... Въ томъ же томѣ „Поэтич. воззрѣній славянъ на природу“ есть слѣдующее мѣсто: „ничто такъ не устрашаетъ вѣдьмъ, какъ четверговая (страстная) свѣча: гдѣ горитъ она, тамъ безсильны ихъ чары и волхованія; хлѣбный заломъ поджигаютъ благовѣщенскою свѣчею; сложенныя на крестъ восковыя свѣчи прогоняютъ вѣдьмъ отъ коровниковъ и конюшенъ. На Рюгенѣ, продолжаетъ Афанасьевъ, соблюдался обычай бѣгать по полямъ съ зажженными лучинами, для предохраненія дойныхъ коровъ отъ злыхъ волшебницъ, и т. д.“ [3]) Это вполнѣ согласно съ тѣмъ, что приводитъ Тэйлоръ, говоря о страхѣ злыхъ духовъ передъ зажженною свѣчей и передъ всякимъ огнемъ [4]). Этимъ страхомъ пользуются и при охранѣ роженицы, какъ мы видѣли [5]).—На основаніи всего вышеприведеннаго, я полагаю, гораздо ближе къ истинѣ цитированное толкованіе Н. А. Покровскаго: „во время родинъ проклятая нечисть такъ и увивается вокругъ хаты... *Чтобы отогнать темное воинство*, знахарка и стучитъ метлой въ потолокъ избы, зажегши церковную свѣчу“ [6]).

Немедленно по разрѣшеніи отъ бремени родильницѣ даютъ въ руки или кладутъ подъ голову вещь, предохраняющую „отъ колдовства и уроковъ“: въ Малоросіи кладутъ около родильницы ножъ [7]), освященный въ день Пасхи [8]), иногда цвѣты васильковъ; въ

---

[1]) Сумцовъ. О Славянск. народ. воззр. на новорожд. реб. (Журн. Мин. Нар. Просв., 1880, ноябрь, стр. 75).

[2]) Афанасьевъ. Поэт. воззр. слав. на природу, т. III, стр. 334–5. „Чтобы облегчить страданія и скорѣе призвать въ сей міръ новую душу, на Руси принято во время родовъ зажигать вѣнчальную свѣчу“.

[3]) Афанасьевъ. Поэт. воззр. слав., т. III, стр. 498—9.

[4]) Тэйлоръ. Первоб. культура, т. II, стр. 252—4, изд. 1873 г. „Даже среди бѣлаго дня индусъ зажигаетъ свѣтильники, чтобы отогнать демоновъ...“— Рише также упоминаетъ о силѣ изгонять дьяволовъ, присущей восковымъ свѣчамъ и водѣ освященной, наравнѣ съ обѣдней,—по средневѣковымъ воззрѣніямъ (Сомнамбулизмъ, демонизмъ и яды интеллекта, стр. 237).

[5]) Я имѣю въ виду только *прямыя* указанія.

[6]) Изв. Имп. Общ. Любит. Естествозн., Антропол. и Этнограф., т. XLVIII, вып. I, стр. 58). Сравн. въ „Сказкѣ о Нуждѣ, о Счастіи и о Правдѣ“: Нужда „позвалъ хозяина и велѣлъ ему стучать метлою по кутнику, а хозяйкѣ шарить помеломъ подъ лавками; глядь—сатана и выскочилъ“. (Даль. Сочиненія, т. 7, стр. 228).

[7]) Сравн.: удины кладутъ кинжалъ въ защиту отъ hал'а; месхи—отъ Авксули; евреи кладутъ ножъ—отъ злыхъ духовъ; чехи—отъ „дикихъ женъ“ и пр.

[8]) „На всѣ исчисленныя предохранительныя средства, замѣчаетъ по сходному поводу Афанасьевъ, суевѣрный народъ наложилъ христіанское клеймо: свѣча берется страстная или благовѣщенская, вода—святая или кре-

Болгаріи—кольцо или чеснокъ [1]); у поляковъ-кашубовъ чертятъ на воротахъ крестъ мѣломъ, освященнымъ предварительно въ церкви; у великоросовъ въ старину ставили въ уголъ голикъ [2]), на обязанности котораго лежало охранять родильницу и ребенка [3]).

Все приведенное выше, во I, II и III гл., въ своей совокупности является доказательствомъ—иногда безспорнымъ,—что страданія материнства и, въ частности, муки дѣторожденія не считались явленіемъ, которое согласно съ природою вещей. Наоборотъ, онѣ всецѣло относились за счетъ сверхъестественныхъ дѣятелей и разсматривались, какъ результатъ нападенія на женщину „врага". Эта теорія—теорія умирающая, но еще не умершая и донынѣ вліяющая на отношеніе къ родильницѣ.

Приведенное выше свидѣтельствуетъ попутно, что женщинѣ нѣтъ причинъ сожалѣть о томъ золотомъ вѣкѣ, когда

...человѣкъ естества не пыталъ
Горниломъ, вѣсами и мѣрой,
Но дѣтски вѣщаньямъ природы внималъ,
Ловилъ ея знаменья съ вѣрой.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что ученый спеціалистъ, обозрѣвъ „Акушерство у народа", пришелъ къ заключенію, что положеніе рожениць у народа „крайне неприглядно" [4]).

щепокая, верба и ножъ—освященные въ храмѣ" (Поэт. возвр. славянъ, т. III, стр. 500).

[1]) Но стариннымъ Травникамъ, дьяволъ настолько боится чеснока, что если надѣть ему на голову вѣнокъ, въ который ввитъ чеснокъ, то „онъ будетъ отъ того вѣнка связанъ и непоколебимъ никуды, и что хошь, то дѣлай надъ нимъ; и если захочешь богатства, или чину, или славы, то дастъ онъ тебѣ напередъ и скажетъ, что хощешь отъ меня, а вѣнокъ сойми, и я дамъ тебѣ (Забѣлинъ. Исторія русской жизни съ древнѣйшихъ временъ; ч. 2, стр. 282—3). На стр. 308 упоминается слѣдующій украинскій обычай, въ Колядскій праздникъ „передъ каждымъ участникомъ трапезы кладутъ головку чесноку для отогнанія злыхъ духовъ и болѣзней. По Забѣлину такое отношеніе къ чесноку является весьма древнимъ. (Сравн. употребленіе чеснока у месховъ и удиновъ).

[2]) Сравн.: „Лужичане думаютъ, что если у порога избы положить вѣникъ—туда уже не осмѣлится войти вѣдьма; а если вѣникомъ ударить собаку (=оборотня)—эта послѣдняя непремѣнно зачахнетъ. Корову, у которой опухнетъ вымя, нѣмцы лѣчатъ вѣникомъ, связаннымъ на Рождественскіе Святки; этотъ же вѣникъ они кладутъ на порогъ хлѣва, когда выгоняютъ свои стада въ поле". (Аѳанасьевъ. Поэтич. воззр. славянъ на природу, т. III, стр. 498).

[3]) Сумцовъ. О Славянск. народн. воззрѣніяхъ на новорожденнаго ребенка. (Журн. Мин. Нар. Просв., 1880, ноябрь, стр. 77).

[4]) Къ тому же выводу д-ръ Деничъ пришелъ и относительно больныхъ лихорадкою. („Лихорад. заболѣв. и ихъ лѣченіе у русск. народа", стр. 44). Относительно рожениць въ другомъ своемъ трудѣ („Педіатрія у русскаго народа") д-ръ Деничъ замѣчаетъ, что роженица-крестьянка не безъ основанія называется многими бытописателями сущею мученицею" (стр. 58).

IV.

Мысль объ одержаніи родильницы должна была встрѣтить естественную поддержку въ другомъ „преслѣдованіи нечистаго духа", относящемся къ періоду материнства,—въ психическихъ заболѣваніяхъ этого періода „Изъ всѣхъ обстоятельствъ женской половой жизни, говоритъ Гризингеръ, главными причинами сумасшествія должно считать беременность, еще болѣе—послѣродовое состояніе и кормленіе" [1]. По Маудсли, „несомнѣнно, что женщины иногда впадаютъ въ помѣшательство уже во время самыхъ родовъ" [2].

Мыслъ объ одержаніи нетрудно допустить, читая слѣдуюшія строки у Гризингера: „Уже во время самаго акта родовъ встрѣчаются иногда состоянія сильнаго возбужденія и бѣшенства; бывали даже случаи, что каждая родовая боль сопровождалась взрывомъ ярости [3]. Эти психическія разстройства происходятъ отъ боли, сильнаго и общаго нервнаго возбужденія, также и отъ явственныхъ приливовъ крови къ головѣ, проявляются иногда въ видѣ сильной ненависти къ ребенку (дѣтоубійство), продолжаются не болѣе нѣскольких часовъ или однихъ сутокъ. Изъ душевныхъ болѣзней, возникающихъ позже, но чаще всего въ теченіе первыхъ двухъ недѣль послѣ родовъ, нѣкоторыя должно разсматривать, какъ симптоматическій бредъ, сопровождающій другія тяжелыя послѣродовыя болѣзни... Въ этихъ случаяхъ болѣзненное состояніе мозга происходитъ, вѣроятно, частью отъ дурного вліянія гнойной зараженной крови, частью же отъ очевидныхъ приливовъ крови къ головѣ. Въ другихъ случаяхъ сумасшествіе развивается безъ всякой другой тяжелой послѣродовой болѣзни, съ самаго начала уже какъ совершенно самостоятельная болѣзнь мозга. Первыя явленія... замѣчаются тогда очень рано послѣ родовъ, или на 3—5 день, вмѣстѣ съ молочною лихорадкой [4]), во всякомъ же случаѣ, всего чаще въ теченіе первой недѣли, затѣмъ въ теченіе второй и не позже первыхъ четырехъ недѣль послѣ родовъ. Сильныя потери крови, также и душевныя волненія составляютъ часто ближайшій поводъ... Чаще всего встрѣчается бѣшенное возбужденіе, затѣмъ меланхолія" [5].—Французскій авторъ спеціалистъ говоритъ о помѣшательствѣ на шестой недѣлѣ послѣ родовъ: „Бельарже уже давно указалъ на вліяніе первой менструаціи послѣ родовъ на происхожденіе помѣшательства... Обыкновенно, душевное разстройство появляется на шестой

---

1) Гризингеръ. Душевныя болѣзни, стр. 217.
2) Маудсли. Физіологія и патологія души, стр. 287.
3) Сравн. объясненіе схватокъ башкирами.
4) Сравн. наше народное выраженіе, что у родильницы „молоко бросилось въ голову".
5) Гризингеръ. Душевныя болѣзни, стр. 217—8.

недѣлѣ послѣ родовъ; оно можетъ совпадать съ началомъ регулъ или появиться въ теченіе ихъ; въ другихъ случаяхъ оно появляется за нѣсколько дней до ихъ наступленія" [1]).

Опасность продолжается и дальше: по Гризенгеру, *продолжительное* кормленіе ослабляетъ организмъ и порождаетъ самыя разнообразныя тяжелыя нервныя болѣзни; болѣзни эти принимаютъ мозговой характеръ и обращаются въ сумасшествіе [2]).

Эти сроки психически опаснаго состоянія родильницы останавливають вниманіе, ибо это—тѣ же сроки, въ теченіе которыхъ она считается нечистою въ разныхъ концахъ земли [3]): первые три дня, пока не отпадетъ пуповина [4]); первую недѣлю; первую и вторую, частью или цѣликомъ [5]); первыя три недѣли—20 дней; $3^1/_2$ недѣли (24 дня); четыре недѣли—одинъ мѣсяцъ; шесть недѣль или 40 дней; свыше 6 недѣль; 2 мѣсяца и дольше; наконецъ, весь періодъ кормленія. (Иногда малые сроки являются лишь особымъ *періодомъ* „нечистоты", входя въ составъ періода высшей продолжительности. Различіе между ними въ нѣкоторыхъ случаяхъ—формальнаго характера [6]), въ другихъ—выдѣленный *малый срокъ сохраняетъ признаки болѣе полнаго, болѣе суроваго отчужденія.* [7]).

Это совпаденіе тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что объяснить количественную сторону явленія, ставя его въ связь

---

[1]) Icard. Женщина въ періодѣ менструаціи, стр. 15.

[2]) Гризингеръ. Душевныя болѣзни, стр. 219.

[3]) Главнымъ образомъ, я пользовался цифровымъ сводомъ Плосса: „Воззрѣнія на ребенка у дикихъ и культурныхъ народовъ", глава III, 2. (Званіе, 1877, № 3, приложеніе; около 50 цифров. данныхъ).

[4]) Пуповина отваливается „обыкновенно... на 4—5 день; но если пуповина толста, т. е. содержитъ много вартоновой студени, то высыханіе тянется дольше, и отпаденіе оставшагося куска происходитъ на 7—9 день, въ рѣдкихъ случаяхъ на 10-й и даже 13-й день". Жукъ. Мать и дитя, стр. 250, изд. 1885 г.)

[5]) 7, 8, 10 дней и сроки, ограниченные двояко въ предѣлахъ отъ 7 дней до 2 недѣль: 7—10 дн., 7—14 дн. и проч. (Плоссъ. Гельвальдъ).

[6]) Такъ, въ Персіи „женщину *послѣ 7-го или 10-го дня* отводятъ въ баню, гдѣ ее натираютъ коровьимъ масломъ, смѣшаннымъ съ различными пряностями; затѣмъ она должна посѣтить мечеть; а по истеченіи *сорока дней* возвращается къ прежнему образу жизни"; въ Сиріи (въ Яффѣ, въ Палестинѣ) „родильница посѣщаетъ общественную баню въ первый разъ *послѣ 7 или 10 дней*, а во второй разъ *послѣ 40 дней*, слѣдующихъ за родами, въ сопровожденіи бабки" (Плоссъ), и т. д.

[7]) Такъ, у пшавовъ „роженица считается нечистой, и потому для нея устраиваютъ поодаль лачужку, гдѣ она должна родить и остаться одна съ ребенкомъ на *двѣ недѣли*... Пшавецъ вѣритъ, что роженицу преслѣдуетъ нечистый духъ... По прошествіи двухъ недѣль, роженица переселяется съ ребенкомъ въ хлѣвъ; тамъ она остается *шесть недѣль*, а затѣмъ уже... возвращается съ ребенкомъ въ семью". (Пшавія и пшавы. Записки Кавказск. отд. Имп. Русск. Геогр. Общ., кн. XVIII, стр. 138). Или: „у древнихъ мидянъ, бактровъ и персовъ женщина должна была оставаться въ теченіе *сорока дней* въ уединенномъ мѣстѣ; послѣ этого она могла показываться всюду, но должна была избѣгать встрѣчи съ мужемъ въ теченіе *слѣдующихъ сорока дней*" (Плоссъ)...

только съ физической нечистотой родильницы [1]), едва ли возможно. Напримѣръ, отношеніе къ женщинѣ, какъ къ „нечистой" во все время кормленія, иногда нѣсколько лѣтъ, очевидно, не можетъ быть объяснено этимъ путемъ. Какъ извѣстно, этотъ періодъ въ физической жизни женщины является скорѣе, по сравненію съ остальнымъ временемъ, періодомъ „чистоты", чѣмъ наоборотъ [2]). Такія же затрудненія являются при объясненіи малыхъ сроковъ: періодъ физической нечистоты еще не прошелъ, а родильница уже считается „чистою" у многихъ народовъ (напр., послѣ 10 дней). Наоборотъ, связывая сроки „нечистоты" съ періодомъ психической опасности и тяжелыхъ послѣродовыхъ заболѣваній, мы избѣгаемъ этихъ затрудненій и получаемъ попутно объясненіе цифровой неустойчивости этихъ сроковъ... Если при этомъ мы должны будемъ принять, что родильница считается „нечистою", потому что она временно находится во власти нечистой силы, мы найдемъ поддержку для такого толкованія въ выводахъ VII главы.

Но знаетъ ли народъ объ этой связи материнства и душевныхъ болѣзней? [3]) Вотъ нѣсколько указаній, допускающихъ от-

---

[1]) „Послѣродовыя выдѣленія... въ глазахъ нѣмецкаго народа являются очистительнымъ процессомъ, и пока онъ продолжается, женщина считается нечистой". (Плоссъ, тамъ же, стр. 37.—Сумцовъ. О славянск. народ. возр на новорож. реб.—въ Журн. Мин. Нар. Просв., 1880, ноябрь, стр. 77).

[2]) Съ одной стороны, у нихъ протекаютъ быстрѣе послѣродовыя выдѣленія: „продолжительность очищеній не одинакова: у женщинъ кормящихъ онѣ длятся 3 1/2—4 недѣль, у некормящихъ 6—7 недѣль, и даже болѣе, до новаго возвращенія менструацій". (Жукъ. Мать и дитя, стр. 312, изд. 1885 г.). Съ другой стороны, хотя появленіе менструацій во время кормленія представляетъ „въ нашемъ климатѣ довольно частое явленіе", онѣ могутъ появиться, напр., лишь въ концѣ перваго года (тамъ же. стр. 494 и прим.). Уже изъ этихъ данныхъ ясно, что періодъ кормленія, съ точки зрѣнія физической нечистоты, не можетъ считаться *болѣе* нечистымъ, чѣмъ всякій другой періодъ внѣ материнства. Очевидно, что не здѣсь рѣшеніе вопроса о нечистомъ состояніи женщины „*во время менструацій*, *послѣ родовыхъ очищеній*, *во время кормленія грудью* и пр.", которому Плоссъ придаетъ важное значеніе для науки о человѣкѣ.

[3]) Въ какой мѣрѣ иногда точны наблюденія народа, свидѣтельствуетъ распространенное повѣрье (о немъ, между прочимъ, упоминается въ „Войнѣ и Мірѣ"), въ силу котораго роды стараются скрыть, такъ какъ, чѣмъ больше людей будетъ знать о нихъ, тѣмъ больше роженица будетъ мучиться. (Сицинскій. Акуш. помощь въ Минск. губ., стр. 58). Ей доведется мучиться „за всякаго узнавшаго человѣка", а если узнаетъ злой человѣкъ, то онъ можетъ „запереть роды" (Пѣтуховъ. Медиц. Вѣстникъ, 1863, 23.—Цитир. г. Демичемъ: Врачъ, 1889, № 9, стр. 227).—Это повѣрье является точной записью на языкѣ народныхъ воззрѣній „факта, наблюдаемаго ежедневно въ клиникѣ". Женщина рожаетъ; все идетъ хорошо. Вдругъ входятъ нѣсколько учащихся, и испытываемой роженицей эмоціи достаточно для того, чтобы моментально остановить теченіе родовъ. Какъ только свидѣтели уходятъ, сокращеніе матки опять появляется. То же замѣчено и въ частной практикѣ: приходъ врача сначала останавливаетъ роды, и только тогда, когда женщина привыкнетъ къ его присутствію, начинаются опять родовыя муки". (Icard. Женщина въ періодѣ менструаціи, стр. 33).

вѣтъ утвердительный. Г. Абдулла Омаровъ, говоря о лѣченіи у лаковъ сумасшествія, которое приписывается „преслѣдованію нечистаго духа", замѣчаетъ: „болѣзнь эта часто случается съ горцами, *въ особенности съ женщинами, послѣ родовъ*" [1]). У нашего народа есть специальное выраженіе для такого рода заболѣваній: о роженицахъ говорятъ, что у нихъ „молоко бросилось въ голову," вообще, по наблюденію народа „послѣ родовъ женщина *десять дней* въ гробу стоитъ" [2]). Месхи также знаютъ фактъ тяжелыхъ заболѣваній роженицы и ребенка [3]) и объясняютъ его слѣдующимъ образомъ. У нихъ первое мѣсто въ ряду геніевъ занимаетъ Тчабуки, представляемый въ образѣ красиваго юноши; онъ считается неотлучнымъ домашнимъ пенатомъ, незримо содѣйствующимъ благосостоянію семьи. Первую ночь новобрачная должна провести съ нимъ: за ослушаніе онъ умѣетъ жестоко мстить. „Мнѣ разсказывали, передаетъ г. Хахановъ, такой случай, выдаваемый за дѣйствительный фактъ. Одна изъ молодыхъ невѣстъ огромной семьи воспротивилась желанію Тчабуки и отказала ему въ правѣ primae noctis. Злопамятный Тчабуки не замедлилъ проявить свою непреложную власть. Какъ только родился ребенокъ у нарушительницы священнаго обычая, Тчабуки лишилъ его жизни, а мать была разбита параличемъ. Не довольствуясь этимъ мщеніемъ, онъ наказалъ ее еще присоединеніемъ къ параличу *падучей болѣзни*" [4]).

Возвратимся къ непосредственной задачѣ.

V.

Итакъ, *родильныя муки* не составляютъ чего-либо свойственнаго женщинѣ по природѣ ея: онѣ разсматриваются цѣликомъ, какъ результатъ нападенія на нее призрачныхъ враговъ.

---

[1]) Воспоминанія муталима. (Сборникъ свѣдѣній о кавказск. горцахъ, кн. 2, стр. 66).

[2]) Даль. Пословицы русскаго народа, т. I, стр. 482.

[3]) О болѣзняхъ первыхъ дней ребенка, по народнымъ воззрѣніямъ, см. у д-ра Демича: „Педіатрія у русскаго народа, глава I"... „Многія болѣзни маленькихъ дѣтей, особенно сопровождающіяся судорожными припадками, называются у народа *„родимчикомъ"* или „младенскою"... народъ разумѣетъ подъ „младенскою" всѣ болѣзни первыхъ мѣсяцевъ ребенка"... „Младенскою" хвораютъ всѣ дѣти,- это ужъ неизбѣжное зло... Въ Олонецкой губ. лѣчатъ „родимецъ" такъ: кладутъ на голову новорожденнаго послѣдъ, моютъ дѣтскую головку матернею мочею или обвязываютъ смоченною въ ней тряпкою. (NB. сравн. выше о средствахъ отвратительныхъ). Иногда для предупрежденія „родимца" кладутъ въ люльку ножницы, ибо тотъ ихъ боится (стр. 38—9).. Киргизы считаютъ *первые 40 дней* особенно трудными въ жизни ребенка: этимъ объясняются сорокадневныя купанья (стр. 23)... Въ Закатальскомъ округѣ берегутъ новорожденнаго отъ болѣзни *кирхбазаръ*—сорокадневные припадки (Сборн. свѣд. о кавк. горц., т. IV, стр. 47)... Сравн. съ этимъ повѣрья о преслѣдованіи (роженицъ и) ребенка.

[4]) Хахановъ. Месхи. (Этногр. Обозрѣніе, кн. X, стр. 9).

Доступенъ ли такому нападенію ея мужъ? Отвѣтъ долженъ быть утвердительный.

Въ разныхъ уголкахъ міра, раздѣленныхъ огромными разстояніями, встрѣчаются обычаи, существенной чертой которыхъ является, говоря словами проф. Сумцова, „обобщеніе физической жизни мужа и жены, чуть не до отожествленія природныхъ ихъ свойствъ". У хевсуровъ, на Кавказѣ, „беременная женщина считается нечистой и не имѣетъ права принимать участіе въ празднествахъ, *какъ и ея мужъ*... Согласно древнему обычаю, мужъ не имѣетъ права помогать своей женѣ (при родахъ) и даже приближаться къ ней; [1]) тѣмъ не менѣе, послѣ рожденія ребенка, отецъ его „въ теченіе *семи недѣль* не принимаетъ участія ни въ какихъ празднествахъ, живетъ одиноко и пользуется пивомъ и мясомъ со стола другихъ", раздѣляя—до извѣстной степени—положеніе своей жены [2]), которая также „проводитъ время въ уединеніи", хотя „въ новѣйшее время ей позволяютъ жить около селенія, но только отдѣльно, въ теченіе 6—7 недѣль" [3]). У якутовъ „для беременныхъ женщинъ установленъ особый кодексъ... Всѣмъ ограниченіямъ и правиламъ вмѣстѣ съ беременной женой подчиняется *и ея мужъ*; такъ, напр., у сѣверныхъ якутовъ, если по берегу ходятъ дикіе олени, то строго воспрещается беременной выходить изъ юрты или смотрѣть въ ту сторону; также воспрещается ей переплывать протоку или переходить черезъ дорогу, по которой олени направляются; въ противномъ случаѣ, олени уходятъ и уже не возвращаются къ тому мѣсту. Беременная женщина *и ея мужъ* не должны ѣсть отъ убитаго оленя внутренностей, головы и ногъ, а мужъ, кромѣ того, не можетъ ходить на промыселъ. *Женщина считается нечистою во время извѣстныхъ періодовъ, а съ нею вмѣстѣ въ то же время и мужъ ея*" [4]). Въ Бенгаліи, у племени ларка, родители, съ рожденіемъ ребенка, покидаютъ жилище; оба они, и жена, и мужъ, *въ теченіе восьми дней* считаются нечистыми [5]).

Не представляетъ ли аналогичнаго пережитка тотъ повсемѣстно у насъ, въ Россіи, соблюдаемый обычай, въ силу котораго *ни*

[1]) Такимъ образомъ, непосредственная передача мужу „нечистоты" женыродильницы невозможна.

[2]) Radde. Хевсурія и хевсуры. (Записки Кавкз. отд. Имп. Русск. Геогр Общ., кн. XI, стр. 73—6).—Отмѣчу здѣсь слѣдующее любопытное указаніе: „хевсуры при исполненіи супружескихъ обязанностей, раздѣваются до-гола, такъ какъ у нихъ существуетъ повѣрье, будто нечистая сила можетъ принять участіе въ актѣ coitus, если совершающіе его не снимутъ съ себя своихъ тяжелыхъ шерстяныхъ рубахъ" (стр. 82).

[3]) Детали о положеніи роженицы у хевсуровъ—въ главѣ VII.

[4]) Приклонскій. Три года въ Якутской области. (Живая Старина, вып. III, стр. 63).

[5]) Letourneau. L'évolution du mariage et de la famille, стр. 396. Приготовленіе пищи въ это время лежитъ на мужѣ, какъ на менѣе нечистомъ, вѣроятно.

отецъ, *ни мать* новорожденнаго не могутъ присутствовать *при его крещеніи*? — Такъ, напр., въ Ярославской губерніи отецъ *выходитъ изъ церкви* во время крещенія. Что этотъ обычай, ясное пониманіе котораго утратилось съ вѣками [1]), не имѣетъ корня въ церковно-религіозныхъ установленіяхъ, свидѣтельствуетъ недоумѣніе священника-автора: „съ чего взятъ этотъ повсемѣстный странный обычай, мнѣ неизвѣстно" [2])... Не получимъ ли мы ключа, если сопоставимъ это запрещеніе по вопросу о богослуженіи относительно лица съ запрещеніемъ относительно мѣста, мотивы котораго извѣстны: у нашихъ предковъ, въ XVI и XVII столѣтіяхъ, „крещеніе происходило у всѣхъ сословій въ церквахъ и допускалось въ домахъ только въ крайнемъ случаѣ, по болѣзни новорожденного, да и то наблюдалось, чтобы обрядъ происходилъ непремѣнно не въ той комнатѣ, гдѣ дитя родилось. Изстари, какъ показываютъ это вопросы и отвѣты Кирика, комната, гдѣ *родился* младенецъ, нѣсколько дней считалась *оскверненною*" [3]). *Въ силу* тѣхъ же причинъ индусъ не ѣстъ и не пьетъ тамъ, гдѣ происходили роды, въ теченіе 12 дней [4]). У тушинъ домъ освящается „послѣ разрѣшенія жены отъ бремени, отъ чего, по представленію тушинъ, домъ наполняется скверностью, требуя очищенія молитвой и водосвятіемъ" [5]). То же самое дѣлаютъ удины, и мы знаемъ причину этого: въ домѣ возможно присутствіе злого духа „hал" [6]).—Отсюда понятно, почему нечистою *должна* считаться мать новорожденнаго [7]) и *можетъ* считаться отецъ его, при допущеніи, что „проклятая нечисть" угрожаетъ и ему. У дайяковъ, на о. Борнео, „обобщеніе" захватываетъ не одного только отца: вся семья въ теченіе *восьми дней* послѣ родовъ женщины считается „табу", т. е. въ это время слѣдуетъ избѣгать прикосновенія къ ней [8]).

Здѣсь будетъ у мѣста остановиться на тѣхъ обычаяхъ, которые опредѣляются обыкновенно, какъ „наказаніе мужа за родовыя муки жены". Мы найдемъ въ нихъ еще одно доказательство, что отецъ ребенка *раздѣляетъ* судьбу своей жены-родильницы.

---

[1]) Напр., по объясненію олонецкихъ кореловъ, отецъ не присутствуетъ, „чтобы не сдѣлалось плаксивымъ дитя" (а мать—потому, что считается еще нечистой)—Н. Лѣсковъ. Отчетъ о поѣздкѣ къ Олонецкимъ кореламъ лѣтомъ 1893 г. (Живая Старина, 1894 вып. I, стр. 25).

[2]) Свящ. Архангельскій. Село Давшино, Яросл. губ., Пошех. у. (Этногр. Сборн., изд. Имп. Русск. Геогр. Общ. 1854, вып. II, стр. 20).

[3]) Костомаровъ. Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII столѣтіяхъ, стр. 155.

[4]) Гельвальдъ. Естеств. исторія племенъ и народовъ, т. II, стр. 554.

[5]) См. главу II.

[6]) См. главу II.

[7]) О страхѣ передъ опасностью, которою грозитъ присутствіе роженицы, см. въ главѣ VII.

[8]) Плоссъ. Воззрѣніе на ребенка у дикихъ и культурн. народовъ. (Знаніе, 1877, № 3, прилож., стр. 45).

Труднѣе другихъ доступенъ для объясненія слѣдующій эстонскій обычай: послѣ крещенія новорожденнаго всѣ отправляются въ баню, гдѣ бабка или крестная мать бьетъ отца хорошенько розгами... „Это дѣлается для того, чтобы и онъ какъ-нибудь претерпѣлъ за страданія, которыя жена выноситъ при родахъ. [1]) Мы получаемъ нѣкоторое основаніе заподозрить это объясненіе, когда узнаемъ, что сѣченіе священною вербою въ Воронежской губ. [2]) или просто *розгами* въ Сибири [3]) составляетъ одинъ изъ пріемовъ лѣченія лихорадки, т. е. одинъ изъ пріемовъ войны противъ „окоянной видомъ дьяволицы".

Сомнѣніе не исчезнетъ, если мы сравнимъ цитированный обычай съ обычаемъ раздирать тѣло отца звѣринымъ зубомъ [4]) по истеченіи *сорока дней* послѣ родовъ, а этотъ обычай въ свою очередь сличимъ съ похожимъ, но практикуемымъ относительно *новорожденнаго*. Это такъ называемое „карбованіе", состоящее въ насѣчкахъ, дѣлаемыхъ на разныхъ частяхъ тѣла при помощи ланцета, бритвы или остраго ножа. Такихъ насѣчекъ маріупольскіе греки дѣлаютъ 20—25 на спинѣ и 2—5 на рукахъ. Каждая насѣчка отъ 1/2 до 1 линіи въ глубину и отъ 1/4 до 1/2 дюйма въ длину. По окончаніи этого процесса втираютъ въ ранки мелкую соль [5]), завертываютъ ребенка въ сухую простыню и кладутъ въ теплую воду (гдѣ онъ иногда и засыпаетъ). Примѣняютъ это средство маріупольскіе греки не ко всѣмъ дѣтямъ, а только „къ полнокровнымъ или болѣзненнымъ, у которыхъ замѣчаются какіе-либо *нервные припадки* въ родѣ перегибанія спины, безпричиннаго плача, крика, вздрагиванія во снѣ [6]) и т. д. Цѣль „карбо-

---

1) Wiedemann. Aus dem inneren und äusseren Leben der Ehsten, стр. 307. (Цитир. д-ромъ Демичемъ: „Акушерство у народа". Врачъ 1889, № 11, стр. 270).

2) Аристовъ. Лѣкарства отъ лихорадки. Воронежск. Губ. Вѣд., 1866—7 г. (Цитир. у д-ра Демича: Лихорадочныя заболѣванія и пр., стр. 41).

3) „Въ Сибири, по устному сообщенію бывшаго тамъ медицинскаго инспектора д-ра Duhmberger'а, крестьяне лѣчатся иногда отъ лихорадки розгами и приходитъ къ врачу за запиской, чтобы ихъ посѣкли въ волостномъ правленіи. Д-ру Duhmberger'у самому приходилось выдавать подобныя записки и получать благодарность съ заявленіемъ, что болѣзнь отъ такого своеобразнаго врачеванія прошла". (Демичъ. Лихорад. забол., стр. 41, примѣч.).

4) См. главу VI Объ этомъ обычаѣ караибовъ—см. Сумцовъ: Культурн. переживанія. „Наказаніе мужа за родовыя боли жены". (Кіевск. Старина, 1889, окт., 23).

5) Совершенно такъ же поступали наши предки съ женами въ цѣляхъ мучительства (ихъ самихъ, а не духовъ-мучителей). Женъ „били смертнымъ боемъ до крови, натирая раны солью". (Загорскій. Личн. и имуществ. отношенія между супругами. Русск. Мысль, 1897, № 1, стр. 30). Если не ошибаюсь, то же самое дѣлалось при пыткахъ.

6) Обращаетъ на себя вниманіе, что это тѣ болѣзни, которыя приписываются вліянію злыхъ духовъ: „ . . . народъ олицетворяетъ безсонницу и безпокойство дѣтей въ видѣ злого духа, съ которымъ разными способами ведется борьба, чтобы прогнать его. Въ народной демонологіи имѣются даже въ чи-

ванія" въ подобныхъ случаяхъ состоитъ въ предупрежденіи конвульсій, а при появленіи послѣднихъ — въ ослабленіи приступовъ ихъ. Карбованіе иногда повторяется нѣсколько разъ, особенно въ продолженіе *первыхъ 9 дней* [1].—Такой же обычай существуетъ у караимовъ. Если ребенокъ, по мнѣнію повитухи, полнокровенъ (красенъ), ему дѣлаютъ передъ первымъ купаньемъ на спинѣ 8—10 надрѣзовъ; затѣмъ черезъ *шесть недѣль* такихъ надрѣзовъ дѣлается 15—20, и затѣмъ еще черезъ мѣсяцъ—до 30 [2]). Отъ грековъ обычай, повидимому, перешелъ и къ казакамъ Таманскаго полуострова. „Въ нѣкоторыхъ случаяхъ... когда родится дитя, то бабка передъ купаньемъ его рѣжетъ острымъ ножемъ или бритвой изрѣдка надъ позвоночнымъ столбомъ сверху внизъ верхнюю кожицу; потомъ засыпаютъ мелкой солью и растираютъ до крови; минутъ черезъ пять послѣ этой операціи купаютъ дитя и растираютъ свѣжимъ масломъ, послѣ чего черезъ *три* дня кожица засыхаетъ" [3]).—Такимъ образомъ, бьютъ отца новорожденнаго, но бьютъ и больныхъ, и еще больше мучатъ, въ лѣчебныхъ цѣляхъ, самого ребенка.

„Наказаніемъ мужа" объясняется и другой обычай, въ силу котораго отецъ новорожденнаго долженъ съѣсть „что-нибудь противное на вкусъ". — „Солоно и горько рожать", приговариваетъ бабка, подавая отцу новорожденнаго ложку каши, круто посоленной и наперченной [4]). Эта казнь вкусовыхъ ощущеній вершится не всегда одинаково. Въ Нерехотскомъ уѣздѣ, Костромской губ.,

---

слѣ духовъ низшаго разряда *„полунощники"* или *„щекотуны"*, отымающіе у малыхъ дѣтей сонъ"... (Демичъ. Педіатрія у русск. народа, стр. 42). Здѣсь будетъ умѣстно упомянуть объ одномъ обычаѣ, символическое объясненіе котораго подлежитъ, повидимому, пересмотру. У многихъ народовъ существуетъ обыкновеніе приносить въ даръ ребенку игрушечное оружіе, рабочій инструментъ, соотвѣтствующій полу ребенка и пр. Посвятивъ этому обычаю подглавку: „Символическія приношенія ребенку", онъ даетъ ему слѣдующее толкованіе: „ребенку даютъ различные *символы*... чтобы такимъ путемъ пробудить въ ребёнкѣ пониманіе его позднѣйшаго назначенія и охоту къ исполненію его будущихъ обязанностей". (Воззрѣнія на ребенка у дикихъ и культурн. народовъ. Знаніе, 1877, мартъ. прил., стр. 54) Это объясненіе не вѣрно, если имѣть въ виду Чердынскій обычай, о которомъ передаетъ Даль. Тамъ кладутъ мальчику лучокъ со стрѣлой, а дѣвочкѣ—прялицу, но дѣлается это „отъ дѣтскаго крику". Лучокъ или прялицу кладутъ подъ голову и говорятъ: „Щекотиха, будиха, вотъ *тебѣ* лучекъ (или прялица): играй, а младенца не буди". (Даль. Пословицы русск. нар., т. I, стр. 480). Такимъ образомъ (въ данномъ случаѣ) приношеніе имѣетъ *не* символическое значеніе, а это совпадаетъ съ данными, которыя приводитъ г. Демичъ.

[1]) Есть указаніе, что и на Кавказѣ (Тифл. губ.) у грековъ практиковалось карбованіе: старуха во время первыхъ купаній „отпускала ребенку кровь бритвою".

[2]) Объ употребленіи соли въ письмѣ, которымъ пользуется авторъ, не упоминается, но авторъ считаетъ это вѣроятнымъ тѣмъ болѣе, что караимы имѣютъ обыкновеніе купать своихъ дѣтей въ соленой водѣ.

[3]) Покровскій. Физическое воспитаніе дѣтей, гл. VI, стр. 76—7.

[4]) Даль. Пословицы русск. народа, т. I, стр. 478.

ложка каши, которую долженъ съѣсть на крестинахъ отецъ новорожденнаго, перемѣшана съ уксусомъ, хрѣномъ и солью [1]), а сочиненіе прошлаго вѣка отмѣчаетъ слѣдующій составъ мѣшанины: горчица, перецъ, хрѣнъ, пшено и сахаръ [2])

Едва ли правильно и здѣсь видѣть „наказаніе мужа за родовыя боли жены“ [3]). Давать „что нибудь противное на вкусъ“ составляетъ, по Спенсеру, одно изъ примитивныхъ лѣчебныхъ средствъ; какъ одно изъ средствъ „сдѣлать невозможнымъ для бѣсовъ пребываніе въ тѣлѣ“, онъ упоминаетъ кормленіе больного „невозможной“ пищей [4]). И на самомъ дѣлѣ, мы знаемъ, что какъ разъ такой способъ врачеванія практикуется у нашего народа при лѣченіи лихорадки: больному, по словамъ д-ра Демича, „даютъ внутрь всякую гадость [5]). Наконецъ, тѣ же самые пріемы практикуются и *относительно самой родильницы*: въ Виленской губерніи ее тотчасъ послѣ родовъ поятъ „троянкой“; это пойло состоитъ изъ грѣтаго вина со смѣсью красной глины, меду, перцу и коровьяго масла [6]).

Вопросъ упрощается и выигрываетъ въ ясности, когда мы, переходимъ къ аналогичному употребленію *соли*. Здѣсь мы, во-первыхъ, находимъ, что это средство практикуется и относительно отца, и относительно матери, и относительно ребенка. Во-вторыхъ, мы встрѣчаемся съ доказательствами, что это средство имѣло какое-то, нынѣ забытое, *сверхъестественно*-цѣлебное значеніе. (Странно звучитъ эта фраза въ примѣненіи къ „поваренной“ соли, непремѣнному ингредіенту стола и кухни).

Г-жа Всеволожская разсказываетъ, что въ Самарскомъ уѣздѣ „есть обычай, что отцу новорожденнаго крестная подаетъ съѣсть ложку каши, предварительно всыпавъ въ нее горсть соли, чтобы онъ отвѣдалъ, какъ солоно пришлось его женѣ“. Слѣдомъ, г-жа Всеволожская разсказываетъ объ аналогичномъ пріемѣ, относительно самой роженицы, давая ему, предположительно, другое

---

[1]) Приведено у г. Сумцова: О Славянск. народ. воззр. на новорожд. реб., въ Журн. Мин. Нар. Просв., 1880, ноябрь. стр. 76 (Ссылка на „Чтенія въ И. Общ. Исторіи и Древн. Россійск.“ 1846, II, 25).

[2]) Абевега русскихъ суевѣрій. (Цитир. въ „Акуш. у народа“, д-ра Демича. Врачъ, 1889, № 11, стр. 270).

[3]) Подъ такимъ заголовкомъ разсматривается обычай проф. Сумцовымъ. „Культурныя переживанія“. (Кіевская Старина, 1889 г., октябрь, стр. 23) Авторъ считаетъ обычай однороднымъ съ раздираніемъ тѣла отца звѣринымъ зубомъ у караибовъ (см. выше).

[4]) См. главу III.

[5]) Лихорадочныя заболѣванія и ихъ лѣченіе у русскаго народа, стр. 44; заключительныя слова главы V.

[6]) Киркоръ. Этнограф. взглядъ на Виленск. губ. (Этногр. Сборн. 1858, вып. III, стр. 442).—Въ Эриванской губ., у тамошнихъ армянъ, повивальная бабка поитъ роженицу „водкой съ перцемъ“; это дѣлается для того, чтобы она „не чувствовала послѣродильныхъ болей“ и заснула. (Бунятовъ. Домашнее воспитаніе у армянъ Эрив. губ., въ Этногр Обозр., кн. XXIII, стр. 164).

объясненіе: „берутъ небольшой круглый каравай, съ обѣихъ сторонъ отрѣзываютъ по горбушкѣ, такъ что въ серединѣ остается толстый ломоть. Горбушки разрѣзаютъ на кусочки и раздаютъ всѣмъ гостямъ (рѣчь идетъ о крестинахъ), а средину, *посоливъ*, даютъ съѣсть родившей; этимъ обычаемъ, вѣроятно, хотятъ показать, что всѣ гости принимаютъ участіе въ ея страданіяхъ" [1]).

Первое объясненіе недоступно для прямого отрицанія. Второе—относительно жены—устраняется при сравнительномъ изученіи тѣхъ случаевъ, когда соль употребляется въ связи съ рожденіемъ ребенка.

1. Въ Западно-Русскомъ краѣ, *при трудныхъ родахъ*, „ставятъ столъ посреди хаты и обводятъ больную кругомъ него три раза [2]); на столѣ, на каждомъ углу, насыпаютъ по ложкѣ мелкой соли, и больная, обходя вокругъ стола, должна ѣсть соль съ каждой кучки". (При этомъ бабка читаетъ заговоръ) [3]).

2. Въ Минской губ. этотъ пріемъ практикуется *при задержаніи послѣда*: родильницу обводятъ вокругъ стола; на углахъ его соль—родильница должна попробовать эту соль нѣсколько разъ [4]).

3. „Еще дитя не родилось, разсказываетъ свящ. Рудневъ, авторъ статьи „Село Голунь и Ново-Михайловское" (Тульск. губ., Новосильск. у.), а ему уже усыпаютъ путь, по порогамъ избы, солью, чтобы оно явилось на свѣтъ скорѣе и безъ большихъ страданій для матери [5]).—Эта запись устраняетъ возможность объяснить употребленіе соли, какъ средства лѣкарственнаго—въ научномъ смыслѣ этого слова. Оно принимается не внутрь; имъ усыпаютъ путь по *порогамъ* избы [6]), и результатомъ *этого* являет-

---

[1]) Всеволожская. Очерки крестьянскаго быта Самарскаго уѣзда. Этногр. Обозр., 1895 г., № 1, стр. 27).

[2]) Въ этой части обычай встрѣчается и самостоятельно: „при мукахъ роженицы обводятъ ее трижды вокругъ стола" (Даль. Пословицы р. н., т. I, стр. 478). То же самое разсказываетъ авторъ статьи: „Воронежск. губ., Нижнедѣвицкій уѣздъ". (Этногр. Сборн. 1853, вып. I, стр. 218). Такимъ образомъ, соль играетъ роль добавочнаго, усугубляющаго средства.

[3]) Труды Этногр.-статист. экспед. въ Зап.-Русск. край, т. IV, стр. 3.

[4]) Сицинскій. Акушерск. помощь въ Минск. губ., стр. 77. Параллельныя средства, изъ которыхъ объ одномъ ужъ упоминалось, слѣдующія: даютъ родильницѣ 3—6 вшей, „часто, чтобы родильница не знала объ этомъ"; вырѣзываютъ вверху каждаго окна и изъ стола по кусочку дерева въ формѣ *крестика*, толкутъ ихъ и даютъ пить въ водѣ.

[5]) Этнограф. Сборникъ, изд. Имп. Русск. Геогр. Общ. 1854, вып. II, стр. 103.

[6]) Напомню для сравненія: о мотивированномъ обычаѣ месховъ, прибивающихъ *на порогъ* подкову или желѣзную цѣпь, черезъ которую Ави-сули „не рѣшается перешагнуть" къ родильницѣ; о ножахъ, остріемъ вверхъ, *на порогъ* и на окнахъ—для охраны сна ребенка, у кореловъ: „тогда, не бойся, не перейдетъ въ избу, побоится, и ребенокъ будетъ спать хорошо" (см. главу IX); о топорѣ *на порогъ*—въ Хорольскомъ уѣздѣ, Полтавск. губ.; о Вологодскомъ обычаѣ вдѣлывать *въ порогъ* старую косу, въ качествѣ охраны „отъ злыхъ людей"... (Даль. Пословицы русск. народа, т. II, стр. 570).

ся облегченіе родовъ. Очевидно, мы имѣемъ дѣло съ сверхфизическими свойствами соли.

Соль употребляется и относительно самого новорожденнаго. Опуская распространенное обыкновеніе класть соль въ воду при купаньи и крещеніи ребенка [1], отмѣтимъ лишь наиболѣе рѣзкую форму ея употребленія: натираніе и обсыпаніе новорожденнаго солью [2]. Такъ, напр., на Кавказѣ, среди грузинъ, армянъ, татаръ, курдовъ—все тѣло родившагося ребенка обсыпаютъ мелко толченою солью, не пропуская складокъ и закрытыхъ частей тѣла: подмышки, промежность, позади ушей и наружную камеру ихъ, вѣки глазъ и т. д. Завернутый затѣмъ въ старыя тряпки младенецъ выдерживается въ соли 2—3 часа и больше... Подъ вліяніемъ соли наружные покровы ребенка раздражаются, краснѣютъ; иногда же, смотря по количеству употребленной соли и по времени пребыванія въ ней, тѣльце ребенка оказывается покрытымъ пузырьками и ранoчками [3]. Армяне Эриванской губ. даже въ глаза всыпаютъ щепотку соли, „чтобы они были яс-

---

[1]) Въ этой формѣ употребленіе соли въ обычаѣ среди караногайцевъ (Ставроп. Губ. Вѣд. за 1879 г., № 12), калмыковъ, (Д е м и ч ъ. Педіатрія у р. н., стр. 63), киргизовъ, татаръ—Семипал. обл.; въ Восточн. Сибири—у нѣкоторыхъ инородцевъ, Минусинск. окр., Енисейск. губ.; въ южномъ Дагестанѣ (П о к р о в с к і й. Физич. воспит. дѣтей, стр. 75--6); у насъ—въ Минской губ. (С и ц и н с к і й. Акуш. помощь въ Минск. губ., стр. 92); въ Пруссіи—въ Кенигсбергѣ, при крещеніи (П л о с с ъ. Воззрѣнія на ребенка и пр., стр. 36).—Обыкновенно эти обычаи объясняются, какъ „уходъ за кожей“ (Покровскій. Деничъ). По д-ру Ж у к у они лишены всякаго „научнаго основанія“. (Мать и дитя, стр. 203, изд. 1885 г.). Слѣдуетъ замѣтить, что въ Минской губ., напр., вмѣстѣ съ солью въ воду кладутъ *Іорданскую воду*, деньги и травы, а въ Кенигсбергѣ—деньги и пуповину, которой, по Плоссу (стр. 36), у различныхъ народовъ приписываютъ „волшебную силу оберегать отъ опасностей“ и т. д.

[2]) Среди армянъ многіе, отступая отъ этого обычая, замѣняютъ его купаньемъ въ соленой водѣ. (По личнымъ свѣдѣніямъ относительно армянъ гор. Телава).—Такое же указаніе даетъ авторъ статьи „О первоначальномъ физическомъ воспитаніи дѣтей въ Шаруро-Даралагезскомъ уѣздѣ, Эриванской губ.“. (К а в к а з ъ. 1879 г. № 54).

[3]) К а в к а з ъ. 1879 г. № 54. (Замѣтимъ, что населеніе—армяне, татары и курды,—въ предупрежденіе прѣлости и раздраженія кожи въ скрытыхъ частяхъ, употребляютъ самостоятельно средства раціональнаго характера: посыпаніе порошкомъ сухой и обожженой глины и проч.). Сроки выдерживанія въ соли, до перваго купанья, приведены по этому источнику. Въ нѣкоторыхъ другихъ упоминаются сроки значительно большіе. (К а в к а з ъ. 1878, № 294; 1879 г., № 42. П о к р о в с к і й. Физическое воспитаніе дѣтей, гл. VI, стр. 76—7. 1884 г.). „По свидѣтельству многихъ показаній съ Кавказа, армяне и грузины иногда не моютъ дѣтей своихъ ранѣе 12—24 часовъ и даже, въ предѣлахъ Карталиніи, ранѣе трехъ сутокъ отъ рожденія; до этого же времени натираютъ новорожденнаго солью до-красна или просто обсыпаютъ его густымъ слоемъ... Цѣль натиранія и осыпанія та, чтобы, по объясненію туземцевъ, какъ говоритъ г-жа Григорьева изъ Темрюка, не болѣла кожа, разумѣя подъ этимъ прѣлость“. У грузинъ, по объясненію г. Д у б р о в и н а, соль—эмблема твердости, изобилія и т. п.

ные" [1]); то же самое дѣлаютъ армяне Елисаветпольской губ.. [2]) Е. А. Покровскій отмѣчаетъ такого рода обычаи въ Азіатской Турціи [3]), въ Персіи, у современныхъ грековъ [4]), у древнихъ арабовъ и древнихъ евреевъ [5]) Пророкъ Іезекіиль, изображая въ обличительномъ иносказаніи бѣдственную судьбу ребенка, говоритъ: „При рожденіи твоемъ, въ день, когда ты родилась, пупа твоего не отрѣзали, и водою ты не была омыта для очищенія, и солью не была осолена, и пеленами не повита... по презрѣнію къ жизни твоей" (XVI, 4—5).—Посыпаніе солью практикуется и въ позднѣйшій періодъ жизни ребенка, причемъ мы имѣемъ ясное указаніе, что въ этомъ случаѣ пользуются солью для защиты отъ опасностей *сверхфизическаго* характера [6]). Такъ, по чердынскому обычаю, о которомъ упоминаетъ Даль, когда ребенка отпускаютъ изъ дому, ему на темя насыпаютъ соль въ предохраненіе *отъ порчи*; при этомъ говорятъ: „Черному, черемному (рыжому), завидливому, урочливому, прикошливому—соли въ глаза" [7]).

Употребленіе соли практикуется и въ другихъ случаяхъ. Въ Самарскомъ уѣздѣ, по словамъ г-жи Всеволожской, „для скотины отъ притки заговариваютъ на воду или на соль, которую даютъ съѣсть животному" [8]).—„Четверговая соль—цѣлебная", говоритъ

---

[1]) Бунятовъ. Домашнее воспитаніе у армянъ Эриванской губ. (Этнограф. Обозр., кн. XXIII. стр. 164). По этому источнику омовеніе предшествуетъ соленію. (Сравн. выше: *Кавказъ*. 1878—№ 294 и 1879—№ 54).

[2]) Сборникъ матеріаловъ для описанія Кавказа, вып. VII, отд. II, стр. 74. (Цитировано у д-ра Демича, Педіатрія у русск. народа, стр. 66: „у армянъ Елисаветп. губ., по перерѣзкѣ пуповины и омовенія, все тѣло новорожденнаго сильно солится; соль всыпаютъ и въ глаза, чтобы придать ребенку крѣпость").

[3]) Новорожденный вылеживаетъ въ соли 24 часа.

[4]) Маріупольскіе греки объясняютъ обычай слѣдующимъ образомъ: втираніе „предупреждаетъ будто бы отъ опрѣлости и потливости съ дурнымъ запахомъ". Втираніе производится не одинъ разъ. (См. выше о дополнительномъ обычаѣ „карбованія").

[5]) Покровскій. Физическое воспитаніе дѣтей, стр. 76—7.

[6]) Какъ объясняется обсыпаніе солью новорожденнаго, выше упоминалось: соль—эмблема твердости и изобилія; соленіе придаетъ тѣлу крѣпость; соль дѣлаетъ ясными глаза; соль предупреждаетъ накожныя заболѣванія и пр. Къ этимъ объясненіямъ, не совпадающимъ или даже не имѣющимъ между собою ничего общаго, надо прибавить еще одно, приводимое д-ромъ Жукомъ,—соль предохраняетъ отъ оспы. „Во Франціи соленіе дѣтей практиковалось еще въ XVIII вѣкѣ. Роленъ указываетъ, что на новорожденнаго виконта de-Boise потратили 12 фунтовъ соли. У ребенка вся кожа слѣзла послѣ того, какъ онъ пролежалъ въ соли сутки, но зато „онъ былъ очень здоровъ". „Соль, по мнѣнію этихъ авторовъ, не только укрѣпляла силы, поддерживала красоту, но и служила предохраненіемъ отъ оспы". (Жукъ. Мать и дитя, стр. 203—4, изд. 1885 г.). Послѣдній мотивъ весьма интересенъ, если допустить, что корень его въ народныхъ воззрѣніяхъ, въ народной старинѣ. Ибо оспенныя заболѣванія, по примитивнымъ воззрѣніямъ, *демоническаго* происхожденія (см., напр., Демичъ: Педіатрія у р. н., стр. 50—51).

[7]) Даль. Пословицы русскаго народа, т. I, стр. 559.

[8]) Этнограф. Обозрѣніе, 1895 г., № 1, стр. 27.

Даль о соли, прокаленной въ смѣси съ квасною гущей въ Великій Четвергъ [1]).—Мы вновь вступаемъ въ сферу явныхъ сверхфизическихъ свойствъ соли. Если даже не придать такого смысла совѣту, который содержатъ „Пословицы русскаго народа“: „въ началѣ и въ концѣ обѣда, *для счастья*, съѣшь кусочекъ хлѣба съ солью“ [2]),—мы имѣемъ одно любопотное указаніе въ „Отверженномъ“ г. Мережковскаго. Рѣчь идетъ о двухъ враждебныхъ африканскихъ сектахъ IV стол. „Евандръ разсказалъ Ювентиву, что когда случайно цециліанинъ заходитъ въ церковь донатистовъ, они выгоняютъ его и потомъ тщательно *соленой* водой обмываютъ плиты, на которыхъ онъ стоялъ“ [3]). Такимъ образомъ, нужна была соль, чтобы освободить камень и церковь отъ „нечистаго“ прикосновенія религіознаго врага [4]). Закончу эту бѣглую характеристику соли, какъ сверхфизическаго средства, дѣтскимъ воспоминавіемъ. Въ нашемъ домѣ соль пользовалась своеобразнымъ почитаніемъ. Нельзя было искажать ея названіе: нельзя было, напр., сказать: „сольца, дайте сольцы“, а только: „соль, соли“. Запрещалось это не въ интересахъ благозвучной рѣчи, а потому, что „старики говорятъ, это въ Библіи запрещено“. (Также нельзя было искажать неуважительно слово „хлѣбъ“).

Очевидно, что для такого широкаго и разнообразнаго примѣненія соли должна существовать какая либо *общая* причина. На основаніи приведеннаго, нетрудно дать общую догадку: соль, подобно желѣзу [5]), должна быть причислена къ суевѣрнымъ средствамъ отъ тѣхъ страданій и опасностей, источникомъ которыхъ служатъ призрачныя существа; въ данномъ случаѣ—присущія обстоятельствамъ рожденія. Отсюда понятно употребленіе соли для облегченія родовъ, въ интересахъ родильницы и ребенка.

---

[1]) Пословицы р. н., т. II, стр. 532 (Сахаровъ. Сказанія русск. народа). Напомню вышецитированное замѣчаніе Аѳанасьева: „на всѣ... предохранительныя средства суевѣрный народъ наложилъ христіанское клеймо: свѣча берется страстная или благовѣщенская“ и т. д. (Поэт. воззр. славанъ на природу, т. II, стр. 500).

[2]) Т. II, стр. 414.

[3]) Сѣверный Вѣстникъ. 1895 г., IV, стр. 29.—Вотъ нѣкоторыя подробности объ этой религіозной войнѣ. „Тогдашній епископъ Карѳагенскій, Цециліанъ, былъ посвященъ въ санъ епископскій духовнымъ лицомъ, котораго общественное мнѣніе называло „предателемъ“ (traditor) за то, что онъ, наравнѣ со многими другими, во времена гоневій на христіанъ, спасъ себѣ жизнь тѣмъ, что выдалъ св. книги языческимъ властямъ. Ревнители вѣры, по одному изъ своихъ вождей получившіе названіе донатистовъ, потому не захотѣли признавать Цециліана епископъ, исходя изъ того воззрѣнія, что *Церковь должна состоять только изъ чистыхъ* людей... Толпы фанатиковъ-донатистовъ разрушали церкви, грабили и убивали“... Оскаръ Іегеръ. Всеобщая исторія, т. I, стр. 539.

[4]) Или—возвращаясь къ соленію ребенка,—„избавить его отъ пріобрѣтенной имъ въ утробѣ матери нечистоты“ (Ковалевскій. Законъ и обычай на Кавказѣ, т. I).

[5]) См. Тэйлоръ. Первоб. культура, т. I, стр. 131, изд. 1873г.

Употребленіе того же самаго средства и относительно мужа служитъ, въ такомъ случаѣ, добавочнымъ подтвержденіемъ, что и онъ имѣетъ—имѣлъ какое-то давно забытое отношеніе къ нимъ. Что это „лѣченіе" отца не должно считаться голою гипотезою, свидѣтельствуетъ слѣдующій фактъ. У большинства чуановъ, въ Африкѣ, первые дни послѣ рожденія ребенка, „отецъ разлученъ съ нимъ и своей женой. Его допускаютъ не раньше 5-го дня... Женщины, помогавшія при родахъ, говорятъ: „ребенокъ теперь подросъ, позовемъ лѣкаря" (колдуна)... Родильницу выносятъ на дворъ. Поперекъ двери лежитъ „лепчего" (талисманъ), т. е. деревянный обрубокъ въ 4—6 футовъ длины, который кладется передъ входомъ всякій разъ, когда въ домѣ больной, чтобы никто не входилъ, кромѣ самыхъ близкихъ людей. Родильница садится на „лепчего" такъ, чтобы верхняя часть туловища приходилась по сю сторону обрубка, а ноги по другую, и поджатыя кверху колѣна опирались бы на обрубокъ. Послѣ этого зовутъ мужа, который садится такъ же противъ жены, колѣна обоихъ скрещиваются, какъ руки. Къ нимъ подходитъ врачъ съ лѣкарствомъ, которое заключается въ толченыхъ кореньяхъ, приготовленныхъ съ жиромъ. Мужъ и жена, оставаясь въ той же позѣ, натираются ими, начиная съ колѣнъ и кончая ногами. Деревянный обрубокъ также натирается лѣкарствомъ. Нѣкоторые изъ лѣкарей сверхъ того даютъ пить цѣлительную воду; мужъ пьетъ первый и оставляетъ воды женѣ, которая допиваетъ ее. Послѣ церемоніи, мужъ и жена встаютъ, шагаютъ черезъ обрубокъ и расходятся въ противныя стороны" [1]).

Здѣсь мы имѣемъ явное „лѣченіе", и то обстоятельство, что лѣченію подвергается и чурбанъ, заграждавшій входъ во время родинъ, свидѣтельствуетъ о *сверхфизическомъ* лѣченіи, т. е. о попыткѣ избыть какого-то призрачнаго врага.

Остается упомянуть еще объ одномъ „обобщеніи физической жизни жены и мужа". У многихъ племенъ въ Южной и Сѣверной Америкѣ, въ связи съ рожденіемъ ребенка, налагаются извѣстныя ограниченія въ пищѣ и образѣ жизни. Эти ограниченія у нѣкоторыхъ племенъ обязательны *и для родильницы и для ея мужа*, какъ въ томъ случаѣ, когда они слѣдуютъ за рожденіемъ ребенка [2]), такъ и въ томъ, когда они предшествуютъ рожденію ребенка [3]).

Мы подошли къ обычаю „кувады".

---

[1]) Гельвальдъ. Естеств. исторія племенъ и народовъ, т. II, стр. 94—5. Въ отдѣльныхъ частяхъ своихъ обычаи чуановъ обнаруживаютъ знакомыя черты. Такъ, подобно киргизамъ, они первое время не даютъ родильницѣ ни глотка воды; только на четвертый день ей приносятъ воды... Натираніе однимъ и тѣмъ же средствомъ и родильницы съ мужемъ и чурбана при входѣ—напоминаетъ о такомъ же употребленіи соли „по порогамъ избы" и о принятіи внутрь родильницею и ея мужемъ.

[2]) Starcke. La famille primitive, стр. 50, примѣч. Тэйлоръ. Доисторическій бытъ человѣчества, стр. 401.

[3]) Леббокъ. Начало цивилизаціи, стр. 13.

VI.

Изъ мозаики отдѣльныхъ описаній „страннаго обычая“ передъ нами складывается слѣдующая, цѣльная по содержанію, картина. Родился ребенокъ. „Вмѣсто себя родильница укладываетъ въ постель своего мужа“ [1]). Онъ лежитъ „нагой, въ самомъ непристойномъ положеніи“ и „съ самымъ жалобнымъ видомъ“ [2]). Онъ лежитъ въ характерныхъ судорогахъ, жалуется [3]), стонетъ, кричитъ [4]); проводитъ въ постели „нѣсколько дней, подобно родившей женщинѣ“ [5]); принимаетъ „укрѣпляющее средство послѣ родовъ“ [6]). „Вы присягнули бы, что это онъ разрѣшился отъ бре-

---

[1]) Страбонъ говоритъ объ иберійцахъ, кельтахъ, ѳракійцахъ и скиѳахъ: „всѣмъ этимъ народамъ свойственно... мужество не только мужчинъ но и женщинъ. Сами женщины обрабатываютъ землю, а *послѣ родовъ укладываютъ въ постель вмѣсто себя своихъ мужей и ухаживаютъ за ними.* Часто за работами онѣ моютъ дѣтей и пеленаютъ, удаляясь къ какому-нибудь источнику“. (Географія, кн. III, гл. 4. парагр. 17).

[2]) „Отецъ, совершенно голый, разсказываетъ Бреттъ объ индѣйцахъ Гвіаны, ложится въ свой гамакъ, придавъ тѣлу самое непристойное положеніе и, точно онъ боленъ, остается въ немъ нѣсколько дней, получая поздравленія своихъ друзей и попеченія сосѣдокъ, въ то время, какъ мать новорожденнаго занимается стряпнею, не привлекая ничьего вниманія“.—„Одинъ разъ мнѣ самому случилось наблюдать исполненіе этого обычая: мужчина, совершенно здоровый и полный силъ, безъ всякаго признака болѣзни, лежалъ въ своей койкѣ съ самымъ жалобнымъ видомъ; за нимъ почтительно и заботливо ухаживали женщины, между тѣмъ какъ мать новорожденнаго стряпала, не обращая на себя ничьего вниманія“. (Цитировано: Жиро-Телонъ Происхожденіе семьи, стр. 81, примѣч. Letourneau. L'évolution du mariage, стр. 395. Леббокъ. Начало цивилизаціи, стр. 14).

[3]) „Какъ только караибъ (XVII в.) становился отцомъ, онъ ложился въ постель и симулировалъ разрѣшеніе отъ бремени соотвѣтствующими судорогами и жалобами (par des plaintes et des contorsions convenables); вокругъ него суетились и хлопотали деревенскія кумушки и поздравляли его со счастливымъ разрѣшеніемъ“. (Цитир.: Letourneau. L'évolut. du mariage, стр. 395).

[4]) а) У древнихъ тибареновъ: „Какъ только женщины разрѣшились, ихъ мужья стонутъ, ложатся въ постель, завертываютъ себѣ голову. Тѣмъ временемъ женщины приготовляютъ имъ укрѣпительную пищу и готовятъ ванны, свойственныя роженицамъ“. (Цитир. тамъ же, стр. 397). б) У древнихъ кипрійцевъ: „Мужчина ложится въ постель и подражаетъ крикамъ роженицы“. (Цитир.: Жиро-Телонъ. Происх. семьи, стр. 82—3, прим.).

[5]) У древнихъ корсиканцевъ: „При рожденіи дѣтей они соблюдаютъ странный обычай. Они не заботятся о роженицахъ, но тотчасъ послѣ разрѣшенія матери отецъ ложится въ постель, какъ будто онъ чувствуетъ боли, и остается въ ней нѣсколько дней, подобно родившей женщинѣ“. (Цитир. тамъ же, стр. 82, прим.).

[6]) У корава новъ. Тэйлоръ приводитъ (Первобыт. культ., т. I, стр. 79, изд. 1873 г.) пословицу тамиловъ: „Если А бьетъ В, а С кричитъ отъ ударовъ, окружающіе скажутъ: „Это точно кораванъ, который ѣстъ ассафетиду вмѣсто своей больной жены!“ Затѣмъ поясняетъ: „пословица объясняется тѣмъ, что туземныя женщины вообще употребляютъ ассафетиду, какъ укрѣпляющее средство послѣ родовъ, а у коравановъ въ этомъ случаѣ ѣдятъ ее для укрѣпленія не жéны, а мужья“.—Напомню по этому поводу замѣчаніе Спенсера о роли отвратительныхъ средствъ, когда нужно „сдѣлать невозможнымъ для бѣ-

мени" [1]). Онъ окруженъ попеченіями. „За нимъ почтительно и заботливо ухаживаютъ женщины, между тѣмъ какъ мать новорожденнаго стряпаетъ, не обращая на себя ничьего вниманія" [2]). Онъ „кажется больнымъ" и пользуется уходомъ со стороны жены-родильницы, принимая ея заботы „съ величайшею серьезностью" [3]). Ему готовятъ женщины „укрѣпляющую пищу и дѣлаютъ ванны, какъ должно для роженицы" [4]). „Его кормятъ лакомыми кушаньями" [5]), или, наоборотъ, "заставляютъ" держать такую діэту, что „удивительно", какъ онъ отъ нея не умираетъ [6]). Поведеніе

совъ пребываніе въ тѣлѣ". — Сравн.: у эстовъ новорожденному даютъ „въ шапкѣ или чулкахъ сѣру и Assam foetidam, или окуриваютъ его этими веществами въ предохраненіе отъ чародѣйства и злыхъ духовъ".(Демичъ. Педіатрія у р. н., стр, 25. Ссылка на Wiedemann. Aus dem inneren und äusseren Leben der Ehsten, стр. 308).

[1]) „Какъ скоро, говоритъ іезуитскій миссіонеръ Добрицгоферъ, у абипоновъ (*XVIII* ст.) женщина родитъ ребенка, мужъ ея тотчасъ же ложится въ постель. Его окружаютъ попеченіями; нѣсколько дней онъ не принимаетъ пищи. Вы присягнули бы, что это онъ разрѣшился отъ бремени". (Vous jureriez que c'est lui qui vient d'accoucher. — Цитир.: Letourneau L'évol. du mariage стр. 395).

[2]) У гвіанскихъ индѣйцевъ (см. выше).

[3]) a) Voisin, мировой судья въ одной изъ коммунъ Французской Гвіаны, остановился (1852 г.) на ночлегъ у индѣйцевъ галиби. „При своемъ пробужденіи онъ узналъ, что въ эту ночь за перегородкой изъ листвы, которая одна отдѣляла его гамакъ отъ хозяевъ, родился ребенокъ. Роженица не кричала, и на разсвѣтѣ Voisin уже видѣлъ ее отправлявшейся на берегъ рѣки заниматься своимъ туалетомъ; потомъ она взяла новорожденнаго и нѣсколько разъ дала ему погрузиться до дна рѣки, подхватывая въ тотъ моментъ, когда онъ появлялся на поверхности, и затѣмъ обтерла его своими руками. Какъ разъ наоборотъ, ея мужъ оставался въ своемъ гамакѣ, казался больнымъ и принималъ съ величайшею серьезностью заботы, которыя ему оказывала жена". (Цитир.: Letourneau. L'évol. du mariage, стр, 395—6). б) У древнихъ иберійцевъ, кельтовъ, ѳракійцевъ и скиѳовъ (см. выше).,

[4]) У древнихъ тибареновъ (см. выше).

[5]) У йиваровъ: „У нихъ также встрѣчается обычай, спорадически распространенный по всей землѣ, а именно, когда родитъ жена, то мужъ ложится въ постель родильницы (здѣсь въ гамакъ) и его кормятъ лакомыми кушаньями... Йиваро этимъ способомъ подкрѣпляетъ себя для усиленныхъ обязанностей, которыя налагаетъ на него рожденіе новаго ребенка". (Гельвальдъ. Естеств. истор. плем. и народовъ. „Народы Андовъ". Т. 1, стр. 492).

[6]) У караибовъ (XVII ст.) „Какъ они могутъ выдерживать такой строгій постъ и не умираютъ отъ него, разсказываетъ Дю-Тертръ, это для меня изумительно, потому что они иногда проводятъ первые пять дней безъ всякой пищи и питья; затѣмъ до десятаго дня они пьютъ... напитокъ, почти настолько же питательный, какъ пиво. По прошествіи этихъ десяти дней, они начинаютъ ѣсть только маніоковый корень, запивая тѣмъ же напиткомъ, и воздерживаются отъ всякой другой пищи въ продолженіе цѣлаго мѣсяца. Но, въ продолженіе этого времени, они ѣдятъ только внутренность этого корня, такъ что остающееся отъ него имѣетъ сходство съ краями шляпы когда она снята съ болвана, и всѣ такіе остатки они сохраняютъ до празднества, имѣющаго быть по прошествіи сорока дней, подвѣшивая ихъ гдѣ-нибудь вверху на веревкѣ. Когда совершается сорокъ дней, они приглашаютъ своихъ родственниковъ и лучшихъ друзей, которые прежде, чѣмъ принимаются ѣсть, раздираютъ кожу этого несчастнаго зубами агути и пускаютъ кровь изъ всѣхъ частей его тѣла,

его наполнено разнаго рода предосторожностями: нарушеніе ихъ

такъ что изъ мнимо-больного онъ дѣлается часто дѣйствительно боленъ. Но это, такъ сказать, цвѣточки, ягодки-то дальше будутъ; они берутъ шестьдесятъ или восемьдесятъ большихъ зеренъ пименто, или индѣйскаго перца, самаго сильнѣйшаго, какой только можно найти, и, растворивши его въ водѣ, они смачиваютъ этимъ перечнымъ растворомъ раны и царапины этого бѣдняка, который, мнѣ кажется, испытываетъ то же страданіе, какъ если бы его жгли живого на огнѣ; но въ это время у него не должно вырваться ни одно слово, если онъ не хочетъ прослыть за труса и подлеца... Окончивши этотъ обрядъ, они опять относятъ его въ постель, въ которой онъ и лежитъ еще нѣсколько дней; сами же продолжаютъ пировать въ его домѣ. Но это еще не все: въ продолженіе цѣлаго полугода онъ не ѣстъ ни рыбы, ни птицъ, твердо вѣря въ то, что это было бы нездорово для желудка ребенка, и что къ нему перейдутъ естественные недостатки животнаго, которымъ питается его отецъ; напримѣръ, если отецъ ѣлъ черепаху, то у ребенка не будетъ мозга, какъ и у этого животнаго, и кромѣ того онъ будетъ глухой; если онъ ѣлъ морскую корову, то у ребенка будутъ маленькіе круглые глаза, похожіе на глаза морской коровы и т. д. (Тэйлоръ. Доистор. бытъ человѣч., стр. 394—5. О распространенности, вообще, идеи, что человѣку сообщаются характеристическія особенности животнаго, которое онъ ѣстъ, см. Леббокъ, Нач. цивилиз., стр. 15—16). —Тэйлоръ справедливо отмѣтилъ, что этотъ фактъ, по отношенію къ кувадѣ, имѣетъ интересъ лишь постольку, поскольку одинъ отецъ выполняетъ предписанія режима, — мать же новорожденнаго отъ нихъ свободна. (Выше было приведено, что у нѣкоторыхъ племенъ режимъ обязателенъ для обоихъ родителей. См. гл. V). Самъ по себѣ „постъ" не представляетъ исключительнаго выраженія „мистической связи" между отцомъ и ребенкомъ. „Въ Гренландіи, кромѣ строгихъ правилъ, налагаемыхъ на женщинъ послѣ рожденія ребенка, мужъ также въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль не долженъ имѣть никакой работы и никакихъ занятій, исключая добыванія насущной пищи,—и все это для того, чтобы дитя не умерло". Но такой же режимъ предписывается и ради души усопшаго гренландца, во время ея странствія въ блаженную страну съ вѣчнымъ лѣтомъ. „Путь въ эту блаженную страну труденъ; душа въ продолженіе пяти или болѣе дней должна скользить въ одну пропасть, обагренная кровью тѣхъ, кто раньше сходилъ въ нее. Особенно горестно положеніе этихъ бѣдныхъ душъ бываетъ тогда, когда имъ приходится проходить этотъ путь зимою или въ бурю, потому что тогда душа можетъ потерпѣть вредъ и умереть, какъ они говорятъ, другою смерью, и тогда отъ нея ничего не остается, и она погибаетъ совершенно. Это для нихъ самая злосчастная участь, и поэтому оставшіеся въ живыхъ, въ продолженіе этихъ пяти дней или болѣе, должны воздерживаться отъ извѣстной пищи и отъ всѣхъ шумныхъ работъ, исключая необходимой рыбной ловли, чтобы не возмутить души и не причинить имъ вредъ во время ихъ опаснаго путешествія"... „Но, можетъ быть, замѣчаетъ Тэйлоръ, ни въ одномъ разсказѣ мы не видимъ столь ясно, какъ глубоко коренится идея объ этой воображаемой связи въ умѣ дикаго, какъ въ разсказѣ г. Валласа, изъ его путешествія по Южной Америкѣ: „Индѣецъ, бывшій однимъ изъ моихъ охотниковъ, поймалъ прекраснаго горнаго пѣтуха и отдалъ его кормить своей женѣ. Бѣдная женщина должна была питаться *только маніоковой мукой* и плодами и *воздерживаться отъ всякой животной пищи*, перца и соли, потому что между ними существовало повѣрье, что эта пища можетъ причинить смерть птицѣ. Если же, несмотря на все это, птица умирала, то мужъ все-таки колотилъ свою жену за то, что она убила птицу какимъ-либо нарушеніемъ правилъ воздержанія". (Тэйлоръ. Доистор. бытъ человѣч., стр. 401—2).—И здѣсь маніоковая мука, и здѣсь „безубойное" питаніе... Очевидно, что мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ, сравнительно широкаго характера, и спеціальное отношеніе его къ кувадѣ можетъ быть формулировано вопросомъ: въ силу

можетъ повлечь за собою вредъ для его ребенка [1]). Спеціальный

чего же дѣйствующимъ лицомъ является здѣсь не мать, а отецъ? Тэйлоръ замѣчаетъ, что „эти симпатическія запрещенія могли относиться сначала къ одной матери, а потомъ перейти и на отца". (О методѣ изслѣд. развитія учрежденій,—въ Этногр. Обозр., кн. V, стр. 13, прим.). „Начало конца" при разгадкѣ обстоятельствъ этого перехода—записи В. Н. Добровольскаго.

[1]) Объ абипонахъ сказано: „они охотно и со всей строгостью исполняли этотъ древній обычай, потому что убѣждены вполнѣ, что воздержаніе и спокойствіе отцовъ благодѣтельно дѣйствуетъ на новорожденныхъ, и что даже оно необходимо. Но вотъ вамъ и подтвержденіе этого. Слѣдуетъ разсказъ объ отказѣ отъ предложенія понюхать табаку со стороны „страстнаго охотника до этого носового наслажденія"; на вопросъ о причинѣ—онъ отвѣтилъ Добрицгоферу: „Развѣ вы не знаете, что моя жена только что родила? Такъ неужели-жъ я не долженъ воздержаться отъ раздраженія своихъ ноздрей? Мое чиханье было бы ужасно вредно для моего ребенка". И, не говоря болѣе ни слова, онъ пошелъ назадъ къ своей хижинѣ, чтобы снова тотчасъ же лечь въ постель; а если бы онъ дольше пробылъ съ нами, объясняетъ Добрицгоферъ, то это причинило бы вредъ его нѣжному маленькому дитяти, потому что они вѣрятъ, что если отецъ не бережетъ своего здоровья, то это отзывается на новорожденномъ, по причинѣ естественной связи и симпатіи обоихъ. Поэтому, если ребенокъ умираетъ преждевременно, то женщины приписываютъ его смерть невоздержанію отца, причемъ обыкновенно указываютъ и на причины вродѣ слѣдующихъ: онъ не воздерживался отъ употребленія мяса; онъ обременилъ свой желудокъ морскою свиньей; онъ переплывалъ рѣку, когда было свѣжо; онъ не озаботился подстричь свои длинныя брови; онъ ѣлъ подземный медъ, *топча пчелъ ногами*; онъ до того ѣздилъ верхомъ, что измучился и вспотѣлъ... при этомъ обыкновенно проклинанія градомъ сыплются на голову безотвѣтнаго супруга". (Тэйлоръ. Доистор. бытъ человѣч., стр. 398—9). Любопытна такая подробность: въ укоръ ставится отцу не просто употребленіе въ пищу меду, а то, что онъ при этомъ топталъ ногами пчелъ. Съ такими странностями „правилъ воздержанія" мы встрѣчаемся не одинъ разъ. У суринамскихъ арраваковъ отецъ, въ продолженіе нѣкотораго времени по рожденіи у него ребенка, не долженъ срубать ни одного дерева, ни дѣлать ни одного *ружейнаго* выстрѣла, ни охотиться за большою дичью; онъ имѣетъ право *вблизи дома* стрѣлять *изъ лука* въ *маленькихъ* птицъ и ловить *маленькихъ* рыбъ на удочку. (Тэйлоръ, тамъ же, стр. 397). По мнѣнію таманаковъ „вредъ причиняетъ дѣтямъ не только, если отецъ будетъ *ѣсть*, но даже и то, если онъ въ такіе дни *убьетъ* рыбу или другое какое-нибудь животное"... „Вареная пища, говорили они, употребляемая взрослыми людьми, полезна намъ во всякое другое время, но если мы будемъ ее ѣсть въ такіе дни, то это *причинитъ вредъ маленькимъ дѣтямъ*. (Тэйлоръ. Тамъ же стр. 396—7). У короадо „строгая діэта наблюдается *за нѣсколько дней до рожденія*; и мужъ и жена воздерживаются въ одно время отъ мяса *нѣкоторыхъ животныхъ* и питаются преимущественно *рыбой* и плодами. (Леббокъ Начало цивилиз., стр. 13). Точно также аранку могутъ ѣсть *и черепахъ, и рыбу*, но имъ запрещается, и мужу и женѣ, употреблять въ пищу мясо *млекопитающихъ,—„пока ребенокъ не будетъ въ состояніи сидѣть"*. (Starcke. La famille primitive, стр. 50, прим.). И т. д.

Во II—III и VII главахъ приведены указанія, свидѣтельствующія о томъ страхѣ за новорожденнаго и родильницу, который внушаютъ къ себѣ враждебные духи. Въ силу этого страха удинка не смѣетъ выливать горячей воды на землю: вода можетъ попасть на чорта, и онъ сильно отомститъ ей во время родовъ. (Бежановъ. Краткія свѣдѣн. о с. Варташенъ,—въ Сборн. свѣд. для опис. мѣств. и плем. Кавказа, т. XIV, стр. 253). Такъ какъ, по повѣрью, существующему въ Закатальскомъ округѣ, злые духи больше блуждаютъ ночью, то въ это время не выливаютъ на дворъ горячей воды и не выбрасы-

режимъ для него, напр. у караибовъ, тянется иногда цѣлые мѣ-

ваютъ горячей золы, чтобы бѣсы не обожглись и не отомстили потомъ дѣтямъ. (А. И. Фонъ Плотто. Природа и люди Закат. окр., стр. 47,—въ Сборн. свѣд. о кавказ. горцахъ, т. IV).

Не принадлежатъ ли къ числу такихъ же враждебныхъ духовъ и души убитыхъ и съѣдаемыхъ родителями животныхъ? Не считаются ли онѣ опасными для хрупкаго существа ребенка въ томъ періодѣ его безотвѣтственности, который характеризуется словами: „пока ребенокъ не будетъ въ состояніи сидѣть“ (это—наибольшій срокъ „поста“)?—Что животныя, по примитивнымъ воззрѣніямъ, имѣютъ душу, переживающую тѣло, которая можетъ мстить убійцамъ тѣла и потому, дѣйствительно, внушаетъ страхъ, если убитое животное принадлежало къ разряду опасныхъ,—свидѣтельствуетъ Тэйлоръ. Онъ приводитъ (Первоб. культура, т. II, стр. 46—7, 285—6, изд. 1873 г.) цѣлый рядъ указаній о тѣхъ способахъ, какими стараются отклонить духъ животнаго отъ мести убійцамъ: убитаго медвѣдя или волка стараются обмануть насчетъ личности убійцы (коряки, самоѣды); убитаго слона стараются увѣрить, что убіеніе произошло невзрокомъ (кафры); устраиваютъ будто бы въ отомщеніе за смерть его мнимое нападеніе на охотниковъ, совершившихъ преступленіе (племя Конго); у медвѣдя убитаго просятъ прощенія и даже стараются загладить обиду, куря съ нимъ трубку мира: она вставляется ему въ пасть, на нее дуютъ и въ то же время просятъ духъ медвѣдя не мстить (сѣв.-америк. индѣйцы); наконецъ, гремучую змѣю совсѣмъ не убиваютъ, боясь мести со стороны ея духа (нѣкоторые изъ сѣв.-америк. индѣйцевъ).—Не считались ли опасными для беззащитнаго и хрупкаго существа младенца и болѣе безобидныя животныя? (Вѣдь, напр., нашему крестьянскому ребенку грозятъ смертью, какъ извѣстно, и свинья и даже драчливый пѣтухъ. Къ сожалѣнію, въ этомъ пунктѣ я опираюсь только на память).

Если это допустить, часть явленія получаетъ объясненіе. Понятно, напр., запрещеніе убивать только большую дичь; понятно разрѣшеніе стрѣлять „изъ лука“ только маленькихъ птицъ и ловить „на удочку“ только маленькихъ рыбъ; понятно разрѣшеніе убивать рыбу наряду съ запрещеніемъ убивать млекопитающихъ; понятно двойное запрещеніе не только есть, но и убивать; понятно полное устраненіе животной пищи изъ пищевого режима жены ради блага порученнаго ея попеченіямъ пѣтуха; понятенъ такой же „постъ“, какъ и воздержаніе отъ шумныхъ работъ, въ виду чрезмѣрныхъ опасностей того пути, которымъ слѣдуетъ въ блаженную страну душа гренландца, принужденная „скользить въ пропасть, обагренная кровью тѣхъ, кто раньше сходилъ въ нее“... До полной ясности, конечно, далеко еще. Такія нарушенія „гигіены послѣродового періода“, какъ неподстриганіе черезчуръ длинныхъ бровей, такія предписанія, какъ не отходить далеко отъ дома; такія мѣры, какъ раздираніе тѣла отца звѣринымъ зубомъ,—пока еще не получаютъ объясненія ни съ этой точки зрѣнія, ни съ точки зрѣнія вѣрованія въ передачу ребенку недостатковъ тѣхъ животныхъ, которыя послужили отцу пищей,—вѣрованія, объясняющаго другую часть правилъ воздержанія. Затѣмъ, „у двіяковъ о. Борнео мужъ *передъ рожденіемъ ребенка* не долженъ производить никакой работы *острымъ* инструментомъ, исключая необходимаго для насущныхъ потребностей; не долженъ также стрѣлять *изъ ружья*, ни убивать животныхъ, ни работать усиленно, чтобы все это не имѣло дурного вліянія на ребенка“ (Тэйлоръ. Тамъ же, стр. 400). Изъ этихъ предписаній только два послѣднія могутъ быть объяснены съ указанныхъ точекъ зрѣнія. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что запрещеніе отходить далеко отъ дома допускаетъ сближеніе съ аналогичнымъ мотивированнымъ запрещеніемъ относительно родильницы женщины (глав. VII); запрещеніе относительно работы чѣмъ-нибудь острымъ и выстрѣловъ изъ ружья, упоминаемыхъ отдѣльно отъ запрещенія убивать животныхъ, допускаетъ сближеніе съ вышеприведенными предосторожностями относительно горячей воды и

сяцы. Его навѣщаютъ въ постели, „какъ больного", и онъ принимаетъ „поздравленія и соболѣзнованія своихъ друзей [1]); его поздравляютъ „со счастливымъ разрѣшеніемъ". Съ точки зрѣнія записей В. Н. Добровольскаго, явленіе ясно: мы имѣемъ дѣло съ переходомъ страданій родильницы на ея мужа [2]). Какъ логическій результатъ—усвоеніе, въ большей или меньшей степени, поведенія, свойственнаго родильницѣ-женщинѣ.

Эта разгадка,—если не самой загадки, то, по крайней мѣрѣ, неяснаго текста ея,—свободна, по преимуществу, отъ тѣхъ внутреннихъ противорѣчій, отъ которыхъ не свободны другія истолкованія кувады.

горячей золы; а мучительная операція, которой подвергается отецъ, по техникѣ очень близка къ „карбованію" (раздираніе тѣла звѣринымъ зубомъ и втираніе къ раны перечной настойки=надрѣзываніе тѣла и втираніе въ ранки соли), практикуемому относительно новорожденнаго въ цѣляхъ *лечебнаго* характера. Время, когда она производится, совпадаетъ съ однимъ изъ сроковъ „очищенія" роженицы-женщины (40 дней).

[1]) а) См. выше—у караибовъ (XVII в.); у гвіанскихъ индѣйцевъ „при рожденіи ребенка, по требованію древняго индѣйскаго этикета, отецъ долженъ лечь въ койку и, какъ будто въ самомъ дѣлѣ больной, провести въ ней нѣсколько дней, принимая поздравленія и соболѣзнованія своихъ друзей" (Леббокъ. Начало цивилизаціи, стр. 14). б) „Во всей Бразиліи распространенъ обычай, въ силу котораго, при рожденіи ребенка, вмѣсто матери нѣсколько недѣль въ койкѣ вылеживаетъ отецъ ребенка; онъ пользуется уходомъ со стороны родильницы и принимаетъ поздравительные визиты сосѣдей" (Bachofen. Das Mutterrecht CXVI, ст. 2). в) „Въ Бискаіи, въ долинахъ, народонаселеніе которыхъ своими обычаями напоминаетъ младенческое состояніе общества, женщины, послѣ родовъ, вскорѣ же встаютъ съ постели и принимаются за свои хозяйственныя обязанности, между тѣмъ какъ мужъ, взявши съ собою ребенка, ложится въ постель и принимаетъ въ такомъ положеніи поздравленія сосѣдей" (Тэйлоръ. Доистор. бытъ человѣч., стр. 404—5). г) „Одинъ китайскій путешественникъ, посѣтившій племена Мье-же, разсказываетъ объ ихъ нравахъ и обычаяхъ и, между прочимъ, говоритъ, какъ о понятіи совершенно чуждомъ ему, что въ одномъ племени существуетъ обычай: какъ только мать новорожденнаго ребенка въ силахъ встать съ постели, то отецъ тотчасъ же ложится самъ и принимаетъ въ постели поздравленія отъ своихъ знакомыхъ, какъ будто самъ разрѣшился отъ бремени".

[2]) а) Нѣкоторыя указанія совпадаютъ даже въ терминахъ изложенія. Такъ, Дю-Тертръ разсказываетъ о караибахъ: „лишь только ребенокъ появился на свѣтъ, лишь только онъ обмытъ и уложенъ въ постельку изъ ваты, онѣ (женщины) работаютъ въ хижинѣ, какъ будто вокругъ ничего не случилось; и *какъ будто страданія жены передались мужу*, онъ начинаетъ жаловаться (comme si le mal de la f mme avait passé jusqu á au mari, il commence á se plaindre). Тотчасъ же принимаются за нимъ ухаживать: спѣшно готовятъ ему постель въ верхней половинѣ хижины, гдѣ и посѣщаютъ его, какъ больного, и заставляютъ держаться такой діэты, которая могла бы вылѣчить самый закоренѣлый сифилисъ и подагру у самыхъ тучныхъ людей во Франціи" (Histoire générale des Antilles habitées par les Français. 1667—69. Выдержка приведена у Starcke La fam. primit., стр. 49, прим. Переводомъ со старо-французскаго я обязанъ г. Ш.. русскому врачу въ Женевѣ. Выдержка, приведенная въ „Доист. бытѣ человѣч." Тэйлора (русск. перев.), сокращена

Господствующая гипотеза [1]) относитъ возникновеніе кувады къ переходному материнско-отеческому періоду. „Какъ доказать было родственную связь между отцомъ и сыномъ? По системѣ, признававшей родство исключительно съ матерью, родство ребенка съ нею доказать было не трудно, оно утверждалось самымъ актомъ рожденія, и понятіе о родствѣ основывалось въ этомъ случаѣ на фактѣ весьма неоспоримомъ. Но мужчина, не будучи въ состояніи доказать свое участіе, и притомъ исключительное, въ рожденіи ребенка, долженъ былъ основывать свое отчество на нѣкоторой законной презумпціи или фикціи". (Жиро-Телонъ). Впрочемъ, „кто отецъ,—всегда является догадкою, и при наличности брака, и при свободномъ смѣшеніи половъ. Отчество всегда фикція. При существованіи брака она лежитъ въ самомъ бракѣ и въ его принимаемой исключительности. Здѣсь дѣйствуетъ правило: pater est quem nuptiae demonstrant". (Бахофенъ). Какъ такую фикцію, переходный періодъ выдвинулъ „мужескіе роды". „Именно, ради установленія родственной связи между отцомъ и сыномъ сочли необходимымъ копировать актъ соединенія матери съ ея ребенкомъ, затѣмъ подражать родамъ, чтобы приравнять, такимъ образомъ, матери отца, сдѣлавъ изъ него вторую мать. Вслѣдствіе того мужъ долженъ былъ изображать рождающую женщину и роды. Посредствомъ подобной церемоніи новорожденный пріобрѣталъ двухъ матерей (одну дѣйствительную и другую фиктивную—отца, признававшаго кровную связь съ нимъ въ символической формѣ родовъ) и вступалъ въ такое же родство съ отцомъ, какъ и съ матерью, причемъ устанавливалось его происхожденіе отъ обоихъ родителей". (Жиро-Телонъ). Летурно отмѣчаетъ важное значеніе свидѣтельскихъ показаній, какъ юридическаго источника, dans un état social où il n'existe ni notaire, ni registre de l'état civil; слож-

---

и не передаетъ оттѣнковъ).—б) М. Ковалевскій, со словъ проф. Богишича, разсказываетъ, что „жители двухъ смежныхъ селеній въ Черногоріи... доселѣ перебрасываются слѣдующимъ ругательствомъ: что за народъ, говорятъ одни про другихъ, у нихъ не такъ, какъ у всѣхъ: *рожаютъ не женщины, а мужчины*". (Первобытное право. Родъ. Стр. 159—160).—в) Если довѣрять точности переводовъ, сюда можно было бы присоединить указаніе, цитируемое Тэйлоромъ: „Легранъ д'Осси упоминаетъ, что въ одной древней сказкѣ Торелорскій король лежитъ „въ постели и *въ родахъ*", когда Окассенъ приходитъ и палочными ударами вынуждаетъ его дать обѣщаніе уничтожить этотъ обычай въ его царствѣ". (Доистор. бытъ челов., стр. 405).—г) Ср. выше приведенное указаніе о кувадѣ у древнихъ корсиканцевъ („точно онъ чувствуетъ боли").

[1]) Bachofen. Das Mutterrecht, стр 17—I, 256—I, II. Жиро-Тёлонъ. Происхожденіе семьи, стр. 80 — 81. Тэйлоръ. О методѣ изслѣдованія развитія учрежденій (Этногр. Обозр., кн. V, стр. 14). М. Ковалевскій. Первобытное право. Родъ. Стр. 159. Н. Михайловскій. Сочиненія. Т. V, стр. 304 — 8. Н. Сумцовъ. О Славянск. народн. воззрѣн. на новорожд. ребенка. Журн. Мин. Нар. Просв., 1880, ноябрь, стр. 76. Letourneau. L'évolution du mariage et de la famille, стр. 394, 398. Le Bon. Les premières civilisations, стр. 50—51.

ная и рѣзкая въ своемъ выраженіи „комедія" кувады должна была, по его мнѣнію, обставить происхожденіе и права ребенка по отцу надежными и точными свидѣтелями-очевидцами [1]. Подтвержденіемъ гипотезы является, по Тэйлору, отсутствіе переживаній кувады въ материнскомъ періодѣ.

Противъ существованія какой бы то ни было связи между поведеніемъ отца и переходнымъ періодомъ, по Штарке, говоритъ то обстоятельство, что отецъ ребенка—вмѣстѣ съ матерью принимаетъ участіе въ родинахъ и при наличности матеріальнаго строя: у макузи, у ароваковъ. Одного этого обстоятельства, по его мнѣнію, достаточно для разрушенія гипотезы [2]... Но и независимо отъ этого, объясненіе „юридической комедіи" слишкомъ противорѣчитъ духу явленія. Отъ „мужскихъ родовъ" не вѣетъ притворствомъ. „Комедія" разыгрывается слишкомъ искренно и реально, чтобы быть комедіей. Она захватываетъ всѣхъ; всѣ играютъ и всѣ „пересаливаютъ", говоря спеціальнымъ языкомъ, въ своей невѣроятно-продолжительной игрѣ. И отецъ, который, въ своемъ стремленіи утвердить свои отеческія права, доходитъ до принимапія ваннъ, укрѣпляющей пищи и характерныхъ лѣкарствъ; и мать-родильница, и сами *зрители*-окружающіе, которые не считаютъ излишней докукой навѣщать, поздравлять и даже ухаживать за нимъ „почтительно и заботливо". И если есть правда въ пословицѣ: c'est le ton qui fait la musique, кувада—не комедія, не фикція, помимо всякихъ другихъ доказательствъ.

Оставаясь на почвѣ того же перехода матріархата въ патріархатъ, Липпертъ даетъ иное истолкованіе кувады.—Отнявъ у женщины дѣтей и имущество, мужчина одержалъ побѣду надъ нею, но не надъ тѣмъ религіознымъ элементомъ, который, всегда охраняя существующее, освящалъ и древнюю организацію... Чтобы получить право собственности на ребенка, онъ долженъ былъ отнять его не только отъ матери, но также и отъ божества. Послѣднему, какъ истинному господину дома, принадлежалъ и ребенокъ; оно могло умертвить его до или послѣ рожденія или же сохранить ему жизнь... Мужчина жилъ подъ постояннымъ опасеніемъ, что божество отниметъ у него *каждаго* [3]) новорожденнаго

---

1) Поясненіемъ для гипотезы, обыкновенно, служатъ усыновительные обряды: символы черпаются изъ физическихъ выраженій дѣйствительнаго родства.

2) Это мнѣніе является нѣсколько преувеличеннымъ. Возможно вѣдь заимствованіе отъ сосѣднихъ племенъ. См., напр., у Гельвальда: „А. Симсонъ сообщаетъ, что это обыкновеніе (кувада) соблюдается даже въ нѣкоторыхъ „цивилизованныхъ" мѣстностяхъ по Амазонской рѣкѣ и даже *перенято бѣлыми*" (Естеств. ист. плем. и народ., т. I, стр. 492).

3) Курсивъ у Липперта.—Этимъ устраняется упрекъ гипотезѣ со стороны Штарке: онъ, формулировавъ воззрѣнія Липперта на куваду, какъ на „выкупъ первенца отъ принесенія въ жертву", возражаетъ, что это воззрѣніе противорѣчитъ факту, что кувада повторяется при рожденіи каждаго ребенка,

ребенка или, по крайней мѣрѣ, первенца, пока онъ не пріобрѣтетъ его искупительной жертвой. Такой жертвой была кровь, добываемая изъ собственнаго тѣла, или же постъ: въ теченіе извѣстнаго времени мужчина воздерживался отъ добыванія и по возможности отъ потребленія плодовъ земли, предоставляя ихъ божеству [1]).—Нетрудно видѣть, что гипотеза не объясняетъ явленія полностью: въ поведеніи отца она объясняетъ только то, что можетъ быть подведено подъ понятіе поста. Но, очевидно, что такое, напр., явленіе, какъ принимание отцомъ ассафетиды, *специальнаго* средства, которое въ другихъ мѣстахъ принимаютъ женщины-родильницы, не можетъ быть подведено подъ понятіе поста и жертвеннаго кровеисточенія. Еще труднѣе, если не совсѣмъ невозможно, сдѣлать это съ обыкновеніемъ ийваровъ, которые кормятъ отца новорожденнаго *лакомыми* кушаньями; съ обыкновеніемъ древнихъ тибареновъ, у которыхъ отецъ новорожденнаго получалъ *укрѣпляющую* пищу, и проч. Правда, Липпертъ допускаетъ, что незначительныя „поправки“ къ первоначальнымъ разсказамъ, которыя обыкновенно вносятся при повтореніяхъ, „могли создать самыя фантастическія изображенія“ [2]). Едва ли, однако, возможно предположить черезчуръ широкое пользованіе этимъ допущеніемъ, особенно, когда указанія совпадаютъ одно съ другимъ, будучи раздѣлены огромными разстояніями во времени и пространствѣ, и слишкомъ несложны для „фантастическихъ изображеній“.

Гипотеза Леббока имѣетъ въ своемъ основаніи также переходный періодъ. Онъ принимаетъ, какъ „вполнѣ раціональное для дикаря“, убѣжденіе караибовъ и абипоновъ, что всякая неосторожность со стороны отца можетъ гибельно отозваться на ребенкѣ, и даетъ слѣдующее объясненіе: „какъ только перемѣна совершилась, отецъ занимаетъ мѣсто, прежде принадлежавшее матери, и родство стало признаваться только съ нимъ. Влѣдствіе того, при рожденіи ребенка отцу слѣдовало быть весьма осторожнымъ во всемъ, что онъ дѣлалъ и что онъ ѣлъ, изъ опасенія причинить вредъ ребенку. Такимъ путемъ, я полагаю, произошелъ любопытный обычай, называемый „la couvade“ [3]). Не повторяя возраженія Штарке, сдѣланнаго имъ спеціально по поводу теоріи Леббока, легко видѣть, что она выбрасываетъ за бортъ все, что не допускаетъ объясненія „гигіеническими“ предписаніями: „подражаніе судорогамъ роженицы“, стоны, крики и проч.

Основаніемъ гипотезы Штарке служитъ „внутренняя таинственная связь между отцомъ и ребенкомъ“, внѣ всякаго отношенія къ былому господству матріархата, самую всеобщность котораго онъ

и нѣтъ мотива, который бы объяснялъ, съ точки зрѣнія Липперта, такое повтореніе. (Starcke. La fam. primitive, стр. 51).

[1]) Липпертъ. Исторія культуры, стр. 179—180.

[2]) Липпертъ. Тамъ же, стр 180.

[3]) Леббокъ. Начало цивилизаціи, стр. 105.

считаетъ сомнительной. „Кувада возникла не въ интересахъ отца, не въ интересахъ матери, а только лишь въ интересахъ ребенка.. Ирокезы не позволяютъ женщинѣ, которая кричала во время родовъ, имѣть другихъ дѣтей, а въ нѣкоторыхъ племенахъ Южной Америки новорожденныхъ отъ женщинъ, черезчуръ чувствительныхъ къ физическимъ страданіямъ, безжалостно умерщвляютъ въ увѣренности, что они были бы трусами". Подобно тому, какъ эти установленія имѣютъ цѣлью предупредить передачу отрицательныхъ свойствъ отъ матери, кувада преслѣдуетъ обратную цѣль: „обезпечить ребенку достоинства его отца, открывъ послѣднему случай проявить ихъ въ полной силѣ, такъ какъ нужно много мужества, чтобы подчиниться всѣмъ этимъ предписаніямъ, и столь многочисленнымъ и столь тяжелымъ". Штарке цитируетъ изъ „Путешествія по Британской Гвіанѣ" слѣдующее указаніе: „при рожденіи сына отецъ подчиняется всякаго рода мучительнымъ пріемамъ, чтобы передать ему свою доблесть; такъ же поступаетъ онъ относительно дочери: придя въ зрѣлый возрастъ, дѣвушки должны будутъ представить величайшія доказательства своего мужества и выдержать самыя ужасныя испытанія", а въ сноскахъ отмѣчаетъ участіе и матери въ тягостныхъ обычаяхъ [1]).—Послѣ всего, что было говорено выше, можно ограничиться слѣдующимъ справедливымъ замѣчаніемъ русскаго рецензента книги датскаго ученаго: „мнѣніе г. Штарке не объясняетъ все-таки самой характерной черты кувады—символическаго рожденія ребенка" [2]).

Записи В. Н. Добровольскаго даютъ простое, ясное и почти не-гипотетическое объясненіе. Это объясненіе не противорѣчитъ ни даннымъ научной психологіи, ни примитивнымъ воззрѣніямъ на сущность и причину родовыхъ болей. Преимущества этого объясненія, напоминающаго ларчикъ, который „просто открывался" терпятъ сильное ограниченіе только съ одной стороны: оно не затрогиваетъ корней явленія вопроса объ его *происхожденіи.* Оно пока раскрываетъ только темный текстъ самой загадки и, вмѣсто неправильнаго чтенія того, что подлежитъ разгадкѣ, даетъ чтеніе правильное, т. е. даетъ лишь „начало конца".

Относительно роли, какую должны играть воображаемыя страданія мужа, пополню уже приведенныя (гл. I) данныя слѣдующей этнографической справкой. „У чиппевеевъ родильница, а также и женщина во время менструаціи считается нечистой въ теченіе восьми дней; въ это время она должна варить себѣ кушанье на особомъ огнѣ, и тамъ существуетъ увѣренность, что тотъ, кто сваритъ кушанье на этомъ огнѣ, непремѣнно заболѣетъ. Миссіонеръ Бейерлейнъ, сообщившій мнѣ объ этомъ (разсказываетъ Плоссъ), видѣлъ, какъ многіе молодые люди дѣйствительно испытывали

---

1) Starcke. La famille primitive, стр. 50—51.

2) Этнограф. Обозр., 1894 г., № 3, стр. 159. (Н. Харузинъ).

страхъ по такому поводу; они поѣли кушанья, свареннаго на томъ же огнѣ, гдѣ варилось кушанье родильницѣ, и потомъ бросались во всѣ стороны, *жаловались на боль* во всемъ тѣлѣ и *приняли какое-то горькое лѣкарство*, боясь подвергнуться тяжелой болѣзни [1]... Гораздо труднѣе уяснить положеніе матери ребенка, дѣйствительной родительницы. Могу только указать на совпаденіе между современнымъ свидѣтельствомъ объ индѣйцахъ галиби, у которыхъ кувада отмѣчена наряду съ значительной легкостью родовъ, и сообщеніемъ Страбона о легкости родовъ у древнихъ, практиковавшихъ куваду. Такъ, Voisin категорически утверждаетъ, что роженица *не кричала*, ибо онъ не могъ бы не слышать ея криковъ [2]. Страбонъ говоритъ: „часто за работами онѣ моютъ дѣтей и пеленаютъ, удаляясь къ какому-нибудь источнику. Такъ, разсказываетъ Посейдоній со словъ гостепріимнаго хозяина своего въ Лигистикѣ, Хармолеона изъ Массаліи. Онъ нанялъ мужчинъ и женщинъ копать землю. Одна женщина, почувствовавши приближеніе родовъ, отошла въ сторону недалеко отъ мѣста работы и, родивши, тотчасъ приступила снова къ работѣ, не желая терять платы. Когда Хармолеонъ замѣтилъ, что она не работаетъ, но не зналъ, причины онъ отослалъ ее, потомъ, узнавши причину, заплатилъ ей за работу. Женщина понесла ребенка къ источнику, обмыла его, спеленала, чѣмъ могла, и отнесла домой" [3]...

VII.

Если родильныя муки—результатъ одержанія [4]) женщины злыми духами, и если эти муки допускаютъ передачу ихъ,—становится понятнымъ и другой всесвѣтно-распространенный обычай, въ силу котораго „женщина и ея дитя въ теченіе извѣстнаго времени послѣ родовъ должны быть отдѣлены отъ всякаго человѣческаго общества", отъ всякаго общенія съ мужемъ [5]).

Плоссъ говоритъ: „основная идея, которая послужила началомъ введенія и повсемѣстнаго распространенія этого обычая, совершенно утратилась у большей части первобытныхъ народовъ. Они крѣпко держатся обычая только потому, что ихъ предки дѣлали то же и внушали имъ, что отъ непослѣдованія ему долженъ

---

[1]) Воззрѣнія на ребенка у дикихъ и у культурныхъ народовъ. (Знаніе, 1877 г., мартъ, прилож., стр. 46—7).

[2]) Letourneau. L'évolution du mariage, стр. 395—6. Къ этому нужно добавить, что въ Ю. Америкѣ, гдѣ широко распространенъ обычай кувады, роды вообще легки. (См. Гельвальдъ. Ест. ист. плем. и народ. т. II).

[3]) Страбонъ. Географія, кн. III, гл. 4, параграф. 17.

[4]) Сюда должно быть отнесено замѣчаніе Тэйлора: „почти невозможно... провести ясно черты между внѣшнимъ одержаніемъ (obsessio) и его внутреннимъ обладаніемъ (possessio). (Первоб. культура, т. II, стр. 191, изд. 1873).

[5]) Плоссъ. Воззрѣнія на ребенка и пр. (Знаніе, 1877, мартъ, прилож.; стр. 37—48 представляютъ сводъ обширнаго матеріала по этому вопросу).

произойти тотъ или иной вредъ“ [1]). Липпертъ сдѣлалъ попытку истолковать его, какъ результатъ особыхъ отношеній родильницы къ божеству. „Новорожденное дитя и сама родильница были священными и собственностью божества. Пока божество не снимало заклятія, ихъ не должна была касаться ни одна человѣческая рука; они были неприкосновенными или, какъ говорилось, „нечистыми“ [2]). Но, чтобы убѣдиться въ ошибочности этого толкованія, нужно только вспомнить, что родильница подвергается отчужденію и отъ божества. Такъ, у насъ, въ Озерной области, „мать до молитвы въ большой уголъ не садится, ѣстъ и обѣдаетъ у печки, руками соли не беретъ [3]), пока „попъ отъ грѣха не отчитаетъ, молитвы не дастъ“ [4]). У новыхъ грековъ также, какъ у насъ, родильница до сорока дней не можетъ входить въ церковь, не можетъ касаться священныхъ предметовъ [5]). Въ Швабіи она „до полученія молитвы въ церкви не должна пользоваться освященной водой“ [6]). У тушиновъ домъ освящается „послѣ разрѣшенія жены отъ бремени, отъ чего, по представленію тушинъ, домъ наполняется скверностью и требуетъ очищенія молитвой и водосвятіемъ“ [7]). Законъ Моисея гласилъ, что родильница „ни къ чему священному не должна прикасаться, и къ святилищу не должна приходить, пока не окончатся дни очищенія ея“ [8]). У древнихъ мидянъ, бактровъ и персовъ „родильницу помѣщали въ 15 шагахъ отъ огня, воды, связокъ священныхъ растеній и деревьевъ, и клали такъ, чтобы она не могла видѣть огня очага“ [9]). Указаніе относительно современныхъ индѣйцевъ Калифорніи еще опредѣленнѣе: Бортонъ видѣлъ красивую молодую женщину, сидѣвшую съ новорожденнымъ ребенкомъ въ кустахъ, въ уединенномъ мѣстѣ, „такъ какъ, подобно евреямъ, дочери краснокожихъ должны, когда на нихъ лежитъ гнѣвъ Великаго Отца, оставаться отдѣленными отъ другихъ и не касаться кухонной посуды, пока признаки

---

1) Тамъ же; стр. 47.

2) Липпертъ. Исторія культуры, стр. 179.

3) Къ предыдущей характеристикѣ соли. Почти такое же запрещеніе существуетъ относительно *освященной воды*: „въ верхнемъ Пфальцѣ, передаетъ Плоссъ, не считается достаточнымъ, если родильница *сама* окропитъ себя и ребенка освященной водой: такая вода должна доставляться ей утромъ и вечеромъ *другими лицами*“. (Воззрѣнія на ребенка, стр. 39).—См. ниже о запрещеніи вовсе пользоваться освященною водой.

4) Майновъ. Озерная или Древне-Новгородская область, стр 542. (Живописная Россія).

5) Плоссъ. Тамъ же, стр. 43.

6) Тамъ же, стр. 38.

7) Хахановъ. Тушины. (Этногр. Обозр., кн. II, стр. 45).

8) Левитъ, XII, 4.

9) Плоссъ. Тамъ же, стр. 41.—„По древнимъ персидскимъ воззрѣніямъ женщина во время мѣсячныхъ и послѣродовыхъ очищеній однимъ взглядомъ своимъ оскверняетъ огонь, воду, растенія, животныхъ и людей. (Сумцовъ. Культур. переживанія.—Кіевская старина, 1889 г., X, стр. 37).

Божьяго гнѣва не оставятъ ихъ“ [1]). Отсюда, между прочимъ, видно, что отношеніе къ родильницѣ, какъ къ существу, отринутому божествомъ, не можетъ быть объяснено вліяніемъ религіозныхъ воззрѣній высшаго порядка [2]). Наконецъ, мы читаемъ, что „послѣдователи шаманства присвоиваютъ женщинамъ весьма мало правъ и считаютъ ихъ *отринутыми богами*, *нечистыми*, а въ болѣзненномъ состояніи даже опасными для людей и скота“ [3]). У сванетовъ къ женщинѣ нельзя прикасаться ни *во время родовъ*, ни въ послѣдующіе *40 дней*, пока попъ не окропитъ нечистую священною водой. Но и вообще женщина считается нечистой, и ей рѣшительно запрещается входить въ церковь: самая церковь считается оскверненною, если въ нее войдетъ женщина... Здѣсь будетъ къ слову замѣтить, что на сванетской свадьбѣ родные мужа обнажаютъ свои кинжалы и держатъ ихъ нѣкоторое время надъ головою невѣсты, ибо „съ женою входятъ въ домъ мужа злые духи“ [4]).

На основаніи изложеннаго едва ли можно сомнѣваться, что „нечистота“ родильницы не имѣетъ характера священности.

Затѣмъ мы встрѣчаемся съ убѣжденіемъ, что родильница угрожаетъ всякаго рода опасностью. У древнихъ грековъ „не дозволялось... прямо отъ родильницы или отъ покойника приходить въ храмъ или совершать священныя дѣйствія, не подвергшись очистительному купанью. Мы видимъ отсюда, замѣчаетъ Плоссъ, что прикосновеніе къ недавно родившей женщинѣ считалось у нихъ столь же вреднымъ, какъ и прикосновеніе къ трупу“ [5]). По свидѣтельству д-ра Зеланда, гиляки удаляютъ родильницу изъ страха, ибо ея присутствіе угрожаетъ юртѣ такимъ же „несчастіемъ“, какъ и присутствіе трупа. „За больными ухаживаютъ всячески; но когда близка агонія, ихъ бросаютъ на произволъ судьбы, т. е. выносятъ изъ юрты и оставляютъ, хотя бы зимой... ибо смерть въ юртѣ приноситъ ей несчастіе, для избѣжанія которой ее слѣдуетъ сжечь. Этимъ же суевѣріемъ объ-

---

[1]) Плоссъ. Тамъ же, стр. 46.

[2]) „Древнія религіи лишь подтвердили... что родильницу слѣдуетъ считать нечистой, исходя, вѣроятно, изъ укрѣпившагося въ народѣ убѣжденія въ нечистотѣ родильницы, и давая санкцію этому убѣжденію. Основатели древнихъ религій или сами были слишкомъ проникнуты понятіями и обычаями своего народа и своего времени, или же считали полезнымъ оставлять ихъ и фиксировать, помощью церковныхъ постановленій, на вѣчныя времена.“ (Плоссъ. Тамъ же, стр. 39).

[3]) Буссе. Списокъ словъ бытового значенія нѣкоторыхъ кочевыхъ народовъ Восточной Сибири. Къ слову „Шаманская вѣра“; ссылка на сочин. Георги: Описаніе народовъ Росс. Государства, т. III, 98. (Записки Имп. Русс. Геогр. Общ. по Отд. Этнографіи, т. VI, стр. 239).

[4]) Ковалевскій. Законъ и обычай на Кавказѣ, т. II, стр. 48—9.

[5]) Плоссъ. Тамъ же, стр. 40.—Эта общность между отношеніемъ къ родильницѣ и отношеніемъ къ умершему дѣлаетъ возможной широкую повѣрку нижеизлагаемаго.

ясняется и изгнанiе родильницы". Ее „дней за десять до родовъ удаляютъ въ особый берестяный шалашъ, въ которомъ горитъ на полу небольшой костеръ" [1]). Въ морозы бываютъ замерзанiя новорожденныхъ. Во время отлученiя доступъ имѣютъ только женщины [2]). У чиппевеевъ, какъ уже упоминалось, „родильница .. считается нечистою въ теченiе восьми дней; въ это время она должна варить себѣ кушанье на особомъ огнѣ, и тамъ существуетъ увѣренность, что тотъ, кто сваритъ кушанье на этомъ огнѣ, непремѣнно заболѣетъ [3]). (Выше уже цитировалось, насколько живо и сильно это чувство страха передъ злополучной родильницей). Туземцы Закатальскаго округа „недавно разрѣшившейся женщины не пускаютъ къ новорожденному" [4]), а эриванскiе армяне не позволяютъ ей вообще входить въ чужой домъ: „*до истеченiя 40 дней* роженица не должна ходить въ чужой домъ, потому что она принесетъ несчастье, и если въ томъ домѣ есть дѣти, то они умрутъ" [5]).

Въ Богемiи существуетъ убѣжденiе, что „если какъ-нибудь нечаянно коснуться до зубовъ одной изъ тѣхъ соломинъ, на которыхъ лежала родильница, тогда зубы выпадутъ". Тамъ полагаютъ, что „до тѣхъ поръ, пока родильница не посѣтитъ церкви, она не должна находиться внѣ дома передъ солнечнымъ восходомъ и послѣ солнечнаго заката, выходить изъ-подъ навѣса своего крыльца и, въ особенности, переступать предѣлы своего двора; не должна спускаться въ погребъ, ходить по голой землѣ и выходить на перекрестокъ". Бѣлье ея „не слѣдуетъ мыть вмѣстѣ съ другимъ бѣльемъ: иначе оно исчезнетъ или очутится на шпилѣ башни". Точно также въ Богемiи и Моравiи „родильницу не допускаютъ одну ходить за водой, чтобы она не испортила воду, или заставляютъ ее бросить въ колодецъ три хлѣбныя корки. Переходя черезъ мостъ, родильница должна бросить въ воду нѣсколько монетъ, чтобы водяной не утащилъ въ воду ея ре-

---

[1]) Объ употребленiи огня для защиты роженицы и ребенка отъ злыхъ духовъ—см. глав. II.—III. (Съ этой точки зрѣнiя понятно, что костеръ—„небольшой", не устраняющiй „замерзанiя новорожденныхъ").

[2]) Зеландъ, д-ръ. О гилякахъ (Изв. Имп. Общ. Люб. Естествозн., Антр. и Этнографiи, т. XLIX., стр. 96).

[3]) Плоссъ. Тамъ же, стр. 47.

[4]) Плотто. Природа и люди Закат. окр., стр. 47. (Сборн. свѣд. о кавказ. горц., кв. IV)... „Не пускаютъ... къ новорожденному недавно разрѣшившейся женщины, и чтобы предохранить его отъ болѣзни кирхбазаръ (40-дневные припадки), не позволяютъ подносить близко (между прочимъ...) недавно окотившихся кошекъ и ощенившихся собакъ" Животныя въ это время также считаются нечистыми. Въ Нижегородской губ. (заштат. городъ Починки) первые 12 дней называются „срокомъ". Поросятъ, телятъ „сроку" рѣжутъ; „ранѣе же этого времени считается грѣхомъ ѣсть мясо ихъ". (Живая Старина. 1892 г., вып. III, ст. 148, прим.).

[5]) Бунятовъ. Домашн. восп. у арм. Эрив. губ. (Этн. Обозр., кн. XXIII, стр. 168).

бенка; она не должна ходить по полу босыми ногами, чтобы дьяволъ не цѣловалъ ея въ ступни; не должна выходить изъ дому съ покрытою головою: иначе за нею слѣдуютъ облака, и всюду, куда она приходитъ, совершается несчастіе". Судьбу матери, до извѣстной степени, раздѣляетъ ея ребенокъ; такъ, „въ Богеміи и Силезіи полагаютъ, что принести некрещеннаго ребенка въ чужой домъ значитъ доставить этому дому несчастіе".

Въ Швабіи „думаютъ, что изъ дома, гдѣ находится родильница, ничего нельзя брать". Какъ уже упоминалось, до полученія молитвы въ церкви, она не смѣетъ пользоваться освященной водой и „въ это время ни ея платье, ни платье ребенка не слѣдуетъ вывѣшивать снаружи дома, а то она попадетъ во власть дьявола".

Наконецъ, „во многихъ мѣстахъ Германіи еще недавно держались убѣжденія, что если родильница, до истеченія шести недѣль, выйдетъ въ поле или въ садъ, тамъ прекращается ростъ плодовъ..., а въ Франкенвальдѣ до этого срока роженица не должна сама ходить за водой къ колодцу: иначе—источникъ, питающій его, изсякнетъ.

Приведя эти смѣшанныя повѣрья, Плоссъ замѣчаетъ [1]: „Здѣсь мы видимъ не только гигіеническія мѣры, направленныя къ пользѣ родильницы, и получившія въ суевѣрномъ понятіи народа связь съ воображаемыми опасностями и бѣдствіями для нея самой, но находимъ также и прямое указаніе, что прикосновеніе къ ней можетъ причинить вредъ и гибель не только живымъ существамъ, но и плодамъ и источникамъ. Благословеніе родильницы, церковное освященіе ея по истеченіи шестинедѣльнаго періода уподобляется также *освобожденію отъ нечистой силы*. Весьма вѣроятно, что у древнихъ германцевъ господствовали такія представленія, и существовавшее у нихъ очищеніе родильницы перешло въ обряды ихъ настоящей религіи".

Остановимся на совпаденіи, которое отмѣчаетъ германскій ученый: конецъ періода „нечистоты" — конецъ владычества нечистой силы [2]). Мы получаемъ ключъ къ явленію.

Если не кто иной, какъ „проклятая нечисть" причина той страшной муки, о которой „древніе говорили, что они скорѣе предпочли бы оставаться подъ тяжестью оружія и выдержать десятидневную битву, чѣмъ перенести хоть разъ муки дѣторожде-

---

[1]) Плоссъ. Тамъ же, стр. 38—39.

[2]) Сравн: „Понятія: чистота и нечистота, замѣчаетъ Дарместетеръ, имѣютъ въ глазахъ Авесты совершенно другое значеніе, нежели какое мы связываемъ съ ними нынѣ; они выражаютъ собою все состояніе человѣческаго духа и его тѣла. *Нечистота означаетъ* для нея то, *что тѣломъ человѣка овладѣлъ бѣсъ*; цѣлью очищенія является изгнаніе бѣса". М. Ковалевскій. Законъ и обычай на Кавказѣ, т. I, стр. 92—93.

нія [1])"; если нападенія со стороны этого врага угрожаютъ и въ послѣдующій, къ счастью ограниченный [2]), періодъ времени; если этимъ нападеніямъ могутъ подвергнуться и другіе, кромѣ роженицы, — становится возможнымъ понять „несчастіе", которымъ грозитъ ея присутствіе въ юртѣ, „несчастіе", которое она всюду приноситъ съ собою; становится возможнымъ понять, почему прикосновеніе къ ней такъ же опасно, какъ прикосновеніе къ трупу; становится объяснимой та жестокость, съ которою ее бросаютъ и бросали на произволъ судьбы, совершенно одну. Вотъ, напр., ея положеніе у хевсуръ, пшавовъ и тушинъ. Она должна родить, не только безъ акушерки, но и безъ всякой чужой помощи [3]). Когда наступитъ время родовъ, она удаляется изъ селенія въ жалкую, едва покрытую соломой хижину, построенную другими женщинами, на разстояніи 1 — 2 верстъ отъ селенія. Случается, что подобныя хижины состоятъ всего только изъ трехъ соединенныхъ верхушками столбовъ, боковые промежутки которыхъ закрыты соломой. Здѣсь она разрѣшается отъ бремени. „Пусть читатель представитъ себѣ положеніе роженицы въ мѣстности на высотѣ до 7000 фут. надъ уровнемъ моря, когда горы покрыты глубокимъ снѣгомъ и морозъ по ночамъ нерѣдко доходитъ до 20 градусовъ. И въ такое-то время приходится женщинѣ пролеживать на связкѣ соломы долгія ночи въ совершенномъ одиночествѣ и безъ всякой помощи" [4]). Никто о ней не заботится, никто не доставляетъ ей пищи, за исключеніемъ какой-нибудь старухи, потерявшей уже всякую надежду сдѣлаться матерью [5]), или родныхъ,— это „обыкновенно маленькія дѣвочки [6])", т. е. лица, стоящія внѣ періода половыхъ отношеній [7]). Но, чтобы не войти, все-таки, въ близкое соприкосновеніе съ родильницей, и онѣ принесенную пищу оставляютъ въ сосудахъ по близости отъ родильной хижины [8]), или подаютъ черезъ особо продѣланное въ ней отверстіе [9]). Вся

---

[1]) Icard. Женщина въ періодѣ менструаціи, стр. 28.

[2]) См. глав. II.—Объ учрежденіи у грузинъ ночной стражи въ защиту роженицы и ребенка отъ нечистой силы: „дознано опытомъ, что новорожденный и мать бываютъ только пятнадцать дней въ опасности".

[3]) Пшавія и пшавцы. (Зап. Кавк. Отд. Имп. Русск. Геогр. Общ., кн. XVIII, стр. 137). Какъ и сванетка, пшавка не имѣетъ права входить въ церковь. (Ковалевскій. Законъ и обычай на Кавказѣ, т. II, стр. 49).

[4]) Радде. Хевсурія и хевсуры. (Записки того же Отдѣла, кн. XI, стр. 73).

[5]) Ковалевскій. Законъ и обычай на Кавказѣ, т. I, стр. 99.—О тушинахъ прошлаго вѣка, по Рейнегсу.

[6]) Радде. Тамъ же стр. 74.

[7]) Повидимому, этой категоріи лицъ (старухи, дѣти) родильница наименѣе опасна.—Не находится ли въ связи съ этимъ убѣжденіе хевсуръ, что нечистый духъ можетъ принять участіе въ актѣ coitus (глава V)? Ниже мы снова встрѣтимся съ отсутствіемъ половыхъ отношеній, какъ условіемъ доступа къ родильницѣ, у бѣлорусскихъ крестьянъ (относительно повивальной бабки).

[8]) У хевсуръ. Радде, стр. 73.

[9]) У хевсуръ, тушинъ и пшавовъ.—Ковалевскій, т. I, стр. 98—9.

посуда, служившая родильницѣ, въ хозяйствѣ употребляться не можетъ. Самая хижина зачастую сжигается [1]).

Въ этомъ жестокомъ, на нашъ взглядъ, отношенія нѣтъ ничего, что не можетъ быть объяснено съ точки зрѣнія: „своя рубашка ближе къ тѣлу". Такъ же точно поступаютъ съ умирающими у тѣхъ же хевсуръ [2]); такъ же точно поступаютъ и съ заразными больными—напр., оспой—у многихъ народовъ [3]).

Тѣмъ не менѣе, время во многомъ смягчило положеніе хевсурской роженицы—непосредственно на глазахъ изслѣдователей. Такъ о хевсурахъ семидесятыхъ годовъ мы читаемъ: „по обычаю, женщина должна родить безъ всякой посторонней помощи, но нынѣ нѣкоторые хевсуры дозволяютъ присутствіе другой женщины; въ послѣднее время было даже нѣсколько случаевъ, что роды допускались въ самомъ селеніи, въ приспособленномъ для этого углу дома... Эта уступка въ пользу человѣколюбія сдѣлана только въ новѣйшее время, и безъ сомнѣнія, подъ вліяніемъ христіанскихъ пастырей. Оба упомянутые нами выше автора [4]), писавшіе въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, вовсе не говорятъ о такихъ случаяхъ". Смягчающее вліяніе „рѣки временъ" сказалось также на срокахъ. Авторъ продолжаетъ: строго говоря, „въ родильной хижинѣ мать обязана пробыть съ своимъ ребенкомъ цѣлый мѣсяцъ (у пшавовъ даже 40 дней), но и по истеченіи этого срока она не можетъ еще возвратиться въ домъ своего мужа... Въ новѣйшее время на это смотрятъ снисходительнѣе, и послѣ того, какъ мать пробыла въ отдаленной хижинѣ 3—6 дней, ей позволяютъ жить около селенія, но только отдѣльно, въ теченіе 6—7 недѣль... въ одномъ изъ тѣхъ маленькихъ, плохо сложенныхъ изъ черныхъ шиферныхъ плитъ домиковъ, которые постоянно можно видѣть близъ всякаго хевсурскаго селенія, обыкновенно на берегу ручейка" [5]).

---

1) У хевсуръ. Радде, стр. 73; Ковалевскій. т. I, стр. 98.

2) „При наступленіи смертнаго часа, умирающаго хевсура выносятъ изъ жилища на дворъ, гдѣ онъ и испускаетъ дыханіе. Если больной умираетъ въ домѣ, послѣдній считается обезчещеннымъ и оскверненнымъ". —Радде, стр. 84.

3) Объ отношеніи къ оспеннымъ больнымъ см. Деничъ, Педіатрія у русск. народа, стр. 50—51.—О бурятахъ читаемъ: „буряты въ прежнее время сильно боялись заразительныхъ болѣзней; зараженныхъ они отдѣляли въ какой-нибудь нарочно для нихъ и вдали отъ всѣхъ выстроенный домъ. Бывали также случаи, что заболѣвшаго заразительной болѣзнью бросали на произволъ судьбы, и сами перекочевывали отъ него куда-нибудь подальше". (Хангаловъ, Юрид. обычаи у бурятъ, въ Этногр. Обозр., кн. XXI, стр. 141).—О такомъ же отношеніи къ больнымъ лихорадкой и горячкой: Деничъ, Лихорадоч. заболѣванія и ихъ лѣченіе у русск. народа, стр. 21-22.

4) Зиссерманъ и кн. Эристовъ.

5) Радде, стр. 73—4.—Позднѣйшая работа о пшавахъ г. Хизанашвили даетъ также уменьшенный срокъ пребыванія въ родильной хижинѣ—двѣ недѣли (см. выше, глав. IV, о двойныхъ срокахъ). Напомню попутно, что у пшавовъ, болѣе мягкихъ во взглядѣ на женщину, какъ на существо нечистое,

Это обстоятельство позволяетъ намъ весьма просто взглянуть на отсутствіе строгой выдержанности въ удаленіи роженицы, когда она является простымъ отголоскомъ старины, давно забытой и утратившей жизненность. Такъ, напр., родильницу все еще считаютъ „нечистой", и роды совершаются внѣ жилья—въ овечьемъ хлѣву, но доступъ къ ней не закрытъ; къ ней даже зовутъ бабку, но только *послѣ* разрѣшенія: лишь въ случаѣ тяжелыхъ родовъ ее зовутъ раньше [1]); иногда приглашаемая бабка должна удовлетворять спеціальному условію: она должна быть пожилая, незамужняя или не живущая съ мужемъ, ибо „иначе она сама нечиста" [2])... Такъ, роды всееще совершаются въ нежиломъ мѣстѣ—въ банѣ, но родильницу можно навѣщать: ее навѣщаютъ родственницы; тѣмъ не менѣе, если у ней есть мать, то она изъ бани отправляется *къ матери* и живетъ у нея до шести недѣль; только тогда возвращается въ домъ мужа, къ себѣ [3]). . Такъ, родильницу уже не удаляютъ изъ дома: оскверненіе его устраняется освященіемъ сейчасъ же послѣ родовъ [4]); но сама родильница все еще считается оскверненною и изолируется: „до крещенія ребенка ее кормятъ изъ особой посуды, которая не смѣшивается съ посудой для другихъ; сама она посуды не должна трогать, затѣмъ до истеченія 40—48 дней она дѣлаетъ не всякую работу: тѣста мѣсить она не можетъ, хлѣба не печетъ, крупы и посуды не моетъ [5]), за ворота не ходитъ; эти 40—48 дней соблюдаются очень строго" [6]). И т. д.

Такъ же просто объясняются, какъ отголоски забытаго по существу страха, разнообразные страхи передъ родильницей, будто она угрожаетъ благополучію и даже существованію малыхъ и большихъ, и мужчинъ и женщинъ, и людей и растеній, и даже источниковъ.

сохранилось повѣрье о зломъ духѣ, преслѣдующемъ роженицу (преслѣдованіе объясняется желаніемъ обмѣнить ребенка). У хевсуръ, болѣе строгихъ въ этомъ отношеніи (Ковалевскій. Зак. и об. на Кавк., т. II, стр. 97), сохранился отпечатокъ такого воззрѣнія въ *родовспомогательныхъ* обычаяхъ.

1) Въ Тверскомъ уѣздѣ—1853 г. (Этногр. Сборн., изд. Имп. Рус. Геогр. Общ.. вып. I, стр. 183). У бѣлорусскихъ крестьянъ (см. ниже).

2) У бѣлорусскихъ крестьянъ. (Этногр. Сборн. вып. II, стр. 147).—Широко распространенное отношеніе къ половой дѣятельности, какъ къ чему-то требующему „очищенія", само нуждается въ разъясненіи. (См. выше—повѣрье хевсуръ).

3) Въ Тульской губ., Кашир. уѣздѣ—1854 г. (Этногр. Сборн., вып. III, стр. 87).

4) У совреленныхъ тушинъ (Этногр. Обозр., кн. II, стр. 45). У удинъ (ниже).

5) Сравн.: нечисть проникаетъ въ человѣческій организмъ обыкновенно черезъ ротъ. (Хахановъ. Месхи,—въ Этногр., Обозр., кн. X, стр. 11)... Щелканье зубами, какъ предохранительная мѣра противъ этого (Минаевъ. Старая Индія,—въ Жур. Мин. Нар. Просв., 1881, іюль, стр. 44).. Крещеніе рта при зѣвотѣ.

6) Среди удинъ—Бежановъ. Кратк. свѣд. о с. Варташенъ и его жителяхъ. (Сбор. матер. и опис. плем. и мѣст. на Кавказѣ, т. XIV, стр. 244—5).

Становится объяснимой и та двойственность, съ которой относятся къ новорожденному. Съ одной стороны, его спасаютъ отъ физическаго соприкосновенія съ „нечистой“ матерью: пока ребенокъ не окрещенъ, она не можетъ кормить его; если необходимо отложить обрядъ крещенія на 2—3 дня, его кормитъ какая-нибудь посторонняя женщина [1]). Съ другой стороны, отца отдѣляютъ отъ самого ребенка [2]). Съ одной стороны, „по общеславянскому взгляду, дѣти—божье благословеніе; несчастлива супружеская чета, ихъ не имѣющая“ [3]); вѣрятъ, что душу младенца приноситъ ангелъ и присутствуетъ при рожденіи его [4]). Съ другой стороны, „ребенокъ считается какъ бы поганымъ“; „по всему видно“, что народъ смотритъ на появившагося на свѣтъ ребенка, какъ на существо нечистое, подверженное вліянію злого духа и его служителей [5]); даже больше: корреспондентъ „Самарскаго Вѣстника“, сообщая о сектѣ паніашковцевъ, не можетъ скрыть своего удивленія: „странная вещь, женщины (у нихъ) называются „богородицами“, а дѣти, родящіяся отъ нихъ, считаются *бѣсами*“ [6]). „Рѣка временъ въ своемъ стремленьи“ одно совсѣмъ уноситъ, другое щадитъ, на третьемъ создаетъ отложенія, измѣняющія характеръ того, что было.

Предлагаемое схематическое рѣшеніе вопроса: почему родильница и ея ребенокъ удаляются изъ общежитія,—въ извѣстной степени, основано на догадкѣ. Но она почти отсутствуетъ, какъ только мы перейдемъ къ частному вопросу: почему роженица и ребенокъ еще дольше разлучаются съ мужемъ и отцомъ? Хотя и какъ частный фактъ, мы достовѣрно знаемъ, что у него есть основательныя причины бѣжать отъ жены-родильницы: ея бѣда можетъ стать его бѣдой... Въ силу этого намъ легко понять, почему онъ можетъ отъ нея бѣжать прежде всѣхъ; почему, какъ у карано-

---

1) Труды этногр.-статист. эксп. въ Зап.-Русск. край, т. IV, стр. 8. Запрещеніе въ первые дни кормить грудью матери встрѣчается у многихъ народовъ. (Д е м и ч ъ. Педіатрія у р. н., стр. 69—71).

2) Кромѣ случаевъ, уже отмѣченныхъ, запрещеніе прикасаться къ ребенку, въ теченіе извѣстнаго срока, существуетъ у лопарей (Х а р у з и н ъ. Русск. лопари, стр. 308); въ Штиріи; въ сѣверн. странахъ Американскаго континента (П л о с с ъ. Воззрѣнія на ребенка и пр., стр. 39 и 47). Въ послѣднемъ случаѣ запрещеніе мотивировано довольно забавно: туземцы объясняютъ, что „ребенокъ, только что родившійся на свѣтъ, бываетъ иногда весьма безобразенъ, и отецъ при взглядѣ на него можетъ получить къ нему отвращеніе, которое потомъ ему уже трудно будетъ преодолѣть“... Поэтому-то отцу и не показываютъ ребенка.

3) С у м ц о в ъ. О славянск. народ. воззр. на новорожд. реб. (Жур. Мин. Нар. Просв., 1880, ноябрь, стр. 69).

4) И в а н и ц к і й. Матер. по этнографіи Волог. губ., стр. 109.

5) Д е м и ч ъ. Педіатрія у р. н., стр. 19 и 21.

6) Перепечатано въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ“ за 1895 г. № 27: о сектѣ, основанной крестьяниномъ Алексѣемъ Гавриловымъ (онъ же Паніашка) въ слободѣ Покровской, Новоузенскаго уѣзда, Самарской губерніи.

гайцевъ или осетинъ, „изъ мужчинъ при родахъ никто не присутствуетъ, а мужъ старается въ этотъ день уѣхать куда-нибудь подальше“ [1]; почему у даргинцевъ, напр., „онъ видитъ новорожденнаго впервые черезъ нѣсколько недѣль спустя, когда родильница успѣетъ вполнѣ оправиться и перестанетъ быть „нечистой“ [2]; почему для него могутъ, какъ уже упоминалось, существовать спеціальные *увеличенные* сроки отчужденія отъ „нечистой“ жены[3]... При наличности сугубой для него опасности, насъ не можетъ удивить, когда мы встрѣчаемся съ фактомъ, что отецъ родильницы уже не подлежитъ разлученію съ ней, а мужъ все еще „не долженъ приближаться къ ея постели“... [4]) Въ то же самое время мы получаемъ возможность объяснить противоположное явленіе: изолированіе самого мужа. Жена „нечиста“ для него и отъ него отдѣляется, а онъ самъ изолируется отъ сношеній съ однообщественниками, какъ это имѣетъ мѣсто, напр., у хевсуръ [5]). Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ сугубой предосторожностью, той самой, которая заставляетъ насъ удалять не только самого заразнаго больного, но и всѣхъ, кому отъ него можетъ-могла сообщиться зараза. Тѣмъ же самымъ объясняется, очевидно, и общественное отлученіе вмѣстѣ съ родильницей *всей ея семьи*, какъ это бываетъ у дайяковъ на о. Борнео [6]).

---

[1]) Малявкинъ. Караногайцы. Терскій сборникъ, 1893 г., кн. 2, стр. 16?. Осетины, по личнымъ свѣдѣніямъ, объясняютъ это взворностью присутствія мужа (для него самого).

[2]) Сообщеніе Далгата. (Цитир. у М. Ковалевскаго: Законъ и обычай на Кавказѣ, II, стр. 202).

[3]) „У негрскихъ народовъ мужъ остается отдѣленнымъ отъ жены все время, пока она кормитъ, иногда въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ“ (Плоссъ. Тамъ же, стр. 46).

[4]) „Въ Венгріи, за исключеніемъ отца, никакой мужчина не долженъ приближаться къ постели родильницы; если же кто-нибудь сдѣлаетъ это, у него отнимается шляпа, и онъ долженъ выкупить ее за деньги“. (Плоссъ. Тамъ же, стр. 44). Очевидно, пониманіе обычая совсѣмъ уже исчезло. Такъ же основательно забыта основа обычая въ Грузіи. Отдѣленіе мужа здѣсь объясняется требованіями приличій. „Несмотря ни на какія страданія, больная не можетъ позвать къ себѣ мужа, лишеннаго теперь (при родахъ) права входить въ комнату жены, около которой сидитъ бабка и двѣ или три женщины для услугъ. Случается, что родильница не выдерживаетъ приличій и зоветъ къ себѣ мужа. „Смотрите, говорятъ тогда блюстительницы чистоты нравовъ, смотрите, какая грѣховодница! умираетъ, а все-таки думаетъ о мужѣ! просто стыдъ и срамъ!“ Насмѣшки и колкости дѣлаютъ то, что мучающаяся женщина рѣдко зоветъ къ себѣ мужа. (Народы Россіи, т. IV, стр. 391—2).

[5]) Радде. Хевсурія и хевсуры, стр. 73—6: „онъ въ теченіе семи недѣль не принимаетъ участія ни въ какихъ празднествахъ, живетъ одиноко и пользуется пивомъ и мясомъ со стола другихъ.“

[6]) Плоссъ. Тамъ же, стр. 45: „у даяковъ на Борнео вся семья въ теченіе *восьми* дней послѣ родовъ женщины считается „табу“, т. е. въ это время слѣдуетъ избѣгать прикосновенія къ ней.“

VIII.

Нѣкоторыя повѣрочныя данныя къ предыдущей главѣ.

Извѣстно, что женщина изгоняется не только въ періодъ родовъ; она изгоняется и во время „болѣзни кровотеченія". Является самъ собой вопросъ, допускаетъ ли аналогичное истолкованіе этотъ фактъ?

Отвѣтомъ пусть служатъ слѣдующія параллели.

1) Существуетъ связь между психическими разстройствами и менструаціей. По Маудсли, какъ мы видѣли, разстройство мѣсячныхъ имѣетъ „огромное вліяніе на происхожденіе и теченіе помѣшательства. Иногда быстрое исчезаніе мѣсячныхъ сопровождается обнаруженіемъ острыхъ формъ помѣшательства [1]". По Гризингеру, уже первая менструація вызываетъ „измѣненія характера и настроенія, которыя могутъ доходить до полнаго бреда или бѣшенства" [2]). По словамъ Icard'а, автора спеціальнаго трактата: „Жен-

---

[1]) Физіологія и патологія души, стр. 288.—Гризингеръ. Душевныя болѣзни, стр. 214: „Самыми простыми, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самыми рѣдкими должно считать тѣ случаи, когда у здоровыхъ до того времени женщинъ, вслѣдъ за быстрымъ прекращеніемъ или задержаніемъ мѣсячныхъ очищеній, является острая и сильная гиперемія мозга и непосредственно затѣмъ развивается умственное разстройство, большею частію, *бѣшенство*, сопровождаемое сильнымъ приливомъ крови къ мозгу".

[2]) Душевныя болѣзни, стр. 214.—Любопытно сопоставить это указаніе изъ области психіатріи и, напр., слѣдующее изъ области этнографіи: у гвіанскихъ индѣйцевъ, при первомъ признакѣ, что дѣвочка изъ ребенка переходитъ въ зрѣлый возрастъ, ее считаютъ нечистой впродолженіи этого періода и отстраняютъ отъ всякихъ сношеній съ обитателями хижины. Она не можетъ спать на прежнемъ мѣстѣ; ея гамакъ снимаютъ и вѣшаютъ подъ самой крышей, гдѣ несчастная едва не задыхается отъ дыма, который по возможности еще болѣе *стараются увеличить*. Въ первое время она не смѣетъ оставлять свою койку въ продолженіе дня; а *послѣ заката солнца* она должна сойти внизъ и просидѣть всю ночь у *разведеннаго ею огня*, такъ какъ „въ противномъ случаѣ у нее можетъ явиться на шеѣ множество нарывовъ, зобъ и т. п."; пока продолжаются очевидные симптомы ея перехода въ дѣвическій возрастъ, она осуждена на строжайшій *постъ*, и только по прекращеніи ихъ ей позволяютъ сойти съ высоты и поселиться за небольшой перегородкой, которая устраивается... въ самомъ *темномъ* углу хижины. Утромъ она варитъ для себя кашу изъ муки кассавы *въ отдѣльномъ горшкѣ и на особомъ огнѣ*—это ея единственная пища въ продолженіе всего періода отчужденія ея отъ людей. Наконецъ, черезъ 10 дней является piai—жрецъ и волшебникъ—и снимаетъ *чары* съ дѣвушки и *со всего, до чего она прикасалась*; при этомъ онъ дуетъ на нее и на вещи болѣе цѣнныя и бормочетъ заклинанія. Чаши и горшки, которые она употребляла для питья и ѣды, *разбиваютъ* и закапываютъ въ землю. Затѣмъ дѣвушка подвергается непріятному „испытанію", а именно: послѣ купанья она должна встать почью на стулъ или камень, и мать *сѣчетъ ее до крови* тонкой розгой, между тѣмъ какъ она *не смѣетъ вскрикнуть отъ боли*, „чтобы не разбудить домашнихъ", такъ какъ это можетъ имѣть *гибельныя послѣдствія для ея будущаго счастья*. Черезъ мѣсяцъ она должна вынести вторичное бичева-

щина въ періодѣ менструаціи",—„существованіе психическихъ разстройствъ въ связи съ менструаціей наблюдалось и утверждалось въ самой глубокой древности; оно санкціонировано въ наше время авторитетомъ компетентнѣйшихъ психіатровъ" [1]).

2) Существуетъ сходное мнѣніе, будто женщинѣ въ періодъ мѣсячныхъ угрожаетъ спеціальная опасность со стороны злого духа.—„Іеремія, приводитъ указаніе г. Icard, разсматривалъ мѣсячное истеченіе, какъ причину душевной слабости, дѣлающей женщину неспособной бѣжать отъ врага, сопротивляться его нападкамъ. Таково мнѣніе большинства комментаторовъ, и между ними Ватабля и Григорія Богослова. Текстъ послѣдняго очень категориченъ: „Это именно въ періодъ мѣсячныхъ злые духи наносятъ свои удары, когда всяческая наружная скверна возбуждаетъ въ душѣ мысли, увлекающія ко злу и располагающія къ грѣхопаденію„ [2]).

3) Тотъ же авторъ, г. Icard, приводитъ указаніе, что слишкомъ продолжительная [3]) менструація считалась результатомъ одержанія женщины злымъ духомъ. „Зендъ-Авеста, священная книга вавилонянъ и персовъ, передаетъ намъ, что у этихъ двухъ народовъ считали какъ-бы одержимою злымъ духомъ всякую женщину, у которой регулы продолжались болѣе девяти дней, и ее не-

---

ніе, но уже въ послѣдній разъ. *Послѣ этого* дѣвушка считается чистой и можетъ занять свое мѣсто среди обитателей хижины" (Гельвальдъ. Ест. истор. плем. и народ., т. II, стр. 524). Курсивъ вездѣ принадлежитъ мнѣ: я отмѣтилъ, не комментируя, пріемы, съ которыми мы уже встрѣчались, когда рѣчь шла о родильницѣ или ея мужѣ.

[1]) „Древніе, подчиняя менструальную функцію дѣйствію небеснаго свѣтила (луны), котораго могущественное вліяніе на умъ и судьбу человѣка считалось несомнѣннымъ, свидѣтельствуютъ намъ, что и они знали о психическомъ вліяніи менструаціи. Они поясняли свою мысль, говоря, что женщина во время регулъ—*лунатична*, выраженіе, сохранившееся до нашихъ дней и обрисовывающее очень хорошо то состояніе нервнаго и психическаго непостоянства, въ которомъ находится женщина въ эту пору" (стр. 40 назван. сочин.).— Любопытно еще слѣдующее указаніе автора: „Съ самаго начала медицины принимали болѣзни матки за единственную причину тѣхъ болѣзненныхъ явленій, которыя тогда называли *вапорозными*, и группировали подъ общимъ названіемъ *истерическихъ* болѣзней (отъ *ὑστέρα*—матка)... Платонъ и Аретей изображаютъ матку, какъ живое существо (uterus animal in animali), одаренное чувствомъ и движеніемъ, способное съ яростью устремляться по всѣмъ направленіямъ, чтобы вызвать самыя серьезныя разстройства. Ванъ-Гельмонтъ видитъ въ ней жизненный центръ, обиталище его Архея. По мнѣнію этого автора, безуміе происходитъ въ силу маточныхъ истеченій: матка составляетъ всю женщину, увлекаетъ ее за собою, какъ луна притягиваетъ морскія воды; она какъ бы чужая въ организмѣ, съ которымъ связана только общностью питанія; тѣмъ не менѣе матка господствуетъ надъ организмомъ и принуждаетъ его подчиняться этому гибельному господству" (стр. 5 - 6).

[2]) Женщина въ періодѣ менструаціи, стр. 43.

[3]) Сравн.: „Слишкомъ сильное менструальное очищеніе, произведя анемію и ослабляя общее питаніе тѣла, можетъ быть причиною сумасшествія, какъ и всякой другой нервной болѣзни". (Гризингеръ. Душевн. болѣзни, стр. 214).

щадно колотили, чтобы изгнать діавола, вселяющагося въ нее въ этомъ ненормальномъ состояніи" [1]). Что это:—патологическая теорія на спеціальный случай или обломокъ „физіологической" теоріи [2]) общаго явленія?

4) Менструація „заразительна": она можетъ сообщиться другому лицу. Въ Минской губерніи менструирующая женщина „съ женщинами, не имѣющими въ это время регулъ, старается имѣть какъ можно меньше сношенія, такъ какъ всякая неосторожность со стороны первыхъ, напр., возможность переступить черезъ бѣлье ея со слѣдами бывшихъ регулъ или даже воду, въ которой мылось ея бѣлье, послѣ регулъ, можетъ повлечь за собою преждевременныя регулы у вполнѣ здоровой женщины... Въ сосѣдней Волынской губерніи всякая женщина, стирая свое бѣлье, запачканное мѣсячными очищеніями, должна грязную воду вылить въ уголъ подъ стѣну дома, чтобы другая женщина не ступила и отъ того не получила кровотеченія [3]). . Если въ хатѣ есть нѣсколько

---

[1]) Icard. Тамъ же, стр. 40.

[2]) Сравн.: въ примѣненіи къ родамъ примитивная теорія уцѣлѣла лишь относительно трудныхъ случаевъ.

[3]) Отсюда получаемъ, повидимому, разъясненіе такихъ же предосторожностей при выливаніи воды, которая была употреблена для купанья новорожденнаго.—Въ Бранденбургѣ и въ Силезіи (выше было упомянуто, что принести некрещенаго ребенка въ домъ—въ Силезіи значитъ доставить этому дому несчастіе) вода, въ которой *въ первый разъ* обмывали новорожденнаго, должна быть вылита въ тѣни подъ розовымъ кустомъ или въ конюшнѣ, куда не заглядываетъ солнце: „тогда только—объясняется—солнце не жжетъ ребенка". (Плоссъ. Тамъ же, стр. 39) Въ древнемъ Перу, въ день рожденія ребенка, вода, которою онъ былъ обмытъ, выливалась въ яму съ заклинаніями, произносимыми жрецами или колдунами". (Тэйлоръ. Перв. культ., т. II, стр. 468, изд. 1873 г.). У современныхъ эстовъ вода послѣ купанья новорожденнаго выливается въ укромномъ мѣстѣ, „гдѣ не вѣетъ вѣтеръ" (По Wiedemann'у—Демичъ. Педіатр. у р. н., стр. 18. NB. Во время купанья бросаютъ соль на печку, „чтобы у ребенка не было сыпи").—Если мы имѣемъ здѣсь дѣло съ простымъ омовеніемъ отъ физической нечистоты, всѣ эти предосторожности непонятны. Но онѣ понятны, если мы вспомнимъ, что новорожденнаго преслѣдуютъ злые духи и что вода освобождаетъ отъ призрачныхъ враговъ: „даже обыкновенная вода можетъ потопить душу негра, если вѣрить разсказу о вдовахъ въ Матамбѣ, которыя погружаются въ рѣки и пруды, чтобы утопить души своихъ умершихъ мужей, которыя, быть можетъ, желаютъ не покидать ихъ и оставаться возлѣ наиболѣе любимыхъ женъ. Послѣ этой церемоніи онѣ могутъ снова выйти замужъ". (Тэйлоръ. Тамъ же, стр. 101).—Сравн.: омовеніе практикуется въ „очень неопрятной формѣ и при полномъ пренебреженіи къ содержанію ребенка въ чистотѣ (Тэйлоръ. Тамъ же, стр. 466 и слѣд.; Бунятовъ. Дом. восп. у армянъ Эрив. губ., Этн. Об., кн. XXIII, стр. 165). Осетины *при первомъ купаніи* новорожденнаго кладутъ въ купель ножницы; у айсаровъ въ Эрив. губ. понынѣ сохранилась память о какомъ-то отношеніи дьявола къ омовенію ребенка: „они *при первомъ купаніи* новорожденнаго читаютъ надъ водою молитву и плюютъ въ воду, въ надеждѣ выгнать изъ купели сатану". (Демичъ. Тамъ же, стр. 22 и 23); у нѣкоторыхъ племенъ Малайскаго полуострова *за первымъ омовеніемъ* (въ рѣкѣ) слѣдуетъ *обкуриваніе*: въ домѣ разводится огонь; въ него бросаютъ ароматическое дерево, и ребенка проносятъ въ дыму нѣсколько разъ. (Тэйлоръ. Тамъ же, стр. 464); и т. д.

женщинъ, то онѣ не должны стирать свое бѣлье вмѣстѣ, ибо мѣсячныя всѣхъ могутъ слиться на одну. „Опасность угрожаетъ даже дѣвочкамъ: „въ Борисовскомъ уѣздѣ (Минской губ.), единственномъ, гдѣ есть бани, менструирующая женщина не должна входить въ баню, когда тамъ есть другія; иначе у взрослыхъ появятся несвоевременныя и обильныя регулы, а у дѣвочекъ появится по тѣлу сыпь [1]).

Приведенныя указанія имѣютъ предметомъ передачу страданій отъ женщины къ женщинѣ. Возможно ли что-нибудь похожее относительно мужчины? Возможно ли для мужчины страдать „женскою болѣзнью“? Въ этомъ отношеніи любопытенъ, если даже не придавать ему рѣшающаго значенія, слѣдующій разсказъ Геродота: „На тѣхъ скиѳовъ, которые ограбили храмъ (Афродиты) въ Аскалонѣ, равно какъ и на потомство ихъ божество ниспослало женскую болѣзнь. Поступокъ этотъ былъ, по словамъ скиѳовъ, причиною господствующей у нихъ болѣзни и того, что приходящіе въ скиѳскую землю иностранцы находятъ больныхъ, которыхъ скиѳы называютъ енареями, въ такомъ жалкомъ положеніи“ [2]). Проф. Мищенко дѣлаетъ къ этому мѣсту слѣдующее примѣчаніе: „По словамъ Аристотеля Ethic. Nic. VII, 8 она (болѣзнь) была наслѣдственною въ царскихъ семьяхъ скиѳовъ и состояла въ потерѣ способности производить потомство и въ пріобрѣтеніи особенностей женскаго организма. Гиппократъ, De Aer. 22, отмѣчаетъ то же самое явленіе преимущественно въ средѣ богатыхъ и знатныхъ скиѳовъ: „очень многіе изъ среды скиѳовъ становятся подобными евнухамъ и получаютъ мѣсячныя очищенія; такіе обабившіеся (ἀνανδριέες) скиѳы говорятъ между собою, какъ женщины, и такъ называютъ себя. Изъ скиѳовъ подвергаются этому богатые, люди не самаго простого званія, но знатнѣйшіе и обладающіе чрезвычайною силой, вслѣдствіе верховой ѣзды; бѣдняки подвергаются болѣзни рѣже, потому что не ѣздятъ верхомъ [3]).

Почти въ тѣхъ же выраженіяхъ разсказывала моей женѣ старушка—квартирная хозяйка въ гор. Олекминскѣ. „Она разсказывала про одного бывшаго жильца своего, что онъ —стыдно сказать— болѣлъ по-женски каждый мѣсяцъ“.

---

[1]) Сицинскій. Акушер. помощь въ Минск. губ. стр. 44—5. Такія же предосторожности изъ боязни „смѣшать цвѣть“ принимаются и въ Казанской губ. (Аршиновъ. О народн. лѣченіи въ Казан. губ. Изв. Имп. Общ. Люб. Ест., Антр. и Этногр., т. LXI, прилож., стр. 11).

[2]) Исторія, т. I, 105.

[3]) Указатель къ „Исторіи“ Геродота; стр. 36.—Докторъ медицины К., о которомъ я выше упоминалъ, разъяснилъ мнѣ, что здѣсь, вѣроятно, имѣли мѣсто страданія геморроидальнаго свойства, совпадавшія по характеру періодичности съ женскими регулами. Вопросъ этотъ, по его словамъ, разсматривается въ нѣкоторыхъ медицинскихъ сочиненіяхъ; къ сожалѣнію, онъ не могъ припомнить болѣе точныхъ указаній.

Такимъ образомъ, мы вновь встрѣчаемся съ „обобщеніемъ физической жизни“ обоихъ половъ, не имѣющимъ ничего общаго съ тѣмъ „естественнымъ порядкомъ вещей“, который существуетъ въ нашемъ представленіи.

Я не имѣю въ виду придать только что цитированному широкаго толкованія. Для этого нужны факты, хотя бы и немногочисленные, но болѣе спеціальные и опредѣленные, хотя бы въ той же мѣрѣ, какъ собранные В. Н. Добровольскимъ относительно перехода родильныхъ страданій. Тѣмъ не менѣе, можетъ быть установленъ слѣдующій фактъ: женщина въ періодѣ мѣсячныхъ внушаетъ страхъ; она считается существомъ вредоноснымъ не только для людей—мужчинъ и женщинъ, но и для животныхъ и даже для неодушевленныхъ вещей.

Выше упоминалось уже о томъ страхѣ, который внушаютъ чиппевеямъ родильница и менструирующая женщина. У нашихъ башкиръ въ это время женщина устраняется отъ приготовленія пищи; „ей же ставится въ вину, если у кого нибудь послѣ пріема пищи въ гостяхъ „урчитъ“ въ животѣ и разстроенъ желудокъ“ [1]). По сообщенію д-ра Сицинскаго, въ Минской губерніи, въ Пинскомъ уѣздѣ, во время регулъ женщины избѣгаютъ заготовлять въ прокъ съѣстные припасы (огурцы, капусту), а равно и брать изъ заготовки ихъ; не сѣютъ и не садятъ овощей, „такъ какъ все сдѣланное въ это время весьма легко можетъ подвергнуться порчѣ“, а въ Рѣчицкомъ уѣздѣ, если женщинѣ позволяетъ семейное положеніе, она сама устраняется отъ приготовленія пищи и питья мужчинамъ, и при встрѣчѣ съ послѣдними сторонится и даетъ дорогу [2]); съ женщинами, не имѣющими въ это время регулъ, старается имѣть какъ можно меньше сношеній по причинамъ, изложеннымъ выше... [3]) „Древніе разсматривали, говоритъ д-ръ Icard, регулы, какъ родъ естественнаго очищенія, назначеннаго для освобожденія организма отъ въ высшей степени вредоносныхъ началъ... По Плинію Старшему... ядовитое дѣйствіе менструальной крови столь сильно, что достаточно ея испаренія, или одного прикосновенія, чтобы непосредственно испытать всю ея вредоносность: новое вино киснетъ, сѣмена дѣлаются безплодными, молодыя растенія опаляются, древесныя прививки умираютъ и плоды падаютъ засохшими, зеркальное стекло тускнѣетъ, остріе стали притупляется, мѣдь и желѣзо ржавѣютъ, красота слоновой кости пропадаетъ, пчелы умираютъ, а собаки, вкусившія ея, впадаютъ въ бѣшенство и т. д... Чтобы уничтожить гусеницъ и другихъ вредныхъ насѣкомыхъ, достаточно, говорилъ Колумелла,

---

[1]) Назаровъ. Къ этнографіи башкиръ. (Этногр. Обозр., кн. III, стр. 190).

[2]) Это составляетъ правило у терскихъ казаковъ въ Червленой станицѣ. (Этн. Обозр., кн. IX).

[3]) Сицинскій. Акушер. помощь въ Минск. губ., стр. 44.

менструирующей въ данную минуту женщинѣ пройтись по полямъ, съ платьемъ, приподнятымъ до поясницы... Эліенъ предлагаетъ то же средство для уничтоженія слизней въ огородахъ; прогулка совершается женщиной à l'époque où elle est en communication réglée avec l'astre des nuits... Бергавэ разсказываетъ объ одномъ деревѣ, растущемъ въ Палестинѣ, которое пускаетъ столь могучіе корни, что они не уступаютъ никакимъ человѣческимъ усиліямъ; іудейскіе священники говорятъ, что есть только одно средство, способное прекратить ихъ ростъ,—надо заставить обойти вокругъ дерева женщину, имѣющую мѣсячныя" [1]).

Этотъ страхъ передъ вредоносностью страдающей женщины могъ бы получить нѣкоторое объясненіе, если бы правильнымъ оказалось убѣжденіе, что менструальная кровь есть ядъ. Но дѣло заключается въ томъ, что это убѣжденіе, повидимому, само нуждается въ объясненіи; по крайней мѣрѣ, д-ръ Icard рѣшительно отвергаетъ ядовитыя свойства менструальной крови, „приписываемыя ей иными дикими народами [2]) и простодушнымъ деревенскимъ людомъ" [3]).

5) Какъ и родильница, женщина въ періодѣ менструаціи считается отверженною не только людьми, но и божествомъ. По мнѣнію башкиръ, „молитвы ея въ это время не доходятъ до Бога" [4]). „Нечистота женщины можетъ осквернить храмъ", полагаютъ карачаевцы [5]). Относительно евреевъ читаемъ: „многіе кодификаторы полагаютъ, что... ниддѣ запрещается молиться, думать о какомъ нибудь имени Божьемъ и прикасаться къ книгѣ священной" [6]). Никейскій соборъ запретилъ христіанскимъ женщинамъ входить въ храмъ во все время, пока продолжаются у нихъ мѣсячныя кровотеченія [7]). Такое запрещеніе отмѣчаетъ д-ръ Сицинскій для Рѣчицкаго уѣзда, Минской губ.; „во время мѣсячныхъ женщины въ церковь не ходятъ и не присутствуютъ при совершеніи церковныхъ таинствъ" [8]). Насколько мнѣ извѣстно, больная женщина не можетъ даже лампаду заправлять для домашняго образа: она проситъ объ этомъ кого-нибудь другого.

---

[1]) Icard. Женщ. въ періодѣ менструаціи, стр. 100—101.

[2]) Д-ръ Жукъ говоритъ, что „менструальныя выдѣленія, попадая въ здоровую кровь, заражаютъ ее: рана долго не заживаетъ и гноится"; этимъ онъ и объясняетъ, почему „дикари отравляютъ ими (менстр. выдѣлен.) свои стрѣлы". (Мать и дитя, стр. 70, примѣч., изд. 1885 г.).

[3]) Icard. Тамъ же, стр. 99.

[4]) Назаровъ. Къ этнографіи башкиръ. (Этногр. Обозр., кн. III, стр. 190).

[5]) Тепцовъ. По истокамъ Кубани и Терека, стр. 106. (Сборн. матеріаловъ для опис. мѣст. и племенъ Кавказа, т. XIV).

[6]) Небольсинъ. Очерки частнаго быта евреевъ. (Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ. по Отдѣл. Этнографіи, т. III, стр. 304).

[7]) Icard. Тамъ же, стр. 41, примѣч.

[8]) Сицинскій. Акушер. пом. въ Минск. губ., стр. 44.

„Еще въ наше время, говоритъ д-ръ Icard, нѣкоторые теологи учатъ, что если не смертный грѣхъ видѣть свою жену во время регулъ, то это, по крайней мѣрѣ, грѣхъ, требующій очищенія. (Cornelius a Lapide, Commentaria in leviat. t. II, p. 131)“ [1]).

6) „Пораженные, очевидно, странностью менструальныхъ явленій, говоритъ д-ръ Icard, люди не могли ихъ иначе истолковать, какъ путемъ вмѣшательства чего-то сверхъестественнаго [2])“. М. М. Ковалевскій видитъ въ сванетскихъ взглядахъ на женщину и такихъ обычаяхъ, какъ удаленіе ея изъ дому въ какую-нибудь пустую избушку во время мѣсячныхъ, „не столько превратное толкованіе христіанскаго взгляда на женщину, какъ на ближайшую виновницу грѣхопаденія, сколько слѣды ученія Авесты о нечистотѣ или, что то-же, одержимости злыми духами всѣхъ отдѣленій живого организма [3])“...

Въ цѣляхъ только общей провѣрки можно ограничиться этими данными. Они не только не опровергаютъ правильность принятаго объясненія, почему женщина подвергается тяжкому отчужденію въ послѣродовомъ періодѣ, но и дѣлаютъ весьма вѣроятнымъ подобное же объясненіе относительно женщины въ періодѣ мѣсячныхъ.

IX.

Поставимъ слѣдующій вопросъ. Общее міропониманіе и — въ частности — теорія родовыхъ болей остаются прежнія. Тѣмъ не менѣе, время отмѣтило въ умахъ слѣдующій фактъ: родовыя муки—удѣлъ женщины, только женщины; мужчина недоступенъ для нихъ.—Каковы вѣроятныя послѣдствія этого измѣненія?

Мы имѣемъ для нихъ готовую форму въ слѣдующемъ убѣжденіи терскихъ казаковъ: „она (женщина) есть сосудъ нечистый и вмѣстилище всякой скверны. Въ женщинъ любитъ больше всего вселяться нечистый духъ; „портить“ ихъ гораздо легче, чѣмъ мужчинъ, и „онъ“ съ удовольствіемъ идетъ въ женщину, а *мужчины онъ боится* [4])“.

[1]) Icard. Тамъ же, стр. 41, прим.

[2]) Женщины въ періодъ менструаціи, стр. 101 и прим. „По Плинію Младшему... присутствіе менструирующей женщины на борту корабля отвращаетъ бурю, а примѣненіе менструальной крови снаружи или внутрь, отдѣльно или въ смѣси съ другими дѣйствительными лѣкарствами, можетъ вылѣчить головныя боли, болѣзни кори и т. д. „Приверженцы одной еретической секты (гностики), по свидѣтельству св. Епифанія, дошли до того, что считали менструальную кровь священною (sang du christ) и примѣшивали ее къ чудовищному напитку, который пили во время своихъ религіозныхъ церемоній“.

[3]) Законъ и обычай на Кавказѣ, т. II, стр. 49. Сравн. выше.

[4]) Малявкинъ. Станица Червленая. (Этногр. Обозр., кн. IX, стр. 29). Сравн.: по воззрѣнію Авесты, говоритъ проф. Ковалевскій, вліянію нечистой силы „особенно подвержены женщины и дѣвушки“. (Зак. и обычай на Кавказѣ, т. II, стр. 101).

Но, разъ мужчина недоступенъ для нападеній „врага", естественно воспользоваться этой слабостью враждебнаго духа противъ него самого, въ интересахъ какъ самой родильницы, такъ и ея ребенка .. И на самомъ дѣлѣ: вотъ цѣлый рядъ на это, невидимому, разсчитанныхъ обычаевъ и соотвѣтствующихъ вѣрованій.

Такъ, напр., въ Смоленской губерніи „чрезвычайно распространено мнѣніе, что женскіе роды облегчаются сильно, если мужчина знаетъ о нихъ, а особенно находится около жены въ минуту страданій [1])". Такое же убѣжденіе существуетъ во Владикавказѣ. Бесѣдуя по этому поводу, я имѣлъ неосторожность употребить слово „повѣрье"; мой собесѣдникъ, получившій нѣкоторое образованіе, прервалъ меня замѣчаніемъ, что это не повѣрье, а фактъ, въ которомъ онъ „убѣдился уже четыре раза": по просьбѣ жены своей онъ всегда присутствуетъ при родахъ, и потому его жена никогда не мучится больше 2—3 часовъ, тогда какъ другія мучатся по 2—3 сутокъ. Такое же точно повѣрье, по личному сообщенію, существуетъ въ порубежной мѣстности Сосницкаго и Городнянскаго уѣздовъ Черниговской губерніи.

Въ Смоленскомъ уѣздѣ, когда женщина сильно затрудняется родами, считается полезнымъ слѣдующій пріемъ: мужъ поитъ жену изъ собственнаго рта: „на подобіе голубя [2])".

Сходный обычай практикуется, по личному свѣдѣнію, у армянъ гор. Телава; въ случаѣ трудныхъ родовъ, мужа зовуть въ комнату; онъ наливаетъ воды въ полу одежды своей и поитъ этой водой больную. Роды отъ этого облегчаются, хотя молодежь нынче не вѣритъ въ это [3])".

У болгаръ существуетъ слѣдующій обычай. „Когда мужъ видитъ, что роды приближаются, онъ опускаетъ свои руки въ тазъ съ водою, куда бабка бросаетъ корень съ наговоромъ, и жена, по приказанію мужа, пьетъ изъ таза воду [4])". Здѣсь „мужскому" присуща болеустраняющая сила наравнѣ съ наговорнымъ корнемъ.

Въ родовспомогательныхъ обычаяхъ удинъ къ силѣ „мужского" прибѣгаютъ наравнѣ съ устрашающимъ элементомъ—желѣзомъ. У нихъ „для облегченія родовъ, въ числѣ прочихъ мѣръ, даютъ пить воду, пополоскавъ въ ней грену, кочергу, руки мужа; также даютъ ей пить воду изъ лаптя" [5]).

---

[1]) Добровольскій. Смоленск. этногр. сборн., т. II, стр. 371.

[2]) Добровольскій. Тамъ же, часть II, стр. 371.

[3]) Сообщилъ мѣстный уроженецъ со словъ его 70-лѣтней бабушки.

[4]) Каницъ. Славян. Ежегодн., 1877 г., стр. 159. (Цитир. у г. Сумцова: „Культурныя переживанія". Кіевск. Старина, 1889 г., X, стр. 23). „Признать за этимъ обрядомъ, замѣчаетъ авторъ, очистительное значеніе трудно, потому что онъ совершается до рожденія ребенка".

[5]) Бежановъ. Крат. свѣдѣнія о с. Варташенъ и его жителяхъ. (Сбор. матер. для описан. мѣстн. и плем. Кавказа, вып. XVI, стр. 244—5).

Въ Вологодской губерніи, мужъ во время родовъ обыкновенно присутствуетъ и даетъ женѣ воды изъ своего рта или держитъ жену на колѣняхъ [1]). Бываютъ роды на колѣняхъ у бабки или *мужа* и въ Минской губ. (Мозырск., Рѣчицк., Пинск. уѣзд.), но относительно рѣдко и въ *трудныхъ* случаяхъ, добавляетъ авторъ [2]).

Въ Казанской губерніи, при трудныхъ родахъ, родильницу водятъ по избѣ „черезъ ноги мужа, сидящаго на полу". Для той же цѣли мужъ даетъ роженицѣ пить воду изъ своего рта.—При задержаніи послѣда, кромѣ вышеупомянутой мѣры (даваніе вшей), практикуетя слѣдующій пріемъ: привязываютъ къ пуповинѣ мужнинъ лапоть и водятъ родильницу по избѣ [3]).

Въ Черниговской губерніи „при трудныхъ родахъ мужъ роженицы беретъ ее подъ локти и встряхиваетъ, затѣмъ ложится на полъ, и жена трижды переступаетъ черезъ него" [4]).

Въ Нижегородской губерніи, наоборотъ: когда роды совершаются трудно, зовутъ мужа, и онъ переступаетъ три раза черезъ жену, лежащую на полу [5]).

Въ Рязанской губерніи, для облегченія родовъ, заставляютъ роженицу перешагнуть черезъ мужнины ноги [6]).

Болеустраняющая сила присуща даже мужскимъ вещамъ. Такъ, въ Рѣчицкомъ уѣздѣ, Минской губерніи, для облегченія родовъ заставляютъ роженицу переступать черезъ мужскія панталоны, разложенныя по землѣ [7]).

Такіе же мѣры принимаются и въ интересахъ ребенка. Для защиты его отъ недобрыхъ вліяній считается во многихъ мѣстахъ полезнымъ завернуть его въ бѣлье отца, и притомъ *ношеное*: почти всегда требуется, чтобы оно не было чистое (неимѣющее запаха?).

Такъ, въ Пошехонскомъ уѣздѣ, *„если у родильницы предшествовавшія дѣти умирали*, то повитуха, въ нѣкоторыхъ мѣс-

---

[1]) Иваницкій. Матер. по этногр. Вологод. губ., стр. 108.

[2]) Сицинскій. Акушер. помощь въ Минск. губ., стр. 65—66. При родахъ стоя, въ числѣ водящихъ подъ руки также иногда бываетъ мужъ.

[3]) Аршиновъ. О народн. лѣченіи въ Казанск. губ. (Изв. Имп. Общ. Люб. Естествозн., Антр., и Этногр., т. LXI, прилож., стр. 12).

[4]) Шарко. Изъ области суевѣрій малоруссовъ. (Этногр. Обозр., кн. VIII, стр. 172). Сюда же, вѣроятно, слѣдуетъ причислить, хотя бы отчасти, родовспомогательный обычай, существующій въ сѣв.-восточн. Россіи: при трудныхъ родахъ женщину водятъ вокругъ стола, заставляя ее прыгать черезъ лежащаго тутъ же мужа; или же сильный мужъ поднимается съ пола, беретъ жену за руки къ себѣ на плечи, бѣгаетъ по избѣ и трясетъ ее, что есть мочи. (Демичъ. Очерки русск. народ. медиц.—Акушерство. Врачъ, 1889, № 10, стр. 252).

[5]) Сообщила вышеупоминавшаяся мачеха Өедосьи (см. главу I), уроженка Нижегородской губ.

[6]) Барсовъ. Обряды, наблюд. при рожд. и крещ. дѣтей на р. Орели. (Изв. Имп. Общ. Люб Естеств., Антр. и Этногр., т. XXVIII, стр. 76).

[7]) Сицинскій. Акушер. помощь въ Минск. губ., стр. 67.

тахъ (Катринская волость), принимаетъ новорожденнаго ребенка въ отцовскія штаны; такимъ образомъ принятый ребенокъ будетъ непремѣнно жить“ [1]).

То же самое дѣлаютъ въ Тульской губерніи: „чтобы ребенокъ былъ покоенъ“ [2]).

Въ Саратовской губерніи, при рожденіи ребенка, какъ у крестьянъ, такъ и въ другихъ сословіяхъ, существуетъ обычай завертывать младенца, при его появленіи на свѣтъ, въ отцовскую рубашку“ [3]).

То же самое дѣлаютъ лопари. Тотчасъ по рожденіи ребенка, бабка, взявъ младенца въ руки, завертываетъ его въ отцовскую рубаху: „чтобы онъ любилъ отца“... Возможно, что это новѣйшій обычай, ибо, по словамъ Шеффера (1673 г.), лопари прежде завертывали новорожденнаго въ заячій мѣхъ [4]).

Въ Вологодской губерніи, новорожденнаго завертываютъ вмѣсто простыни въ грязную отцовскую рубаху: „чтобы отецъ любилъ ребенка“ [5]).

Въ Харьковской губерніи, новорожденнаго, безъ различія пола, заворачиваютъ въ нѣсколько загрязненную отцовскую рубаху [6]).

У кашубовъ „дѣлаютъ младенцу первую пеленку изъ рубахи его отца или *вообще мужчины* [7])“. (Отмѣчу эту подробность).

Въ Кадниковскомъ уѣздѣ, по обычаю, ребенка, только что родившагося, прежде всего приносятъ къ отцу, который долженъ его подержать... Новорожденнаго, при крещеніи, одѣваютъ въ грязную отцовскую рубаху, нерѣдко даже въ подштанники, и, несмотря на увѣщанія священниковъ, что грубо и нечеловѣчно [8]) одѣвать или, вѣрнѣе, обвертывать ребенка въ какое нибудь дег-

---

[1]) Баловъ. Рожд. и воспит. дѣтей въ Пошехонск. уѣздѣ. (Этногр. Обозр., кн. VI, стр. 95).

[2]) Успенскій. Родины и крестины въ Тульской губ. (Этногр. Обозр., кн. XXVII, стр. 4). Въ тѣхъ же видахъ дѣлаютъ слѣдующее: „когда пеленаютъ, то вмѣсто свивальника употребляютъ приготовленныя изъ хлопковъ для половиковъ нити, извѣстныя подъ именемъ „верчи“. Самостоятельный ли это обычай или распространенный, судить трудно.

[3]) Минхъ. Народ. обычаи и пр. крестьянъ Сарат. губ. (Зап. Имп. Рус. Геогр. Общ. по отд. Этнографіи, т. XIX, вып. II, стр. 55).

[4]) Харузинъ. Русскіе лопари, стр. 306, 308.

[5]) Иваницкій. Матеріалы по этнографіи Вологодской губ. (Изв. Имп. Общ. Люб. Ест., Антр. и Этн., т. LXIX., стр 109).

[6]) Сумцовъ. О Слав. народ. воззр. на новорожд. ребен. (Журн. Мин. Нар. Просв., 1880, XI, стр. 88). Авторъ считаетъ этотъ обычай формою „признанія новорожденнаго отцомъ“. (*Плоссъ*. Тамъ же, стр. 48).

[7]) Остатки славянъ на южномъ берегу Балтійскаго моря.—Этногр. Сборн., И. Р. Г. О. вып. V, стр. 73.

[8]) Не этимъ ли соображеніемъ, въ связи съ утратой яснаго пониманія основы, объясняется слѣдующій смягченный обычай: въ Хорольскомъ уѣздѣ, Полтавской губ., „при выходѣ въ церковь крестить ребенка, его заворачиваютъ въ *чистую* рубаху отца“. (Иваница. Домашн. бытъ малоросса Полтав. губ., Хорольск. у, въ Этногр. Сбор. И. Р. Г. О., вып. I, стр. 350).

тярное или пропотѣвшее рубище,—все-таки обычай этотъ существуетъ. Даже вымыть такое рубище не полагается, ибо „тогда смоется отцовская любовь“ [1]).

У кореловъ, по словамъ Лѣскова, „чтобы всѣ симпатіи отца перешли на ребенка“, новорожденнаго тотчасъ послѣ родовъ завертываютъ въ отцовскую рубаху. Этотъ обычай „строго исполняется даже, когда роды происходятъ въ лѣсу, во время самой работы. Отецъ ребенка... снимаетъ съ себя рубаху и отдаетъ ее въ пеленки своему дѣтищу, а самъ или остается нагимъ или надѣваетъ свой зудящій кафтанъ на голое тѣло“. Съ цѣлью предохранить ребенка отъ сглазу, корелы привѣшиваютъ къ люлькѣ „грязные отцовскіе штаны“. А если ту же часть мужского костюма повѣсить на ночь надъ дверьми, то самый безпокойный ребенокъ... будетъ спать какъ мертвецъ“. Это указаніе выигрываетъ въ ясности, относительно причины, при сопоставленіи со слѣдующимъ мѣстомъ того же „Отчета о поѣздкѣ къ Олонецкимъ кореламъ“: „Хорошо также помогаетъ..., если на окнахъ и на порогѣ дверей разставить ножи остріемъ вверхъ: „тогда, не бойся, не перейдетъ въ избу, побоится, и ребенокъ будетъ спать хорошо“ [2]). Такимъ образомъ, имѣетъ одинаковое значеніе, наставить ли ножей на порогахъ, или повѣсить надъ дверями отцовскіе штаны [3]). То же самое дѣлается въ Ки-

---

[1]) Шустиковъ. Троичина Кадниковскаго уѣзда. (Живая Старина, 1892. вып. III, стр. 121).

[2]) Н. Лѣсковъ. Отчетъ о поѣздкѣ къ Олонецкимъ кореламъ. (Живая Старина, 1894, вып. I, стр. 29—30).

[3]) Сравн.: „По всему видно, что народъ олицетворяетъ безсонницу и безпокойство дѣтей въ видѣ злого духа, съ которымъ разными способами ведется борьба, чтобы прогнать его“... (Демичъ. Педіатрія у р. н., стр. 42).—Необходимо, однако, отмѣтить, что на ряду съ изложеннымъ Лѣсковъ упоминаетъ о пользованіи въ тѣхъ же цѣляхъ вещами *матери*. „Если, говоритъ онъ, ребенка почему либо снимутъ вонъ изъ люльки, послѣдняя не оставляется пустою: въ нее непремѣнно нужно положить вѣникъ ели или еще лучше сапоги матери. А оставь ка такъ люльку; не замѣтишь вѣдь,какъ нечистый раһа устроитъ какую ни есть пакость: заберется въ люльку самъ или подложитъ въ нее свое паршивое дитя. („Отчетъ“, стр. 27). Быть можетъ по той же причинѣ, вслѣдствіе утраты яснаго понимания, берутъ грязное бѣлье, которое ближе подъ рукой, т. е. бѣлье матери,—у закавказскихъ мусульманъ: „какъ только ребенокъ родится, его обсыпаютъ съ ногъ до головы солью и, завернувъ въ старую женскую юбку, сказать вѣрнѣе—шаровары, кладутъ недалеко отъ роженицы“. (Кавказъ. 1879, № 42. Прямого указанія, что это дѣлается въ силу суевѣрія, а не по неряшливости,—нѣтъ). —Въ Курской губ. и во многихъ мѣстахъ Малороссіи поступаютъ, смотря по полу младенца: если новорожденный—мальчикъ, его завертываютъ въ рубаху отца; если дѣвочка—въ рубаху матери. Тѣмъ не менѣе проф. Сумцовъ считаетъ *основнымъ* „распространенный у славянъ обычай обворачивать новорожденнаго въ *отцовскую* сорочку“, а отклоненія считаетъ за „обрядъ, очевидно, распространенный съ потерей народомъ пониманія его значенія и смысла“. Сюда же онъ относитъ германское обыкновеніе одѣвать ребенка впервые въ старое платье, „чтобы не рвалъ много платья“ впослѣдствіи,—обыкновеніе, „вѣроятно, выродившееся изъ древняго, болѣе

таѣ: [1]) когда у китайца родится ребенокъ, въ комнатѣ вывѣшивается, „вывороченнымъ на изнанку", нижнее платье отца: „чтобы злые духи вошли въ платье, а не въ ребенка" [2]). Въ данномъ случаѣ сохранилось ясное представленіе о томъ врагѣ, противъ котораго направлено средство; забытъ лишь техническій смыслъ этого средства.

Съ точки зрѣнія изложеннаго, какъ личное участіе мужа, такъ и употребленіе вещей его (или вообще мужчины), основаны, вѣроятно, на недоступности мужчины для той категоріи духовъ, которые угрожаютъ спеціально роженицѣ и новорожденному.

Вліяніе силы „мужского" не ограничено обстоятельствами родинъ, распространяясь и на другую сферу половой жизни женщины. Такъ, „въ Пинскомъ уѣздѣ нѣкоторыя женщины, въ началѣ регулъ, подмываютъ свои половыя части 2--3 ложками воды; при этомъ выбирается непремѣнно та *ложка, которою ѣстъ мужчина*; вѣрятъ, что, при соблюденіи этого обряда, регулы не будутъ тянуться долѣе 2—3 дней" [3]).

Не трудно видѣть логическія послѣдствія такого рода воззрѣній. Съ одной стороны, сверхнормальныя, полубожескія свойства. мужчины отца, съ другой стороны, смиренное сознаніе самой женщины, что она дѣйствительно „сосудъ скверны", „сосудъ любезный дьяволу", источникъ опасности для всѣхъ и каждаго: она и сама не сомнѣвается, что образа не потерпятъ ея присутствія въ церкви; она и сама сторонится отъ другихъ женщинъ, когда приходитъ ихъ пора опасности... Если бы я привелъ, какъ иллю-

полнаго и содержательнаго, аналогичнаго съ славянскимъ обрядомъ. (Ж. М. Н. П., 1880, XI, стр. 88).—Сходное обыкновеніе сохранилось у караногайцевъ и мотивируется *нечистотою* ребенка: „первые два дня, пока религіозное омовеніе не произведено, ребенокъ считается нечистымъ, и потому обворачивается въ первыя попавшіяся тряпки, какъ бы онѣ грязны ни были", и только потомъ... „смотря по средствамъ, въ рубаху или въ приготовленныя чистыя тряпки". (Ставропольск. Губ. Вѣд., 1879, № 12). Такъ же поступаютъ въ Череповецкомъ уѣздѣ, Новгород. губ.: ребенка, который „до крещенія считается какъ бы поганымъ", завертываютъ въ грязныя, „заскорузлыя" тряпки; принимаютъ новорожденнаго также въ грязное бѣлье, на грязную отцову рубаху и въ грязный ручникъ (полотенце), которымъ сообща пользуются всѣ члены семьи и посторонніе; но дѣлается это: первое—„чтобы отецъ любилъ ребенка", а второе—„чтобы всѣ любили дитя". (Демичъ. Педіатрія у р. н., стр. 19).—Объясненіе, данное проф. Сумцовымъ уклоненіямъ отъ типичнаго обычая, вполнѣ согласно съ тѣмъ фактомъ, что основа обычая дѣйствительно забыта. Стоитъ только просмотрѣть, чѣмъ онъ не объясняется: желаніемъ спасти жизнь ребенка, братья и сестры котораго умирали; желаніемъ, чтобы онъ былъ покоенъ; желаніемъ, чтобы онъ любилъ отца; наоборотъ, чтобы его любилъ отецъ; грязь нужна чтобы „любовь отца не смылась" и т. д.

[1]) Тэйлоръ. Первобытная культура, т. II, стр. 212, изд. 1873 г.

[2]) Съ этой точки зрѣнія нельзя объяснить параллельныхъ случаевъ, когда бѣльемъ отца *обертывается* ребенокъ, или когда отецъ *самъ* принимаетъ участіе, ради облегченія страданій жены.

[3]) Сицинскій. Акушер. помощь въ Минской губ., стр. 44.

страцію народнаго презрѣнія къ женщинѣ, пословицу: „курица не птица, баба не человѣкъ", это звучало бы неумѣстной шуткой, а, между тѣмъ, отцы Масонскаго собора (585 г.) совершенно серьезно дебатировали на эту тему, посвятивъ нѣсколько засѣданій вопросу: „обладаетъ ли женщина разумомъ, и должна ли она быть причислена къ человѣческимъ созданіямъ?" [1]). Дагестанская пословица такъ формулируетъ разницу между мужчиной и женщиной: „Существуетъ одинъ Богъ въ мірѣ, а второй Богъ — мужъ для жены [2]). Почти такъ же думали наши предки въ XVI и XVII столѣтіяхъ. „Имѣй, чадо,—поучалъ отецъ сына,—отца своего, аки Бога, матерь свою, аки самъ себе". Съ женщиной считалось предосудительнымъ вести разговоръ; съ нею связывало одно животное влеченіе [3]). Олонецкій мужикъ и понынѣ опредѣляетъ женщину, какъ „поганое мясо", которое не стоитъ сожалѣнія... [4]) „На женщину мужчина смотритъ, какъ на рабочій скотъ",—это о лезгинскомъ народцѣ [5]); а индійскій браминъ говоритъ, что женщины „имѣютъ, правда, большее значеніе, нежели мебель, но меньшее, чѣмъ собака..." [6]). Вотъ общій уголъ зрѣнія на женщину; вотъ общая оцѣнка ея значенія въ семьѣ и обществѣ. Гдѣ же причина? Въ экономическихъ условіяхъ? въ экономическомъ значеніи женщины? Но вотъ изслѣдовательница, которая, говоря объ архангельскихъ лопаряхъ и самоѣдахъ, подчеркиваетъ рѣзкіе контрасты именно съ этой точки зрѣнія: „*несмотря на важное экономическое значеніе* женщины въ семьѣ лопарей, женщина не пользуется большимъ уваженіемъ"; „*несмотря на важность женщины въ семьѣ* самоѣдовъ, женщина не пользуется никакимъ уваженіемъ мужчины. Она считается существомъ низшимъ, даже нечистымъ..." [7]). М. Ковалевскій, говоря объ уничиженіи женщины у пшавовъ, не находитъ ему „другого объясненія, кромѣ того, что періоду агнатическаго рода предшествовало господство рода материнскаго или когнатическаго". Только это, думаетъ онъ, можетъ объяснить, почему „въ воззрѣніяхъ мужчинъ на женщинъ проглядываютъ какъ бы слѣды недавней еще вражды и того пре-

---

[1]) Icard. Женщина въ періодѣ менструаціи, стр. 42, примѣч.

[2]) Ковалевскій. Законъ и обычай на Кавказѣ, т. II, стр. 194.

[3]) Костомаровъ. Очеркъ домаш. жизни и нравовъ великорусск. народа въ XVI и XVII столѣтіяхъ, стр. 103 и 107.

[4]) Поляковъ. Этногр. наблюд. во время поѣздки на Юго-Вост. Олонецк. губ. (Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ., по отд. Этногр., т. III, стр. 499).

[5]) Н. Львовъ. Домашняя и семейная жизнь дагестанскихъ горцевъ Аварскаго племени, стр. 31 и 11. (Сборникъ свѣдѣній о кавказ. горцахъ, вып. III).

[6]) Русскія Вѣдомости, 1895, № 37. „Пандита Рамабаи—защитница индійскихъ вдовъ". (Это было сказано ей въ лицо).

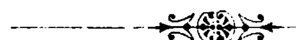
[7]) А. Я. Ефименко. Юрид. обычаи лопарей, кореловъ и самоѣдовъ Архангельск. губ. (Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ. по отд. Этногр., т. VIII, отд. 2, стр. 28 и 185).

зрительнаго отношенія, какое побѣдителю внушаетъ побѣжденный имъ противникъ". Ибо „въ прямомъ противорѣчіи съ уничиженнымъ положеніемъ женщинъ стоитъ предоставленная ей степень свободы, какъ имущественная, такъ и личная" [1]).

Не будетъ ошибкою принять, что въ тяжелыхъ судьбахъ женщины рѣшающую роль сыграли воззрѣнія, составляющія предметъ этого схематическаго изслѣдованія, независимо отъ другихъ причинъ. На что можетъ и могла женщина разсчитывать, являясь источникомъ всеобщей опасности и даже гибели?

Съ этой точки зрѣнія, женскій вопросъ, несомнѣнно, коренной вопросъ человѣческой культуры.

А. Рѣдько.

[1]) М. Ковалевскій. Тамъ же, т. II, стр. 97.

Пушкинъ, какъ поэтъ-этнографъ. [1]

Сегодня вечеромъ мы въ полномъ смыслѣ наканунѣ чествованія столѣтней годовщины рожденія нашего великаго національнаго поэта. Завтра и въ столицахъ, и во множествѣ городовъ Россіи раздадутся рѣчи, посвященныя его памяти. Въ культѣ Пушкина объединятся всѣ сословія, всѣ общественныя направленія и симпатіи. Въ теченіе слишкомъ шестидесятилѣтія, отдѣляющаго насъ отъ года смерти поэта, съ каждымъ поколѣніемъ все глубже и многостороннѣе сознавались результаты его творческой дѣятельности и развивалось все шире и свободнѣе то національное теченіе нашей литературы, которое было имъ направлено и уже въ наше время создало ей міровое значеніе. Не здѣсь, не съ этой каѳедры умѣстно говорить о значеніи Пушкина, какъ художника слова. Оцѣнка его вошла въ всеобщее сознаніе, дѣлается ежегодно въ школахъ на урокахъ русской словесности, разносится всюду по Россіи во многихъ тысячахъ книгъ. Какъ предсѣдатель Этнографическаго Отдѣла, я долженъ говорить о Пушкинѣ только по отношенію къ научнымъ задачамъ русской этнографіи, долженъ оправдать заглавіе—Пушкинъ, какъ поэтъ-этнографъ,— данное мною моему сообщенію. Но вѣдь, въ извѣстной степени, всякій писатель-беллетристъ нашего времени, рисующій картины жизни и понятій своихъ современниковъ, отдѣльныхъ личностей своего народа, при правдивости изображенія, можетъ быть названъ „народописателемъ“, можетъ давать матеріалъ для этнографа, изучающаго духовную жизнь народа. Спѣшу оговориться, что, называя Пушкина этнографомъ, я имѣю въ виду не это слишкомъ широкое значеніе этого имени. Я называю поэта этнографомъ въ

---

[1]) Читано въ публичномъ засѣданіи Этнографическаго Отдѣла И. О. Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи 25 мая 1899 года.

болѣе узкомъ, спеціальномъ смыслѣ. Я имѣю задачей оцѣнить значеніе Пушкина, какъ поэта любителя и знатока духовнаго творчества русскаго простонародья, цѣнителя родного языка, собирателя народныхъ пѣсенъ и сказокъ, и уяснить его заслуги передъ русской этнографіей. Суживая такимъ образомъ мою задачу, какъ спеціальнаго изслѣдованія, я съ другой стороны долженъ расширить ее ради исторической справедливости. Я долженъ уяснить, какими путями дошелъ Пушкинъ до пониманія духа народности, выразившагося въ его геніальномъ воспроизведеніи народныхъ мотивовъ, что̀ содѣйствовало ему и съ какими препятствіями и въ собственномъ воспитаніи, и во взглядахъ его современниковъ ему приходилось считаться. Такимъ образомъ ради исторической перспективы, которая необходима для научной оцѣнки дѣятельности каждаго выдающагося лица, какъ сына своего времени, мнѣ придется напомнить и нѣкоторые моменты жизни Пушкина и коснуться нѣкоторыхъ изъ его предшественниковъ и современниковъ.

Отдѣленные почти столѣтіемъ отъ дѣтскихъ годовъ Пушкина мы въ настоящее время съ трудомъ можемъ представить себѣ весь объемъ вліянія французскаго воспитанія, языка и литературы, сказывавшагося въ русскомъ дворянствѣ того времени. Сѣмена, брошенныя на русскую культурную почву въ половинѣ XVIII-го вѣка, дали въ началѣ слѣдующаго обильные плоды. Старшее поколѣніе русскихъ дворянъ временъ Екатерины II-й еще не всегда владѣло французскимъ языкомъ, но чувствовало уже обязательность французскаго образованія для своихъ преемниковъ. Юноша москвичъ Денисъ фонъ-Визинъ, съѣздивъ въ Петербургъ, побывавъ на куртагахъ и въ театрѣ, вернулся домой съ твердымъ убѣжденіемъ въ необходимости овладѣть французскимъ языкомъ, безъ котораго трудно было дворянину считаться образованнымъ человѣкомъ. Даже въ глухой провинціи родители того времени всячески старались добыть изъ Москвы или Петербурга француза для обученія подростающаго поколѣнія. Вспомнимъ, что молодой Гриневъ („Капитанская дочка"), воспитанный вполнѣ патріархально, все же обучился у своего пьяненькаго гувернера съ грѣхомъ пополамъ болтать по-французски. Новыя поколѣнія русскихъ дворянъ, родившіяся въ концѣ вѣка, поставлены были уже въ болѣе благопріятныя условія для пріобрѣтенія образованія или, что̀ въ

то время съ нимъ вполнѣ отождествлялось, французскаго воспитанія. Потокъ французской эмиграціи, хлынувшій въ Россію вслѣдствіе революціи, вводшій въ наше дворянское общество множество образованныхъ представителей французскаго дворянства, вытѣснилъ прежнее поколѣніе французскихъ гувернеровъ—нерѣдко парикмахеровъ и лакеевъ,—по крайней мѣрѣ изъ домовъ богатаго русскаго барства, изъ столицъ, въ глубь провинціи. Въ столицахъ и нѣкоторыхъ большихъ городахъ возникло немало французскихъ частныхъ пансіоновъ, столь полюбившихся русскимъ дворянамъ. Появились образованные учителя и воспитатели, проникнутые нерѣдко идеями Вольтера, Руссо, энциклопедистовъ. Библіотеки помѣщичьихъ домовъ были обильно снабжены великими французскими писателями XVIII и XVII вѣка. Русскіе баре соперничали въ изяществѣ манеръ и вкуса съ французскими гостями—маркизами и графами—и заговорили тѣмъ вылощеннымъ французскимъ языкомъ, нѣсколько архаическимъ, но изящнымъ, который поражаетъ насъ теперь при чтеніи мемуаровъ и писемъ конца XVIII и первой четверти XIX столѣтія. Напрасны были вылазки сатиры XVIII вѣка противъ галломаніи: наша скудная силами литература, сама копировавшая французскіе образцы, не могла соперничать съ идейнымъ богатствомъ и изяществомъ формы французской литературы, широко разлившейся всюду внѣ предѣловъ Франціи, и плохія копіи, изготовляемыя домашними Корнелями и Расинами, не соблазняли даже самыхъ патріотически настроенныхъ русскихъ дворянъ, усвоившихъ съ дѣтства въ подлинникѣ французскихъ писателей.

Не могли ослабить послѣдствій вполнѣ укоренившагося французскаго вліянія и грозныя политическія событія начала XIX вѣка. Отказываясь отъ французскихъ товаровъ, надѣвая русскіе сарафаны и кокошники, дамы-патріотки высшаго круга изливали свое негодованіе противъ коварныхъ французовъ по-французски, плохо владѣя роднымъ языкомъ. Архипатріотъ Сергѣй Глинка, основавшій въ 1808 году „Русскій Вѣстникъ“ для прославленія Россіи и Россіянъ и для противопоставленія „національныхъ доблестей и привязанности къ святой старинѣ тлетворному духу западной Европы, порожденному философами XVIII вѣка“ [1]),

[1]) См. Русскій Вѣстникъ 1808 г. № 1, стр. 6

Глинка, этотъ трибунъ, дѣйствовавшій съ такимъ энтузіазмомъ на московскихъ обывателей въ 1812 году (конечно съ разрѣшенія правительства), при всей своей ненависти противъ французовъ, говорилъ, по свидѣтельству Михаила Дмитріева, по-французски охотно и нерѣдко и на столько владѣлъ этимъ языкомъ, что перевелъ на него первые томы „Писемъ русскаго офицера" младшаго своего брата Ѳ. Н. Глинки [1]). Другой не менѣе славный патріотическій дѣятель, адмиралъ Шишковъ, громившій иностранное воспитаніе, тлетворное вліяніе французовъ и противопоставлявшій карамзинскому слогу красоты славянороссійскаго, самъ, благодаря французскому воспитанію, плохо зналъ русскій синтаксисъ и дѣлалъ нерѣдко галлицизмы, а супруга его положительно страдала въ обществѣ, не владѣя въ совершенствѣ французскимъ языкомъ. Капнистъ, умѣвшій въ своей комедіи „Ябеда" овладѣть языкомъ приказныхъ, вставившій въ нее нѣсколько удачныхъ куплетовъ въ русскомъ духѣ, ставшихъ популярными въ свое время, также свободно владѣлъ французскимъ стилемъ и написалъ первою свое произведеніе „Оду на миръ Кайнарджинскій" на французскомъ языкѣ [2]). Растопчинъ, поддѣлывавшійся въ своихъ пресловутыхъ афишахъ и въ разсужденіяхъ патріота Силы Богатырева подъ народный складъ рѣчи, гораздо складнѣе и свободнѣе владѣлъ французскимъ стилемъ, какъ доказываютъ его заграничные мемуары. Тотъ же патріотъ высоко цѣнилъ іезуитскіе пансіоны, процвѣтавшіе въ Петербургѣ до изгнанія іезуитовъ, и сходится въ этой оцѣнкѣ іезуитовъ, какъ воспитателей, съ Батюшковымъ, который восторгается лицеемъ Николя, перебравшагося въ Одессу, скорбитъ, что аббатъ имѣетъ враговъ, и утверждаетъ „по внутренному убѣжденію", что іезуитскому лицею надобно пожелать здравія и долгоденствія для пользы и славы Россіи!" [3]) Эти примѣры достаточно говорятъ о полномъ расцвѣтѣ французскаго вліянія въ русскомъ дворянствѣ къ началу XIX столѣтія, къ годамъ воспитанія бу-

---

[1]) Мелочи изъ запаса моей памяти, стр. 67 и 68.

[2]) Ode à l'occasion de la paix conclue entre la Russie et la Porte ottomane à Kaynardgi le 10 juillet, anno 1774. См. первую строфу у М. Дмитріева — Мелочи изъ запаса моей памяти, стр. 21.

[3]) См. А. Пыпина—Истор. Очерки. Характеристика литератур. мнѣній отъ 20-хъ до 50-хъ годовъ. С.-П.-Б. 1873, стр. 123.

дущаго національнаго поэта. Дворянская семья, въ которой онъ росъ, небогатая, но родовитая, не только вполнѣ подходила подъ общее правило въ культѣ французскаго языка и литературы, но, по своимъ литературнымъ наклонностямъ, шла впереди другихъ московскихъ офранцуженныхъ семей. Отецъ поэта, Сергѣй Львовичъ, „маркизъ“ по манерамъ, владѣлъ въ совершенствѣ французскимъ языкомъ, славился въ обществѣ, какъ устроитель petits jeux и каламбуристъ, мастерски читалъ дѣтямъ по вечерамъ французскихъ классиковъ, особенно Мольера [1]) и бойко писалъ стихи, особенно французскіе [2]). Мать поэта, Надежда Осиповна, „la belle créole“, какъ ее называли въ обществѣ, по своему знанію французской литературы и свѣтскости совершенно сходилась съ мужемъ. По свидѣтельству ея внука Л. Павлищева, въ ея письмахъ къ дочери замѣчается безукоризненный стиль какой-нибудь Севинье [3]). Дядя поэта, Василій Львовичъ, авторъ „Опаснаго сосѣда“, зналъ нѣсколько иностранныхъ языковъ, но въ совершенствѣ владѣлъ французскимъ стилемъ и стихомъ, особенно славясь искусствомъ въ подборѣ bouts-rimés. Обычными гостями Пушкиныхъ въ Москвѣ были французскіе эмигранты въ родѣ графа Ксавье де-Местра извѣстнаго въ свое время автора „Voyage autour de ma chambre“, графа Бурдибура, Кашара, виконта Сентъ-Обена, находившіе въ русской дворянской семьѣ радушный пріемъ и безукоризненный французскій языкъ. Въ числѣ эмигрантовъ блистала остроумной бесѣдой талантливая піанистка Першеронъ де-Муши, вышедшая впослѣдствіи замужъ за знаменитаго Фильда [4]). Въ воспитаніи дѣтей—Александра, Льва и Ольги,—довольно безалаберномъ, чередовались французскіе гувернеры—Русло, Шедель, эмигрантъ графъ Монфоръ. Живопись преподавалъ сестрѣ поэта графъ Ксаверій де-Местръ. Вообще всѣ предметы, кромѣ русскаго и Закона Божія, преподавались по-французски. Но любопытно, что и законоучитель молодыхъ Пушкиныхъ, священникъ Маріинскаго Института, Александръ Бѣликовъ, обладалъ въ совершенствѣ знаніемъ французскаго языка и, по

[1]) Л. Павлищевъ. Воспоминанія объ А. С. Пушкинѣ, стр. 18.

[2]) См. его французскую стихотворную эпитафію на смерть собаки Руслана. Павлищевъ, стр. 135.

[3]) Павлищевъ, стр. 8.

[4]) Павлищевъ, стр. 17.

свидѣтельству Павлищева, въ гостинной Пушкиныхъ бесѣдовалъ съ французскими эмигрантами на ихъ же языкѣ, весьма ловко, при возникавшихъ преніяхъ, поражая ихъ собственнымъ оружіемъ—колкой насмѣшкой [1]). Обязательно говоря съ родителями и между собою по-французски, молодые Пушкины слышали русскую рѣчь только отъ прислуги и отъ старухи бабушки Марьи Алексѣевны Ганнибалъ, которая обучала внуковъ русской грамотѣ, какъ единственная въ семьѣ представительница старшаго еще не офранцуженнаго поколѣнія русскихъ дворянъ. Понятно, что, при такихъ условіяхъ, развившаяся въ будущемъ поэтѣ къ 9 годамъ страсть къ чтенію должна была найти себѣ обильную пищу во французской библіотекѣ отца, снабженной и классиками XVII вѣка, и Вольтеромъ съ энциклопедистами. По свидѣтельству біографа, „онъ проводилъ безсонныя ночи, тайкомъ забирался въ кабинетъ отца и безъ разбора пожиралъ всѣ книги, попадавшіяся ему подъ руку. Вотъ почему замѣчаніе Льва Сергѣевича, что на 11-мъ году, при необычайной памяти своей, Пушкинъ уже зналъ наизусть—всю французскую литературу, можетъ быть, по мнѣнію Анненкова, принято съ нѣкоторымъ ограниченіемъ“ [2]). Естественно, что на подражаніи французскимъ образцамъ должны были возникнуть въ даровитомъ мальчикѣ первыя попытки къ стихотворству. А возникнуть онѣ должны были, даже при меньшей даровитости, уже въ силу простой подражательности, благодаря тому, что самый воздухъ въ семьѣ Пушкиныхъ былъ, если можно такъ выразиться, пропитанъ стихотворствомъ и литературными интересами. Дядя литераторъ, съ нѣкоторою извѣстностью въ обществѣ, отецъ стихотворецъ при случаѣ для домашняго обихода, гости эмигранты съ литературными наклонностями, знакомство съ заслуженными русскими литераторами—Карамзинымъ, Жуковскимъ, А. И. Тургеневымъ—все это неудержимо влекло къ литературѣ и младшее поколѣніе Пушкиныхъ. По свидѣтельству Л. Павлищева, въ домѣ Пушкиныхъ „благоденствовала и процвѣтала поэзія, а благоденствовала и процвѣтала она до такой степени, что и въ передней Пушкиныхъ поклонялись музѣ доморощенные стихотворцы и многочисленная дворня обоего пола, знаменитый пред-

---

1) Тамъ же, стр. 13.

2) А. С. Пушкинъ. Матеріалы для его біографіи С.-П.-Б., стр. 12.

ставитель которой, Никита Тимоѳеевичъ, поклонявшійся одновременно и древнему богу Вакху,—на общемъ основаніи,—состряпалъ нѣчто въ родѣ баллады, передѣланной имъ изъ сказокъ, о „Соловьѣ разбойникѣ, богатырѣ широкогрудомъ Ерусланѣ Лазаревичѣ и златокудрой царевнѣ Миликтрисѣ Кирбитьевнѣ“ [1]). При маломъ знакомствѣ съ языкомъ русской поэзіи стихотворныя шалости 11-тилѣтняго Пушкина должны были вылиться на языкѣ его любимыхъ авторовъ Вольтера и Мольера. Его стихотворная шутка, изображающая битву между карлами и карлицами—La Tolyade—была задумана въ подражаніе Генріадѣ. Подъ впечатлѣніемъ Мольера поэтъ-мальчикъ состряпалъ комедію-шутку l' Escamoteur (Похититель), сильно не понравившуюся сестрѣ Ольгѣ, изображавшей публику въ единственномъ числѣ и освиставшей произведеніе брата, который въ извѣстномъ четверостишіи скромно сознается, что его „Похититель“ освистанъ справедливо, потому что „le pauvre auteur l'escamota de Molière“. Какъ характерны для уясненія среды, въ которой росъ Пушкинъ, эти литературныя французскія упражненія 11-лѣтняго автора и 13-лѣтняго критика! Строгій критикъ также наслѣдовалъ фамильную наклонность. Ольга Сергѣевна не менѣе брата любила литературу, писала русскіе и особенно французскіе стихи (см. ея стихотворенія въ Воспоминаніяхъ Павлищева „Sur un Songe, A la Nuit, Sur la Cigale и друг.), вела на французскомъ языкѣ свои записки („Mes souvenirs“) и наполняла свой альбомъ избранными французскими и русскими стихами.

Можно почти навѣрно предполагать, что мальчикъ Пушкинъ покушался еще дома, до поступленія въ лицей, на русскіе стихи, но, къ сожалѣнію, мы не можемъ судить объ этихъ первыхъ попыткахъ его овладѣть русскимъ стихомъ, который, конечно, давался ему въ то время гораздо труднѣе, чѣмъ французскій.

Когда наступило время подумать объ общественной школѣ для мальчика, мысли родителей, что̀ очень характерно для того времени и для семейныхъ симпатій, останавливаются на іезуитскомъ коллегіумѣ въ Петербургѣ, и предпринимается спеціальная поѣздка въ столицу для переговоровъ съ директорами заведенія. Только счастливая случайность и содѣйствіе друга дома А. И. Тургенева

[1]) Тамъ же, стр. 7.

отклонили продолженіе французскаго образованія, предстоявшее будущему поэту въ іезуитской школѣ. Пушкинъ вступилъ въ Царскосельскій, аристократическій лицей, который долженъ былъ приготовлять молодыхъ людей для высшихъ ступеней государственной службы, развивая въ нихъ патріотизмъ и давая имъ наилучшее нравственное воспитаніе и умственное образованіе. Лучшія педагогическія силы столицы были привлечены въ это привилегированное заведеніе. Мы не будемъ останавливаться на вопросѣ, насколько оправдались ожиданія, возлагавшіяся на новое учрежденіе, насколько теорія, какъ часто бываетъ, разошлась съ практикой, на какомъ уровнѣ стояло преподаваніе учебныхъ предметовъ. Все это хорошо извѣстно по запискамъ современниковъ Пушкина. Не менѣе извѣстно и то, что при однихъ и тѣхъ же условіяхъ каждый ученикъ извлекаетъ изъ общаго преподаванія и воспитанья лишь то, что соотвѣтствуетъ его духовному складу, способностямъ и характеру. Для насъ важно только узнать, насколько почва, на которую вступилъ Пушкинъ въ Лицеѣ, была благопріятна для развитія его литературныхъ наклонностей. На этотъ вопросъ біографы Пушкина давно отвѣтили утвердительно. Отмѣчено было справедливо, что въ новое учебное заведеніе, повидимому, перешла традиція Московскаго благороднаго пансіона, игравшаго долго роль литературнаго питомника для нашего общества. Отрокъ Пушкинъ попалъ въ кружокъ сверстниковъ, мальчиковъ изъ образованныхъ дворянскихъ семействъ, съ хорошимъ знаніемъ французскаго языка и съ интересами къ литературѣ. Писаніе стиховъ составляло какъ бы дѣло спорта: Дельвигъ, Илличевскій, Кюхельбекеръ соперничали въ этомъ поэтическомъ упражненіи съ Пушкинымъ, и въ кружкѣ товарищей Илличевскій, повидимому, раньше Пушкина овладѣвшій русскимъ стихосложеніемъ, въ первое время имѣлъ надъ нимъ перевѣсъ. Первый на русскомъ языкѣ опытъ Пушкина (1812 г.) пѣсня къ Деліи („О, Делія драгая") была дописана Илличевскимъ, такъ какъ авторъ, сложивъ первую строфу, не могъ сладить съ двумя остальными. Отъ того же года дошли до насъ еще два совершенно слабыя стихотворенія эротическаго содержанія, затѣмъ послѣ перерыва на цѣлый годъ (конечно отсутствіе стихотвореній объясняется только тѣмъ, что они случайно не сохранились) въ 1814 году мы находимъ уже 26 піесъ, въ 1815-мъ—столько же, въ 1816—50,

въ 1817—до 20, написанныхъ въ стѣнахъ Лицея. Но немного даютъ эти стихотворенія матеріала для наблюденія идейнаго развитія молодого поэта. При его необыкновенныхъ способностяхъ, при поэтической чуткости къ изяществу формы онъ быстро овладѣваетъ техникой стиха, здѣсь и тамъ блеснетъ удачнымъ эпитетомъ, нарисуетъ красивую картинку природы, сильнымъ и остроумнымъ штрихомъ окончитъ эпиграмму, но конечно поетъ еще съ чужого голоса. Даже въ преобладающихъ по числу эротическихъ стихотвореніяхъ рано развившаяся чувственность юноши облекается либо въ условныя формы псевдоклассическихъ идиллій, либо переходитъ въ приторность сентиментализма. Замѣчательно, съ какимъ упорствомъ поэтъ возвращается къ однимъ и тѣмъ же темамъ, съ какимъ постоянствомъ онъ копируетъ эротическія вещицы Вольтера, Парни, даже старичка Моро. Мелькающія въ его лицейскихъ произведеніяхъ имена французскихъ поэтовъ— Лафора, Шолiё, Грессе, Жильбера и др. ярко свидѣтельствуютъ о томъ, что и въ Лицеѣ они составляли его любимое чтеніе. Недаромъ товарищи прозвали Пушкина *французомъ*, что особенно сердило его въ періодъ патріотическаго возбужденія, вызваннаго событіями 12-го года. Но безмолвствовала и французская муза Пушкина: упражняясь въ подражаніяхъ французамъ на русскомъ языкѣ, онъ время отъ времени возвращается къ своему первому стихотворному языку. Таковы изящные Stances (1814 г.), посвященные княгинѣ Е. М. Горчаковой, Mon portrait (1814) и остроумные куплеты на заданную тему: jusqu'au plaisir de nous revoir.

„По единогласному свидѣтельству товарищей Пушкина, говоритъ Анненковъ [1]), вмѣстѣ съ французскою и отечественною словесностью, онъ преимущественно занимался исторіей, и между этими предметами дѣлилъ все свое время и всѣ свои чтенія". Однако слѣдовъ этого историческаго интереса, кромѣ нѣкоторыхъ отголосковъ классическаго міра, мы не находимъ въ бѣдныхъ содержаніемъ эротическихъ стихотвореніемъ съ Піэридами, Харитами, пещерами Геликона, струями Иппокрены и прочими пріемами поэзіи XVIII-го вѣка. Не отразилось въ нихъ и вліяніе лекцій просвѣщеннаго профессора политическихъ наукъ, Куницына, развивавшаго лицеистовъ

[1]) Стр. 16.

въ духѣ первыхъ годовъ царствованія Александра. Среди піесокъ, посвященныхъ культу Вакха и Киприды, очень скромное мѣсто занимаютъ два три патріотическія стихотворенія, какъ юношескій откликъ на современныя событія. Но отъ этихъ торжественныхъ стиховъ, изготовленныхъ какъ бы по заказу къ экзаменамъ (напр „Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ“), вѣетъ холодомъ и стилемъ Державина, кстати и присутствовавшаго при чтеніи одного изъ нихъ на актѣ. Юноша поэтъ чувствуетъ себя какъ бы скованнымъ обязательными для произведеній высокаго стиля пріемами, и если они представляютъ для изслѣдователей развитія Пушкина какой-либо интересъ, то только какъ доказательство замѣчательной его способности къ усвоенію характера чужой и чуждой ему музы. Извѣстно, напримѣръ, съ какою легкостью выручилъ онъ Ю. А. Нелединскаго-Мелецкаго, получившаго порученіе отъ императрицы Маріи Ѳедоровны написать стихи въ честь принца Оранскаго (впослѣдствіи короля Нидерландскаго Вильгельма II-го), сочетавшагося бракомъ съ в. княгиней Анной Павловной въ Петербургѣ въ февралѣ 1816 г. Престарѣлый поэтъ, не надѣясь на свои силы, поѣхалъ въ Лицей, передалъ это порученіе Пушкину, а черезъ часъ или два уѣхалъ изъ Лицея уже со стихами. Въ очень многихъ лицейскихъ стихотвореніяхъ юный поэтъ искусно настраиваетъ свою лиру въ тонъ Батюшкова, въ нѣкоторыхъ звучатъ отголоски меланхолическаго отвлеченнаго стиля Жуковскаго. Словомъ, просматривая всѣ эти юношескіе опыты, мы видимъ какъ добросовѣстно Пушкинъ изучалъ свои образцы, какъ онъ работалъ надъ стихомъ, хотя въ посланіи Аристарху (Кошанскому) и завѣряетъ, что его стихи „плоды веселаго досуга“ не доставляютъ ему труда:

Не думай, цензоръ мой угрюмой,
Что я бѣснуюсь по ночамъ,
Объятый стихотворной думой;
Что лѣнью жертвуя стихамъ,
Что засвѣтивъ свою лампаду,
Едва дыша, нахмуря взоръ,
За вѣрный столъ, кряхтя, засяду,
Сижу, сижу три ночи сряду
И высижу трехстопный вздоръ...

Подводя итоги тому, что Пушкинъ вынесъ изъ стѣнъ Лицея, нельзя не сознаться, что багажъ его научныхъ свѣдѣній и знанія русскаго языка былъ довольно скроменъ. Положеніе начинающаго поэта въ петербургскомъ высшемъ литературномъ кружкѣ было блестящее: 16-лѣтній юноша, спрятанный въ стѣнахъ Лицея и подававшій оттуда свой звонкій голосъ прекрасными стихами, былъ принятъ какъ товарищъ въ кружокъ „Арзамаса", подъ именемъ Сверчка. Стихотворенія его печатались въ журналахъ, читались па актахъ Лицея, распѣвались, положенныя на музыку лицейскими товарищами. Высочайшій литературный авторитетъ, Карамзинъ, цѣнилъ его дарованія, благодушный Жуковскій уже готовъ былъ признать себя учителемъ, побѣжденнымъ ученикомъ; Батюшковъ уже видѣлъ въ немъ соперника. А между тѣмъ, по профессорской оцѣнкѣ, его успѣхи даже въ русскомъ языкѣ были не блестящіе и, нужно сознаться, что изъ Лицея онъ не вынесъ даже твердой орѳографіи [1]) и вполнѣ правильнаго прозаическаго русскаго стиля. Мы увидимъ далѣе, какъ много поэту приходилось работать надъ своимъ прозаическимъ языкомъ и вдумываться въ строй русскаго синтаксиса. Въ своихъ запискахъ онъ искренно сознаетъ, что прозой пишетъ гораздо неправильнѣе, чѣмъ стихами, а говоритъ еще хуже. Не отрицаетъ, что грамматическія ошибки встрѣчаются, хотя рѣже, въ его стихахъ и что онъ былъ искренно благодаренъ критикамъ, если они ему ихъ указывали [2]). Понятія о народности, сложившіяся у будущаго національнаго поэта въ періодъ его школьнаго ученія, были не выше, чѣмъ у корифеевъ русской поэзіи того времени Батюшкова и Жуковскаго. Да и трудно было ожидать въ этомъ отношеніи бóльшаго отъ юноши, вполнѣ сроднившагося съ условными образами любимой имъ французской поэзіи и не находившаго болѣе правильнаго чутья народности въ своихъ русскихъ поэтахъ-руководителяхъ. Въ дальнѣйшемъ мы попытается прослѣдить за Пушкинымъ въ двухъ направленіяхъ, чтобы уяснить себѣ, какимъ путемъ этотъ русскій французъ могъ дойти до геніальнаго воспроизведенія чисто народнаго языка и склада, напр.,

---

[1]) См. грубыя орѳографическія ошибки въ его письмахъ: нъжели, вапъчатано и др. (Бартеневъ Пушкинъ въ южн. Россіи стр. 138, 142); двенадцать, мъчты въ автографѣ стихотворенія „Я помню чудное мгновенье", чемъ я хуже въ автографѣ письма къ А. И Тургеневу. Истор. Вѣстн. май 99 г.).

[2]) Изд. Морозова V, стр. 135.

въ его сказкахъ. Мы прослѣдимъ сначала его занятія русскимъ языкомъ, затѣмъ возрастаніе интереса къ чисто народному элементу и послѣдовательные успѣхи въ его пониманіи и поэтическомъ воспроизведеніи.

Двухлѣтнее пребываніе Пушкина въ Петербургѣ частью въ великосвѣтскихъ салонахъ, частью въ кругу лицейскихъ товарищей, пустая и разсѣянная жизнь, блестящіе успѣхи въ литературныхъ кругахъ, политическія мечтанія въ средѣ будущихъ декабристовъ— все это слишкомъ отвлекало поэта отъ серіознаго труда, отъ вдумчивости въ вопросы чисто русскаго языка, который въ Петербургскомъ обществѣ ему мало удавалось и слышать. Всюду слышалась та изящная французкая рѣчь, которая и самому поэту, по его сознанію въ позднѣйшемъ письмѣ къ Чаадаеву (1831), всегда была plus familière que la nôtre" [1]). Что французскій языкъ легче всегда въ теченіе всей жизни Пушкина укладывался подъ его перо, когда онъ писалъ свободно, небрежно, для себя, это нетрудно видѣть въ нѣкоторыхъ черновыхъ наброскахъ, сохранившихся въ его бумагахъ. Приведемъ два-три примѣра изъ многихъ. Въ черновой замѣткѣ о книгѣ А. Н. Муравьева „Путешествіе къ св. мѣстамъ" находимъ такія выраженія, которыя впослѣдствіи должны были перемѣнить свою французкую оболочку на соотвѣтствующую русскую: Онъ (Муравьевъ) traverse Грецію, préoccupé одною великою мыслію [2]). Въ черновой статьѣ-программѣ „О русской литературѣ съ очеркомъ французской" мы читаемъ: „Ничтожество общее (т. е. въ русской литературѣ въ XVIII в.). Французская обмельчавшая словесность envahit tout". Или тамъ же: „Ломоносовъ, плѣненный гармоніей риѳмы, пишетъ въ первой своей молодости оду, исполненную живости etc., и обращается къ точнымъ наукамъ, dégoûté славою Сумарокова" [3]). Въ краткой замѣткѣ при чтеніи Вальтеръ-Скотта (въ 1825 г.) Пушкинъ такъ высказываетъ свое мнѣніе о немъ: „Главная прелесть романовъ W. Scott состоитъ въ томъ, что мы знакомимся съ прошедшимъ временемъ, не съ enflure французской трагедіи, но съ чопорностью чувствительныхъ романовъ, не съ dignité исто-

---

1) Изд. Морозова VII, стр. 211.
2) Изд. Морозова V, стр. 288.
3) Тамъ же, стр. 252.

ріи, но современно, но домашнимъ образомъ. Они не походятъ (какъ герои французкіе) на холопей, передразнивающихъ la dignité et la noblesse. Ils sont familiers dans les circonstances ordinaires de la vio, leur parole n'a rien d'affecté, de thêatral, même dans les circonstances solennelles—car les grandes circonstances leur sont familères [1]).

Изъ этихъ примѣровъ очевидно, что французкій языкъ былъ роднымъ для поэта; что на немъ складывалась его мысль, облекаясь въ слово, по крайней мѣрѣ, когда она вращалась въ области научно-литературныхъ вопросовъ, что французскія выраженія быстрѣе русскихъ ложились подъ его прозаическое перо. Тѣмъ труднѣе была для Пушкина работа надъ прозаической рѣчью, когда онъ сознавалъ необходимость выработать свой повѣствовательный стиль. Первымъ опытомъ былъ повидимому простой пересказъ двухъ народныхъ преданій, разсказанныхъ поэту греками гетеристами Каравіей и Пендадеки и альбанцемъ Дукой, которыхъ онъ встрѣтилъ въ Кишиневѣ у Липранди. „Съ прозой бѣда—говорилъ Пушкинъ Липранди въ Одессѣ—хочу попробовать этотъ первый опытъ" [2]). Отмѣтимъ любопытный фактъ, что первая попытка овладѣть стихотворною рѣчью была сдѣлана поэтомъ еще въ 1812 году, а первый опытъ прозаическаго разсказа для печати—только въ 1824. Впрочемъ, послѣдній, къ сожалѣнію, не попалъ въ печать, быть можетъ потому, что не вполнѣ удовлетворялъ автора. Интересно, какъ уже съ 1822 года вопросъ о русскомъ слогѣ останавливаетъ на себѣ упорно вниманіе Пушкина.

Такъ въ черновой статьѣ „О слогѣ" (1822), повидимому не предназначавшейся для печати, авторъ высказываетъ недовольство вычурнымъ стилемъ нашихъ писателей: „но что сказать о нашихъ писателяхъ, которые, почитая за низость изъяснять просто вещи самыя обыкновенныя, думаютъ оживить дѣтскую прозу дополненіями и вялыми метафорами? Эти люди никогда не скажутъ *дружба*, не прибавивъ: сіе священное чувство, коего благородный пламень и проч. Должно бы сказать: *рано поутру*, а они пишутъ: едва первые лучи восходящаго солнца озарили восточные края лазурнаго неба. Какъ это все ново и свѣжо! развѣ оно лучше

---

1) Изд. Морозова V, стр. 32. См. также французко-русскіе планы IV 332.

2) См. записки Липранди въ русск. Архивѣ 1866 стр. 1416.

потому только, что длиннѣе?" [1]). И далѣе, ставя вопросъ: чья проза лучшая въ нашей литературѣ? Отвѣчаетъ: Карамзина, но тутъ же прибавляетъ: *это еще похвала небольшая*. Скажемъ нѣсколько словъ о семъ почтен... На этомъ, къ сожалѣнію, рукопись обрывается и хотя мы не знаемъ, что высказалъ бы Пушкинъ о слогѣ Карамзина, но предыдущія слова показываютъ, что проза этого законодателя изящнаго стиля уже не вполнѣ удовлетворяла молодого писателя при его стремленіи къ простотѣ и тонко развитомъ чувствѣ художественной правды. Подобныя же мысли о недостаточной обработанности нашего прозаическаго языка читаемъ въ черновомъ отрывкѣ задуманной Пушкинымъ въ 1824 г. статьи. „О причинахъ, замедлявшихъ ходъ нашей словесности": „Причинами, замедлявшими ходъ нашей словесности, говоритъ авторъ, обыкновенно почитаются: 1-е, общее употребленіе французскаго языка и пренебреженіе русскаго. Всѣ наши писатели на то жаловались, но кто же виноватъ, какъ не они сами? Исключая тѣхъ, которые занимаются стихами, русскій языкъ ни для кого еще не можетъ быть довольно привлекательнымъ; у насъ нѣтъ еще ни словесности, ни книгъ; всѣ наши знанія, всѣ наши понятія съ младенчества почерпнули мы въ книгахъ иностранныхъ; мы привыкли мыслить на чужомъ языкѣ; метафизическаго языка у насъ вовсе не существуетъ" [2]). Эти мысли въ напечатанной Пушкинымъ въ 1825 г. въ Моск. Телеграфѣ статейкѣ „О предисловіи Г. Лемонтѐ къ переводу басенъ И. А. Крылова" дополняются и развиваются далѣе. „Положимъ, что русская поэзія достигла уже высокой степени образованности(?): просвѣщеніе вѣка требуетъ пищи для размышленія, умы не могутъ довольствоваться однѣми играми гармоніи и воображенія, но ученость политика и философія еще по-русски не изъяснились... Проза наша такъ еще мало обработана, что даже въ простой перепискѣ мы принуждены *создавать* обороты для изъясненія понятій самыхъ обыкновенныхъ, такъ что лѣность наша охотнѣе выражается на языкѣ чужомъ, хотя механическія формы давно готовы и всѣмъ извѣстны" [3]). Лучшимъ доказательствомъ справедливости этихъ словъ служатъ прозаическіе опыты

1) Изд. Морозова V, стр. 15.
2) Изд. Морозова, стр. 19.
3) Изд. Морозова, V стр. 29.

самого Пушкина, въ которыхъ, не смотря на внимательную работу надъ языкомъ, нерѣдко проскальзываютъ французскіе обороты и особенно въ такихъ произведеніяхъ, гдѣ содержаніе разсказа взято изъ жизни интеллигентнаго круга [1]). Первая изъ повѣстей Бѣлкина „Выстрѣлъ" (1830 г.) прямо производитъ своимъ стилемъ такое впечатлѣніе, какъ будто авторъ переводилъ ее съ французскаго.

Можно положительно сказать, что для изученія русскаго языка и народности благопріятнымъ событіемъ въ жизни Пушкина были его высылка изъ Петербурга, путешествіе на югъ, жизнь въ Кишиневѣ и затѣмъ пребываніе въ деревенской глуши въ Михайловскомъ. Непосредственное сношеніе съ простымъ народомъ, наблюденіе его жизни, знакомство съ его языкомъ и пѣснями должны были прямо повліять на впечатлительную художественную натуру, умѣвшую всюду подмѣчать черты красоты въ природѣ, въ языкѣ, въ народныхъ типахъ. Оставивъ столицу съ ея условными формами языка и мысли въ аристократическихъ салонахъ, Пушкинъ „опростился" въ провинціи, сталъ изучать пеструю жизнь во всемъ ея разнообразіи, уподобляясь тѣмъ художникамъ (пленеристамъ), которые изъ городской студіи съ условнымъ освѣщеніемъ и манекенами, переодѣтыми въ костюмы, выносятъ свои мольберты на чистый воздухъ, наблюдая природу, свѣтовые эффекты и типы людей во всей ихъ реальной правдѣ. Періодъ литературныхъ вліяній на „свободнаго" художника, какимъ былъ по натурѣ Пушкинъ, быстро проходитъ. „Властитель думъ" всего молодого поколѣнія Европы, Байронъ, повліялъ лишь на немногія созданія поэта. Но впечатлѣнія личной жизни были на столько сильны, что заглушали эти внѣшніе навѣянные книгой образы. Откровенно-добродушный, неустойчивый, крайне впечатлительный, быстро переходящій изъ одного настроенія въ другое, поэтъ зналъ хорошо самого себя и свои слабости, сознавалъ, благодаря живому и свѣтлому уму, свое основное несходство съ англійскимъ пѣвцомъ и лишь на короткое время, увлекаясь его мрачнымъ на-

---

[1]) „Вы согласитесь, *что имѣя право* выбрать оружіе, жизнь его была въ моихъ рукахъ" говоритъ Сильвіо въ повѣсти „Выстрѣлъ" (изд. Морозова IV, стр. 18). „Однакожъ, и это горе, какъ оно не велико, не есть *крайнимъ* еще для нихъ (въ отрывкѣ изъ повѣсти, изд. Морозова IV, стр. 399).

строеніемъ, прельщался имъ болѣе какъ художникъ, благодаря дивной поэтической его оболочкѣ, чѣмъ по своей натурѣ, всегда стремившейся разрѣшать диссонансы жизни гармоническимъ аккордомъ. Если туманныя очертанія немногихъ героевъ Пушкина нужно отнести на счетъ этого книжнаго вліянія, то дивныя краски, которыми поэтъ набрасываетъ роскошныя картины природы Кавказа и Крыма, были взяты имъ съ собственной палитры. Несомнѣнную пользу вліянія англійскаго авторитета слѣдуетъ видѣть въ томъ, что онъ развязалъ Пушкину руки для внесенія этнографическаго элемента въ свои поэмы. Но, конечно, склонность къ этому была самой природой раньше заложена въ талантъ Пушкина, и совпаденіе въ этомъ интересѣ къ простымъ народнымъ типамъ у обоихъ поэтовъ было лишь случайнымъ...

Біографами Пушкина было уже указано, какимъ благопріятнымъ условіемъ могло быть путешествіе 1820 года для возбужденія и поддержанія въ поэтѣ интереса къ изученію русскаго языка и народности. Л. Н. Майковъ не сомнѣвается въ томъ, что начало общаго интереса Пушкина и Н. Н. Раевскаго [1]) къ личности Разина восходитъ ко времени ихъ совмѣстнаго путешествія по южнымъ степямъ, когда въ казачьихъ пѣсняхъ имъ случалось подмѣчать явные признаки сочувствія къ своевольному атаману гулящихъ шаекъ [2]). Языкъ этихъ разинскихъ пѣсенъ, ихъ захватывающій народный духъ не могли не отразиться благотворно на впечатлительномъ поэтѣ и содѣйствовать тому, что онъ быстро поднялся надъ той точкой зрѣнія, съ которой ему представлялась народность въ періодѣ его первыхъ лицейскихъ опытовъ (Бова. Русланъ и Людмила). Любопытно наблюдать въ его письмахъ съ юга, какъ русскій элементъ начинаетъ выдвигаться все болѣе и болѣе, особенно въ болѣе интимныхъ письмахъ къ брату Льву, кн. Вяземскому, Н. Раевскому. Мы узнаемъ изъ одного письма Пушкина къ брату (Кишиневъ 24 сентября 20 г.), что онъ написалъ замѣчанія о черноморскихъ и донскихъ казакахъ[3]), въ другомъ (1821 г.) онъ проситъ брата писать ему *по-рус-*

---

[1]) Извѣстно, что Н. Н. Раевскій собиралъ о немъ историческія свѣдѣнія и впослѣдствіи даже намѣревался писать исторію Разинскаго бунта.

[2]) Л. Майковъ. Историко-литературн. очерки. СПБ. 1895, стр. 146.

[3]) Изд. Морозова VII, 9.

ски, „потому что съ моими конституціонными друзьями (въ Кишиневѣ) я скоро позабуду русскую азбуку“ [1]); въ письмѣ слѣдующаго года (1822, 24 января) онъ пишетъ брату: „Какъ тебѣ не стыдно, мой милый, писать полу-русское, полу-французское письмо, ты не московская кузина“ [2]). Въ слѣдующемъ году (1823) онъ заявляетъ въ письмѣ къ кн. Вяземскому (изъ Одессы въ ноябрѣ), что недоволенъ своимъ языкомъ: „Я не люблю видѣть въ первобытномъ нашемъ языкѣ слѣды европейскаго жеманства и французской утонченности. Грубость и простота болѣе ему пристали. Проповѣдую изъ внутренняго убѣжденія, но по привычкѣ пишу иначе“ [3]). Этотъ отзывъ 23 года уже почти совпадаетъ съ извѣстными словами въ „Критическихъ замѣткихъ 30—31 годовъ“ о томъ, что“, разговорный языкъ простого народа (не читающаго иностранныхъ книгъ, и, слава Богу, не искажающаго, какъ мы, своихъ мыслей на французскомъ языкѣ), достоинъ также глубочайшихъ изслѣдованій... Не худо намъ иногда прислушиваться къ московскимъ просвирнямъ, онѣ говорятъ удивительно чистымъ и правильнымъ языкомъ“ [4]).

Уже въ нѣкоторыхъ интимныхъ письмахъ этого періода къ литературнымъ столичнымъ пріятелямъ и къ брату замѣтно, что „опростившійся“ поэтъ какъ бы щеголяетъ чисто русскими выраженіями, пословицами, нерѣдко крѣпкими словцами [5]) и грубоватостью, хотя тутъ же, благодаря французской стихіи воспитанія, еще мелькаютъ ошибки противъ русскаго синтаксиса [6]).

Уже въ это время въ одномъ шутливомъ стихотвореніи Пушкина я вижу подражаніе складу одной русской народной пѣснѣ, свидѣтельствующее о томъ, что своеобразный складъ ея интересовалъ поэта. Такъ, едва ли я ошибусь, если сочиненную на югѣ шутку Пушкина (1823 г.):

---

[1]) Тамъ же стр. 22. Въ Кишиневѣ въ обществѣ, собиравшемся у М. Ѳ. Орлова, Пушкинъ проводилъ цѣлые дни. Бесѣды шли по большей части на французскомъ языкѣ. Бартеневъ, П. въ южной Россіи. М. 1862. стр. 52.

[2]) Изд. Морозова VII, стр. 28.

[3]) Изд. Морозова VII, стр. 57.

[4]) Тамъ же V, стр. 136.

[5]) См. изд. Морозова VII, стр. 68, 69, 72, 79, 80, 82.

[6]) Напр. тамъ же стр. 74.

Я вкругъ Стурдзы хожу,
Вкругъ библическаго;
Я на Стурдзу гляжу
Монархическаго.... [1])

сопоставлю по складу съ народной пѣсней:

Кругъ я печки хожу,
Кругъ муравленыя,
Я на печку гляжу
На муравленую и проч. [2]).

Вліяніе двухлѣтней жизни въ деревнѣ въ обществѣ старухи Арины Родіоновны, непосредственнаго ежедневнаго наблюденія народа, слушанья пѣсенъ и сказокъ на языкъ Пушкина представляетъ фактъ слишкомъ хорошо извѣстный, чтобы на немъ вновь останавливаться. Изъ переписки Пушкина конца 20 и начала 30 годовъ достаточно отмѣтить, на выдержку, только два-три характерныхъ письма. Особенно интересны въ этомъ отношеніи его письма къ невѣстѣ и затѣмъ женѣ. Своей невѣстѣ, согласно со свѣтскими обычаями, поэтъ посылаетъ изящныя французскія письма, не отступая отъ кодекса условныхъ приличій того времени [3]). Совершенно измѣняется языкъ и характеръ писемъ, которыя Пушкинъ посылаетъ женѣ съ 31 года въ теченіе своихъ временныхъ отлучекъ. Вотъ, напримѣръ, выдержка изъ письма 19 апрѣля 1833 г. изъ Оренбурга: „Что женка? Скучно тебѣ? Мнѣ тоска безъ тебя. *Кабы* не стыдно было, воротился бы прямо къ тебѣ, ни строчки не написавъ. Да нельзя, мой ангелъ,— взялся за гужъ, не говори, что не дюжъ“... И далѣе: „знаешь ли ты, что есть пословица, „на чужой сторонкѣ и старушка Божій даръ“. То-то, женка. Бери съ меня примѣръ“ [4]). Въ письмахъ къ пріятелямъ Пушкинъ нерѣдко любилъ вытряхивать запасъ пословицъ, застрявшій у него въ головѣ, благодаря интересу къ нимъ и замѣчательной памяти. Такъ въ утѣшеніе С. А. Соболевскому, лишившемуся матери, Пушкинъ (въ 1828 г. 15 іюля) говоритъ: „Что

---

[1]) Изд. Морозова VII, стр. 54.

[2]) П. В. Шейнъ. Великоруссъ I, стр. 299.

[3]) Изъ 72 французскихъ писемъ Пушкина, напечатанныхъ въ изданіи Литературнаго фонда, 45 написаны къ дамамъ.

[4]) Изд. Морозова VII, стр. 326.

тебѣ скажу? Про старыя дрожжи не говорятъ трожды, не радуйся нашедъ, не плачь потерявъ... Перенеси мужественно перемѣну судьбы твоей, то-есть, по одежкѣ тяни ножки; все перемелется, будетъ мука. Ты видишь, что кромѣ пословицъ ничего путнаго сказать не умѣю" [1]).

Интересъ къ наблюденію языка не покидалъ Пушкина до конца его жизни. Не имѣя достаточной подготовки, необходимыхъ знаній по исторіи языка, онъ, какъ любитель, пускается въ этимологію, въ вопросы грамматики и орфографіи. Конечно его словопроизводства (напр., телѣги отъ тельца) кажутся намъ наивными, но уже цѣнно то, что поэтъ съ постояннымъ вниманіемъ относится къ фактамъ языка. Его интересуетъ исторія языка, напр., слова, вошедшія въ языкъ, какъ переводъ, иногда неправильный, съ французскаго; онъ внимательно читаетъ „Урядникъ сокольничья пути" царя Алексѣя и выписываетъ изъ него термины соколиной охоты, онъ изучаетъ „Слово о П. И.", обращается къ современнымъ ученымъ, предлагая имъ свои догадки и вызывая ихъ на розысканія. Въ бумагахъ его отъ 1834 г. сохранились начатыя имъ замѣчанія на текстъ этого памятника, котораго неясныя мѣста онъ старается (хотя безуспѣшно) осмыслить.

Недовольство Пушкина русскимъ литературнымъ языкомъ продолжается и въ тридцатыхъ годахъ, на что имѣемъ любопытное свидѣтельство В. И. Даля. Когда будущій составитель капитальнаго Толковаго словаря издалъ въ 1832 г. первый пятокъ своихъ русскихъ сказокъ казака Луганскаго, написанныхъ, какъ авторъ сознавался впослѣдствіи, съ цѣлью „познакомить земляковъ своихъ сколько нибудь съ народнымъ языкомъ", Пушкинъ привѣтствовалъ это внесеніе народнаго языка въ литературу и, по словамъ В. И. Даля, „по обыкновенію, засыпалъ его множествомъ отрывочныхъ замѣчаній, которыя всѣ шли къ дѣлу, показывали глубокое чувство истины и выражали то, что, казалось, у всякаго изъ насъ на умѣ вертится, только что съ языка не срывается". „Сказка сказкой", говорилъ онъ—„а языкъ нашъ самъ по себѣ, и ему-то нигдѣ нельзя дать этого русскаго раздолья, какъ въ сказкѣ. А какъ это сдѣлать?... Надо бы сдѣлать, чтобы выучиться говорить по русски и не въ сказкѣ... Да нѣтъ, трудно,

---

1) Тамъ же VII, стр. 203.

нельзя еще! А что за роскошь, что за смыслъ, какой толкъ въ каждой поговоркѣ нашей! Что за золото! А не дается въ руки, нѣтъ!" [1]) Слова Пушкина, по нашему мнѣнію, чрезвычайно характерны. Передъ нами художникъ слова, проникнутый глубокимъ удивленіемъ передъ силою, яркостью, пластичностью, красотою того многовѣковаго народнаго созданія, которое мы называемъ русскимъ народнымъ языкомъ. Онъ любуется имъ, но не знаетъ, какъ взять этотъ кладъ, который не дается въ руки. Онъ чувствуетъ, что въ ограниченной области народныхъ сказокъ ему можно дать ходъ, но какъ сдѣлать, чтобы это богатство народнаго языка вошло въ бóльшій литературный оборотъ? Если бы Пушкинъ былъ сколько нибудь подготовленъ филологически, еслибы онъ былъ знакомъ съ процессомъ выработки литературнаго языка въ связи съ культурнымъ ходомъ общества, онъ понялъ бы, что попытки къ реформѣ этого языка, путемъ искусственнаго внесенія въ него народной стихіи, не могутъ быть удачны, что насильственно втискиваемая народность не можетъ войти въ общій литературный оборотъ и что даже въ quasi-народныхъ сказкахъ Даля, написанныхъ размѣренной или риемованной прозой, уснащенной поговорками, прибаутками, чувствуется въ сущности искусственная поддѣлка подъ народный складъ, становящаяся въ концѣ концовъ просто скучной. Конечно, полуфранцузъ по воспитанію Пушкинъ, старавшійся исправить недостатки „проклятаго" своего воспитанія, долженъ былъ высоко цѣнить въ Далѣ его замѣчательное знаніе народныхъ словъ и оборотовъ, цѣнить, быть можетъ, тѣмъ выше, что самъ, при всемъ желаніи, не имѣлъ въ своемъ распоряженіи такого богатства народнаго языка; но можно думать, что чувство художественной правды, столь сильно руководившее поэтомъ въ его твореніяхъ въ народномъ духѣ, не допустило бы его самого до сложенія народныхъ сказокъ во вкусѣ Даля, въ тонѣ и манерѣ народнаго бахаря и балагура.

Указавъ на постоянный интересъ Пушкина къ изученію языка, къ вопросамъ о слогѣ, приведемъ въ заключеніе нѣкоторыя свидѣтельства современника его проф. Шевырева: „Никто, говоритъ Шевыревъ, такъ не уважалъ формъ русскаго языка и русской просодіи, какъ Пушкинъ. Мы слышали отъ него много рѣзкихъ

[1]) Л. Майковъ—Очерки, стр. 246.

и остроумныхъ грамматическихъ замѣчаній, которыя показывали, какъ глубоко изучалъ онъ отечественный языкъ" [1]). Извѣстно, съ какимъ усердіемъ Пушкинъ изучалъ памятники древней словесности. „Слово о Полку Игоревѣ". Онъ помнилъ отъ начала до конца наизусть и готовилъ ему объясненія. Оно было любимымъ предметомъ его послѣднихъ разговоровъ. Нерѣдко въ бесѣдѣ приводилъ онъ цѣликомъ слова изъ государственныхъ грамотъ и лѣтописей. Начертить характеръ Пимена могъ онъ только по глубокомъ изученіи духа и языка лѣтописей. Кто изъ знавшихъ коротко Пушкина не слыхалъ, какъ онъ прекрасно читывалъ русскія пѣсни? Кто не помнитъ, какъ онъ любилъ ловить живую рѣчь изъ устъ простого народа?" [2]).

Отъ занятій Пушкина русскимъ языкомъ перейдемъ къ его этнографическому интересу вообще, къ его наблюденіямъ народной жизни, къ его изученію памятниковъ народной словесности. Мы уже упомянули, что его путешествіе 1820 года по южнымъ степямъ, въ обществѣ Н. Раевскаго, дало ему возможность наблюдать бытъ казаковъ и прислушиваться къ ихъ пѣснямъ. На Кавказѣ онъ знакомится частью по разсказамъ, частью по собственнымъ наблюденіямъ съ бытомъ черкесовъ и задумываетъ картину мѣстной природы и жизни, подчинивъ этнографическій элементъ романтической фабулѣ. Извѣстно, какъ самъ поэтъ (въ письмѣ къ Гнѣдичу 29 апр. 1822), чувствуя, что его этнографическая картина только внѣшнимъ образомъ введена въ планъ поэмы, сознается, что „описаніе нравовъ черкесскихъ (у него) не связано съ происшествіемъ и есть ничто иное, какъ географическая статья, или отчетъ путешественника" [3]). Въ Крыму поэтъ знакомится съ бытомъ южно-бережныхъ Татаръ и, изъ подражанія Байрону, вводитъ въ свою крымскую поэму татарскую пѣсню, въ которой мастерски характеризуетъ основныя черты чтителей пророка—мусульманскій фанатизмъ (священную войну газаватъ) и чувственную любовь. Въ Кишиневѣ и Одессѣ область его

---

[1]) „Москов. Наблюдатель" 1837 г. іюнь кн. 1-я, стр. 318 примѣч. цитировано въ статьѣ Л. Н. Майкова—Воспоминанія Шевырева о Пушкинѣ. Русское Обозрѣніе 1893 май, стр. 25.

[2]) Москвитянинъ 1843 г. II, стр. 237. Приведено въ статьѣ Майкова Р. Обозрѣніе 1893 май, стр. 25.

[3]) Изд. Морозова VII, стр. 30.

этнографическихъ наблюденій еще болѣе расширяется: онъ знакомится съ цыганами, греками, итальянцами, альбанцами, сербами, болгарами. Онъ самъ кочуетъ по Бессарабіи въ теченіе нѣсколькихъ дней съ цыганскимъ таборомъ, раздѣляя, по поэтическому капризу, жизнь „смиренной вольности дѣтей". Знаменитая пѣсня Земфиры „Старый мужъ, грозный мужъ", какъ извѣстно, представляетъ удачное подражаніе популярной въ Кишиневѣ молдавской (ардемэ, фриджемъ [1]). По свидѣтельству В. П. Горчакова, Пушкина занимала также другая извѣстная молдаванская пѣсня (тю юбески пити масура), пляска сопровождаемая пѣніемъ, называемая *Мититика* и въ особенности такъ называемая *Сербешти* (сербская пляска) [2]). Знакомствомъ съ славянскимъ этнографическимъ элементомъ въ Кишиневѣ—Болгарами, Сербами—быть можетъ объясняется, по вѣроятному предположенію П. И. Бартенева, умѣнье, обнаруженное впослѣдствіи поэтомъ въ переложеніи славянскихъ пѣсенъ [3]). „Разсказы о героѣ сербскаго возстанія (Кара Георгіи) Пушкинъ могъ слышать отъ проживавшихъ въ Кишиневѣ сербскихъ воеводъ, съ которыми встрѣчался у Липранди, а впослѣдствіи онъ даже принимался записывать отъ знакомыхъ сербовъ ихъ юнацкія пѣсни". [4]) Позднѣе въ 30 годахъ, когда ему въ руки попадаетъ сборникъ народныхъ сербскихъ пѣсенъ Вука Караджича, онъ встрѣчаетъ въ немъ уже знакомыя черты сербскаго племени и заинтересовывается имъ на столько, что чувствуетъ желаніе воспроизвести нѣкоторыя пѣсни на русскомъ языкѣ. Въ его черновой тетради 1832—33 года „мы видимъ и выписку сербскаго текста одной изъ пѣсенъ, и его собственный переводъ ея" [5]). При все возрастающемъ интересѣ къ мѣстному этнографическому элементу на югѣ, поэтъ искалъ всюду случая

---

[1]) Въ письмѣ къ кн. П. А. Вяземскому изъ Михайловскаго отъ 24 сентября 1825 г. Пушкинъ говоритъ по поводу успѣха Цыганъ: „Радуюсь однако участи моей пѣсни: *Рѣжь меня*—это очень *близкій* переводъ. Посылаю тебѣ дикій напѣвъ подлинника. Покажи его Вельегорскому. Кажется мотивъ чрезвычайно счастливый". Изд. Морозова VII, стр. 156.

[2]) См. выдержку изъ воспоминаній В. П. Горчакова въ книжкѣ П. Бартенева—Пушкинъ въ южной Россіи, стр. 84.

[3]) Бартеневъ П. въ юж. Р. стр. 57.

[4]) См. Л. Майковъ Очерки, стр. 127.

[5]) Изд. Поливанова т., II, стр. 217.

дополнить недостатки своего образованія научнымъ чтеніемъ историческихъ и этнографическихъ книгъ. Въ Кишиневѣ онъ много читалъ, пользуясь книгами Инзова, Орлова, Пущина и всего чаще И. П. Липранди, владѣвшаго въ то время отличнымъ собраніемъ разныхъ этнографическихъ и историческихъ книгъ [1]. Наблюденіе пестрой „смѣси одеждъ и лицъ“ въ Бессарабіи возбуждало его любознательность и къ русской этнографіи. По его желанію младшій Раевскій присылаетъ ему съ В. П. Горчаковымъ нѣсколько книжекъ русскихъ сказокъ [2] (вѣроятно сборникъ Чулкова).

Вѣроятно, поэтъ въ этой сказочной области искалъ темы для поэтической разработки, какъ можно судить потому, что сказка о царѣ Салтанѣ, обработанная имъ въ 1831 году, была набросана имъ въ черновой тетради въ первый разъ еще во время пребыванія на югѣ въ 1822 г. въ видѣ программы. Впослѣдствіи та-же сказка, быть можетъ, слышанная поэтомъ еще въ дѣтствѣ, была имъ снова записана со словъ няни въ Михайловскомъ.

Переходя къ непосредственнымъ записямъ Пушкина народныхъ произведеній, начнемъ со сказокъ, о которыхъ поэтъ былъ высокаго мнѣнія. „Что за прелесть эти сказки! каждая есть поэма!“ восклицаетъ онъ въ письмѣ къ брату изъ Михайловскаго (1824, конецъ октября), сообщая ему о своемъ уединенномъ образѣ жизни и о томъ, что по вечерамъ онъ слушаетъ сказки отъ Арины Родіоновны [3]. Но онъ не только слушалъ, но и набрасывалъ ихъ, какъ матеріалъ для будущаго, для поэтической разработки. Кажется, всего раньше воспользовался онъ изъ своей записи сказки о царѣ Салтанѣ тѣми сказочными деталями, которыя онъ внесъ въ свой дивный прологъ ко 2-му изд. Руслана и Людмилы. Именно въ этой записи мы находимъ нѣсколько строкъ, прямо попавшихъ въ начало пролога: „что за чудо!“ говоритъ мачеха, „вотъ что чудо: у моря Лукоморья стоитъ дубъ, а на томъ дубу золотыя цѣпи, и по тѣмъ цѣпямъ ходитъ котъ, вверхъ идетъ—сказки сказываетъ, внизъ идетъ—пѣсни поетъ [4]. Мы не знаемъ

---

[1] Бартеневъ—П. въ юж. Россіи, стр. 62.

[2] Тамъ же, стр. 62.

[3] Изд. Морозова VII, стр. 88.

[4] См. изд. Поливанова. II, 217.

точно число сказокъ, записанныхъ Пушкинымъ. Но несомнѣнно сюда принадлежатъ: 1) сказка о женихѣ, передѣланная поэтомъ въ превосходную балладу, 2) о рыбакѣ и рыбкѣ, 3) о царѣ Салтанѣ, 4) о попѣ и работникѣ его Балдѣ, 5) о мертвой царевнѣ и о семи богатыряхъ, 6) о золотомъ пѣтушкѣ. Кромѣ этихъ, обработанныхъ впослѣдствіи Пушкинымъ сказокъ, онъ передалъ свою запись сказки о царѣ Берендеѣ Жуковскому, когда въ Царскомъ селѣ въ 1831 году вступилъ съ нимъ въ поэтическое состязаніе въ стихотворной обработкѣ народныхъ сказочныхъ сюжетовъ, и сохранилъ въ черновыхъ бумагахъ передачу въ сжатомъ видѣ содержанія нѣсколькихъ сказокъ: о Кащеѣ безсмертномъ, его дочери и Иванѣ царевичѣ; о царѣ, его невѣрной женѣ и царевичѣ (повидимому варіантъ изъ цикла Соломоновыхъ сказаній), затѣмъ три сказки съ „чертовщиной“ [1]). Изъ своихъ же сказочнымъ матеріаловъ Пушкинъ сообщилъ В. И. Далю содержаніе сказки „о Георгіи Храбромъ и сѣромъ волкѣ“ [2]), которую тотъ изложилъ своимъ обычнымъ ультра-народнымъ стилемъ.

Еще обильнѣе были записи народныхъ пѣсенъ въ коллекціи Пушкина, и здѣсь мы имѣемъ возможность сообщить нѣкоторыя болѣе точныя данныя, не являвшіяся до сихъ поръ въ печати. Напомнимъ сначала факты, уже извѣстные.

Петръ Вас. Кирѣевскій, въ предисловіи къ своему „Собранію народныхъ пѣсенъ“, напечатанныхъ въ Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ (1848 г. Москва № 9), сообщаетъ, что еще въ самомъ началѣ его предпріятія собиранія народныхъ пѣсенъ Пушкинъ доставилъ ему замѣчательную тетрадь пѣсенъ, собранныхъ имъ въ Псковской губерніи. Въ число пѣсенъ, вышедшихъ въ свѣтъ при жизни Кирѣевскаго, впрочемъ, не вошла ни одна изъ доставленныхъ Пушкинымъ. Къ какимъ отдѣламъ пѣсенъ принадлежали записанныя Пушкинымъ, Кирѣевскій не сообщаетъ. Дальнѣйшія свѣдѣнія о той же Пушкинской записи сравнительно недавно въ 1891 г. принесли „Мои воспоминанія“ Буслаева. Описывая свое посѣщеніе Кирѣевскаго въ 40-хъ годахъ, въ Москвѣ, покойный академикъ передаетъ свой разговоръ съ нимъ по поводу его пѣсеннаго собранія. „Вотъ эту пачку, сказалъ Кирѣевскій,

---

[1]) См. Изд. Морозова III стр. 536—538.

[2]) См. сочиненія Даля изд. 1861 г. ч. IV, стр. 311.

далъ мнѣ самъ Пушкинъ и при этомъ сказалъ: „когда-нибудь отъ нечего дѣлать разберите-ка, которыя поетъ народъ и которыя смастерилъ я самъ". И сколько не старался я разгадать эту загадку, — продолжалъ Кирѣевскій, — никакъ не могу сладить. Когда это мое собраніе будетъ напечатано, пѣсни Пушкина пойдутъ за народныя" [1]). Если Пушкинъ дѣйствительно помѣстилъ въ свою тетрадку не только подлинныя народныя пѣсни, но и свои подражанія имъ, то для насъ, дорожащихъ каждымъ стихомъ поэта, было бы очень важно имѣть въ рукахъ эту пушкинскую тетрадку, чтобы попытаться разгадать загадку, съ которой Кирѣевскій не могъ сладить. Къ сожалѣнію, судьба подлинныхъ Пушкиныхъ записей, переданныхъ имъ Кирѣевскому, до сихъ поръ неизвѣстна. Готовя къ изданію свой сборникъ пѣсенъ, разросшійся до нѣсколькихъ тысячъ №№-овъ, Кирѣевскій разверсталъ ихъ по содержанію на нѣсколько отдѣловъ и заказалъ переписчикамъ списать каждую пѣсню на отдѣльномъ листкѣ, сортируя затѣмъ пѣсни по рубрикамъ. Сборникъ его, какъ извѣстно, складывался въ теченіе 30-лѣтія частью изъ собственныхъ записей, частью изъ обильныхъ матеріаловъ, доставляемыхъ ему многими любителями народныхъ пѣсенъ: Павломъ Якушкинымъ, В. И. Далемъ, братьями Языковыми, кн. Костровымъ, А. П. Поповымъ, К. Д. Кавелинымъ и друг. При жизни Кирѣевскаго была напечатана только самая незначительная часть его богатства: собраніе духовныхъ стиховъ и нѣсколько былинъ. Послѣ смерти собирателя въ 1856 году, собранные имъ матеріалы были переданы Вас. Алексѣевичемъ Елагинымъ Московскому Обществу любителей россійской словесности, которое, при секретарствѣ П. А. Безсонова, приступило къ изданію пѣсенъ Кирѣевскаго. Въ теченіе періода отъ 1860 по 74 годъ, неутомимый издатель покойный Безсоновъ успѣлъ напечатать 10 выпусковъ, въ которые вошли изъ собранія Кирѣевскаго такъ наз. былины и историческія пѣсни. Въ свое изданіе „Каликъ перехожихъ" Безсоновъ внесъ еще нѣсколько №№ изъ духовныхъ стиховъ того же источника. Все это вмѣстѣ взятое далеко не исчерпываетъ богатства сборника Кирѣевскаго, даже не составляетъ его наиболѣе интересной части. Занимающіеся русскимъ народнымъ эпосомъ знаютъ, что по обилію и сохранности текстовъ

[1]) См. „Мои воспоминанія" Вѣстникъ Европы 1891 октябрь, стр. 637.

былины въ сборникахъ Рыбникова и Гильфердинга значительно превосходятъ тѣ „былевыя“ записи, которыя были доставлены Кирѣевскому главнымъ образомъ изъ центральныхъ губерній, гдѣ былинная традиція замолкла гораздо ранѣе, чѣмъ на сѣверѣ Россіи (въ Олонецкой и Архангельской губерніяхъ) и въ Сибири. Главный интересъ сборника Кирѣевскаго не въ нихъ, а въ народной лирикѣ, охватывающей пѣснями всѣ моменты народной жизни. Такихъ пѣсенъ (свадебныхъ, любовныхъ, бесѣдныхъ, молодецкихъ, хороводныхъ, плясовыхъ и проч.) было собрано Кирѣевскимъ до 5000 №№ по нашему счету, и до сихъ поръ ни одна изъ нихъ еще не напечатана.

Эти пѣсни Кирѣевскаго хранятся въ отдѣльныхъ папкахъ, подобранныя по разрядамъ и переписанныя на отдѣльныхъ листкахъ въ восьмушку писчаго листа, въ Румянцовскомъ Музеѣ въ шкафу, принадлежащемъ Обществу любителей русс. словесности, и въ настоящее время изготовляются къ печати. Тамъ же хранятся отдѣльныя тетрадки, т. наз. черновыя, т. е. подлинныя записи, доставленныя Кирѣевскому его сотрудниками, цѣнные автографы современныхъ ему любителей народной пѣсни. Въ числѣ этихъ черновиковъ должна была бы храниться и тетрадка, доставленная Пушкинымъ. Но ея нѣтъ. Наши поиски, С. О. Долгова, завѣдующаго собраніемъ рукописей, и мои, остались безплодны. Судьба тетради Пушкина, о которой говоритъ Кирѣевскій и которую видѣлъ Буслаевъ, неизвѣстна, и гадать о ней безполезно, хотя нельзя оставлять надежды, что она можетъ отыскаться впослѣдствіи. Въ виду интереса всякаго извѣстія современниковъ о Пушкинѣ могу сообщить слѣдующіе факты, добытые мною при просмотрѣ содержимаго помянутаго выше шкафа, хранящаго сборникъ Кирѣевскаго.

Среди небольшихъ папокъ съ переписанными, но еще не подобранными для печати, пѣснями, оказались двѣ толстыя переплетенныя въ видѣ книгъ тетради большого формата [1]). Просмотрѣвъ ихъ, мы убѣдились немедленно изъ заглавной страницы, что это вполнѣ приготовленный самимъ Кирѣевскимъ еще къ 38-му году экземпляръ 1-ой части его пѣсенъ, которую онъ намѣревался выпустить въ свѣтъ въ этомъ году. На заглавномъ листѣ читается

---

[1]) Форматъ большого листа почтовой бумаги.

надпись: „Русскія народныя пѣсни, изданныя П. Кирѣевскимъ“ Часть 1-я. Пѣсни *свадебныя*. Затѣмъ внизу, начинаясь на заглавной страницѣ и продолжаясь по всѣмъ страницамъ обѣихъ книгъ, конечно, съ дѣленіемъ по слогамъ и многократнымъ повтореніемъ, какъ принято въ разсматриваемыхъ цензурою рукописныхъ сочиненіяхъ, тянется подлинная подпись цензора: „Поступила марта 4 дня 1838 года. Цензоръ и кавалеръ Иванъ Снегиревъ“. Излишне гадать, почему при жизни Кирѣевскаго не была издана еще въ 1838 году эта вполнѣ готовая для отдачи въ типографію рукопись. Для насъ интереснѣе, что въ этотъ отдѣлъ свадебныхъ пѣсенъ вошло нѣсколько NN-овъ изъ тетради Пушкина черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ смерти поэта. Такъ въ I-мъ томѣ изъ пушкинской тетради взятъ № 4:

„Береза бѣлая, береза кудрявая!
Куда ты клонишься, куда поклоняешься?“
— Я туда клонюсь, туда поклоняюся,
Куда вѣтеръ повѣетъ.—
„Княгиня душенька, куда ты ладишься?“
— Туда я лажуся, куда батюшка отдаетъ,
Съ родимой матушкой“.—

Но особенно цѣнно сопровождающее эту пѣсню примѣчаніе Кирѣевскаго: „Покойный А. С. Пушкинъ доставилъ мнѣ 50 NN пѣсенъ, которыя онъ съ большой точностью записалъ самъ со словъ народа, хотя и не обозначилъ, гдѣ именно. Вѣроятно, что онъ записалъ ихъ у себя въ деревнѣ въ Псковской губерніи“. Здѣсь мы впервые точно узнаемъ число доставленныхъ Кирѣевскому Пушкинымъ пѣсенъ и изъ просмотра обѣихъ книгъ 1-й части „Свадебныхъ“ видимъ, что изъ пушкинскаго сборника было взято Кирѣевскимъ туда 12 NN-овъ, что составляетъ почти четверть общаго числа записанныхъ поэтомъ народныхъ пѣсенъ. Такое вниманіе Пушкина къ свадебнымъ пѣснямъ понятно для всякаго этнографа. Въ этихъ пѣсняхъ, сопровождающихъ разные моменты свадебнаго обряда, традиціонно хранимыхъ преимущественно женщинами, какъ извѣстно, донеслось даже до нашихъ дней не мало слѣдовъ старины, старины временъ боярскихъ, такъ какъ вся обстановка крестьянскаго свадебнаго обряда, съ его свадебными чинами, представляетъ какъ бы копію старинной бояр-

ской и княжеской свадьбы, начиная съ названія молодыхъ княземъ и княгинею. Въ 20-хъ годахъ, когда такія пѣсни записывалъ Пушкинъ, вѣроятно въ своей деревнѣ, въ Михайловскомъ, вся обрядовая старина крестьянской свадьбы была еще свѣжѣе, чѣмъ въ наши дни, и уже съ этой стороны пушкинская запись представляетъ нѣкоторый интересъ. Но нельзя не отмѣтить и того, что Пушкинъ понималъ необходимость указывать, къ какому именно моменту свадьбы пріурочена та или другая пѣсня, т. е. пріемъ, который въ настоящее время нашими этнографическими программами рекомендуется любителямъ, какъ научное требованіе. Такъ, въ тетрадкѣ, доставленной имъ Кирѣевскому, онъ въ поясненіе пѣсенъ дѣлаетъ нѣкоторыя замѣчанія. Напр., пѣсня (LXIV) „Какъ у нашего князя невесёлые кони стоятъ" и проч., поется, по его словамъ, когда идутъ за невѣстою къ вѣнцу. По поводу пѣсни „Трубчистая коса вдоль по улицѣ шла" онъ замѣчаетъ: „Дня за два передъ дѣвичникомъ кладутъ на блюдо ленты изъ косы невѣстиной. Братъ ея или ближній родственникъ носитъ блюдо по улицѣ. Это называется: красу носить. Между тѣмъ поютъ" (слѣдуетъ пѣсня). При пѣснѣ: „Ягода съ ягодой сокатилася" читаемъ поясненіе Пушкина, что ее „дѣвушки поютъ, когда молодая возвратится изъ церкви". Едва ли поэтому мы ошибемся, если предположимъ, что Пушкинъ у себя въ деревнѣ лично наблюдалъ всю обрядовую сторону крестьянской свадьбы и записалъ пѣсни въ связи съ моментами обрядности, какъ и требуетъ этнографическая точность. Глубоко интересуясь русской стариной, читая въ то время въ деревнѣ русскія лѣтописи и Исторію Карамзина, обдумывая „Бориса Годунова", Пушкинъ естественно долженъ былъ увлечься слѣдами стариннаго быта въ свадебныхъ пѣсняхъ, которыя своимъ драматизмомъ и нерѣдко глубокимъ чувствомъ привлекали его и какъ поэта. Напомнимъ, какъ онъ удачно пользуется ими, напримѣръ, въ „Русалкѣ" и въ эпиграфахъ къ нѣкоторымъ главамъ „Капитанской дочки". (Глава XII Сирота, Глава V. Любовь).

Вѣроятно впослѣдствіи, при болѣе точномъ пересмотрѣ всего собранія Кирѣевскаго окажутся и другія пѣсни, кромѣ свадебныхъ, записанныя Пушкинымъ. До сихъ поръ, въ изданныхъ Безсоновымъ выпускахъ появились только 2., интересныя въ томъ отношеніи, что доказываютъ непосредственное знакомство поэта и съ

живою *эпической* народной стариной. Таковъ записанный имъ хорошій варіантъ пѣсни о „Ванькѣ ключникѣ" [1]), и пѣсня историческая, „Бѣжитъ рѣчка по песку", напечатанныя въ 10-мъ выпускѣ (стр. 211). Кромѣ историческихъ пѣсенъ, переданныхъ Пушкинымъ Кирѣевскому, у него была еще коллекція пѣсенъ о Стенькѣ Разинѣ, записанныхъ имъ вѣроятно еще въ путешествіи 1820 г., когда онъ заинтересовался казаками и разбойниками. Двѣ разинскія пѣсни (о сынѣ Стенькѣ Разина), считавшіяся прежде Пушкинскими подражаніями, оказались послѣ сличеній, сдѣланныхъ П. Голохвастовымъ [2]), не сочиненными поэтомъ, а только записанными имъ [3]). Такою же записью подлиннаго народнаго достоянія оказалась пѣсня „Изъ быта волжскихъ разбойниковъ" (точнѣе о морянинѣ или „Девять братьевъ разбойниковъ и сестра"), старинная пѣсня, кажется, новгородскаго происхожденія, которую поэтъ вѣроятно записалъ въ Псковской губерніи [4]). Изъ бытовыхъ пѣсенъ, записанныхъ поэтомъ въ 1825 году, въ изданіяхъ помѣщаются еще двѣ: „Какъ за церковью, за нѣмецкою" и „Во лѣскѣ дремучемъ, тутъ брала дѣвка ягоды" [5]), о которыхъ мы не знаемъ, вошли ли онѣ въ тетрадку, переданную Пушкинымъ Кирѣевскому. Затѣмъ два изъ черновыхъ набросковъ, относимыхъ къ 1833 году, до такой степени близки къ народнымъ пѣснямъ, („Одинъ-то былъ у отца у матери единый сынъ", и „Другъ мой милый, красно солнышко мое"), что производятъ впечатлѣніе лишь легкой ретушировки подлинныхъ пѣсенъ, которыя либо лежали предъ поэтомъ въ записи, либо хранились въ богатомъ запасѣ его памяти. Если къ перечисленнымъ Пушкинскимъ записямъ мы прибавимъ найденный недавно С. О. Долговымъ автографъ поэта съ отрывкомъ народной пѣсни, повидимому изъ казацкаго цикла, и тѣ отрывки изъ пѣсенъ, которые встрѣчаются, какъ эпиграфы надъ нѣкоторыми главами „Капитанской дочки" и приводятся въ примѣчаніяхъ къ исторіи Пугачевскаго бун-

---

1) Пѣсни Кирѣевскаго, вып. V, стр. 137, 138.

2) Въ газетѣ „Русь" 1881 г. №№ 11, 13, 16.

3) См. изд. Морозова т. I, стр. 372 и 373.

4) См. варіанты этой широко извѣстной пѣсни въ сборникѣ, изданномъ подъ редакціей проф. А. И. Соболевскаго въ т. I.

5) Изд. Морозова I, стр. 372.

та [1]), то, кажется, исчерпаемъ собраніе народныхъ пѣсенъ, записанныхъ поэтомъ лично. Но нѣтъ сомнѣнія, что благодаря любви къ народному и пѣснопѣнію, счастливой памяти, Пушкинъ зналъ множество и другихъ народныхъ пѣсенъ наизусть, выучивъ ихъ либо изъ тогдашнихъ сборниковъ (Чулкова, Новикова, Прача и др.), либо переиявъ отъ народа, такъ что въ свое время былъ дѣйствительно однимъ изъ лучшихъ знатоковъ русской народной поэзіи.

Народное творчество интересовало его во всемъ своемъ объемѣ, во всѣхъ областяхъ. Мы видѣли, какъ высоко цѣнилъ онъ народныя „чудесныя" сказки, которыя, по его болѣе позднему отзыву, (1831 г.) „ничуть не уступаютъ въ фантастической поэзіи преданіямъ ирландскимъ и германскимъ" [2]). Мы видѣли его собирателемъ и цѣнителемъ народныхъ пѣсенъ — эпическихъ и лирическихъ [3]). Но не менѣе увлекается онъ наивной прелестью легендъ и духовныхъ стиховъ. Въ письмѣ къ Плетневу (1831 г. апрѣль) онъ совѣтуетъ Жуковскому читать Четь-Минею, особенно легенды о кіевскихъ чудотворцахъ: „прелесть простоты и вымысла!" [4]). Въ 1836 году, когда по временамъ его вдохновеніе принимаетъ религіозное направленіе, онъ проситъ въ письмѣ Н. М. Языкова (14 апрѣля): „Пришлите мнѣ, ради Бога, стихъ объ Алексѣѣ, Божьемъ человѣкѣ и еще какую нибудь легенду; *нужно*" [5]). Знаменитая „Исторія села Горохина", эта яркая бытовая картина или вѣрнѣе эскизъ, шутливая пародія стиля и историческихъ пріемовъ Карамзина, свидѣтельствуетъ о знакомствѣ автора съ похоронными крестьянскими *причитаніями* [6]). Въ Критическихъ замѣткахъ поэта находимъ разборъ нѣкоторыхъ русскихъ *пословицъ* [7]). Словомъ, во всѣхъ областяхъ народнаго творчества мы видимъ у Пушкина добросовѣстное изученіе подлиннаго народнаго достоянія, нерѣдко изъ первыхъ рукъ, руководимое вполнѣ сознательнымъ убѣжде-

[1]) Изд. Морозова т. IV стр. 189, 196, 209, 215, 223. т. VI стр. (гдѣ приведенъ отрывокъ изъ одной солдатской пѣсни, записанной Пушкинымъ во время поѣздки на Уралъ).

[2]) Изд. Морозова VII, стр. 267.

[3]) См. его отзывъ о народныхъ пѣсняхъ въ „Мысляхъ на дорогѣ", изд. Морозова т. VII, стр. 232.

[4]) Изд. Морозова VII, стр. 267.

[5]) Тамъ же, стр. 397.

[6]) Изд. Морозова, стр. 106.

[7]) См. изд. Морозова V, стр. 137.

ніемъ въ необходимости такого внимательнаго изслѣдованія народности. Если при этомъ мы припомнимъ, въ какомъ положеніи засталъ поэтъ изученіе народности въ современной ему русской наукѣ, то убѣдимся, что по этому пути Пушкинъ шелъ самостоятельно, вынесъ свое убѣжденіе не изъ научной литературы, а изъ личныхъ наблюденій, изъ своихъ поѣздокъ по Россіи, и, какъ этнографъ любитель, предварилъ многихъ ученыхъ. Мастерскимъ, не превозойденнымъ до сихъ поръ, воспроизведеніемъ народнаго духа и колорита, достигнутымъ имъ въ нѣкоторыхъ, къ сожалѣнію, не оконченныхъ набросках еще въ 1825 году, онъ обязанъ не одному геніальному своему дарованію, но и внимательному собиранію и изученію народныхъ образцовъ, которые раскрыли ему народность такою, какою она не представлялась раньше ни ему, ни его предшественникамъ. Чтобы вполнѣ уяснить тѣ самостоятельные шаги, которые сдѣлалъ въ этомъ направленіи поэтъ при всей своей научной неподготовленности и своемъ полуфранцузскомъ воспитаніи, намъ слѣдуетъ теперь припомнить, каково было отношеніе къ народному элементу въ поэтической литературѣ, какъ предшествующіе и современные ему поэты пользовались этимъ элементомъ, въ какомъ видѣ онъ допускался въ „изящную" словесность...

Время, въ которое воспитывался Пушкинъ, не далеко ушло отъ XVIII вѣка въ пониманіи и художественномъ воспроизведеніи народности, обусловленныхъ господствомъ французскаго псевдоклассицизма во всѣхъ отрасляхъ изящной словесности. Наслѣдовавъ взглядъ и манеру литературной западной школы, наша зарождающаяся историческая литература видѣла въ періодѣ русской древности эпоху героическую и изображала ее во вкусѣ классической древности или отыскивала въ ней эпоху патріархальной невинности и простоты нравовъ, внося въ ея изображеніе представленіе классической идилліи. Въ такую же идиллическую патріархальность облекала поэзія и современный бытъ простонародья, прикрашивая и подрумянивая крестьянъ (пейзановъ), когда въ такъ называемыхъ операхъ изъ ихъ быта выпускалась на сцену народная толпа, для увеселенія публики родными пѣснями и на-

ціональвой пляской. Знакомая съ неизбѣжнымъ атрибутомъ псевдо-классицизма греко-римской миѳологіей, наша наука и литература изъ чувства соревнованія создавала древне-русскую миѳологію, отыскивая въ ней „боговъ“ и „богинь“, соотвѣтствовавшихъ классическимъ, пользуясь для этой цѣли самыми подозрительными источниками (Стрыйковскій, Кромеръ, Гизель и друг.). Лады, Лели, Позвизды и проч. чередовались у поэтовъ XVIII и начала XIX вѣка съ классическими Кипридами, Аполлонами, Эротами съ тѣмъ большей свободой, что изящная словесность могла ссылаться на авторитетъ современной науки. Такъ, Херасковъ не усомнился внести въ свою эпическую поэму „Владиміръ“ описаніе древнихъ русскихъ божествъ, почерпнутое имъ изъ такого источника, какъ книга Попова „Описаніе славянскаго баснословія“ (1768 г.), свободно дополнявшая воображеніемъ слишкомъ недостаточныя свѣдѣвія о древне-русскомъ Олимпѣ. При скудости историческихъ изслѣдованій возможны были еще въ началѣ XIX вѣка такія наивныя поддѣлки, какъ гимнъ Баяна на мнимо-старинномъ языкѣ, найденный въ „свиткѣ I вѣка“, вмѣстѣ съ нѣсколькими „проирреченіями пятаго столѣтія новогородскихъ жрецовъ“, переложенный Державинымъ въ стихи [1]). Съ интересомъ и довѣріемъ, какъ къ памятнику національной старины, сохранившейся якобы въ народѣ, еще читались въ это время сказки Мих. Дмитр. Чулкова [2]) (1780 г.), въ которыхъ разсказы о подвигахъ Добрыни, Тугарина на ряду съ народными отголосками свидѣтельствуютъ о богатой фантазіи издателя, и гдѣ на ряду съ нашими былиииыми именами являются разные Баламиры, Гассаны, волшебница Добрада, обрскіе князья, скиѳскія царевны, и русская миѳологія представлена богами Свѣтовидомъ, Ладою и проч[3]). При псевдо-классическомъ и затѣмъ сентиментально-идиллическомъ отношевіи къ народности, не удивительно, что ни высокохудожественный новооткрытый памятникъ русской поэзіи XII вѣка „Слово о Полку Игоревѣ“, ни подлинное народное достояніе, эпическія пѣсни, такъ наз. сборникъ Кирши Данилова, не встрѣ-

---

1) Пыпинъ. Исторія русской этнографіи I стр. 73.

2) Русскія сказки, содержащія древнѣйшія повѣствованія о славныхъ богатыряхъ, сказки народныя и прочія оставшіася чрезъ пересказываніе въ памяти приключенія. М. 1780—83 10 частей. 3-е изд., сокращенное въ 6 частяхъ. М. 1820.

3) Пыпинъ наз. соч. I стр. 68.

тили при своемъ появленіи въ свѣтъ ни научной, ни справедливой художественной оцѣнки, такъ какъ современные ученые и литераторы запутались въ теоретическихъ взглядахъ на нихъ. Такъ, первый рецензентъ, откликнувшійся въ журнальной литературѣ на изданіе „Древнихъ россійскихъ стихотвореній“ Якубовичемъ, извѣстный патріотическій писатель Сергѣй Глинка (1808 г.) припоминаетъ по поводу ихъ Иліаду и Одиссею, уподобляетъ наши былины въ „нѣкоторомъ смыслѣ“ поэмамъ Оссіяновымъ и старымъ французскимъ балладамъ, объясняетъ устную традицію, донесшую до насъ стихотворенія праотцевъ тѣмъ, что „наши праотцы были чувствительны, нѣжны и любили преданія прошедшихъ временъ“, разсматриваетъ пѣсни съ нравственной стороны, отыскивая въ нихъ образцовъ добродѣтелей предковъ, но представляетъ своимъ читателямъ нашихъ народныхъ богатырей то классическими героями, то средневѣковыми рыцарями и не умѣетъ открыть въ нихъ именно національныя русскія черты, уловить того вѣянія народности, которымъ запечатлены былины этого перваго по времени сборника. Болѣе ученый, чѣмъ С. Глинка, Калайдовичъ, давшій 2-е, болѣе полное изданіе „Древнихъ россійскихъ стихотвореній“ въ 1818 г., также не былъ въ состояніи вполнѣ уяснить его значеніе своимъ современникамъ. Какъ любитель русской народной старины, отголоски которой еще доходили до него непосредственно въ бытовавшихъ тогда и слышанныхъ имъ лично народныхъ старинныхъ сказкахъ и историческихъ пѣсняхъ, онъ понималъ цѣну „Древнихъ россійскихъ стихотвореній“ и не считалъ дѣломъ ниже своего достоинства, какъ серьезнаго ученаго филолога, заняться ихъ изданіемъ, но при господствѣ псевдоклассической теоріи о родахъ и видахъ піитическихъ произведеній онъ затруднялся вопросомъ, куда отнесть стихотворенія Кирши Данилова, какой взглядъ установить на ихъ слогъ, и, при отсутствіи научныхъ понятій о народномъ эпосѣ, не могъ уяснить себѣ настоящей роли Кирши, который то представляется ему собирателемъ, какимъ онъ и былъ въ дѣйствительности, то авторомъ, стихотворцемъ, слагавшимъ пѣсни изъ сказокъ подъ вкусъ необразованной и иногда „слишкомъ веселой“ публики. Каковъ былъ взглядъ на Бояна въ новооткрытомъ Словѣ о П. И. у Карамзина въ началѣ нашего столѣтія (въ 1802 г.) видно изъ его статейки о немъ, вошедшей въ „Пантеонъ россійскихъ авторовъ“. „Мы не знаемъ, говоритъ

Карамзинъ, когда жилъ Баянъ [1]) и что было содержаніемъ его *сладкихъ гимновъ* (sic); но желаніе сохранить имя и память древнѣйшаго русскаго поэта заставило насъ изобразить его въ началѣ сего изданія. Онъ (въ гравюрѣ) слушаетъ поющаго соловья и старается подражать ему на лирѣ (sic) [2]). Можетъ быть, жилъ Баянъ во времена Героя Олега (?); можетъ быть, пѣлъ онъ славный походъ сего Аргонавта къ Царю-Граду, или несчастную смерть храбраго Святослава, который съ горстью своихъ погибъ среди безчисленныхъ печенѣговъ, или блестящую красоту Ольги, ея невинность (?) въ сельскомъ уединеніи, ея славу на тронѣ". Отношеніе того же автора, самаго авторитетнаго писателя своего времени, къ русскимъ народнымъ сказкамъ всего ярче видно въ сложенной имъ (но не оконченной) богатырской сказкѣ „Илья Муромецъ", которая вызвала подражанье у юноши-Пушкина. Желая разсказать сказку „словомъ древности", какъ онъ обѣщаетъ читателю, Карамзинъ прибѣгаетъ къ особому стихотворному размѣру (3 хорея+дактиль), которымъ, по его увѣренію, сочинены почти всѣ наши старинныя пѣсни и, совершенно игнорируя народныя представленія о національномъ богатырѣ, изображаетъ „величайшаго изъ витязей, *чудодѣя* (sic) Илью Муромца" романтически настроеннымъ рыцаремъ, который хотя

Геснера не читывалъ,
Но, имѣя сердце нѣжное,
Любовался красотою дня;
Тихимъ шагомъ ѣхалъ по лугу,
И въ душѣ своей чувствительной
Жертву утреннюю, чистую
Приносилъ Царю небесному.

Илья Муромецъ, этотъ, по народному представленію, старый казакъ, не укидывавшійся, въ противоположность юнымъ богатырямъ, „на прелесть женскую", изображенъ въ такихъ чертахъ:

„Онъ подобенъ маю красному:
Розы алыя съ лилеями

---

[1]) Хотя вѣкъ Бояна (XI) довольно ясно опредѣляется въ Словѣ о П. И.

[2]) Итакъ и старинный русскій пѣвецъ не могъ обойтись безъ классической лиры.

Расцвѣтаютъ на лицѣ его.
Онъ подобенъ мирту нѣжному:
Тонокъ, прямъ и величавъ собой".

Встрѣчая въ шатрѣ спящую красавицу, нѣжный рыцарь тотчасъ влюбляется въ нее и, боясь нарушить ея сонъ,

„Рыцарь нашъ сидитъ какъ вкопаный.
Забываетъ пищу, нужный сонъ.
Всякій часъ, минуту каждую
Онъ находитъ нѣчто новое
Въ милыхъ прелестяхъ красавицы,
И—недѣли цѣлой нѣтъ въ году!".

Неизвѣстно, почему Карамзинъ не окончилъ своей понравившейся современникамъ „богатырской сказки" въ народномъ духѣ, какимъ онъ допускался въ то время въ изящную словесность, но по началу видно, что его сказка вышла бы произведеніемъ во вкусѣ „русскихъ сказокъ" Чулкова, лишь съ бо́льшей примѣсью нѣжной чувствительности, которую такъ высоко ставилъ сентиментальный авторъ и въ герояхъ русской древности въ своей Исторіи, и въ народныхъ сказочныхъ богатыряхъ. Не выше были представленія о „народности" и попытки къ ея воспроизведенію у ближайшихъ учителей юнаго Пушкина—Жуковскаго и Батюшкова. Воспитанный среди впечатлѣній деревенской жизни и затѣмъ прожившій немало лѣтъ своей молодости въ усадьбѣ, Жуковскій, подъ вліяніемъ карамзинской сентиментальности и затѣмъ нѣмецкаго романтизма, оказался мало воспріимчивымъ къ русской народно-поэтической струѣ въ пѣсняхъ и сказкахъ и не пошелъ въ пониманіи ея и воспроизведеніи далѣе Чулкова и Карамзина. Онъ не затрудняется выводить гальскихъ бардовъ, поющихъ надъ гробомъ славянъ побѣдителей, придавать Громобоямъ и Вадимамъ колоритъ оссіановской древности и западнаго средневѣковаго рыцарства и положить въ основу содержанія своей *русской* баллады (Вадимъ) посредственный нѣмецкій фантастическій романъ. Стремленіе къ народности замѣтнѣе въ Жуковскомъ позднѣе, въ 30-хъ годахъ, когда онъ, соревнуя съ Пушкинымъ, воспроизводитъ въ стихахъ сообщенныя ему послѣднимъ народныя сказки о царѣ Берендеѣ и о спящей царевнѣ Но и эти сказки, восхищавшія

Надеждина, едва ли удовлетворятъ насъ теперь своимъ quasi народнымъ колоритомъ. Въ первой изъ нихъ едва ли удачно выбранъ и размѣръ (гекзаметръ) для передачи разсказа въ народномъ стилѣ. „*Министръ*" у Берендея, *дворецъ изъ карбункула* у Кощея безсмертнаго съ „*регулярнымъ*" садомъ, „*добрый*" ракъ и тому подобныя детали—все это слишкомъ сомнительная народность, не говоря уже о языкѣ, въ которомъ нерѣдко встрѣчаются отвлеченныя литературныя выраженія. Мы не можемъ уже вмѣстѣ съ Надеждинымъ видѣть въ „сказкѣ о спящей царевнѣ" Жуковскаго „блистательнѣйшій разсвѣтъ русской народности въ поэзіи" [1]).

Стремился къ народности и Батюшковъ, котораго вліяніе на Пушкина не ограничивалось одною стихотворной техникой, но проявлялось въ лицейскую пору Пушкина и въ выборѣ предметовъ для поэтическаго творчества. „По всей вѣроятности, предполагаетъ Л. Н. Майковъ, еще при первомъ свиданіи въ 1815 году они обмѣнялись мыслями о возможности поэмы на мотивы изъ русскаго сказочнаго міра: по крайней мѣрѣ Пушкинъ, вспоминая объ этой встрѣчѣ годъ спустя, въ письмѣ къ кн. Вяземскому, утверждалъ, что Батюшковъ тогда, завоевалъ у него Бову королевича" [2]). Тотъ же изслѣдователь склоненъ думать, что мысль о „Русланѣ и Людмилѣ" зародилась у Пушкина подъ впечатлѣніемъ бесѣдъ съ Батюшковымъ [3]). Но рано погибшій для русской литературы поэтъ не осуществилъ своихъ поэтическихъ замысловъ, не оставилъ „русской" поэмы, да едва ли его изящная лира, слишкомъ часто издававшая звуки подновленнаго эллинизма, была способна къ исполненію задуманной поэмы въ дѣйствительно народномъ духѣ.

Другой старшій современникъ Пушкина Катенинъ, котораго литературное образованіе и вкусъ такъ высоко всегда цѣнилъ поэтъ, также обращался въ своихъ лирическихъ и эпическихъ произведеніяхъ къ русскойжизни и старинѣ (Старая быль, Пѣвецъ Усладъ, Мстиславъ Мстиславичъ) и изображенію послѣдней посвятилъ цѣлую большую поэму (сказка „Милуша, въ 1834 г.).

---

1) Пыпинъ. Исторія русс. этнографіи I, стр. 240.

2) Майковъ—Историко-литературные очерки стр. 193.

3) Тамъ же стр. 194

Но и его творенія въ русскомъ духѣ, при всемъ стремленіи автора къ нему, блещутъ полнымъ отсутствіемъ народности [1]). Насколько подслащена народность сентиментальной приторностью въ русскихъ пѣсняхъ илиромансахъ Нелединскаго-Мелецкаго, Дмитріева, Мерзлякова и Дельвига, слишкомъ извѣстно.

Понятно, каковы должны были быть первые шаги Пушкина въ его лицейскіе годы, когда онъ пѣлъ еще не своимъ голосомъ и, слѣдуя своимъ образцамъ и духу времени, обращался къ эпическимъ опытамъ въ *народномъ* стилѣ. Зная народную (точнѣе обнародившуюся) сказку о Бовѣ съ дѣтства и подражая Радищеву, 16-лѣтній поэтъ задумываетъ обработать ее въ видѣ поэмы. Музой, вдохновившей его, былъ никто иной, какъ Вольтеръ. Юный авторъ говоритъ во вступленіи:

Отыскалъ я книжку славную,
Золотую незабвенную,
Прочиталъ— и въ восхищеніи
Про Бову пою царевича.

Въ рукописной тетрадкѣ Пушкина (въ Румянцовскомъ музеѣ), просмотрѣнной проф. Незеленовымъ, слѣдуетъ поясненіе „незабвенной“ книжки, отысканной авторомъ:

Катехизисъ остроумія,
Словомъ—„Жанну Орлеанскую“...

и далѣе шутливое обращеніе къ Вольтеру, кончающееся стихами:

Будь теперь моею музою!
Пѣть я тоже вознамѣрился,
Но сравняюсь ли съ Радищевымъ? [2]).

Итакъ юношѣ поэту въ то время еще нравилась циническая сказка Радищева „Бова“, написанная, по собственному указанію автора, въ подражаніе Вольтеру. Впослѣдствіи, въ 30-хъ годахъ, не отрицая нѣкоторыхъ достоинствъ „Бовы“ Радищева, Пушкинъ сознается, что въ немъ „нѣтъ и тѣни народности, необходимой въ твореніяхъ такого рода“ [3]). Конечно не могло быть и тѣни народности въ начатой сказкѣ юнаго Пушкина, съ ея французской игривостью, неудачно борющейся съ quasi русскимъ народ-

---

[1]) См. Е. Пѣтуховъ—Біографія Катенина. Истор. Вѣстн. 1888 кн. 9, стр. 573.
[2]) См. Незеленова—Шесть статей о Пушкинѣ 1892, стр. 71.
[3]) Въ статьѣ объ А. Радищевѣ, изд. Морозова V, стр. 355.

нымъ стихомъ, перенятымъ авторомъ у Карамзина. Можетъ быть, художественный инстинктъ, быстро развившійся у поэта уже въ его лицейскіе годы, удержалъ его отъ продолженія сказки въ этомъ же фальшивомъ тонѣ, и онъ переуступилъ этотъ облюбованный имъ для поэмы сюжетъ Батюшкову.

Разыскивая источники, вдохновившіе Руслана и Людмилу, это первое крупное произведеніе Пушкина съ задатками самостоятельнаго творчества, указывали на реминисценціи изъ Аріоста, на Вадима Жуковскаго, на вліяніе нѣкоторыхъ персонажей и обстановки чудесныхъ сказокъ Гамильтона, на эпизодъ съ головой, почерпнутый авторомъ изъ лубочной сказки объ Еруслапѣ Лазаревичѣ, давшей и имя герою поэмы, наконецъ, на „Богатырскія повѣсти въ стихахъ *Николая* Радищева (Алеша Поповичъ и Чурила Пленковичъ, вышедшія въ Москвѣ въ 1801 г. [1]). Каковы бы ни были русскіе источники Пушкина, когда юный авторъ переносился воображеніемъ въ

Дѣла давно минувшихъ дней,
Преданья старины глубокой,

онъ не сумѣлъ выдержать колорита народности русской сказочной старины. Старый князь Владиміръ, хотя называется „красное солнышко“, нисколько не похожъ на свой прочно установленный молодецкій обликъ въ народныхъ былинахъ, которыя изображаютъ, какъ „онъ въ свѣтлой гридницѣ похаживаетъ, желтыми кудрями потряхиваетъ“. Русланъ мало напоминаетъ сказочнаго Еруслана Лазаревича и еще менѣе нашихъ былинныхъ богатырей. Внесеніе Баяна сладостнаго пѣвца, славящаго на свадебномъ пиру

Людмилу-прелесть Руслана
И Лелемъ свитый имъ вѣнецъ,

обнаруживаетъ въ авторѣ то же отношеніе къ русской старинѣ, которое находимъ у поэтовъ предшествующаго поколѣнія. Народно-русское, кромѣ нѣкоторыхъ сказочныхъ мотивовъ, представлено только нѣкоторыми историческими или эпическими именами, и мнѣніе проф. Владимірова, что Пушкинъ при созданіи Руслана и Людмилы между прочимъ воспользовался и Киршей Даниловымъ—

---

[1]) См. статью проф. П. Владимірова—Происхожденіе „Руслана и Людмилы“ А. С. Пушкина. (Чит. въ Истор. Обществѣ Нестора-лѣтописца въ 1895 г.).

его сборникомъ народныхъ былинъ и историческихъ пѣсенъ [1]), представляется мнѣ мало вѣроятнымъ.

Трудно допустить, чтобы знакомство съ подлиннымъ народымъ эпосомъ, съ эпическими богатырями, пирующими въ гридницѣ Владиміра, съ народными пріемами повѣствованія, съ эпическимъ былиннымъ языкомъ, не отразилось ярче на воспріимчивой фантазіи поэта, если мы вспомнимъ, какъ быстро онъ воспринималъ и какъ мастерски воспроизводилъ народную струю, когда съ нею впослѣдствіи ближе познакомился. Намъ кажется, что, зная былинныхъ богатырей, поэтъ не взялъ бы имя Рогдая, богатыря вовсе неизвѣстнаго былинамъ, а упоминаемаго въ позднихъ лѣтописныхъ извѣстіяхъ (напр. въ Никоновскомъ сводѣ) въ числѣ богатырей, жившихъ при князѣ Владимірѣ. Не зачѣмъ было бы поэту создавать фантастическаго „страстнаго" хазарскаго хана Ратмира (носящаго притомъ славянское имя), еслибъ онъ былъ знакомъ съ нашими увлекающимися „женской прелестью" богатырями, вродѣ Алеши Поповича или кіевскаго щапа (франта) Чурилы Пленковича [2]). Впрочемъ, быстро шедшій впередъ поэтъ, впослѣдствіи, какъ извѣстно, самъ сознавалъ слабость своей первой поэмы и, вѣроятно, невыдержанность въ ней народнаго элемента. Въ своихъ „Критическихъ замѣткахъ" онъ называетъ „весьма дѣльными" вопросы (Д. П. Зыкова), явившіеся въ печати въ 1820 г.

---

1) Названная статья, стр. 8 отд. оттиска.

2) Впослѣдствіи Кирша Даниловъ былъ хорошо извѣстенъ Пушкину. См. приводимый имъ изъ Древ. русс. стихотвореній стихъ „онъ шипъ пустилъ по змѣиному, въ „Критическихъ замѣткахъ" (изд. Морозова, V, стр. 128). Другое указаніе на существованіе Кирши Данилова въ библіотекѣ Пушкина даетъ кн. Пав. Петр. Вяземскій. Описывая квартиру Пушкина въ день его свадьбы 18 февраля 1831 г., Вяземскій говоритъ, что „нашелъ на одной изъ полочекъ, устроенныхъ по обоимъ бокамъ дивана (въ кабинетѣ), никогда мною не виданное и не слыханное собраніе стихотвореній Кирши Данилова"... (которое было у Пушкина очевидно настольной книгой). „Съ жадностью, продолжаетъ Вяземскій, слушалъ я высказываемое Пушкинымъ своимъ друзьямъ мнѣніе о прелести и значеніи богатырскихъ сказовъ и звучности народнаго русскаго стиха. Тутъ же я услыхалъ, что Пушкинъ обратилъ свое вниманіе на народное сокровище, коего только часть сохранилась въ сборникѣ Кирши Данилова, что имѣется много чудныхъ поэтическихъ пѣсенъ, доселѣ неизданныхъ, и что дѣло это находится въ надежныхъ рукахъ Кирѣевскаго". (См. А. С. Пушкинъ, 1826—1837, по документамъ Остафьевскаго Архива и личнымъ воспоминаніямъ. Спб. 1880, стр. 42).

(въ „Сынѣ Отечества“, ч. 64) по поводу его поэмы, и въ предисловіи ко 2-му изданію ея въ 1828 г. самъ приводитъ безъ возраженія нѣкоторые изъ нихъ. А между ними есть одинъ прямо указывающій на отсутствіе народнаго въ способѣ выраженія Руслана, когда онъ говоритъ:

„О поле, поле, кто тебя
Усѣялъ мертвыми костями?
. . . .
Зачѣмъ же поле смолкло ты
И поросло *травой забвенья*?..
Временъ отъ вѣчной темноты,
Быть можетъ, нѣтъ и мнѣ спасенья! и проч.

„Такъ ли, спрашиваетъ критикъ,“говорили русскіе богатыри? [1])

Если вообще юный поэтъ, отыскивавшій себѣ безъ руководителя ощупью путь къ народности въ своемъ первомъ опытѣ нуждается въ снисхожденіи, то нельзя не напомнить, что нѣкоторымъ чопорнымъ критикамъ его времени народность даже въ такомъ невинно-шутливомъ видѣ, въ какомъ рисуется въ поэмѣ Пушкина, казалась просто предосудительной. Критикъ „Невскаго Зрителя“ возмущается тѣмъ, что авторъ обратился къ Еруслану Лазаревичу“, низвелъ „языкъ боговъ“ (т. е. поэзіи) до описанія грубаго, простонароднаго волшебства, а помѣщеніе кн. Владиміра въ поэмѣ даже счелъ оскорбленіемъ религіознаго чувства. Еще болѣе возмущенъ поэмой критикъ „Вѣстника Европы“ тѣмъ, что „въ стихотвореніяхъ XIX вѣка заблистали Еруслань и Бовы на новый манеръ“ и что между нами снова появились „плоскія шутки старины“. Очевидно, юный поэтъ, внесшій въ свое первое крупное произведеніе отголоски русской сказочной старины, насколько онъ понималъ въ то время ея характеръ, немногому могъ поучиться ни отъ своихъ панегиристовъ, ни отъ своихъ хулителей. Но, не говоря уже о художественномъ достоинствѣ поэмы, для своего времени, она въ исторіи нашей поэзіи никогда не потеряетъ значенія, какъ первый опытъ поэтической разработки мотивовъ изъ русскаго сказочнаго міра юнымъ авторомъ, еще мало съ этимъ знакомымъ, но рискнувшимъ, наперекоръ чопорности современ-

---

[1]) Изд. Морозова, V, стр 198.

никовъ, воспользоваться (horribile dictu) между прочимъ деталями лубочной сказки и внести въ языкъ поэмы не мало бойкихъ чисто народныхъ выраженій.

Но вотъ Пушкинъ на югѣ, среди впечатлѣній новой природы, новыхъ народностей и—съ Байрономъ въ рукахъ. Байроническіе герои и героини, плѣнившіе его юношеское воображеніе, облекаются въ костюмы черкесовъ, татаръ, цыгановъ, дѣйствуя и разсуждая среди обстановки, которую поэтъ-этнографъ рисуетъ намъ не только дивными стихами, но иногда и близко къ дѣйствительности. Байронически настроенный поэтъ еще не чуждъ поэтической идеализаціи быта черкесовъ, крымскихъ татаръ и бессарабскихъ цыгановъ, но въ его эскизахъ чувствуется уже рука будущаго великаго мастера. Въ народныхъ пѣсняхъ (черкесской, татарской), внесенныхъ поэтомъ изъ подражанія Байрону, для приданія мѣстнаго колорита (couleur locale), поэтъ удачно умѣетъ сгруппировать типичныя черты народности, соотвѣтствующія и настроенію поющихъ эти пѣсни лицъ. Напомнимъ, что знаменитая пѣсня Земфиры (въ Цыганахъ) представляетъ не переводъ, а удачное подражаніе народной румынской пѣснѣ (Ардемэ, фриджемъ), сохраняющее ея національный колоритъ и тонъ [1]).

Но, повидимому, Пушкина и на югѣ среди пестраго калейдоскопа разныхъ народностей не покидаетъ мысль создать поэму изъ русской народной жизни, изъ быта русскихъ разбойниковъ. Въ бумагахъ поэта сохранился набросанный имъ краткій планъ будущей поэмы. Поэма была начата, но авторъ сжегъ ее, и лишь отрывокъ „Братья-разбойники", сохраненый Н. Н. Раевскимъ, впослѣдствіи появился въ печати. „Какъ сюжетъ c'est un tour de force. Это не похвала, напротивъ";—такъ высказывался самъ авторъ (въ 23 году, въ интимномъ письмѣ къ Вяземскому) о своей поэмѣ, но слогомъ ея онъ былъ (въ то время) доволенъ: „какъ слогъ—я ничего лучшаго не написалъ", замѣчаетъ онъ въ томъ же письмѣ. Подъ обаяніемъ дивныхъ строфъ Шильонскаго узника, запечатлѣвшагося въ его воображеніи, поэтъ еще не замѣчалъ мелодраматическихъ позъ своего разбойника, не чувствовалъ

---

[1]) См. Замѣтку А. Яцимирскаго—Пѣсня Земфиры въ „Цыганахъ" А. Пушкина и цыганская хора. „Извѣстія Отд. р. яз. и словесн. И. Акад. Н." 1899, кн. I, стр. 301—304.

аффектаціи въ его бурномъ монологѣ и разлада въ выраженіяхъ его мыслей, которыя то отзываются народнымъ складомъ, то стилемъ Байрона. Конечно, впослѣдствіи, даже въ концѣ того же десятилѣтія, Пушкинъ не повторилъ бы своего мнѣнія о слогѣ „Братьевъ-разбойниковъ", котораго невыдержанность онъ не могъ не чувствовать послѣ „Евгенія Онѣгина" и „Бориса Годунова". Пора полнаго расцвѣта таланта, пора его поворота на путь самостоятельнаго творчества въ національномъ духѣ наступила для Пушкина не въ разноплеменныхъ южныхъ городахъ—Кишиневѣ и Одессѣ,—а въ въ русской сѣверной деревенской глуши—въ Михайловскомъ, гдѣ онъ „провелъ отшельникомъ два года незамѣтныхъ".

Великорусская деревня, съ ея родными мирными картинами природы и знакомыми типами населенія, должна была захватить впечатлительнаго поэта съ тѣмъ больнею силою, что онъ уединился въ ней послѣ нѣсколькихъ лѣтъ бурной жизни на югѣ, среди картинъ совершенно другого характера Тревожный духъ его, подогрѣваемый личными столкновеніями, нерѣдко шероховатыми, успокаивается, поэтъ можетъ работать не урывками, какъ въ Кишиневѣ и Одессѣ, а усидчиво, не развлекаемый неразборчивымъ кружкомъ пріятелей, который всюду преслѣдовалъ его, благодаря его популярности и общительности. Претворяя въ художественные образы испытываемыя впечатлѣнія, онъ долженъ былъ, создавая первыя 2 главы „Евгенія Онѣгина" еще на югѣ, переноситься въ своемъ воображеніи въ жизнь столичную и деревенскую и воскрешать раньше испытанное. Теперь, въ Михайловскомъ, онъ окруженъ тою же средою, въ которой выводитъ своихъ героевъ, переживаетъ впечатлѣнія Онѣгина въ деревнѣ, наблюдаетъ Лариныхъ, какъ бы въ ихъ усадьбѣ. Отсюда яркость и сочность красокъ и художественная твердость рисунка въ „михайловскихъ" главахъ романа; отсюда вдохновенное проникновеніе въ духовную жизнь Татьяны, которая, при всей художественной прозорливости поэта, могла быть понята имъ только въ связи съ непосредственными наблюденіями всего склада помѣщичьей жизни. Міровоззрѣніе Татьяны, сложившееся изъ дѣтскихъ впечатлѣній, „преданій простонародной старины" и сентиментальныхъ романовъ, такъ ярко выразившееся и въ ея романтическомъ дѣвичьемъ письмѣ, и въ ея снѣ, полномъ русской сказочной фантастики, ея няня, напоминающая

Арину Родіоновну, эскизы помѣщичьихъ типовъ, картины русской зимы и святокъ, съ ихъ пѣснями и гаданіями,—всѣ эти перлы поэзіи Пушкина и русской поэзіи вообще создались въ деревнѣ, какъ продуктъ спокойнаго, вдумчиваго труда великаго мастера, вполнѣ освободившагося отъ постороннихъ вліяній, сознавшаго свойства своего дарованія и намѣтившаго ему цѣль въ художественномъ творчествѣ. Интересно наблюдать, какъ быстро и удачно утилизируетъ поэтъ свои „михайловскіе" народные матеріалы въ произведеніяхъ этого періода, обогащая свой языкъ народными словами и картины быта—сказками и пѣснями. Приведемъ два-три примѣра. Такъ, уже въ концѣ 3-й главы (начатой на югѣ и оконченной въ Михайловскомъ 2-го октября 24 г.), появляется пѣсня дѣвушекъ („Дѣвицы красавицы, Душеньки подруженьки"), сочиненная, но вполнѣ народная по духу, очевидно, навѣянная складомъ пѣсней, подслушанныхъ поэтомъ у народа. Въ главѣ 5-й, при описаніи гаданья Татьяны, Пушкинъ удачно припоминаетъ подблюдныя пѣсни:

Тамъ мужички-то все богаты,
Гребутъ лопатой серебро
Кому поемъ, тому добро
И слава [1]). Но сулитъ утраты
Сей пѣсни жалостный напѣвъ:
Милѣй кошурка сердцу дѣвъ [2]).

Въ той же главѣ художественной реминисценціей русскихъ сказокъ является во снѣ Татьяны услужливый медвѣдь, уносящій Татьяну въ лѣсную избушку и заговорившій съ ней человѣчьимъ голосомъ:

Здѣсь мой кумъ:
Погрѣйся у него немножко.

---

1) Въ варіантѣ, напечатанномъ у Сахарова, пѣсня читается такъ:
У Спаса въ Чигасахъ за Яузою, Слава!
Живутъ мужики богатые, Слава!
Гребутъ золото лопатами, Слава!
Чисто серебро лукошками, Слава!

2) Намекъ на пѣсню:
Зоветъ котъ кошурку
Въ печурку спать.

Всякій, нѣсколько знакомый съ взглядами крестьянъ на медвѣдя, съ повѣрьями о немъ и съ его ролью въ сказкахъ, невольно почувствуетъ, откуда появился медвѣдь въ воображеніи Пушкина и затѣмъ во снѣ Татьяны, заснувшей съ зеркаломъ подъ подушкой, послѣ святочныхъ гаданій, настроившихъ ея воображенье въ духѣ народныхъ повѣрій. Съ какимъ напряженнымъ интересомъ прислушивался Пушкинъ къ народному говору, видно взъ средствъ, которыя онъ употреблялъ, чтобы сблизиться съ народомъ. Во время пребыванія въ Псковѣ онъ ходилъ по базарамъ, переодѣтый въ мѣщанскій костюмъ. По свидѣтельству двороваго человѣка, жившаго при Пушкинѣ въ Михайловскомъ, онъ любилъ посѣщать сельскія ярмарки, собирать къ себѣ нищихъ слѣпцовъ, запросто бесѣдовать съ простонародьемъ и слушать пѣсни [1]. Это „хожденіе въ народъ" не было простымъ поэтическимъ капризомъ, а вызываемо было вполнѣ сознанною потребностью изучить его бытъ, складъ понятій и способъ выраженій. Вспомнимъ, что въ то же время Пушкинъ записываетъ пѣсни и сказки, изучаетъ русскую исторію, читаетъ лѣтописи, чтобы угадать характеръ и языкъ выводимыхъ имъ въ драмѣ историческихъ лицъ. Отголоски національной старины въ настоящемъ, сохранившіеся еще въ деревенской обрядности въ пѣсняхъ, сказкахъ, пословицахъ, языкѣ, манили его въ прошедшее и служили для пониманія послѣдняго какъ бы комментаріемъ и иллюстраціей. Такъ, уснащенныя народнымъ юморомъ прибаутки, пестрившія языкъ одного духовнаго лица, знакомаго Пушкину въ это время, подали поэту мысль охарактеризовать „прибауточнымъ" говоромъ бродягу-чернеца Варлаама въ извѣстной сценѣ „Корчма на Литовской границѣ".

Сказки, записанныя въ Михайловскомъ отъ Арины Родіоновны, были разработаны поэтомъ лишь впослѣдствіи, но одна изъ нихъ „О купеческ.й дочери и разбойникахъ" уже теперь была художественно воспроизведена имъ въ первой вполнѣ русской балладѣ

[1]) См. въ „Русской старинѣ"—разсказъ К. А. Тимоѳеева о поѣздкѣ въ Михайловское въ 1859 г.—май 1899 г., стр. 272. По свидѣтельству крестьянина деревни Гайки (бл..зъ Михайловскаго) Аѳанасія Васильева, Пушкинъ записывалъ духовные стихи: „Въ девятую пятницу поютъ старцы, а онъ сидитъ и пишетъ ихъ стихи". См. С.-Петер. Вѣдомости 1899, № 130 (15 мая). Замѣтка: „Воспоминаніе крестьянина о Пушкинѣ".

„Женихъ“. Наброски „Жениха“ находятся среди черновыхъ набросковъ IV главы „Онѣгина“ и „Цыганъ“, почему должны быть отнесены къ концу 24 и началу 25 года, слѣдовательно уже къ первымъ мѣсяцамъ пребыванія Пушкина въ деревнѣ. Задумавъ обработать въ балладу этотъ благодарный сюжетъ, поэтъ еще не прибѣгаетъ къ самой формѣ народнаго стиха и останавливается на 8-строчной строфѣ съ риѳмами, освященной „балладникомъ“ Жуковскимъ. Но выборъ стихотворнаго размѣра нисколько не повредилъ народности, проявившейся въ яркой обрисовкѣ дѣйствующихъ лицъ, въ силѣ и въ мѣткости языка, пересыпаннаго поговорками, въ типичности свахи и въ діалогической формѣ изложенія наиболѣе драматическихъ мѣстъ. Намъ лично непонятны сомнѣнія, высказанныя г. Ефремовымъ въ народности „Жениха“ и строгая оцѣнка баллады проф. А. И. Незеленовымъ, называющимъ ее „вещью положительно неудачной“. Изъ разсмотрѣнія болѣе 20 варьянтовъ того же сюжета въ сказкахъ русскихъ и многихъ другихъ народовъ проф. Сумцовъ, посвятившій „Жениху“ небольшую статью, приходитъ къ выводу, что Пушкинъ передалъ всѣ главные мотивы сказки въ такомъ порядкѣ, въ какомъ они идутъ въ большинствѣ варіантовъ... Вмѣстѣ съ тѣмъ въ „Женихѣ“ ясно обнаруживаются собственно пушкинскіе элементы—въ яркости языка, въ бойкой игрѣ словъ, въ обрисовкѣ свахи и сватовства, въ отраженіи патріархальныхъ семейныхъ началъ русской жизни и русской природы, въ характерныхъ остаткахъ русской бытовой старины [1]). Замѣтимъ въ заключеніе, что комбинація „народныхъ“ матеріаловъ здѣсь, какъ и въ другихъ воспроизведеніяхъ поэтомъ народныхъ сюжетовъ, навсегда останется для насъ тайной, какъ работа творческой мысли генія, но самыя матеріалы—сюжетъ, языкъ—были почерпнуты художникомъ въ самомъ народѣ, который онъ изучалъ съ любовью и вниманіемъ этнографа.

Еще болѣе яркимъ примѣромъ удивительнаго процесса полнаго усвоенія народнаго духа и склада являются два отрывка—подражанія народнымъ стихамъ, сохранившіеся въ рукописяхъ Пушкина—начало сказки о медвѣдицѣ и нѣсколько стиховъ о вылетѣ первой весенней пчелки. Это только эскизы, пробы пера.

---

[1]) Этюды о Пушкинѣ, вып. V, стр. 15.

Намъ неизвѣстно, какъ повелъ бы Пушкинъ дальше свою сказку о медвѣдицѣ, почему онъ не возвращался болѣе къ этому виртуозному началу, набросанному, повидимому, не въ Михайловскомъ (какъ предполагалъ Анненковъ), а позже въ 1830 году. Но тѣмъ сильнѣе заинтересовываетъ насъ облекающая отрывокъ тайна. Передъ нами какъ будто запись подлинной народной пѣсни, но, всматриваясь къ нее пристальнѣе, мы замѣчаемъ, что это—попытка къ художественному воспроизведенію, руководимая замысломъ сохранить весь колоритъ народности, незлобивый юморъ, мѣткія характеристики, типическій стихъ, попытка, дающая, какъ справедливо выразился Анненковъ [1]), „впечатлѣніе деревенской пѣсни, пропѣтой великимъ мастеромъ". Можно было бы посвятить цѣлый небольшой этюдъ разбору сказки о медвѣдицѣ съ этнографической точки зрѣнія. Въ ней, на нашъ взглядъ, мы находимъ самое высшее у Пушкина проявленіе его близкаго знакомства съ духомъ русской народной поэзіи и умѣнья художественно воспроизводить ея мотивы. Но ограничимся двумя-тремя замѣчаніями. Сказка задумана изъ русскаго животнаго міра и начинаетъ разсказъ о событіи, случившемся въ лѣсномъ царствѣ—въ семьѣ медвѣдя-боярина. Уже выборъ героемъ разсказа этого любимаго персонажа народныхъ сказокъ о животныхъ весьма характеренъ. Нашъ бурый Мишка всегда пользовался народной симпатіей и своими свойствами—неуклюжестью, лакомствомъ, человѣкоподобными позами—служилъ мишенью народному юмору. Вспомнимъ, какъ въ сказкахъ Мишка дружитъ съ мужикомъ и поддается обману, какъ нанимается плакать по старухѣ, напивается пьянъ, приживаетъ съ женщиной сына, пугается кота въ лѣсу и проч. и проч. Понятно, что такая фигура могла дать обильный матеріалъ и поэту для шутливой характеристики. Но медвѣдь бояринъ въ лѣсу, его семейное горе—смерть сударушки медвѣдихи—вызываетъ сочувствіе и другихъ звѣрей, собирающихся къ нему по этому печальному поводу. Здѣсь удобный моментъ для Пушкина набросать краткія въ народномъ духѣ характеристики звѣрей иногда двумя-тремя типичными эпитетами. Знакомый съ народными пѣснями и сказками Пушкинъ зналъ, что животный міръ, извѣстный русскому крестьянину, и звѣри, и птицы, и рыбы, и даже насѣкомыя,—

---

[1]) Матеріалы изд. 1873 г., стр. 145.

даетъ обильную пищу его наблюдательности, вызываетъ въ его воображеніи сравненіе съ міромъ людей и возбуждаетъ тотъ благодушный юморъ, въ которомъ чувствуется симпатія ко всему живому. Онъ могъ знать извѣстную нынѣ во многихъ записяхъ старинку о птицахъ и звѣряхъ, содержащую характеристику болѣе 30 представителей животнаго царства, въ которомъ крестьянинъ находилъ все знакомыя ему лица: боярина (лебедь), стряпчаго (ястребъ), ябедника (вытлюгъ), пономаря (журавль), кожемяку (медвѣдь), овчинника (волкъ), красну дѣвушку (ластушку) и проч.[1]) Мы не можемъ болѣе точно указать простонародный матеріалъ, которымъ воспользовался Пушкинъ: по всей вѣроятности, это не была одна опредѣленная пѣсня. Въ сказкѣ о медвѣдицѣ мы видимъ скорѣе такое же художественное собраніе въ одинъ фокусъ народныхъ красокъ, запечатлѣвшихся въ богатой памяти поэта, какъ въ его знаменитомъ (написанномъ въ 28 году) прологѣ къ Руслану и Людмилѣ, этомъ дивномъ калейдоскопѣ русскихъ сказочныхъ мотивовъ.

Подъ вліяніемъ слушанья и записыванья народныхъ пѣсенъ, которыми Пушкинъ увлекался въ Михайловскомъ, разнообразные художественные образы, возникающіе по временамъ въ его воображеніи, какъ бы невольно принимаютъ очертанія въ народномъ духѣ и отливаются въ стихи народнаго склада. Это можно наблюдать въ нѣкоторыхъ черновыхъ наброскахъ 25-го года. Таковъ мелькнувшій передъ нимъ образъ пляшущей цыганочки, можетъ быть, запечатлѣвшійся въ его памяти еще въ Кишиневѣ. Появившись въ русской деревнѣ, эта сценка дала пѣсенку (къ сожалѣнію неоконченную), живо напоминающую по складу народныя плясовыя пѣсни съ обычнымъ припѣвомъ.

Колокольчики звенятъ,
Барабанчики гремятъ,
А люди-то, люди—
Ай люшеньки-люли!
А люди-то люди
На цыганочку глядятъ;
А цыганочка-то пляшетъ,

---

[1]) См. эту старинку у Гильфердинга №№ 62, 130, 137, 264, 280, 298; у Рыбникова I, 87, II 59, III 57—60, 61; у Шейна—Великоруссъ I, стр. 285.

Въ барабанчики-то бьетъ,
И шириночкой-то машетъ,
Заливается—поетъ:
„Я пѣвунья, я пѣвица,
Ворожить я мастерица.

Переносясь мыслью къ своему африканскому предку Абраму Ганнибалу, быть можетъ, обдумывая нѣкоторыя детали своей будущей повѣсти (Арапъ Петра Великаго, написанной двумя годами позже), Пушкинъ въ черновомъ наброскѣ 25 года изображаетъ сцену выбора арапомъ себѣ невѣсты изъ русскихъ боярышень складомъ народной пѣсни, начиная ее такъ, какъ начинаются сотни нашихъ пѣсенъ—параллелью изъ міра животныхъ:

Черный воронъ выбиралъ бѣлую лебедушку,—
Какъ жениться задумалъ царскій арапъ.
Межъ боярынь арапъ похаживаетъ,
На боярышень арапъ поглядываетъ.
Что выбралъ арапъ себѣ сударушку,
Черный воронъ—бѣлую лебедушку,
А какъ онъ, арапъ, чернешенекъ,
А она-то, душа, бѣлешенька...

Такимъ образомъ двухлѣтнее пребываніе въ Михайловскомъ, въ постоянномъ тѣсномъ общеніи съ народомъ, съ произведеніями его безыскуственнаго творчества, съ его языкомъ, въ связи съ серьознымъ историческимъ чтеніемъ, было самымъ плодотворнымъ періодомъ жизни поэта, было его послѣдней, высшей школой, которая выпустила его великимъ національнымъ художникомъ слова. Великое значеніе Пушкина вполнѣ уяснено. Ограничивая свою задачу только одною стороною художественнаго творчества поэта, тою, въ которой выразились его этнографическія симпатіи, я могу остановиться только на его воспроизведеніи русскихъ сказокъ, да и здѣсь мнѣ приходится довольствоваться лишь нѣсколькими словами, такъ какъ пришлось бы повторять слишкомъ извѣстное. Не стану говорить о ихъ народности, такъ какъ глубокое проникновеніе въ народный духъ, почерпнутое въ Михайловскомъ, не могло покинуть поэта при художественной обработкѣ имъ михайловскихъ записей, которою онъ занялся въ 1831 г. въ Царскомъ селѣ. Укажу только на виртуозность стихотворнаго склада этихъ

сказокъ. Какъ великій мастеръ стиха Пушкинъ не довольствуется однимъ разъ выбраннымъ размѣромъ: онъ играетъ на разные лады. Для сказки о Царѣ Салтанѣ [1]) онъ облюбовалъ совершенно оригинальный размѣръ, которымъ раньше ничего не писалъ (хорей съ парными риѳмами, поперемѣнно мужскими и женскими), причемъ намъ, затверживавшимъ сказку въ дѣтствѣ, трудно себѣ представить размѣръ, ближе соотвѣтствующій отрывистому слогу народныхъ сказокъ [2]). Какъ извѣстно, тѣмъ же размѣромъ впослѣдствіи написалъ Ершовъ своего „Конька-Горбунка". Въ сказкѣ о попѣ и его работникѣ Балдѣ Пушкинъ удачно подражаетъ той рубленой, но снабженной риѳмами прозѣ, которую мы читаемъ на лубочныхъ картинкахъ. Это—пережившія въ народѣ силлабическія вирши XVII-го и начала XVIII-го вѣка, которыя до сихъ поръ еще слагаютъ „раёшники" [3]). Наконецъ въ знаменитой сказкѣ „О рыбакѣ и рыбкѣ" поэтъ отказывается отъ риѳмы и ведетъ разсказъ южно-славянскимъ стихомъ, который находимъ въ сербскихъ пѣсняхъ сборника Караджича и который вполнѣ соотвѣтствуетъ спокойному эпическому ходу повѣствованія.

Интересъ къ народной поэзіи не ограничивается у Пушкина русскимъ народомъ. Напомнимъ его „подражанія Корану", въ которыхъ онъ мастерски передалъ своеобразный характеръ *суръ* Магомета, извѣстныхъ ему въ французскомъ переводѣ. Напомнимъ его интересъ къ сербскимъ народнымъ пѣснямъ, переводъ нѣкоторыхъ изъ нихъ („Соловей", „Сестра и братья", „Жалостная пѣсня о женѣ Ассана-Аги") и подражанія. Нельзя въ заключеніе не упомянуть и второй навѣянной Кавказомъ, но неоконченной, поэмы его „Галубъ", начатой поэтомъ подъ впечатлѣніемъ его

---

[1]) Такъ же, какъ позже въ 1833 г. для сказокъ О золотомъ пѣтушкѣ и О мертвой царевнѣ и семи богатыряхъ.

[2]) Три дѣвицы подъ окномъ
Пряли поздно вечеркомъ.
Кабы я была царица,
Говоритъ одна дѣвица
То сама на весь бы міръ
Приготовила я пиръ.

[3]) Жилъ былъ попъ
Толконный лобъ.
Пошелъ попъ по базару
Посмотрѣть кой-какого товару...

поѣздки въ Арзерумъ (1829 года). Начальная сцена ея—похороны сына Галуба—представляетъ точное во всѣхъ деталяхъ воспроизведеніе похоронной обрядности, которую наблюдательный путешественникъ имѣлъ случай видѣть въ одномъ изъ осетинскихъ ауловъ близъ Владикавказа. Дивный стихъ поэта уловляетъ здѣсь всѣ подробности, которыя путешественникъ самъ сообщилъ прозою въ своемъ дневникѣ. Семьдесятъ лѣтъ отдѣляютъ насъ отъ этого времени: въ Большой Кабардѣ, гдѣ происходитъ дѣйствіе „Галуба", многое измѣнилось въ бытѣ черкесовъ и въ нравахъ. Почти замолкли, какъ мы убѣдились лично, преданія объ аулѣ Тартубѣ, старинномъ средоточіи Кабарды, котораго слѣды видѣлъ Пушкинъ. Недоступенъ болѣе и знаменитый Минаретъ, посѣщенный поэтомъ. Нельзя у черкесовъ уже встрѣтить, на ряду съ ружьями, броней, луковъ и стрѣлъ, которыя еще видѣлъ Пушкинъ. И тѣмъ большій этнографическій интересъ представляютъ для насъ его записки и вторая кавказкая поэма.

Подведемъ теперь итоги нашей бесѣдѣ:

Пушкинъ „Протей" поражалъ современниковъ не только геніальной силой своего дарованія, но изумительнымъ разнообразіемъ своего творчества. Протекло болѣе шестидесятилѣтія со дня его смерти. Россія не оскудѣвала литературными талантами. Одинъ изъ нихъ, нашъ великій современникъ, сталъ, какъ въ свое время Байронъ, „властителемъ думъ" образованнаго міра. Но и теперь, перечитывая Пушкина, мы продолжаемъ, какъ современники его, удивляться его разносторонности. Изъ многихъ сторонъ этого необычайнаго дарованія, я хотѣлъ выдвинуть только его, если можно такъ выразиться, „этнографическое" чутье, его глубокое пониманіе характера русской народности, насколько онъ выразился въ ея духовномъ творчествѣ, въ подлинныхъ народныхъ произведеніяхъ, въ ихъ поэтическихъ мотивахъ, складѣ, языкѣ. Для такого проникновенія въ народную душу не достаточно было геніальнаго дара, которымъ наградила Пушкина природа. Нельзя всецѣло объяснить направленіе творчества поэта ни господствовавшимъ въ его время романтическимъ вліяніемъ, содѣйствовавшимъ вообще на западѣ и у насъ повороту къ народности въ литературѣ, ни патріотическимъ возбужденіемъ, овладѣвшимъ нашимъ образованнымъ обществомъ въ періодъ борьбы съ Наполеономъ. Не отрицая дѣйствія общественныхъ теченій на Пушкина,

какъ на сына своего времени, все же нужно признать, что главнымъ стимуломъ, направившимъ его на путь народности, былъ не одинъ чисто-художественный интересъ, но искренняя любовь къ народу. Какъ теоретикъ, Пушкинъ не могъ вполнѣ разобраться въ вопросѣ о народности, хотя дѣлалъ попытки формулировать свои взгляды. Какъ русскій патріотъ, онъ цѣнилъ проявленія народности въ ея творчествѣ; какъ художникъ, съ тонко развитымъ чувствомъ красоты, онъ любовался всѣмъ, что находилъ въ этомъ творчествѣ прекраснаго, искренняго, сильнаго, въ чемъ ярко отпечатлѣлся народный характеръ. Для него увлеченіе народностью было не дѣломъ мимолетнаго каприза: подобно тому, какъ граціозный, легкій „пушкинскій" стихъ, при всей геніальности поэта, былъ выработанъ упорнымъ техническимъ трудомъ, такъ и глубокое пониманіе и правдивое воспроизведеніе народныхъ мотивовъ далось Пушкину при помощи серіознаго изученія и пристальныхъ наблюденій. И особенно высоко должны мы оцѣнить его трудъ, если вспомнимъ, что сказки о Медвѣдицѣ или о Рыбакѣ и рыбкѣ создалъ писатель, получившій въ дѣтствѣ чисто французское образованіе, говорившій, по его признанію, по французски лучше, чѣмъ по-русски, и принужденный упорно трудиться надъ роднымъ языкомъ, вырабатывать свой прозаическій стиль. Всѣмъ, чего достигъ Пушкинъ въ изученіи и пониманіи народнаго духа, онъ обязалъ лишь самому себѣ, своему труду и правдиво-реальному отношенію къ народности. Такого отношенія онъ не нашелъ, какъ мы видѣли, въ своихъ учителяхъ, въ господствовавшемъ фальшивомъ сентиментальномъ направленіи Карамзина и его школы. Въ наше время, когда наука, литература, искусство всесторонне изучаютъ и освѣщаютъ русскую народность, когда знакомство съ народной словесностью внесено въ школьное преподаваніе и считается обязательнымъ для всякаго образованнаго русскаго, занятія Пушкина народными пѣснями и его попытки къ поэтической разработкѣ сказокъ могутъ быть, при отсутствіи исторической перспективы, оцѣнены ниже своего значенія. Вѣдь Пушкинъ не былъ спеціалистомъ-этнографомъ, а только любителемъ, а любители-этнографы въ настоящее время считаются многими десятками, если не сотнями. Большинство записанныхъ имъ пѣсенъ—не было напечатано до сихъ поръ и не обогатило нашей этнографической литературы. Его стихотворные пересказы народныхъ сказокъ также для спеціалиста-этно-

графа не имѣютъ значенія. И тѣмъ не менѣе заслуги Пушкина для русской этнографіи несомнѣнны; мы можемъ сказать это безъ всякаго преувеличиванья, не впадая въ панегирикъ. Успѣхи науки вызываются не одними спеціальными учеными трудами. Будущіе ученые спеціалисты нерѣдко опредѣляли свою дорогу подъ вліяніемъ возбужденія, полученнаго отъ людей, вовсе не принадлежавшихъ наукѣ, мало подготовленныхъ, но умѣвшихъ влiять на другихъ, передавать имъ свои увлеченія извѣстными идеями. Такою властною, геніальною, обаятельною натурой обладалъ Пушкинъ. За его словами и дѣйствіями, начиная съ первыхъ шаговъ его авторства, напряженно слѣдила вся образованная Россія. Достаточно привести, появившійся на этихъ дняхъ въ печати, отзывъ о немъ покойнаго И. А. Гончарова: „Пушкинъ былъ въ это время для молодежи все,—всѣ ея упованія, сокровенныя чувства, чистѣйшія побужденія, всѣ гармоническія струны души, вся поэзія мыслей и ощущеній,—все сводилось къ нему, все исходило отъ него" [1])... И вотъ, этотъ „властитель думъ" и печатно, и устно исповѣдуетъ свою любовь къ народному языку и поэзіи, говоритъ о прелести народныхъ сказокъ, самъ записываетъ пѣсни, и духовные стихи, восторгается мѣткостью пословицъ, завидуетъ чистотѣ языка московскихъ просвиренъ, переводитъ для заѣзжаго французскаго литератора (Loewe-Weimars), чтобы его познакомить съ характеромъ русской народной поэзіи, нѣсколько простонародныхъ пѣсенъ на французскій языкъ [2]) и проч. и проч. Такое отношеніе высокаго авторитета къ народному духовному достоянію не могло остаться безплоднымъ въ кругу его поклонниковъ, цѣнителей его ума и таланта. Примѣру Пушкина, въ дѣлѣ собиранія пѣсенъ и сказокъ, слѣдуютъ другіе; назовемъ Даля, Языкова, снабжавшихъ Кирѣевскаго своими матеріалами, Гоголя, записывавшаго малорусскія пѣсни и преданія... Не говоримъ уже о реальномъ изображеніи народности, которое послѣ Пушкина становится основной идеей нашей литературы.

Далѣе, если стихотворныя сказки Пушкина не составляютъ прямого вклада въ русскую этнографическую литературу, то кос-

---

[1]) Русская старина. Май 1899 г. стр. 265. Сообщеніе А. Ѳ. Кони.

[2]) См. Русскія народныя пѣсни во французскомъ переводѣ А. С. Пушкина. Рус. Архивъ 1885 кн. 3, стр. 451—460.

венно, какъ художественныя воспроизведенія *народныхъ* сказокъ, онѣ до сихъ поръ продолжаютъ оказывать пользу нашей этнографіи. Въ наше время, кажется, уже вывелись няньки, умѣвшія сказывать дѣтямъ сказки, какъ пушкинская мамушка Арина Родіоновна. Многія поколѣнія дѣтей уже не слушали подлинныхъ народныхъ сказокъ и впервые знакомились съ ними изъ дѣтскихъ книжекъ. И я увѣренъ, что для многихъ *пушкинскія* сказки связаны съ воспоминаніями о дѣтскихъ годахъ, что Пушкинъ первый ввелъ многія поколѣнія нашего общества въ міръ народной фантазіи. Особенно важную услугу для знакомства съ русской народной сказкой оказываетъ до сихъ поръ сказка о Рыбакѣ и рыбкѣ. Ее читаютъ и заучиваютъ во всѣхъ школахъ Россіи. Изъ инородческихъ языковъ Россіи она переведена на армянскій, еврейскій, татарско-караимскій, латышскій, татарско-адзербейджанскій, монгольско-бурятскій и, наконецъ, калмыцкій.[1] Такая широкая популярность сказки вполнѣ понятна: Пушкинъ плѣнился ясностью и нравственною чистотою этого народнаго разсказа и изъ своей художественной мастерской возвратилъ народу этотъ алмазъ въ формѣ брилліанта чистѣйшей воды. Я увѣренъ, что изо всѣхъ твореній нашего національнаго поэта именно *эта* сказка всего раньше осуществила надежды, высказанныя имъ въ „Памятникѣ“:

Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой,
И назоветъ меня всякъ сущій въ ней языкъ:
И гордый внукъ славянъ, и финнъ, и нынѣ дикій
Тунгузъ и другъ степей калмыкъ.—

---

[1] См. статью П. Д. Драганова—„Кто впервые принялся переводить А. С. Пушкина и прототипы переводовъ его на 50 языковъ и варіяцій міра“ въ Историческомъ Вѣстникѣ. 1899 г. май, стр. 662, 679, 683, 687.

Приложеніе.

Записанныя А. С. Пушкинымъ народныя пѣсни, находящіяся въ неизданномъ, изготовленномъ къ печати въ 1838 г., сборникѣ П. Кирѣевскаго: „*Русскія народныя пѣсни.*" Ч. I-я. Пѣсни свадебныя" (Изъ бумагъ Кирѣевскаго, хранящихся въ Румянцовскомъ музеѣ).

1.

„Береза бѣлая,
Береза кудрявая,
Куда ты клонишься,
Куда поклоняешься?

— Я туда клонюсь,
Туда поклоняюся,
Куда вѣтеръ повѣетъ.—

„Княгиня душенька!
Куда ты ладишься?"

— Туда я лажуся,
Куда батюшка отдаетъ
Съ родимой матушкой.—

2.

Какъ при вечерѣ, вечерѣ,
При послѣднемъ часу времечкѣ,
При княгининомъ дѣвичничкѣ,
Вылеталъ же младъ ясенъ соколъ,
Онъ садился на окошечко,
На серебряну рѣшоточку,
На шелкову занавѣсочку.
Какъ увидѣла да узрѣла
Свѣтъ княгинина матушка:
„Ты дитя мое, дитятко,
Ты дитя, чадо милое!
Приголубь ты юнаго сокола,
Яснаго сокола залетнаго,
Добраго молодца заѣзжаго,
Свѣтъ Ивана Александровича!"

—Государь родной батюшка,
Государыня матушка!
Я бы рада приголубить его:
Скоры ножки подломились,
Бѣлы ручки опустились,
Красота съ лица смѣнилась.—

3.

Собрала невѣста подружекъ,
Посадила подружекъ высоко,
А сама сѣла выше всѣхъ,
Наклонила головушку ниже всѣхъ,
Думаетъ думушку крѣпче всѣхъ.
„Что долго нѣтъ Ивана?
Мнѣ посла послать некого,
Мнѣ самой иттить некогда.
Я хоть пойду, не дойду,
Я хоть дойду, не найду,
Я хоть найду его,—
Позвать къ себѣ не смѣю."

4.

Какъ въ дому-то березанька бѣлёхонька стоитъ,
А наша невѣста бѣлѣе ея,
Бѣлѣе ея снѣгу бѣлаго лицо.
Шла наша невѣста съ высокова терема̀,
Несла она золоту чару вина;
Она чару расшибла, вино все пролила,
Все глядючи на Ивана своего,
На Ивана своего, на кудерушки его:
„Видать ли мнѣ кудерушки васъ у себя?
На правой на ручушкѣ, на золотомъ перстенькѣ?"

5.

Дѣвушки поютъ, когда молодая возвратится изъ церкви.

Ягода съ ягодой сокатилася,
Ягода ягодѣ поклонилася,

Ягода съ ягодой слово молвила,
Ягода отъ ягоды не вдали росла.

6.

Между горъ по каменью
Серебромъ ручей бѣжитъ,
По тому по ручейку
Ходила-гуляла княгиня душа.
Искала княгиня душа
Самоцвѣтна камушка,
Нашла, нашла камушекъ,
Нашла самоцвѣтненькій.
Разломала камушекъ,
Его на три граночки.
Первую граночку
Её родну батюшкѣ.
Вторую граночку
Родной ея матушкѣ,
А третью граночку
Ладу милому.

7.

„Затопися, баненька,
Раскалися каменка,
Расплачься, княгиня душа,
По своей сторонушкѣ,
По родной матушкѣ,
По родимому батюшкѣ..
(Отрывокъ).

8.

О горе, горе то невѣстино!
О горе, горе!
„Ты невѣстушка,
О горе, горе!
Ты ластушка!
О горе, горе!
Оглянись ко ты назадъ,
О горе, горе!

Что подружекъ-то стоятъ,
О горе, горе!
Что подружки говорятъ,
О горе, горе!
Что наказываютъ,
О горе, горе!
Что приказываютъ":
О горе, горе!
„Ты спихни-ко худяка,
О горе, горе!
Ты съ кроватушки долой!"
О горе, горе'
— Вы лебедушки,
О горе, горе!
— Вы подруженьки!
О горе, горе!
— Мнѣ нельзя спихнуть:
О горе, горе!
— Въ головахъ-то у него
О горе, горе!
— Плетка шелковая,
О горе. горе!
— Она объ восьми хвостахъ,
О горе, горе!
— Она больно бьетъ,
О горе, горе!
— Приговариваетъ:
О горе, горе'
— Не зови-ко худякомъ,
О горе, горе!
— Зови добрымъ молодцомъ.
О горе, горе!

9.

Поется, когда идутъ за невѣстой къ вѣнцу.

„Какъ у нашего князя
Невеселые кови стоятъ.
Они чуютъ путь-дороженьку

По невѣсту ѣхати.
„Ахъ вы дѣвушки, подруженьки!
Уливайте [1]) гору крутую,
Чтобы моему разлучнику
Ни взойтить бы, ни въѣхати!“
— Не грози, княгиня душа [2])!
— На крутую гору пѣшъ взойду,
— Добра коня въ поводу сведу.
„Ахъ вы дѣвушки, подруженьки!
Запирайте вы воротечки,
Что тремя замками нѣмецкими“.
— Не печалься, княгиня душа,
— Приведу я съ собой слесаря,
— Отопретъ замки нѣмецкіе.
„Ахъ вы дѣвушки, подруженьки!
Заплетайте косу русую,
Чтобы моему разлучнику
Не расплесть, не расчесать ее!“
— Не печалься, княгиня-душа!
— Привезу съ собой свахоньку;
— Расплететъ она косу русую,
— Увеземъ тебя съ собой душеньку.

10.

Дня за два передъ дѣвичникомъ кладутъ на блюдо ленты изъ косы невѣстиной. Братъ ея или ближній родственникъ носитъ блюдо по улицѣ. Это называется: красу носить. Между тѣмъ поютъ:

Трубчистая коса
Вдоль по улицѣ шла,
Жемчужная пчелочка
За нею гонялася,
За косу хваталася:
„Коса ты, косынька!
Ужели ты моя?“

---

[1]) Иначе: укатайте—по времени года.

[2]) Поется также: Не печалься княгиня душа! Поведемъ мы коней въ кузницу, подкуемъ коней подковами, подковами-то булатными.

— Я тогда буду твоя,
— Какъ я въ Божью церковь вступлю,
— Золотой вѣнецъ приму.

11 и 12. (Сводный текстъ изъ 2-хъ варіантовъ).

Въ сыромъ бору на клену [1])
Виситъ колыбель на шелку;
Въ колыбели лежитъ князь молодой (имя жениха),
Передъ нимъ стоятъ бояры [2]).
„Вскачните колыбель высоко!
Выше клену стоячаго,
Ниже облака ходячаго [3]).
Чтобы видно было тестевъ дворъ,
Чтобы видно было тёщинъ терёмъ!
Въ этомъ терему ходитъ-гуляетъ, [4])
Ходитъ-гуляетъ княгиня душа,
Шолковымъ платкомъ помахиваетъ:
— Ты сюда, сюда, молодой князь!
— Здѣсь твоя суженая, твоя ряженая [5]).

[1]) Въ другомъ варіантѣ Пушкина этого стиха нѣтъ.

[2]) Въ другомъ варіантѣ Пушкина этого стиха нѣтъ.

[3]) Въ другомъ пушкинскомъ варіантѣ этого стиха нѣтъ.

[4]) Съ этого стиха до конца пѣсня пополнена изъ другого ея варіанта, также записаннаго Пушкинымъ.

[5]) Въ варіантѣ, изъ котораго взято начало, соотвѣтствующіе стихи читаются такъ:

Въ терему гуляетъ княгини,
По имени зовутъ ее Катерина,
Каленые орѣшки щелкаетъ,
Шитою ширинкою махаетъ:
„Ты сюда, сюда, Иванъ князь!
Какъ здѣсь твое суженое,
Здѣсь твое ряженое,
Здѣсь твоя княгиня
По имени Катерина“.

Варіанты къ пѣснямъ, записаннымъ Пушкинымъ [1]).

Къ № 2:

Сахаровъ, Пѣсни русскаго народа, т. III, стр. 196; Терещенко, Бытъ русскаго народа, II, 355; Якушкинъ, Русскія пѣсни, 8—10; Этнографическій сборникъ, V, Бытъ курскихъ крест., 43, Описаніе г. Котельнича, 86, Библіографическій указатель, 24; VI, статья VIII, 38; Пермскій сборникъ, II, отдѣлъ II, 142; Шейнъ, Русскія народныя пѣсни, 534, 563; Римскій-Корсаковъ, Сборникъ русскихъ народныхъ пѣсенъ, II, 69; Поповъ, Пѣсни, записанныя въ Чердынскомъ у., 204; Пальчиковъ, Крестьянскія пѣсни, 89; Васнецовъ, Пѣсни сѣверо-восточной Россіи, 260; Соколовъ, Великорусскія свадебныя пѣсни, 8.

Къ № 3:

1) къ первымъ 5 стихамъ:

Сахаровъ, III, 194; „Библіотека для чтенія" 1848 г., VII, 25; Терещенко, II, 514 (малор.); Дашковъ, Описаніе Олонецкой губерніи, 211; Якушкинъ 233; Этнографическій сборникъ, I, 357; V, Бытъ курскихъ крестьянъ, 58; VI, статья VIII, 38; Жарабовъ, Сельскія свадьбы Архангельской губерніи, 54; Пермскій сборникъ, II, отд. II, 118; Рыбниковъ, Пѣсни, III, 388—9; Шейнъ, 565.

2) къ послѣднимъ 7 стихамъ:

Сахаровъ, III, 53; Шейнъ, 548; Римскій-Корсаковъ, I, 73 (плясовая пѣсня). Бѣлорусскіе варьянты: Сборникъ памятниковъ народнаго творчества въ сѣверо-западномъ краѣ, 270; Шейнъ, Бѣлорусскія пѣсни, 468; малорусскіе: Головацкій, Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси, II, 222; Чубинскій, Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край, IV, прил. 17, 6; „Этнографическое Обозрѣніе" 1897, III, 112.

Къ № 7: Сахаровъ, III, 510; Терещенко, II, 199; Этнографическій сборникъ, I, 257; Якушкинъ, 231; Свадебные обряды и пѣсни Тульской губерніи, Н. Г-ъ, 109; Шейнъ, Русскія народныя пѣсни, 562, 585, 595; Римскій-Корсаковъ, II, 89; Васнецовъ, 270.

---

[1]) Собраны студентомъ А. Марковымъ.

Къ № 9:

Сахаровъ, Сказанія русскаго народа, I, 1840 г., кн. III, стр. 147.

Къ № 10:

Сахаровъ, Пѣсни, III, 460 (Сказанія, 145); Дашковъ, 196; „Русскій филологическій вѣстникъ" 1892, III, 77.

Къ №№ 11 и 12:

Пермскій сборникъ, II, отд. II, 139; Шейнъ, 1) Русскія народныя пѣсни 523, 550, 592; 2) Бѣлорусскія пѣсни, 202 (весенняя пѣсня); Васнецовъ, 262. Пѣсня разобрана Потебнею: Объясненія малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсенъ, I, 201, примѣч. (Здѣсь указаны только 2 варіанта изъ Р. н. пѣсенъ, Шейна).

Очерки Пошехонья [1]).

6. *Краткія географическія и экономическія свѣдѣнія.*

Пошехонскій уѣздъ получилъ свое названіе вслѣдствіе того, что значительная часть его расположена по рѣкѣ Шекснѣ (по Шехнѣ) и ея притокамъ. Съ какого времени вся эта мѣстность получила такое названіе, за неимѣніемъ данныхъ, мы не можемъ сказать. Несомнѣнно только то, что въ XVII в. значительная часть нынѣшняго Пошехонскаго уѣзда называлась уже Пошехонскимъ уѣздомъ [2]). Отъ Пошехонскаго уѣзда получилъ свое названіе и уѣздный городъ Пошехонье, бывшій первоначально селомъ („Пертуй", „Пертошъ", „Пертома") [3]) и обращенный затѣмъ въ городъ въ девяностыхъ годахъ прошлаго столѣтія.

Пошехонскій уѣздъ занимаетъ сѣверную часть Ярославской губерніи и граничитъ на сѣверѣ съ Грязовецкимъ и Вологодскимъ уѣздами Вологодской губерніи, на западѣ съ Череповецкимъ уѣздомъ Новгородской губерніи и Мологскимъ уѣздомъ Ярославской губерніи, на югѣ съ Рыбинскимъ и Романово-Борисоглѣбскимъ уѣздомъ и на востокѣ съ Даниловскимъ и Любимскимъ уѣздами Ярославской губерніи [4]).

По пространству своему Пошехонскій уѣздъ занимаетъ первое мѣсто среди всѣхъ уѣздовъ Ярославской губерніи. Онъ заключаетъ въ себѣ 16,6% всей Ярославской губерніи или 5234,3 кв. версты (5956,7 километровъ) [5]).

---

1) См. Этнографич. Обозрѣн. XXXIX.

2) Окладныя книги Вологодскаго Архіерейскаго дома 1658—1676 гг. Яр. Еп. Вѣд. ч. н. 1864. № 47. Грамота Іоны, митрополита Ростовскаго, Исаковой пустыни 1662 г. и друг. „Пошехонская Исакова пустынь, Ярославской епархіи". Яр. 1877 г.

3) „Житіе и страданіе святого преподобномученика Адріана, игумена, Пошехонскаго чудотворца" (конца царств. Іоанна Грознаго). Ярославль. 1877 г.

4) Нѣкоторыя свѣдѣнія относительно устройства поверхности и орошенія Пошехонскаго уѣзда взяты нами изъ статьи „Къ очерку экономическаго быта крестьянъ Пошехонскаго уѣзда". Яросл. Губ. Вѣдомости ч. н. 1890 г. № 28 и дальнѣйшіе, а также изъ кн. П. Ф. Бесѣдкина. „Обзоръ Ярославской губерніи". Вып. I. Ярославль, 1892 г.

5) Ярославскій Календарь на 1889 г., изд. Губ. Статист. Комитета. Ярославль. 1888 года.

Поверхность представляется слегка волнистою съ постепеннымъ пониженіемъ къ с.-с. з., чѣмъ и опредѣляется теченіе всѣхъ рѣкъ и рѣчекъ, протекающихъ черезъ уѣздъ. Мѣстами встрѣчаются незначительныя возвышенія, представляющія изъ себя небольшіе холмы и притомъ очень отлогіе,—продолженіе сѣверныхъ уваловъ, идущихъ отъ Вологодской и Костромской губ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ встрѣчаются цѣлыя гряды валуновъ [1]).

Рѣкъ и рѣчекъ въ Пошехонскомъ уѣздѣ значительное количество, но болѣе или менѣе серьезное экономическое значеніе имѣютъ только судоходная р. Шексна, протекающая въ западной части уѣзда (чрезъ волости Щетинскую и Хмѣлевскую), и сплавныя рѣки: Согожа, Маткома и Конгора, благодаря которымъ значительное количество жителей уѣзда находитъ себѣ заработки при заготовкѣ и сплавѣ лѣсного матеріала. Остальныя рѣчки особаго значенія не имѣютъ. Большинство мелкихъ рѣчекъ представляютъ изъ себя цѣпь овраговъ (по мѣстному „бочаговъ"), соединенныхъ между собою неглубокими протоками, начисто высыхающими лѣтомъ. Начало свое рѣчки берутъ по большей части изъ ключей или изъ болотъ, которыхъ въ уѣздѣ довольно много. Озеръ въ уѣздѣ нѣтъ.

Почва по своему составу весьма разнообразна. Преобладающей является почва сѣрая и суглинистая, затѣмъ мѣстами попадается песчаная, глинистая, супесокъ, иловатая, сѣрая съ хрящемъ. Суглинистая почва занимаетъ все пространство волостей Трушковской, Николо-Раменской и Колобовской, затѣмъ она преобладаетъ надъ другими родами почвы въ Панфиловской, Займищевской, Ермаковской, Хмѣлевской, Щетинской, Соколовской и Меленковской волостяхъ. Сѣрая почва, мѣстами съ хрящемъ, преобладаетъ въ волостяхъ Югской, Мусоргской, Софроновской и Катринской. Въ Давыдковской и Подорвановской волостяхъ преобладаетъ глинистая почва; песчаная почва встрѣчается мѣстами въ Соколовской и Панфиловской волостяхъ; илистая въ волостяхъ Соколовской, Катринской и Займищевской; наконецъ, супесокъ въ Ермаковской волости. Въ общемъ почва не особенно плодородна, хотя земледѣліе и относится къ числу выгодныхъ занятій.

Средняя годовая температура достигаетъ 2,58° R. Разница температуры между самымъ теплымъ и самымъ холоднымъ мѣсяцами достигаетъ 25,22° R. Осадковъ выпадаетъ среднимъ числомъ 600 милл. [2]).

Лѣса во многихъ волостяхъ существуютъ, и существуютъ въ значительномъ количествѣ, хотя лѣсъ въ большинствѣ случаевъ дровяникъ; въ южной части уѣзда оказывается уже недостатокъ

---

[1]) Геологическія экскурсіи по Яросл. губерніи". Труды Яр. Губ. Ст. Ком. 1865 года.

[2]) „Осадки въ Ярославской губерніи". Яр. Губ. Вѣд., ч. н 1890 г.

въ лѣсѣ. Впрочемъ, по обилію лѣсовъ Пошехонскій уѣздъ относится къ числу наиболѣе лѣсистыхъ уѣздовъ Ярославской губерніи. Въ данномъ отношеніи онъ уступаетъ только Мологскому уѣзду. Площадь всѣхъ лѣсовъ въ уѣздѣ достигаетъ до 219 тысячъ десятинъ; на 1 кв. версту приходится 42 дес. лѣса (немного менѣе половины), на одного жителя 2,1 десятины [1]). Лѣса главнымъ образомъ состоятъ изъ берёзы (betula alba, по мѣстному „чистняговая", и bet. pubescens), ели, сосны, ольхи, осины. Изрѣдка встрѣчается липа, рябина, черемуха; клёнъ, вязъ и дубъ встрѣчаются очень рѣдко, зато ива встрѣчается здѣсь во всѣхъ своихъ разновидностяхъ [2]). Изъ кустарниковъ чаще встрѣчается шиповникъ, крушина, калина, смородина красная или „княжица", черная, можжевельникъ обыкновенный, малина, волчьи ягоды, боярышникъ, бирючина и нѣкоторые другіе. Лѣса съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе уничтожаются [1]). Повсемѣстно растетъ земляника, черника, гонобобель (разновидность черники), брусника, морошка, клюква, поляника. Грибы встрѣчаются повсемѣстно въ изобиліи: въ уѣздѣ можно встрѣтить положительно всѣ виды нашихъ съѣдомыхъ грибовъ. Собираніе грибовъ и ягодъ составляетъ одинъ изъ видныхъ промысловъ въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ уѣзда [3]).

Что касается до травъ и злаковъ, то послѣдніе отличаются разнообразіемъ, что, конечно, стоитъ въ связи съ разнообразіемъ устройства поверхности и разнообразіемъ почвы. Здѣсь очень рѣдко можно встрѣтить луга на подобіе поволжскихъ луговъ, покрытыхъ однимъ какимъ-нибудь растеніемъ, напр., дикимъ лукомъ или богородской травой. Напротивъ, иногда на одномъ кв. аршинѣ можно встрѣтить до двадцати различныхъ особей. Къ сожалѣнію, гербаризаціей мѣстной флоры пока никто еще не занимался.

Изъ дикихъ животныхъ въ сѣверной части уѣзда встрѣчаются медвѣди, лисицы и изрѣдка лоси; волки, зайцы и бѣлки водятся повсемѣстно. Охота, какъ промыселъ, населенію почти неизвѣстна;

---

[1]) „Пространство, населеніе и лѣса Европейской Россіи (со включеніемъ Финляндіи, Привислянскихъ губерній и Кавказскаго края) и средніе по уѣздамъ и губерніямъ выводы о численности населенія и о площади лѣсовъ на 1 кв. версту, равно о площади лѣса, причитающейся на одного жителя". Н. К. Генко. („Русскій Лѣсопромышленникъ" 1890 г. №№ 121 и 122). Напротивъ, по изслѣдованіямъ Дашкевича-Чайковскаго въ Пошехонскомъ уѣздѣ 182939 кв. десятинъ лѣса. На каждыя 100 десятинъ пространства приходится 31,7 кв. дес. лѣса. „Очеркъ Ярославской губерніи въ лѣсномъ отношеніи". Дашкевичъ-Чайковскій. (Труды Яр. Губ. Стат. Комит. вып. VI. 1871 г.).

[2]) Кедръ — представитель сѣверной флоры, а также дубъ, кленъ, орѣхъ — представители южной полосы — встрѣчаются очень рѣдко.

[3]) См. статьи наши: „Грибная флора Ярославской губерніи" (Яр. Губ. В. ч. н. 1892 г. №№ 69, 70, 72 и 83). „Грибной промыселъ въ Пошехонскомъ уѣздѣ Ярославской губ." (Яр. Губ. Вѣд. 1892 г. № 50). О томъ же „Русскій Лѣсопромышленникъ" 1890 г. № 127-й.

чаще занимаются ею, какъ забавою, между дѣломъ [1]). Изъ птицъ встрѣчаются всѣ виды, свойственные большей части средней полосѣ Россіи.

Точно то-же самое, что и объ охотѣ, должно сказать и о рыбной ловлѣ. Рыбная ловля, какъ промыселъ, существуетъ только по берегамъ большихъ рѣкъ, какъ, напр., Шексна. Въ остальныхъ мѣстахъ она практикуется какъ забава. Чаще всего въ мѣстныхъ рѣчкахъ ловится щука, налимъ, окунь, плотва (мѣстн. „сорога"), ершъ, карась и др.

Царство насѣкомыхъ отличается чрезвычайнымъ разнообразіемъ [2]).

Населеніе уѣзда въ 1887 г. простиралось до 110875 человѣкъ [3]) (21 челов. на 1 кв. версту). Изъ означеннаго числа 52612 ч. мужского пола и 58263 женскаго пола [4]). По сословіямъ населеніе распредѣляется такимъ образомъ: дворянъ—229 человѣкъ, духовныхъ — 1308 человѣкъ, городскихъ сословій—7055 человѣкъ, крестьянъ—96787 человѣкъ. Такимъ образомъ, ядро населенія составляютъ крестьяне; изъ нихъ бывшихъ помѣщичьихъ почти вдвое болѣе, чѣмъ государственныхъ.

По вѣроисповѣданію, большая часть населенія (97608 чел.) принадлежитъ къ православному вѣроисповѣданію, остальные—раскольники и единовѣрцы [5]). Изъ раскольниковъ Странники, Ѳедосѣевцы и Филиповцы живутъ на с.-востокѣ уѣзда, а Спасовцы—на с.-з. Число раскольниковъ уменьшается, съ каждымъ годомъ, все болѣе и болѣе. Приростъ населенія, въ десятилѣтній промежутокъ времени, (1878--1888 гг.) равняется 10,5%, что даетъ около 1% въ годъ [6]).

Главнѣйшее занятіе жителей составляютъ земледѣліе и скотоводство. Сѣется всего болѣе овса, ржи, льна, ячменя, гороху, пшеницы и картофеля; овса высѣвается столько же, сколько остальныхъ хлѣбовъ, взятыхъ вмѣстѣ. Овесъ идетъ, главнымъ образомъ, на продажу въ г. Пошехонье, откуда онъ, черезъ г. Рыбинскъ, отправляется въ С.-Петербургъ. Изъ скота держать преимущественно лошадей, коровъ и овецъ. Среднимъ числомъ, на

---

[1]) „Замѣчаніе объ охотѣ въ Ярославской губ." Н. А. Гладковъ. (Труды Яр. Губ. Стат. Ком. 1865 г.).

[2]) Намъ удалось составить небольшую энтомологическую коллекцію Пош. уѣзда. Коллекцію эту мы представили въ Моск. Общ. Люб. Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

[3]) Ярославскій Календарь на 1889 г., изд. Губ. Стат. Комитета. Ярославль. 1888 годъ.

[4]) По преобладанію женскаго населенія надъ мужскимъ Пошехонскій уѣздъ занимаетъ послѣднее мѣсто въ Ярославской губерніи: здѣсь на 100 мужчинъ приходится 111 женщинъ (Яр. Губ. Вѣд. ч. н. 1890 г., № 32).

[5]) Цифра взята изъ оффиціальныхъ источниковъ. Въ дѣйствительности число лицъ, придерживающихся раскола, гораздо болѣе.

[6]) Эта и дальнѣйшія цифры взяты, отчасти, изъ Яр. Кал на 1889 г., а отчасти изъ статьи „Къ очерку экономическаго быта крестьянъ Пошехонскаго уѣзда". (Яр. Губ. Вѣд. 1890 г. № 28 и дальнѣйшіе).

каждый крестьянскій дворъ приходится 1,13 лошадей, 2,14 коровъ, 2,19 мелкаго скота.

Фабрикъ въ уѣздѣ нѣтъ совсѣмъ, а изъ заводовъ всего болѣе сыроваренныхъ и маслодѣльныхъ (85), кожевенныхъ (17) и клееваренныхъ (7), крупчатно-мельничныхъ (187) и винокуренныхъ (4). На всѣхъ заводахъ, существующихъ въ уѣздѣ, работаетъ самое ничтожное количество рабочихъ, не превышающее въ общей сложности пятисотъ человѣкъ.

Кустарные промыслы развиты незначительно; отхожіе промыслы развиты въ значительной степени: уходятъ на заработки преимущественно въ столицы.

Грамотность стоитъ сравнительно не высоко: въ школахъ обучается только 27% всѣхъ дѣтей школьнаго возраста.

Платежей падаетъ на одинъ душевой надѣлъ 7 р. 67 к., на 1 дес. земли 1 р. 35 к., на одну душу обоего пола 2 р. 86 к. въ годъ.

7. Селенія. Жилище и его принадлежности.

Все населеніе уѣзда разселено въ 1169 поселеніяхъ, изъ которыхъ 629 поселеній расположены при рѣкахъ и рѣчкахъ, 124 при ручьяхъ и 416 при прудахъ и колодцахъ [1]).

Общія названія поселеній, существующія въ мѣстномъ говорѣ, это: „городъ“, „село“, т. е. поселеніе, въ которомъ существуетъ церковь (такое поселеніе называется нерѣдко „погостомъ“, напр. Пятницкій погостъ, а чаще „приходомъ“. „Ушелъ къ приходу“— обычная фраза въ устахъ мѣстнаго жителя), „деревня“, „починокъ“, т. е. нѣсколько дворовъ, поселившихся на новомъ мѣстѣ (напр. „Пятый починокъ“), „усадьба“, „слобода“ (деревня при монастырѣ или городѣ).

Частныя названія различныхъ поселеній, какъ и всегда, отличаются своимъ разнообразіемъ. Нѣкоторыя изъ поселеній получили свое названіе отъ личныхъ именъ или отъ фамилій, такъ напр. „Григорово“, „Минино“, „Аѳанасово“, „Павловское“, „Юрьевское“—такихъ поселеній большинство; значительная часть поселеній получила свое названіе отъ различныхъ нарицательныхъ именъ существительныхъ, именъ прилагательныхъ и даже глаголовъ, такъ, напр., „Пустошки“, „Погорѣлка“, „Рѣшетниково“, „Выползиха“, „Рѣзаново“, „Сорокино“, „Поповское“ и т. д.; наконецъ, названія нѣкоторыхъ селеній представляютъ изъ себя слова, утратившія въ настоящее время свой смыслъ, слова, изъ которыхъ многія должны быть нерусскаго происхожденія, таковы напр.: „Чабино“, „Каргачъ“, „Шерманга“, „Піево“, „Доръ“, „Корса“, „Пыны“, „Зогзино“, „Раковолъ“, „Цыкунино“, „Ангуй“

---

[1]) „Холерная эпидемія въ 1892 г. въ предѣлахъ Ярославской губерніи“ (Ежедневное Прибавленіе къ Яросл. Губ. Вѣд. 1893 г.).

(древнее Вангуй или Онгуй), „Сваруха", „Діевское", „Мушпала", „Музга", „Чурино", „Чиково", „Ропачагъ", „Пачеболъ" и т. п. Изслѣдованіе такихъ мѣстныхъ названій съ филологической стороны могло бы пролить свѣтъ на то, кто были первоначальные жители мѣстности, занимаемой нынѣ Пошехонскимъ уѣздомъ. Еще желательнѣе въ данномъ отношеніи изслѣдованіе названій мѣстныхъ рѣкъ, рѣчекъ и урочищъ: эти названія являются иногда обломками самой сѣдой старины [1]).

Поселенія, разбросанныя въ Пошехонскомъ уѣздѣ, по большей части не велики: чаще всего встрѣчаются села и деревни въ 15—20 дворовъ; села отъ 20 до 30 дворовъ встрѣчаются рѣже; поселеній, имѣющихъ свыше 30 дворовъ, очень немного; точно такъ же, какъ немного и поселеній, имѣющихъ менѣе 10 дворовъ (за исключеніемъ, конечно, „усадебъ", „лѣсныхъ сторожекъ", „постоялыхъ дворовъ" и т. п. поселеній). Этимъ села и деревни Пошехонскаго уѣзда рѣзко отличаются отъ поволжскихъ селъ и деревень, среди которыхъ зачастую можно встрѣтить деревни въ 80—100 дворовъ.

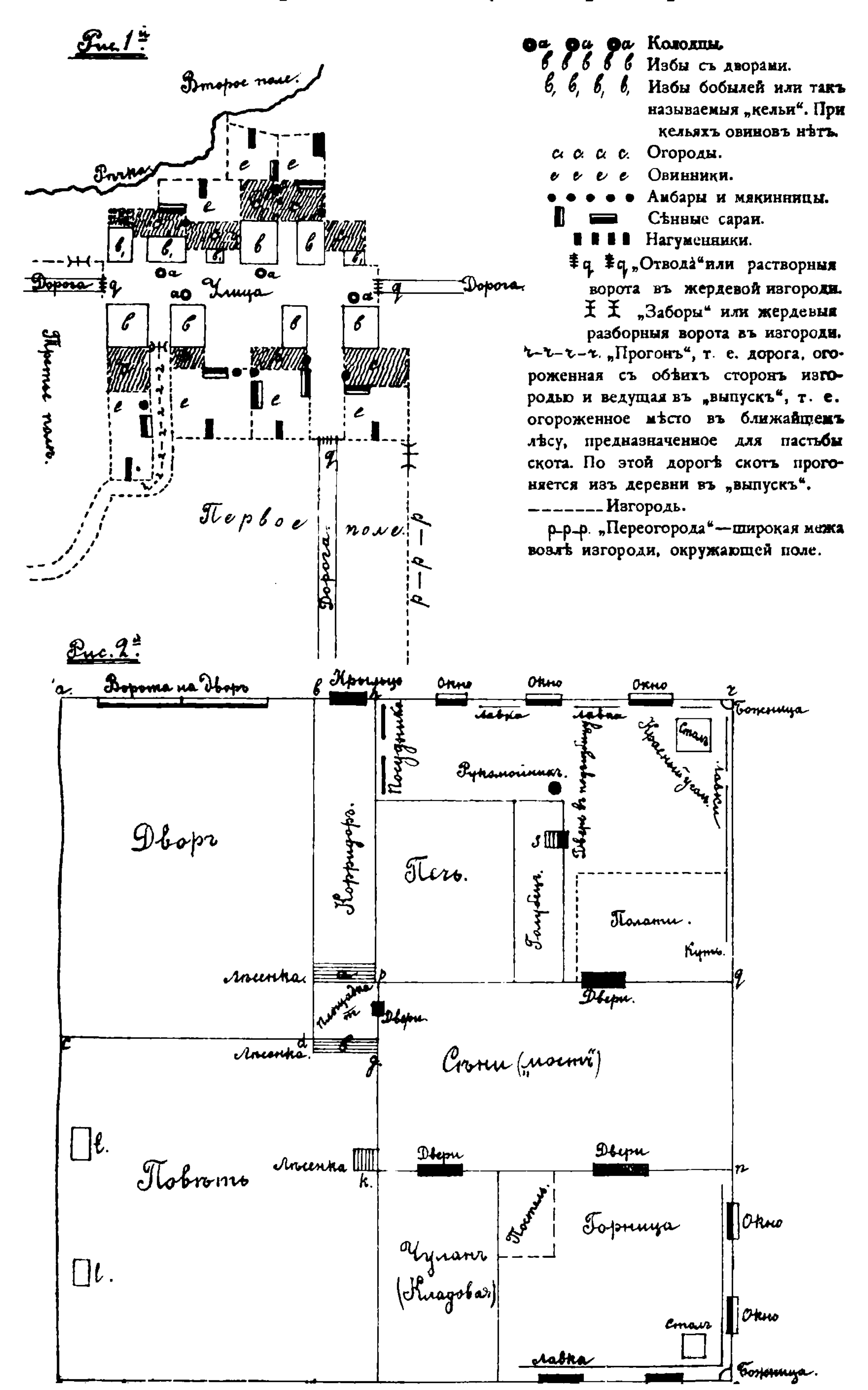
Деревни въ большинствѣ случаевъ бываютъ расположены по обѣимъ сторонамъ дороги, „на два посада"; рѣже встрѣчаются деревни, построенныя „на одинъ посадъ", и еще рѣже „на нѣсколько посадовъ" или улицъ.

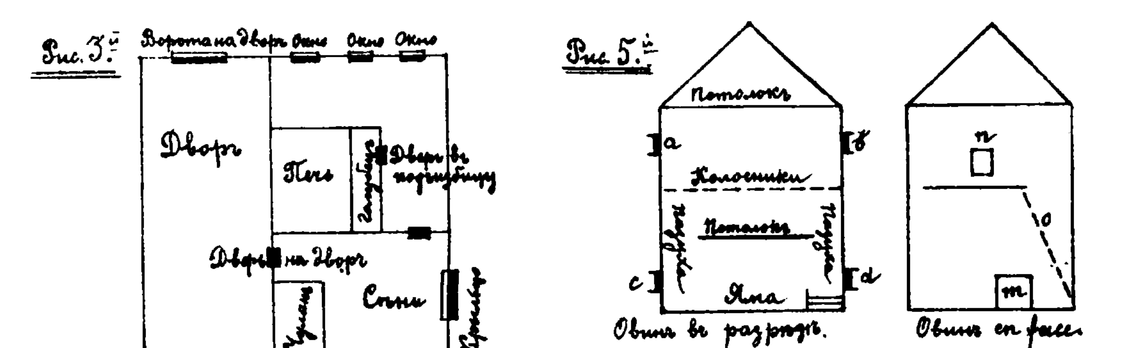
Избы ставятся обыкновенно довольно тѣсно другъ къ другу: иногда между ними нѣтъ не только мѣста для проѣзда, но даже и для прохода. Подъ одною кровлею съ избою устраивается обыкновенно и дворъ для скота. За избами слѣдуютъ небольшіе огороды, обнесенные со всѣхъ сторонъ „частоколомъ". За огородами слѣдуютъ „овинники"—небольшія пространства луга, обнесенныя жердевою изгородью и предназначенныя для сушки сѣна. На „овинникахъ" стоятъ сараи для храненія сѣна, амбары и на самомъ дальнемъ концѣ ихъ—„гуменники" или „гумна", съ „овинами" для сушки хлѣба. Бани почти совершенно неизвѣстны мѣстному крестьянскому населенію. Точно также неизвѣстны большинству мѣстнаго населенія ледники и погреба.

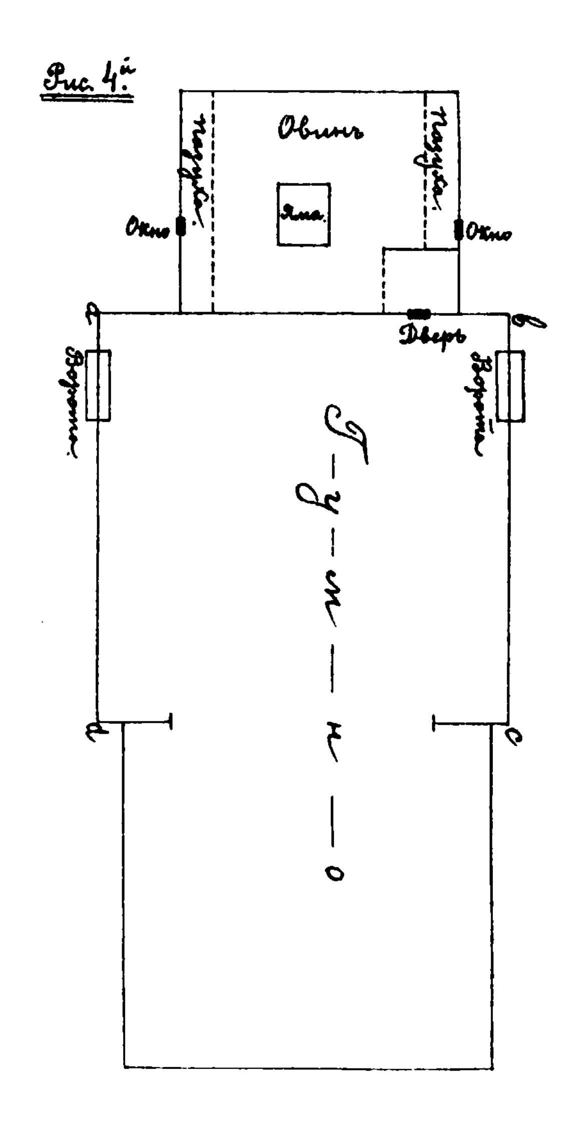
На улицѣ почти передъ каждою избою имѣется колодезь, особенно если деревня расположена не при рѣкѣ. Колодцы почти всегда устраиваются не съ воротомъ (по мѣстному „съ бараномъ"), а съ журавлемъ. Бревно, въ которомъ утверждается водоподъемный рычагъ, называется „лапою", самый рычагъ, представляющій изъ себя довольно толстую длинную жердь,—„очапомъ", водоподъемное ведро—„бадьею". Бадья есть не что иное, какъ деревянное ведро съ желѣзными обручами; ведро это имѣетъ видъ усѣченнаго конуса, обращеннаго бо́льшимъ основаніемъ кверху.

---

[1]) Перечень этотъ можно составить на основаніи соч. А. Крылова. „Историко-статистическій обзоръ Ярославской епархіи". Ярославль. 1861 г.

Рис. 1-й.
Второе поле.
Рѣка.
Дорога
Улица
Дорога.
Третье поле.
Первое поле.
Дорога.
р—р—р
Колодцы.
Избы съ дворами.
Избы бобылей или такъ называемыя „кельи“. При кельяхъ овиновъ нѣтъ.
Огороды.
Овинники.
Амбары и мякинницы.
Сѣнные сараи.
Нагуменники.
„Отвода“ или растворныя ворота въ жердевой изгороди.
„Заборы“ или жердевыя разборныя ворота въ изгороди.
„Прогонъ“, т. е. дорога, огороженная съ обѣихъ сторонъ изгородью и ведущая въ „выпускъ“, т. е. огороженное мѣсто въ ближайшемъ лѣсу, предназначенное для пастьбы скота. По этой дорогѣ скотъ прогоняется изъ деревни въ „выпускъ“.
Изгородь.
р-р-р. „Переогорода“—широкая межа возлѣ изгороди, окружающей поле.
Рис. 2-й.
Ворота на дворъ
Крыльцо
Окно
Окно
Окно
лавка
лавка
Божница
Посудникъ
Рукомойникъ
Столъ
Красный уголъ
лавки
Дворъ
Коридоръ
Печь
Голбецъ
Полати.
Кутъ.
Лѣсенка.
Двери.
Лѣсенка.
Сѣни („мостъ“)
Повѣть
Лѣсенка
Двери
Двери
Горница
Постель.
Чуланъ (Кладовая)
Окно
Окно
Столъ
лавка
Божница.

Рис. 3.
Ворота на дворъ
Окно
Окно
Окно
Дворъ
Печь
Голбецъ
Дверь въ подклѣть
Дверь на дворъ
Сѣни
Чуланъ
Крыльцо
Рис. 5.
Потолокъ
a
б
Колосники
Потолокъ
Ползуха
Ползуха
c
d
Яма
Овинъ въ разрѣзѣ.
n
o
m
Овинъ en face.

Рис. 4.
Овинъ
Ползуха.
Ползуха.
Яма.
Окно
Окно
Дверь
a
b
Ворота.
Ворота.
Г—у—м—н—о
d
c

Чаще всего бадьи дѣлаются изъ дуба. Иногда вмѣсто бадьи водоподъемнымъ ведромъ служитъ обыкновенное деревянное ведерко. Колодцы ограждаются деревяннымъ срубомъ, который запускается во всю глубину колодца. (Помѣщаемъ примѣрный планъ мѣстной деревни. Рис. 1-й).

Какъ мы уже сказали и выше, избы устраиваются подъ одною кровлею съ дворомъ. (Прилагается планъ крестьянской избы крестьянина богатаго. Рис. 2).

Передняя часть двора, четыреугольникъ *a-b-c-d*, не имѣетъ потолка совсѣмъ, задняя, помѣченная литт. *c-d-g-f-e*, имѣетъ потолокъ, раздѣляющій дворъ на два этажа; въ нижнемъ этажѣ помѣщается домашній скотъ. Нижняя часть есть продолженіе двора *a-b-c-d*. Верхній этажъ, или „повѣть", отдѣляется отъ двора стѣнкой *c-d*. Повѣть предназначается для храненія экипажей, сбруи, домашнихъ и земледѣльческихъ орудій и, наконецъ, небольшихъ запасовъ корма для скота. На повѣть входъ черезъ корридоръ *b-h-d-g* и черезъ лѣсенки *a* и *b*. Кромѣ этого входа существуетъ и другой—это ворота *i—j*. Такъ какъ эти ворота находятся во второмъ этажѣ, т. е. довольно высоко надъ землею, то къ нимъ устраивается „взъѣздъ", или бревенчатая наклонная плоскость, по которой въѣзжаютъ на повѣть въ экипажахъ и по которой ввозятъ на повѣть одры съ сѣномъ и т. д. Съ повѣти черезъ люкъ въ потолкѣ и лѣсенку *k* идетъ ходъ внизъ на дворъ. Черезъ люки въ потолкѣ *l*, *l* кормъ скоту съ повѣти опускается прямо въ ясли.

Съ площадки *m* дверь ведетъ въ „сѣни". Направо изъ сѣней однѣ двери ведутъ въ горницу, т. е. чистую комнатку безъ печей, другія—въ чуланъ или „кладовку" (въ нѣкоторыхъ мѣстахъ говорятъ „клѣть"). Въ горницѣ хранятся наряды, одежа и т. п. цѣнное имущество. Въ лѣтнее время она служитъ для спанья и, какъ чистая комната, для пріема гостей. Внизу подъ чуланомъ и горницею устраивается „подклѣть"—теплое помѣщеніе для овецъ, телятъ и куръ. Входъ въ подклѣть дѣлается со двора. Такое же помѣщеніе устраивается и подъ избою *h*, *p*, *q*, *r* и называется „подъизбицею" или „подпольемъ". Въ подъизбицу существуютъ два входа: одинъ со двора, а другой изъ избы чрезъ дверь и лѣсенку *s*. Назначеніе подъизбицы такое же, какое и подклѣти: въ нихъ помѣщаютъ молодыхъ телятъ и овецъ, въ нихъ ставятъ на зимовку пчелъ, въ нихъ же, наконецъ, хранятъ зимою всѣ съѣстные припасы, могущіе испортиться отъ холода. Къ слову замѣтимъ, что горнница имѣетъ потолокъ холодный, т. е. непокрытый землею. Въ горницѣ помѣщается парадная постель и, какъ мы сказали выше, болѣе или менѣе цѣнное имущество. Значительная часть этого имущества помѣщается въ стоящихъ тутъ же сундукахъ и деревянныхъ коробьяхъ. По стѣнамъ стоятъ неподвижныя скамьи, или „лавки". Онѣ обыкновенно плотно придѣ-

лываются къ стѣнѣ. Надъ лавками выше оконъ тянутся полки—„полавочники", предназначенные для храненія различныхъ мелкихъ предметовъ. Въ переднемъ углу нѣсколько ниже „полавочниковъ" помѣщается полочка съ иконами—„божница". Постель съ пологомъ, столъ, шкафчикъ съ посудой и нѣсколько передвижныхъ скамеекъ или табуретовъ дополняютъ убранство горницы. Въ послѣднее время скамейки и табуреты у богатыхъ стали замѣняться стульями.

Изъ сѣней налѣво дверь ведетъ въ избу *p-q-r-h*. Надъ самою дверью въ заднемъ углу устраиваются „палати"—подмостки, замѣняющіе кровать. Полати подвѣшиваются аршинахъ въ $1^1/_2$ отъ потолка. Вицевой брусъ, упирающійся однимъ концомъ въ стѣну, а другимъ въ печь и поддерживающій полати, называется „воронѐцъ". Весь задній уголъ подъ полатями называется „кýтью"[1]). По стѣнамъ избы тянутся тѣ же лавки и полавочники, что и въ горницѣ. Въ переднемъ или красномъ углу помѣщается столъ и божница. Уголъ налѣво отъ дверей занятъ печью. Сбоку печи, вровень съ послѣдней, дѣлается деревянная придѣлка въ видѣ большого ящика, опрокинутаго вверхъ дномъ,—это „гóлубецъ". Съ боку его сдѣланы приступки для того, чтобы лазить на голубецъ и затѣмъ на печь. На голубцѣ спятъ обыкновенно тогда, когда спать на печи бываетъ слишкомъ жарко. Про человѣка домосѣда говорятъ поэтому, что онъ ѣздитъ съ печи на голубецъ. Голубецъ имѣетъ сбоку дверь; черезъ эту дверь, а затѣмъ люкъ и лѣсенку *s* идетъ ходъ въ „подъизбицу". Къ единственному углу голубца привѣшивается глиняный умывальникъ или, какъ говорятъ, „рукомойникъ", подъ который подставляется деревянная лохань. Возлѣ вѣшается полотенце и тряпка для вытиранія рукъ, или „рукотертникъ". Возлѣ печи по стѣнѣ *p-h* устраиваются шкафы и полки для посуды—„посýдники".

Говорить что-либо объ устройствѣ печи мы считаемъ излишнимъ. Замѣтимъ только, что печи дѣлаются двоякаго рода: однѣ изъ нихъ имѣютъ трубы, черезъ которыя дымъ, выходящій изъ устья печи, проходитъ въ „боровà" и „дидель" на чердакъ и затѣмъ на улицу; другія этихъ трубъ не имѣютъ, и дымъ изъ печи идетъ прямо въ избу, изъ избы же онъ выходитъ отчасти черезъ растворенную дверь, отчасти черезъ отверстіе въ потолкѣ и деревянную трубу, выходящую на крышу. Избы съ печами перваго рода называются „бѣлыми", избы съ печами второго рода—„курными", „черными". Въ послѣднее время зимою во многихъ избахъ стали ставить для тепла маленькія кирпичныя печки, соединенныя съ печною трубою посредствомъ желѣзныхъ „рукавовъ" (трубъ изъ листового желѣза). Печки эти весьма быстро, хотя и не на

---

[1]) Отсюда и дѣтская пѣсенка: „Ступай въ куть, тамъ деньги ткутъ, тебѣ денежку дадутъ".

долго, согрѣваютъ избу. Передняя стѣнка печи надъ устьемъ называется „цело“ или „чело“. Отсюда и примѣта: „сажа на целѣ загорится—къ гостямъ“, а также нецензурная поговорка: „нас...а баба на цело, да и теперича черно“. Выше „цела“ въ черныхъ избахъ устраиваются особеннымъ образомъ шестики, на которые кладутся дрова для просушки—это „напыльникъ“. Въ бѣлыхъ избахъ „напыльникомъ“ называется часть печи между боровомъ и стѣною, гдѣ хранятся полѣнья лучины. Поэтому-то полѣно иронически и называется въ поговоркѣ „блинникомъ съ напыльника“. Не говорятъ попотчевать полѣномъ, а говорятъ попотчевать „блинникомъ съ напыльника“.

Мы описали сейчасъ устройство избы богатаго крестьянина; устройство избы крестьянина бѣднаго гораздо проще: ни повѣти, ни горницы нѣтъ. Внутреннее устройство избы то-же, только гораздо бѣднѣе. Изба у бѣдныхъ устраивается въ большинствѣ случаевъ черная или курная. (См. рис. 3). Около большинства изъ такихъ избъ устраивается „завалина“—прикладная стѣнка изъ отрепьевъ и омялья, укрѣпленная жердями. Такая завалина устраивается для того, чтобы изба была теплѣе.

Зимнія рамы вставляются на зиму не во всѣхъ избахъ; въ очень многихъ избахъ хозяева довольствуются однѣми только лѣтними рамами въ теченіе цѣлаго года. Для постройки избъ чаще всего употребляются сосновыя или еловыя бревна толщиною вершковъ 8—9 въ верхнемъ отрѣзѣ. Щели между бревнами („пазы́“) прокладываются мхомъ и пробиваются затѣмъ отрепьями. Такъ поступаютъ при постройкѣ избъ, овиновъ и дворовъ, т. е. построекъ теплыхъ. При постройкѣ амбаровъ и сараевъ бревна употребляются гораздо тоньше, и „пазы́“ между ними мхомъ не пробиваются; всѣ такія постройки извѣстны подъ именемъ „холостыхъ“ построекъ. Крыши на избахъ и на всѣхъ надворныхъ постройкахъ дѣлаются соломенныя. Солома (ржаная) кладется на стропила слоями толщиною вершка въ два, такъ что верхушки перваго ряда прикрываются комлями послѣдующаго и т. д. Сверху солома прижимается поперечными жердями.

Что касается до домашней утвари и посуды, то она въ крестьянскомъ хозяйствѣ довольно разнообразна. Въ каждомъ хозяйствѣ можно найти нѣсколько „ухватовъ“ (рогачи) для вытаскиванія изъ печи горшковъ, „клюку“ (кочергу), сковородникъ, нѣсколько сковородъ, желѣзный совокъ для выгребанія углей, „косарь“ (ножъ для щепанія лучины), одинъ или два чугуна, противень, т. е. желѣзный листъ, на которомъ пекутся пироги, ковшъ (чаще деревянный), одно или два деревянныхъ ведра (рѣже желѣзныхъ), „коромысло“ изогнутое для ношенія ведеръ, деревянную „поваренку“ (разливательную ложку) и нѣсколько деревянныхъ „мутовокъ“, замѣняющихъ веселки, а также „квашню“ для хлѣбовъ; послѣдняя чаще всего представляетъ изъ себя „дуплянку“, т. е.

долбленую деревянную кадочку. При печеніи хлѣбовъ часть тѣста оставляется обыкновенно въ квашнѣ. Это закисшее или вѣрнѣе прокисшее тѣсто служитъ „заквасою" для слѣдующаго печенія хлѣбовъ. У неопрятныхъ хозяекъ эта закваска остается въ квашнѣ по цѣлымъ мѣсяцамъ, такъ что образуетъ собою толстую кору прокисшаго тѣста, иногда совершенно заполняющую значительную часть квашни. По поводу этой заквасы существуетъ такой анекдотъ. У одной бабы пропала сковорода; въ пропажѣ ея баба оклепала почти всю деревню, тѣмъ не менѣе пропажа не нашлась. Съ тѣхъ поръ прошло лѣтъ пять. Неряшливая баба за все это время никогда не мыла квашни: закваса въ послѣдней копилась, и, наконецъ, дѣло дошло до того, что закваса наполнила всю квашню. Волей-неволей баба принуждена была опустить квашню въ прудъ, чтобы отмочить заквасу. Черезъ нѣсколько дней комъ застоявшагося тѣста вывалился изъ квашни, снизу же его оказалась пропавшая у бабы сковорода.

Въ числѣ домашней посуды, необходимой въ каждомъ крестьянскомъ хозяйствѣ, должно отмѣтить нѣсколько деревянныхъ кадокъ и „ушатъ" или „извару" съ водоносомъ къ нему. Ушатъ есть не что иное, какъ высокая кадка съ ушами, вмѣстимостью въ 3—4 ведра. Водоносъ состоитъ изъ толстой палки, къ которой посрединѣ подвѣшена другая палка покороче, вставляемая въ отверстія, имѣющіяся въ ушахъ ушата. Когда ушатъ налитъ водою, тогда въ уши его вкладываются концы этой палки Двое берутъ затѣмъ на плечи концы водоноса и, такимъ образомъ, легко переносятъ ушатъ съ мѣста на мѣсто.

Столовая посуда (блюда, тарелки) въ прежнее время употреблялись деревянныя, нынѣ деревянная посуда почти совсѣмъ оставлена: деревянныя чашки у богатыхъ замѣняются фаянсовыми, у бѣдныхъ глиняными. Изъ деревянной посуды остались только ложки, ведра, ковши, кружкй для разрѣзыванія мяса и „пирожники", т. е. доски для разрѣзыванія пироговъ.

Обыкновенная гончарная посуда въ повсемѣстномъ употребленіи. Въ ходу преимущественно посуда мѣстнаго производства [1]). Изъ гончарной или глиняной посуды отмѣтимъ слѣдующія вещи: „плошки" (латки) для жаренія картофеля, мяса, рыбы и т. д., „горшки" для варки кушанья, „кашники"—небольшіе горшечки съ ручкой, „кринки", въ которыхъ хранится и отстаивается молоко, „корчаги"—большіе горшки вмѣстимостью до $1^1/_2$ ведра, употребляемые для нагрѣванія воды, для варки сусла, паренья бѣлья и т. д.; „опарники"—большіе на подобіе цвѣточныхъ горшковъ (въ „опарникахъ" „заводится" обыкновенно бѣлая опара, т. е. изъ пшеничной или крупичатой муки; напротивъ,

[1]) См. брошюру А. Георгіевскаго. „Гончарный промыселъ въ Пошехонскомъ уѣздѣ Ярославской губерніи". Ярославль.

хлѣбы „творятся“ преимущественно въ деревянной квашнѣ); „топники“, употребляемые для пахтанья масла или для перетапливанія его. Благодаря оригинальной формѣ топника, про человѣка толстогубаго сложилась поговорка, что у него „губы, какъ топники“. Почти такую же форму, какъ топникъ, имѣетъ и глиняный подойникъ или, какъ говорятъ въ Пошехонскомъ уѣздѣ, „дойникъ“. Впрочемъ, за послѣднее время жестяные подойники стали вытѣснять изъ употребленія подойники глиняные.

Въ прежнее время, когда глиняная посуда была дорога, надтреснувшіе горшки, кринки, бутыли и т. п. вещи плотно обвивали полосками лыка. Поэтому то и въ народной загадкѣ о горшкѣ говорится: „родился на кружалѣ, росъ вертѣлся, живучи жарился, живучи парился, *старъ сталъ—пеленаться сталъ*“. Такая „спеленутая“ посуда, употребляясь для различныхъ цѣлей, могла служить, какъ говорится, еще „цѣлыхъ два вѣка“. Въ настоящее время, когда посуда и глиняная и стеклянная необычайно подешевѣла, искусство обвивать разбитую посуду лыкомъ совершенно заброшено.

Къ числу необходимыхъ домашнихъ принадлежностей порядочнаго крестьянскаго хозяйства принадлежитъ „рѣшето“ и „сито“ для просѣиванія муки, корытце, сѣчки (по мѣстному „тяпки“) для рубленья грибовъ, мяса, овощей, а также лукошки различныхъ величинъ и формъ; сѣчки обыкновенно встрѣчаются съ остріями двухъ видовъ—прямымъ и изогнутымъ въ формѣ буквы *S*. Къ такимъ же необходимымъ домашнимъ принадлежностямъ относится корыто для стирки бѣлья, валёкъ для выколачиванія его (колотушка), скалки и катокъ (пральникъ) для катанія бѣлья.

Въ прежнее время въ каждомъ крестьянскомъ хозяйствѣ было множество корзинъ и корзинокъ изъ ивовыхъ прутьевъ, или изъ древесныхъ корешковъ („коренушекъ“), воронокъ, туесковъ и бураковъ изъ лыка, настолько искусно и плотно сдѣланныхъ, что въ такихъ буракахъ сохранялось нерѣдко кислое молоко. Нынѣ эти предметы встрѣчаются все рѣже и рѣже. Зато и нынѣ еще можно встрѣтить въ порядочномъ крестьянскомъ хозяйствѣ ручные самодѣльные жернова [1]) и ступу. И то и другое употребляется преимущественно для домашняго приготовленія крупъ. Ступы дѣлаются обыкновенно деревянныя; въ дно ступы вкла-

1) Жернова помѣщаются обыкновенно въ круглой деревянной коробкѣ, утвержденной на ножкахъ. Одинъ изъ жерноновъ, верхній, дѣлается обыкновенно каменный, на подобіе мельничвыхъ жерновъ изъ жерноваго камня, нижній же представляетъ изъ себя толстый деревянный кругъ, усаженный желѣзными шпильками и скобочками на подобіе тѣхъ, какіе насаживаются на органныхъ валахъ. Впрочемъ, употребляются и жернова, состоящіе изъ двухъ деревянныхъ круговъ, усаженныхъ желѣзными скобками. Ручные жернова употребляются преимущественно для „обдирки“ овсяной крупы.

дывается какой-нибудь твердый плоскій камень; концы толкачей (по мѣстному „пестовъ") обкладываются желѣзомъ.

Самоваръ съ чайнымъ приборомъ въ настоящее время есть уже необходимая принадлежность почти каждой крестьянской избы.

За то классическій „свѣтецъ", въ который вставлялась горящая лучина, сталъ уже нынѣ рѣдкостью. Каждый, даже самый бѣдный домохозяинъ имѣетъ въ своемъ домѣ небольшую жестяную керосиновую лампу; лучина употребляется только для временнаго, краткосрочнаго употребленія, напр. для того, чтобы сходить въ горницу, въ сѣни, на повѣть и т. д.

Огонь теперь всегда добывается посредствомъ обыкновенныхъ фосфорныхъ спичекъ. Но лѣтъ 35—40 тому назадъ, по разсказамъ старожиловъ, фосфорныя спички были совсѣмъ почти неизвѣстны въ крестьянскомъ мірѣ. Огонь добывался тогда посредствомъ огнива, состоящаго изъ кремня, стального „кресала" и трута. Трутомъ служила обыкновенно высушенная древесная губка. Были въ употребленіи также „сѣрнички", т. е. коротенькія лучинки, концы которыхъ обмакивались въ горячую сѣру. „Сѣрнички" приготовлялись на дому и употреблялись для того, чтобы легче зажечь огонь отъ затлѣвшагося трута. Названіе „сѣрнички" перешло во многихъ мѣстахъ и къ нынѣшнимъ фосфорнымъ спичкамъ. Къ слову замѣтимъ, что и нынѣ крестьяне не часто прибѣгаютъ при добываніи огня къ помощи фосфорныхъ спичекъ. Дѣло въ томъ, что при обиліи топлива печи топятся жарко, и углей въ печи остается много; угли эти, благодаря устройству крестьянскихъ печей, не гаснутъ въ „загнѣтѣ" (сторона печи, куда пригребаются уголья, вмѣстѣ съ послѣдними и называется „загнѣтою") въ теченіе цѣлыхъ сутокъ. Когда понадобится огонь, берутъ тлѣющій уголь изъ загнѣты и раздуваютъ его, прикладывая къ нему тоненькую, сухую лучинку. Черезъ нѣсколько секундъ лучинка вспыхиваетъ. Поэтому-то и до сихъ поръ говорятъ не „засвѣтить" огонь, а „сдуть" огонь.

Матеріаломъ для топлива служатъ дрова, весьма рѣдко замѣняемыя хворостомъ. Самыми лучшими дровами считаются дрова березовыя, это наиболѣе цѣнное топливо: оно даетъ много жару и превосходный уголь. Ольховыя дрова по своимъ качествамъ не уступаютъ березовымъ, но, по мнѣнію крестьянъ, отъ этихъ дровъ происходитъ постоянно угаръ. За этими дровами по своимъ качествамъ слѣдуютъ дрова еловыя, затѣмъ сосновыя и, наконецъ, осиновыя. Топка печей осиновыми дровами, по мнѣнію крестьянъ, способствуетъ къ уничтоженію въ печныхъ трубахъ сажи.

На дрова идетъ обыкновенно лѣсъ „дровяникъ", т. е. деревья не толще 4 верш. въ нижнемъ отрѣзѣ. Деревья на дрова рубятся въ теченіе зимы; срубленныя деревья складываются затѣмъ въ костры. Весною, обыкновенно, въ Великій постъ деревья изъ костровъ или „длинникъ" распиливаются поперекъ на 4-5—четверт-

вые отрѣзки: такимъ образомъ получаются дрова „швырковыя“. Послѣднія раскалываются пополамъ и складываются въ полѣнницы, гдѣ они и сохнутъ въ теченіе лѣта; къ осени дрова уже годны бываютъ для топки.

Что касается до гигіеническихъ качествъ мѣстной крестьянской избы, то въ данномъ отношеніи она стоитъ чрезвычайно низко. Свѣту въ ней не достаточно, такъ какъ въ избѣ дѣлается обыкновенно только три окна, и то небольшихъ; воздуху бываетъ очень мало, и тотъ бываетъ испорченъ вредными испареніями, проходящими въ избу изъ „подъизбицы“, а также дымомъ въ курныхъ избахъ: отсюда масса грудныхъ и глазныхъ болѣзней. Температура стоитъ въ избѣ въ теченіе дня необычайно высокая, почти банная, къ утру же слѣдующаго дня она падаетъ почти до нуля: отсюда простудныя заболѣванія; тѣснота и грязь помѣщенія способствуютъ развитію различныхъ накожныхъ заболѣваній и дѣлаютъ вполнѣ невозможнымъ примѣненіе дезинфекціи въ случаѣ появленія заразныхъ болѣзней [1]).

Нашъ очеркъ мѣстнаго жилища былъ бы далеко не полнымъ, если бы мы не упомянули въ немъ о сараяхъ, амбарахъ, нагуменникахъ и другихъ надворныхъ постройкахъ.

За исключеніемъ „овина“ всѣ эти постройки дѣлаются изъ тонкихъ бревенъ и, притомъ, „холостые“, т. е. не мшенныя.

Сѣнной сарай предназначается для храненія сѣна зимою: стоговъ въ Пош. уѣздѣ почти не мечутъ, а сохраняютъ собранное сѣно въ сараяхъ. Сарай представляетъ изъ себя четырехугольное бревенчатое зданіе, съ воротами и небольшимъ „взъѣздомъ“. Потолка сарай не имѣетъ, а имѣетъ одну только крышу, очень часто онъ не имѣетъ и пола: сѣно кладется прямо на землю, прикрытую слоемъ жердей и хвороста. Такіе же сѣнные сараи устраиваются и на „пустошахъ“, т. е. въ лѣсу, на сѣнокосныхъ лугахъ, отстоящихъ иногда верстъ за восемь, за десять отъ деревни. Пустошные сараи строятся обыкновенно, какъ говорится, на живую нитку: пола въ нихъ никогда не дѣлается, взъѣзда также, ворота постоянно забираются рядомъ небольшихъ бревешекъ.

На подобіе сараевъ устраиваются и „амбары“ или житницы. Размѣрами амбары дѣлаются обыкновенно небольшіе, не болѣе 5 кв. аршинъ; полъ въ амбарѣ дѣлается плотный и устраивается довольно высоко надъ землею; кромѣ пола устраивается и потолокъ. На потолкѣ, т. е. на чердачкѣ амбара, хранятся различныя хозяйственныя принадлежности, которыя тре-

---

[1]) „Краткій очеркъ о ходѣ заразныхъ болѣзней на людяхъ по Пошехонскому уѣзду, Ярославской губерніи, за 1890—91 годъ“. (Журналы Пошехонскаго уѣзднаго земскаго собранія, очередной сессіи 1891 года. Ярославль, 1892 г. Стр. 126 и слѣд).

буются не особенно часто; на чердачекъ ведетъ небольшая лѣсенка. Нечего и говорить, что въ амбаръ ведетъ крѣпкая, хорошо запирающаяся дверь. По стѣнамъ амбара устраиваются „сусѣки" (закрома) для ссыпки хлѣба; для каждаго сорта хлѣба дѣлается отдѣленіе въ сусѣкѣ.

Гораздо сложнѣе только что описанныхъ нами построекъ устройство „нагуменниковъ". При каждомъ нагуменникѣ устраивается обыкновенно „гумно" („токъ", „ладонь", какъ говорятъ въ другихъ мѣстахъ). Для устройства гумна во всю величину предполагаемаго гумна сдираютъ съ земли дернину и снимаютъ верхній почвенный слой земли. На мѣсто снятого слоя навозятъ глины, которую и утаптываютъ въ теченіе нѣсколькихъ дней сначала лошадьми, а затѣмъ особаго рода колотушками („токмачами"), при чемъ глину отъ времени до времени поливаютъ водою. Утоптавъ ее, какъ слѣдуетъ, гумно затѣмъ сглаживаютъ. Хорошо сдѣланное гумно представляетъ изъ себя углубленіе четверти въ $1^1/_2$; дно его возвышено по срединѣ и покато съ боковъ; поверхность гумна твердая, плотная: зерна совершенно почти не втаптываются въ глину. Чтобы гумно не портилось отъ зимнихъ морозовъ, его по окончаніи молотьбы осенью застилаютъ толстымъ слоемъ соломы. Солома эта весною снимается, и гумно чистится, выравнивается и выметается. Чтобы возможно было производить молоченье и въ ненастную погоду, у богатыхъ крестьянъ дѣлается иногда надъ всѣмъ гумномъ или только надъ частью его навѣсъ—„нагуменникъ" *abcd* (Рис. 4). Для дешевизны иногда крыша нагуменника утверждается на столбахъ, вмѣсто же стѣнокъ *ad* и *bc* ставятся простые соломенные щиты. У бѣдныхъ нагуменника не дѣлается совсѣмъ, и все гумно бываетъ открыто. Прямо съ гумна идетъ входъ въ „овинъ". (Рис. 5).

Пола овинъ не имѣетъ; посрединѣ его устраивается яма, въ которой горятъ толстые кряжи, „овиняки", жаръ отъ которыхъ и высушиваетъ хлѣбъ въ снопахъ. Надъ ямою устраивается плотный бревенчатый потолокъ. Онъ идетъ надъ самой ямой по всему овину. Только съ боковъ овина потолка этого нѣтъ, а оставляется пустое пространство—„пазухи". Еще выше потолка, аршинахъ въ $1^1/_2$ отъ послѣдняго, настилаются толстыя жерди въ разстояніи вершковъ 2-хъ другъ отъ друга—это „колосники"; на эти-то колосники и ставится хлѣбъ въ снопахъ. Жаръ изъ ямы проходитъ черезъ пазухи подъ колосники и, проходя затѣмъ между ними, онъ высушиваетъ поставленный тамъ хлѣбъ. Чтобы регулировать притокъ жара и выпускать изъ овина сырой воздухъ, устраиваются волоковыя оконца *a*, *b*, *c* и *d*. Дверь *m* ведетъ прямо съ гумна въ нижнюю часть овина, дверка *n*, или, какъ говорятъ, „окошко", ведетъ на „колосники". Передъ окошкомъ устраивается небольшая тесовая площадка „полица". На полицу всходятъ по лѣсенкѣ *o*.

Гораздо рѣже, чѣмъ „овины", строятся крестьянами „риги". Въ ригѣ дрова горятъ не въ ямѣ, а въ особо устроенной печи; потолка надъ печью уже не дѣлается, а прямо кладутся на нѣкоторомъ разстояніи отъ печи „колосники". Риги хотя и безопаснѣе овиновъ въ пожарномъ отношеніи, но по своей сравнительной дороговизнѣ трудно прививаются къ крестьянскому хозяйству.

Такъ какъ крестьянскій овинъ представляетъ изъ себя зданіе довольно высокое, стоящее на юру и сдѣланное, притомъ, на живую нитку, то соломенная кровля овина отъ зимнихъ вѣтровъ и мятелей почти постоянно бываетъ растрепана и всклокочена. Поэтому-то про человѣка, у котораго волосы растрепаны, говорятъ, что „голова у него всклокочена, какъ овинъ".

8. *Пища и питье.*

Изъ всѣхъ растеній, доставляющихъ пищу мѣстному крестьянину, на первомъ мѣстѣ по своей важности стоитъ, конечно, рожь: изъ ржаной муки печется хлѣбъ—основа крестьянскаго стола. Въ тяжелое время ржаной хлѣбъ для бѣдняка крестьянина составляетъ иногда единственную, исключительную пищу. Не даромъ говорится, что „хлѣбъ да вода—молодецкая ѣда". Въ годы неурожая хлѣбъ печется непросѣянный, съ мякиной и отрубями О подмѣси въ хлѣбу суррогатовъ въ родѣ лебеды, и т. п. веществъ мы никогда здѣсь не слыхали. Кромѣ хлѣба, изъ ржаной муки пекутся пироги или изъ кислаго тѣста или на дрожжахъ. Пироги изъ ржаной муки имѣютъ почти всегда круглую форму и пекутся постоянно съ „начинкой". Начинка эта дѣлается или изъ овсяной крупы, каши, творогу или изъ гороховой муки („налева"). Овсяная крупа размачивается или въ водѣ или въ молокѣ, и тонкимъ слоемъ накладывается на пирогъ, толщина котораго бываетъ около полувершка. Гороховая мука размѣшивается въ водѣ, и полученнымъ тѣстомъ намазывается пирогъ. Такая начинка или „налева", когда пирогъ испечется, пріобрѣтаетъ ярко-красный цвѣтъ. Иногда изъ ржаной муки пекутъ пироги „сгибни", т. е. такіе пироги, въ которыхъ начинка бываетъ не снаружи пирога, а внутри, т. е. бываетъ прикрыта слоемъ тѣста. Круглые пироги пекутся размѣромъ отъ $1^1/_2$ до двухъ четвертей въ діаметрѣ, „сгибни" отъ 3 до 4 четвертей длины. Начинка для сгибней употребляется самая разнообразная: сгибни пекутся съ начинкою изъ овсяной крупы, изъ свѣжей рубленой капусты или моркови, изъ рубленыхъ соленыхъ или свѣжихъ грибовъ, изъ зеленаго лука, и т. д. При приготовленіи пироговъ „скалкой" раскатывается круглый слой тѣста: на этотъ слой и накладывается начинка; если хотятъ сдѣлать „сгибень", то положивъ на кружокъ тѣста начинку, сгибаютъ этотъ кружокъ пополамъ и края тѣста

сощипываютъ вмѣстѣ, получается такимъ образомъ, сгибень въ видѣ полукруга; въ зависимости отъ способа загибанія краевъ могутъ получиться и другія формы сгибней—овальная, продолговатая и пр. Кромѣ пироговъ, изъ ржаной муки пекутся „прѣснушки“, „сочни“, „опекушки“ или „колобья“. Тѣсто для прѣснушекъ дѣлается прѣсное на водѣ или молокѣ, оно дѣлается по утру, когда хотятъ печь прѣснушки; слой тѣста раскатывается въ 3 или 4 раза тоньше, чѣмъ для пироговъ. Прѣснушки имѣютъ обыкновенно форму овальную или полукруглую; начинка для прѣснушекъ употребляется такая же, какъ и для „сгибней“. Сочни, пекутся изъ кислаго тѣста, какъ и хлѣбы. Тѣсто раскатывается тонкимъ слоемъ, какъ для прѣснушки, и затѣмъ на этотъ слой накладывается начинка изъ масла и творогу. Сдѣланный сочень кладется на сковороду, а послѣдняя ставится въ печь на горячіе уголья. Достаточно двухъ-трехъ минутъ, чтобы сочень испекся. Сочни подобно блинамъ пекутся въ то время, когда печь еще топится. „Опекушка“ или „колобъ“ есть тотъ же сочень, но только испеченный безъ всякой начинки. Бѣдные крестьяне изъ ржаной муки дѣлаютъ иногда такъ называемую „завару“. Ржаная мука обваривается кипяткомъ, при чемъ получается кашица; эту кашицу еще горячую и ѣдятъ съ постнымъ масломъ.

Изъ зеренъ зеленой недозрѣвшей ржи во многихъ мѣстахъ варятъ кашу, отличающуюся своимъ своеобразнымъ вкусомъ. Кашу эту приправляютъ постнымъ или скоромнымъ масломъ. Такая каша извѣстна подъ названіемъ „варахавицы“. Въ заключеніе упомянемъ, что изъ ржи дѣлается ржаной солодъ, идущій на приготовленіе „кулаги“, квасу и пива, о которыхъ мы будемъ говорить ниже.

Пшеницы въ Пошехонскомъ уѣздѣ сѣется мало, а потому пшеничная мука мѣстнаго размола все болѣе и болѣе вытѣсняется крупичатой, привозной мукой. Крупичатая мука идетъ главнымъ образомъ на печеніе праздничныхъ пироговъ. Форма послѣднихъ такая же, какъ и ржаныхъ, только крупичатые пироги имѣютъ начинку болѣе изысканную. Крупичатые пироги пекутся съ мясомъ, съ рыбой („рыбники“), съ грибами, капустой, морковью, лукомъ, съ кашей, съ рисомъ, съ манной или овсяной крупой, съ изюмомъ, малиной, черникой („сладкіе пироги“) и, наконецъ, безъ всякой начинки (сочни съ „аминемъ“). Изъ крупичатой же муки печется бѣлый хлѣбъ, или по мѣстному „папушникъ“, „ситникъ“, а также „блины“ (тонкіе) и „аладьи“ и „пряженцы“ (небольшіе пирожки съ начинкою изъ снятковъ, яицъ или изюму. Пряженцы, какъ и аладьи, пекутся на сковородѣ. Кромѣ указанныхъ печеній, крупичатая мука идетъ на приправу въ похлебку, и также на лапшу. Лапша варится или постная на водѣ съ грибами и лукомъ, или скоромная съ говядиной или свининой. Иногда лапша варится на молокѣ.

Овесъ, сѣющійся въ Пошехонскомъ уѣздѣ въ значительномъ количествѣ, передѣлывается на муку и крупу. Овсяная крупа идетъ на приправу во щи, на начинку для пироговъ, и также на приготовленіе общеизвѣстной „овсянки". Изъ овсяной муки пекутся блины и дѣлаются „блинники" „трубички" „трудоножки", варится кисель и дѣлается „сулой". Изъ овса же дѣлается „толокно", которое ѣдятъ съ квасомъ или съ постными щами. Блины изъ овсяной муки пекутся тонкіе (въ тонкій картонъ), опара для иихъ дѣлается прѣсная на водѣ или на молокѣ. Изъ блиновъ дѣлаются „блинники" „трубички" и „трудоножки". „Блинникъ" изготовляется такимъ образомъ: раскатывается тонкій слой тѣста, на этотъ слой кладутъ стопкою блины, пересыпая ихъ мелко изрубленными яицами и приправляя масломъ. Поверхъ блиновъ кладется еще слой тѣста: края верхняго и нижняго слоя тѣста соединяются вмѣстѣ, послѣ чего блинникъ кладется на сконороду и печется, какъ обыкновенный пирогъ. „Трубички" и „трудоножки" приготовляются нѣсколько иначе. Берется одинъ блинъ, на этотъ блинъ кладется начинка изъ рубленыхъ яицъ или пареной брюквы и масла. Послѣ этого блинъ свертывается или въ видѣ четырехугольнаго пакетика („трудоножка"), или въ видѣ трубочки („трубичка"). Надѣланныя трубички или трудоножки жарятся на сковородѣ или плошкѣ въ скоромномъ или постномъ маслѣ. Блины пекутся иногда и изъ крупичатой или пшеничной муки. Для приготовленія овсянаго киселя, съ вечера на холодной водѣ дѣлается жидкое тѣсто; его заквашиваютъ, прибавляя къ нему квасу, или же опуская въ него пукъ горящей лучины. На другой день изъ этого тѣста варится кисель обыкновеннымъ способомъ. Если вышеописанное заквашенное тѣсто развести значительнымъ количествомъ холодной воды и дать отстояться, то въ результатѣ получается осадокъ и жидкость сѣровато-бѣлаго цвѣта пріятнаго кисловатаго вкуса. Жидкость эга и есть „сулой" или, какъ говорятъ „ступино молоко". Сулой ѣдятъ вмѣстѣ съ овсяномъ киселемъ, подслащая иногда первый медомъ.

Ячмень даетъ солодъ (точно также какъ и овесъ), „ячную" или перловую крупу и ячную муку. Изъ ячной крупы варится ячная каша и дѣлаются „сальники". Сальникъ есть та же ячная каша, перемѣшанная съ мелкоизрубленной печенкой и легкимъ и поджаренная въ салѣ на сковородѣ. Изъ ячной муки пекутся лепешки.

Горохъ употребляется въ вареномъ видѣ, варится на водѣ и приправляется постнымъ масломъ. Горохъ—обычная пища крестьянина въ постные дни. Гороховая мука идетъ на приготовленіе гороховаго киселя, на печеніе гороховыхъ лепешекъ, въ начинку для пироговъ („налева"), а также на изготовленіе такъ называемыхъ „ступокъ". Для приготовленія послѣднихъ, на холодной

водѣ замѣшивается изъ гороховой муки крутое тѣсто, изъ котораго и дѣлаются небольшія ступки, на подобіе сахарныхъ головокъ, вершковъ до 2-хъ вышины; ступки эти пекутся въ печи, какъ и обыкновенные пироги. Гороховый кисель варится такъ же, какъ и кисель картофельный или манный; ѣдятъ его съ львянымъ масломъ, разрѣзывая кисель на мелкіе кусочки.

Гречи въ Пошехонскомъ уѣздѣ въ настоящее время не сѣется совсѣмъ; въ прежнее время она сѣялась. Гречневый солодъ, гречневая мука, гречневая и пшенная крупа употребляются привозные.

Гречневый солодъ идетъ на приготовленіе пива и квасу, а изъ муки пекутся масляничные гречневые блины. Изъ гречневой и пшенной крупы варится каша, а изъ послѣдней дѣлаются „пшенники" и „гречневики". Для изготовленія послѣднихъ пшенная или гречневая каша размѣшивается въ молокѣ съ однимъ или двумя яйцами. Полученная кашица вливается въ плошку и запекается въ печи.

Изъ овощей наиболѣе употребительны картофель, капуста, морковь, свекла, огурцы, лукъ, рѣпа и брюква.

Лѣтъ двадцать пять тому назадъ картофель садился въ Пошехонскомъ уѣздѣ въ ничтожномъ количествѣ только на грядкахъ въ огородахъ, нынѣ онъ уже садится на поляхъ въ значительномъ количествѣ, причемъ культура его съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе расширяется; развитію ее особенно много способствало требованіе на картофель, появившееся за послѣднее время со стороны мѣстныхъ винокуренныхъ заводчиковъ. Картофель составляетъ въ настоящее время одну изъ самыхъ важныхъ статей пищевого довольствія мѣстнаго крестьянина. Картофель ѣдятъ вареный съ солью и хлѣбомъ, изъ него дѣлаютъ „венигретъ" (слово получившее право гражданства въ мѣстномъ народномъ говорѣ) въ смѣси съ солеными огурцами, грибами, капустой, пареной брюквой или рѣпой и вареной свеклой. Картофель идетъ въ „холодное" (окрошку) вмѣстѣ съ капустой, огурцами, лукомъ и квасомъ; изъ картофля варится похлебка съ мясомъ, съ рыбой, а иногда и такъ, съ подправкой изъ пшенныхъ или перловыхъ крупъ, изъ него же, наконецъ, дѣлается и „картофельница". Для приготовленія послѣдней, варенный мятый картофель смѣшивается съ молокомъ и однимъ или двумя яйцами, полученная жидкая кашица вливается въ плошку и запекается въ печи. Такимъ же образомъ изъ вареной „моркови", пареной брюквы и рѣпы дѣлается „морковница", брюковница", „рѣпница".

Капуста заготовляется впрокъ кислая, мелко изрубленная или цѣлыми кочнями; послѣдняя называется кочанною; ее ѣдятъ и такъ и съ масломъ и хлѣбомъ, и въ венигретѣ. Изъ рубленной капусты варятся щи. Щи варятся съ мясомъ, со снятками, съ рыбой и заправляются чаще всего мукою и овсяной крупою. У

бѣдныхъ щи варятся „пустыя", приправленныя ложкою или двумя ржаной муки; про такія щи народъ справедливо говоритъ, что въ нихъ „крупинка за крупинкой бѣгаютъ съ дубинкой".

Огурцы и лукъ употребляются, какъ приправа къ разнымъ кушаньямъ. Зеленый лукъ и зеленые огурцы употребляются просто-на-просто съ хлѣбомъ въ невѣроятномъ количествѣ. Зеленый лукъ иногда толчется и толченый приправляется затѣмъ льнянымъ масломъ и солью.

Рѣпа, капуста и брюква часто парятся и въ пареномъ видѣ представляютъ изъ себя своеобразное деревенское лакомство.

Изъ свеклы дѣлается чаще всего „свекольникъ". Свареную въ водѣ свеклу рубятъ мелко и обливаютъ тою же водою, въ которой варилась свекла. Вода эта отличается своимъ сладкимъ вкусомъ. Черезъ нѣсколько дней въ „свекольникѣ" начинаетъ происходить броженіе, тогда свекольникъ употребляютъ въ пищу вмѣстѣ съ мелко нарѣзанными огурцами или кусочками соленой рыбы. Кушанье это отличается своимъ пріятнымъ кисло-сладкимъ вкусомъ.

Грибы составляютъ важную статью пищевого довольствія въ крестьянскомъ мірѣ. Лѣтомъ свѣжіе грибы жарятся на сковородѣ съ постнымъ или скоромнымъ масломъ или въ плошкахъ съ молокомъ и яйцами; варятся грибы или въ молокѣ, или водѣ съ приправою крупъ и луку. Зимою сушеные грибы варятся, употребляются, какъ приправа во щи, похлебку и лапшу; соленые грибы варятся и жарятся [1]).

Грибы, овощи и ягоды составляютъ главнѣйшіе запасы, заготовляемые крестьянами на зиму. Грибы скважиики (boletus) заготовляются впрокъ сушеніемъ, пластинники (agaricini) всѣ солятся.

Картофель, рѣпа, морковь и брюква хранятся въ ямахъ, вырытыхъ въ сухомъ мѣстѣ въ землѣ. Осенью ямы эти наполняются овощами прикрываются соломой, а затѣмъ землей. Въ Великомъ посту, когда прекратятся сильные морозы, ямы раскапываются и овощи вынимаются вонъ.

Свекла, морковь и брюква иногда сохраняются въ вяленомъ видѣ, огурцы солятся, а капуста, какъ мы говорили выше, квасится.

Изъ ягодъ черника малина и гонобобель сушится, а брусника мочится.

Рыба въ мѣстномъ крестьянскомъ столѣ относится къ рѣдкимъ праздничнымъ кушаньямъ. Чаще всего она идетъ, какъ приправа къ другимъ кушаньямъ: къ холодному, къ свекольнику, въ похлебку и во щи; въ данномъ случаѣ идетъ почти исключительно со-

[1]) Подробнѣе о грибахъ, какъ пищевомъ продуктѣ мѣстнаго населенія см. статьи наши („Русскій Лѣсопр." 1890 г. № 127, „Фельдшеръ" 1893 г. № 18. Ярослав. губ. Вѣдомости 1892 г. № 50, 69, 70, 72 и 83). Маринованіемъ не занимаются.

леная рыба, преимущественно судакъ и севрюжина. Щи и похлебка варятся иногда съ мелкимъ сушенымъ сняткомъ или по мѣстному „сущемъ". Уха изъ рыбы и жареная рыба употребляются крайне рѣдко, почти исключительно только во время масляницы; жарится преимущественно сельдь и навага, жарится на сковородахъ въ постномъ маслѣ. Чаще употребляется рыба въ начинку для пироговъ. Крупичатые пироги съ начинкою изъ риса и рыбы, или такъ называемые „рыбники", относятся къ наиболѣе любимымъ кушаньямъ достаточныхъ крестьянъ. Рыба въ начинку кладется чаще всего цѣликомъ съ костями, рѣже она рубится на кусочки и очищается отъ костей. Икра (красная) употребляется довольно часто въ начинку для пироговъ пряжениковъ, вмѣстѣ съ изрубленнымъ лукомъ, а иногда ее ѣдятъ и такъ съ чернымъ хлѣбомъ.

Мясо, хотя и встрѣчается гораздо чаще на крестьянскомъ столѣ, нежели рыба, тѣмъ не менѣе, оно все-таки принадлежитъ къ рѣдкимъ праздничнымъ блюдамъ. Чаще всего ѣдятъ баранину, говядину, рѣже телятину. Дичь почти никогда не употребляется въ пищу. Мясо журавлей, зайцевъ, дроздовъ, бекасовъ, вальдшнеповъ, горлицъ и т. п. животныхъ и птицъ до сихъ поръ большинство крестьянъ считаютъ ѣсть грѣхомъ; не считается ѣсть грѣхомъ мясо утокъ, тетеревей, куропатокъ, гусей, перепеловъ (дергачей), рябчиковъ.

Мясо дикихъ и домашнихъ голубей считается ѣсть грѣхомъ потому, что Духъ Святой явился нѣкогда въ видѣ голубя.

Мясо дичи употребляется мало въ пищу потому, что вслѣдствіе высокой мѣстной цѣны на дичь, убитая дичь идетъ на продажу. По той же причинѣ очень рѣдко употребляется и мясо домашней птицы. Изъ послѣдней держатъ преимущественно куръ; гусей, утокъ и индюшекъ крестьяне держатъ очень мало.

Свинина въ пищу употребляется очень рѣдко, такъ какъ свиноводство въ Пошехонскомъ уѣздѣ развито очень мало [1]).

Мясо („убоина") чаще всего ѣдятъ въ вареномъ видѣ со щами, похлебкой, лапшей; жареное мясо (баранина и телятина) употребляются въ пищу только богатыми крестьянами въ такіе праздники, какъ Рождество Христово или Свѣтлое Христово Воскресеніе. Солонина употребляется чаще, нежели свѣжее мясо.

Къ числу особенно любимыхъ мясныхъ блюдъ относится „студень". Для изготовленія послѣдняго берутъ голову и ноги животнаго и, опаливъ ихъ, ошпариваютъ кипяткомъ и чистятъ. Очи-

---

[1]) О состояніи птицеводства и свиноводства въ Пошехонскомъ уѣздѣ см. статьи наши: „Профессіональныя школы въ связи съ настоящимъ положеніемъ крестьянскаго хозяйства въ Пош. уѣздѣ" (Яр. Губ. В. 1889 г. № 23). „Свиноводство въ крестьянскомъ хозяйствѣ Ярославской губерніи" (Яр. Г. Вѣд. 1892 г. № 61).

стивъ ихъ, варятъ и затѣмъ очищаютъ мясо отъ костей. Очищенное мясо мелко рубятъ и, разложивъ въ чашки, заливаютъ тою же водою, въ которой варилась голова и ноги животнаго. Когда студень застынетъ, его ѣдятъ, разрѣзавъ на кусочки, или просто такъ съ хрѣномъ, или кладутъ въ холодное съ квасомъ. Такимъ же образомъ употребляютъ и брюшину животнаго, предварительно ошпаривъ ее кипяткомъ, очистивъ и затѣмъ сваривъ ее.

Въ начинку для пироговъ употребляется почти постоянно мелко изрубленный „гусакъ," т. е. легкое и печенка животнаго.

Яйца употребляются, какъ приправа къ кушаньямъ, въ начинку для пироговъ и въ видѣ „драчёны" и яичницъ. Для приготовленія „драчёны" берутъ нѣсколько штукъ яицъ и, выпустивъ ихъ, стираютъ бѣлки вмѣстѣ съ желтками. Когда послѣдніе сотрутся, къ нимъ прибавляютъ немного крупичатой муки и сахару и, стеревъ ложкой снова всю смѣсь, выливаютъ послѣднюю на сковороду, вымазанную скоромнымъ масломъ, и запекаютъ въ печи. Испеченную такимъ образомъ „драчёну" ѣдятъ вмѣстѣ съ прѣснымъ молокомъ. Яичница дѣлается двухъ родовъ: обыкновенная яичница на сковородѣ или „глазунья" и яичница въ плошкѣ на молокѣ. Для приготовленія послѣдней, въ плошку наливается молоко и въ послѣднее выпускается нѣсколько яицъ, которыя и разбиваются въ молокѣ посредствомъ мутовки, послѣ чего яичница запекается въ печи. Яичницы и драчёны принадлежатъ къ рѣдкимъ праздничнымъ кушаньямъ.

Изъ всѣхъ скоромныхъ продуктовъ на первомъ мѣстѣ по своей важности въ крестьянскомъ столѣ стоятъ продукты молочные. Объ этихъ продуктахъ мы поговоримъ подробнѣе [1]). Цѣльное свѣжее или, какъ говорятъ, „прѣсное" молоко употребляется въ пищу крестьянами рѣдко, гораздо чаще употребляется молоко „снятое", т. е. отстоявшееся молоко, съ котораго снята сметана. Обыкновенно мѣстныя крестьянки даютъ отстаиваться молочнымъ скопамъ дней до пяти, до тѣхъ поръ, пока слой сметаны не покроется плѣсенью, думая, что количества масла въ этомъ случаѣ будетъ гораздо больше. Сметана употребляется въ крестьянскомъ столѣ, какъ приправа ко щамъ, похлёбкѣ и холодному („щи съ забѣлой"), а также на сметанѣ вмѣсто масла въ скоромные дни приготовляется картофель. Масло изъ сметаны сбивается въ „топникахъ" посредствомъ мутовки. Сбитое масло вынимаютъ изъ „пахтанья", обмываютъ водою и затѣмъ пере-

---

[1]) Мѣстное домашнее молочное хозяйство стоитъ на низкой степени: объ этомъ можно уже судить по тому, что крестьяне совершенно не имѣютъ ледниковъ, для отстаиванія молочныхъ скоповъ. Приготовленіе сыровъ и сливочнаго масла совершенно неизвѣстно: изъ молока приготовляется только русское масло на продажу, творогъ и разные сорты квашенаго молока для домашняго употребленія.

тапливаютъ въ печи въ тѣхъ же топникахъ. Топленое масло сливаютъ съ осадки („пѣнки") въ глиняные тазы, гдѣ оно и застываетъ. „Пѣнки" съ хлѣбомъ представляютъ изъ себя лакомое кушанье. „Пахтанье" или „пахтусъ", т. е. жидкость, остающаяся въ топникѣ послѣ сбиванія масла, употребляется бѣдняками въ пищу; достаточные варятъ на немъ въ скоромные дни кисель, а также замѣшиваютъ прѣснушки: и то и другое бываетъ гораздо вкуснѣе, нежели сдѣланное просто на водѣ. Чаще же всего „пахтусъ" идетъ въ пойло телятамъ. Снятое прѣсное молоко чаще всего ѣдятъ съ „творогомъ". Творогъ получаютъ, нагрѣвая снятое молоко въ печи, не доводя его до кипѣнія. Можно получить творогъ и изъ цѣльнаго молока—въ послѣднемъ случаѣ получается жирный творогъ. Жидкость, получаемая при приготовленіи творогу, или „сыворотка", идетъ въ кормъ скоту.

Изъ различныхъ видовъ квашенаго молока въ Пошехонскомъ ѣздѣ извѣстны: „простокваша" или, какъ называютъ его, „гузнострѣлъ", „кислое молоко" и „варенецъ". Простокваша приготовляется изъ снятого молока: для приготовленія ея сквашиваютъ молоко при нѣсколько возвышенной (комнатной) температурѣ.

Кислое молоко приготовляется такъ же, какъ и простокваша, но только не изъ снятого молока а изъ цѣльнаго.

Нѣсколько иначе приготовляется „варенецъ". Для приготовленія послѣдняго цѣльное молоко ставится въ жаръ и сильно подтапливается, но такъ однако, чтобы на немъ не образовались пѣнки. Остудивъ его затѣмъ, даютъ на немъ отстояться сливкамъ. Отстоявшіяся сливки снова перемѣшиваютъ съ молокомъ и затѣмъ послѣднее заквашиваютъ нѣсколькими ложками сметаны, поставивъ его въ теплое мѣсто. Черезъ $1^1/_2$—2 дня варенецъ бываетъ готовъ для употребленія. Хорошо приготовленный варенецъ имѣетъ желтоватый цвѣтъ и пріятный, острый, кисловатый вкусъ.

Считаемъ долгомъ замѣтить, что молочные продукты, хотя и принадлежатъ къ числу самыхъ важныхъ скоромныхъ продуктовъ для мѣстнаго крестьянина, тѣмъ не менѣе они за послѣднее время стали появляться за крестьянскимъ столомъ все рѣже и рѣже. За послѣдніе двадцать лѣтъ съ необычайнымъ развитіемъ въ уѣздѣ сыроваренъ и маслодѣленъ [1]) крестьяне несутъ свое молоко на продажу въ ближайшія сыроварни и маслодѣльни, не оставляя для себя иногда буквально ничего. Обозрѣвъ такимъ образомъ способы питанія Пошехонскаго крестьянина, представимъ общую сводку мѣстныхъ кушаній.

---

[1]) Въ настоящее время въ уѣздѣ существуетъ болѣе ста сыроваренъ и маслодѣленъ, вырабатывающихъ масла и сыру болѣе, чѣмъ на сто тысячъ рублей.

ПОСТНЫЙ СТОЛЪ.

Холодное.	Горячее.	Жаркое.	Печенье, пироги и кашки.	Сладкое.
Холодное (окрошка); венигретъ; пареная капуста; квашевая капуста; рѣдька (тертая, тертая съ квасомъ, рѣдька ломтями); толокно; тюря [1]); свекольникъ; толченый зеленый лукъ.	Щи съ рыбой или съ грибами; похлёбка съ тѣмъ же, лапша съ грибами; горохъ, уха; грибы; „голушка" (овсянка); борщъ.	Картофель жареный; грибы жареные; рыба жареная (сельди);	Каша пшенная, гречневая, яшная. Завара варахавица; каша изъ пшеницы (кутья). Пироги съ начинкой изъ овсяной крупы, каши, капусты, моркови, луку, грибовъ, налевы, рыбы (рыбники) рису; пироги съ аминемъ. Трудоножки съ пареной брюквой. Колобья или опекушки. Блины, оладьи, ступки.	Сладкіе пироги. Овсяный кисель съ сулоемъ. Гороховый кисель; кулага, кисель изъ ржаныхъ высѣвокъ; картофельный кисель.

СКОРОМНЫЙ СТОЛЪ.

Холодное; студень съ квасомъ, или съ хрѣномъ; убоина (солонина) съ хрѣномъ. Брюшина съ квасомъ или хрѣномъ.	Щи, похлебка съ говядиной или бараниной; лапша съ бараниной.	Картофель въ салѣ или сметанѣ; баранина: телятина; яичница; морковница, брюковница; рѣпница; сальникъ; пшенникъ; гречневикъ; картофельница; грибы жареные въ молокѣ или сметанѣ.	Каша пшенная, гречневая, ячная, пшеничная. Пироги съ начинкой изъ овсяной крупы, каши, творогу, говядины; блинники, трубички, трудоножки; сочни, прѣснушки. Блины, оладьи. Пряженцы (пряженики).	Сладкіе пироги; драчёна. Кисель овсяный, манный или картофельный съ молокомъ. Молоко въ различныхъ видахъ.

Вообще нужно замѣтить, что лѣтъ тридцать тому назадъ крестьянскій столъ былъ гораздо питательнѣе и разнообразнѣе, чѣмъ нынѣ. Въ то время, какъ жилище крестьянина за это время почти нисколько не измѣнилось, пища и, одежда подверглись радикальнымъ перемѣнамъ. Въ прежнее время каждый крестьянинъ, даже самый бѣдный, дѣлалъ на зиму большіе запасы солонины, овощей, ягодъ и различныхъ крупъ, нынѣшній крестья-

---

[1]) Мелко накрошенный ржаной хлѣбъ съ квасомъ, приправленный масломъ и солью.

нинъ почти вовсе не дѣлаетъ этихъ запасовъ; въ то время какъ прежній крестьянинъ ѣлъ мясо чуть не каждое воскресенье, нынѣшній видитъ его на столѣ очень рѣдко. Въ нынѣшнее время даже у достаточнаго крестьянина обычное обѣденное меню состоитъ изъ холоднаго т. е. капусты съ квасомъ или такъ, и пустыхъ щей, въ скоромные дни съ забѣлой—и только.

Такое явленіе находитъ себѣ объясненіе въ тѣхъ радикальныхъ перемѣнахъ, какимъ подверглась крестьянская жизнь за послѣднее время. Въ прежнее время крестьянинъ всѣ свои потребности удовлетворялъ домашними продуктами, на сторонѣ покупалось самое ничтожное количество вещей. Нынѣ дѣло обстоитъ совершенно иначе: для крестьянина потребовалась одежа, сшитая не изъ домашнихъ матерій, а купленная: потребовались сукна, ситцы, шерстяныя матеріи, кожаная обувь и т. д. Въ то же время для крестьянина потребовались и даже стали предметомъ необходимости вещи, которыхъ онъ вовсе прежде не зналъ: ему понадобился керосинъ, спички, чай, сахаръ и т. д. На все это нужны стали деньги; чтобы получить ихъ, крестьянинъ сталъ продавать излишекъ скота, хлѣба и молока, излишекъ, прежде употреблявшійся имъ въ пищу. Сообразуясь съ спросомъ, онъ сталъ вести и свое хозяйство такъ, чтобы не сыто прокормиться отъ него, а получить отъ него побольше денегъ. Поднялся за послѣдніе годы спросъ на овесъ и ленъ, и крестьянинъ большую часть яровыхъ полей начинаетъ засѣвать овсомъ и льномъ: гречу онъ уже пересталъ сѣять совсѣмъ, пшеницу почти не сѣетъ, а посѣвы гороха и ячменя уменьшаетъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе [1]). Между тѣмъ выше мы видѣли, какое важное значеніе имѣютъ эти хлѣба, какъ пищевой продуктъ для мѣстнаго населенія. Со стороны сыроваренъ поднялся спросъ на молоко, и крестьянинъ сталъ разводить болѣе коровъ, сокращая число своихъ овецъ, а слѣдствіемъ этого стало то, что баранина и молочные продукты стали рѣдкимъ гостемъ на крестьянскомъ столѣ. Мало того, увлекаясь высокими цѣнами на продукты своего хозяйства, крестьянинъ продаетъ часто не излишекъ этихъ продуктовъ, а то, что необходимо ему самому.

Нынѣшній крестьянинъ Пошехонскаго уѣзда не отличается своею расчетливостью: онъ живетъ такъ, что у него, по пословицѣ, бываетъ иногда „то густо, то пусто, то нѣтъ ничего". Живя впроголодь въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ, питаясь иногда исключительно однимъ только хлѣбомъ и пустыми щами, онъ справляетъ свои праздники чрезвычайно широко. Чтобы справить праздникъ, какъ слѣдуетъ, даже небогатый крестьянинъ долженъ затратить 8—10 и болѣе рублей. Кромѣ общихъ церковныхъ праздниковъ

---

[1]) Культура полевого гороха въ Ярославской губерніи. См. Яр. Губ. Вѣд ч н. 1892 г. № 44.

въ каждомъ приходѣ есть нѣсколько мѣстныхъ храмовыхъ или „престольныхъ" праздниковъ (иногда 5—6 въ годъ), которые справляются всѣ такъ же широко, какъ святки и масляница. Кромѣ наконецъ храмовыхъ праздниковъ есть праздники „обѣщанные [1])." Извѣстная деревня въ память избавленія отъ какого-нибудь бѣдствія (холеры, пожара, скотскаго падежа и т. д.) беретъ въ назначенный день въ деревню иконы и, по совершеніи общаго молебствія, а иногда и отдѣльнаго въ каждомъ домѣ, празднуетъ этотъ праздникъ какъ храмовой или „престольный" праздникъ. На всѣ храмовые, обѣщанные праздники, а также на масляницу съѣзжаются къ каждому крестьянину масса гостей, дальнихъ родственниковъ, родственное отношеніе къ которымъ принято обозначать пословицей „седьмая вода на киселѣ". Чтобы не ударить въ грязь лицомъ, крестьянинъ справляетъ праздникъ во всю ширь: на праздничномъ столѣ можно увидать большую часть тѣхъ праздничныхъ кушаній, о которыхъ мы говорили выше. Если мы приметъ во вниманіе множество гостей, пріѣзжающихъ къ каждому крестьянину на праздникъ, то намъ нисколько не будетъ страненъ тотъ фактъ, что у сравнительно небогатыхъ крестьянъ расходуется въ 2—3 праздничныхъ дня до пуда муки крупчатки и отъ 1-го до $1^1/_2$ ведра вина.

Справивъ на широкую ногу 2—3 такихъ праздника, крестьянину ничего не остается дѣлать, какъ только „положить зубы на полку" въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Этому способствуетъ въ значительной степени и щегольство, за послѣднее время, какъ мы увидимъ ниже, сильно развившееся въ Пошехонскомъ уѣздѣ. Впрочемъ въ нѣкоторыхъ крестьянскихъ домахъ не праздники, не щегольство, а совершенно другія причины заставляютъ семейныхъ питаться чуть ли не пищей Св. Антонія. Причины эти состоятъ въ томъ, что далеко не всѣ крестьянскія женщины отличаются домовитостью и умѣніемъ вести хозяйство, напротивъ очень и очень много такихъ женщинъ, которыя „ни ткать, ни прясть, только по воду ходить".

Во многихъ семьяхъ гдѣ есть нѣсколько женщинъ, обыкновенно одна изъ нихъ, самая старшая, ведетъ домоводство или, какъ говорятъ, „ходитъ въ большухахъ", т. е. готовитъ пищу, расходуетъ припасы, назначая дѣло всему домашнему женскому персоналу. При такомъ порядкѣ нерѣдко случается, что молодая дѣвушка, выходя замужъ, знаетъ великолѣпно напольныя работы, но не смыслитъ „ни аза въ глаза" въ домоводствѣ. Хорошо, если такая дѣвушка попадетъ подъ опеку хозяйственной свекрови или такой же хозяйственной, обыкновенно старой дѣвы, золовки; но бѣда, если такая „молодуха" будетъ вести хозяйство само-

[1]) Обѣщанные праздники называютъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ „мольбами".

стоятельно [1]). А такія молодухи встрѣчаются и встрѣчаются довольно часто. Есть цѣлыя мѣстности въ уѣздахъ (какъ напр. значительная часть Займищевской волости), въ которыхъ баба не можетъ сшить себѣ порядочнаго сарафана или мужу рубахи. Зачастую дѣвушка, которая носитъ въ праздникъ шерстяное или шелковое платье, не можетъ въ случаѣ нужды, его за стирать или заштопать: и носится обыкновенно это платье до тѣхъ поръ, пока не свалится съ плечъ. Нерѣдкость также и такія бабы, которыя не умѣютъ испечь порядочнаго хлѣба и сварить хорошихъ щей. Есть такія крестьянскія хозяйства, въ которыхъ общій доходъ семьи въ 400 р. падаетъ на 3—4 лица, и въ то же время почти постоянно эти хозяйства нуждаются въ деньгахъ, вслѣдствіе неумѣнія хозяйки править домомъ. Не даромъ сами крестьяне про хозяйство такихъ бабъ говорятъ, что „на помойную яму не напасешься хламу", а про самихъ такихъ хозяекъ говорятъ, что „мучка то у нея Богова, да ручки то чертовы". Неудивительно, что у такихъ хозяекъ семья круглый годъ питается кое-чѣмъ и кое-какъ. Та грязь, какую мы замѣчаемъ въ нашихъ крестьянскихъ избахъ объясняется въ большинствѣ случаевъ неряшливостью мѣстной крестьянской женщины. Эта неряшливость замѣчается и въ приготовленіи пищи. Многія крестьянки моютъ посуду очень рѣдко, а ложки совершенно не моютъ; квашня у многихъ хозяекъ чистится не болѣе какъ разъ въ годъ; нѣкоторыя хозяйки вовсе не моютъ посуду и ставятъ ее на „опечекъ" [2]), наивно замѣчая, что „посуду тараканы вычистятъ".

Справедливость требуетъ впрочемъ оговориться, что хотя большинство крестьянскихъ женщинъ и отличается неряшливостью, но послѣдняя все-таки не составляетъ еще общаго правила: есть всетаки достаточно крестьянскихъ женщинъ, ведущихъ свое хозяйство умѣло и опрятно.

Изъ напитковъ наиболѣе употребительныхъ среди крестьянскаго населенія Пошехонскаго уѣзда мы укажемъ на чай, водку, пиво и квасъ.

Употребленіе водки среди крестьянскаго населенія развито въ значительной степени: водку пьютъ преимущественно мужчины, женщины пьютъ ее гораздо менѣе, среди дѣвушекъ еще менѣе пьющихъ. За послѣднее время употребленіе водки стало распространяться сильнѣе и сильнѣе: стали пить ее не только дѣвушки, но

---

[1]) Въ прежнее время такія дѣвушки и попадали дѣйствительно по выходѣ замужъ подъ опеку свекрови или золовки; напротивъ, нынѣ, при всеобщемъ стремленіи къ семейнымъ раздѣламъ, онѣ въ большинствѣ случаевъ принуждены вести хозяйство самостоятельно.

[2]) „Опечекъ", крайняя часть печи спереди, возлѣ борова; на опечекъ кладутся скалки, ложки, мутовки. Въ печкѣ устраивается „печурка", куда кладутся спички.

даже и мальчики-подростки. На развитіе среди мѣстнаго населенія пьянства повліяло главнымъ образомъ увеличеніе до nec plus ultra въ семидесятыхъ годахъ мѣстъ раздробительной продажи крѣпкихъ напитковъ. Въ то время, согласно прежнему акцизному уставу, крестьянскимъ обществамъ и частнымъ владѣльцамъ предоставлено было широкое право открывать на своихъ владѣніяхъ кабаки. Вслѣдствіе этого въ какіе-нибудь пять-шесть лѣтъ возникло въ уѣздѣ множество кабаковъ. Въ селѣ, напр., Давыдовскомъ въ Яловцѣ, Займищевской волости, открылось въ то время одновременно три кабака; между тѣмъ нужно замѣтить, что село это состояло только изъ тринадцати домовъ и было селомъ не торговымъ, не имѣвшимъ ни ярмарокъ, ни базаровъ; отъ торговаго села съ нѣсколькими трактирами и питейными оно отстояло только въ двухъ верстахъ. Въ то время „кабацкой“ лихорадки владѣльцы собственники и крестьянскія общества только за одно дозволеніе открыть на своихъ земляхъ „питейный“ брали съ кабатчиковъ до 270 р. въ годъ. При такомъ увеличеніи числа кабаковъ винная торговля стала для кабатчиковъ убыточною, послѣдніе стали прибѣгать къ плутнямъ и къ спаиванію мѣстнаго населенія въ буквальномъ смыслѣ этого слова. За послѣднее время съ введеніемъ новаго акцизнаго устава число мѣстъ раздробительной продажи крѣпкихъ напитковъ опять значительно уменьшилось.

Второю радикальною причиною распространенія среди мѣстнаго населенія пьянства являлась низкая доброкачественность потребляемаго народомъ вина. Въ настоящее время большинство врачей физіологовъ утверждаютъ, что присутствіе въ водкѣ летучихъ маслъ, особенно сивушнаго, дѣлаетъ водку вредною къ употребленію и способствуетъ къ развитію въ человѣкѣ алкоголизма. Дешевая, дурноочищенная водка производитъ въ человѣкѣ непріятное опьяненіе, а быстрое одуреніе, доходящее до полной потери сознанія—состояніе, въ которомъ человѣкъ „не знаетъ, что творитъ“. Когда одуреніе это проходитъ, человѣкъ испытываетъ сильнѣйшія головныя боли, изжогу, позывы на рвоту и т. д., слѣдствіемъ чего является неизбѣжная потребность опохмеляться. Между тѣмъ нашъ крестьянинъ именно и пьетъ эту дурную дешевую водку мѣстнаго производства: жалобы крестьянъ на дурноочищенную водку раздаются повсемѣстно, особенно же часто жалуются на картофельную водку. Не нужно забывать при этомъ, что на мѣстныхъ заводахъ при очисткѣ водки употребляются иногда вещества ядовитыя (известь, марганцевокислое кали и т. п.), составляющія секретъ винокуровъ, а вещества эти отчасти переходятъ и въ водку, понижая качество послѣдней; химическихъ анализовъ спирта акцизное вѣдомство не производитъ, а потому подобнаго рода явленія ускользаютъ отъ акцизнаго надзора; понижаютъ качество водки и виноторговцы, подмѣшивая къ послѣд-

ней сѣрной кислоты и др. веществъ для „повышенія градусовъ“ или, кладя въ ливеръ сахаръ, для пониженія ихъ, а также разбавляя вино водою („водка съ горошкомъ“ какъ говорятъ мѣстные кабатчики) [1]).

Изъ другихъ причинъ болѣе общáго характера способствующихъ развитію въ народѣ пьянства, мы можемъ указать на обѣднѣніе населенія, на отсутствіе развлеченій, на недостатки акцизной системы [2]) и т. д. и т. д.

Справедливость требуетъ впрочемъ замѣтить, что пьянство въ Пошехонскомъ уѣздѣ не приняло еще такого угрожающаго, положенія, какъ въ другихъ мѣстахъ. Отъявленные пьяницы-алкоголики среди мѣстнаго населенія встрѣчаются сравнительно не часто, и народъ относится къ нимъ съ сожалѣніемъ или презрѣніемъ. Множество мужиковъ абсолютныхъ трезвенниковъ встрѣчается повсюду; многіе изъ пившихъ даютъ зароки не пить и иногда крѣпко держатъ этотъ зарокъ. Такія лица говорятъ, обыкновенно, что они перестали пить потому, что они „не умѣютъ пить“, т. е. не умѣютъ сдерживать себя въ пьяномъ видѣ или потому, что они „въ хмѣлѣ не удалы“, т. е. буйны. Даже пьющіе мужики употребляютъ водку сравнительно не часто. Пьющій, но дѣловой мужикъ не видитъ водки отъ праздника до праздника иногда въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, или отъ базара до базара; но на послѣдніе дѣловитый крестьянинъ безъ нужды и не поѣдетъ. Чаще употребляютъ водку въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ по близости есть кабаки или трактиры и гдѣ населеніе начинаетъ, благодаря такому сосѣдству, по немногу спиваться.

Если крестьянское пьянство и кидается всѣмъ въ глаза, то рѣшительно только по его грубымъ проявленіямъ и потому, что крестьянинъ „не умѣетъ“ пить. Не видя въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ ни капли вина, пьющій крестьянинъ, какъ выражаются объ этомъ сами же крестьяне, „дорывается до него, какъ корова до барды“, т. е. пьетъ его до полной потери сознанія. Потому то наибольшій процентъ опившихся падаетъ постоянно на долю крестьянъ [3]). Рѣдко употребляя вино, онъ быстро обыкновенно при этомъ хмѣлѣетъ. Какъ домашнее угощеніе, водка предлагается только въ большіе праздники или особенно почетнымъ гостямъ.

Чай, наперекоръ положеніямъ обществъ трезвости, удивительнымъ образомъ ужился въ Пошехонскомъ уѣздѣ, какъ и вообще въ Ярославской губерніи, съ спиртными напитками. При угоще-

[1]) Казенная монополія измѣнила къ лучшему эту сторону дѣла. *Ред.*

[2]) Подробнѣе о причинахъ народнаго пьянства и мѣрахъ противъ него см. статьи наши: „Народное пьянство и общество трезвости“ (Яр. Губ. Вѣд. ч. н 1893 г. № 15). „Мѣры противъ развитія народнаго пьянства“ (Яр. Губ. Вѣд. ч. н. 1893 г. № 32).

[3]) Пошехонскій уѣздъ по числу умершихъ отъ пьянства занимаетъ одно изъ послѣднихъ мѣстъ въ Ярославской г. въ ряду другихъ уѣздовъ. Въ 1877 г. на 110 тысячъ населенія было 8 человѣкъ опившихся. (Кал. Яр. губ. на 1888 г).

ніи водкой въ большинствѣ случаевъ предлагается и чай; чай и водка пьются въ перемежку: рюмка водки, чашка чаю. У большинства крестьянъ чай въ ежедневномъ употребленіи: его пьютъ утромъ и вечеромъ, а не рѣдко чай съ хлѣбомъ замѣняетъ собою и обѣдъ. Пьютъ ежедневно чай даже нищіе, не отказываясь, разумѣется, при этомъ и отъ водки. Про чай недаромъ даже сложилась и пѣсенка:

„Продамъ борону косулю, куплю чайную посуду,
Продамъ лисій воротникъ, куплю чаю золотникъ,
Чашки, ложки продала—самоварчикъ завела".

Квасъ и пиво, о которыхъ мы говорили и выше, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе выходятъ изъ употребленія, особенно домашнее пиво.

Для приготовленія квасу употребляется чаще всего одинъ только ржаной солодъ. Солодъ этотъ кладется въ горшокъ, отпаривается кипяткомъ и тщательно перемѣшивается мутовкой, послѣ чего горшокъ ставится на нѣсколько часовъ въ жарко истопленную печь. Горшокъ прикрывается плотно крышкою. Когда „насолода" достаточно упрѣетъ, её вынимаютъ изъ печи: въ горшкѣ оказывается буроватая масса сладкаго вкуса. Масса эта и есть такъ называемое „тѣсто" или „кулага". Кулага употребляется иногда какъ кушанье: его ѣдятъ съ брусникой, съ калиной, а чаще всего просто съ хлѣбомъ. Для полученія квасу, тѣсто выкладываютъ въ кадку и наливаютъ кадку горячей водой; когда послѣдняя нѣсколько остынетъ, въ неё опускаютъ часть бѣлой опары на дрожжахъ. Черезъ нѣсколько дней квасъ достаточно закисаетъ и вполнѣ бываетъ готовъ для употребленія. Квасъ этотъ счерпываютъ сверху по мѣрѣ его употребленія до тѣхъ поръ, пока на днѣ не останется одни гуща. Тогда кадка наливается вновь, но уже холодною водою—получается квасъ низшаго сорта и т. д. У бѣдняковъ процедура эта повторяется до тѣхъ поръ, пока вода, налитая на гущу, не будетъ оставаться совершенно свѣтлою. Квасъ, приготовленный по описанному нами способу, называется „кадочнымъ" или „верховымъ" квасомъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ приготовляется квасъ „бочешный". Квасъ этотъ приготовляется такъ же, какъ и кадочный. Когда квасъ въ кадкѣ закиснетъ, его сливаютъ съ гущи въ боченки: такимъ образомъ получается квасъ „бочешный". Квасъ „гвоздевой" дѣлается такъ же, какъ и предыдущіе два сорта кваса, но тѣсто кладется въ особеннымъ образомъ устроенную кадочку. Надъ самымъ дномъ этой кадочки находится отверстіе, затыкающееся деревяннымъ гвоздикомъ. Выше этого отверстія укрѣплены довольно близко другъ отъ друга тоненькія палочки („колоснички"); на эти палочки кладется слой можжевеловыхъ вѣточекъ и рубленой соломы. На солому выкладывается тѣсто и кадочка до верху напол-

няется водою. Когда понадобится, квасъ нижнее отверстіе оттыкается и квасъ цѣдится въ ковшикъ или кружку. Когда квасъ будетъ выпитъ изъ кадочки весь, кадочка вновь наливается водою и. т. д. Приготовленный такимъ образомъ квасъ называется „гвоздевымъ" квасомъ. У большинства бѣдныхъ хозяевъ кадочка наливается сырою, некипяченою водою до тѣхъ поръ, пока изъ нижняго отверстія не потечетъ чистая вода. Въ гущѣ заводятся къ этому времени большіе бѣлые черви. Чаще всего приготовляется квасъ „верховой" и „гвоздевой". Неудивительно, что желудочно-кишечныя заболѣванія составляютъ обычное, чуть не поголовное страданіе мѣстнаго населенія [1]). Впрочемъ, квасъ приготовляется за послѣднее время у крестьянъ рѣже и рѣже. Еще рѣже стали приготовлять за послѣднее время пиво, хотя оно еще въ недавнее время было необходимою принадлежностью каждаго крестьянскаго праздника даже у бѣдныхъ крестьянъ. Нынѣ „ставятъ пиво" къ празднику только богатые.

Для приготовленія пива берется смѣсь ржаного и ячменнаго солода. Смѣсь эта опаривается кипяткомъ и растирается веселкой въ кадочкѣ. Растеревъ хорошенько смѣсь, ее перекладываютъ въ большія корчаги и, плотно прикрывъ ихъ, ставятъ въ жарко-натопленную печь, гдѣ онѣ и стоятъ до утра. По утру ихъ вынимаютъ изъ печи вонъ. Корчаги, въ которыя кладется „насолода" для пива, надъ самымъ дномъ имѣютъ отверстіе, затыкаемое деревяннымъ гвоздикомъ. На дно корчаги кладется слой соломы и гречишной лузги, а на этотъ слой выкладывается уже и насолода. Вынувъ корчаги изъ печи, ихъ ставятъ на особо устроенную доску съ желобкомъ, въ корчаги наливается кипятокъ и отверстіе корчагъ открывается. Изъ этого отверстія и вытекаетъ по желобку въ подставленную кадочку густое, сладкое сусло. Когда сусло перестанетъ вытекать изъ корчагъ, послѣднія снова наливаютъ кипяткомъ. Иногда корчаги наливаютъ кипяткомъ въ третій и четвертый разъ, но уже сусло это не смѣшивается съ первымъ, хранится отдѣльно—изъ него дѣлается пиво низшаго качества, а чаще всего квасъ. Сливъ сусло въ кадочку, подбавляютъ къ нему нѣсколько ложекъ дрожжей и хмелю; черезъ нѣсколько часовъ пиво начинаетъ бродить и обыкновенно на другой же день оно бываетъ готово къ употребленію, послѣ чего оно сливается въ бутыли. Такъ какъ крестьяне при приготовленіи пива экономятъ солодомъ и кладутъ много хмелю, то мѣстное крестьянское пиво мало питательно, жидко (какъ выражаются сами крестьяне „не хлѣбно") и отличается горькимъ, непріятнымъ вкусомъ. Иногда, для того, чтобы пиво было хмельнѣе, прибавляютъ къ нему водки.

Когда потчуютъ водкой, употребляютъ при этомъ различныя

[1]) Журналы Пошех. уѣзднаго земскаго собранія 1891 г. 1892 г.

прибаутки. Прибаутки эти общеизвѣстны: человѣка не пьющаго просятъ хотя „принагубить“ рюмку, т. е. отвѣдать изъ рюмки. Хозяинъ съ гостемъ, выпивая по первой рюмкѣ, говорятъ „со свиданіемъ“, „будьте здоровы“.

Предлагая гостю вторую рюмку, хозяинъ проситъ выпить ее, чтобы „не хромать“, провожая гостя вонъ, хозяинъ предлагаетъ ему „посошекъ на дорогу“ и т. д. Всѣ эти прибаутки извѣстны и въ другихъ мѣстахъ. Обычай чокаться рюмками или „чоканиться“ встрѣчается повсюду.[1])

Что касается до куренія табаку, то оно распространяется съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе, особенно среди молодежи. Курятъ преимущественно низшіе сорта табаку („корешки“), курятъ въ трубку или свертывая изъ газетной бумаги „цыгарки“, въ насмѣшку называемыя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ „дубинками“, „цыфирками“, „крючками“, „чертовыми или „козьими ножками“. Папиросы употребляются сравнительно очень рѣдко. Куренье табаку распространено исключительно между мужчинами: курящихъ женщинъ среди крестьянокъ мы не встрѣчали. Нюханье табаку среди крестьянъ распространено мало, и крестьяне относятся къ нему съ насмѣшкой. Не даромъ говорятъ, что на тотъ свѣтъ „кто куритъ, тотъ на троечкѣ прикатитъ, а кто нюхаетъ, тотъ на ж. .ѣ приплюхаетъ“. По мнѣнію мѣстныхъ раскольниковъ табакъ растеніе нечистое: выросъ онъ на могилѣ дѣвки блудницы. По разсказамъ другихъ, табакъ выросъ на томъ мѣстѣ, гдѣ насц..ъ однажды песъ.

Впрочемъ эти разсказы съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе забываются—и теперь уже у родителей раскольниковъ дѣтки сыновья лихо крутятъ цыгарки. То же самое было и съ картофелемъ. Лѣтъ тридцать тому назадъ, по разсказамъ старожиловъ, картофель считался среди лѣсного раскольничьяго населенія растеніемъ нечистымъ, „чертовымъ яблокомъ“, такъ какъ баба сидѣла однажды на немъ, какъ на яйцахъ, и высиживала мышей. И что же? теперь картофель вошелъ во всеобщее употребленіе даже и въ средѣ раскольниковъ. Такъ постепенно мѣстный расколъ падаетъ самъ собою...

Пища принимается крестьянами обыкновенно четыре раза въ день: по утру бываетъ завтракъ (у богатыхъ чай съ хлѣбомъ, сочни, опекушки, кисель и т. д., у бѣдныхъ хлѣбъ или остатки отъ вчерашняго ужина). Въ полдень бываетъ обѣдъ, состоящій изъ двухъ-трехъ блюдъ. Въ лѣтнее время когда, день бываетъ дологъ, часа въ четыре или пять по полудни бываетъ „паужинъ“ (у богатыхъ чай, у бѣдныхъ легкая закуска); зимою, когда день

---

[1]) Водку въ шутку народъ называетъ „брыкаловкой“, „спотыкаловкой“, „ржанымъ маслицемъ“.

бываетъ коротокъ, „паужина“ не бываетъ. Вечеромъ бываетъ ужинъ, состоящій изъ тѣхъ же блюдъ, что и обѣдъ.

Ѣдятъ всего чаще за столомъ, стоящимъ въ переднемъ углу, за исключеніемъ, конечно, тѣхъ случаевъ, когда приходится обѣдать или завтракать въ полѣ или на „пустошахъ“ въ лѣсу, куда крестьяне отправляются для сѣнокоса иногда на недѣлю и болѣе. Столъ передъ обѣдомъ накрывается салфеткой или, какъ говорятъ, „столешникомъ“, „настольникомъ“.

Взрослые, женщины и дѣти ѣдятъ постоянно за однимъ столомъ. Старшій въ семьѣ разрѣзываетъ хлѣбъ, мясо, солитъ кушанье и т. д. Чужой человѣкъ, зашедшій въ избу во время обѣда или ужина, обращается къ хозяевамъ съ привѣтствіемъ: „хлѣбъ да соль“, на что ему отвѣчаютъ „хлѣба кушать“. Если вошедшій—человѣкъ, стоящій съ хозяиномъ въ короткихъ отношеніяхъ и если хозяинъ любитъ пошутить, то на привѣтствіе гостя „хлѣбъ да соль“, хозяинъ отвѣчаетъ нерѣдко „ѣмъ да свой,“ или „въ хлѣвъ зашелъ, такъ ищи дверей“.

Передъ принятіемъ пищи и послѣ этого „кладутъ кресты на лобъ,“ т. е. молятся каждый „про себя“. Послѣ молитвы слѣдуютъ иногда прибаутки въ такомъ родѣ: „сытъ пока — набилъ бока“, „сытъ покуда—съѣлъ полпуда, осталось фунтовъ семь и тѣ послѣ доѣмъ“, или „Господь напиталъ—никто не видалъ, и кто видѣлъ, такъ тотъ не обидѣлъ“.

Полное неупотребленіе въ пищу всего мясного считается подвигомъ благочестія. Въ прежнее время оно встрѣчалось довольно часто („дѣвушки вѣкоуши“, лица принявшіе таинство елеосвященія и др.); нынѣ оно встрѣчается гораздо рѣже. Зато нарушеніе постовъ, т. е. употребленіе въ постные дни скоромной пищи, замѣчается у крестьянъ чаще и чаще съ каждымъ днемъ.

А. В. Баловъ.

Черты нравовъ православныхъ осетинъ и ингушей Сѣвернаго Кавказа

1. Семейная и домашняя жизнь.

При первомъ знакомствѣ съ осетинами, какъ и съ другими туземцами Кавказа, положеніе женщины въ семьѣ кажется крайне зависимымъ и даже, пожалуй, рабскимъ; но присматриваясь къ туземцамъ ближе, невольно приходится нѣсколько измѣнить взглядъ. Съ одной стороны, внѣшняя рабская покорность и приниженность женщины предъ мужчиною и, особенно, жены предъ мужемъ позволяютъ наблюдателю пожалѣть о женщинѣ-рабынѣ. Съ другой стороны, то уваженіе и то покровительство, съ какимъ мужчины относятся къ женщинѣ, сильно противорѣчатъ подобному взгляду.

Благодаря недавнему знакомству съ кавказскими обитателями, я не рѣшаюсь высказывать своего взгляда въ пользу того или другого мнѣнія, а ограничусь безхитростной передачей (быть можетъ и не послѣдовательной) личныхъ наблюденій [1]).

Все, что будетъ мною говориться объ осетинахъ, относится къ православнымъ осетинамъ Сѣвернаго Кавказа, преимущественно сел. Алагиръ, Владикавказскаго округа, Терской области; гдѣ же придется заговорить о магометанахъ-осетинахъ или другихъ, то объ этомъ мною всякій разъ будутъ сдѣланы указанія.

Осетины называютъ себя iron'ами; осетинъ же магометанскаго вѣроисповѣданія называютъ pslimon. Имѣя въ виду исключительно семейвые правы и обычаи православныхъ осетинъ, я не стану распространяться объ ихъ географическомъ разселеніи, скажу только вкратцѣ, что живутъ они въ Терской области, въ нагор-

---

[1]) При своихъ наблюденіяхъ я руководствовался „Программами", изданными Этнографическимъ Отдѣломъ И. О. Л. Е., А. и Э.

ной и предгорной областяхъ и въ Закавказьи (въ Тифлисской и Кутаисской губерніяхъ), и что послѣдніе сильно „огрузинились", такъ что осетины Сѣвернаго Кавказа ихъ за осетинъ почти и не считаютъ.

Осетины—народъ поэтическій, одаренный довольно богатой фантазіей, что можно заключить хотя-бы по сказкамъ, содержаніе которыхъ изобилуетъ роскошными фантастическими картинами. Поэтическій талантъ осетина проявляется въ массѣ пѣсенъ, слагаемыхъ на каждый болѣе или менѣе выдающійся фактъ изъ ихъ жизни. Такъ, дѣвушка, долго невыходящая замужъ, или же погрѣшившая, можетъ надѣяться, что въ непродолжительномъ времени на ея счетъ мѣстные піиты сочинятъ пѣсенку, которая и будетъ распѣваться парнями и мальчишками на сборищахъ, танцахъ и т. п. гульбищахъ. Доблести осетина для осетина не проходятъ не замѣченными; они также послужатъ темою для какой-нибудь пѣсенки. Не рискуя ошибиться, про осетинъ Сѣв. Кавказа можно сказать, что поэтическій талантъ у нихъ развитъ въ значительно большей степени, чѣмъ у всѣхъ остальныхъ туземцевъ Сѣв. Кавказа.

Послѣ сказаннаго понятно, что и любовь осетина къ женщинѣ должна быть развита въ значительной степени, чего, при поверхностномъ знакомствѣ съ ними, нельзя сказать, благодаря обычаю не только осетинъ, но и всѣхъ туземцевъ, скрывать свои чувства къ женщинѣ и женѣ въ особенности. Сознаться въ любви къ женѣ, или выказать таковую чѣмъ-нибудь осетину крайне стыдно. На разспросы о женѣ осетинъ отвѣчаетъ крайне неохотно. Никогда мужчина въ присутствіи знакомыхъ или родственниковъ не обратится къ своей женѣ, а тѣмъ болѣе не назоветъ ее по имени. Также не назоветъ онъ по имени и женъ своихъ братьевъ, хотя къ нимъ и можетъ обращаться въ присутствіи родныхъ или знакомыхъ, называя ихъ „чынц"—сноха. Мать также не называютъ по имени, а зовутъ „ана", „анай" или „нана"—моя мать. Сестеръ, постороннихъ дѣвушекъ и женщинъ называютъ по имени.

Занятія дѣвушки до выхода замужъ—шитье золотомъ, серебромъ,—различныя мѣстныя тесьмы, шнурки для часовъ, пистолетовъ, башлыковъ, бурокъ изготовляются дѣвушками-осетинками, и работы ихъ безукоризненно хороши. Дѣвушки-осетинки также валяютъ шерсть, дѣлаютъ бурки, полости, прядутъ, ткутъ, но эти

занятія лежатъ преимущественно на обязанностяхъ замужнихъ. Главныя же обязанности дѣвушки заключаются въ заботѣ о чистотѣ домашней обстановки и ухаживаніи за мужчинами въ семьѣ,— такъ, она должна постлать и убрать постель, почистить обувь (чевяки, ногавицы) и платье братьевъ и другихъ родственниковъ-мужчинъ. Тѣ же обязанности лежатъ и на женщинахъ по отношенію къ братьямъ и родственникамъ мужа, если въ семьѣ нѣтъ дѣвушки. Кромѣ того, женщины исполняютъ всѣ домашнія работы, какъ-то: шитье, варка пищи, стирка бѣлья и т. п. Особенно пріятной работой является ношеніе воды въ особыхъ узкогорлыхъ оловянныхъ кувшинахъ. Колодезь или родникъ для женщинъ и дѣвушекъ представляетъ собою нѣчто, вродѣ клуба, гдѣ онѣ дѣлятся впечатлѣніями, мыслями и т. д. Тутъ часто слышатся смѣхъ, пѣніе, разговоры, что называется „по душѣ". Но, все таки, главнѣйшими обязанностями женщинъ и дѣвушекъ слѣдуетъ считать заботу о довольствѣ и услуги мужчинамъ семьи, привыкшимъ въ домѣ сибаритничать.

Въ присутствіи гостей женщины прислуживаютъ, подаютъ на столъ, убираютъ и все время трапезы гостей стоятъ въ сторонѣ. Когда же въ семьѣ нѣтъ гостей, то небольшія семьи обѣдаютъ вмѣстѣ, какъ мужчины, такъ и женщины. Въ большихъ же семьяхъ мужчины обѣдаютъ отдѣльно, женщины также.

Несмотря на такую внѣшнюю зависимость, „хорошая" женщина пользуется большимъ уваженіемъ и почтеніемъ. „Женщина, которая ведетъ себя хорошо, ей Богу, какъ братъ,—еще лучше!" говоритъ осетинъ. Осетинъ, которому нужно поѣхать куда-нибудь съ женой, никогда не поѣдетъ самъ, когда женѣ его пришлось бы итти пѣшкомъ; онъ непремѣнно постарается усадить ее въ арбу или же верхомъ, хотя послѣднее практикуется у осетинъ рѣдко. Ругать женщину или оскорблять ее какимъ либо другимъ путемъ для осетина унизительно. Если же онъ оскорбленъ женщиной, то самое большое, что можетъ сдѣлать порядочный осетинъ, это пойти пожаловаться на нее ея родственникамъ. Мужчина, оскорбившій женщину, подвергается мести ея родственниковъ.

Хотя мною имѣются въ виду православные осетины, но у нихъ также, какъ и у магометанъ, продажа дѣвушекъ въ ходу и по настоящее время. Продажа дѣвушекъ въ замужество характери-

зуется уплатою женихомъ родителямъ невѣсты колыма, на который послѣдніе изготовляютъ приданое невѣстѣ. Размѣръ калыма отъ 200 до 300 руб. и болѣе. Нужно замѣтить, что у осетинъ-христіанъ была попытка уменьшить размѣръ калыма до 100 руб., но эта разумная попытка не нашла поддержки у осетинъ-магометанъ, хотя и былъ составленъ общественный приговоръ о невзиманіи калыма болѣе 100 руб.

Цѣломудріе жены главное достоинство женщины. Женщина не цѣломудренная, если ее застанетъ мужъ на мѣстѣ преступленія, рискуетъ быть убитой вмѣстѣ съ любовникомъ или же непремѣнно будетъ изгнана мужемъ, причемъ причину изгнанія преступной жены не скрываютъ такъ, какъ скрываютъ ингуши. „Хорошіе" родители никогда не примутъ въ свой домъ обратно оскандалившую ихъ дочь; „мы тебя отдали замужъ—иди къ мужу, а намъ ты не нужна". Завѣдомое нецѣломудріе дѣвушки осуждаетъ ее на вѣчное дѣвичество. Если же дѣвушка, вышедшая замужъ, окажется не цѣломудренной, то хотя бы она въ замужествѣ и была цѣломудренной, но будетъ непремѣнно изгнана мужемъ. Нужно замѣтить, что сколько я ни разспрашивалъ, нѣтъ ли хотя одного факта завѣдомаго нецѣломудрія дѣвушки до выхода ея замужъ, но мнѣ ни одного не указали. Браки осетинъ законные и освящаются церковью, а слѣдовательно, многоженства не существуетъ, хотя не особенно далекое прошлое указываетъ на факты многоженства, что дозволялось миссіонерами въ первое время обращенія въ христіанство. Такъ, разсказываютъ, что кромѣ одной законной жены осетинъ могъ имѣть еще другую, незаконную.

Похищенія невѣстъ практикуются въ такихъ случаяхъ, когда родители невѣсты не согласны выдать дѣвушку замужъ за извѣстнаго парня. Тогда дѣвушка, если она любитъ парня, уславливается съ нимъ насчетъ похищенія и содѣйствуетъ похищенію тѣмъ, что въ назначенный часъ сама явится въ условленное мѣсто, обманувъ бдительность родственниковъ. Явившійся въ назначенное мѣсто женихъ похищаетъ ее. Похищеніе производится женихомъ въ сообществѣ нѣсколькихъ товарищей. Товарищи въ подобныхъ случаяхъ не отказываютъ помочь своему другу: въ содѣйствіи, „отказаться стыдно". И всякій отказавшійся не заслуживаетъ уваженія. Иногда похитители дѣвушки подвергаются преслѣдованію со стороны родныхъ невѣсты. Случается, что между

преслѣдователями и похитителями, при настиженіи вторыхъ первыми, иногда завязываются кровавыя схватки, такъ какъ преслѣдователямъ стыдно не возвратить дѣвушки, а похитителямъ отдать ее.

Бываютъ также похищенія дѣвушекъ и безъ ихъ согласія, тогда уже обязательно при настиженіи преслѣдователями происходитъ драка. Про такую дѣвушку слагаются сейчасъ же пѣсни. Обычай пропиванія дѣвушки среди осетинъ не практикуется, не то что у казаковъ-староообрядцевъ станицъ Червленской и Щедринской (Кизлярскаго отд., Терск. об.), гдѣ пропиваніе длится иногда мѣсяцъ и долѣе. Правда, при сватаніи родители и родственники дѣвушки угощаютъ гостей со стороны жениха пивомъ [1]), аракой [2]), курами, барашками и т. д., но подобное угощеніе не имѣетъ характера пропиванія. Въ подобныхъ случаяхъ угощеній полагается обязательно на каждаго человѣка (гостя) по одной курицѣ, кромѣ всего. Подобнымъ же образомъ родители жениха взаимно угощаютъ, при отдачѣ калыма, родственниковъ и знакомыхъ невѣстѣ, пріѣхавшихъ за колымомъ. Угощеніе въ такихъ случаяхъ продолжается сутки и двое.

Главными моментами брачной церемоніи слѣдуетъ считать: „бафидитой“ (говорятъ, когда сватаніе окончено благопріятно); „ацыдисты ускур“ (пошелъ сватать); „ацыдисты ирадиссиме“ (пошли за калымомъ); самая свадьба—“чипзахсаф“ увозъ послѣ свадьбы домой—„ахастои“ (взяли домой), и затѣмъ, черезъ годъ или два, уходъ молодой жены къ своимъ родителямъ въ гости, гдѣ она можетъ пробыть отъ 2-хъ недѣль до нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Продолжительность пребыванія дочери у родителей зависитъ отъ взаимныхъ отношеній ея съ мужемъ,—чѣмъ отношенія лучше, тѣмъ срокъ пребыванія меньше и обратно. Только послѣ этого перваго обязательнаго визита къ своимъ родителямъ дочь имѣетъ право во всякое время ходить къ нимъ въ гости, но до этого посѣщенія она не показывается въ домѣ своихъ родителей, развѣ только въ всключительныхъ случаяхъ, каковы: смерть отца или матери или же серьезная болѣзнь, она можетъ явиться въ домъ родителей и до истеченія года послѣ выхода въ замужество.

1) Нужно замѣтить, что лучшее на С. Кавказѣ туземное пиво варится дигорцами (дигурцами), а затѣмъ собственно осетинами.

2) Водка мѣстнаго приготовленія.

Свадьбы бываютъ преимущественно въ два періода: 8-го ноября—Соборъ Архистратига Михаила—и на Пасхѣ. Руководствуются главнымъ образомъ праздничнымъ временемъ. Совершеніе главнѣйшихъ моментовъ свадьбы производится въ воскресные и другіе праздничные дни.

При перечисленіи главныхъ мотивовъ свадебнаго церемоніала я не упомянулъ объ обрядѣ вѣнчанія, потому что обрядъ церковнаго вѣнчанія для брачущихся и ихъ родственниковъ не представляетъ особаго значенія. Онъ не болѣе, какъ обрядъ оффиціальный, необходимый, а слѣдовательно, и не представляетъ собою для осетина ничего больше, какъ простую формальность. Другого значенія для осетина этотъ обрядъ и не можетъ имѣть, благодаря индифферентности и незнанію ученій христіанской церкви. Часто, слыша о христіанствѣ въ Осетіи, я былъ пораженъ крайнимъ невѣжествомъ осетинъ въ религіозномъ отношеніи. Вотъ ужъ положительно—„къ воронамъ не пристали, а отъ гусей отстали". Въ подтвержденіе сказаннаго, приведу фактъ изъ жизни православныхъ осетинъ, переданный мнѣ осетиномъ (магометаниномъ) Кануковымъ, бывшимъ свидѣтелемъ слѣдующаго: въ горахъ въ одномъ аулѣ съ осетинскимъ населеніемъ православнаго и магометанскаго вѣроисповѣданія въ мѣстной церкви должно было состояться вѣнчаніе. Очевидецъ, войдя во дворъ при церкви, замѣтилъ цѣлый хороводъ пляшущихъ. Въ то-же время у дверей самой церкви столпилась группа молодежи, старавшаяся ворваться въ церковь и напиравшая извнѣ на церковную дверь. Извнутри, какъ видно, не меньшая сила противодѣйствовала внѣшнему напору. Наконецъ, находившіеся внѣ церкви, взяли перевѣсъ и ворвались съ шумомъ въ церковь. Туда проникъ и Кануковъ. Взорамъ его представился аналой, у котораго стояли брачущіеся, священникъ и молодежь; на клиросѣ три человѣка пѣли; съ правой стороны у стѣны стояла кровать священника. Не замедлила ворвавшаяся молодежь заявить о своемъ присутствіи,—молодые были связаны; молодому же то и дѣло со всѣхъ сторонъ сыпались щелчки, толчки, пинки, такъ что ему стало терпѣть не въ моготу, и онъ надѣлъ на бритую голову папаху (мѣховая шапка). На брачущихся одѣли вѣнцы, но и тутъ шутники не оставили молодыхъ въ покоѣ, — они не замедлили сорвать вѣнцы, одѣть ихъ на свои бритыя головы и ну бѣгать по церкви. Возмущенный безпорядками, дьячекъ бѣгаетъ съ ругатель-

ствами за проказниками, отнимаетъ у нихъ вѣнцы и водворяетъ по принадлежности. Но въ это время у кровати священника происходитъ товарищеская свалка—и кровать священника сломана. Тутъ и терпѣніе священника лопается, — онъ ругаетъ шалуновъ и гонитъ ихъ вонъ изъ церкви. Наконецъ, вѣнчаніе кончено, священникъ, обливаясь потомъ, не совсѣмъ еще успокоившійся отъ озлобленія на проказниковъ, подходитъ къ Канукову, какъ къ лицу интеллигентному, и проситъ его простить безобразія молодежи въ церкви и не писать въ газеты, что тотъ и обѣщалъ. Какъ не существенное доказательство невѣжества осетинъ въ религіозномъ отношеніи, указываю на отсутствіе въ осетинскомъ словарѣ такихъ словъ, какъ „молитва" и „молиться".

Послѣ обряда вѣнчанія въ церкви, по возвращеніи въ домъ невѣсты, ее обводятъ три раза вокругъ домашняго очага съ приличными на сей случай просьбами къ покровителю домашняго очага—Сафа [1]).

Свадьбы продолжаются отъ 2-хъ до 5-ти дней, смотря по состоятельности родителей невѣсты. Издержки по угощенію опредѣлить трудно, но во всякомъ случаѣ значительныя.

Во время свадьбы родители невѣсты просятъ трехъ-четырехъ человѣкъ своихъ знакомыхъ прислуживать гостямъ. По окончаніи пиршества женихъ и его дружина складываются по 1—3 и болѣе рублей; собранное раздѣляютъ слѣдующимъ образомъ: одна часть—матери за воспитаніе; другая — ухаживающимъ за гостями, которые укладываютъ гостей спать, прибираютъ постель, чистятъ обувь, платье и оказываютъ гостямъ всевозможныя услуги; третья часть предназначается подругамъ невѣсты, и наконецъ, четвертая—женщинѣ, пекшей на свадьбу хлѣбы.

Приданое невѣсты состоитъ изъ рубашекъ—„хадон", штановъ—„халав", платья—„сэф", пояса—„рохн", нагрудника—„ахнагита", шали—„калмэвзэн". Понятно, что количество и качество зависитъ отъ родителей.

Особыхъ караваевъ, елокъ, вѣнковъ нѣтъ. Приготовленіе хлѣба начинается наканунѣ свадьбы, а въ день свадьбы приготовляются остальныя кушанья и тутъ же по приготовленіи подаются.

---

[1]) Сафа—значитъ собственно цѣпь, на которой вѣшаютъ горшки при варкѣ пищи.

Женитьба происходитъ слѣдующимъ образомъ: парень-осетинъ, выбирающій себѣ невѣсту, если у него нѣтъ уже выбранной на примѣтѣ, разъѣзжаетъ [1]) по сосѣднимъ auламъ и присматривается къ дѣвушкамъ на плясках [2]), свадьбахъ и т. п. Но вотъ онъ избралъ себѣ дѣвушку, тогда онъ старается передать дѣвушкѣ о своемъ желаніи засватать ее, черезъ ея родственниковъ, братьевъ или другимъ какимъ-либо путемъ. Лично переговорить съ дѣвушкой парень не можетъ, такъ какъ дѣвушка до „засватанія" не должна говорить съ женихомъ. „Порядочная" дѣвушка не только не станетъ говорить во время танцевъ, но она даже и не улыбнется, хотя бы передъ ея глазами происходило что-нибудь очень смѣшное.

Итакъ, парень, избравшій себѣ подходящую дѣвушку, подсылаетъ къ ней кого-нибудь изъ родственниковъ или близкихъ людей. Подосланный передаетъ дѣвушкѣ о намѣреніи парня; если данный парень нравится дѣвушкѣ, или, какъ говорятъ осетины, „дѣвка улюбила парня", то она передаетъ посланному о своемъ согласіи, приблизительно въ слѣдующихъ словахъ: „эс ра́здэн, кэд мэ нэфасайдзен; кед мэ са́йгекэнэ уод нэдэн ра́зы"—(„я согласна, если меня не обманываетъ; если меня обманываетъ, то несогласна").

Парень, получивъ чрезъ посланнаго отъ дѣвушки подобный отвѣтъ, передаетъ о выборѣ себѣ невѣсты своимъ родителямъ. При этомъ—„передаетъ о выборѣ своимъ родителямъ" не должно быть понимаемо въ буквальномъ смыслѣ. Передать своимъ родителямъ о подобномъ намѣреніи сынъ никогда не осмѣлится, такъ какъ „это очень стыдно". Онъ обыкновенно проситъ своихъ родственниковъ, сверстниковъ, сестеръ или другихъ лицъ, равныхъ себѣ по возрасту или по семейному положенію, сообщить родителямъ о его выборѣ и желаніи. Отцу передаютъ, и если послѣдній согласенъ съ выборомъ сына, то отвѣчаетъ: „я ничего не

---

[1]) Такъ какъ особыхъ спеціальныхъ праздниковъ, для сближенія молодежи между собой, нѣтъ, то знакомство молодежи (различн. половъ) возможно только на свадьбахъ и т. п. сборищахъ. Ухаживаніе парня за дѣвушкой ограничивается пожатіемъ рукъ во время танцевъ. У осетинъ кромѣ лезгинки существуютъ еще танцы, въ которыхъ парень и дѣвушка берутся за руки и танцуютъ вмѣстѣ.

[2]) „Кафен"—названіе танца по-осетински; „лозыр"—по-ингушски.

имѣю противъ выбора моего сына и самъ ничего лучшаго не желаю". Если же отецъ почему либо недоволенъ выборомъ сына, то отвѣтъ его выражается приблизительно слѣдующими словами: „если мой сынъ выбралъ себѣ невѣсту и желаетъ взять ее замужъ, то я ничего противъ этого не имѣю, но все-таки—я знаю фамилію (родныхъ, семью) дѣвушки,—она очень не хорошая (бѣдная и т. п.). Мнѣ бы лучше хотѣлось, чтобы мой сынъ засваталъ себѣ другую дѣвушку, болѣе подходящую (иногда указываетъ кого), только не эту". Кед мэ фытт усокуры нэд сагурет эндэран хорз макади—ирет хорз ратцынэн" („Если мой сынъ хочетъ жениться, то пусть разыщетъ другую, хорошей фамиліи—калымъ хорошій отдамъ) [1]) Или же: „если мой сынъ... мы можемъ засватать ему дѣвушку богатую, хорошей фамиліи, оттуда-то".

Отвѣтъ отца передается посредникомъ сыну. Когда отецъ согласенъ, то, понятно, приступаютъ къ сватавію. Если же отецъ не согласенъ, хотя несогласіе свое и выразилъ въ такой деликатной формѣ, то сынъ можетъ согласиться съ совѣтами отца и можетъ не соглашаться. Въ послѣднемъ случаѣ обратный отвѣтъ сына слѣдующій: „если отцу не жаль быковъ, барановъ, калыма, то я не хочу выбирать другой,—я уже выбралъ себѣ и хочу жениться на этой". „Кед мын куры, нод ратэт ирэт, кед мын нэ куры, нодыс эндэр нэ курын". (Если меня хочетъ женить, то пусть отдаетъ калымъ; если меня не хочетъ женить, то я другой не возьму). Подобный отвѣтъ сына, переданный отцу, влечетъ иногда за собою личный разговоръ отца съ сыномъ и увѣщеваніе со стороны перваго. Если сынъ и послѣ личнаго объясненія съ отцомъ остается при своемъ, то дѣло кончается обыкновенно сватаніемъ. Отецъ платитъ калымъ; сынъ беретъ себѣ жену. Насильно противъ желанія парня, его никогда не женятъ. Такъ или иначе, но пришли къ соглашенію и приступаютъ къ сватанію. Отецъ съ однимъ изъ родственниковъ или хорошимъ знакомымъ ѣдетъ къ родителямъ дѣвушки; иногда же отецъ самъ не ѣдетъ, а посылаетъ сына въ сопровожденіи избраннаго спутника. Но чтобы отецъ поѣхалъ сватать вмѣстѣ съ своимъ сыномъ,—этого никогда не бываетъ. Пріѣхавъ въ домъ дѣвушки, гости въ вѣжливомъ

---

1) Въ скобкахъ подстрочный переводъ предыдущаго.

разговорѣ передаютъ о своихъ намѣреніяхъ ея родителямъ. Здѣсь опять происходитъ взаимный обмѣнъ отвѣтовъ между родителями дѣвушки и самой дѣвушкой. Понятно, что дѣвушка согласна выйти замужъ за даннаго парня, такъ какъ она уже раньше согласилась на его предложеніе; но ея родители могутъ не желать брака съ даннымъ лицомъ и подавать тѣ же совѣты, какіе подаются въ подобныхъ случаяхъ отцомъ парня. Дѣвушка, также, какъ и парень, можетъ соглашаться и не соглашаться съ совѣтами родителей, отвѣчая, что она „желаетъ выйти замужъ за этого, а за другого—не хочетъ. Неужели же отецъ хочетъ, чтобы она загубила свою жизнь, чего она не сдѣлаетъ, пока ее не будутъ выдавать за другого". Бывали факты, когда дѣвушки приводили свои угрозы въ исполненіе, такъ что теперь почти никогда „хорошіе" родители не примѣняютъ болѣе сильной оппозиціи бракамъ, нежели подача совѣтовъ и увѣщеваній. При нѣкоторой долѣ настойчивости дѣвушки, она можетъ добиться согласія родителей, тѣмъ болѣе, что ихъ сторону принимаютъ священники, которые предъ вѣнчаніемъ спрашиваютъ у засватанныхъ: согласны ли они женится? Женятся ли по любви, а не по принужденію родителей? Если кто-нибудь изъ засватанныхъ скажетъ, что онъ женится или выходитъ замужъ не по любви, а по принужденію родителей (что, кстати, бываетъ очень рѣдко), то священники берутъ на себя обязанность уговорить родителей брачущихся не разбивать будущаго семейнаго счастья своихъ дѣтей. Случается, что священникамъ удается уговорить родителей дѣвушки не принуждать ее насильно къ браку съ нелюбимымъ парнемъ, или обратно,—не препятствовать браку съ избраннымъ ею.

Надо замѣтить, что родители парня ничѣмъ не могутъ воспрепятствовать его намѣреніямъ; настойчивый сынъ всегда добьется платы калыма, а себѣ возьметъ въ жены ту, которую избралъ. Но что же дѣлаютъ родители дѣвушки, чтобы воспрепятствовать браку? Какія у нихъ въ распоряженіи для этого случая средства? Средство воспрепятствовать браку своей дочери одно—именно, увеличить размѣръ калыма настолько, чтобы отецъ жениха не былъ въ состояніи выплатить его. Какъ уже сказано выше, размѣръ калыма у осетинъ отъ 150—200 до 300 руб. Казалось бы, болѣе 300 руб. отецъ дѣвушки не можетъ увеличить калыма, не рискуя пойти противъ принятой нормы. Но въ

дѣйствительности родителями дѣвушки въ подобныхъ случаяхъ практикуется увеличеніе калыма до 400 руб. и болѣе. Отецъ дѣвушки налагаетъ условіе уплаты калыма хорошей скотиной. Быкъ, стоящій 60—70 руб., идетъ въ уплату калыма за 30 руб.; хорошая лошадь въ 70—100 руб. принимается за 50—60 руб. Такимъ образомъ калымъ увеличивается до 400 съ лишнимъ рублей, что не всякому бываетъ подъ силу выплатить, а слѣдовательно, и бракъ можетъ не состояться. Въ такихъ-то случаяхъ упорнаго несогласія родителей и практикуются похищенія невѣстъ. Если похищеніе дѣвушки совершено удачно и она находится въ домѣ родителей похитителя, то все таки родители дѣвушки являются за калымомъ. Здѣсь размѣръ калыма уже не имѣетъ опредѣленной нормы, а зависитъ отъ состоятельности и добровольнаго желанія семьи жениха. Иногда пришедшіе за калымомъ не соглашаются на предлагаемое, а требуютъ большаго. Въ такихъ случаяхъ сама похищенная выходитъ къ своимъ родственникамъ и обращается къ нимъ приблизительно въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „берите, что вамъ даютъ, а не требуйте большаго. Когда я просила васъ взять калымъ, вы не брали—хотѣли продать меня за быковъ, лошадей, барановъ, какъ можно дороже, и не заботились о моей душѣ, о моемъ счастіи. Теперь-же, когда я сама ушла, то берите то, что вамъ даютъ, или возвращайтесь домой такъ“.

Свадьбы, въ случаѣ похищенія, происходятъ уже въ домѣ жениха. Обыкновенно родители и родственники жениха съ родными невѣсты обходятся со всевозможною вѣжливостью и стараются ихъ уговорить. „Берите быковъ, лошадей или деньги, по желанію; сколько можемъ дать, столько и даемъ. Мы и сами не рады, что нашъ парень такъ поступилъ, но что дѣлать,—сдѣланнаго не вернешь,—надо примириться. Вѣдь мы хотимъ быть вашими родственниками“. Ничего не остается больше роднымъ дѣвушки, какъ примириться и взять предлагаемое въ калымъ,—вернуть же дѣвушку изъ дому похитителя—значитъ осудить ее на вѣчное безмужіе, потому что дѣвушка уже потеряла невинность. Послѣднее обстоятельство служитъ также ручательствомъ того, что дѣвушку, въ случаѣ настиженія или упрямства ея родственниковъ, не возьмутъ обратно. Правда, иногда преслѣдователи настигаютъ похитителей и отнимаютъ дѣвушку на пути. Но этотъ

случай имѣетъ мѣсто по большей части тогда, когда похищеніе совершилось не съ согласія дѣвушки и она еще не лишена невинности.

Изъ сказаннаго видно, что калымъ и въ настоящее еще время является главнымъ тормазомъ брачныхъ отношеній. Кромѣ того, калымъ имѣетъ и другія тягостныя стороны. Бѣдный осетинъ для уплаты калыма беретъ за проценты скотину, деньги и т. п., уплачиваетъ калымъ и женится. Послѣ женитьбы у него, понятно, ничего нѣтъ кромѣ долговъ съ обременительными процентами и ненужнаго хлама, принесеннаго женой, какъ-бы въ приданое. Осетины не могли не обратить вниманіе на слишкомъ тяжелый гнетъ калыма, и пробовали уменьшить норму калыма до 100 руб. и сдѣлать ее обязательной для всѣхъ. Попытка благоразумныхъ осетинъ не нашла поддержки среди осетинъ магометанскаго вѣроисповѣданія, и осталась безъ всякихъ послѣдствій, хотя въ свое время объ обязательной нормѣ калыма былъ составленъ общественный приговоръ и избраны особыя лица для наблюденія за исполненіемъ приговора. Не одни осетины сознаютъ неразумность калыма и его обременительныя послѣдствія, сознали это также и другіе туземцы, какъ напр. ингуши Терской обл., Владикавказскаго округа, Назрановскаго селенія, съ тѣмъ только различіемъ, что у послѣднихъ введена обязательная норма калыма (105 р.). Осетины же, чтобы избавиться отъ калыма, благодаря національной несамостоятельности, ждутъ вмѣшательства правительства.

Возвращаюсь къ послѣдовательному описанію свадьбы. Сватаніе такъ или иначе состоялось, и рѣшили покончить бракомъ. Отецъ жениха приготовляется къ отдачѣ калыма, на что ему дается времени отъ 2-хъ недѣль до 6-ти мѣсяцевъ. Въ это время онъ долженъ приготовить калымъ. Вскорѣ послѣ „засватанія" отецъ невѣсты съ нѣсколькими родными и знакомыми пріѣзжаетъ къ отцу жениха за „задаточнымъ" калымомъ, т. е. беретъ въ счетъ калыма лошадь, корову, быка или что-нибудь другое, рублей на 30—40.

Понятно, что пріѣхавшіе пользуются хорошимъ пріемомъ и угощеніями. Иногда они остаются въ домѣ жениха сутки и двое, а затѣмъ возвращаются восвояси.

Когда же калымъ окончательно приготовленъ, то родители невѣсты увѣдомляются объ этомъ: „мы готовы, можете пріѣзжать

за калымомъ, хотя-бы и сегодня, хотя завтра, только увѣдомьте насъ о своемъ пріѣздѣ". Получивъ увѣдомленіе, отецъ невѣсты собираетъ родственниковъ и знакомыхъ, человѣкъ 10—30, и ѣдетъ за калымомъ. На этотъ разъ они гостятъ въ домѣ жениха дня 2—3, и затѣмъ, забравъ сполна калымъ, отправляются обратно, гдѣ и приступаютъ къ заготовленію приданаго, что совершается въ теченіе отъ 1-ой недѣли до 1-го мѣсяца. Такая скорость изготовленія приданаго (приходится много шить, дѣлать различныхъ шнурковъ для часовъ, пистолетовъ и т. п.) объясняется не столько заблаговременнымъ изготовленіемъ многаго, сколько помощью подругъ невѣсты. Подруги невѣсты въ подобныхъ случаяхъ работаютъ дни и ночи безъ возмездія по первому приглашенію помочь. Рѣдко случается, чтобы какая-нибудь изъ подругъ дѣвушки, выходящей замужъ, отказалась отъ посильной помощи.

Изготовивъ приданое, родители невѣсты въ свою очередь посылаютъ въ домъ жениха извѣщеніе о своей готовности. Послѣ этого извѣщенія женихъ не медлитъ, а собравъ 15—30 человѣкъ дружины, составленной изъ близкихъ родственниковъ и знакомыхъ, ѣдетъ къ невѣстѣ. Вся дружина и женихъ вооружены пистолетами и кинжалами за исключеніемъ шафера—„кухальхацэк" и крестнаго—„эмзуордзын" которые сверхъ того вооружены еще шашками. По пріѣздѣ въ домъ невѣсты, у пріѣзжихъ еще во дворѣ снимается все оружіе, за исключеніемъ кинжаловъ. Родные невѣсты встрѣчаютъ ихъ съ почетомъ; усаживаютъ отдѣльно отъ гостей отца невѣсты и угощаютъ различными мѣстными кушаньями, пивомъ, виномъ и аракой. Для прислуживаній и ухаживаній за ними приставляются 2—3 расторопныхъ человѣка, о которыхъ было сказано выше. Ухаживаніе мужчинъ за мужчинами въ подобныхъ случаяхъ нисколько не считается унизительнымъ, а наоборотъ такія лица пользуются уваженіемъ. Чѣмъ лучше умѣетъ ухаживать осетинъ за гостями и чѣмъ радушнѣе принимаетъ ихъ къ себѣ въ гости, тѣмъ большимъ почетомъ и уваженіемъ онъ пользуется въ своей средѣ.

За трапезой отецъ невѣсты садится рядомъ съ почетнымъ старикомъ, избраннымъ „толбачемъ" (толумбашъ, тамада), т. е. распорядителемъ стола, провозглашающимъ тосты, наблюдающимъ за порядкомъ подачи кушаній и, вообще, слѣдящимъ за всѣмъ и всѣми. Толбачъ, прежде чѣмъ приступить къ пиршеству, встаетъ и мо-

лится о ниспосланіи благъ и счастія молодымъ и ихъ родственникамъ. При этомъ нужно замѣтить, что молитва не имѣетъ какого-либо опредѣленнаго содержанія, и вполнѣ зависитъ отъ ума и краснорѣчія толбача. Присутствующіе, послѣ каждой отдѣльной части молитвы, повторяютъ amen. Первый тостъ провозглашается толбачемъ за жениха и невѣсту (единственный случай въ бытѣ осетинъ, гдѣ молодымъ отдается преимущество предъ стариками), затѣмъ за отца и мать, а далѣе уже за остальныхъ присутствующихъ по нисходящей степени родства и уваженія, какимъ пользуются виновники тостовъ. Отецъ жениха не всегда присутствуетъ на свадьбѣ. Его отсутствію ке придаютъ никакого особаго значенія,—онъ воленъ присутствовать и не присутствовать. Мать жениха, наоборотъ, никогда и не присутствуетъ на свадьбѣ. Послѣ трапезы гости расходятся кто на улицу, кто куда. На улицѣ посидятъ, поговорятъ, а иные и соснутъ, вотъ и все развлеченіе. Къ вечеру та же процедура, которая продолжается до разсвѣта, когда гостей отпускаютъ спать. Такимъ образомъ проходитъ первый день свадьбы. На второй день (и на первый иногда тоже, смотря потому, когда гости пріѣхали—утромъ или къ обѣду) уже начинаются танцы, въ которыхъ принимаютъ участіе невѣста, дѣвушки, парни и мужчины. Женихъ и женщины, а также и вдовы не принимаютъ участія, хотя и могутъ присутствовать, за исключеніемъ жениха, который и присутствовать даже не можетъ. Впрочемъ, и невѣста только тогда принимаетъ участіе въ танцахъ, когда во дворѣ нѣтъ родственниковъ жениха лѣтъ 30—40. Изъ уваженія къ родственникамъ жениха невѣста въ его присутствіи не станетъ танцовать и скроется въ домъ. Объ этомъ знаютъ и обыкновенно не стѣсняютъ пляшущихъ своимъ присутствіемъ родственники жениха. Если же кому-нибудь изъ нихъ захотѣлось полюбоваться танцами или самому принять въ нихъ участіе, то объ этомъ невѣсту предупреждаютъ, и она скрывается. Въ такомъ духѣ въ зажиточныхъ семьяхъ свадьбы продолжаются 4—5 дней. Наконецъ, въ послѣдній день происходитъ самое вѣнчаніе. Иногда же вѣнчаніе совершается и раньше—это въ тѣхъ случаяхъ, когда наступаютъ заговѣны, въ ноябрѣ. Послѣ совершенія вѣнчанія заговѣны обыкновенно не мѣшаютъ празднованію свадьбы, такъ что и въ этомъ проглядываетъ безразличный взглядъ осетина на обряды и установленія православной церкви.

Наконецъ, молодая чета ѣдетъ въ домъ жениха. При выѣздѣ изъ аула (селенія) поѣзжане и родственники невѣсты стрѣляютъ изъ ружей, пистолетовъ; молодежь джигитуетъ. При въѣздѣ въ аулъ, въ которомъ живетъ женихъ, опять начинается стрѣльба поѣзжанъ; имъ отвѣчаютъ тѣмъ же въ аулѣ.

Въ домѣ жениха невѣсту вновь обводятъ три раза вокругъ домашняго очага и приступаютъ къ новому празднеству. Свадебное гулянье въ домѣ жениха уже кратковременнѣе и не такъ роскошно. Такъ что главные расходы по свадьбѣ и главное празднество—въ домѣ дѣвушки, если не принимать во вниманіе калыма.

Съ привозомъ дѣвушки въ домъ жениха, свадебныя обрядности не кончаются и оффиціально женой молодая супруга долго не признается. Хотя и живетъ она въ комнатѣ жениха, въ домѣ его родителей, но показываться не должна никому изъ его семьи, что продолжается годъ и два. По истеченіи года пребыванія въ домѣ родителей мужа, она идетъ къ своимъ родителямъ съ первымъ визитомъ и остается тамъ нѣкоторое время, (объ этомъ сказано выше) затѣмъ возвращается обратно. Послѣ первой побывки родители ея идутъ съ подарками въ домъ жениха. Принесенные подарки принимаются; принесшихъ прилично угощаютъ и отпускаютъ домой. И только послѣ принятія подарковъ родителями жениха молодая супруга можетъ свободно показываться членамъ семьи, хотя долгое время еще пользованію этимъ новымъ правомъ молодой жены препятствуютъ стыдливость и скромность.

Женихъ все время, до принесенія подарковъ, живетъ у своего шафера или крестнаго, которые ночью тайкомъ проводятъ его къ невѣстѣ въ домъ его отца и тамъ оставляютъ ихъ наединѣ. Въ первую ночь, когда молодой мужъ проводится къ женѣ, шаферъ или крестный, прежде чѣмъ оставить ихъ наединѣ, заставляетъ ихъ въ своемъ присутствіи разстегнуть брачныя одежды, что не всегда съ одинаковою ловкостью исполняется молодыми супругами, и что впослѣдствіи служитъ поводомъ къ подтруниваніямъ. На этотъ случай подруги невѣсты при шитьѣ брачныхъ одеждъ изощряются въ придумываніи самыхъ сложныхъ и запутанныхъ застежекъ, петель и т. п. Послѣ того, какъ молодые разстегнули свои брачныя одежды, шаферъ удаляется и оставляетъ молодыхъ вдвоемъ.

Рано утромъ онъ приходитъ за женихомъ и уводитъ его обратно къ себѣ. Такія похожденія молодого супруга продолжаются не

меньше мѣсяца, и только по прошествіи мѣсяца онъ поселяется въ домѣ своихъ родителей.

Между молодыми, шаферомъ и крестнымъ устанавливаются самыя дружескія, братскія отношенія. Главная роль и главное значеніе ихъ (шафера и крестнаго) проявляется уже послѣ свадьбы. На свадьбѣ они выполняютъ роли распорядителей танцевъ и другихъ увеселеній; послѣ же свадьбы они являются менторами молодыхъ супруговъ; они учатъ молодую жену, какъ она должна относиться къ новой семьѣ, мужу и родственникамъ; ознакомляютъ ее съ обрядами и обычаями пока еще чуждаго ей аула и чуждой семьи. Имъ всегда открытъ доступъ къ невѣстѣ до выхода ея замужъ и къ женѣ—послѣ брака.

Братьямъ жениха и невѣсты особой роли на свадьбахъ не приписываютъ, хотя братьямъ жениха невѣста на свадьбѣ даритъ шнурки для пистолетовъ, часовъ, шитые золотомъ или серебромъ башлыки и т. п. Своимъ же братьямъ невѣста подарковъ не дѣлаетъ, такъ какъ „будучи дома, она прислуживала имъ, а слѣдовательно отплатила“.

При благословеніи особыхъ преимуществъ не отдается ни отцу, ни матери,—сына благословляетъ отецъ, а дочь—мать. Когда отецъ почему-либо не присутствуетъ на свадьбѣ, то онъ замѣняется или родственникомъ, или знакомымъ, могущимъ при случаѣ найтись и блеснуть туземнымъ краснорѣчіемъ.

Свадьбы сиротъ отличаются тѣмъ, что калымъ передается ихъ родственникамъ, а тѣ уже приготовляютъ все необходимое къ свадьбѣ. По окончаніи свадьбы, родственники даютъ отчетъ, куда израсходованы деньги, и возвращаютъ сиротѣ остатокъ. Послѣдняя вольна принять или не принять его, оставляя имъ въ послѣднемъ случаѣ, какъ вознагражденіе за попеченіе и воспитаніе.

Какое отличіе въ свадьбѣ незаконнорожденныхъ, я сказать не могу, такъ какъ подобнаго случая не только наблюдать не приходилось, но даже и разспросы не дали ни одного факта. Могу только сказать, что незаконнорожденные пользуются полнѣйшимъ пренебреженіемъ, и никто не возьметъ замужъ незаконнорожденную, и обратно, ни одна дѣвушка не выйдетъ за незаконнорожденнаго. Въ прежнее время, какъ я уже сказалъ выше, православному осетину, если не церковью, то носителями православія, допуска-

лось нѣкоторое послабленіе,—именно, осетинъ могъ имѣть, кромѣ законной жены, другую, незаконную. Дѣти, происшедшія отъ второй (незаконной) жены считались незаконнорожденными и не пользовались правами наравнѣ съ законными дѣтьми. Они, т. е. дѣти отъ незаконной (хотя и допускаемой) жены, представляли собою нѣчто вродѣ холоповъ семейства ихъ отца. Всякій „законный" членъ семьи помыкалъ ими, какъ холопами; имъ приходилось исполнять всякую черную работу и безпрекословно повиноваться своимъ братьямъ, происшедшимъ отъ сожитія ихъ отца съ законною женою. Въ настоящее время эта ненормальность семейной жизни православныхъ осетинъ безвоворотно канула въ прошлое.

Свадьбы вдовыхъ отличаются только тѣмъ, что вдова, выходящая замужъ, никакого участія въ танцахъ не принимаетъ, какъ вообще и всѣ женщины; кромѣ того, съ перваго дня пріѣзда въ домъ мужа бывшая вдова свободно показывается семьѣ и обществу, хотя приношеніе подарковъ ея родителями, чрезъ годъ послѣ выхода замужъ, и здѣсь имѣетъ мѣсто. Вдовы, вышедшія второй разъ замужъ, также пользуются правомъ ходить къ своимъ родителямъ, не выжидая установленнаго обычаемъ срока для вышедшихъ въ замужество въ первый разъ.

Какъ я уже сказалъ, осетинскими правами и обычаями строго преслѣдуется нецѣломудріе дѣвушекъ и, вообще, женщинъ. Эта строгость взлядовъ на цѣломудріе женщинъ не могла не отразиться и на мужчинахъ. Примѣры цѣломудрія мужчинъ не рѣдкость; сплошь и рядомъ осетинъ впервые испытываетъ близость женщины только послѣ свадьбы, когда его украдкой проводятъ къ женѣ. Близость г. Владикавказа не могла не проявить своего развращающаго вліянія и на осетинъ: въ послѣднее время цѣломудріе мужчинъ постепенно теряетъ все больше и больше число своихъ адептовъ. Такой взглядъ на цѣломудріе осетинъ исключаетъ возможность существованія обычая требованія доказательствъ цѣломудрія.

Беременная женщина пользуется извѣстнымъ уходомъ и заботою и оберегается отъ непосильнаго труда. Роды ея совершаются хотя и въ томъ же домѣ, но отдѣльно отъ домочадцевъ. Бабками (повитухами) являются пожилыя женщины. Нѣкоторыя изъ нихъ пользуются особо хорошей репутаціей и приглашаются при особо трудныхъ родахъ. Иногда обязанности бабки исполняютъ

и матери. Мужъ при родахъ никогда не присутствуетъ. Выкидыши бываютъ не особенно часто. Если же и бываютъ, то причину ихъ объясняютъ непосильнымъ трудомъ и т. п.

Давая имя новорожденному, избѣгаютъ давать такое имя, которое уже имѣетъ не только какой нибудь членъ семьи, но и членъ рода. Такъ что въ одной семьѣ никогда не бываетъ двухъ одинаковыхъ именъ. Даже въ память умершихъ рѣдко даютъ его имя ребенку.

Посѣщая родильницу, знакомыя женщины приносятъ лучшія кушанья мѣстнаго приготовленія. Не отъ всякой посѣтительницы родильница будетъ ѣсть принесенное, изъ опасенія, какъ бы не подослалъ чего колдунъ, съ намѣреніемъ лишить ее способности дѣторожденія [1]). Родильница, а также и всѣ члены семьи бываютъ болѣе рады рожденію мальчика, а не дѣвочки, тѣмъ болѣе, что рожденіе первенца-мальчика ведетъ за собою особыя обряддности, о чемъ будетъ сказано ниже.

Родильницы обыкновенно встаютъ на 2—3-ій день. Кормятъ же грудью ребенка 10 мѣсяцевъ. Понятно, бываютъ исключенія. Колыбель для ребенка устраивается стоячая, на изогнутыхъ полозьяхъ, чтобы можно было ее качать. Качаніе пустой качели воспрещается.

Любовь къ дѣтямъ развита въ матеряхъ. Отцы, хотя и любятъ ихъ, но ласкать, брать на руки, играть съ ними никогда не станутъ. Домочадцы отцомъ пугаютъ дѣтей. Дѣти никогда не видятъ ласки отца, почему уважаютъ и любятъ болѣе матерей, хотя уважать первыхъ величайшій долгъ осетина, но любить ихъ не могутъ.

Воспитаніемъ дѣтей, въ собственномъ смыслѣ, не занимаются; если-же и занимаются отчасти, то только матери и то до 10—12-ти лѣтняго возраста.

Неуваженіе сыномъ своихъ родителей даетъ всякому право въ спорѣ сказать съ презрѣніемъ: „ты не знаешь своего отца, свою мать, а еще со мною разговариваешь“. Не только родите-

---

[1]) Если осетинъ и равнодушенъ ко всѣмъ вѣрованіямъ, какъ суевѣрнымъ, т къ и религіознымъ, нельзя того-же сказать про осетинку. Въ ея умѣ, вѣроятно, фантастическое и сверхъестественное занимаетъ не послѣднее мѣсто. Благодаря трудности сближеній съ женщинами-туземками выясненіе этого вопроса, вѣроятно, замедлится на долгое время.

ли, старики, старухи, но и всякій старшій пользуется воздаяніемъ достодолжнаго уваженія. Отецъ и мать, если у нихъ есть взрослыя дѣти, являются въ семьѣ главами, руководителями, но не работниками. „Хорошія дѣти" (а ихъ у осетинъ большинство) никогда не позволятъ работать своимъ старымъ родителямъ.

Всѣ члены семьи подчиняются волѣ главы семейства—отцу; за нимъ слѣдуетъ перворобный сынъ, затѣмъ второй и т. д. Дѣвушка въ семьѣ обязана услуживать и подчиняться всѣмъ своимъ братьямъ, хотя-бы она была старше нѣкоторыхъ изъ нихъ годами, за исключеніемъ братьевъ моложе 12-ти лѣтъ, Жена подчиняется сестрѣ мужа, его племянницѣ, внучкѣ. Положеніе послѣднихъ въ семьѣ считается выше положенія жены. Внукъ (сынъ сына) пользуется большею любовью дѣда, чѣмъ его (внука) отца. Если въ семьѣ нѣсколько сыновей, то при жизни отца они все заработанное передаютъ отцу и живутъ всѣ вмѣстѣ. Въ случаѣ смерти отца главенство переходитъ къ старшему сыну. Съ перехедомъ главенства переходятъ и права обязанности.

На мой вопросъ—какъ они поступаютъ тогда, когда жена одного брата обижается другими?—послѣдовалъ отвѣтъ: „своихъ женъ мы не слушаемъ; если-же жена одного изъ братьевъ придетъ къ нему съ жалобой, что ее обижаютъ такіе-то, то они (братья), не разбирая, кто правъ, кто виноватъ, поколотятъ своихъ женъ—и всему конецъ. Иногда-же прогоняютъ буйныхъ женъ къ ихъ родителямъ. Когда они одумаются—берутъ обратно". Такимъ образомъ предупреждается разладъ между братьями изъ-за женъ.

Какъ къ старшимъ въ семьѣ, такъ и къ лицамъ оффиціальнымъ относятся съ уваженіемъ. Если оффиціальное лицо молодой человѣкъ, а проситель старвкъ, то послѣдній старается выказать ему свое уваженіе, не смотря на свою старость. Въ свою очередь и лицо оффиціальное, если это осетинъ, не останется въ долгу предъ просителемъ, а воздастъ ему должное, какъ человѣку старшему по лѣтамъ.

Такъ какъ главенство въ семьѣ со смертью отца переходитъ къ первородному сыну, то понятно, что рожденіе перваго сына сопровождается особымъ празднествомъ, называемымъ „кохс кэнэн". Это общій праздникъ для всѣхъ, родившихъ въ теченіе года перваго сына въ мѣстномъ селеніи, в бываетъ двѣ или три недѣли спустя послѣ Троицы. Въ это время обычай заставляетъ всѣхъ

матерей, родившихъ перваго сына, обойти всѣхъ своихъ родственниковъ и знакомыхъ, при чемъ каждый изъ послѣднихъ обязательно, по мѣрѣ возможности, даритъ счастливицу. Отецъ и мать родившей непремѣнно дарятъ новорожденному быка, лошадь или корову. Послѣ обхода, родителями новорожденнаго устраивается пирушка и приглашаются родные и знакомые.

Изъ національныхъ чертъ осетина еще можно отмѣтить плаксивость, сутяжничество съ назойливостью; послѣднее свойственно многимъ изъ туземцевъ Кавказа. Плаксивость осетинъ проявляется и на похоронахъ знакомыхъ, родныхъ и т. п. Здѣсь и мужчины плачутъ не хуже женщинъ, о послѣднихъ же и говорить нечего,— онѣ прямо ревутъ. Осетинъ не ограничивается внѣшнимъ выраженіемъ скорби и любви къ умершему во время похоронъ,—онъ чтитъ его память поминками. Главными поминками считаются поминки въ день смерти умершаго.

Побратимство среди осетинъ распространено и имѣетъ немаловажное значеніе для „присяжныхъ братьевъ", какъ называются побратимы. Прежде чѣмъ стать „присяжными братьями", два осетина даютъ присягу, что будутъ во всю свою жизнь всегда правдивы, честны и справедливы по отношенію другъ къ другу. Присяга эта сопровождается слѣдующими обрядностями. Старшій изъ будущихъ „присяжныхъ братьевъ" наливаетъ стаканъ пива и кладетъ туда одну или нѣсколько серебряныхъ монетъ; въ свою очередь, младшій кладетъ въ тотъ же стаканъ тоже одну или нѣсколько монетъ. Послѣ этого старшій даетъ клятву относиться къ новому своему брату лучше, чѣмъ къ родному. „Сердце мое съ этого момента въ отношеніяхъ, касающихся тебя, будетъ всегда такъ чисто, какъ чисто серебро, находящееся въ стаканѣ. Съ этого момента я считаю тебя своимъ присяжнымъ братомъ". Произнося клятву, онъ беретъ стаканъ съ пивомъ, отпиваетъ половину содержимаго и передаетъ стаканъ младшему. Младшій, принявъ отъ старшаго стаканъ, произноситъ такую же клятву, допиваетъ пиво и оставшіеся на днѣ стакана серебряныя монеты беретъ себѣ. „Присяжные братья" должны помогать другъ другу совѣтомъ, защитой, имуществомъ и быть во взаимныхъ отношеніяхъ правдивы и честны. Скорѣе осетинъ обманетъ своего родного, чѣмъ „присяжнаго" брата. Обманувшій „присяжнаго" брата презирается всѣми.

Гостепріимство среди осетинъ очень распространено: „кто лучше умѣетъ ухаживать за гостями, тотъ бо́льшимъ пользуется почетомъ и уваженіемъ". Лишь только во дворъ въѣзжаетъ или входитъ гость, какъ на встрѣчу ему выходитъ хозяинъ дома, помогаетъ ему слѣзть съ лошади, разсѣдлываетъ лошадь, убираетъ сѣдла, уздечки и т. п., даетъ ей корму и возвращается къ оставленному гостю, беретъ у него все оружіе, за исключеніемъ кинжала, и вводитъ въ домъ. Тамъ отдаетъ распоряженіе о приготовленіи угощеній. Иногда же гость остается во дворѣ до тѣхъ поръ, пока угощенія не приготовлены, и тогда только вводится въ домъ. Послѣ предварительныхъ, „предтрапезныхъ" омовеній усаживаются за трапезу. Здѣсь нужно замѣтить, что, обѣдая, гость напрасно будетъ ждать баранины, если таковая не была у хозяина до его прихода. Хозяинъ для гостя рѣжетъ барашка только тогда, когда гость остается у него ночевать.

Нищихъ нѣтъ, хотя есть очень бѣдные. Бѣднымъ помогаютъ тѣ, которые побогаче, и до нищенства не допустятъ,—„не давать же умирать съ голоду". Точно также и больныхъ, и идіотовъ и т. п. не оставляютъ на произволъ судьбы; они пользуются сочувствіемъ и уходомъ со стороны родныхъ и, вообще, здоровыхъ. Не смотря на то, что осетину стыдно выказывать сочувствіе или расположеніе къ женщинѣ или дѣвушкѣ, онъ всегда поможетъ нести и даже понесетъ саму женщину въ ея домъ, если она дорогой заболѣла и не въ состояніи итти сама. Если же заболѣетъ замужняя сестра, находящаяся въ домѣ мужа, то ея братъ непремѣнно поѣдетъ за нею и привезетъ ее къ себѣ домой, объясняя привозъ сестры къ себѣ изъ дома мужа тѣмъ, что въ „чужомъ" домѣ стыдно болѣть,—она больше будетъ мучиться отъ стыда, нежели отъ боли. О болѣзняхъ подробнѣе скажемъ нѣсколько ниже.

Сострадавіе осетина проявляется и къ животнымъ, главнымъ образомъ (какъ и у всѣхъ туземцевъ-магометанъ) при рѣзаніи ихъ. Такъ, осетинъ, когда рѣжетъ животное, непремѣнно отточитъ возможно острѣе ножъ. Рѣзать тупымъ ножомъ онъ никогда нестанетъ.

Какъ у осетинъ уваженіе пріобрѣтается гостепріимствомъ и почитаніемъ родителей и старшихъ, такъ у ингушей [1]) особымъ

---

[1]) Дальнѣйшее описаніе быта осетинъ я буду вести параллельно съ описаніемъ быта ингушей.

уваженіемъ пользуются „джигиты". Подъ словомъ „джигитъ" они подразумѣваютъ человѣка отважнаго, отчаяннаго, небоящагося ничего.

Особыхъ общественныхъ увеселеній какъ у тѣхъ, такъ и другихъ не существуетъ. Старики въ свободное время собираются на улицахъ ауловъ, сидятъ, разговариваютъ и—только. Молодежь же иногда подъ звуки гармоники пляшетъ. Кромѣ гармоники, играютъ еще „на пáндырѣ"—родъ балалайки, съ тремя натянутыми струнами. Ладовъ на этомъ инструментѣ нѣтъ, а повышеніе звука производится такимъ же образомъ, какъ и на скрипкѣ. Играютъ на немъ пальцами правой руки, ударяя по струнамъ, а не перебирая ихъ, какъ на гитарѣ. Мотивы и звуки этого инструмента на непривычное ухо не производятъ пріятнаго впечатлѣнія. Ухо, привычное къ звукамъ этого инструмента, находитъ въ нихъ что-то особое, задушевное. Если къ тому же знать идею мотива, то отъ нѣкоторыхъ мотивовъ невольно пробѣгаетъ по тѣлу слушателей трепетъ. Мнѣ лично приходилось слышать такихъ пандыристовъ, которые артистически выполняли на этомъ несложномъ инструментѣ довольно трудные русскіе мотивы. Такъ, на одной чеченской свадьбѣ въ Новоюртовскомъ аулѣ, Грозненскаго округа, Терской области, въ честь моего прихода былъ приглашенъ пандыристъ. Сначала онъ сыгралъ нѣсколько туземныхъ мотивовъ на незнакомомъ еще мнѣ тогда инструментѣ. Особеннаго впечатлѣнія музыка на меня не произвела, хотя окружающіе меня туземцы были полны восхищенія и, казалось, ждали, когда я за одно съ ними стану восхищаться. Но, не смотря на всѣ старанія окружающихъ расположить меня въ пользу музыканта и его адамовскаго инструмента, поясненіями мотива, я остался непоколебимъ. Слѣпой музыкантъ, какъ видно, понялъ, что сила его симфоническаго таланта не произвела на меня благопріятнаго для него впечатлѣнія, и рѣшилъ привлечь мои симпатіи исполненіемъ „камаринской" и какого-то марша. Старанія пандыриста увѣнчались успѣхомъ. Я былъ пораженъ исполненіемъ. Правда, „камаринская" носила на себѣ отпечатки туземной удали, но все-таки исполненіе ея было очень порядочное. Чтобы убѣдиться въ развитіи музыкальнаго слуха, я спросилъ музыканта, можетъ ли онъ сыграть мотивъ, который я буду насвистывать. Просвиставъ раза 2-3 мотивъ марша добровольцевъ—„Шуми Марица", я услышалъ, какъ послѣ нѣсколькихъ

ударовъ по пандыру слѣпецъ довольно вѣрно передалъ мотивъ марша.

У осетинъ пандыръ не пользуется такимъ уваженіемъ, какъ у ингушей, — ему предпочитается гармоника, на которой играютъ преимущественно дѣвушки, хотя и парни-осетины не откажутся при случаѣ играть даже на свадьбахъ. У ингушей кромѣ помянутыхъ инструментовъ въ употребленіи еще и скрипка. Особыхъ азартныхъ, и даже не азартныхъ игръ никакихъ нѣтъ. Въ послѣднее время, благодаря развитію городовъ (напр. Владикавказа), въ аулы начинаютъ проникать карточныя игры, но пока еще не привились къ аульному населенію. Если же и играютъ въ карты, то пока только молодежь, скрываясь отъ старшихъ.

Пѣніе и танцы развиты. Среди осетинъ и ингушей попадаются такіе танцоры въ лезгинкѣ, что не уступятъ въ трудности выдѣлыванія различныхъ „па" лезгинки нашимъ искусникамъ исполненія „камаринскаго". Танцы осетинъ отличаются нѣсколько отъ лезгинки ингушей. Главное отличіе въ танцахъ осетина состоитъ въ томъ, что осетинъ иногда во время танцевъ беретъ дѣвушку за руку и танцуетъ съ нею вмѣстѣ, чего обычай ингушей ни въ коемъ случаѣ не допускаетъ. Еслибы ингушъ во время танцевъ взялъ дѣвушку за руку, то эта вольность считалась бы оскорбленіемъ, и виновникъ ея поплатился бы. Кромѣ того, въ танцахъ ингуша, чеченца видна удаль кавалера; въ танцахъ же осетина — скромность, плавность. Во время плясокъ на инструментахъ играютъ у осетинъ какъ парни, такъ и дѣвушки. Ингушъ же не станетъ играть, когда присутствуютъ на танцахъ дѣвушки. Тогда игра всецѣло лежитъ на обязанности дѣвушекъ.

Среди ингушей особенно сильно распространено воровство, такъ что изъ туземцевъ Сѣв. Кавказа ингуши пользуются репутаціей первыхъ воровъ. Въ противоположность имъ можно привести горцевъ и кабардинцевъ, среди которыхъ воровство наимѣніе развито.

2. Болѣзни, лѣченіе ихъ.

Изъ болѣзней распространены слѣдующія: на первомъ планѣ кавказская лихорадка—„харш"; дизентерія—„губэннис", „чекоч" [1]);

---

[1]) Слѣдующія за наименованіемъ болѣзни не русскія слова означаютъ названіе той же болѣзни—первое осетинское, второе слово—ингушское.

корь—„дзуар", „кигиш". Далѣе слѣдуютъ: ревматизмъ—„стэгнис", „анш"; чахотка—„хофак", „кайкгор"; кашель—„кофак", „яухурыш;" сифилисъ—„эрси", „уг"; трипперъ—„капай," „уг" шанкеръ—„гебер". Относительно лихорадки могу сказать, что видовъ ея очень много; симптомы различныхъ видовъ лихорадки различны. Для характеристики одного вида (сильнѣйшей) мѣстной надтеречной лихорадки, опишу тотъ видъ, которымъ я заболѣлъ вскорѣ по пріѣздѣ на Кавказъ. Въ іюнѣ 1889 г. я пріѣхалъ во Владикавказъ и былъ командированъ въ станицу Шелкозаводскую, Кизлярскаго отдѣла, для производства межевыхъ работъ. Въ сентябрѣ я заболѣлъ лихорадкой, которая съ самаго начала давала себя чувствовать слишкомъ сильно. Такъ, при пароксизмахъ, вначалѣ настолько сильный ознобъ, что я вынужденъ бывалъ всякій разъ ложиться въ постель и принимать всѣ мѣры, чтобы хотя нѣсколько уменьшить силу озноба. Ознобъ продолжался обыкновенно болѣе получаса (хотя дрожь прекращалась черезъ четверть часа); затѣмъ температура сильно повышалась и появлялся бредъ. Бредъ не сопровождался потерею сознанія—я отдавалъ приказанія по службѣ, отвѣчалъ на вопросы и всегда сознательно. При повышеніи температуры — сильная испарина. Хина (Chinin muriaticum) вызываетъ повышеніе температуры и испарину. Пароксизмы возобновлялись неправильно—черезъ 1—2 дня и болѣе. Особенное развитіе и силу она пріобрѣла зимою, когда я былъ уже во Владикавказѣ. Вначалѣ хина нѣсколько помогала, — пароксизмы не возобновлялись иногда по цѣлымъ недѣлямъ, но затѣмъ пріемъ хины вызывалъ рвоту (хину принималъ въ облаткахъ). Зимою пароксизмамъ предшествовали сильныя ревматическія боли въ ногахъ. Пріемъ антипирина не облегчалъ ни ревматическихъ болей ногъ, ни ослаблялъ дальнѣйшихъ пароксизмовъ. Иногда приступамъ пароксизма предшествовала рвота,—въ одинъ день меня однажды тошнило болѣе 20 разъ, что окончательно изнурило мой организмъ. Такимъ образомъ, лихорадка продолжалась съ небольшими перерывами до іюня 1890 г. Съ іюня послѣдовалъ перерывъ до іюня 1891 г., чему, кажется, способствовало правильное, регулярное лѣченіе пріемами новорекомендованнаго настоя подсолнечника на водкѣ. Утвердительно сказать, что перерывъ зависитъ отъ лѣченія тинктурой подсолнечника, не могу, такъ какъ одновременно принималъ и хининъ въ растворѣ на водкѣ. Въ ію-

нѣ 1891 г. пароксизмы лихорадки возобновились, но пріемы мышьяка по рецепту доктора окончательно избавили меня отъ нея. Послѣднее медицинское освидѣтельствованіе показало, что почти двухлѣтняя болѣзнь лихорадкой не отразилась нисколько на организмѣ. Насколько изнурителенъ этотъ видъ лихорадки, могу сказать только то, что, будучи въ Россіи, я обладалъ „желѣзнымъ организмомъ“ и могъ свободно нести тяжести въ 8 пудовъ. Во время же болѣзни лихорадкой я съ трудомъ могъ нести только 4 пуда. Кромѣ того, пароксизмъ въ 3—5 минутъ положительно сваливалъ меня съ ногъ.

Дизентеріи (кровавому поносу) мѣстные жители станицъ и ауловъ особенно подвержены въ жаркіе дни сухого лѣта. Признаки этой болѣзни: головная боль, кровавый поносъ, боль въ животѣ и конечностяхъ. Предполагаю, что дизентеріи могли бы избѣгнуть многіе, если бы въ періодѣ заболѣваній дизентеріей мѣстные жители употребляли въ питье прокипяченую воду или же хотя бы не стоячую. Главною причиною заболѣваній должно считать употребленіе въ питье воды изъ оросительныхъ каналовъ, вода которыхъ отъ сильной и продолжительной жары загниваетъ. Къ сожалѣнію, я не имѣлъ возможности изслѣдовать воду такихъ каналовъ въ періодѣ заболѣваній. Изслѣдованіе такой воды, вѣроятно, подтвердило бы мое предположеніе. Тѣмъ болѣе, что я, находясь на полевыхъ работахъ въ 1890 г. въ станицѣ Новогладковской, ни разу не заболѣлъ поносомъ. Находившіеся при мнѣ рабочіе люди также ни разу не заболѣли, такъ какъ исполняли мой совѣтъ—не пить не кипяченой воды. Между тѣмъ какъ большая половина жителей помянутой станицы переболѣла. Не только люди, но и животныя въ извѣстный періодъ подвержены поносу (хотя и не кровавому). Послѣдствіями кроваваго поноса нерѣдко бывали смертельные случаи. Осетины и ингуши считаютъ эту болѣзнь заразительной.

Съ пользою практиковались мѣстными жителями мои совѣты: внутрь слабительное, затѣмъ потогонное (чай съ сухой малиной, чай со спиртомъ и т. п.), растираніе всего тѣла, а особенно живота и конечностей сукномъ, обмоченнымъ въ горячую смѣсь изъ 1 части спирта и 2-хъ частей уксуса. Затѣмъ ношеніе въ теченіе недѣли суконнаго набрюшника.

Третій бичъ мѣстнаго населенія—корь, отъ которой опять-та-

ки лѣтомъ и осенью молодое поколѣніе вымираетъ весьма ощутительно. Въ теченіе 1 — 2 мѣсяцевъ свирѣпствованія кори въ аулѣ съ 700 жителей умираетъ по 10 человѣкъ дѣтей и больше въ день. (Понятно, не каждый день такое количество). Осетины и ингуши заражаютъ своихъ дѣтей корью, мотивируя умышленное зараженіе тѣмъ, что дитя рано или поздно должно заболѣть корью; но разъ оно переболѣло корью, то въ будущемъ гарантировано отъ новаго заболѣванія той же болѣзнію.

Вотъ главныя и свойственныя всему кавказскому станичному и аульному населенію болѣзни [1]).

Далѣе слѣдуетъ ревматизмъ, чахотка, сумасшествіе (іехгар— по-ингушски) и, наконецъ, венерическія болѣзни; послѣднія стали появляться среди осетинъ и ингушей только въ послѣднее время съ развитіемъ городовъ. Пока еще примѣровъ заболѣванія венерическими болѣзнями немного, благодаря укоренившейся цѣломудренности туземцевъ. Шанкеръ считается заразительною болѣзнью.

Струпья (парша на головѣ)—„чегер", „чегерки"—„хуже всякой болѣзни"; считается заразительной.

Сапъ—„маха", „мэржыйгол"—заразительно.

Насморкъ—„эхснерзек", „мэржыкгэй"—у осетинъ считается заразительнымъ.

Холера иногда появляется и, какъ кажется, преимущественно изъ Персіи. Изрѣдка появляются какія-то особыя болѣзни, извѣстныя подъ именемъ „турецкой" (?).

Лѣченіемъ болѣзней занимаются особые знатоки, но и къ тѣмъ прибѣгаютъ рѣдко. Зато и платятъ такимъ знатокамъ за лѣченіе очень хорошо. Плата за лѣченіе производится по-штучно, т. е. за излѣченіе извѣстной болѣзни платится 10—15 руб., а иногда и 30, смотря по болѣзни.

Но въ чемъ, дѣйствительно, осетины и другіе туземцы истые мастера своего дѣла—это по части хирургіи и различныхъ операцій. Всякія раны, переломы костей и т. п. поврежденія организмовъ излѣчиваются ими не менѣе блестяще, чѣмъ опытными

---

[1]) Имѣю въ виду равнинное населеніе, а не населеніе горъ, гдѣ лихорадки почти совершенно нѣтъ; поносъ и корь, если и появляются, то въ самыхъ незначительныхъ размѣрахъ, такъ что за поголовную болѣзнь ихъ нельзя считать, а только какъ исключеніе.

хирургами; даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ ихъ искусство превосходитъ знаніе спеціалистовъ-хирурговъ. По крайней мѣрѣ, по словамъ туземцевъ, бывали неоднократно такіе случаи, когда доктора не ручались за жизнь больного, знатоки-же туземцы съ успѣхомъ производили первобытнымъ способомъ извѣстныя операціи и достигали благопріятнаго результата.

Съ неменьшимъ искусствомъ осетинами практикуется холощеніе животныхъ. Холощеніемъ занимаются всѣ, кто умѣетъ, но и здѣсь свои особые „мастера" этого искусства. Холостятъ лошадей, быковъ, буйволовъ, козловъ и барановъ. Холощеніе производится двоякимъ образомъ: 1) чрезъ удаленіе яичекъ и 2) чрезъ атрофированіе—„отбиваніе". При первомъ способѣ, послѣ операціи въ рану наливаютъ крѣпкій растворъ поваренной соли и пускаютъ животное на волю, предоставляя ранѣ залѣчиваться самой. Только, если холощеніе производилось жаркою весною, то еще разъ или два чрезъ нѣкоторые промежутки времени рану заливаютъ вновь крѣпкимъ растворомъ той-же поваренной соли. Холощеніе вторымъ способомъ производится слѣдующимъ образомъ: берутъ небольшую палочку, на ней дѣлаютъ петлю, привязавъ къ палочкѣ концы веревки такъ, чтобы вертя палочку, вокругъ ея оси, веревочная петля навертывалась на нее и тѣмъ уменьшался-бы размѣръ петли. Начальный размѣръ петли таковъ, что въ нее свободно проходитъ мѣшочекъ („мошна") съ яичками. Вдѣвъ мѣшочекъ съ яичками въ петлю, вертятъ палочку вокругъ ея оси, отчего петлею прижимаются артеріи яичекъ къ палочкѣ. Когда артеріи уже достаточно прижаты къ палочкѣ, то по нимъ ударяютъ нѣсколько разъ слегка другой палочкой, слѣдствіемъ чего дѣятельность железокъ атрофируется, и животное становится неспособнымъ къ половой дѣятельности. Послѣ холощенія вторымъ способомъ животное дня 2—3 не въ силахъ бываетъ ходить, но затѣмъ постепенно оправляется; яички-же засыхаютъ. Вторымъ способомъ холостятъ быковъ, барановъ и козловъ; лошадей-же холостятъ исключительно первымъ способомъ. Предъ холощеніемъ жирную лошадь надлежитъ, какъ говорятъ, „сбить съ тѣла", не то холощеніе слишкомъ тяжело переносится лошадью. Холостятъ обыкновенно на 4-мъ году. Если-же холостятъ раньше 4-го года, то примѣняется первый способъ холощенія ко всѣмъ животнымъ; такъ какъ при холощеніи „отби-

ваніемъ"въ раннемъ возрастѣ ростъ животнаго ненормаленъ. Употребленіе и примѣненіе соли въ обыденной жизни, вообще, всѣхъ туземцевъ очень обширно. Такъ, соль употребляется: какъ прибавленіе въ пищу туземца; какъ лѣкарство въ различныхъ случаяхъ пораненій; какъ средство, очищающее, стягивающее и предохраняющее отъ гніенія. При выдѣлкѣ кожъ соль занимаетъ первое мѣсто,—прежде чѣмъ мять кожу, подлежащую выдѣлкѣ, ее мочатъ въ водномъ соляномъ растворѣ нѣсколько дней; въ данномъ случаѣ она является уплотняющимъ кожу средствомъ. Соль дается скоту для того, чтобы онъ „поправлялся въ тѣлѣ"; при чемъ замѣчено, что кожи барановъ тѣхъ хозяевъ, которые даютъ скотинѣ вдоволь соли, легче снимаются съ мертваго барана.

Перечислить всѣ виды примѣненія соли въ быту туземца не представляется возможности. Можно сказать, что соль въ быту осетина и, вообще, туземца является однимъ изъ самыхъ необходимѣйшихъ продуктовъ потребленія.

3. Кровная месть среди осетинъ и ингушей.

Сопоставляя такія черты осетина, какъ склонность къ ссорамъ, храбрость, раздражительность, съ таковыми-же чертами ингушей (Владикавказскаго округа), можно сказать, что всѣ названныя черты характера развиты у осетина въ меньшей степени, нежели у ингуша.

Несмотря на это, у осетинъ, какъ и у ингушей, главный видъ мстительности—кровная месть, изслѣдованіе которой должно быть несомнѣнно исходной точкою при изученіи быта туземцевъ Сѣв. Кавказа. Правда, кровная месть среди осетинъ не такъ распространена, какъ среди ингушей. Этому много способствуютъ основныя черты характера осетина, уступающія въ степени тѣмъ же чертамъ характера ингушей. Въ пользу высказаннаго мнѣнія говоритъ за себя количество преступленій и кровниковъ у тѣхъ и у другихъ. У ингушей, въ аулѣ, нѣтъ той недѣли (и даже дня), чтобы не было, хотя одного, убійства изъ-за кровной мести. У осетинъ-же примѣры убійствъ изъ-за кровной мести гораздо рѣже. Наконецъ, и взглядъ самихъ осетинъ на кровную месть и, вообще, на убійства нѣсколько гуманнѣе.

Оскорбленный осетинъ, прежде чѣмъ убить оскорбителя, старается вызвать его на ссору и затѣмъ уже въ дракѣ убиваетъ.

Незначительное оскорбленіе среди осетинъ хотя и вызываетъ ссору, но ссоры часто кончаются примиреніемъ.

Ингушъ же, хотя-бы и незначительно оскорбленный (напр., названный „с.....мъ сыномъ“), тутъ-же пыряетъ своего оскорбителя кинжаломъ, или же обязательно мститъ оскорбителю какимъ-либо другимъ путемъ, напр., кражей лошади, поджогомъ и т. п. Кража, поджогъ не считаются кровной местью [1]), но часто бываютъ причиною ея: пострадавшій убиваетъ виновника несчастія, постигшаго его; родственники виновника являются кровниками убившаго. У осетинъ послѣдній видъ мести за оскорбленіе, т. е. воровство, поджогъ и т. п., практикуется очень рѣдко, въ противоположность ингушамъ, у которыхъ подобная месть считается заурядным явленіемъ. Кромѣ того, взглядъ осетинъ на примиреніе болѣе снисходителенъ. Кровники-осетины, не говоря уже о смягченномъ взглядѣ на примиреніе, легче могутъ примириться, чѣмъ ингуши. „Фидыт“ (плата обиженному кровникомъ при примиреніи) у осетинъ, въ случаѣ несостоятельности кровника, можетъ быть разсроченъ, и уплата можетъ производиться частями. „Хелм“ же—плата, обусловливаемая кровникомъ при примиреніи, у ингушей обязательно уплачивается одновременно. Могутъ же быть несостоятельные кровники и среди ингушей; казалось-бы, что требованіе уплаты хелма, при примиреніи, полностью никогда не дастъ возможности примириться несостоятельному кровнику. Но здѣсь на помощь приходитъ обычай помогать по мѣрѣ возможности. Родственники, знакомые и даже незнакомые помогаютъ желающему примириться по мѣрѣ своихъ силъ—„кто абазъ (20 коп.), кто рубль, кто три, а кто и больше“, не требуя возврата даваемаго, а надѣясь на взаимную помощь въ подобныхъ-же случаяхъ. Подобнаго обычая помогать кровнику обществомъ въ уплатѣ фидыта у осетинъ не существуетъ.

Изъ всего сказаннаго можно вывести слѣдующее: кровная месть среди осетинъ, благодаря нѣкоторому различію во взглядахъ съ ингушами, вѣроятно, въ скоромъ времени уступитъ давленію цивилизаціи. Между тѣмъ какъ взгляды ингушей на кровную месть предполагаютъ еще долгое ея существованіе.

---

[1]) Месть безъ убійства—не есть кровная месть. Кровною местью называется месть тогда, когда мстятъ убійствомъ за убійство.

Чтобы избѣжать голословныхъ обобщеній, я привожу для выясненій кровной мести среди тѣхъ и другихъ нѣсколько фактовъ кровной мести безъ всякаго умышленнаго подбора.

Вотъ прежде всего нѣсколько случаевъ кровной мести среди осетинъ (я разумѣю убійства, имѣвшія послѣдствіемъ кровную месть).

1) Одинъ учитель народной школы выругалъ брата какого-то подрядчика; обиженный идетъ къ брату-подрядчику и жалуется ему на учителя. Подрядчикъ, войдя въ домъ, гдѣ находился учитель, обращается къ нему съ укорами: „ты образованный и уважаемый человѣкъ, а позволилъ себѣ оскорбить младшаго себя. Скажи, съ какой стати?“ Учителю укоры подрядчика пришлись не по нутру, онъ отвѣтилъ: „да, я обругалъ твоего брата; если же ты будешь ко мнѣ приставать съ укорами, то я и тебѣ скажу то же.“ Подрядчикъ ударилъ учителя по лицу. Завязалась драка. Выбѣжали на улицу, и тамъ учитель нанесъ подрядчику кинжаломъ три раны, вслѣдствіе которыхъ подрядчикъ умеръ. Дѣло поступило въ судъ.

2) Одинъ осетинъ проходилъ мимо дома, въ которомъ жили молодые парни, надъ которыми онъ часто подсмѣивался и подтрунивалъ. Завидѣвъ его, старикъ-отецъ парней приказалъ своимъ сыновьямъ нагнать насмѣшника и хорошенько отколотить. Тѣ побѣжали исполнять приказаніе отца. Нагнали его—и завязалась драка. Сколько проходившій ни упрашивалъ оставить его въ покоѣ и не приставать, но просьбы остались безъ послѣдствій,— онъ былъ поваленъ. Въ это время къ сыновьямъ на помощь прибѣжалъ ихъ отецъ. Стоило только старику приблизиться къ дравшимся, какъ побѣжденный, изловчившись, увернулся изъ-подъ лежавшихъ на немъ парней, выхватилъ кинжалъ и вонзилъ его въ животъ старика, со словами: „ихъ что мнѣ бить, а тебѣ я дамъ науку, чтобы ты впередъ не училъ своихъ сыновей драться“. Старикъ скончался. Кромѣ старика, убійца ранилъ еще одного изъ парней. Дѣло разбиралось въ судѣ; преступникъ присужденъ къ 3-хъ-лѣтнему тюремному заключенію. Наложеніе наказанія администраціей не избавляетъ преступника отъ мести кровниковъ.

3) Во время ссоры былъ убитъ осетинъ, у котораго остался несовершеннолѣтній сынъ, который съ момента смерти отца становится кровникомъ убійцы, хотя можетъ пройти еще нѣсколько лѣтъ, прежде чѣмъ онъ въ состояніи будетъ мстить. У убившаго была такая же дочь. Кровная месть была прекращена примиреніемъ. Особый интересъ даннаго примиренія заключается въ томъ, что въ уплату фидыта пошла дочь, т. е. убившій отдалъ свою дочь въ замужество за мальчика убитаго, безъ обычнаго калыма.

Подобный фидытъ называется по осет. „шетэчыск ра́туй"—отдать дочь,—и считается самой высокой платой.

Приведу также нѣсколько примѣровъ мести изъ жизни ингушей.

1) Двое молодыхъ ингушей въ лавочкѣ (въ аулѣ) пили пиво. Одинъ изъ собутыльниковъ обозвалъ другого „с....мъ сыномъ"; тотъ, не долго думая, распоролъ оскорбителю животъ кинжаломъ и убѣжалъ въ другой аулъ, предупредивъ о происшедшемъ своихъ родственниковъ. Тѣ, забравъ всѣхъ малолѣтнихъ ребятишекъ мужескаго [1]) пола, ушли изъ аула. Жена лавочника, въ лавочкѣ котораго ингуши пили пиво, выйдя на улицу и видя, что одинъ изъ ея гостей лежитъ недвижимый возлѣ ихъ плетня, спросила его, чего онъ лежитъ возлѣ плетня, а нейдетъ домой. Тотъ отвѣтилъ: „какъ же я пойду, когда у меня вылѣзли кишки!" Женщина на это сказала, что такъ давно уже слѣдовало, и ушла къ себѣ въ лавочку обратно. Родственники раненаго не замедлили явиться къ несчастному, прибрали его. Узнавъ же о пожеланіяхъ лавочницы, они не остались у нея въ долгу,—въ непродолжительномъ времени она оплакивала смерть своего мужа. [1])

Благодаря тому, что убійца со своими родственниками заблаговременно скрылся изъ своего аула, кровникамъ цѣлый годъ не представлялось удобнаго случая отомстить. Наконецъ, удобный случай представился, благодаря содѣйствію одного ингуша, которому было обѣщано 100 р. за указаніе подходящаго для исполненія мести случая. Пособникъ вечеромъ привелъ кровниковъ къ дому, гдѣ находился въ то время убійца. Кровники (два брата) подкрались къ растворенньмъ дверямъ сакли, и младшій изъ нихъ хотѣлъ уже выстрѣлить въ убійцу, какъ былъ остановленъ старшимъ братомъ, такъ какъ у убійцы на рукахъ была маленькая дѣвочка, понятно, чужая,—родную дѣвочку ингушъ ни за что не возьметъ на руки. Убивая убійцу, кровники рисковали убить и дѣвочку, чѣмъ навлекали на себя (на свой родъ) месть со стороны родныхъ дѣвочки. Въ это время изъ сакли вышла женщина, и кровники должны были скрыться, не приведя въ исполненіе свою месть. Послѣ этого неудавшагося покушенія, кровниковъ старались примирить, что почти и удалось, такъ какъ пострадавшей сторонѣ была уже отдана противной стороной половина хелма. [2]) Наступило время пахоты, а кровники окончательно еще не примирились. Пашни кровниковъ находились неподалеку другъ

---

[1]) Женщины не подвергаются кровной мести ни у ингушей, ни у осетинъ.

[2]) Этотъ фактъ отдачи половины хелма впередъ не представляетъ собою противорѣчія сказанному выше, что хелма ингушей уплачивается сразу. Таковая отдача половины хелма считается какъ задатокъ; при окончательномъ рѣшеніи примириться остальная часть выплачивается вся сразу. Между тѣмъ какъ у осетинъ при окончательномъ примиреніи выясняются условія уплаты фидыта по частямъ и въ извѣстное время.

отъ друга, вслѣдствіе чего братьямъ убившаго приходилось проходить мимо пашни ихъ кровниковъ. Одинъ изъ братьевъ убившаго, будучи больнымъ [1]), для сокращенія пути прохода на свою пашню, прошелъ черезъ пашню кровниковъ. На слѣдующій день ему понадобилось пройти тѣмъ же путемъ. Братьямъ убитаго подобное хожденіе чрезъ ихъ пашню показалось насмѣшкой; они посылаютъ своего двоюроднаго брата убить больного кровника, обѣщавъ въ случаѣ нужды явиться къ нему на помощь. Посланный подкрался къ проходившему сзади и выстрѣломъ изъ берданки уложилъ его на мѣстѣ. Послѣ совершенія преступленія убійца съ сообщниками скрылся. Братья же жертвы, обиженные вдвойнѣ (во-1-хъ, убійство послѣдовало послѣ того, какъ половина хелма была взята, какъ залогъ примиренія, и во-2-хъ, жертвой убійства былъ больной человѣкъ)—подали въ судъ, но до рѣшенія суда были примирены; причемъ послѣдне-пострадавшіе получили задаточный хелм обратно, и кромѣ того имъ еще уплатили хелм уменьшеннаго размѣра [2]), такъ какъ братья послѣдне-убитаго были лишены *больного* брата и обмануты.

Изъ этого факта можно вывести слѣдующее: такія незначительныя причины, какъ брань сквернымъ словомъ и нѣкоторое злорадство въ женщинѣ влекутъ за собою между ингушами убійство (осетины въ такомъ случаѣ ограничились бы ссорой, и только крупная ссора могла бы вывести на убійство); женщинѣ не мстятъ, такъ какъ за злорадство жены поплатился жизнью мужъ; малолѣтнія дѣти мужского пола не гарантированы отъ мести,—кровники, уходя изъ аула, забираютъ мальчиковъ, женщинъ-же и дѣвочекъ спокойно оставляютъ въ аулѣ, больного убивать не принято, такъ какъ ингуши, приводя месть въ исполненіе, стараются убить лучшаго въ родѣ, если не самого убійцу. Осетины смотрятъ нѣсколько иначе,—они стараются убить самого убійцу, а не лучшаго въ родѣ. Не смотря на то, что размѣръ хелма опредѣленъ, среди ингушей практикуется еще хелм уменьшенныхъ размѣровъ, чего нѣтъ у осетинъ. Приведеніе въ исполненіе кровной мести производится тайкомъ, неожиданно, какъ говорятъ „изъ-за угла“, а не то, чтобы выходить на благородный бой съ кровникомъ.

---

[1]) Убивать тяжело больного, ради кровавой мести, не принято, хотя не сильно больного убиваютъ. Все-таки убивать больного „нехорошо“, тѣмъ болѣе, что въ кровной мести кровники выбираютъ жертвой мести лучшаго въ родѣ, если нельзя убить самого виновника.

[2]) Размѣръ хелма у ингушей—300 р. деньгами, 3 осѣдланныя лошади и одна не осѣдланная. У осетинъ размѣръ не опредѣленъ.

2) Двоюродный дядя, заподозрѣвъ своего племянника въ кражѣ у него лошади, порѣшилъ убить его, что и исполнилъ, когда послѣдній возвращался изъ гостей отъ своего родного дяди. Смертельно раненный племянникъ, умирая, сказалъ: „теперь мнѣ уже все равно приходится умирать, но лошади у двоюроднаго дяди я не воровалъ. Убилъ онъ меня напрасно". У убитаго остались въ живыхъ отецъ, мать и малолѣтній братъ. Такимъ образомъ, родственники стали кровниками. Двоюродный дядя неоднократно пытался примириться, но отецъ убитаго не соглашался. Наконецъ, онъ умеръ; двоюродный дядя вновь неоднократно пытался уговорить мать убитаго на примиреніе, но та и до сихъ поръ не согласилась на примиреніе, хотя двоюр. дядя отъ другихъ родственниковъ и добился согласія на примиреніе Мать ждетъ, пока выростетъ ея сынъ и отомститъ за кровь брата.

Изъ этого видно, что и двоюродные братья могутъ быть кровниками, т. е. кровная месть имѣетъ мѣсто и въ одномъ и томъже родѣ.

3) Во время ссоры одинъ ингушъ выругалъ другого „по матушкѣ"; тотъ, обнаживъ кинжалъ, бросился на него съ намѣреніемъ убить, но присутствующіе не допустили. Тогда оскорбленный въ эту-же ночь прокрался къ дому оскорбителя, вошелъ въ саклю и выстрѣломъ изъ берданки прострѣлилъ ему ляжку такъ, что нога у него совершенно высохла, но смерти не причинила. Около года родственники раненнаго искали случая отомстить кровнику, но тотъ такъ старательно избѣгалъ встрѣчъ и западней, что только въ концѣ года счастье улыбнулось кровникамъ. Кровникъ, выходя изъ гостей отъ одного знакомаго, былъ подкарауленъ племянникомъ раненнаго. Послѣдній (былъ верхомъ) выстрѣлилъ въ кровника и, видя, что этотъ упалъ, ускакалъ. Выстрѣлъ былъ изъ неудачныхъ. Оглушенный выстрѣломь вскочилъ и погнался за убѣгающимъ противникомъ, крича вслѣдъ: если ты джигитъ, то не убѣгай,—ты въ меня не попалъ! Убѣгавшій, подвергаясь опасности быть убитымъ, такъ какъ въ него кровникъ сдѣлалъ три револьверныхъ выстрѣла, возвратился, зарядилъ вновь берданку и ранилъ преслѣдователя смертельно Послѣ этого второго убійства послѣдовало примиреніе; при чемъ хелм былъ выплаченъ взаимно обѣими сторонами, съ тою только разницею, что родственники убившаго выплатили родственникамъ убитаго большій хелм, а обратно получили хелмъ меньшихъ размѣровъ, такъ какъ у нихъ раненный остался вѣдь въ живыхъ, хотя и неспособенъ къ работѣ.

Здѣсь мы видимъ опять присутствіе хелма меньшихъ размѣровъ, съ тою только разницею, что въ 1-мъ фактѣ онъ выплачивается за обманъ, а здѣсь за рану.

4) Приведу, наконецъ, исключительный фактъ кровной мести женщины-ингушки.

Во время ссоры былъ убитъ ингушъ, у котораго осталась вдовою молодая жена. Однажды жена убитаго, проѣзжая одна въ арбѣ, увидѣла ѣхавшаго навстрѣчу спящаго кровника. Долго не думая, молодая женщина выскочила изъ арбы, остановила быковъ кровника, выхватила „дрючокъ“ (колъ) и убила имъ спящаго кровника [1].

Для полноты выясненія вопроса о кровной мести приведу еще два факта изъ жизни дигорцовъ (тоже осетины), тѣмъ болѣе, что факты эти не лишены особенной драматической подкладки.

1) Кому мстить – нанявшему убійцу, или нанятому?

Въ станицѣ Ч. Терской области еще и по настоящее время живетъ богатый купецъ, ведущій довольно обширную торговлю различными товарами. По происхожденію онъ осетинъ православнаго вѣроисповѣданія. У этого купца была свояченица, которую онъ не особенно давно выдалъ замужъ за своего комиссіонера, человѣка бѣднаго, находившагося у него въ услуженіи. Побудительною причиною заключенія подобнаго неравнаго брака со стороны купца являлось непреодолимое желаніе обладать прелестями свояченицы-осетинки, что при строгости туземныхъ обычаевъ немыслимо, такъ какъ съ человѣкомъ женатымъ ни одна дѣвушка, безъ закономъ установленныхъ обрядовъ, жить не станетъ; въ противномъ случаѣ жизнь для обоихъ являлась бы безконечной пыткой и источникомъ постоянныхъ терзаній. Про лицъ, находящихся (если бы подобныя связи практиковались) въ незаконной связи, мѣстными піитами сочиняются стишки скабрезнаго содержанія и распѣваются вездѣ, гдѣ только могутъ быть распѣваемы. Кромѣ того, какъ дѣвушка, такъ и мужчина ничѣмъ не гарантированы отъ самыхъ злыхъ и ѣдкихъ оскорбленій при всякомъ удобномъ случаѣ и отъ всякого встрѣчнаго. Зная взглядъ осетинъ на незаконную связь, купецъ, вѣроятно, съ согласія свояченицы, выдаетъ ее замужъ за своего комиссіонера, чтобы имѣть безпрепятственный къ ней доступъ въ качествѣ родича и покровителя. Первоначальная и самая важная преграда уничтожена, дальнѣшее понятно—комиссіонеръ часто посылается въ дальнія командировки, купецъ посѣщаетъ остающуюся жену... Цѣль достигнута, но этимъ купецъ не довольствуется,—ему необходимо полное и нераздѣльное обладаніе любимой женщиной. Съ этой цѣлью онъ нанимаетъ нѣсколько человѣкъ кабардинцевъ (?), которые, получивъ извѣстное вознагражденіе, убиваютъ комиссіонера, возвращавшагося изъ командировки. Проходитъ срокъ, въ теченіе котораго комиссіонеръ долженъ былъ возвратиться изъ командировки, а его нѣтъ. Въ обществѣ начали подозрѣвать, не случилось

---

1) Насколько вѣренъ фактъ не знаю, но довольно того, что онъ мною записанъ со словъ ингуша Назрановскаго селенія Исы Таудотова, разсказанный послѣднимъ по поводу факта мести дѣвушки-осетинки (см. ниже.)

ли съ нимъ какого либо несчастья. Дальнѣйшее отсутствіе комиссіонера подтвердило тревожные слухи о немъ и возбудило подозрѣніе въ отсутствіи комиссіонера и не причастенъ ли самъ купецъ. Подозрѣніе въ соучастіи купца не было лишено нѣкотораго основанія, такъ какъ многіе если не знали, то догадывались о его незаконной связи. Отправляются на поиски. На 19-ый день, послѣ совершенія преступленія, находятъ изгнившій трупъ убитаго въ лѣсу, покрытый листьями и сучьями. Обломки арбы и остатки сгнившаго трупа лошади найдены въ р. Терекѣ. Судебное слѣдствіе не раскрыло виновниковъ преступленія, но общественники знаютъ и молчатъ. Родные же убитаго ждутъ благопріятнаго случая отомстить купцу или его родственникамъ, но не кабардинцамъ, непосредственно совершившимъ преступленіе, хотя ихъ и знаютъ. На нихъ смотрятъ съ крайнимъ презрѣніемъ, но не какъ на кровниковъ. Хотя при удобномъ случаѣ не сдобровать и кабардинцамъ, но все-таки месть не обязательна, и они не считаются кровниками; между тѣмъ, какъ отомстить купцу—долгъ родственниковъ убитаго, по мнѣнію общественниковъ.

2) Что выше для дигорки—любовь, или кровная месть?

Дѣло происходитъ въ Дагестанской области среди дигорцевъ. Въ одномъ родѣ убитъ одинъ изъ его членовъ, слѣдовательно, родъ убившаго является кровникомъ по отношенію къ роду убитаго; но проходитъ слишкомъ сорокъ лѣтъ, а кровь не отомщена. Такъ какъ въ этотъ промежутокъ времени родъ убитаго прекратился за исключеніемъ 3-хъ-лѣтней дѣвочки, переданной ея матерью какой-то старухѣ на воспитаніе, то кровники совершенно успокоились и вскорѣ позабыли о когда-то существовавшихъ кровникахъ. Мать дѣвочки предъ смертью, поручая свою дочь старухѣ, проситъ послѣднюю передать дѣвочкѣ, когда она достигнетъ зрѣлаго возраста, что кровники ея такой то родъ. Воспитательница въ точности выполняетъ завѣщаніе умершей: по достиженіи дѣвочкой 13—14 лѣтъ, она передаетъ ей послѣднюю волю ея матери. Дѣвочка упрашиваетъ старуху отдать ее въ домъ кровниковъ; старушка послѣ нѣкотораго протеста вынуждена неотступною просьбою дѣвочки согласиться. Она отправляется въ домъ кровниковъ дѣвочки и проситъ ихъ принять къ себѣ въ домъ сиротку, оставшуюся на ея попеченіи, которую въ настоящее время она не можетъ воспитывать, вслѣдствіе своей крайней бѣдности. Незнаніе, что дѣвочка происходитъ изъ рода кровниковъ, и зажиточность позволяютъ кровникамъ взять къ себѣ въ домъ дѣвочку. Такимъ образомъ, дѣвочка поселилась въ семьѣ своихъ враговъ и живетъ нѣсколько лѣтъ, выискивая удобный случай для мести. Въ семействѣ принявшихъ было три сына, изъ которыхъ младшій влюбился въ воспитанницу, и она въ свою очередь привязалась всѣми силами души къ своему не-

другу по крови. Съ одной стороны, честь рода и завѣтъ матери, съ другой—пламенная любовь къ юношѣ, полному силы, огня и жизни, заставляютъ дѣвушку переносить адскія нравственныя мученія; но, не смотря на всѣ страданія, дѣвушка въ глубинѣ души таитъ жажду мести. Сынъ проситъ позволенія родителей взять воспитанницу замужъ и получаетъ ихъ согласіе. Вотъ они и обвѣнчаны; но въ первую же ночь, когда по туземнымъ обычаямъ новобрачнымъ позволяется остаться вдвоемъ, она, заранѣе приготовивъ и спрятавъ кинжалъ, не отдавшись любимому человѣку, убиваетъ его. Сама же съ воплями и рыданіями бросается къ роднымъ его, объясняетъ причину преступленія и отдаетъ себя въ ихъ власть. Понятно, что послѣднимъ остается только примириться съ постигшимъ несчастіемъ, такъ какъ мстить некому,—женщинѣ не мстятъ, а наказываютъ ее.

Хотя этотъ фактъ, быть можетъ, и пріукрашенъ фантазіей разсказчика, но, во всякомъ случаѣ, онъ указываетъ на то, какъ высоко стоитъ идея кровной мести среди туземцевъ.

Кровная месть въ жизни туземцевъ Сѣвер. Кавказа, особенно ингушей, представляетъ едва-ли не самое важное и самое главное условіе, при которомъ создался и выработался настоящій ихъ образъ жизни. Кровная месть и фанатизмъ магометанства еще долгое время будутъ служить сильнымъ противовѣсомъ вліянію цивилизаціи, сила которой съ каждой годомъ все болѣе и болѣе увеличивается, а результаты ея на ингушахъ мало замѣтны. Ингушей въ данномъ случаѣ, въ смыслѣ стойкости выработанныхъ вѣками традицій, можно сравнить съ поляками. Ингушъ храбръ, самолюбивъ, гордъ въ высшей степени и фанатиченъ. Всѣ эти качества ингуша не благопріятствуютъ воспринятію внѣшняго давленія.

Гордость и стойкость ингушей послужила осетинскимъ піитамъ темою для пѣсенъ. Такъ, въ одной осетинской пѣснѣ воспѣвается ингушъ, который во время тѣлеснаго наказанія розгами не издалъ ни единаго звука, несмотря на то, что ему „всыпали“ чуть ли не пятьсотъ ударовъ [1]).

Возвращаясь къ вопросу о кровной мести, скажу нѣсколько словъ о примиреніи кровниковъ.

---

[1]) Въ Терской области введено тѣлесное наказаніе для туземцевъ, которому обыкновенно подвергаютъ въ сел. Назрань весною, къ каковому времени сгоняютъ туда всѣхъ преступниковъ, осужденныхъ на наказаніе розгами. Среди осужденныхъ, кромѣ ингушей, бываютъ осетины и др., но никто изъ тузем-

Примиренія кровниковъ-ингушей сопровождаются многими церемоніями. Примиряющаяся сторона посылаетъ къ своему кровнику почетныхъ стариковъ. Тѣ, придя въ домъ кровника, на колѣняхъ умоляютъ кровниковъ и ихъ родственниковъ на примиреніе. Подобное умаливаніе продолжается иногда цѣлые мѣсяцы и годы. Если кровникъ не прочь отъ примиренія, то онъ позволяетъ просителямъ входить въ его домъ и упрашивать его о примиреніи до тѣхъ поръ, пока ему не заблагоразсудится перестать ломаться. Если же онъ не согласенъ на примиреніе, то просителямъ онъ не показывается, хотя бы и былъ дома, или же съ приходомъ просителей онъ уходитъ куда-нибудь. Когда же просителямъ удастся его уломать, и кровникъ согласился на примиреніе, то виновникъ присылаетъ „задаточный калымъ". Принятіе задаточнаго калыма нѣкоторымъ образомъ гарантируетъ примиреніе. Послѣ отсылки задаточнаго калыма просящій примиренія старается чрезъ родственниковъ и знакомыхъ разузнавать, рѣшилъ ли кровникъ окончательно примириться. Иногда выжиданіе окончательнаго рѣшенія длится цѣлые мѣсяцы послѣ принятія задаточнаго калыма. Бываютъ также случаи, что задаточный хелм возвращается обратно. Какъ только узнаютъ, что кровникъ рѣшилъ окончательно примириться, то всѣ родственники примиряющагося, почетные старики и другіе общественники, въ сопровожденіи муллы, отправляются на кладбище, на могилу убитаго и тамъ молятся, выжидая прихода кровниковъ. Въ это время кто-нибудь даетъ знать кровнику, что просители отправились на кладбище и тамъ ждутъ его. Выжиданіе на кладбищѣ пріѣзда кровника длится иногда дня 2—3. Пріѣхавъ на кладбище согласившійся на примиреніе захватываетъ всѣхъ къ себѣ въ домъ и тамъ угощаетъ ихъ. Угощеніе производится насчетъ виновнаго, который захватываетъ съ собою быковъ, барановъ и т. п., а также и остальную часть хелма—двухъ осѣдланныхъ и одну неосѣдланную лошадь.

Кровники, желающіе примиренія, по пріѣздѣ въ домъ простившаго, должны пососать грудь матери убитаго. Съ этого момента

цевъ не переноситъ наказанія съ такимъ стоицизмомъ, какъ ингушъ. Подвергнутый наказанію розгами, онъ засовываетъ въ ротъ что нибудь мягкое (чтобы не сломать зубовъ отъ боли) и не издастъ ни единаго звука во все время экзекуціи. Осетины въ подобныхъ случаяхъ кричатъ, стонутъ и т. п.

кровники становятся присяжными братьями. Отношенія таковыхъ присяжныхъ братьевъ очень возвышенны, должны быть безукоризненно чисты. Послѣдняго обычая (сосанія груди и присяжныхъ братьевъ) нѣтъ у осетинъ; въ остальномъ же обряды примиренія сходны, хотя у осетинъ они выражаются въ болѣе мягкой формѣ.

Высказанный мною выше взглядъ, что изученіе нравовъ и обычаевъ туземцевъ Сѣв. Кавказа тѣсно связано съ тщательнымъ изученіемъ вопроса о кровной мести, полагаю, достаточно оправдывается изложенными фактами: ясно, что только при самомъ изученіи вопроса о кровной мести многія стороны быта ингушей, осетинъ и др. прольется свѣтъ на историческое происхожденіе тѣхъ или другихъ укоренившихся бытовыхъ чертъ.

Однако, несмотря на такое важное значеніе кровной мести у кавказскихъ народностей, еще далеко недостаточно изученъ бытъ этихъ народностей съ означенной точки зрѣнія.

Позволю себѣ предложить небольшую програмку изученія этого вопроса для тѣхъ, кто пожелалъ бы этимъ заняться на мѣстѣ.

1) Что такое кровная месть и въ какихъ случаяхъ она примѣняется?

2) Какъ относятся къ кровникамъ? Кто считается кровникомъ? Уважаютъ ли мстящаго?

3) Не считается ли стыдомъ не отомстить своему кровнику?

4) Какъ долго продолжается срокъ кровной мести?

5) Когда и при какихъ обстоятельствахъ она прекращается?

6) Нѣтъ ли особыхъ внѣшнихъ признаковъ, по которымъ можно было бы узнать кровниковъ?

7) Не существуетъ ли обычая не брить бороду или т. п. до тѣхъ поръ, пока кровь не будетъ отомщена?

8) Кому мстить: активному или пассивному преступнику (нанятому или нанявшему)?

9) Не бываетъ ли случаевъ примѣненія кровной мести, если чье-нибудь животное какимъ-либо путемъ убьетъ кого-нибудь?

10) Примѣняется ли кровная месть, если убійство произошло по нечаянности?

11) Записать факты, въ которыхъ чувство кровной мести сопоставлялось съ другимъ чувствомъ, напр. съ любовью.

12) Не считается ли кровникомъ не только тотъ, кто совершилъ преступленіе, но и тотъ, кто завѣдомо далъ оружіе?

13) Какое участіе принимаютъ женщины въ кровной мести?

14) Одинаковое ли право признается какъ за мужчинами, такъ и за женщинами, или же мстятъ исключительно мужчины?

15) Убиваютъ ли изъ-за кровной мести больныхъ и какъ на это смотрятъ посторонніе?

16) Мстятъ ли малолѣтнимъ?

17) Съ какого возраста признается право кровной мести?

18) Часто ли практикуется примиреніе и какими обрядностями оно сопровождается?

19) Въ какія отношенія становятся примирившіеся кровники?

20) Примиряющаяся сторона обязана ли уплачивать какое-нибудь вознагражденіе пострадавшей? Если обязана, то опредѣлена ли норма уплаты вознагражденія или нѣтъ?

21) Что идетъ въ уплату?

22) Не существуетъ ли исключеній уплаты опредѣленной нормы и какія?

23) Должна ли уплата производиться одновременно при примиреніи, или допускается разсрочка выплаты?

24) Нѣтъ ли какихъ-либо другихъ видовъ уплаты примиряющимся (напр. отдачей своей дочери въ замужество за сына убитаго)?

25) Какъ относятся къ наказаніямъ, налагаемымъ судебными учрежденіями?

26) Часто ли прибѣгаютъ къ посредничеству судебныхъ учрежденій въ наказаніи за преступленія по кровной мести?

27) Прекращается ли кровная месть съ наложеніемъ наказанія судебными властями, или же кровь должна быть отомщена кровью?

28) Живутъ ли кровники въ одномъ аулѣ, или же переселяются въ другой?

29) Какое участіе принимаетъ въ кровной мести общество?

30) Если кровнику представляется, при приведеніи въ исполненіе кровной мести, право выбора, то не избирается ли жертвою болѣе уважаемый и способный?

Исходя изъ этой группы вопросовъ, я въ заключеніе постараюсь сгруппировать отдѣльныя характерныя черты кровной мести, разбросанныя въ отдѣльныхъ фактахъ.

Кровная месть — главный видъ мести у ингушей и осетинъ. Если отнять у ингуша кровную месть, то онъ перестанетъ быть ингушемъ, — настолько кровная месть является существенной и характерной чертой быта и нравовъ ингушей. У осетинъ кровная месть хотя и играетъ не маловажную роль, но далеко не то значеніе имѣетъ она, какое имѣетъ для ингуша.

Кровная месть, какъ говоритъ само названіе,—месть, требующая пролитія крови. Возникаетъ она съ момента убійства кѣмъ-либо кого-либо изъ туземцевъ. Родъ убившаго и родъ убитаго съ момента убійства считаются кровниками. На кровниковъ мстя

щихъ смотрятъ съ особымъ уваженіемъ, если они стараются „возвратить кровь“, и относятся съ пренебреженіемъ и насмѣшками, если они оставятъ кровь не отомщенною. Не „взять назадъ кровь“ —это значитъ заслужить себѣ и своему поколѣнію самыя обидны япрозвища и постоянныя насмѣшки и оскорбленія. Время для „возврата“ крови не опредѣляется,—кровь можетъ быть отомщена черезъ 1 годъ, 5—10 лѣтъ и даже черезъ 40—50 лѣтъ.

Какъ примѣръ продолжительности срока возврата крови приведу слѣдующій разсказъ чеченца (народъ близко родственный ингушамъ).

Въ одномъ аулѣ были кровники. Одинъ изъ нихъ, боясь мести, съ семействомъ перебрался въ Турцію и тамъ жилъ. За это время родился у оставшейся жены убитаго сынъ, выросъ и отправился въ Турцію разыскивать кровника, чтобы отомститъ кровь отца. Придя въ Турцію и разыскавъ домъ кровника, онъ залѣзъ въ конюшню и спрятался въ ясляхъ, поджидая прихода кровника. Кровникъ имѣлъ обыкновеніе ночью ходить въ конюшню смотрѣть лошадей, о чемъ мститель узналъ. Будучи измученъ продолжительнымъ путешествіемъ, мститель не смогъ побороть сна и захрапѣлъ въ ясляхъ. Пришедшій кровникъ, видя спящаго молодого человѣка, догадался о причинѣ его посѣщенія по внѣшнему сходству съ убитымъ имъ его отцомъ. Кровникъ возвратился въ домъ, захватилъ коверъ и „хумоя“ (кувшинъ, употребляемый во время молитвы—намаза), отнесъ ихъ въ конюшню и снова возвратился въ домъ. Проснувшійся мститель, видя свою оплошность и благородство кровника, могшаго убить его во время сна, явился въ домъ кровника и примирился.

Кровная месть, какъ и въ данномъ случаѣ, прекращается примиреніемъ. У ингушей — *только* примиреніемъ, хотя обыкновенно считаютъ кровную месть прекратившейся, когда за убійство будетъ отплочено убійствомъ; иначе говоря, когда съ обѣихъ сторонъ будетъ убито поровну, то кровная месть считается прекратившейся, но все-таки необходимымъ условіемъ прекращенія ея считается примиреніе (безъ уплаты хелма). Примиреніе у ингушей не пользуется особымъ сочувствіемъ. „Стыдно примиряться— надо убить“, говоритъ ингушъ. Осетинъ снисходительнѣе смотритъ на примиреніе.

У заклятыхъ кровниковъ-ингушей практиковался обычай не брить головы, бороды до тѣхъ поръ, пока кровь не отомщена. Теперь, кажется, этого обычая не существуетъ. Кровной мести подлежатъ главнымъ образомъ сами убійцы или ихъ родственни-

ки. Убивать прямыхъ убійцъ, дѣйствовавшихъ по подкупу и т. п., не обязательно. Если же и убиваютъ, то не по кровной мести, а такъ себѣ. Подкупщикъ-же, не принимавшій активной дѣятельности въ убійствѣ, обязательно подвергается кровной мести.

Разсказы о примѣненіи кров. мести къ хозяевамъ животныхъ, убившихъ какимъ-либо образомъ человѣка, лишены всякой правдивой подкладки. Не считается обязательною также месть за убійство по нечаянности, хотя убившимъ и выплачивается хелмъ фидытъ. Если же убійство произведено оружіемъ, даннымъ завѣдомо для этой цѣли, то его хозяинъ подвергается кр. мести наравнѣ съ убійцей. Женщины обыкновенно въ кровной мести (какъ у ингушей, такъ и осетинъ) не принимаютъ участія, хотя и бываютъ исключенія, но рѣдко. Мстятъ обыкновенно мужчины и мужчинамъ; женщинамъ же не мстятъ.

Изъ-за кровной мести убиваютъ иногда больныхъ и малолѣтнихъ (мужского пола), но подобная месть не пользуется уваженіемъ. Съ достиженіемъ 15 лѣтъ мальчикъ уже признается правоспособнымъ въ вопросѣ кровной мести. Примиреніе практикуется въ послѣднее время все чаще и чаще, хотя къ примиряющемуся противнику ингуши относятся съ нѣкоторымъ презрѣніемъ. Примиреніе у ингушей не пользуется уваженіемъ. Осетины болѣе снисходительны.

Общественники относятся къ кровникамъ съ извѣстнымъ уваженіемъ и стараются всегда скрыть слѣды преступленія передъ административными властями. Въ рѣшеніи вопросовъ кровной мести пока еще не особенно часто обращаются къ посредничеству административныхъ властей. Рѣшеніемъ судебныхъ учрежденій и наложеніемъ наказанія кровная месть не прекращается.

Убійца, осужденный судомъ на ссылку за преступленіе, по отбытіи наказанія, подвергается, возвратясь въ родной аулъ, за тоже преступленіе еще и кровной мести. Хотя распространено мнѣніе, что кровники обыкновенно стараются въ отмщеніе крови убивать лучшаго въ родѣ, но это практикуется въ томъ случаѣ, если нельзя убить самого убійцу. Въ большинствѣ же случаевъ убиваютъ непосредственнаго виновника.

Кн. Борисевичъ.

1891.

ПИЩА И ПИТЬЕ КРЕСТЬЯНЪ-МАЛОРОССОВЪ,

съ нѣкоторыми относящимися сюда обычаями, повѣрьями и примѣтами.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ малорусскихъ пословицахъ о нѣкоторыхъ кушаньяхъ ясно высказанъ практическій взглядъ крестьянъ на значеніе пищи для рабочаго человѣка. Напримѣръ: „борщъ та каша—добра паша", иначе: „якъ пойисы, такъ и зробышъ", то-есть, при хорошей пищѣ—хорошая работа. Относительное значевіе пищи для работы еще опредѣленнѣе выражено въ слѣдующей пословицѣ: „крута каша—добра паша, а отъ кулишу и нигъ не поколышу". Это значитъ, что послѣ густой каши чувствуется крѣпость и легко работается, а жидкимъ кулѣшомъ нисколько не подкрѣпишь ослабѣвшихъ силъ.

Въ самомъ дѣлѣ, пища, принимаемая человѣкомъ, отдаетъ ему скрытыя въ питательныхъ веществахъ ея силы и служитъ источникомъ дѣятельности его. Количество принимаемой пищи и свойства ея обусловливаютъ характеръ жизнедѣятельности организма. Обильное или недостаточное питаніе въ извѣстныхъ отношеніяхъ усиливаетъ или ослабляетъ его. Съ этой стороны мы можемъ разсматривать и человѣческій организмъ какъ машину, работа которой находится въ зависимости отъ количества топлива или другихъ сообщаемыхъ ей силъ, напр., въ видѣ воды, воздуха, свѣта, электричества. Но человѣческій организмъ сложнѣе всякой машины, поэтому и родъ силъ, вліяющихъ на его дѣятельность несравненно обширнѣе и разнообразнѣе. Отправленія человѣческаго организма находятся въ зависимости не только отъ внѣшнихъ физическихъ или внутреннихъ физіологическихъ, но и отъ вліяній духовныхъ, психическихъ.

Наука имѣетъ цѣлью установить законы питанія организма и опредѣлить составъ и количество нормальной для него пищи. Если на большую часть вопросовъ о питаніи въ наукѣ имѣются опредѣленные отвѣты, то по вопросамъ относительно количества и качества потребной для человѣка пищи, приходится сказать, намѣчены лишь пути, по которымъ должны производиться изслѣ-

дованія, и даны лишь нѣкоторыя указанія на наименьшія количества бѣлковъ, крахмаловъ и жировъ, необходимыхъ для жизни организма.

Между тѣмъ пища и напитки играютъ важнѣйшую роль въ жизни, не говоря уже объ отдѣльномъ человѣкѣ, но и въ жизни цѣлыхъ государствъ и народовъ.

Голодъ является, какъ всѣмъ извѣстно, сильнѣйшимъ стимуломъ дѣятельности; но дѣятельность, вызываемая имъ, направляется прежде всего на удовлетвореніе самыхъ низменныхъ, такъ сказать, животныхъ инстинктовъ человѣка, работающихъ въ направленіи самосохраненія.

Плохая или въ недостаточномъ количествѣ пища обусловливаетъ ослабленіе организма, а черезъ то дѣлаетъ его болѣе воспріимчивымъ къ разнаго рода заболѣваніямъ и менѣе устойчивымъ въ борьбѣ съ ними.

Замѣчено, что съ увеличеніемъ цѣнъ на хлѣбъ, уменьшается количество браковъ и дѣторожденій, а слѣдовательно уменьшается и приростъ населенія. Нѣсколько неурожайныхъ лѣтъ въ рядъ могутъ вызвать народныя волненія скорѣе, чѣмъ самая зажигательная пропаганда среди народа, обезпеченнаго въ своемъ пропитаніи.

Поэтому вопросы о народномъ продовольствіи, о народной пищѣ захватываютъ самыя живыя стороны практической жизни и не должны быть игнорируемы ни общественными, ни государственными дѣятелями.

Добываніе пищевыхъ веществъ, виды обработки, заготовки и сбереженія ихъ, степень ихъ питательности при разныхъ способахъ приготовленія въ пищу—все это заслуживаетъ самого серьезнаго изслѣдованія.

Въ то время какъ въ практической жизни уже существуютъ опредѣленныя—раціональныя или нѣтъ—рѣшенія этихъ вопросовъ, наука еще далеко не исчерпала ихъ, далеко еще не сказала о нихъ своего авторитетнаго слова. Въ этомъ случаѣ само общество должно итти на встрѣчу наукѣ не только предложеніемъ ей извѣстныхъ запросовъ, но и сообщеніемъ ей того, что уже существуетъ въ жизненной практикѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, почти каждый народъ имѣетъ свою національную кухню, свои національные напитки. А такъ какъ пища и питье вліяютъ и на физическую, и на умственную, и даже на нравственную стороны человѣка, то особенности въ національной кухнѣ, должны были съ теченіемъ времени вызвать и особенности въ характерѣ націи, въ культурѣ ея.

Изъ сказаннаго вытекаетъ, что пища и питье простого народа заслуживаютъ самого тщательнаго изученія, а сообщаемые по этому предмету сырые матеріалы достойны полнаго вниманія.

Насколько намъ извѣстно, у насъ имѣется всего лишь одно полное описаніе малорусской кухни, именно Н. Маркевича въ его сочиненіи „Обычаи, повѣрья, кухня и напитки малороссіянъ", изданномъ въ 1860 году. Затѣмъ мы находимъ нѣсколько указаній на пищу малороссовъ въ трудахъ Чубинскаго, Драгоманова и др., въ этнографическихъ сборникахъ, издаваемыхъ Географическимъ Обществомъ. Но всѣ эти указанія или очень общи, или отличаются отрывочностью и случайностью сообщаемыхъ данныхъ. Между тѣмъ въ предлагаемой статьѣ исчерпана, такъ сказать, вполнѣ народная кухня со включеніемъ въ нее всѣхъ пищевыхъ веществъ, употребляемыхъ малороссіянами, какъ въ обработанномъ, такъ равно и въ сыромъ видѣ. Данныя этой статьи относятся преимущественно къ Харьковской губ. и записаны въ Купянскомъ уѣздѣ со словъ крестьянокъ (Мареы Столяревской, Прасковьи Туръ, Лукерьи Солодкой и другихъ).

Малороссъ—большой лакомка. Онъ любитъ поѣсть сытно и со вкусомъ, умѣетъ и выпить. Ѣстъ и пьетъ онъ много и неспѣша, за исключеніемъ, конечно, страдной поры. Находитъ удовольствіе ѣсть и пить не въ одиночку, а въ кругу родныхъ и пріятелей, въ бесѣдѣ, гдѣ добродушная шутка переплетается съ лукавымъ юморомъ, а вызванное ими среди собесѣдниковъ веселое настроеніе поддерживается круговой чаркой запеканки, а то и просто горилки. „Одынъ хоть зйижъ вола, то все одна хвала".

Увидавъ у сосѣда гостей, малороссъ рѣдко упуститъ такой благопріятный случай побесѣдовать и выпить. Если сосѣдъ самъ не догадается прислать за нимъ, то онъ, не долго думая, беретъ хлѣбъ и отправляется къ нему въ гости безъ приглашенія. Если же случится, что сосѣдъ позоветъ его къ себѣ, не предупредивъ о томъ, что въ хатѣ сидитъ гость, то пришедшій по зову, выпивъ чарку или двѣ, идетъ къ себѣ домой взять хлѣбъ да кстати позвать и жинку свою на бесѣду.

Отъ святого хлѣба не отказываются, его нельзя не принять, и принесшій хлѣбъ становится такимъ образомъ какъ бы полноправнымъ членомъ бесѣды, особливо когда и жинка его является съ полквартою, а то и съ цѣлою четвертью горилки. Вошедши въ хату, привѣтствуютъ сидящихъ за столомъ: „хлѣбъ да соль!"— „Просимъ милости. Сидайте въ рядъ, говорите въ ладъ, щобъ Богъ бувъ радъ". Хозяйка старается не ударить лицомъ въ грязь. Говорятъ: „у доброи господыни ныма николы по обиди". Это значитъ, что хорошая хозяйка найдетъ и послѣ обѣда что-нибудь изъ горячаго для гостей. Захватили ее гости врасплохъ, подастъ сметаны, сала, а то соленыхъ огурцовъ или кислой капусты, пока успѣетъ развести въ печи огонь и сготовить что-либо для угощенія. Бѣдность, нѣтъ ничего—подастъ хлѣба, соли въ солонкѣ и кружку воды. Говорятъ: „выбачайте, чымъ

богаты, тымъ и ради", или: „оце тоби хлибъ и нижъ: беры, рижъ и йижъ". На что обыкновенно отвѣчаютъ: „де хлибъ, силь та вода, тамъ нема голода", или: „хлибъ та вода, то казацька йида", или: „нема нужній, якъ хлибъ святый". При очевидномъ убожествѣ хозяевъ, врожденная деликатность побуждаетъ малоросса сказать въ видѣ шутки бодрящее слово. Здѣсь недостатокъ личной находчивости замѣняется старинными пословицами. Извиняется хозяйка, что хлѣбъ невыпеченный — „хлибъ глевкый—на зубы легкый", говорить гость, утѣшая ее. Подано борщу: „борщъ всему голова", или: „шо до чого, а хлибъ до борщу". Ставится на столъ каша—„борщъ та каша—добра паша", или: „хлибъ та каша, то йида наша".

Иное дѣло въ гостяхъ у зажиточнаго или богатаго мужика; здѣсь нерѣдко можно увидѣть ничѣмъ не прикрытое чванство какъ со стороны хозяевъ, такъ равно и со стороны ихъ гостей.

Хорошая хозяйка узнается прежде всего по умѣнью спечь хлѣбъ, сварить борщъ и кашу, то-есть по умѣнью приготовить основную крестьянскую пищу. Поэтому пришедшія въ гости сосѣдки не упустятъ случая оцѣнить по достоинству предлагаемыя имъ хозяйкой кушанья, начиная съ хлѣба и кончая вареной: „А хлибъ такъ такый, якъ пухъ, якъ духъ, якъ пуховочка", или: „добре я зробыла, шо зъ вечора вчиныла, такъ мій хлибъ удався, шо пидъ шкорынку китъ заховався". „Закалецъ на палецъ, йижъ, Левко, хочъ и глевко". „Борщъ такый, хочъ голову мый", или: „хочъ на собаку вылый, тай та скрутытьця". Понятно, такіе рѣзкіе приговоры произносятся заглазно, а въ глаза только во время ссоры. Большею частью бывшіе на званомъ обѣдѣ выражаются въ родѣ слѣдующаго: „чого вже тамъ ны було, хиба пташачого молока; шо того хлиба святого: кнышы зъ масломъ, пырижки зъ печинкою, зъ картошками, зъ сыромъ. А стравы всякои—и Боже мылостивый! Всего богато, все хороше та смашне: холодци, квасокъ, локшина съ курятиною, печенаго не впойидъ, молошна каша, озваръ,—поштувалы и вареною. Гарна страва була, скильки іи пооставалось: йивъ бы очима, та душа не прыйма".

Между мѣстными малороссами встрѣчаются большіе любители поговорить, пользующіеся среди односельчанъ извѣстностью, а вслѣдствіе того иногда и лишнею чаркой. Такіе мастера умѣютъ во-время и кстати мѣткой пословицей оживить бесѣду, польстить хозяевамъ или, подъ видомъ шутки, высказать горькую истину.

— „Здорови булы и Богу мыли. Добрывечиръ вамъ! чи рады вы намъ?" говоритъ веселый гость, входя въ хату: „якъ рады будете, той горилочки роздобудете, то и спасыби вамъ".

— У насъ двиръ на помости, просымо свата въ гости; или: слыхомъ слыхаты, выдомъ выдаты!—отвѣчаетъ хозяинъ, если входящій рѣдкій гость, а если родственникъ, то „прынесы, Боже,

здалека родыну, то мы и въ будень зробымо выдилю!" Вообще каждый малороссъ на пословицу старается отвѣтить пословицей и на шутку шуткой. Этимъ отчасти объясняется живучесть пословицъ и широкое распространеніе ихъ. Приведемъ изъ нихъ нѣсколько чаще употребляемыхъ:

Когда пьетъ водку хозяинъ въ праздничный день предъ обѣдомъ, то, обращаясь къ женѣ и дѣтямъ, высказываетъ обыкновенно пожеланія: „будьте здоровы! Дай, Боже, щастья, долю, хлиба вволю"; или: „помершимъ душамъ царство небесне, а намъ пошли, Боже, викъ и здоровья, ще пожыты, хлибъ силь вмисти роздилыты. Будь здорова, стара, и вы, диты!"

Когда уже подвыпито, то, посматривая на стаканчикъ водки, приговариваютъ: „чарочка моя кругленька, якъ я тебе люблю, шо ты повненька; такъ якъ котокъ, котыся въ ротокъ". И выпивъ: „не погано пьетця, колы у чарци не зостаетця". Когда хорошо подгуляютъ: „здоровъ, сволоче, колы нихто не хоче", или „гляну на сволокъ, тай выпью чарокъ сорокъ и шобъ не быты пьяной, шобъ пыты—не напытьця и на бикъ не свалытьця", или: „будьте здоровеньки, дай же, Боже, шобъ и на завтра тоже; пыты—гуляты, на пóкути двирей шукаты". Подшучивая надъ бабами: „будьте здоровы, якъ буры коровы, а я буду пыть, якъ мирскій быкъ". Вспоминая отсутствующихъ говорятъ: „колы живъ, нехай ему легенько згадаетця (икнетця), а якъ вмеръ, царство ему небесне". Въ кругу пріятелей: „пошли, Боже въ неба, кого намъ треба", или: „дай, Боже пыть, та не впыватьця, говорыть, та не проговарыватьця", или: „выпыйте до дна, шобъ не було ворогамъ добра", или: „на безголовье тому. хто завыдуе кому". Если кто отказывается отъ подносимой чарки, то просятъ: „та возмить хочъ въ руки", или: „та торконить хочъ въ губу". А когда кто ве выпиваетъ полной рюмки, „пый до дна: на дни добры дни та добра годына".

Гость никогда не пьетъ прежде хозяина, а всегда подносимую ему чарку проситъ выпить самого хозяина, говоря: „у кого въ рукахъ, у того въ устахъ".

Почти на каждое кушанье есть соотвѣтствующая приговорка. „Пословыця говорыця, а хлибъ йисця. На ласый кусокъ, найдеця кутокъ. Паляныци-хлибови сестрыци. Пироги не вороги—усе хлибъ святый. Галушки та лимишка, а хлибу перемишка. Вареныкы доведуть, шо и хлиба не дадуть. Перве мьясо свынына, перва рыба лынына. Хоть не рыбно, абы скусно. Спасыби за рыбу, а за раки нема дяки. Хринъ каже: я добрый зъ мьясомъ; а мьясо каже: я и безъ хрину добре. Де кисиль, тамъ и сивъ; де пыригъ, тамъ и лигъ".

Вставая изъ-за стола, молятся, а затѣмъ благодарятъ хозяевъ большею частью тоже общепринятыми фразами: „Спасыби за хлибъ,

за силь, за кашу и за мылость вашу!" или: „пошлы вамъ, Боже, на симъ свити панство, а на тимъ свити вичне царство"! На что хозяева отвѣчаютъ: „ни за що! Богу дякуйте! спасыби и вамъ за ласку".

Приступая затѣмъ, къ подробному описанію разныхъ видовъ пищи и питья, равно и способовъ ихъ приготовленія, я перечислю кухонный инвентарь болѣе или менѣе зажиточной малороссійской семьи.

1) Деревянныя ночвы для муки, цѣной отъ 70 к. и до 1 р.

2) Двое волосяныхъ ситъ, одно рѣдкое (стоитъ коп. 35). другое густое (коп. 50).

3) Мочальный пидрешитокъ (стоитъ коп. 13).

4) Шкуротяне (кожаное) рѣшето для точенія зерна (ст. к. 25).

5) Совокъ деревянный (ст. 5 коп.) или желѣзный (20—50 к.) для муки.

6) Кившъ (ковшъ) деревянный, служитъ, чтобы давать птицѣ зерно (ст. коп. 5).

7) Двѣ коробки деревянныя (ст. 25—30 к.) или желѣзныя (ст. 30—50 коп.).

8) Деревянная дижа (ст. до 1 р.).

9) Кадушка для воды (ст. до 1 р.).

10) Кадушка для кваса (ст. до 1 р.).

11) Кадушка для творога (ст. 60 к.—1 р.).

12) Кадушка для капусты (ст. $2^1/_2$—3 р.). Такая же для огурцовъ.

13) Для арбузовъ кадушка стоитъ отъ 4—5 р.

14) Бодня—кадушка для сала (ст. 1 р.—1 р. 50 к.).

15) Горшковъ штукъ 15, четырехъ или пяти различныхъ величинъ (ст. 3—20 коп.).

16) Большой поливяный горшокъ для опары (ст. коп. 40).

17) 3—4 покрышки (ст. 2—3 коп.).

18) Мисокъ штуки 4 въ употребленіи и нѣсколько запасныхъ хранящихся на чердакѣ, какъ и вообще вся лишняя посуда. ст. отъ 5 коп.).

19) Макортетъ (макитра) штуки 2—3. причемъ одна запасная (ст. коп. 8).

20) Глечиковъ (кувшиновъ) 10—15—20 (ст. 3—5 коп.).

21) Два луженыхъ чавуна (чугуня) для варива (ст. коп. 50).

22) Два чугуна побольше нелуженыхъ для стирки бѣлья (ст. 50—60 коп.).

23) Непремѣнно двѣ сковороды (ст. 20—35 коп.).

24) Деревянныхъ тарелокъ штуки 4 въ употребленіи и штукъ 6 запасныхъ (ст. 5—6). Раньше были въ ходу раскрашенныя тарелки, такъ тѣ стоили 15 коп. штука. Въ настоящее время

во всякомъ хозяйствѣ найдется нѣсколько экземпляровъ такъ наз. каменныхъ тарелокъ.

25) Деревянныхъ ложекъ штукъ 60 (ст. 10—15 к. десятокъ).

26) Деревянный ополоникъ (ст. коп. 5).

27) Плетеный ополоникъ для варениковъ (ст. 2—3 коп.).

28) Деревянная салотовка (ст. коп. 5), къ ней такой же макогинъ (ст. 10 коп.).

29) Деревянная веселка (ст. коп. 2).

30) Солянка (солонка) деревянная, точеная, ст. к. 3, поливяная тоже стоитъ коп. 3, каменная—к. 20, стекляная же коп. 25.

31) Деревянная лоханка для номоевъ (ст. отъ 40 к. и выше).

32) Большая деревянная ступка для толченія соли, проса и кутьи (ст. р. $1^1/_2$).

33) Деревянная лопата (ст. коп. 20).

34) 2—3 рогача разной величины (к. 25 безъ дер. ручки).

35) Желѣзная кочерга (ст. коп. 22).

36) Желѣзная чаплія (ст. коп. 10).

37) Помело.

38) Весло для бубликовъ (ст. к. 40 и дороже).

39) Двѣ деревянныхъ ключки для бубликовъ: короткая ст. коп. 3, длинная же съ желѣзнымъ крючкомъ ст. коп. 20.

40) Два ножа (ст. 10—20 коп.). Въ настоящее время крестьяне начинаютъ пріобрѣтать и вилки.

41) Деревянное коромысло (ст. коп. 10).

42) Пара деревянныхъ ведеръ (ст. 50—60 к.) или жестяныхъ (ст. 75—1 р. 50 к.)

43) Деревянный корецъ для воды (ст. 5—15 коп.). Въ употребленіи, хотя и рѣдко, мѣдные корцы (ст. 50—1 р.).

44) 5—6 бутылокъ (ст. 5 коп.).

45) Пара рюмокъ (ст. 5—10 коп.).

46) Самоваръ—не рѣдкость, стоимость отъ 7 р.

47) Чайникъ поливяный ст. к. 17, каменный коп. 20.

48) Съ полъ-дюжины каменныхъ чашекъ съ блюдечками (ст. 12—15 коп.).

Средняя стоимость всего кухоннаго инвентаря простирается до 40 рублей.

Кромѣ того, для храненія нѣкоторыхъ продуктовъ имѣются во всякомъ хозяйствѣ мѣшки и лозянки домашняго приготовленія. Такъ, пшено, гречиху, горохъ, фасоль, чечевицу ссыпаютъ въ мѣшки, а также въ незанятые ульи или въ кадушки съ крышкой. Муку сохраняютъ въ мѣшкахъ, лозянкахъ, бочкахъ, кадушкахъ,—короче, у кого что есть на лицо.

Лозянки плетутъ изъ лозы, вымазываютъ внутри глиной и раздѣляютъ деревянной перегородкой для разныхъ сортовъ муки. Такія лозянки вмѣщаютъ мѣшковъ 5—6 или меньше.

Зерно обыкновенно ссыпаютъ въ закрома. Въ сл. Араповкѣ, Куп. уѣз., предъ тѣмъ, какъ зерно ссыпать въ закрома, на дно его кладутъ спорышъ (Polygonum aviculare. L) „шобъ хлибъ бувъ спирный", т. е., чтобы не скоро выбирался изъ закрома.

Просо, гречку для посѣва, а также подсолнечное и конопляное сѣмя въ защиту отъ мышей присыпаютъ сверху золой, при чемъ подсолнечное сѣмя сначала закрываютъ тряпкой, а поверхъ ея засыпаютъ золой.

Слѣдуетъ замѣтить особые пріемы при употребленіи новой посуды.

Покупая новый горшокъ, его постукиваютъ и прислушиваются къ гулу (звуку). Если звукъ глухой, то это горшокъ—борщъ въ немъ не будетъ удаваться. Если же звукъ тонкій, звонкій—горщица,—все сваренное въ немъ будетъ вкусно.

Новый горшокъ сначала выполаскиваютъ, затѣмъ просѣютъ въ него немного ржаной муки, разведутъ водой и обмоютъ какъ внутри, такъ и снаружи, и поставятъ въ вытопленную печь, гдѣ онъ и остается всю вочь. На утро, вынувъ горшокъ изъ печи, его не обмываютъ, а прямо складываютъ въ него борщъ. Вся эта процедура продѣлывается съ тѣмъ, чтобъ горшокъ не такъ скоро разваривался. Практикуется еще другой способъ: новый горшокъ ставятъ на жаръ и, когда онъ сильно разогрѣется, вынимаютъ, вливаютъ горячей воды, всыпаютъ немного ржаной муки, накрываютъ покрышкой и даютъ остыть. Когда горшокъ остылъ, остатокъ воды выливаютъ, его вымываютъ и ставятъ уже въ вытопленную печь сохнуть.

Складывая борщъ въ новый горшокъ, его предварительно перекрестятъ и напишутъ снаружи на днѣ и на бокахъ пять крестовъ. Кресты пишутъ мѣломъ или углемъ.

Покупая новый кувшинъ, его не берутъ за винця (верхній край), а опускаютъ внутрь руку и поднимаютъ, ощупывая есть ли на днѣ пупъ (возвышеніе), такъ какъ наличность этого пупа обѣщаетъ хорошій сборъ сметаны. Если въ кувшинъ натрушено соломы, выдувать ее не слѣдуетъ—сметана будетъ дуться, а нести кувшинъ домой, какъ онъ есть. Съ новыми кувшинами поступаютъ ткимъ же образомъ, какъ и съ новыми горшками, только когда кувшинъ готовъ, высохъ, то еще горячій вымазываютъ внутри и снаружи свяченымъ саломъ—сметана лучше перебирается. Вообще при плохомъ сборѣ сметаны опытныя хозяйки совѣтуютъ вымазывать кувшины свяченымъ саломъ. Есть еще другой способъ выпариванія кувшиновъ: кладутъ въ кувшины свѣжей или сухой череды (bidens tripartitus. L) или же иверней (мелкія щепки), наливаютъ кипяткомъ, накрываютъ и даютъ съ полчаса попариться; послѣ чего кувшины вымываютъ и ставятъ въ печь выжариться. Этимъ же способомъ выпариваютъ и старые кувшины послѣ того, какъ изъ нихъ выберутъ творогъ.

При покупкѣ новой дижи пересчитываютъ трости: дижа, дижъ, дижа, дижъ и т. д. Если на послѣднюю тросточку придется слово дижа—хлѣбъ будетъ удаваться, если же дижъ, то тѣсто со дна будетъ синее, на немъ будетъ синяя полоска въ видѣ шнура—хлѣбъ неудачный. Новую дижу, а также и старую, предъ тѣмъ какъ ставить тѣсто, вымываютъ и обкуриваютъ ладономъ; если же ладона нѣтъ, вливаютъ немного святой воды.

Новый нелуженый чугунъ предварительно вывариваютъ: наливаютъ въ него воды, кладутъ конскаго навоза и ставятъ въ печь сутокъ на трое. Затѣмъ вымываютъ, вторично вывариваютъ, но уже чистой водой. Дѣлается это для уничтоженія запаха желѣза. Остальную новую посуду просто вымываютъ и пишутъ на днѣ углемъ крестъ.

ПИЩА И ПИТЬЕ.

Хлѣбъ, печенія.

Виды печенаго хлѣба, употребляемые малороссами, слѣдующіе: ржаной хлѣбъ (хлибына), паляницы, кныши, перепички, коржи, пироги и гречаники. Паляницы, кныши, перепички и пироги пекутся обыкновенно по праздникамъ и воскресеньямъ.

1. Ржаной хлѣбъ.

Ржаной хлѣбъ приготовляется такъ: у всякой хозяйки хранится въ погребу или вообще въ какомъ-либо прохладномъ мѣстѣ кислое тѣсто, оставляемое каждый разъ при печеніи хлѣба. Наканунѣ печенія берется это кислое тѣсто, выкладывается въ дижу, предварительно перекрестивъ послѣднюю и сказавъ: „Господи благослови"; вливается немного теплой воды, жидко замѣшивается ржаной просѣянной мукой и ставится въ теплое мѣсто всходить. Когда эта закваска подойдетъ, на что требуется часа четыре, въ нее прибавляютъ теплой воды, замѣшиваютъ ржаной мукой, какъ густая сметана, и снова ставятъ на печь киснуть до утра, при этомъ дижу крестятъ и укутываютъ. Утромъ рано затапливается печь; пока дрова разгораются, грѣется вода, квасъ на борщъ, хозяйка принимается мѣсить тѣсто въ дижѣ, подсыпая муки. Мѣситъ она его до тѣхъ поръ, пока перестанетъ прилипать къ рукамъ, а затѣмъ снова укутываетъ дижу и ставитъ въ теплое мѣсто всходить часа на $1^1/_2$—2, пока выгоритъ въ печи. Дрова прогорѣли—приготовляется печь: жаръ выгребаютъ на припечекъ, а печь выметаютъ мокрымъ помеломъ,—впрочемъ для ржанаго хлѣба чаще не выметаютъ. Когда приготовляютъ печь, негодится входить въ хату на „голу пичь", а то „той чоловикъ буде несчастлывый—нихто его не буде любыты, або буде бидно житы". Приготовивъ печь, хозяйка беретъ дижу, ставитъ ее на скамейкѣ, около припечка, беретъ деревянную лопату, кладетъ ее на при-

печекъ такимъ образомъ, что нижній конецъ ручки упирается въ полъ, насыпаетъ на нее немного муки или отрубей, смачиваетъ теплой водой руки, беретъ изъ дижи извѣстное количество тѣста, выкатываетъ его въ рукахъ (выляпуетъ), кладетъ затѣмъ на лопату, выдавливаетъ на первомъ хлѣбѣ краемъ руки крестъ и сажаетъ въ печь. Такъ продолжается далѣе, пока не истощится запасъ тѣста въ дижѣ. Печь затѣмъ закрывается заслонкой. Если печь недостаточно вытоплена и хлѣбъ не гнѣтится (не зарумянивается), употребляютъ слѣдующій пріемъ: принявъ заслонку, въ челюстяхъ раскладываютъ огонь; какъ только солома или хворостъ прогоритъ, печь закрываютъ, оставивъ жаръ на мѣстѣ. Эта процедура называется загничиванье. Черезъ часъ или полтора, хлѣбъ вынимаютъ изъ печи, примачиваютъ его холодной водой, кладутъ на столъ и закрываютъ скатертью, чтобы корка отмякла. Для того же, чтобы корка получила глянецъ, хлѣбъ примачиваютъ водой еще въ печи, лишь загнѣтится. Вынувъ первый хлѣбъ изъ печи, хозяйка надламываетъ его пополамъ, половинки тоже пополамъ, но не ломая нижней корки, и кладетъ на окно остывать, а вмѣстѣ съ тѣмъ чтобы дать возможность покойникамъ попользоваться паромъ изъ хлѣба. Когда хлѣбъ на окнѣ остынетъ, хозяйка беретъ его, отламываетъ куски и раздаетъ семейнымъ, окрайчикъ же даетъ собакѣ, такъ какъ мы ѣдимъ собачью долю: „Якъ ходылы Богъ и святый Петро по зымли, тай зайшлы до одной женщины попросыты хлиба, а вона пекла блины, тай взяла блинъ вытерла имъ лавку и дала. А Петро и каже Богу: „оставыты ихъ бизъ хлиба“. Взявъ отъ коринця колосъ, тай почавъ его чухраты, а собака завыла, а винъ и оставывъ на еи долю краечекъ колоса. Та того и треба даваты собаци первый блинъ, або первый шматокъ хлиба. А раньше того колосья булы до самого низу, и хлиба не косыли, а шыломъ пидкопували, шобъ зерно не сыпалось“.

Есть другой разсказъ на эту тему: пекла женщина коржи, а ребенокъ напачкалъ; она стерла коржемъ лавку и бросила его собакѣ. Господь за этотъ поступокъ шесть лѣтъ не давалъ урожая. Тогда женщина стала просить собаку, чтобы она возвратила часть, нѣкогда ей данную. Собака и выпросила у Бога съѣденную ею часть.

Выходитъ, что мы ѣдимъ собачью долю, почему и должны первый кусокъ давать собакѣ.

Крестъ, сдѣланный на первомъ хлѣбѣ, вырѣзываютъ, высушиваютъ и хранятъ для коровы наслучай недостачи молока. Когда у коровы отъ сглазу станетъ мало молока, слѣдуетъ рано утромъ, до восхода солнца, пойти къ колодцу и набрать въ кувшинъ непочатой воды, перекрестивъ колодезь и сказавъ: Господи, благослови. Какъ наберешь воды, то тотъ человѣкъ, что сглазилъ корову, непремѣнно подойдетъ къ тебѣ. Тогда надо самой посмотрѣть въ

кувшинъ и того человѣка заставить взглянуть; затѣмъ итти домой, воду изъ кувшина вылить въ чашку положить туда упомянутый крестъ и дать коровѣ—молоко прибавится.

Другой способъ: когда у коровы станетъ мало молока, то при печеніи хлѣба отъ перваго, вынутаго изъ печи хлѣба слѣдуетъ отрѣзать окрайчикъ и отнести его ночью къ колодцу, гдѣ и привѣсить на веревкѣ. Итти какъ къ колодцу, такъ и обратно не оглядываясь и постараться, чтобы никто не видѣлъ. Рано утромъ взять этотъ кусокъ, положить въ кувшинъ и поставить на сарай, гдѣ находится корова. И такъ ставить три вечернія зоры, на день же принимать. На третьей утренней зарѣ дать этотъ хлѣбъ коровѣ.

Когда корова отелится въ первый разъ (первистка прокинется), то на молозевѣ замѣшиваютъ изъ ржаной или пшеничной муки коржъ, спекутъ его и сохраняютъ на случай убыли молока, въ каковомъ случаѣ этотъ коржъ прямо или же размоченный въ срѣтенской водѣ, взятой на зарѣ, даютъ съѣсть коровѣ.

Чтобы узнать, прибудетъ ли у коровы молоко, поступаютъ слѣдующимъ образомъ: вливаютъ въ какую либо посуду восемь ложекъ простой воды, а девятую свяченой, накрываютъ иконой Божьей матери и оставляютъ до утра. На ранней зарѣ перемѣриваютъ воду: если воды уменьшится, то діева (удой) у коровы не прибавится, хоть и не лѣчи. Если же окажется лишняя ложка воды, то обходятъ съ этой водой вокругъ коровы три раза и даютъ ей выпить.

Если, при выниманіи изъ печи, хлѣбъ упадаетъ съ лопаты, то говорятъ, что покойники ѣсть хотятъ. Также предвѣщаетъ непріятность.

Если забудутъ въ печи хлѣбъ, кнышъ, пирогъ, вобще что либо хлѣбное, то этотъ „забутный хлѣбъ" прячутъ на случай появленія мышей на току—кладутъ подъ стога, чтобъ мыши забыли.

Когда птица (воробьи) нападетъ на подсолнечники или на конопли, то забутный хлѣбъ толкутъ въ порошекъ и обсыпаютъ имъ данное мѣсто—птицы забудутъ и перестанутъ летать.

Дѣлаютъ иначе: берутъ забутный хлѣбъ, обходятъ съ нимъ три раза вокругъ подсолнечниковъ или конопли и кладутъ его на томъ мѣстѣ, откуда начали обходъ и уходятъ, не оглядываясь.

Если хлѣбъ или пироги спекутся вмѣстѣ, то ихъ разламываютъ надъ головой „захидливыхъ" дѣтей (больныхъ криксами).

Говорятъ, что въ то время, какъ хлѣбъ поспѣваетъ въ полѣ, хлѣбъ въ печкѣ скорѣе выпекается.

При приготовленіи печи для коровая, лепешекъ или калача загорится помело—невѣсту ожидаетъ дурная жизнь.

2. Паляницы.

Паляницы пекутся на дрожжахъ, приготовленіе которыхъ слѣдующее: кладутъ въ горшокъ хмелю, наливаютъ горячей водой и ставятъ вариться. Когда хмѣль увариться, его выливаютъ въ макитру, куда положено съ пригоршню просѣянной пшеничной муки, вымѣшиваютъ укрываютъ и оставляютъ простыть. Когда эта опара остынетъ, въ нее кладутъ (запускаютъ) старыхъ дрожжей, если есть, въ противномъ случаѣ кислаго тѣста, размѣшиваютъ и ставятъ на печь всходить. Какъ дрожжи хорошо взойдутъ, то и готово. Дрожжи можно уваривать во вторникъ, въ среду и въ пятницу, въ остальные же дни недѣли не будутъ выходить удачныя. Если же кто уваритъ дрожжи въ чистый четвергъ, у того будутъ хороши во всѣ дни.

Наканунѣ печенія паляницъ сѣютъ въ ночвы пшеничной муки, сверху на мукѣ дѣлаютъ рукой крестъ. Потомъ приготовляютъ опару: берутъ четыре пригоршни просѣянной муки и именно ту часть ея, гдѣ выдавленъ крестъ, „изъ-подъ креста“ кладутъ въ макитру, завариваютъ кипяткомъ, размѣшиваютъ и даютъ остыть, затѣмъ процѣживаютъ туда сквозь сито стакана два дрожжей, снова вымѣшиваютъ, крестятъ, укутываютъ и ставятъ на печь до утра. На утро подливаютъ въ опару теплой воды, кладутъ соли, густо замѣшиваютъ пшеничной мукой и оставляютъ на печи подходить. Кстати замѣтить, въ пшеничный хлѣбъ всегда кладется соль, въ ржаной лишь немногія хозяйки.

Тѣсто взошло,—выкладываютъ его въ ночвы съ мукой, круто мѣсятъ, пока не перестанетъ приставать къ рукамъ, затѣмъ ставятъ въ теплое мѣсто, не вынимая изъ ночовокъ. Когда печь вытопится берутъ подошедшее тѣсто, разрѣзываютъ его на куски и раскатываютъ булки на столѣ. Сажая въ печь, насыпаютъ на лопату немного муки или же кладутъ капустныя сухіе листья, распаривъ ихъ предварительно въ горячей водѣ. Положивъ булку на лопату, подрѣзываютъ ее кругомъ ножемъ, чтобы лучше поднималась, и сажаютъ въ печь.

Пекутъ еще у насъ яшники (ячменный хлѣбъ), по образцу ржаного хлѣба или же паляницъ, но при этомъ прибавляютъ ржаной или пшеничной муки, такъ какъ изъ одной яшной хлѣбъ выходитъ расплывчатый и невкусный.

3. Кныши.

Приготовляется такое же тѣсто, какъ и на паляницы. Разрѣзавъ тѣсто на куски, скатываютъ ихъ первоначально въ булки, затѣмъ нѣсколько раскатываютъ качалкой, края разрѣзываютъ на карточки, мажутъ сверху постнымъ перепряженымъ съ лукомъ масломъ или же коровьимъ масломъ, сметаной, заворачиваютъ внутрь карточки поочередно одна на другую, придавливая каждую масляной ложечкой, и сажаютъ въ печь.

4. Перепички.

Перепички пекуть ихъ изъ того же тѣста, что и паляницы, только мягче замѣшеннаго. Тѣсто въ данномъ случаѣ разрѣзывають на куски, скатываютъ въ булочки и раскатываютъ каждую въ коржъ, въ палецъ толщины. Затѣмъ закрываютъ ихъ и даютъ полежать на столѣ, пока сажаютъ въ печь. Пекутъ перепички или на капустныхъ листьяхъ, или на сковородѣ, въ послѣднемъ случаѣ перепички тыкаютъ сверху ножемъ, чтобы не дулись.

5 Гречаники.

Насыпаютъ въ макитру пшеничной муки, запариваютъ кипяткомъ, укутываютъ и даютъ постоять часа три, чтобы опара усолодала, затѣмъ запускаютъ дрожжами, крестятъ, снова укутывають и ставятъ на печь. На утро разбавляютъ опару теплой водой, замѣшиваютъ густо гречневой мукой и оставляютъ всходить. Когда печь выгоритъ, макитру съ тѣстомъ ставятъ около печи, берутъ тѣсто ополоникомъ, окунувъ его предварительно въ теплую воду, накладываютъ на капустные листья и сажаютъ въ печь.

6. Коржи.

Сѣютъ въ ночовки пшеничной муки, дѣлаютъ въ ней углубленіе, вливаютъ туда холодной воды, кладутъ соли, яицъ, въ постные же дни яйца замѣняются постнымъ масломъ; мягко замѣшивается, окончательно тѣсто выкатывается на столѣ, разрѣзывается на куски, которые скатываются въ булочки, а эти послѣднія раскатываютъ качалкой въ кружки, въ палецъ толщины, кладутъ на капустные листья и сажаютъ въ печь, проводятъ ножемъ бороздки въ косую клѣтку и тыкаютъ ножемъ, чтобы тѣсто не дулось.

Иногда дѣлаютъ коржи съ свинымъ саломъ, въ такомъ случаѣ замѣшивая тѣсто, въ него прибавляютъ мелко изсѣченнаго сала.

7. Пироги.

Для пироговъ приготовляется такое же тѣсто, какъ и для паляницъ. Начинка скоромныхъ пироговъ: печень и легкое свиньи или бараньи, вышкварки, гарбузъ (тыква), творогъ. Постныя начинки: кислая капуста, картофель, горохъ, фасоль, чечевица, макъ.

Начинка изъ печени. Отвариваются легкое и печень, мелко сѣкутся топоромъ, прибавляется соли, тертаго перца, свиного или гусинаго смальца (сала), сырое яйцо, перемѣшивается все и — готово.

Вышкварки. Посѣкутъ мелко вышкварки, обмѣшаютъ гречневой мукой или вмѣсто муки прибавляютъ отварнаго растертаго картофеля, посолятъ.

Гарбузная начинка. Сѣкутъ сырую тыкву, прибавляютъ круто сваренныхъ яицъ, соли, коровьяго масла и смѣшиваютъ.

Сырная начинка. Наканунѣ отдавливаютъ творогъ, т. е. кладутъ его въ сумочку, а сверху надавливаютъ тяжелымъ камнемъ, чтобы удалить сыворотку. Приготовляя начинку, берутъ отдавленный сыръ, растираютъ его ложкой въ мискѣ, прибавляютъ сырыхъ яицъ, соли и перемѣшиваютъ,

Кислая капуста. Берутъ кислой капусты, выдавливаютъ изъ нея лишній сокъ, кладутъ на сковороду, поливаютъ постнымъ масломъ и поджариваютъ, когда достаточно поджарится, выкладываютъ ее въ чашку, даютъ остыть и—готово.

Начинка изъ гороха, фасоли и чечевицы. Отвариваютъ горохъ, фасоль и чечевицу, растираютъ, кладутъ постнаго масла, соли и перемѣшиваютъ.

Маковая начинка. Обдаютъ кипяткомъ макъ и даютъ нѣсколько времени помокнуть, послѣ чего воду сливаютъ, а макъ растираютъ въ макитрѣ макогономъ до тѣхъ поръ, пока не приметъ видъ сметаны, тогда прибавляютъ или просто соли, или же меду, сахару.

Грибная начинка. Обдаютъ кипяткомъ сушеные масляки и, когда хорошо распарятся, мелко сѣкутъ, перемѣшиваютъ съ рисовой или гречневой кашей. Разъ начинка готова, приступаютъ къ дѣланію пироговъ: разрѣзываютъ тѣсто на небольшіе куски, которые скатываютъ въ булочки, а булочки раскатываютъ качалкой въ коржики, и на эти коржики кладутъ любую начинку и слѣпливаютъ.

Пекутъ пироги обыкновенно на капустныхъ листьяхъ.

Картофельные пироги. Отварятъ картофеля, разомнутъ его, обмѣшаютъ просѣянной пшеничной мукой и надѣлаютъ вареничекъ. Далѣе возьмутъ сухого конолянаго сѣмени, слегка сотрутъ его, просѣютъ и замѣсятъ на водѣ, какъ тѣсто прибавивъ немного муки, а затѣмъ эту начинку накладываютъ на приготовленные коржики и лѣпятъ пироги, оставляя сверху отверстіе.

Квасы.

1. Сыривець.

Для сыровца у каждой хозяйки имѣется особая кадушка. Приготовленіе этого кваса слѣдующее: всыпаютъ въ квасную кадушку ржаной несѣянной муки, нѣкоторые же берутъ однѣ житныя высѣвки (отруби), запарятъ кипяткомъ, размѣшаютъ, перекрестятъ, накроютъ рядномъ или мѣшкомъ и поставятъ на полу, чтобы опара остыла. Тѣмъ временемъ положатъ въ макитру ржаной несѣянной муки, гущи со стараго кваса, вольютъ теплой воды, размѣшаютъ и поставятъ на печи, чтобы „гущечка“ подошла. Иногда гущу не замѣшиваютъ мукой, а прибавляютъ къ ней изъ кадушки опары. Въ этомъ случаѣ квасъ выходитъ лучше. Какъ запарка выстынетъ, а гуща подойдетъ, тогда эту гущу

выливаютъ въ кадушку съ запаркой, размѣшаютъ и оставляютъ грать (играть) около печи зимой и гдѣ угодно лѣтомъ. Играть сыровцу надо сутки.

Собственно для питья сыровецъ дѣлаютъ другимъ способомъ: берутъ непросѣянной ржаной муки, подливаютъ теплой воды и замѣшиваютъ круто, какъ хлѣбъ, а затѣмъ сажаютъ въ печь, гдѣ онъ долженъ посидѣть часа три. Нѣкоторые, когда сажаютъ этотъ хлѣбъ въ печь, дѣлаютъ наверху его углубленіе, вливаютъ туда холодной воды и замазываютъ. Считаютъ, что въ этомъ случаѣ хлѣбъ лучше всолодаетъ и квасъ выйдетъ вкуснѣе.

Сыровецъ не слѣдуетъ дѣлать въ четвергъ, ибо въ четверговомъ квасу чортъ купается. Если же кто уваритъ квасъ въ чистый четвергъ, тому можно уваривать когда придется, тѣмъ не менѣе считаютъ не лишнимъ въ послѣднемъ случаѣ вбросить въ кадушку съ квасомъ крестъ хотя изъ соломинки.

2. Брага.

Замѣшиваютъ хлѣбъ какъ при приготовленіи сыровца только прибавляютъ солода (на мѣру муки фунтовъ 8 солода) и даютъ хорошо выпечься. Гущу приготовляютъ такимъ же образомъ, какъ и въ первомъ случаѣ. Когда хлѣбъ выпечется, а гуща подойдетъ, въ нее вливаютъ холодной воды и кладутъ хлѣбъ, разломавъ его на куски, потомъ размѣшиваютъ и ставятъ на сутки въ теплое мѣсто выграваться.

Далѣе наливаютъ въ кадушку холодной воды, ломаютъ туда хлѣбъ, кладутъ дрожжи—запускаютъ, причемъ берется не одна жижица, а также и хмѣль, и ставятъ на теплое мѣсто выграваться. Чтобы брага была чище, иные, вынувъ хлѣбъ изъ печи и разломавъ на куски, сначала подсушиваютъ ихъ, и затѣмъ ужъ кладутъ въ воду. Черезъ сутки, когда квасъ вполнѣ выиграется, гуща поднимается вверхъ, а чистая брага останется внизу, ее сливаютъ въ бочовки. При приготовленіи этого кваса употребляется кадушка съ чопомъ (втулкой), чтобъ было удобнѣе сливать готовую брагу.

3. Буряковый квасъ.

Чистятъ буряки и складываютъ въ кадушку, положивъ предварительно на дно снопикъ гречихи, а чаще кусочекъ ржаного хлѣба, завязаннаго въ мѣшочекъ. съ цѣлью ускорить процессъ окисленія и отчасти предохранить квасъ отъ дурного запаха, и наливаютъ холодной водой. По желанію кладутъ внизъ головки капусты. Недѣли черезъ двѣ квасъ готовъ, причемъ мѣшочекъ съ хлѣбомъ всплываетъ на поверхность.

Сохраняютъ этотъ квасъ обыкновенно въ погребѣ. Нѣкоторыя хозяйки обмазываютъ бурачную кадушку по щелямъ ржанымъ прѣснымъ тѣстомъ, на дно же кладутъ крестъ изъ того-же тѣста. И это дѣлается опять-таки съ цѣлью скорѣйшаго окисленія,

можетъ быть также и съ цѣлью предохранить квасъ отъ нечистой силы.

4. Фруктовый квасъ.

Въ кадушку или боченокъ насыпаютъ грушъ и кислицъ и наливаютъ холодной водой, а чаще этотъ квасъ дѣлаютъ или изъ однѣхъ грушъ или изъ однихъ яблокъ.

Приготовляютъ еще вѣчто вродѣ кваса подъ названіемъ гниченный теренъ: разсыпаютъ на чердакъ теренъ, чтобъ привялъ, потомъ перемываютъ его, кладутъ въ боченокъ, наливаютъ холодной водой и—только.

Фруктовый квасъ можно приготовлять во всѣ дни недѣли; брагу же не слѣдуетъ дѣлать въ четвергъ и вотъ почему: когда Ной строилъ ковчегъ, жена его все добивалась отъ мужа, что это онъ дѣлаетъ, и все напрасно. На выручку явился чортъ, научивъ ее сдѣлать квасъ съ хмелемъ и притомъ непремѣнно въ четвергъ и напоить мужа, чтобы вывѣдать его тайну. Жена Ноя поступила такъ, какъ внушилъ чортъ, и Ной проговорился.

Бурачный квасъ можно приготовлять во всѣ дни недѣли, но чаще принято дѣлать его въ понедѣльникъ.

Скоромныя кушанья.

1. Борщъ.

Смотря по времени года въ борщъ крошится слѣдующая зелень: крапива, щавель, свекла, забудьки, сурепка, молочай, лобода, капуста свѣжая или кислая. Если берется крапива, то предварительно отваривается; прочая же зелень или выполаскивается кипяткомъ, холодной водой. или обдается кипяткомъ, крошится и складывается въ горшокъ; туда же кладутъ, сначала попаривъ въ кипяткѣ, кусокъ свинины или солонины; посолятъ, если изъ свѣжаго мяса, наливаютъ закипѣвшимъ сыривцемъ лѣтомъ и бурачнымъ квасомъ зимою и ставятъ въ печь. Тѣмъ временемъ хозяйка насыпетъ пшена въ маленькую макортетъ, нальетъ кипяткомъ и дастъ ему размокнуть. Когда борщъ хорошо закипитъ нѣсколько разъ, а пшено размокнетъ, хозяйка сливаетъ воду съ пшена и растираетъ его макогономъ, прибавивъ луку, лѣтомъ кромѣ того петрушки, укропа, зеленаго лука, баклажановъ, и запускаетъ этимъ составомъ борщъ и даетъ ему еще покипѣть. Далѣе кладетъ въ салотовку свиного сала, луку, зелени и растолчетъ „товкачемъ". Когда въ печкѣ загромадится, сало это выкладывается въ борщъ, который затѣмъ заставляется въ печь млѣть до обѣда. Если мяса нѣтъ, борщъ варятъ съ однимъ саломъ. Въ послѣднемъ случаѣ, растирая пшено, въ него кладутъ сырыя яйца. По праздникамъ иногда кладутъ въ борщъ курицу или гусятину.

Перевернуть борщъ въ печи считается дурнымъ предзнамено-

ваніемъ—семью ожидаетъ какое либо несчастье. Если въ горшокъ съ какимъ либо варевомъ вскочитъ уголь, жди гостя ближняго, если же уголь упадетъ около порога, то гость будетъ дальній.

Если горшокъ съ борщомъ или кашей опрокинется, то этотъ день будетъ въ семьѣ ссора, а если впрыгнетъ туда огнина, то явится гость скверный и кляузный (сл. Ново-Николаевка).

2. Товченики.

Если борщъ варится съ курицей, то въ него кладутъ въ большинствѣ случаевъ еще товченики, приготовляемые такъ: намачивается пшено, затѣмъ растирается; прибавляется толченаго сала, луку, зелени, нѣсколько сырыхъ яицъ, размѣшивается и густо замѣшивается пшеничной мукой. Потомъ изъ этого тѣста дѣлаются шарики и кладутся въ борщъ предъ тѣмъ, какъ заставлять его въ печь.

3. Квасокъ.

Наливаютъ въ горшокъ часть воды, часть квасу, присоливаютъ и ставятъ въ печь—пусть варится. Тѣмъ временемъ берутъ свинины или гусятины, если семья маленькая, такъ лишь потрохъ: лапки, крылушки, головку, шейку, пупокъ и печонку; если же большая, такъ всего гуся, покрошатъ маленькими кусочками, положатъ на сковороду, прибавятъ луку и поставятъ жариться. Какъ мясо изжарится, сложатъ его въ горшокъ, нальютъ закипѣвшимъ квасомъ и поставятъ вариться. Когда квасокъ хорошо закипитъ, затолкутъ его саломъ или коровьимъ перепряженымъ (пережареннымъ съ лукомъ) масломъ и заставятъ въ печь до обѣда. Зимой прибавляютъ для запаха лавроваго листа, а лѣтомъ—зелени.

4. Капуста.

„Бере хозяйка горщикъ, кладе туды горсть пшена, змые его кипьяткомъ, положе кислои капусты, налье холодною водою, посоле и ставе у пичь варытыся. Потимъ возьме жменю пшена, змые его горячею водою, зимне зъ лукомъ, а потимъ стовче свиного сала зъ лукомъ и зеленью. Якъ капуста закипитъ, выложе туды сало и пшено и поставе у пичь, шобъ прила до обида“. Капуста дѣлается обыкновенно густая.

5. Юшка (супъ).

Кладется въ горшокъ накрошенный картофель, наливается холодной водой, присаливается и ставится въ печь Когда юшка закипитъ, прибавляется толченое сало съ лукомъ и зеленью и дается еще покипѣть, пока картофель не уварится.

6. Галушки.

Наливается въ горшокъ холодная вода и ставится въ печь. Тѣмъ временемъ хозяйка просѣетъ ржаной, пшеничной или гречневой муки и замѣситъ тѣсто на одной водѣ съ солью. Когда

вода закипитъ, надберетъ ее, посолитъ, положитъ толченаго свиного сала и бросаетъ туда галушки, разрывая тѣсто кусками величиною съ дѣтскій кулакъ, гречаныя же еще крупнѣй, и даетъ закипѣть.

Пшеничныя галушки приготовляютъ еще другимъ способомъ: составляютъ болѣе жидкое тѣсто на однихъ яйцахъ, бьютъ ополоникомъ въ макитрѣ и опускаютъ въ воду съ ложки, какъ клёцки.

Если при бросаніи галушекъ, кусокъ тѣста упадетъ мимо горшка, говорятъ, что на томъ свѣтѣ дядина (жена дяди) ѣсть хочетъ. Эти упавшіе кусочки собираютъ и хранятъ, а въ случаѣ изжоги ихъ ѣдятъ.

Еще въ употребленіи молочныя галушки. Въ этомъ случаѣ галушки бросаются въ закипѣвшее присоленое молоко безъ всякихъ приправъ.

7. Локшина (лапша).

Локшина съ гусятиной считается однимъ изъ лакомыхъ кушаньевъ и притомъ парадныхъ.

Въ горшокъ складываютъ гусиный потрохъ, причемъ пупокъ разрѣзываютъ пополамъ и привязываютъ кишками къ лапкамъ; печень тоже разрѣзываютъ и привязываютъ также кишками къ крылышкамъ; наливаютъ холодной водой, солятъ и ставятъ въ печь. Когда потрохъ немного прокипитъ, столкутъ сала съ лукомъ и зеленью и положатъ въ юшку, куда предъ обѣдомъ кладется локшина. Самая же локшина приготовляется такъ: изъ пшеничной муки, воды и яицъ съ прибавкой соли мѣсится довольно крутое мѣсто, раскатывается затѣмъ на тонкіе коржи, которые потомъ раскладываютъ на сита и выставляютъ лѣтомъ на солнце, чтобы подсохли, зимою же подсушиваютъ на сковородѣ или на ситѣ на припечкѣ, или же эти коржики вѣшаютъ ва жердочкѣ около печи. Подсохшіе коржики иные сворачиваютъ въ трубочку и мелко крошатъ, другіе же разрѣзываютъ коржъ на полоски и крошатъ каждую изъ нихъ отдѣльно.

Приготовленную такимъ образомъ локшину высыпаютъ въ какую-либо посуду, даютъ совершенно высохнуть и сохраняютъ на печкѣ, а по мѣрѣ надобности изъ этого запаса берется нужное количество. Кромѣ гусятины употребляютъ для локшины курицу, а также варятъ лапшу и съ однимъ саломъ.

8. Молочная локшина.

Молочная локшина отличается отъ обыкновенной тѣмъ, что варится на одномъ молокѣ.

9. Затирка.

„Насіе хозяйка въ ночвы мучицы горсть, або дви, прыскае на неи водицею и тре рукою по ночвамъ (приэтомъ мука скатывается въ мелкіе шарики) и тре довго, шобъ гораздъ втерлось, а

то лемишка буде. Якъ вже втре, поставе у пичь воду,—закипить—надбере, положе туды соли, товченаго зъ лукомъ сальца. Закипить ще разъ, тоди кида затирку. Якъ затирка закипить два разы, тоди давайте вечеряты".

10. Молочная затирка.

Тѣсто приготовляется тѣмъ же способомъ, что и для обыкновенной затирки, только вмѣсто воды кипятится молоко присоленое, но безъ всякой приправы.

11. Кулишъ.

„Накрыше хозяйка въ горщикъ картошки, налье водою, посоле и поставе въ пичь—нехай картошки варятся. Картошки закипили—змые пшена, тай положе туды. Якъ и пшено закипить, добаве товченаго сала и поставе ще у пичъ, шобъ кулишъ закипивъ и упривъ трошки".

12. Каша.

Каша дѣлается гречневая, пшенная, яшная (ячменная), тыквенная, кутья пшеничная изъ угорки и кутья яшная.

Каша гречневая, пшенная, яшная и кутья приготовляются по одному способу: насыпетъ хозяйка въ горшокъ крупъ, нальетъ кипяткомъ, посолитъ, вымѣшаетъ и ставитъ въ печь. Пшено предварительно смываютъ раза три горячею водою. Пока печь топится каша на жару варится; когда же вытопится, хозяйка вынимаетъ горшокъ, обмоетъ его водою, вихтемъ (мочалкою), хорошо вымѣшаетъ, накроетъ покрышкою и ставитъ въ печь, чтобы каша умлѣла. Пока каша варится еще на жару, ее вынимаютъ раза два—три и вымѣшиваютъ веселкой. Пшенную кашу дѣлаютъ еще съ толченымъ свинымъ саломъ и зеленью, которыя кладутся послѣ того, какъ она закипитъ нѣсколько разъ. Кутью, пшенную, гречневую и яшную кашу ѣдятъ съ борщомъ, коровьимъ или постнымъ масломъ, съ гусинымъ смальцемъ, съ молокомъ. Пшенную, кромѣ того, еще съ квасомъ или водою, причемъ въ одну миску накладывается каша, а въ другую наливается сыривець или вода. Если каша выгонитъ верхъ, на будущій годъ будутъ стоги высокіе, просо уродитъ.

13. Гарбузная каша.

Чистятъ тыкву, рѣжутъ небольшими кусочками, складываютъ въ горшокъ, наливаютъ холодной водой и ставятъ вариться. Тѣмъ временемъ смоютъ пшено, сомнутъ его и разведутъ молокомъ въ скоромные дни, въ постные же молокомъ изъ конопляннаго сѣмени или изъ арбузнаго, дыннаго мака. Когда гарбузъ закипитъ, юшку съ него сливаютъ, растираютъ, запускаютъ приготовленнымъ пшеномъ, кладутъ коровьяго масла въ скоромные дни и постнаго въ постъ, просаливаютъ и, хорошенько размѣшавъ, заставляютъ въ печь до обѣда.

14. Холодцы (студень).

Холодецъ дѣлаютъ: a) изъ свиныхъ ногъ и головы, прибавляя иногда гусятины, b) изъ поросячихъ потрошковъ, ногъ и головки, c) изъ бараньихъ головокъ и ногъ съ прибавкой иногда гусинаго потроха.

Если холодецъ составной, то каждый сортъ мяса кладется въ особый горшокъ, наливаетси холодной водой, присаливается, прибавляется луку, душистаго перца и ставится вариться. Когда мясо готово, вынимаютъ его, разрѣзываютъ небольшими кусочками складываютъ въ чашку—всѣ виды мяса въ одну посудину,—наливаютъ юшкою и ставятъ захолаживаться въ холодное мѣсто—у комори на полочкѣ. Первоначально головки и ножки какъ бараньи, такъ и свиныя обвариваютъ кипяткомъ, скубутъ (ощипываютъ шерсть), присмаливаютъ слегка на огнѣ и скромадятъ ножомъ, чтобы очистить гарь.

15. Фляки (рубцы).

Берутъ бараньи фляки, вычищаютъ, выпариваютъ и оставляютъ сутки помокнуть въ холодной водѣ. На утро фляки мелко крошатъ, складываютъ въ горшокъ, наливаютъ холодной водой, присаливаютъ и ставятъ въ печь. Когда закипятъ нѣсколько разъ, заправляютъ свинымъ саломъ, столченымъ вмѣстѣ съ лукомъ и зеленью, и даютъ еще покипѣть. Фляки ѣдятъ какъ супъ или же застуживаютъ на студень. Нѣкоторые прибавляютъ къ флякамъ картофель или лапшу; въ этомъ случаѣ фляковъ не застуживаютъ.

16. Жаркія.

На жаркое употребляютъ индѣекъ, гусей, поросятъ. Положитъ хозяйка въ макитру гуся или два, смотря по величинѣ семьи, перерубивъ ихъ пополамъ, посолитъ, а какъ вытопится, поставитъ въ печь, и накроетъ покрышкою. Тамъ оно и остается до утра, а хозяйка лишь посматриваетъ, не набѣжало ли смальца, а то надо слить. Поросенка чаще жарятъ обыкновеннымъ способомъ, причемъ ноги и голову отрѣзываютъ, туловище же разрѣзываютъ пополамъ вдоль, а каждую половину снова пополамъ поперекъ. На свѣтлый же праздникъ порося жарятъ цѣликомъ и притомъ его начиняютъ. Начинка слѣдующая: отвариваютъ поросячіе потроха, мелко сѣкутъ, смѣшиваютъ съ сѣчеными круто сваренными яйцами, прибавляютъ соли, тертаго перца, бадьяна, корицы, перемѣшиваютъ все хорошенько, начиняютъ поросенка, послѣ чего брюшко сшиваютъ нитками и кладутъ на сковороду, на которой уложены въ клѣтку щепочки „щобъ зъ порося смалецъ сбигавъ внизъ, а порося вийшло пряменьке та гарненьке". Нѣкоторые жарятъ поросенка на крышкѣ улья, но тоже подкладываютъ щепки.

Предварительная подготовка поросенка слѣдующая: какъ заколютъ, положатъ въ ночвы, натрутъ золою, „шобъ лѣпъ (грязь) лучше

отстававъ", обольютъ кипяткомъ, оскубутъ, немного присмалятъ (при этой послѣдней операціи поросенокъ кладется на рогачъ и держится нѣкоторое время надъ пламенемъ), обмоютъ холодной водой, расчинятъ, а тогда уже начиняютъ.

Къ жареной индѣйкѣ и гусю подается „пидлева", приготовляемая такъ: отваритъ хозяйка шаткованной капусты, юшку сольетъ и положитъ въ нее меду, коровьяго масла, густо замѣшаетъ мукой, выльетъ въ горшокъ съ капустой и поставитъ въ печь, чтобы упарилась. Подавая на столъ индѣйку или гуся, ихъ разрѣзываютъ на куски и обливаютъ этою „пидлевою".

17. Жареныя кишки.

Набиваютъ колбасы пшенною или гречневою кашей, сваренными на водѣ, а также пшеничной или яшной кутьей съ прибавкой гусинаго или свиного смальца, жарятъ на сковородѣ и подаютъ, какъ жаркое.

18. Кендюхъ.

Посѣчетъ хозяйка вышкварки, обмѣшаетъ гречневой мукой или гречневой кашей, положить перца, начиняетъ кендюхъ и жаритъ. Начиняютъ еще кендюхъ яшной кутьей, а также дѣлаютъ начинку изъ свиной печени, т. е. отвариваютъ печень, сѣкутъ, прибавляютъ муки, смальца и начиняютъ. Подается, какъ жаркое.

19. Капуста съ ковбасою.

Поджариваютъ въ свиномъ салѣ шаткованную капусту, потомъ кладутъ въ нее куски колбасы, еще поджариваютъ и подаютъ тоже, какъ жаркое.

20. Капуста съ саломъ.

Поджариваютъ шаткованную капусту, затѣмъ поверхъ ея кладутъ кусочки сала и еще поджариваютъ. Кушанье это подается обыкновенно на сниданье или на вечерю.

21. Сальники.

Отвариваютъ свиную печонку, сѣкутъ, прибавляютъ свиного сала, перцу, соли, перемѣшиваютъ и выкладываютъ въ рынку, обложенную внутри сальникомъ. Концы сальника сверху соединяютъ и ставятъ въ печь.

22. Жареный картофель.

Отвариваютъ картофель, чистятъ, рѣжутъ ломтиками, складываютъ въ рынку, обливаютъ коровьимъ масломъ, сметаной и поджариваютъ.

23. Картофельныя котлеты.

Разомнутъ свареный чищенный кортофель, посолятъ, положатъ коровьяго масла, перцу, дѣлаютъ котлеты, выкатываютъ ихъ въ мукѣ и жарятъ въ скоромномъ маслѣ.

24. Жареный гарбузъ (тыква).

Чистятъ гарбузъ, рѣжутъ ломтиками, обсыпаютъ мукой и жарятъ въ скоромномъ маслѣ.

25. Жареные грибы.

Въ ходу свѣжіе грибы: масляки (Boletus luteus L), опенки (Agaricus melleus Vall), гарашки—сморчки (Morchella esculenta Pers), которые жарятъ въ коровьемъ маслѣ со сметаною или въ свиномъ смальцѣ и подаютъ вмѣсто жаркого.

Иногда эти грибы жарятъ вмѣстѣ съ картофелемъ.

26. Вареники.

Вареники дѣлаютъ пшеничные и гречаные.

Насѣетъ хозяйка въ ночвы пшеничной или гречаной муки, сдѣлаетъ въ ней углубленіе, вольетъ туда воды, положитъ яйца два, посолитъ и замѣситъ. Далѣе возьметъ отдавленнаго творогу, вобьетъ три—четыре яйца, присолитъ и хорошенько разомнетъ. Тѣсто раскатаетъ тонкимъ коржемъ, разрѣжетъ его полосками, а эти послѣднія на квадратики и лѣпитъ вареники, „а воны и выходятъ рогатеньки“. Какъ полѣпитъ всѣ вареники, кладетъ ихъ въ кипятокъ и варитъ до тѣхъ поръ, пока не начнутъ вынырять. Тогда вынимаетъ ихъ изъ чугуна плетенкой и складываетъ въ макитру, куда кладетъ коровьяго масла и перетрушиваетъ, „шобъ уси вареники помастылись“.

Если останутся карточки, т. е. не хватитъ начинки, то ихъ варятъ вмѣстѣ съ варениками и называютъ вареницами.

Вареники приготовляютъ чаще на ужинъ и на завтракъ. Дѣлаютъ вареники еще съ вишнями, съ терномъ, ожиною (ежевикой), малиною и съ полуницею (клубника). Косточекъ изъ терна и вишенъ обыкновенно не вычищаютъ.

Вареники съ ягодами, вынувъ изъ воды, раскладываютъ на столѣ, чтобъ остыли и не слипались, а потомъ складываютъ въ макитру. Ягодные вареники ѣдятъ съ медомъ, съ сахаромъ, а чаще безъ ничего.

„Вареники уси хвалятъ, та не вси варятъ. А я воды принесла и пичъ затопыла, а оглядилась: нема ни муки, ни сыра, такъ я не мисыла“.

27. Молочная каша.

Насыпетъ хозяйка въ горшокъ пшена, нальетъ молокомъ и варитъ, пока пшено не разварится,—это жидкая каша. Иногда же приготовляютъ крутую съ яйцами, а именно, когда каша закипитъ, а пшено „разбубнявіе“, прибавляютъ нѣсколько сырыхъ яицъ, размѣшиваютъ и варятъ круто. Молочную кашу дѣлаютъ также изъ гречневыхъ и манныхъ крупъ.

28. Каша до молока.

Варятъ обыкновенную кашу и ѣдятъ ее съ молокомъ.

29. Каша со сколотиною.

„Якъ масло колотять и сыворотка отскакуе, то це и ѐ сколотина". Кашу со сколотиной варять одинаково съ молочной и притомъ чаще жидкую.

30. Хлѣбъ съ молокомъ.

Крошатъ въ миску хлѣба, наливаютъ свѣжимъ или парнымъ молокомъ и ѣдятъ. Надо замѣтить, что въ этомъ случаѣ хлѣбъ обязательно должно крошить и притомъ отъ цѣлаго хлѣба, а не отъ куска, не то дойки у коровы будутъ „рéпаться" (трескаться). Если ѣдятъ одно молоко безъ хлѣба, то все же, наливая его въ чашку, необходимо положить туда хотя крошку хлѣба, а иначе „корова буде пуста"—не будетъ молока.

31. Молозево.

Удой первыхъ двухъ дней, послѣ того какъ корова отелится, называется молозево и приготовляется особымъ образомъ.

Нальетъ хозяйка въ горшокъ молозева, вобьетъ туда яицъ, посолитъ и поставитъ въ жаркую печь, гдѣ оно изжарится какъ яишница. Ѣдятъ молозево со сметаною, отколупывая ложкой; рѣзать же ножомъ не годится—у коровы дойки будутъ трескаться. Кушанье это считается однимъ изъ „ласощей".

32. Лемишка.

Въ кипящую присоленую воду сыплютъ понемногу гречневую муку и размѣшиваютъ ложкой. Когда станетъ довольно густо, накрываютъ покрышкою и ставятъ въ печь, чтобы лемишка вскипѣла. Для того, чтобы лемишка была „пухка", употребляютъ нѣсколько иной пріемъ: первоначально кладутъ въ кипятокъ немного муки и даютъ покипѣть, а затѣмъ ужъ круто замѣшиваютъ.

Приготовляютъ лемишку и инымъ способомъ: насыпаютъ въ горшокъ ржаной просѣянной муки, ставятъ на жаръ и берегутъ, чтобы мука не пригорѣла, а лишь поджарилась до-красна. Когда мука хорошо пережарилась, ее вынимаютъ и мѣшаютъ веселкой, подливая понемногу кипятку, пока не станетъ какъ тѣсто, тогда прямо подаютъ на столъ. Лемишку ѣдятъ съ коровьимъ или конопляным молокомъ, а также съ коровьимъ или конопляным масломъ.

33. Лапшовникъ.

„Якъ останется локшина отъ обида, або сваре густу локшину, такъ шобъ воды не було, откине ей на сито, а потимъ выложе въ макитру, або въ мыску, положе ложку коровьяго масла, яицъ, перемиша и поставе въ пичъ, шобъ зажарылась".

34. Бабка.

Варятъ густую пшенную молочную кашу, выкладываютъ въ вымазанную коровьимъ масломъ рынку, прибавляютъ яицъ, размѣшиваютъ, ставятъ въ печь и жарится.

35. Яешня.

Накрошить хозяйка на сковороду свиного сала и немного поджарить. Потомъ разобьетъ въ миску яицъ, разболтаетъ, выльетъ на сковороду съ саломъ и дастъ еще поджариться. Яишницу приготовляютъ на завтракъ или на ужинъ.

36. Виргуны.

Берутъ пшеничной просѣянной муки и замѣшиваютъ мягко тѣсто на однихъ яйцахъ. Далѣе это тѣсто раскатываютъ на тонкіе коржи, которые въ свою очередь разрѣзываютъ на различныя фигурки и жарятъ на сковородѣ въ постномъ маслѣ, или же въ свиномъ смальцѣ. Изъ этого же тѣста дѣлаютъ орѣшки, т. е. катаютъ тѣсто шариками, рябятъ ихъ, придавливая къ зубцамъ деревяннаго гребня, и жарятъ.

Какъ виргуны, такъ и орѣшки составляютъ непремѣнное угощеніе на вечерницахъ.

37. Млинци.

Разобьютъ нѣсколько яицъ, разболтаютъ, подсыпаютъ пшеничной муки, замѣшиваютъ, какъ густая сметана; затѣмъ бьютъ ложкой, чтобы комочки разошлись, разводятъ жидко молокомъ, если есть, а нѣтъ, такъ водой, и пекутъ. Напекши блинцовъ, складываютъ ихъ въ миску, сворачиваютъ вчетверо и перемазываютъ масломъ, а передъ обѣдомъ заставляютъ въ печь поджариться.

38. Млинци пшоняни.

Мнутъ намоченное заранѣе пшено, прибавляютъ яицъ, снова хорошо растираютъ, замѣшиваютъ пшеничной мукой и бьютъ это тѣсто ополоникомъ, чтобы не оставалось комочковъ, а потомъ разводятъ молокомъ или водой и пекутъ блинцы.

Срв. еще среди постныхъ кушаній №№ 21, 31.

Заканчивая отдѣлъ скоромныхъ кушаній, замѣчу относительно употребленія мяса слѣдующее:

Вообще наиболѣе употребительные сорта мяса слѣдующіе: изъ птицы—куры, изъ скотины—свинина.

Надо замѣтить, что у малороссовъ извѣстныя части туши носятъ свои особыя названія: мясо съ ляжки называется мякоть, филейная часть—мякишъ, шея—ошеекъ, грудная часть—грудына, спинная часть—нохребтина, задніе окорока—окосты, передніе—плечко, легкія—легеня, печень—печинка.

У птицы ноги по колѣна называется стегенце, грудная кость—кобылка, спина—похребтина, зобъ—вóло, дыхательное горло—горлянка, пупокъ—пупъ.

При употребленіи птицы въ пищу, нѣкоторыя части отбрасываются. Такъ у куръ не ѣдятъ лапокъ: „якъ Ісусъ Хрыстосъ заховався въ ясли (въ смиття— по другой редакціи), а курыця и выгребла Его лапамы. А якъ яечко снесла, сама освятылась, а

лапы все жъ прокляти. Кабанъ же носывъ соби на берлигъ, тай закрывъ Хрыста; овечка йила, а сино падало, тай прытрусыла Хрыста; а корова перекидала головою солому въ яслякъ, тай закидала Хрыста. Тымъ у свиньи, у коровы и овечки копыта разризни и мьясо ихъ можна йисты".

У индѣекъ не ѣдятъ головокъ—„гадюча головка бо въ неи, гадына на шеи высыть"; лапокъ—„громодятъ якъ куры". Не ѣдятъ также головокъ голубей—„анголски головки". Духъ святый сходилъ въ видѣ голубя. Приэтомъ головокъ у голубей нельзя отрѣзывать, а откручивать—„у ныхъ свята кровъ".

Не ѣдятъ сорокъ, воронъ, вороновъ—„йидятъ прокляту кобылятину". Воробьи, грачи, галки, шпаки (скворцы) въ употребленіи.

Конина же считается проклятой вотъ почему: 1) на лошадяхъ ѣздитъ домовой; 2) копыта не разрѣзныя; 3) „якъ Хрыстосъ заховався отъ жидовъ въ ясли, а кобыла Его вытрубыла"—пробрала сѣно до дна.

Постныя кушанья.

1. Борщъ.

Накрошитъ хозяйка въ горшокъ кислыхъ бураковъ, картофеля, вольетъ ополоникъ бурачнаго кваса, разведетъ водой и поставитъ въ печь вариться. Передъ тѣмъ какъ борщъ заставлять, его заправляютъ, т. е., сомнутъ пшена, положатъ въ него сырого или перепряженнаго съ лукомъ постнаго масла и выложатъ въ борщъ. Масло употребляется для борща подсолнечное, конопляное, льняное и изъ сурѣпицы.

По праздникамъ варятъ борщъ съ грибами или съ мелкой рыбой, которую предварительно очищаютъ, перемываютъ и, обвалявъ въ пшеничной мукѣ, поджариваютъ въ постномъ маслѣ и кладутъ въ борщъ въ то время, какъ заправляютъ пшеномъ

Грибы кладутъ въ борщъ преимущественно сушеные опенки и масляки, а также свѣжія печерицы — шампиньоны (Agaricus campestris L).

2. Юшка.

Постная юшка варится такъ же, какъ и скоромная, только вмѣсто сала въ нее кладутъ оліи (постное масло) или такъ наз. засмажку, приготовляемую слѣдующимъ образомъ: наливаютъ въ рыночку оліи, накрошатъ туда луку и ставятъ на очагъ. Когда масло закипитъ, прибавляютъ муки и даютъ еще покипѣть.

Дѣлаютъ еще юшку на квасу. Въ этомъ случаѣ вода замѣняется квасомъ, остальное приготовленіе такое же, какъ и при варкѣ обыкновенной юшки.

3. Капуста.

Постная капуста варится тѣмъ же способомъ, что и скоромная, только заправляется перепряженой оліей.

4. Квасокъ.

Накладываютъ въ горшокъ шаткованой капусты, наливаютъ водой, присаливаютъ и ставятъ въ печь. Какъ капуста хорошо закипитъ, въ нее кладутъ рыбу поджаренную въ постномъ маслѣ и даютъ еще покипѣть.

5. Галушки.

Постныя голушки лишь тѣмъ отличаются отъ скоромныхъ, что вмѣсто сала заправляются перепряженнымъ масломъ. Иногда кладутъ картофель.

6. Галушки въ квасу.

Кипятятъ чистый квасъ, а если слишкомъ кислый, то разводятъ водой, присаливаютъ, крошатъ цыбули и ставятъ въ печь. Какъ класть галушки, прибавляютъ перепряженой оліи. Теперь, говорятъ, это кушанье выходитъ изъ употребленія.

7. Локшина.

Постная локшина приготовляется такимъ же образомъ, какъ и скоромная, только заправляется перепряженымъ масломъ. Въ тѣсто для локшины, вмѣсто яицъ, кладется немного постнаго масла

8. Локшина на конопляномъ молокѣ.

Толкутъ въ ступкѣ поджаренное конопляное сѣмя, просѣиваютъ на сито и полученную муку мнутъ, разводя водой, а затѣмъ процѣживаютъ сквозь густое сито. На этомъ молокѣ замѣшиваютъ тѣсто на лапшу. Варятъ же какъ обыкновенную локшину.

9. Затирка.

Постная затирка приготовляется по тому же рецепту, что и скоромная, только заправляется перепряженнымъ постнымъ масломъ.

10. Кулишъ.

Разница въ приготовленіи постнаго и скоромнаго кулаши лишь та, что въ первый вмѣсто излюбленнаго малороссами свиного сала, кладется постное масло. Въ Петровскій же постъ въ кулишъ кладутъ, кромѣ того, тарань.

11. Раковый кулишъ.

„Перемые хозийка раки, попаре кипьяткомъ, шобъ не кусались, поотрѣза задки (головки), ниґъ и шеекъ не трога, подныма тулупецъ и напиха перемытымъ, но сырымъ пшеномъ. Потимъ сложе ихъ въ горшикъ, налье водою, посоле, накрыше цыбули и поставе варыться, поки уварятся“.

12. Каша.

Каша варится и въ постъ изъ такихъ же крупъ, какъ и въ скоромные дни, но при этомъ чаще съ прибавленіемъ постнаго

масла. Особенность представляетъ лишь каша съ конопляным сѣменемъ. Въ этомъ случаѣ, когда каша закипитъ раза два, въ нее кладутъ толченаго, просѣяннаго конопляного сѣмени, размѣшиваютъ и ставятъ въ печь доавариваться.

13 Холодецъ.

Накладываютъ въ горшокъ свѣжей рыбы, наливаютъ холодной водой, присаливаютъ, прибавляютъ цыбули, цѣльнаго душистаго перца и ставятъ въ печь. Какъ рыба уварится, юшку разливаютъ по мискамъ, куда раскладываютъ и рыбу, и оставляютъ въ холодномъ мѣстѣ.

14. Холодное изъ раковъ.

„Наваре ракивъ, почисте: шейку очисте, тулупецъ скине, а спидку вмисти съ нижками кладе у мыску рядочками кругомъ чашки. Якъ наложе повну мыску, накрыше въ колодезь (образовавшееся углубленіе по срединѣ чашки незаложенное раками) зеленои цыбули, а тоди налива квасомъ, посоле, тай йидять". Это блюдо считается однимъ изъ наиболѣе лакомыхъ. Кромѣ того, въ ходу просто отваренные раки.

15. Холодное.

Нальетъ хозяйка въ миску сыровцу, накрошитъ туда луку, рыбу же нарѣжетъ кусками и положитъ отдѣльно на тарелку или проще—на досточку. Для этого блюда берется соленая рыба: чехонь, тарань, синьга и селедки.

16 Жареная рыба.

Отвариваютъ сухую тарань лѣтомъ, а зимой какой-либо свѣжей рыбы. Мясо отдѣляютъ отъ костей, кладутъ на сковороду, обливаютъ рыбнымъ бульономъ, въ который прибавлено пшеничной муки и масла, и поджариваютъ. Когда зажариваютъ свѣжую рыбу, то къ ней чаще подаютъ кислые бураки, нарѣзанные на ломтики, обваляннные въ мукѣ и поджаренные въ маслѣ. Бураки эти ѣдятъ по желанію съ горчицею (въ городахъ), съ квасомъ и лукомъ, хрѣномъ, или же съ однимъ квасомъ.

Жареная рыба безъ приправъ не въ ходу, развѣ у городскихъ крестьянъ.

17. Солянка.

Накладываютъ въ миску шаткованой или сѣченой капусты, прибавляютъ постнаго масла, присаливаютъ и ставятъ въ печь. Тѣмъ временемъ перемоютъ рыбу-овсяику (мильонная), если же вьюны, то расчинятъ, поотрѣзаютъ головки, попарятъ и слегка поджарятъ, выкладываютъ въ капусту, перемѣшиваютъ и снова ставятъ въ печь еще поджариться.

18. Голубцы.

Отвариваютъ цѣлую головку капусты. Часть листьевъ сѣкутъ, смѣшиваютъ съ пшенной кашей, прибавляютъ масла, присали-

ваютъ. Далѣе эту начинку завертываютъ частями въ остальные капустные листья, складываютъ въ макитру и обливаютъ слѣдующимъ составомъ: насыпаютъ въ чашку муки, разводятъ довольно густо водой, прибавляютъ масла. Затѣмъ голубцы ставятъ въ печь до обѣда.

19. Горохъ, фасоль, чечевица, кукуруза.

Варятъ горохъ, фасоль, чечевицу и ѣдятъ съ перепряженнымъ масломъ. Въ большомъ употребленіи кукуруза, которую ѣдятъ съ одной лишь солью.

20. Картофель съ конопляннымъ сѣменемъ или съ макомъ.

Отвариваютъ картофель, чистятъ и мнутъ въ макитрѣ. Поджариваютъ конопляное сѣмя, толкутъ въ ступкѣ, просѣваютъ на пидрешитокъ, высыпаютъ въ картофель, перемѣшиваютъ и ставятъ въ печь. Вмѣсто конопляннаго сѣмени иногда употребляютъ макъ.

21. Картошникъ.

Отварятъ картофеля, почистятъ его, сложатъ въ макитру, разотрутъ, прибавятъ ложку масла, а въ скоромные дни вышкварокъ, посолятъ, перемоютъ и поставятъ въ печь поджариться.

Въ большомъ ходу отваренный картофель, почищенный, порѣзанный ломтиками, посоленый съ прибавкой, если есть, соленыхъ огурцовъ.

22. Поливка.

Положатъ въ макитру пригоршню пшена и нальютъ кипяткомъ. Пока пшено мокнетъ, промоютъ конопляннаго сѣмени, поджарятъ. Въ одной макитрѣ сомнутъ пшено, въ другой сѣмя. Когда сѣмя хорошо утрется, разведутъ его водой, процѣдятъ сквозь сито въ пшено, размѣшаютъ, сольютъ въ горшокъ, посолятъ и поставятъ вариться. Время отъ времени поливку мѣшаютъ, чтобы не было комковъ.

23. Зубцы.

Варятъ поливку. Дѣлаютъ изъ прѣснаго пшеничнаго тѣста шарики, подсушиваютъ въ печи, а какъ поливка закипитъ, кладутъ ихъ туда и даютъ увариться. Для зубцовъ поливка дѣлается жиже. Это блюдо идетъ за „ласощи“ и приготовляется обыкновенно по праздникамъ.

24. Вареники.

Постные вареники приготовляются такимъ образомъ, какъ и скоромные, только на начинку берется ужъ не творогъ, а картофель, кислая капуста, урда и сушеные фрукты—груши.

а) Отвариваютъ картофель, почистятъ его, разотрутъ, посолятъ, положатъ масла и лѣпятъ вареники.

b) Поджариваютъ кислую капусту съ масломъ, съ солью и перцемъ и—готово.

c) Урда приготовляется сложнѣе: намачиваютъ макуху (выжимки) изъ коноплянаго сѣмени, а какъ размокнетъ, растираютъ, разводятъ водой и процѣживаютъ на сито. Полученное такимъ способомъ молоко сливаютъ въ горшокъ и ставятъ въ печь. Какъ молоко уварится, вода отойдетъ, а урда соберется въ комки, ее откидываютъ на сито. Между тѣмъ сварятъ обыкновенную пшеничную кашу, смѣшиваютъ съ урдой, присаливаютъ, прибавляютъ оліи и—готово. Дѣлаютъ урду и изъ коноплянаго сѣмени, но чаще изъ макухи.

d) Толкутъ на муку сушеныя груши, просѣиваютъ на сито, запариваютъ кипяткомъ густо, размѣшиваютъ и лѣпятъ вареники, а также и пироги.

25. Плескана (иначе наз. лади).

Замѣшиваетъ хозяйка лемишку, т. е. въ кипятокъ всыпаетъ гречневой муки (замѣш. густо, какъ каша), хорошо вымѣшиваетъ и ставитъ въ печь, чтобы умлѣла. Какъ лемишка упрѣетъ, выкладываетъ ее на столъ, катаетъ шариками, обваливая въ мукѣ изъ толченаго коноплянаго сѣмени, складываетъ въ макитру и ставитъ въ печь.

26. Путря.

Сваривъ яшную кутью, выкладываютъ ее въ ночвы и обмѣшеваютъ ржаной мукой. Пока кутья остываетъ, запариваютъ немного ржаной муки и запускаютъ ею приготовленную кутью, а затѣмъ ставятъ въ теплое мѣсто. „Якъ заграе, тоди и йисты можна".

Иначе: варятъ кутью, выкладываютъ въ ночвы, обмѣшиваютъ ржаной мукой, перекладываютъ въ горшокъ и ставятъ въ печь, чтобы упарилась. Когда кутья упарится, высыпаютъ въ кадушку, даютъ остыть, запускаютъ потомъ процѣженными дрожжами и оставляютъ подойти въ тепломъ мѣстѣ. Когда путря хорошо подойдетъ, выносятъ въ кладовую и по мѣрѣ надобности берутъ.

27. Балаболи, или будзи.

Кушанье это называютъ еще варেницами и пелюхами. Приготовляютъ гречневое прѣсное тѣсто, катаютъ шариками, которые затѣмъ приплюскиваютъ. Нѣкоторыя же раскатываютъ тѣсто коржами и разрѣзываютъ на вареннички. Приготовленныя такъ или иначе пелюхи кидаютъ въ кипятокъ и даютъ покипѣть. Когда балаболи уварятся, вынимаютъ ихъ изъ воды, складываютъ въ макитру, обливаютъ перепряженымъ масломъ и готово. Ѣдятъ будзи также и съ конопляннымъ молокомъ.

28. Калинникъ.

Насѣявъ въ ночвы гречневой муки, вливаютъ туда разведеннаго съ водой меда, прибавляютъ ягодъ калины, мягко мѣсятъ,

скатываютъ въ видѣ хлѣба и ставятъ на печь подойти, а потомъ сажаютъ въ печь. Выпекшійся калинникъ подаютъ какъ дессертъ.

Дѣлаютъ калинники изъ кислаго пшеничнаго и ржаного тѣста, но эти, говорятъ, не такъ вкусны, какъ изъ прѣснаго.

29. Кваша.

Утромъ насѣетъ хозяйка ржаной и гречневой муки, положитъ въ большой горшокъ три пригоршни житной муки и двѣ гречаной, запаритъ кипяткомъ густо, лишь бы мука обмѣшалась, закутаетъ и поставитъ на печь, чтобы запарка остывала медленно. Черезъ полчаса запаритъ въ другой разъ „дущенко", размѣшаетъ, закутаетъ и снова поставитъ на печь, а тамъ черезъ полчаса запаритъ въ третій разъ и разведетъ уже жидко, закутаетъ и опять на печь, гдѣ кваша солодаетъ до слѣдующаго утра. Иныя говорятъ, что квашу слѣдуетъ запаривать лишь два раза, и притомъ первый разъ теплой водой, а второй кипяткомъ.

Если на утро опара не прокисла, кладутъ въ нее кусочекъ ржаного хлѣба. Какъ затопятъ въ печи, ставятъ квашу вариться. Нѣкоторыя хозяйки, предъ тѣмъ какъ ставить квашу въ печь, кладутъ въ нее пригоршню смытаго пшена, или же теренъ, вишни.

Когда задумаешь квашу дѣлать, то сначала посмотри въ окно, если увидишь мужчину,—кваша удастся, если женщину,—плохая будетъ (сл. Ново-Николаевка).

30. Фруктовый кисель.

Накладываютъ въ горшокъ сушеныхъ грушъ, наливаютъ холодной водой и ставятъ вариться. Пока груши кипятъ, берутъ, смотря по величинѣ, извѣстное количество пшеничной муки, запариваютъ кипяткомъ и даютъ усолодать въ тепломъ мѣстѣ.

Когда груши уварятся, а тѣсто всолодаетъ, юшку съ грушъ сливаютъ, а самыя груши растираютъ, выкладываютъ въ нихъ тѣсто, размѣшиваютъ, разводятъ грушевой юшкой и ставятъ въ печь, чтобы кисель, упрѣлъ. Тѣмъ же способомъ приготовляютъ кисель изъ терна, вишенъ, сливъ и ежевики.

31. Овсяный кисель.

Запариваютъ овсяной несѣянной муки и даютъ остыть, а потомъ запускаютъ тѣмъ тѣстомъ, что оставляютъ въ дижѣ при печеніи хлѣба, и ставятъ на печь киснуть.

На утро эту опару процѣживаютъ на сито, сливаютъ въ горшокъ и ставятъ въ печь, гдѣ она должна хорошо увариться, послѣ чего кисель разливаютъ по мискамъ и выносятъ въ кладовую остывать. При употребленіи этого киселя, его рѣжутъ ножемъ и ѣдятъ съ оліею, съ медомъ или конопляным молокомъ, въ скоромные же дни съ коровьимъ масломъ или съ молокомъ.

Это кушанье собственно великорусское, но въ ходу и между

малороссами. Впрочемъ, въ настоящее время овсяный кисель не въ чести у молодежи.

По тому же образцу дѣлаютъ пшеничный кисель, при чемъ вмѣсто овсяной муки берутъ пшеничныя высѣвки—отруби.

32. Пшенный кисель.

Намочивъ пшено, разомнутъ его, разведутъ холоднымъ квасомъ, и запустятъ этимъ составомъ закипѣвшій сыровецъ и варятъ до полной готовности. Затѣмъ разливаютъ по мискамъ и захолаживаютъ. Ѣдятъ съ разведеннымъ медомъ или сахаромъ.

33. Озваръ.

Накладываютъ въ горшокъ сушеныхъ плодовъ: терну, вишенъ сливъ, а иногда и вѣточекъ калины, наливаютъ холодной водой и варятъ, пока ягоды не уварятся. Когда озваръ ѣдятъ съ кутьей, прибавляютъ меду.

34. Шулики.

Наливаютъ кипяткомъ макъ и даютъ размокнуть. Тѣмъ временемъ напекутъ обыкновенныхъ пшеничныхъ коржей. Разъ макъ размокъ, его растираютъ, подливая понемногу воды, а въ заключеніе разведутъ уже жидко и прибавятъ меду. Коржи поломаютъ на кусочки, обольютъ приготовленнымъ макомъ и ѣдятъ.

Дѣлаютъ шулики другого рода: напекутъ такихъ же коржикоъ, наломаютъ кусочками, сложатъ въ макитру, обольютъ конопляннымъ молокомъ и поставятъ въ печь поджариться.

Конопляное молоко приготовляется такъ: насыпаютъ на сковороду конопляннаго сѣмени, слегка поджариваютъ на слабомъ огнѣ или въ жаркой печи, затѣмъ сливаютъ его и трутъ макогономъ, подливая воду. Когда сѣмя хорошо утрется, разведутъ его водой, процѣдятъ на сито, присолятъ—и готово.

35. Пампушки.

Пампушки бываютъ пшеничныя и гречаныя.

Первыя дѣлаютъ изъ того же тѣста, что и перепички, вторыя нѣсколько иначе: опара, какъ на паляницы, изъ пшеничной муки, только по утру, разводя опару водой, мягко подбиваютъ гречаной муки. Когда тѣсто подошло, а вода закипѣла, его снимаютъ съ печи и ставятъ на ослони (скамейка) около припечка. Затѣмъ берутъ тѣсто ложкой и опускаютъ въ кипятокъ и варятъ до полной готовности. Чтобы узнать уварились-ли пампушки, вынимаютъ одну штучку, разрѣзываютъ и смотрятъ: если внутри нѣтъ сырого тѣста—готовы. Сварившіяся пампушки вынимаютъ изъ воды плетенкой, раскладываютъ на столѣ, а какъ простынутъ, складываютъ въ макитру, переливая перепряженымъ съ лукомъ коноплянымъ или подсолнечнымъ масломъ. Пампушки ѣдятъ холодныя, или подогрѣваютъ.

36. Аладьи.

Дѣлаютъ обыкновенную опару, какъ на паляницы. Утромъ опару разводятъ водой, густо подбиваютъ пшеничной мукой и даютъ хорошо подойти на печи.

Когда жаръ нагоритъ, наливаютъ на сковороду постнаго масла и ставятъ ее на огонь. Затѣмъ берутъ тѣсто, кладутъ ложкой въ кипящее масло и ставятъ на жаръ. Какъ оладьи зарумянятся, переворачиваютъ на другую сторону, чтобы поджарились съ обоихъ боковъ.

37. Гороховики.

Просѣять гороховой муки, положить пригоршни три въ макитру, влить теплой воды, замѣшать какъ густая сметана, прибавить постнаго масла, посолить и бить это тѣсто ложкой или веселкой по крайней мѣрѣ часъ, а затѣмъ класть ложкой на капустные листья и печь. Величина гороховиковъ обыкновенно съ чайное блюдечко.

Заготовленія въ прокъ.

1. Капуста.

Капусту снимаютъ съ грядъ въ концѣ сентября.

Прежде чѣмъ приступить къ приготовленію капусты, кадушки выпариваютъ кипяткомъ, вымываютъ и накуриваютъ ладономъ: наложатъ въ курильницу жару, ладону, поставятъ ее въ кадушку и накроютъ рядномъ.

Дѣлается это съ тою цѣлью, чтобы капуста не портилась, чтобъ кадушка не текла. Потомъ замазываютъ въ кадушкѣ всѣ подозрительныя щелочки мѣломъ съ яйцомъ или съ растопленнымъ бараньимъ саломъ. Предъ тѣмъ какъ кадушку ставить на мѣсто, излишекъ замазки счищается и кадушка окуривается половой изъ конопляннаго сѣмени,—чтобы жабы не водились. Кадушку ставятъ въ погребѣ на кучу соломы или же на терлицъ (кострика). Снявъ капусту съ грядъ, ее сортируютъ: тугія головки шаткуютъ, слабыя сѣкутъ.

1) Крошатъ на подобіе лапши капустныя головки, причемъ кочаны вырѣзываютъ и въ дѣло идутъ одни листья. Далѣе, нарѣзанную капусту складываютъ въ кадушку: „высыпле ситъ двое, придаве, посоле, положе лаврового листу, чернушки, окропьяного симяни, а хто ще риже кусочками стручковый перець; потомъ опьять шаръ (слой) капусты, потимъ соли, перцу, листу и т. д. доверху. Ще кладуть въ середку цили головки капусты—пелюстки; въ урожайни годы промежъ капусты кладуть яблоки, а хто щей кавуны (арбузы)“. Первоначально кадушку съ капустой не закрываютъ, чтобъ горечь вышла, а дня черезъ два прокалываютъ капусту рогачемъ, „шобъ дырочки булы“, прикрываютъ

капустными листьями, закладываютъ деревянными кружками и нагнетаютъ камнемъ.

2) Сѣченую капусту приготовляютъ тѣмъ же способомъ, что и шаткованую; разница лишь та, что ее не рѣжутъ, а, отдѣливъ отъ кочановъ, кладутъ въ кадушку или шапликъ (обрѣзъ) и сѣкутъ сѣкачемъ. Въ сѣченую капусту тоже кладутъ пелюстки. Остающіеся кочаны ѣдятъ дѣти, а остальные отдаютъ скоту. Нѣкоторые варятъ изъ кочановъ юшку на подобіе картофельной.

Чтобы капуста вышла удачная, ее слѣдуетъ приготовлять на старомъ мѣсяцѣ; если же не придется на старомъ, то можно и на новой лунѣ, но тогда лишь, какъ ей выйдетъ кватира, т. е. 4 дня. Кромѣ того, чтобы капуста удалась, надо начинать ее квасить въ скоромный день и при этомъ постараться сварить вкусный борщъ съ мясомъ, хотя съ курицею.

На дно капустной кадушки полагается насыпать немного пшена.

2. Огирки (огурцы).

Выбираютъ лучшіе чистые огурцы, перемываютъ и складываютъ въ кадушку шарами, перекладывая дубовымъ или вишневымъ листомъ, стручковатымъ перцемъ, а нѣкоторыя еще и баклажанами. Когда кадушка наложена до верху, закладываютъ стеблями укропа, а по немъ запручиваютъ палочками и нагничиваютъ камнемъ, а затѣмъ наливаютъ разсоломъ, который приготовляется такъ: наливаютъ въ дижку воды, кладутъ соли (на ведро воды $1^1/_3$ фунта соли), разбалтываютъ и—готово. Иныя дѣлаютъ иначе: когда совсѣмъ сложатъ огурцы, запрутятъ, сверху застилаютъ чистой тряпкой, насыпаютъ на нее соли и льютъ воду. Въ этомъ случаѣ вся грязь съ соли останется на тряпкѣ.

Огурцы солятъ на полномъ мѣсяцѣ, „шобъ булы повни“.

3. Кавуны (арбузы).

У насъ рѣдко солятъ арбузы обыкновенной величины, а чаще выбираютъ для солки маленькіе—съ кулакъ.

Отбираютъ лучшіе экземпляры, перемываютъ, складываютъ въ кадушку, сверху закладываютъ укропомъ, запручиваютъ палочками, нагничиваютъ камнемъ и наливаютъ разсоломъ, приготовляемымъ такимъ же способомъ, какъ и на огурцы.

4. Буряки.

Бураки выкапываютъ изъ земли въ концѣ сентября или же послѣ Покрова. Одну часть буряковъ скромадятъ й квасятъ, о чемъ было разсказано въ статьѣ о квасахъ, другую же сохраняютъ въ свѣжемъ видѣ.

Буряки квасятъ на новолуніе, чтобы были мягкіе.

5. Картофель.

Картофель выбираютъ изъ грядъ послѣ Пречистой (Успенія). Часть картофеля идетъ на продажу, другая ссыпается въ по-

гребъ, а остальной зарываютъ въ ямы для лучшей сохранности до весны.

Картофельныя ямы выкапываютъ глубиной въ средній ростъ человѣка, форма ея вродѣ кувшина, т. е. въ глубину она расширяется, а вверхъ съуживается. Внутри стѣны обставляютъ соломой тонкимъ слоемъ; нѣкоторые же, вмѣсто соломы, употребляютъ камышъ и придавливаютъ поперечными жердочками, чтобы камышъ или солома не падали. Когда яма готова, ссыпаютъ въ нее картофель, сверху закладываютъ соломой, поверхъ ея палочками, затѣмъ засыпаютъ термитью (кострика), чтобы мыши не съѣли, а въ заключеніе всего набрасываютъ земли или навоза. Иные строятъ надъ картофельной ямой курень (шалашъ), чтобы вода не затекала.

По мѣрѣ надобности яму открываютъ и берутъ картофель.

6. Рѣдька, хрѣнъ, рѣпа и т. п.

Рѣдьку, хрѣнъ, рѣпу, морковь, пастернакъ и петрушку выкапываютъ послѣ Покрова и сохраняютъ въ погребѣ. Хрѣнъ иногда предварительно замораживаютъ. Волоская же рѣпа (Helianthus tuberosus L) остается въ землѣ до весны, откуда выкапывается, когда снѣгъ сойдетъ

7. Цыбуля (лукъ).

Лукъ выбираютъ изъ земли обыкновенно въ половинѣ августа. Выкопавъ лукъ, раскладываютъ его на солнцѣ, чтобы хвостики привяли, а затѣмъ мелкій лукъ—сѣянку и сорокозубку (особый видъ лука) вяжутъ въ баранчики, а крупный въ вѣнки.

1) Баранчики. „Набере въ руку съ десятокъ луковинокъ, держе ихъ пучкомъ за хвостыки и обмотуе оци хвостыки привяленою травой: горобинцемъ, або осокой, а то лепяшнякомъ (аиръ). Якъ замота тугенько, обкладуе кругомъ цей пучокъ головкамы, хвостыки знова обматуе травой, потимъ опъять обкладуе луковинками и обматуе травой“ и т. д. до трехъ четвертей длины.

2) Вѣнки. Берутъ ту же траву горобинецъ, аиръ, плетутъ, какъ косу и вплетаютъ луковицы по двѣ, три, или же по одной. Длина вѣнка отъ 2—$2^1/_2$ аршинъ.

8. Грибы.

Грибы заготовляютъ въ прокъ двумя способами—сушатъ и солятъ.

1) Сушеніе. На сушку идутъ масляки (Boletus luteus L) и опенки (Agaricus melleus Vall). Съ масляковъ очищаютъ кожу, а съ опенокъ пообрѣзають ножки и высыплютъ въ не очень жаркую печь. Когда грибы высохнутъ, сложатъ ихъ въ мѣшочекъ и повѣсятъ въ кладовой.

2) Соленіе грибовъ. Солятъ рыжики (Agaricus deliciosus L), масляки (Boletus luteus L), сыроѣжки (Agaricus russula. Sch) и опенки (Agaricus melleus Vall).

Съ масляковъ и сыроѣжекъ очищаютъ кожицу, съ рыжиковъ и опенокъ не чистятъ, затѣмъ складываютъ въ кадушку, горшокъ или макитру, и пересыпаютъ солью. Сверху закладываютъ кружкомъ и нагничиваютъ камнемъ. Соленые грибы ѣдятъ съ жаркимъ, вмѣсто огурцовъ, или же подаютъ какъ отдѣльное блюдо на завтракъ, полдникъ и ужинъ.

9. Сушеніе фруктовъ.

Вишни, теренъ и груши насыпаютъ прямо въ печь.

Нѣкоторыя теренъ разсыпаютъ на чердакъ, гдѣ онъ и лежитъ, пока не высохнетъ. Сливы предварительно привяливаютъ на чердакѣ, а затѣмъ досушиваютъ въ печи. Яблоки рѣжутъ ломтиками, нанизываютъ на нитки и вѣшаютъ сушить на воздухѣ. „Якъ яблоки дрибни, такъ пориже ихъ у мыску, тай въ пичь".

10. Зелень.

Рвутъ зелень укропа, петрушки, лука, привяливаютъ на солнцѣ, потомъ досушиваютъ въ печи и складываютъ въ торбинку (сумку). Сушеную зелень кладутъ зимой въ борщъ, заталкивая съ саломъ.

11) Сметана и творогъ.

Кувшины съ молокомъ, предназначенные для сметаны, ставятъ лѣтомъ въ погребъ, а зимою въ хатѣ въ шкафѣ или на полицѣ (на полку). Дня черезъ три молоко скиснетъ и сметана переберется вверхъ, тогда ее снимаютъ осторожно ложкой, чтобы не зацѣпить творогъ, и складываютъ въ горшокъ. Остающееся въ глечикахъ кислое молоко ставятъ на припечекъ или на ночь въ печь, чтобы творогъ лучше свернулся. Когда творогъ осядеть, его оттапливаютъ, т. е. ставятъ на день или на ночь въ печь, затѣмъ складываютъ въ ворочекъ (сумка) и нагнечиваютъ камнемъ, чтобъ удалить излишекъ сыворотки. Разъ сыръ отдавился, его складываютъ въ кадушку, покрываютъ чистой тряпкой, закладываютъ деревяннымъ кружкомъ и подавливаютъ камнемъ. Поверхъ всего наливаютъ холодной водою, которую слѣдуетъ перемѣнять черезъ каждые два дня; если же перемѣнять рѣже, то творогъ пріобрѣтетъ дурной запахъ. Тряпочку также надо почаще выполаскивать. Творогъ сохраняютъ въ погребѣ.

12. Масло.

Сметана, предназначенная для масла, первоначально оттапливается и ставится въ погребъ, чтобы загустѣла. По прошествіи двухъ дней вносятъ эту сметану въ хату, сливаютъ отдѣлившуюся сыворотку и сбиваютъ масло качалкою или особой колотушкой съ рогульками. Когда масло хорошо собьется „пидсметанье" сливаютъ; въ масло же наливаютъ холодной воды и вымываютъ его.

Вода перемѣняется до тѣхъ поръ, пока не станетъ чистая. Далѣе масло складываютъ въ горшокъ, стаптываютъ, присаливаютъ и выдавливаютъ сверху рукой крестъ. Горшокъ съ масломъ

обвязываютъ чистой тряпкой, накрываютъ деревянной тарелкой и ставятъ въ погребъ.

Если въ кувшинъ съ молокомъ упадетъ мышь, то это предвѣщаетъ смерть кого-либо изъ семьи.

13. Солонина и сало.

На солонину и на сало кабановъ колютъ къ Рождеству, къ Пасхѣ же больше на продажу.

Заколовъ кабана, его смолятъ: обыкновенно близъ рѣки кладутъ на землю немного соломы, на нее кабана вверхъ спиной, кругомъ обложатъ соломой и зажгутъ. Когда солома прогоритъ, „пошморга вилами, а потимъ ножемъ: коли щетина щеѐ, такъ опьять обложе соломою и запале, а щобъ хвистъ и уха не зюгорили, полье ихъ водою". Разъ спина хорошо осмолилась, кабана переворачиваютъ вверхъ ногами, снова обкладываютъ соломой и зажигаютъ. Когда и низъ осмолится, огонь отгребаютъ, а кабана перекладываютъ на чистую солому, поливаютъ водой и счищаютъ гарь ножемъ: затѣмъ снова поливаютъ водой, накрываютъ соломой и душатъ кабана, т. е. сбѣгается дѣтвора, растягиваетъ на кабанѣ свою одежонку и сама на него ложиться, „шобъ кабанъ упарывся, шобъ кожа на немъ була мягка". Душатъ его такимъ образомъ минутъ пятнадцать. Послѣ этого кабана раскрываютъ, перекладываютъ на чистую солому, поливаютъ водой и окончательно счищаютъ всю гарь.

Оскромадивъ кабана, хозяинъ начинаетъ его разбирать: прежде всего отрѣзываетъ ноги по колѣна, потомъ вырѣзываетъ полосу сала отъ ушей до хвоста, шириною въ четверть, причемъ вырѣзываютъ не одно сало, а вмѣстѣ съ похребтиною и головою. Вынувъ эту полосу, разворачиваетъ ребра, вынимаетъ желудокъ, кишки (ковбасы) и кладетъ въ почвы; печень же, легкія и сердце кладетъ отдѣльно. Выбравъ внутренности, вырѣзываетъ груднину, выбираетъ сдиръ (внутреннее сало), брюшную часть разрѣзываетъ пополамъ и затѣмъ все это мясо вноситъ въ хату и кладетъ на столъ или на лавку. Теперь хозяинъ приступаетъ къ вырѣзыванію собственно сала: отрѣзавъ окосты (задніе окорока), кладетъ ихъ кожею на столъ и срѣзываютъ мясо, а чисто сало остается. Поснимаетъ сало съ реберъ, съ переднихъ ногъ, съ похребтина. Мясо откладываетъ въ сторону, а сало рѣжетъ полосками, полоски на квадраты; каждый же кусокъ надрѣзываетъ до кожи крестъ на крестъ. Потомъ приноситъ бодню (кадушка съ ушками) и складываетъ туда сало, присаливая каждый кусокъ.

Изъ мяса похребтина и ребра остаются для варева, а окосты и переднія лопатки кладутъ въ средину сала, прорѣзавъ предварительно мясо до кости и просоливъ. Внизъ бодьи кладется лучшее толстое сало—на лѣто, потомъ мясо, а сверху тонкіе куски сала, а также и сдиръ. Уложивъ все, бодню закрываютъ крыш-

кою-кружкомъ, сквозь ушка продѣваютъ засовъ, на одномъ концѣ утолщенный, а на другомъ болѣе тонкомъ имѣется отверстіе, въ которое вдѣвается замокъ и запирается. Нѣкоторые на днѣ просверливаютъ дырочки, чтобъ сокъ съ сала стекалъ; если же бодня не просверлена, то на третій день ее переворачиваютъ вверхъ дномъ на ночвы, причемъ разсолъ и кровь стекаютъ. Разсолъ этотъ сохраняютъ: какъ появятся у скотины черви, или ратицы заболятъ, то имъ заливаютъ.

Солонина обыкновенно держится до Пасхи.

Приготовляютъ, хотя рѣдко, солонину изъ баранины, причемъ для сохраненія цвѣта, ее пересыпаютъ селитрою.

14. Колбасы.

Отъ остающагося отъ солонины мяса отрѣзываютъ мягкія части на колбасы, а остальное прибираютъ въ кладовую для варева. Пока хозяинъ разбираетъ тушу, солитъ сало, бабы помоютъ въ рѣчкѣ колбасы и кишки (колбасы болѣе тонкія, а кишки болѣе толстыя). Порѣжутъ мелкими кусочками мясо, посолятъ, прибавятъ тертаго душистаго перцу, бадьяну, гвоздики, приэтомъ отдѣляютъ часть мяса и смѣшиваютъ лишь съ чеснокомъ и солью. Какъ начинка готова, приступаютъ къ дѣланію колбасъ.

Дѣлаютъ изъ березы или изъ лозы каблучки, т. е колечки съ ручкой, вдѣваютъ одну въ отверстіе колбасы, конецъ которой вмѣстѣ съ ручкой каблучки держатъ въ рукѣ, надъ колечкомъ же каблучки прорѣзываютъ дырочку, въ которую и напихаютъ мясо. Когда колбаса готова, концы ея связываютъ ниткой и свертываютъ спиралью. Затѣмъ берутъ соломы, рѣжутъ ее кусками въ полъ-аршина длиною, кладутъ на лопату, на нее колбасу и сажаютъ въ вытопленную печь.

„Печени ковбасы“ сохраняютъ въ кладовой, а по мѣрѣ надобности берутъ и разогрѣваютъ.

15. Полотки.

Полотки дѣлаютъ изъ гусей и индѣекъ.

Когда птицу оскубутъ, расчинятъ, словомъ вполнѣ приготовятъ, тогда каждую штуку разрѣзываютъ пополамъ вдоль, складываютъ въ кадушку, пересыпая солью, селитрою, цѣльнымъ душистымъ перцомъ, корицею, гвоздикою и лавровымъ листомъ. Затѣмъ кадушку закрываютъ кружкомъ и надавливаютъ камнемъ. Черезъ нѣсколько дней полотки переворачиваютъ на другую сторону, а еще черезъ нѣсколько — вынимаютъ, заворачиваютъ въ бумагу или тонкія тряпки и вѣшаютъ въ трубу сутокъ на двѣнадцать. По истеченіи этого срока полотки вынимаютъ изъ трубы и вѣшаютъ на пиддашкахъ (колонны на галереѣ), чтобы обдуло дымъ.

16. Смалецъ.

Остающіеся при разборкѣ свиной туши обрѣзки сала рѣжутъ на мелкіе куски, складываютъ въ макитру и ставятъ въ жаркую печь. Растопившееся сало сливаютъ въ какую-либо посуду и сохраняютъ подъ названіемъ смальца, который употребляется для жаренія картофеля, орѣшекъ, виргуновъ, а также служитъ приправой къ кашѣ. Оставшіяся вышкварки идутъ на начинку пироговъ. Такимъ же образомъ приготовляютъ смалецъ изъ гусинаго жира. Когда рѣжутъ барановъ, то сало тоже снимаютъ и топятъ. Полученный смалецъ и вышкварки идутъ въ пищу. До появленія керосина бараній смалецъ шелъ „на свитло въ коганцѣ“, причемъ его смѣшивали съ рыжіевымъ масломъ.

Спиртные напитки.

1. Настойки.

Водку настаиваютъ на стручковатомъ перцѣ, на горькомъ перцѣ, на померанцевыхъ орѣшкахъ, на корнѣ колгана. Эта послѣдняя настойка употребляется и какъ лѣкарство при желудочныхъ спазмахъ. Настаиваютъ еще на горькой полыни, „якъ тилько выткнется изъ земли“, и притомъ сорванной непремѣнно до перваго грома—„тоди буде згидлива“. Эту настойку пьютъ для возбужденія аппетита. Еще настаиваютъ водку на сушеномъ барвинкѣ, на чистицѣ. Послѣдняя служитъ лѣкарствомъ. На гвоздикѣ и корицѣ настаиваютъ для запаха, подается какъ и колганная на крестинахъ. Въ ходу водка, настоенная на обыкновенныхъ рожкахъ и на круглыхъ, такъ наз. чайныхъ, ибо настой ихъ пьютъ какъ чай. Въ настоящее время входитъ въ моду лимонная и апельсинная настойка. Приготовленіе настоекъ весьма несложное: накладываютъ въ бутылку какой-либо изъ названныхъ специй наливаютъ водкой и ставятъ на печь или въ печурку, гдѣ она и настаивается.

2. Наливки.

Наливки настаиваютъ на тернѣ, терносливѣ, сливахъ и вишняхъ. Нарвутъ ягодъ, привялятъ ихъ на чердакѣ, потомъ перемоютъ и сложатъ въ черепяную банку или въ кубышку. Далѣе нальютъ въ горшокъ водки, разбавятъ водой, положатъ сахару и вскипятятъ, а когда простынетъ, выльютъ въ ягоды и поставятъ гдѣ-либо въ укромномъ мѣстечкѣ: на полицѣ, въ скрынѣ или въ дижѣ. На двѣ кварты водки берется полъ-кварты воды и два фунта сахара.

3. Медъ.

Положатъ въ кадушку вощины—сушнику, запарятъ кипяткомъ и накроютъ. Когда вощина упарится, запустятъ ее дрожжами вмѣстѣ съ хмѣлемъ, и стоитъ въ хатѣ, пока не заиграетъ. По окончаніи процесса броженія, причемъ вощина и вся гуща под-

нимется вверхъ, получившійся чистый медъ спускаютъ, сливаютъ въ боченокъ и закупориваютъ. Кадушка для меда берется съ чопомъ.

4. Варена.

Отвариваютъ сушеныя груши. Юшку сливаютъ въ кубышку, прибавляютъ туда тертаго душистаго и горькаго перца, меда и ставятъ на нѣсколько времени въ жаркую печь. Желающіе дѣлаютъ изъ варены пуншъ, т. е. наливаютъ въ чашку варены и добавляютъ водкой.

5. Запеканка.

Положатъ въ кубышку перца, калгану, бѣлаго инбиря, нальютъ водкой, горлышко кубышки замажутъ тѣстомъ и поставятъ въ печь. Когда запеканка уварится, ее вынимаютъ, даютъ остыть, затѣмъ разливаютъ по бутылкамъ и закупориваютъ, т. е. просто забиваютъ туго пробками.

Кромѣ перечисленныхъ напитковъ домашняго производства, въ ходу церковное вино, которымъ на званыхъ обѣдахъ угощаютъ почетныхъ гостей.

6. Березовый сокъ.

Говоря о спиртныхъ напиткахъ, нельзя не упомянуть о березовомъ сокѣ, хотя онъ не относится къ ихъ числу да и употребляется сравнительно рѣдко.

Въ апрѣлѣ просверливаютъ въ березѣ дырочку, вставляютъ въ нее трубочку изъ бузины или камыша, а подъ нее подставляютъ какую-нибудь посуду. Сокъ пьютъ свѣжій, давъ ему лишь постоять нѣсколько времени.

Ла̀сощи.

У молодежи въ большомъ ходу нѣкоторыя растенія, употребляемыя въ сыромъ видѣ и считающіяся за лакомства.

Такъ: лопуцки—стволы молочая (Lactuca scariola и lactuca sativa. L), свирѣпы (разные виды рода brassica. L), грициковъ (Bunias orientalis. L), укропа (Feniculum officinale, All), козелики (разные виды рода tragopogon. L), бабки (разные виды рода salvia. L), барщевникъ (Anthiriscus silvestris. H), щавель (Rumex acetosa и acetosella. L) забудьки (Artemisia vulg. L), полевой лукъ—луковица и зелень (виды рода Allium: rotundum, scorodoprasum, angulosum. L), шпицы съ очерету—молодой камышъ (Phragmites communis. Trin.), молодой рогизъ—широлистный (Typha latifolia. L) горобинецъ—или узколистный рогозъ (Typha angustifolia L).

Кстати замѣтить, что въ неурожайные годы въ муку прибавляютъ лободы (виды atriplex L.) Сушатъ все растеніе, затѣмъ обираютъ листву, толкутъ и мѣшаютъ въ хлѣбъ. Въ обыкновенное же время лободой кормятъ свиней. Также сушатъ, толкутъ

въ ступкѣ или мелютъ на мельницѣ и смѣшиваютъ съ мукой бруньки—почки и кору молодыхъ липокъ.

Повседневныя трапезы.

„У равци старша въ симьи встае перва и буде усихъ: „Уставайте, диты, пора за роботу прыйматься". Повстаютъ, умыютця, помолятця Богу. Старшіе прыказують: „Богу молитця—скризь годитця", а потому и на бѣгу читають „Отченаша". Потимъ уси розійдутця на роботу, а маты, а коли é, такъ бабуся, остаетця, тай прыймаетця пичь топыты. Пры стряпуси колы остаетця дочка—помогты шо небудь: воды прынести, зилья накрошиты, и т. п. У—передъ хозяйка сваре сниданье, а потимъ ставе варыты обидъ, а сама готове стилъ для сниданья".

Столъ скатертью застилаютъ лишь въ большіе праздники, на Пасху и на Рождество. По субботамъ и наканунѣ праздничныхъ дней столъ тоже накрываютъ скатертью, кладутъ на него хлѣбъ, ставятъ солянку, а раньше просто на хлѣбъ клали грудочку соли. Въ воскресенье столъ остается застланнымъ, но во время обѣда и вечери снимается скатерть, а по окончаніи снова застилается.

„Такъ кладе стряпуха на стилъ хлибъ, силь, нижъ; прынесе мыску зъ ложками и высыпе ихъ на стилъ", причемъ избѣгаетъ стучать ложками, „а то лукавый радуетця".

Каждый членъ семьи мѣтитъ свою ложку,—кладетъ какую-либо зарубку. Чужою ложкою не слѣдуетъ ѣсть—заѣды нападутъ. Остающаяся послѣ смерти кого-нибудь изъ семьи ложка, съ его мѣткою, называется одмирська; ее сохраняютъ и даже не берутъ въ руки безъ особой нужды. Если сдѣлается наростъ, то его надавливаютъ одмирськой ложкой и—проходитъ.

Итакъ, приготовивъ все нужное на столѣ, стряпуха наливаетъ въ чашку, что тамъ готовила на завтракъ, и зоветъ семейныхъ. Тѣ, какъ придутъ, помоютъ руки, а какъ зимою—снимутъ верхнее платье, отецъ или дидъ прочтетъ Пресвятую Троицу, а чаще просто перекрестятся и садятся за столъ. Въ рабочіе дни за столъ на лавку сажаютъ дѣтей и молодежь, „шобъ скоришъ йили та шли на роботу", а старики помѣщаются съ краю стола на ослони (на скамейкѣ). По праздникамъ же на покути садится глава семьи, а младшіе на концѣ стола. Въ иныхъ семьяхъ и въ будни усаживаются по старшинству, и каждый членъ разъ навсегда знаетъ свое мѣсто. Если въ семьѣ нѣтъ отца, его мѣсто занимаетъ старшій женатый сынъ, если же онъ еще не женатъ, то главенство принадлежитъ матери. Въ буденъ стряпуха хлопочетъ около печи: некогда ѣсть, а когда всѣхъ накормитъ, приберетъ, тогда и сама позавтракаетъ. Въ праздничные дни присаживается къ столу. Если въ домѣ есть невѣстка, то она ѣстъ стоя около стола, или и ѣстъ и помогаетъ что свекрови. Прислуживать сидя-

щимъ за столомъ ея дѣло. Если же есть маленькій ребенокъ, то нальетъ себѣ отдѣльно въ чашку, сядетъ на „пилъ" (полати),—сама поѣстъ и ребенка накормитъ. Сколько бы невѣстокъ ни было въ семьѣ, всѣ должны стоять во время ѣды. Если есть маленькія дѣти, то ихъ сажаютъ около пилу или же около особыхъ столиковъ и матери съ ними. Дѣти съ четырнадцати лѣтъ садятся за столъ, но матери ихъ—невѣстки—все же стоятъ. Невѣстка тогда лишь получаетъ право ѣсть сидя за общимъ столомъ, когда женитъ сына или дочь выдастъ замужъ или же сама станетъ старшая въ домѣ.

Въ рабочіе дни хлѣбъ рѣжетъ кто-нибудь и вообще при ѣдѣ не соблюдается очереди. Въ праздники же рѣзать хлѣбъ, мясо лежитъ на обязанности хозяина, причемъ первый кусокъ беретъ себѣ, а затѣмъ раздаетъ остальнымъ. Точно также первую ложку борщу набираетъ хозяинъ, выѣвъ ее, кладетъ на столъ и ждетъ, пока всѣ не возьмутъ по ложкѣ; далѣе же порядокъ не соблюдается По окончаніи завтрака, встаютъ изъ-за стола, перекрестятся и идутъ на работу. Въ будни обыкновенно не дожидаютъ другъ друга, а кто раньше кончилъ, тотъ и встаетъ. До конца остается лишь отецъ, который наблюдаетъ, чтобы никто понапрасну не терялъ времени. Въ праздничные дни вся семья сидитъ за столомъ до конца, и крайній встаетъ первый.

Мать или бабуся поприбираетъ со стола, доваритъ обѣдъ и сама идетъ на работу. Если, прибирая со стола, забудетъ ложку—жди гостя (сл. Ново-Николаевка). Какъ придетъ время обѣдать, снова всѣ собираются въ хату. Обѣдъ совершается тѣмъ же порядкомъ, что и завтракъ. Послѣ обѣда опять работа, а тамъ и полдникъ. Лѣтомъ почти никогда не полдничаютъ въ хатѣ, а гдѣ-нибудь въ затѣнку на дворѣ, „хто якъ". Ужинаютъ въ хатѣ, а если жарко, то тоже на воздухѣ. Ужинъ готовитъ опять-таки мать, „хиба яка небудь изъ молодшихъ ослобонится попередъ, тай прыде помагаты".

Послѣ ужина всю посуду, бывшую въ употребленіи перемываютъ, только наканунѣ пятницы, говорятъ, не слѣдуетъ мыть, а если и перемоешь, то на утро надо вторично вымыть—„чортъ нагляда". Также, говорятъ, что вообще никогда съ вечера не должно перемывать ни горшковъ, ни ложекъ, а то долѣ нечего будетъ ѣсть, поэтому-то хотя иныя хозяйки и перемываютъ съ вечера посуду, но зато кладутъ въ отдѣльный горшокъ что-либо изъ стравы для доли.

Если за обѣдомъ у кого-либо изо рта выпадетъ крошка хлѣба, то тотъ человѣкъ скоро умретъ (сл. Ново-Николаевка).

„Якъ заскоче при ѣдѣ крошка у горлянку, то кажуть, що попало у те, що паску йило".

Если кто поперхнется, то говорятъ: „та це хтось спишитъ до насъ" (сл. Ново-Никол.).

Если за столомъ кто чхнетъ, то говорятъ: „це тебе частуваты (угощать) хтось буде. Хватайтесь за его плечо, шобъ и намъ туды попасты“ (сл. Ново-Никол.).

Если со стола упадетъ ложка, то говорятъ: „це передъ прычиною“. Поднимутъ ее, оботрутъ и положатъ снова на столъ (сл. Ново-Никол.).

Если упадетъ со стола ножъ, то говорятъ: „а побыла его лыха годына! це якійсь гость спишить. Йижте скоришъ, а то и пообидать не дасть“. Приэтомъ ножъ подымаютъ, обтираютъ и кладутъ на столъ (сл. Ново-Никол.).

Если кто за обѣдомъ уронитъ вилку и она воткнется въ полъ, это означаетъ, что у того человѣка есть врагъ (сл. Ново-Никол.).

Если во время обѣда упадетъ со стола на землю кусокъ хлѣба, то говорятъ: „Ахъ, Боже, кусочекъ хлиба упавъ. треба его пидняты“. Поднимаютъ, цѣлуютъ и ѣдятъ (сл. Ново-Никол.).

Если упадетъ кусочекъ мяса, говорятъ: „ныхай его кишка зъйисть, то еи счастье“ (сл. Ново-Никол.).

Если кто разольетъ съ ложки борщъ, то говорятъ: „Охъ, Боже, розлывся борщъ—Богъ зъ нымъ“ (сл. Ново-Никол.).

Разсыпать за столомъ соль предвѣщаетъ слезы или ссору. Просыпать на землю перецъ означаетъ тоже ссору. Ножъ не должно оставлять на столѣ, на окно тоже не слѣдуетъ его класть, а въ ящикъ стола. Причины не пришлось узнать.

Четыре раза въ день наши крестьяне ѣдятъ лишь съ іюня до 1-го октября; въ остальное же время года полдника не полагается. По праздникамъ только обѣдаютъ и ужинаютъ. Снидаютъ (завтракаютъ) часовъ въ 8 утра лѣтомъ и часовъ въ 7 зимою; обѣдаютъ часовъ въ 12, полдничаютъ часа въ четыре и вечеряютъ (ужинаютъ) часовъ въ 9 вечера.

Въ страдную пору, если поле лежитъ недалеко отъ деревни, страва готовится кѣмъ-либо изъ остающихся дома старухъ и отсылается на поле, или за нею присылаютъ лошадь; въ противномъ же случаѣ готовится на мѣстѣ, такъ наз. кашеваромъ, избирающимся изъ числа членовъ семьи предъ началомъ работъ.

За часъ или болѣе до обѣда кашеваръ оканчиваетъ работу и отправляется къ тому мѣсту, гдѣ стоитъ возъ. Неподалеку отъ него вбиваетъ двѣ палки, сверху на нихъ кладетъ третью, на которую вѣшаетъ казанокъ, разводитъ огонь и варитъ страву. Тѣмъ временемъ разстелетъ на землѣ скатерть, рушникъ, а то просто тряпку, словомъ, что захвачено съ собой, разложитъ ложки, поставитъ соль, нарѣжетъ хлѣба, приготовитъ воды, Когда каша, кулишъ, или вообще что тамъ варилось, готово, зоветъ работающихъ, при этомъ надѣваетъ шапку на заранѣе вбитую здѣсь высокую палку. По этому условному знаку, рабочіе бросаютъ работу и направляются къ возу. Помывъ руки, всѣ становятся лицомъ къ востоку, помолятся Богу и садятся на земь вокругъ разо-

стланной скатерти. Приэтомъ мужчины обыкновенно располагаются по одной сторонѣ, присѣвъ на одну ногу, женщины же садятся по другой, поджавъ одну ногу подъ себя, а другую вытянувъ впередъ. Въ полѣ и невѣстки получаютъ разрѣшеніе садиться въ общій кружокъ. Полевые завтраки, обѣды, а въ особенности ужины часто сопровождаются веселымъ смѣхомъ, прибаутками, а въ особенности, если достаточно молодежи. По окончаніи ѣды, всѣ встаютъ, молятся Богу и ложатся отдохнуть; кашеваръ же долженъ перемыть посуду, спрятать остатки и т. п. Тѣмъ же порядкомъ совершается и завтракъ, и полудень, и ужинъ. Созывая вечеромъ ужинать, кашеваръ поднимаетъ вверхъ горящую головню.

Въ послѣдніе годы во время полевыхъ работъ на завтракъ и на полдникъ приготовляютъ слѣдующее блюдо: нальютъ въ миску воды, положатъ туда сахарнаго песку, накрошатъ хлѣба и ѣдятъ,—вода, говорятъ, не такъ пьется. Другіе жъ прямо присыпаютъ хлѣбъ сахаромъ и запиваютъ водой.

Примѣрный составъ стола можно представить въ слѣдующемъ видѣ:

А) Скоромный столъ.

а) Будни.

Сниданье. Галушки съ саломъ.

Обидъ. Борщъ съ саломъ. Каша до молока.

Полдникъ. Хлибъ зъ водою, або съ сыривцемъ и цыбулею. А якъ литомъ, то бильшъ огирки съ хлибомъ, дыни, кавуны.

Вечеря. Юшка съ картошкой и саломъ.

б) Праздникъ.

Обидъ сичасъ писля обидни: напередъ пироги съ картошкою, або съ творогомъ. Борщъ съ куркою и товчениками. Каша пшенна молошна.

Вечеря. Оставшійся отъ обѣда борщъ. Молошна локшина.

Б) Постный столъ.

а) Будни.

Сниданье. Холодне зъ рыбою.

Обидъ. Борщъ зъ оліею. Пшенна каша.

Полудень. Хлибъ зъ водою, або съ таранью.

Вечеря. Затирка.

б) Праздникъ.

Обидъ. Борщъ съ сушеною рыбою. Шочовица (чечевица).

Вечеря Оставшійся борщъ. Локшина.

У домовитой хозяйки кушанья ежедневно болѣе или менѣе варьируются.

Праздничныя и иныя особыя трапезы.

1. Святвечиръ (Рождественскій сочельникъ).

На Святвечиръ малороссы никогда не обѣдаютъ и многіе не ѣдятъ до зирочки. Въ этотъ день готовятъ пироги съ горохомъ и съ капустой, кныши, варятъ горохъ, капусту. Кутью же и узваръ варятъ на ночь Святвечира. До кутьи мнутъ макъ, разводятъ его водой и прибавляютъ меду, или же прямо одинъ медъ съ водою. Замѣчаютъ, если на богатый или на голодный сочельникъ кутья выгонитъ верхъ, то будетъ урожай на то зерно, изъ какого сварена кутья.

„Утромъ на Святвечиръ украде хлопець на чужомъ току клокъ сина, а то и своего высмыкне, а маты положе его на покути — на лавци въ кутку, пидъ иконами, на сино поставе горщикъ съ кутьею, и биля его озваръ. Якъ несе маты кутью на покутья, такъ прыказуе: „собъ кутья на покутья, а озваръ на базаръ. Туды несено на рукахъ, а видтиль будемо везты на волахъ“. А то самъ хозяинъ ставе кутью и озваръ на покуть, потимъ пидлиза пидъ лавку и квохчеть: квохъ-квохъ, кахъ-кахъ, гелъ-гелъ, путь-путь, шобъ птыця водылась. Якъ вылизе зъ-пидъ лавки, тай скубе дитей за чубъ, шобъ куры булы чубати, за уха—ухати, за нисъ—носати, за ноги—волохати“. Чаще эту процедуру продѣлываетъ мальчикъ.

Когда пироги спеклись, а горохъ и капуста сварились, то горшки съ двумя послѣдними кушаньями ставятъ тоже на покуть—капусту противъ кутьи, а горохъ противъ узвара, и накрываютъ всѣ горшки кнышами и пирогами (два кныша и два пирога). Кныши эти и пироги снимаютъ лишь на третій день, когда горшки принимаются съ покути, а кто беретъ и раньше. Какъ готовятъ въ этотъ вечеръ столъ, то кладутъ на него какъ всегда хлѣбъ, который остается на столѣ до Новаго года. На Новый годъ хлѣбъ этотъ разрѣзываютъ и даютъ по куску скотинѣ, а остальной съѣдаютъ передъ обѣдомъ, какъ артосъ.

„Якъ прыйдуть зъ вечерни тіи, що ходылы въ церковъ, сичасъ роспустять ладону, засвитять предъ иконами воскову свичку, помолятся Богу, батько прочте Пресвяту Троицу, тоди вже сидають вечеряты. Невистки тоже стоять, во дитей сажають за стилъ, якъ тямять систы. Допрежъ усего подають пироги, потимъ старши по чарци горилки выпьють, а тоди вже невистки, або дочки подають капусту, пислля капусты орохъ, пислля ороху кутью зъ медомъ, або зъ макомъ, а потимъ озваръ. Въ старовыну ризали первый пиригъ съ орохомъ и попередъ подавали орохъ, а потимъ капусту, для того, шобъ народъ бувъ здоровишій и рѣчистишій. Коли хто чхне за кутьею, то того дарять. Коли чхне дивка—невистка, то батько, або дидъ даре ей телицю. Якъ повечеряють, такъ ту мыску, шо йили озваръ, не мыють, а каждый кладе въ неи

свою ложку до горы донцемъ (такимъ образомъ, что ложки окружаютъ внутренность чашки вѣнчикомъ), на ложки кладуть кнышъ, а на утро дывятця: чья ложка перевернулась, той скоришъ усихъ умре". У другихъ такъ не на этотъ, а на крещенскій сочельникъ загадываютъ на ложки.

У нѣкоторыхъ побогаче, „яхъ покинчають вечеряты, батько роздае усимъ по куску меду съ хлибомъ, шобъ на той годъ солодко було хлибъ жаты".

Какъ въ рождественскій, такъ и въ крещенскій сочельникъ собираютъ съ кутьи присохшій вершокъ и даютъ курамъ, чтобъ лучше неслись, при этомъ на Крещенье даютъ именно въ то время, какъ народъ идетъ съ Іордани.

2. Риздво (Рождество).

На первый день Рождества почти вся семья отправляется къ заутрени, дома же остается кто-либо изъ старшихъ готовить обѣдъ. У другихъ обѣдъ готовятъ послѣ заутрени, причемъ, какъ придутъ изъ церкви, то кто-нибудь изъ мужчинъ или изъ дивчатъ бѣжитъ до колодца набрать непочатой воды, чтобъ ею налить страву. Надо замѣтить, что во многихъ семьяхъ все необходимое для обѣда приготовляется наканунѣ и даже складывается въ горшки, такъ что на самый праздникъ остается лишь развести огонь да поставить приготовленное въ печь.

„Якъ прыйдуть отъ утрени, погріются, перебирутця (переодѣнутся). Кто не ходывъ до утрени, иде до обидни, а дома остается хто-небудь изъ мужикивъ—до скотыны треба. Поки тіи у церкви, винъ скотыну нагодуе, напое, а то що въ хати зробе: локшину всыпе въ юшку, пироги поставе у пичъ розогриты, ладону роспусте. Якъ прыйдуть отъ обидни, сичасъ читають Пресвяту Троицу и сидають обидаты".

Прежде всего закусываютъ постными пирогами, выпиваютъ по чаркѣ горилки, затѣмъ подають вчерашніе капусту и горохъ. Покончивъ съ постными кушаньями, приступаютъ къ скоромнымъ: первоначально подаютъ пироги съ свиной начинкой и съ вышкварками, обмѣшанными гречаной мукой (пекутся наканунѣ), и разогрѣтую колбасу. Далѣе слѣдуетъ капуста съ свининой. Сначала ѣдятъ собственно капусту, мясо же подается отдѣльно на деревянной тарелкѣ. Хозяинъ самъ разрѣзываетъ мясо, присаливаетъ, первый кусокъ беретъ себѣ, а за нимъ берутъ остальные, по старшинству. Послѣ капусты подаютъ локшину, причемъ опять-таки сначала ѣдятъ лапшу, а потомъ гусятину, которую разрѣзываетъ тоже хозяинъ. Въ заключеніе появляется на столѣ вчерашняя кутья съ медомъ или макомъ и, наконецъ, узваръ. У нѣкоторыхъ кутья подается вначалѣ обѣда вмѣсто кануну, послѣ кутьи выпьютъ водки, закусятъ пирогами и т. д.

Во время обѣда на Рождество, на Пасху, а также по боль

шимъ праздникамъ не позволяли въ старину пить воду, чтобы въ полѣ или въ дорогѣ жажда не томила. По окончаніи обѣда молодицы или дивчата приберутъ со стола, перемоютъ посуду, а мать одѣлитъ всѣхъ орѣхами, собранными въ прошлое лѣто. „Уси сидять и йидять орихи, шобъ пшеныця гарно родыла". Такъ какъ въ настоящее время орѣховъ почти нѣтъ, за истребленіемъ лѣсовъ, то даютъ насинье (подсолнечное сѣмя).

„На Риздво полуднують, бо рано обидають, тай нойидять, хто хоче, локшины, озвару. Вечеряють тымъ, шо осталось отъ обида. На вечерю николи ничого не варять. Варыть потому нельзя ни на Риздво, ни на Крещенье, ни на Велыкдень, шо одынъ разъ було въ однои семьи, шо комусь захотилось вареникивъ, затопили—одна коло печи, друга тисто мнсыла, а третья творогъ готовыла и вси тры переболили".

Гостей, приходящихъ на Рождество, угощаютъ обыкновенно колбасой, поджаренной съ саломъ.

3. Голодный Святвечиръ (крещенскій сочельникъ).

Въ этотъ день обыкновенно не ѣдятъ, пока не принесутъ святой воды. До свѣта варятъ кутью, узваръ и горохъ на пироги. Тѣсто же учиняется, какъ всегда, съ вечера. Когда кутья и узваръ готовы ихъ ставятъ на покути на то сѣно, что лежитъ съ Рождества. Въ половинѣ дня вторично растапливаютъ печь, пекутъ пироги съ горохомъ и капустой, варятъ капусту. „Якъ прыйдутъ изъ церкви съ свяченою водою, напьются уси, тоди бабы роспустять ладону, а мужики насыплють въ мыску свяченои воды. Одынъ бере кропило изъ василькивъ и кусокъ крійды (мѣлу), а другій несе мыску зъ водою и тарилку съ пирогомъ и обходять двиръ". Если въ семьѣ имѣется одинъ мужчина, то одинъ все беретъ. Итакъ, прежде всего идутъ въ кошары со скотиною, первый пишетъ на воротахъ мѣломъ крестъ, входитъ въ кошару и кропитъ водой, далѣе процессія направляется въ клуню, на токъ, до гусей и до колодца, если есть, причемъ колодецъ покропитъ и вольетъ туда воды. До куръ не ходятъ — высоко сидятъ, не ходятъ также до свиней. У иныхъ, въ то время какъ одинъ кропитъ водой и пишетъ крестъ, другой за каждымъ крестомъ откусываетъ кусокъ пирога. Обойдя дворъ, возвращаются въ хату, кропятъ ее и самихъ себя (лобъ), читаютъ молитву и садятся зъ столъ. Сначала подаютъ пироги, причемъ съѣдаютъ и тотъ, съ которымъ ходили по хозяйству, далѣе наступаетъ очередь капусты и въ заключеніе кутья и узваръ.

Кое-гдѣ остался обычай по окончаніи ужина выгонять кутью; при этомъ бьютъ макогономъ по угламъ, приговаривая: „собъ, кутья, съ покутья, а озваръ на базаръ по червони чобиты!". Посуду послѣ этого ужина перемываютъ на слѣдующій день. Горшокъ съ кутьей принимаютъ съ покути на третій день, тогда

же прибираютъ сѣно, которое раскладываютъ по яслямъ скотинѣ, „шобъ на тый годъ диждалась", а кто, кромѣ того, кладетъ въ гнѣзда квочекъ, чтобъ цыплята лучше лупились.

4. Крещенье.

Обѣдъ: 1) Капуста зъ мьясомъ. 2) Локшина съ гусятиною, або съ индычиною. 3) Кендюхъ свинячій, начиненный свинячими шкварками, обмѣшанными гречаной мукой, або жарене порося. 4) Кутья. 5) Узваръ.

Вечёря (ужинъ): вечеряють тымъ, шо осталося отъ обида.

5. Меланки (31 декабря).

Въ этотъ день варятъ вареники и жарятъ свиныя кишки, начиненныя пшенной кашей. Вареники и колбаса предназначаются для щедровниковъ. Какъ придутъ первые щедровники, ихъ приглашаютъ въ хату, усаживаютъ и угощаютъ варениками, чтобы коровы были ласковыя.

„Шобъ телята були гладки, на Меланки мычутъ мычки, а шобъ ягнята були кучерявы, жмутъ жменю прядева".

6. Новый годъ.

Первыхъ посыпальниковъ, пришедшихъ на Новый годъ, сажаютъ рядомъ на порогѣ, „шобъ усе добре садылось—старосты, рои", и дарятъ деньгами, „шобъ увесь годъ було шо дарыты".

Увидавъ первыхъ людей, идущихъ изъ церкви, собираютъ зерно, насыпанное посыпальщиками, и даютъ курамъ, чтобы лучше неслись. Зерна, упавшія на столъ и на лавку, сохраняютъ, а когда корова отелится, даютъ ей эти зерна съ хлѣбомъ.

Собирая зерна со стола, обращаютъ вниманіе, какого хлѣба попало больше зеренъ,—тотъ хлѣбъ слѣдуетъ сѣять въ этомъ году—дастъ лучшій урожай.

7. Масляница.

„Усю масляницу борщу не варять, хиба у ярмарокъ привозной донской тарани купе; тай и не обидають, а тильки снидають та вечеряють". Въ теченіе масляницы варятъ каждый день вареники съ сыромъ, пекутъ гречаные блины, жарятъ мандрыки, сырники.

Блины. Опара ставится такая же, какъ и на паляницы. На утро опару жидко подбиваютъ гречаной мукой. Когда тѣсто взойдетъ, его снимаютъ и ставятъ около печи, на скамейкѣ. Между тѣмъ, разогрѣваютъ сковороду, смазываютъ постнымъ масломъ квачикомъ (палочка, одинъ конецъ которой обмотанъ тряпочкой) или же кускомъ свиного сала, затѣмъ наливаютъ ополоникомъ тѣста и ставятъ на жаръ. Когда блинъ спекся, его снимаютъ, кладутъ въ миску и смазываютъ постнымъ масломъ, коровьимъ или сметаной. Далѣе наливаютъ второй, третій и т. д., пока не истощится запасъ тѣста. Блины ѣдятъ съ масломъ.

Мандрыки „Накладе хозяйка въ мыску творогу, разимне, вбье яичокъ, разведе водыцею, посоле, замиша пшеничною мукою, покача шариками, покладе на сковороду, або на листья, пожаре, сложе въ макитру, перемаститъ, тай йидять".

Приготовляютъ мандрыки еще иначе: разминаютъ сыръ, прибавляютъ яицъ, муки, просаливаютъ и замѣшиваютъ. Полученное тѣсто раскатываютъ коржемъ, который разрѣзываютъ на ромбическіе куски или же прямо катаютъ шариками, затѣмъ варятъ въ водѣ, какъ вареники. Когда мандрыки сварятся, вынимаютъ ихъ изъ воды, складываютъ въ рынку, обливаютъ масломъ и сметаной и ставятъ въ печь, „шобъ були горяченьки". Мандрыки этого приготовленія называютъ также лѣнивыми варениками.

На ужинъ жарятъ иногда рыбу въ скоромномъ маслѣ.

8. „Заговинье на пистъ".

Обѣдъ: пироги, борщъ съ рыбой, жареная рыба, гречневые блины. Вечеря: вареники, млинцы.

Послѣ обѣда сходятся родные и знакомые прощаться. Угощаютъ ихъ водкой, пирогами, рыбой, короче—что найдется. Если отъ ужина остаются вареники, блины и т. п., то чтобы не отдавать на слѣдующій день собакѣ, что считается грѣхомъ, встаютъ до полуночи и приканчиваютъ. (Сл. Кабанья).

9. Первая недѣля Великаго поста.

На первой недѣлѣ поста ничего горячаго не варятъ до субботы; масла тоже не ѣдятъ, а подаютъ лишь кислую капусту, рѣдьку, вареный холодный картофель, соле ые огурцы. Въ субботу же варятъ капусту, горохъ, фасоль, кашу, пекутъ пироги.

10. 9-е марта.

На сорокъ мучениковъ пекутъ непремѣнно бублики. Ставятъ пшеничную опару, запускаютъ дрожжами или тѣстомъ. На утро опару учинятъ, а какъ взойдетъ раза два, замѣсятъ. Когда тѣсто взойдетъ „въ замиси" два раза, его снимаютъ съ печи, разрѣзываютъ на куски, которые раскачиваютъ, въ видѣ прутиковъ, обваливаютъ въ макѣ, насыпанномъ на столѣ, и лѣпятъ бублики. Полѣпивъ бублики, бросаютъ ихъ въ кипятокъ; когда же они уварятся, причемъ поднимутся на поверхность, выбираютъ ключкой и кладутъ на весло, смоченное теплой водой, чтобы бублики не приставали, и ставятъ въ печь. При этомъ надо замѣтить, что одна сторона печи прибрана, гдѣ пекутся бублики, на другой же горитъ огонь и стоитъ чугунъ съ слѣдующей партіей бубликовъ. Когда бублики на веслѣ зарумянятся, весло вынимаютъ изъ печи, подводятъ подъ бублики нитку или проволоку, чтобы отстали отъ весла, затѣмъ снова въ печь, гдѣ весло переворачиваютъ, причемъ бублики ложатся на чиринь(подъ) другой стороной. Пока эти допекаются, вынимаютъ изъ воды вторую партію, кла-

дутъ на весло и продѣлываютъ ту же процедуру. Разъ бублики готовы, ихъ вынимаютъ изъ печи ключкою. Ключка эта вродѣ кочерги, ручка деревянная, крючекъ желѣзный. Длина ключки аршинъ пять. Ключка же, помощью которой вынимаютъ бублики изъ воды, вся деревянная и длиною въ полъ-аршина.

Дѣлаютъ бублики сдобные, съ сахаромъ, на яйцахъ, которыя кладутъ въ то время, какъ мѣсятъ тѣсто.

На Сорокъ мучениковъ пекутъ еще жаворонки, приготовляемые изъ того же тѣста, что и бублики. Берутъ кусокъ тѣста, раскатываютъ въ видѣ прута, одинъ конецъ разрѣзываютъ ножомъ на подобіе птичьяго хвоста, изъ другого вылѣпливаютъ головку съ клювомъ и чубикомъ, а на мѣстѣ глазъ вдавливаютъ верна чернушки. Изъ другого куска тѣста дѣлаютъ крылья, т. е. раскатываютъ тѣсто прутикомъ, подводятъ его подъ головку, на спинѣ перекрещиваютъ, концы же разрѣзаютъ въ видѣ перьевъ Жаворонки пекутъ главнымъ образомъ для удовольствія дѣтей· которымъ и раздаются. Бублики раздаютъ бѣднымъ семьямъ, ко торымъ самимъ не изъ чего печь.

Также пекутъ жаворонки на теплаго Алексѣя (17-го марта)

1. Крестопоклонная недѣля.

Въ среду на этой недѣлѣ пекутъ кресты.

Тѣсто приготовляется, какъ на паляницы. Взявъ два куска тѣста, раскатываютъ ихъ прутиками и накладываютъ крестъ на крестъ, а въ углы влѣпливаютъ хлѣбныя зерна, приговаривая: „благослови Господи, шобъ пшеница родыла". Въ одинъ уголъ вдавливаютъ пшеницу, въ другой—рожь, въ третій—просо, въ четвертый--гречиху, призывая благословеніе на соотвѣтствующій хлѣбъ. Вынувъ изъ печи выпекшіеся кресты, разсматриваютъ, какія зерна лучше выдались вверхъ, тотъ хлѣбъ дастъ лучшій урожай. Зерна влѣпливаютъ обыкновенно въ первый крестъ, который сушатъ и сохраняютъ, а когда ѣдутъ въ поле сѣять, кладутъ его въ мѣшокъ съ зерномъ. Отправляясь сѣять, хозяинъ беретъ крестъ подъ мышку, по окончаніи же посѣва молится Богу и съѣдаетъ его, а иногда остатокъ привозитъ домой дѣтямъ.

12. Страстная недѣля.

Первые три дня страстной недѣли ничего ве варятъ, а ѣдятъ лишь хлѣбъ или сухари съ водой, капусту, рѣдьку, огурцы, даже масла не употребляютъ. Въ четвергъ готовятъ кашу, капусту. Нѣкоторые изъ стариковъ, поужинавъ въ четвергъ, ничего не ѣдятъ до самой Пасхи. Въ пятницу и субботу также не готовятъ горячей пищи.

а) Крашеніе яицъ.

Яйца красятъ обыкновенно въ пятницу. Наберетъ хозяйка въ четвергъ яицъ, перемоетъ, просушитъ и галунитъ, т. е. кали

ваетъ въ макитру сыривцу, прибавляетъ растолченаго галуна (квасцы) и поставитъ на припечекъ. Когда квасъ нѣсколько согрѣется, кладетъ въ него яйца, гдѣ они и остаются минутъ 10—15, затѣмъ вынимаетъ, раскладываетъ, чтобы просохли. Для галуна берется непремѣнно молодой непочатый квасъ, а иначе крашенки выйдутъ пятноватыя. Нѣкоторыя галунятъ яйца въ бурачномъ квасу.

Для крашенія яицъ употребляются слѣдующія вещества: красный и черный сандалъ, причемъ первый называютъ красна краска, а второй бразолія, высушенные цвѣты темно-лиловой рожи (Malva alcea. L), цвѣты полевыхъ ноготковъ—купавка (Anthemis tinctoria. L), цвѣты пижмы (Achillea ptarmica L.), свѣжіе цвѣты пролѣсокъ (Scilla bifolia L). Названные цвѣты собираютъ лѣтомъ, сушатъ, перетираютъ въ порошокъ и сохраняютъ. Кромѣ того для крашенія яицъ употребляютъ гречаную полову, цибулинье—чешуйки лука, собираемыя въ теченіе года для этой цѣли. Каждую изъ этихъ красокъ кладутъ въ особый горшокъ, наливаютъ холодной водой и кипятятъ, а затѣмъ опускаютъ яйца и варятъ въ смятку или крутую. Красную краску варятъ непремѣнно въ новомъ горшкѣ, ибо только красныя яйца святятъ.

б) Печеніе пасокъ.

Пасхи пекутъ въ пятницу и въ субботу. Пасху, предназначенную для освященія, пекутъ непремѣнно въ субботу. Для этой пасхи въ пятницу вечеромъ ставятъ опару: въ одну макитру насыпаютъ немного пшеничной муки, въ другую отрубей запариваютъ кипяткомъ, размѣшиваютъ и даютъ остыть; затѣмъ запускаютъ дрожжами, причемъ въ мучную опару дрожжи процѣживаютъ, а въ высѣвочную кладутъ вмѣстѣ съ хмѣлемъ; потомъ, какъ всякое тѣсто, крестятъ, укутываютъ и ставятъ на печь. На утро въ мучную опару процѣживаютъ на сито отруби, подбиваютъ пшеничной мукой и оставляютъ на печи, чтобы зашумовала, т. е. запѣнилась. Разъ опара зашумовала, ее учиняютъ—замѣшиваютъ болѣе круто мукой.

Тѣсто начинаетъ всходить, а чтобы не ушла изъ горшка, его обиваютъ (мѣшаютъ веселкой) раза два чрезъ извѣстные промежутки времени. Когда же тѣсто подойдетъ въ третій разъ, тогда его снимаютъ съ печи, и выворачиваютъ въ ночвы съ мукой, прибавляютъ постнаго масла, яицъ, кореньевъ: корицы, гадьяна, желтаго инбиря и круто мѣсятъ. Вымѣсивъ хорошенько тѣсто, ставятъ его въ теплое мѣсто. Когда тѣсто подойдетъ, его перемѣсятъ, подойдетъ второй разъ, снова перемѣсятъ, послѣ третьяго всхода начинаютъ готовить печь и приступаютъ къ дѣланію пасокъ. Выкладываютъ тѣсто на столъ, разрѣзываютъ на части, катаютъ булки, а затѣмъ наряжаютъ ихъ. Надо замѣтить, что лѣпить пасхи начинаетъ старшая изъ женщинъ. Первую пасху

обязательно украшаютъ рѣшеткой: берутъ небольшіе куски тѣста, раскатываютъ въ видѣ прута и кладутъ параллельно на булку (8 штукъ), другіе восемь прутиковъ кладутъ параллельно поперекъ, переплетая съ первыми на подобіе рѣшетки; сверху рѣшетки сажаютъ шишку. Шишку лѣпятъ такъ: раскатываютъ кусокъ тѣста тоже прутомъ, нѣсколько приплюскиваютъ и одну сторону разрѣзываютъ карточками и свертываютъ спиралью, такъ что верхъ выходитъ гребенчатый. Посадивъ шишку на булку, ее прикалываютъ вертикально палочкой изъ святой вербы. Далѣе, кругомъ булки надъ основаніемъ обводятъ обручемъ изъ тѣста, а концы скалываютъ прутикомъ изъ святой вербы. Другія пасхи украшаютъ крестами: на булку кладется крестъ-на-крестъ два обручика изъ тѣста, въ точкѣ ихъ пересѣченія и въ углахъ между обручиками сажается по шишкѣ, причемъ средняя нѣсколько больше прочихъ, кругомъ обводится тоже обручемъ. Какъ концы этого обруча, такъ и шишки прикалываются палочками святой вербы. Когда приготовленныя пасхи подойдутъ, ихъ сажаютъ въ печь на капустныхъ листьяхъ. Вынувъ пасхи изъ печи, обмазываютъ ихъ желтымъ имбиремъ, растертымъ съ яйцомъ.

Пасхи дѣлаютъ по одному экземпляру на долю каждаго изъ лицъ мужского пола и одну на долю старшей изъ женщинъ, а иногда лѣпятъ для всѣхъ членовъ семьи. Святятъ же ту изъ пасокъ, которая вышла лучше. Если пасха въ печкѣ „репнетъ" черезъ верхъ, пекарку ожидаетъ какое-либо несчастье. На чьей пасхѣ ссунется вершокъ, тому предстоитъ недолгій вѣкъ, чья же пасха выйдетъ лучше, тотъ будетъ сѣять пшеницу—такая же выростетъ высокая, какъ его пасха. Если пасха не выйдетъ изъ формы, то это служитъ признакомъ, что кто либо изъ семьи не дождетъ до слѣдующей пасхи (сл. Покровскъ.)

„Якъ печешь паску и выметаешь помеломъ пичь, то его треба писля того, якъ выметешь, поставыты въ первыхъ синяхъ за дверьми и нехай стоить ажъ до другого года. Тоди опьять выметы тымъ помеломъ пичь на паску и опьять его на свое мисто поставыты. Итакъ дилаты що году. То якъ нападе холера, то ій въ сей домъ уже иты курно: воно іи не пусте, то вона и пиде собп геть. Не тилько холера, а и ныщо дурно въ той домъ не мусе зайты. Тилько вже не треба его трогаты, ны въ яке дило опричь паски и до паски, также и съ миста не трогаты". (Сл. Ново-Николаевка).

в) Страстная суббота.

„Въ суботу хозяйка, якъ повынима изъ печи паски, прымаже прыпечекъ, змаже доливку, прыбере усе въ хати, тоди, се вже пидъ вечиръ, закрые стилъ скатертью, а зверху накидкою (болѣе тонкая и меньшихъ размѣровъ скатерть). Потимъ возьме велыку деревянную мыску, положе туды 1) красныхъ яичокъ

десятка пивтора, 2) кусокъ свинячого сала, 3) навьяже узличокъ соли, 4) узличокъ пшена — якъ соняшныци бываютъ, то положе пучку цего пшена въ ополоныкъ, разитре съ свяченою водою и дасть выпить оцеи пшепки,5) узличокъ конопляного сѣмени—отъ глистовъ жують, якъ тошнить, —6) окрайчикъ житного хлиба—якъ скотына боліе, такъ дають йисты". Съ этой же цѣлью сохраняютъ верхнюю шишку съ святой пасхи и артосъ. „Якъ що укусе скотыну, и то мисто пухне, такъ пидкурываютъ оцимъ окрайчикомъ и шишкою. Якъ корова отелитця, даютъ еи размоченный въ свяченой води окрайчикъ хлиба и кусочокъ шишки, присоленные свяченой сильюю. Ще положе у мыску 7) узличокъ маку, а то штуки тры маковыхъ головокъ—макомъ осыпаютъ корову, котора отелитця въ первый разъ и прыказують: хто це зерно посбера и пойисть, той корову зйисть" 8) грудочку, або дви ладону — лѣчать зубы; якъ у дитей бува младенческе, такъ подкуриваютъ; 9) грудку порядошну галуну—якъ вскоче де нарывъ, а потимъ зробятся стрижи, такъ присыпаютъ оцимъ галуномъ". (Стрижами называется матерія, остающаяся въ ранкѣ послѣ того, какъ нарывъ прорывается. Въ подобномъ же случаѣ и скотъ лѣчатъ этимъ средствомъ). „10) Кусочекъ крейды — кого зага (изжога) пече, такъ грызуть". Крейды берется именно тотъ кусокъ, которымъ писали кресты въ голодный святвечиръ. „Потимъ туды у мыску положе жарене порося, а поросяти въ зубы встроме коренець хрину"—жуютъ при желудочныхъ спазмахъ. Нѣкоторыя вмѣсто поросенка, какъ своего нѣтъ, а покупать не хотятъ, кладутъ жаренную въ коровьемъ маслѣ щуку. Приэтомъ говорятъ, со словъ священниковъ, что рыба имѣетъ значеніе лишь въ томъ случаѣ, если ее не ѣли въ теченіе всего поста.

„Якъ печуть къ празныку расхожій хлибъ, такъ печуть перепички" — невеличку паляничку, тай кладе одну перепичку у мыску. (Перепичка и пара яицъ идутъ причту). Потимъ обгортуе паску рушныкомъ и заколюе въ его дви голки, а хто голку кладе у чашку Паску ставе въ мыску, коли не повна, а то особо. Оци свячени голки тожъ згидливы: якъ нападе курина слипота, то дывится скризь ушко на схидъ сонця, а то ще инше: якъ зійде сонце, то вдива нитку въ ушко кризъ воритницу". У воротъ, состоящихъ изъ перекладинъ, каждая перекладина называется воротница. Такъ вотъ въ послѣднемъ случаѣ, вдѣвая нитку въ иголку, одну руку кладутъ на воротницу, а другую руку на другую перекладину и вдѣваютъ нитку, держа руки по той сторонѣ воротъ.

Когда все нужное уложено въ чашку, хозяйка обвязываетъ миску полотенцемъ и ставитъ на столъ, куда, кромѣ того, кладетъ хлѣбъ и ставитъ солянку, какъ это дѣлается обыкновенно наканунѣ праздниковъ. Хлѣбъ этотъ сохраняется до Ѳомина

воскресенья, когда съ нимъ поступаютъ какъ съ рождественскимъ, почитая за артосъ.

Сырной пасхи малороссы почти не дѣлаютъ, поросенка же большею частью готовятъ.

13. Пасха.

Въ ночь на свѣтлый праздникъ кто изъ семьи идетъ въ церковь ко всенощной, а кто остается дома и спитъ до заутрени. Старики говорятъ, кто собирается простоять въ церкви всю ночь, тотъ не долженъ спать на слѣдующій день, а то Богъ счастье возитъ, а ты и проспишь его. Въ старину, чтобы дѣти не заснули на первый день, ихъ возили кататься въ поле. Къ заутрени обыкновенно отправляется вся семья.

По окончаніи службы возвращаются домой, отдыхаютъ, а то и спятъ до обѣдни. Какъ заблаговѣстятъ, кто-нибудь изъ мужчинъ беретъ пасху и идетъ въ церковь, съ нимъ отправляются и другіе члены семьи, мать же остается готовить обѣдъ.

„Якъ придуть отъ обидни, роспустять ладону, батько прочита Пресвяту Троицу и сидають розгивлятьця. Батько допрежъ усего осматрюе паску, чи нема на неи волоска—якого цвѣта волосокъ найдется, той масти скотына ко двору. Потимъ розгортуе рушныкъ, паску поставе на стилъ, отриже кусокъ и опять накрые; отризуе кусокъ свынячого сала, порося, возьме яицъ, мыску съ остальнымъ поставе на покути, взяте розризуе на куски по числу семейныхъ и роздае, яйца дае по половыни каждому. Якъ закусять свяченого, прыберуть со стола, мыску зновъ поставять на стилъ. Потимъ росходятця хто куды: хто пиде до скотыны, другій пиде поклычи кума розгивлятьця, а хлопцы та дивчата пидуть пошлятьця". Часамъ къ десяти всѣ собираются обѣдать. Скатерть не снимаютъ, а накинутъ старенькой накидкой. За столъ садятся всѣ, невѣстки же какъ придется. Первымъ кушаньемъ подается борщъ съ солониной или говядиной, за нимъ слѣдуетъ лапша съ гусемъ или же молочная. Послѣ обѣда обыкновенно отправляются въ „проходку". Многіе идутъ на кладбище христосоваться съ покойниками: наклонившись къ могилѣ и сказавъ: „Христосъ воскресе", зарываютъ въ нее крашеныя яйца. Яйца эти вслѣдъ затѣмъ выбираются дѣтьми, а которыя ускользнутъ отъ ихъ вниманія, раздаются на слѣдующій день нищимъ

На ужинъ подаются остатки отъ обѣда.

Пасха остается на столѣ три дня, въ теченіе которыхъ съѣдается. Шишку съ пасхи, окрайчикъ хлѣба сушатъ и прячутъ въ торбинку, куда кладутъ также скорлупу съ освященныхъ яицъ, кости поросенка, макъ, соль, мѣлъ и т. д.; торбинку вѣшаютъ въ кладовой на сволокѣ, чтобы мыши не добрались. Сало тоже прячутъ: какъ нападутъ на скотъ или на свиней черви, то стоитъ дать этого сала съ хлѣбомъ—и черви повыпадутъ.

Иногда кости поросенка и скорлупу яицъ зарываютъ на току, чтобы предохранить хлѣбъ отъ мышей. Кромѣ того, костями поросенка, крестомъ съ головы щуки, крошками, остающимися при ѣдѣ „свяченаго", и скорлупой подкуриваютъ скотину и людей, если случится опухоль.

Зубы поросенка и щуки хранятся отдѣльно и употребляются въ томъ случаѣ, если у коровы опухаетъ вымя. Пріемъ несложный: подавятъ вымя на-крестъ зубами поросенка, а потомъ щучьими зубами—и, говорятъ, болѣзнь проходитъ.

14. Понедѣльникъ Ѳоминой недѣли.

Въ этотъ день поминаютъ умершихъ родственниковъ. Для поминокъ пекутъ хлѣбъ, пироги, жарятъ картофель, млинцы, рыбу, поросенка, гуся или баранину, варятъ вареники. Когда все готово, забираютъ эти припасы и несутъ на кладбище, при этомъ захватываютъ съ собой дровъ или кизяка, такъ какъ горячее варится на мѣстѣ. Съ этою же цѣлью обыкновенно тѣ, чьи могилы находятся на данномъ кладбищѣ, складываются, т. е. кто приноситъ курицу, кто гуся, кто баранину, солонину, а кто водку, варену и т. д. и сообща приготовляютъ страву. Огонь разводятъ около кладбища и варятъ капусту, локшину, молочную кашу.

Пріѣдетъ священникъ съ причтомъ, отслужитъ общую панихиду, закуситъ на особо приготовленномъ столѣ, прочая же публика располагается прямо на травѣ около разостланныхъ рушниковъ и скатертей. Прежде всего ѣдятъ общій кануйъ, затѣмъ яйца, пироги съ творогомъ, со сметаной, млинцы, вареники и запиваютъ водкой. Далѣе наступаетъ очередь капусты, локшины, затѣмъ молочная каша, а въ заключеніе угощаются вареною, причемъ груши изъ варены подаютъ въ отдѣльныхъ чашкахъ. Обѣдая раздаютъ и нищимъ. Если останется хлѣба, то его собираютъ и развозятъ по острогамъ, остальное же разбирается голытьбой. Когда обѣдъ оконченъ, все роздано, посуда убрана, возвращаются компаніями-вулицами по домамъ, гдѣ снова начинается угощеніе: бабы натащатъ яицъ, пекутъ яишницу, ѣдятъ пироги со сметаной и запиваютъ горилкой.

Кромѣ понедѣльника Ѳоминой недѣли, еще три раза въ году поминаютъ покойниковъ: въ послѣднюю субботу предъ Троицей, въ концѣ октября, въ такъ наз. Дмитровскую субботу, и въ субботу предъ масляницей.

Въ эти поминальныя субботы панихиды служатъ въ церкви. Вынувъ въ этотъ день изъ печи первый хлѣбъ, его разламываютъ на куски, которые раскладываютъ по окнамъ: паромъ, поднимающимся отъ горячаго хлѣба, пользуются души умершихъ. Передъ обѣдомъ распускаютъ ладону, затѣмъ кадильницу съ остаткомъ ладона ставятъ на печь,—тамъ сидятъ покойницы-женщины. Когда сядутъ за столъ, то прежде всего ѣдятъ канунъ, при этомъ предварительно его наливаютъ немного на столъ, въ четырехъ мѣстахъ крестъ-на-

крестъ, по окончаніи же обѣда прибирается. Дѣлается это съ цѣлью угостить покойниковъ. Остатокъ кануна ставятъ на покути и кладутъ тутъ же ложки, —умершіе, молъ, приходятъ. Канунъ остается на покути нѣсколько часовъ, а затѣмъ обыкновенно дѣти его приканчиваютъ.

Обѣдъ въ поминальныя субботы, состоитъ чаще всего изъ борща и лапши.

15. Русалчинъ великдень. (Четвергъ Троицкой недѣли). Въ этотъ день поминаютъ русалокъ: пекутъ пироги съ творогомъ, кныши, берутъ водки и отправляются, преимущественно женщины, къ рѣкѣ, на ту кладку, что никогда не принимается. Такія кладки представляютъ главный сборный пунктъ русалокъ.

„Оце у насъ на Осколи упало толсте дерево, вже лежало воно литъ семьдесятъ, замулылось вже, такъ отъ коло цего дерева собиралисъ русалки. Якъ я була ще маненька, йихавъ мій батько на лодки коло ціи кладки о пивночи пидъ русалчинъ великдень и баче, шо коло нен цила уйма русалокъ—маненьки, якъ диты, голеньки, хлюпаютця, ригочутця, у долони бьють. Винъ такъ зклякався, шо весла не вдерже, тай потыхеньку назадъ, назадъ, тай и уйихавъ". Такъ вотъ къ этой кладкѣ и отправлялись купянчанки поминать русалокъ, т. е. закусывали, а главное выпивали.

16. Перваго Спаса-Маковія (1-ое Августа).

На Спаса готовятъ слѣдующій обѣдъ: вареный картофель съ солеными огурцами, также кукуруза, дыни и арбузы и шулики—обязательное кушанье въ этотъ день.

17. Второго Спаса (6-ое Августа.)

На Преображеніе святятъ яблоки и медъ.

Многіе не ѣдятъ ни яблокъ, ни меда до этого дня, и лишь по освященіи разговляются натощакъ. Нѣкоторые сохраняютъ свяченыя яблоки въ теченіе трехъ дней, съѣдая на голодный желудокъ по яблоку.

Обычай не ѣсть яблокъ до Спаса основывается вотъ на какомъ повѣрьи: если мать, у которой есть умершія дѣти, разговляется до времени, то Господь, раздавая на этотъ день дѣтямъ яблоки, не дастъ тѣмъ, чьи матери преждевременно разговлялись, на томъ, молъ, основаніи, что онѣ съѣли ихъ порцію. „Господь скажетъ: твое свинья съѣла".

Обѣдъ на Преображеніе слѣдующій: прежде всего съѣдаютъ по свяченому яблоку и по куску свяченаго меду, затѣмъ подаютъ пироги съ яблоками, борщъ, кукурузу, дыни, арбузы и въ заключеніе медъ.

18. Крестинный обѣдъ.

Послѣ того, какъ окрестятъ ребенка, кумовья возвратятся отъ священника, отецъ созываетъ бесѣду и угощаетъ обѣдомъ. Обѣдъ

этотъ состоитъ обыкновенно изъ слѣдующихъ кушаньевъ: пироги, борщъ съ бараниною, лапша съ гусятиной, а чаще съ курицей, или же молочная лапша. За обѣдомъ дѣло не обходится безъ водки, при этомъ, выпивая за новорожденнаго, приговариваютъ: „будемо здоровеньки, дай Боже, шобъ нашъ новорожденникъ велыкъ рисъ, та счастлывый бувъ, а породиля одужала, та сына годувала".

По окончаніи обѣда бабуся (пупуризна баба) угощаетъ присутствующихъ вареной и притомъ ставятъ на столъ на тарелкахъ опеньки. Опеньками называютъ фрукты изъ варены. Надо замѣтить, что эти фрукты лишь на крестильномъ обѣдѣ носятъ такое названіе. Предлагая опеньки, бабуся говоритъ: „просывъ батько на хлибъ на силь. а я просю на опеньки". Гости принимаются за варену и опеньки, на слова же повитухи отвѣчаютъ похвалами: „шо нашла косаря, або вязильника, тай ще не лѣнива була—опеньkивъ нарвала", и дарятъ что-нибудь, хоть копейку, бабусѣ. Далѣе кумъ потчуетъ всѣхъ водкою, приэтомъ ирисутствующіе дарятъ что-либо новорожденному. Послѣ кума угощаетъ вареною кумâ, причемъ опять дарятъ новорожденнаго.

Когда кумâ обнесетъ всѣхъ вареною, поставитъ на тарелку чашку съ вареной, положитъ кусокъ хлѣба, соли, деньги и подастъ родильницѣ. Это называется откланяться, т. е. поблагодарить ее за крестины. Затѣмъ публика расходится.

На крестинахъ „породиля" обѣдаетъ отдѣльно. Какъ только на столъ подадутъ варево, бабуся отливаетъ въ отдѣльную миску три ложки борщу, беретъ кусокъ хлѣба и относитъ породилѣ. Такъ всякое кушанье первой подается родильницѣ. Послѣ обѣда сметаютъ со стола всѣ крошки и даютъ съѣсть породили, чтобъ корму прибавлялось.

Крестильный обѣдъ обходится недешево, почему многіе считаютъ его излишнимъ дѣлать. Одна черничка говорила, что крестильный обѣдъ равняется проскомидіи—все равно, что на проскомидію подать, что сдѣлать обѣдъ, а потому, молъ, слѣдуетъ его за каждымъ ребенкомъ устраивать.

На другой день послѣ крестинъ бываютъ „зливщины". По совершеніи этого обряда, бабуся ведетъ породилю „въ рай", приэтомъ породиля беретъ въ руки кнышъ и ребенка и идетъ къ приготовленному столу. Присутствующіе спрашиваютъ бабусю: „куда вы, бабуся, идете?"—Въ рай.—„Боже вамъ помогай, просите и насъ въ рай".—Милости просимъ зъ нами въ рай.— Затѣмъ всѣ располагаются около стола, родильница тоже садится, кнышъ кладетъ на столъ и угощаетъ всѣхъ водкой. Первую рюмку подноситъ бабусѣ, та ее „отпросюе", такъ что сначала выпиваетъ родильница, за ней бабуся и наконецъ остальные. Угостивъ водкой, породиля уходитъ изъ-за стола и обѣдаетъ отдѣльно.

Обѣдъ въ этотъ день состоитъ изъ слѣдующихъ блюдъ: пи-

роги съ сыромъ, съ картофелемъ или съ ягодами, борщъ съ говядиной или курицей, молочная лапша. Иногда жарятъ баранину, гуся утку или курицу, а чаще подають жареный картофель съ огурцами. Кушанья запиваютъ водкой, рѣже вареною. „Колы до того засыдятся въ раю, то и заспиваютъ".

19. Свадебный обѣдъ.

Пироги, капуста, лапша съ гусятиной, холодное. Все это заливается горилкою и вареной. На ужинъ подаютъ моченыя яблоки, капусту соленыс арбузы и огурцы.

20. Горячія поминки.

Обѣдъ въ день похоронъ называется горячими поминками.

Къ этому обѣду готовятъ такія кушанья: пироги, капуста съ мясомъ, лапша съ гусемъ, курицей или индѣйкой. Въ постные дни варятъ капусту и галушки. Въ заключеніе подаютъ варену или же вмѣсто варены—узваръ. На поминальныхъ обѣдахъ не принято потчевать водкой.

Предъ началомъ обѣда ѣдятъ канунъ, т. е. вареный рисъ, облитый разведенымъ медомъ. Встарину вмѣсто риса употреблялась яшная или пшеничная кутья. По хуторамъ дѣлаютъ проще: разводятъ водою медъ, накрошатъ бубликовъ—и готово.

Варену разноситъ всѣмъ присутствующвмъ кто-либо изъ родственниковъ или знакомыхъ покойнаго, другой раздаетъ по куску кныша. Весь хлѣбъ, приготовленный къ этому обѣду, долженъ быть роздапъ, чтобъ ни куска не осталось въ хатѣ.

Со дня смерти и до девяти или до сорока дней на окно ставятъ чашку съ водой, причемъ воду перемѣняютъ черезъ 2—3 дня. Вода ставится на томъ основаніи, что душа покойника до девяти или сорока дней прилетаетъ къ своему жилищу и пьетъ приготовленную воду. Также вѣшаютъ на колку около окна рушникъ: въ теченіе сорока дней душа навѣдывается и отдыхаетъ на немъ.

Дѣлаютъ обѣдъ въ три дня, если умершій раньше похороненъ—тридины, въ девять дней—девятины, въ сорокъ—сороковины и на конецъ по истеченіи года. Обѣдъ готовятъ, какой придется, но канунъ и пироги бываютъ непремѣнно.

На сороковины пекутъ сорокъ пшеничныхъ маленькихъ булочекъ и раздаютъ присутствующимъ, а остальныя тому, кто подвернется. Впрочемъ въ настоящее время чаще пекутъ просто кныши, ломаютъ на куски и раздаютъ.

Составила В. Щ.

ИЗЪ ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКОЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

V [1]).

Государственный строй древняго Перу.

(*Heinrich Cunow: Die soziale Verfassung des Inkareichs. Stuttgart 1896, 8⁰, стр. 118*).

Среди государственныхъ формъ у т. в. цвѣтныхъ расъ всегда особенное вниманіе изслѣдователей привлекала монархія древняго Перу. Ея организація и строй стояли въ рѣзкомъ противорѣчіи съ представленіями о дикаряхъ и объ ихъ способности подняться до уровня развитого, настроеннаго на гуманныхъ принципахъ государства. Строй перуанской монархіи долженъ былъ броситься въ глаза прежде всего испанскимъ завоевателямъ, въ особенности по сравненіи съ государственнымъ строемъ Мексики. Между обоими культурными государствами, совершенно неожиданно открывшимися для европейцевъ среди дикарей Новаго Свѣта и поразившими испанцевъ какъ своей культурой, такъ и своимъ стройнымъ управленіемъ,—лежала глубокая пропасть. Мексика, управляемая королями и жрецами, явила глазамъ Европы деспотическій строй; ея роскошные храмы и дворцы, зачатки письменности, хорошо устроенные города, наполненные многочисленнымъ населеніемъ,—все это отступало на 2-й планъ передъ кровавыми обрядами, которые встрѣтили европейцы при своемъ ознакомленіи съ внутреннимъ строемъ мексиканской монархіи: король—которому приписывали силу колдуна-шамана, роскошные храмы боговъ, въ которыхъ приносились, приводившія въ ужасъ европейцевъ, человѣческія жертвы, жрецы—спускавшіеся послѣ подобныхъ жертвоприношеній къ толпѣ, прикрытые кожей, снятой съ умерщвленныхъ жертвъ, слѣды антропофагіи, дикія празднества, обильныя человѣческія жертвы при похоронахъ королей, съ которыми отправляли въ загробное царство ихъ многочисленныхъ слугъ и наложницъ,—все это въ подробностяхъ зарегистрированное лицами, знакомыми съ Мексикой, вскорѣ по ея покореніи, могло только внушать европейцамъ отвращеніе

[1]) См. Этнограф. Обозр. XXXI.

къ кровожадному строю ново-открытаго государства, и значительно умаляло удивленіе передъ положительными сторонами мексиканской культуры. Потребовались столѣтія, чтобы заставить забыть мрачныя черты цивилизаціи древней Мексики и необходимо было накопленіе обильнаго этнографическаго матеріала, чтобы позволить отнестись къ государственному и религіозному строю Мексики безпристрастно.

Съ совершенно иными чертами встрѣтились испанцы въ древнемъ Перу. Миролюбивое населеніе, казавшійся возвышеннымъ культъ солнца, стоящій въ столь рѣзкомъ противорѣчіи съ мрачнымъ и кровавымъ культомъ мексиканскимъ богамъ, цивилизирующее вліяніе древняго Перу на сосѣднія дикія племена, общественныя работы для удовлетворенія нуждъ государства—все это давало перуанской монархіи черты культурнаго государства, встрѣтить которое среди дикарей должно было казаться страннымъ фактомъ, несовмѣстимымъ съ понятіемъ о «дикарѣ» и связанной съ нимъ грубостью, кровожадностью, жестокостью.

Испанскіе правители новопокоренной монархіи, правда, не рисовали себѣ разрушенный Пизарро строй въ идиллическихъ чертахъ. Они вникали въ глубь прежняго государственнаго строя Перу и видѣли какъ его достоинства, такъ и недостатки. Но европейская читающая публика пользовалась для изученія древняго Перу другими источниками, навязавшими ей своеобразныя представленія о древнемъ устройствѣ перуанской монархіи, представленія, которымъ было суждено поколебаться только въ послѣднее время и въ частности благодаря труду Генриха Кунова.

Дѣло въ томъ, что однимъ изъ главныхъ источниковъ для изученія древняго Перу и его общественнаго и государственнаго строя до покоренія испанцами, служилъ трудъ Гарциласо-де-ла-Вега о перуанской монархіи (Comentarios reales и пр., изданный впервые въ Лиссабонѣ въ 1608—1609 гг.). Этотъ трудъ былъ переведенъ на различные европейскіе языки и получилъ, такимъ образомъ, весьма широкое распространеніе. Гарциласо былъ самъ потомокъ инковъ, съ материнской стороны. Онъ начерталъ въ такихъ идиллическихъ краскахъ государственный строй др. Перу и культурную дѣятельность инковъ, что позднѣйшіе писатели были склонны видѣть въ древне-перуанской монархіи образецъ соціалистическаго государства, осуществленіе до извѣстной степени среди дикарей, едва вышедшихъ изъ періода т. н. «каменнаго вѣка», идеаловъ, которые проповѣдывались начиная съ Кампанеллы и Мура и кончая Фурье и Кабэ. Аналогичнаго взгляда на Перу держится и Ш. Летурно (L'evolution politique). Трудъ Гарциласо, равно и нѣкоторыхъ испанскихъ писателей заставлялъ изслѣдователей рисовать себѣ бытъ др. Перу приблизительно въ слѣдующихъ чертахъ.

Во главѣ перуанской монархіи стоитъ инка, свѣтлый потомокъ бога Солнца, олицетвореніе справедливости на землѣ и верховный носитель культуры. Около инки группируются жрецы, завѣдующіе храмами посвященными главнымъ образомъ высшему божеству—Солнцу. Вся пестрая по своему этнографическому составу масса населенія монархіи

равна передъ инкой. Населеніе группируется въ общины, въ которыхъ господствуетъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ имущественный коммунизмъ. Всѣ члены общины должны работать, и результаты ихъ трудовъ поступаютъ не въ индивидуальную собственность каждаго работника, а на потребности всей общины. Земельные участки, принадлежащіе каждой изъ общинъ, раздѣлены на три части: одна часть принадлежитъ инкѣ, другая—жрецамъ, третья—народу. Члены общинъ совмѣстными усиліями всѣхъ своихъ способныхъ къ работѣ членовъ обработываютъ эти участки; сперва члены общины созываются для обработки части земельныхъ угодій, урожай съ которыхъ поступаетъ инкѣ и тратится на содержаніе его и на удовлетвореніе государственныхъ нуждъ; далѣе подвергаются обработкѣ земли, урожай съ которыхъ поступаетъ въ пользу самой общины. Эта послѣдняя удовлетворяетъ нужды членовъ, входящихъ въ ея составъ. Частной собственности при этихъ условіяхъ нѣтъ мѣста въ перуанскихъ общинахъ. Инки содержатъ на государственный счетъ нѣчто въ родѣ государственныхъ школъ, въ которыхъ обучаются отдѣльно мальчики и дѣвочки, выбранные изъ дѣтей каждой общины; первые по окончаніи обученія назначаются впослѣдствіи на различныя должности; вторыя — образуютъ монашествующій классъ дѣвицъ, посвященныхъ Солнцу и окруженныхъ особымъ почетомъ.

Монархія Перу окружена дикими народами. Противъ нихъ инки совершаютъ походы съ цѣлями цивилизаторскими. Подчинивъ эти народы, инки распространяютъ на нихъ перуанскую культуру и строй: обучаютъ ихъ земледѣлію и коммунистическому режиму. Инка—сынъ-солнца, и въ качествѣ таковаго всюду вноситъ съ собой просвѣщеніе и свѣтъ. Въ его монархіи, благодаря коммунистическому строю, нѣтъ ни богатыхъ, ни бѣдныхъ: всѣ—члены коммуническихъ общинъ, обязанныхъ трудиться на пользу государства и своей группы.

Таковы въ общихъ чертахъ представленія о древней монархіи инковъ, просвѣтителей окрестныхъ дикихъ народовъ, противъ которыхъ инки совершаютъ походы, но не съ корыстными, а исключительно просвѣтительными цѣлями: они дѣйствуютъ на покоряемые народы сначала силой убѣжденія и, только въ случаѣ отказа добровольно подчиниться коммуническому режиму, они употребляютъ войну и насиліе.

За послѣдніе годы, однако, было опубликовано много дневниковъ и описаній, принадлежащихъ перу испанцевъ, заставшихъ учрежденія Перу еще не вполнѣ разрушенными. Покореніе Перу, начатое Пизарро, можетъ считаться оконченнымъ, какъ извѣстно, только къ концу XVI в. Этими новыми и обширными матеріалами воспользовался Куновъ. Въ своемъ вышедшемъ въ 1896 г. трудѣ *„Соціальное устройство государства инковъ“* онъ доказалъ, какъ много сказочнаго было внесено въ описанія государственнаго строя древняго Перу; онъ разрушилъ старыя представленія о существованіи на берегахъ Тихаго океана соціалистической монархіи и раскрылъ передъ наукой чрезвычайно интересную форму первобытнаго *„родового государства“*, т. е. государства, покоющагося на основѣ

жизненнаго родового строя и родовыхъ-хозяйственныхъ общинъ. Этнографія знаетъ довольно большое количество родовыхъ государствъ, но едва ли одно изъ нихъ выступаетъ въ такой цѣльности, какъ монархія др. Перу, и достигло такой степени развитія, какъ послѣдняя. Интересъ, который представляютъ первобытныя государственныя организаціи вообще и въ частности покоющіяся на родовой основѣ для науки этнографіи, дѣлаютъ умѣстнымъ изложеніе труда Кунова на страницахъ „Этнографическаго Обозрѣнія".

Куновъ приходитъ прежде всего къ заключенію, что *туземное* населеніе др. Перу не стояло на очень низкой ступени культуры. Ни туземцы Перу, вошедшіе впослѣдствіи въ центральную часть монархіи инковъ, ни покоренныя впослѣдствіи инками племена не были вовсе такими дикарями, какими они выступаютъ въ описаніи Гарцiласо. Они вовсе не вели жизнь мало чѣмъ отличавшуюся, по описанію Гарцiласо, отъ жизни животныхъ, вслѣдствіе чего просвѣщеніе ихъ не могло составлять культурную миссію инковъ. Большинство туземнаго населенія перуанскаго государства достигло уже значительной цивилизаціи до прихода инковъ и мѣстами стояло въ культурномъ отношеніи выше послѣднихъ. Лѣтъ за 400—500 до прихода испанцевъ инки покорили туземцевъ, причемъ покореніе было постепенное. Сами инки представляли изъ себя родъ, раздѣленный на 4 отдѣла, признававшій себя происходящимъ отъ одного общаго родоначальника. Пришлый родъ инковъ, покоривъ туземныя племена, продолжалъ жить въ родовомъ строѣ, причемъ глава государства, называемый европейцами также инкой, былъ не болѣе, какъ вождемъ родовымъ, власть котораго переходила по наслѣдству въ одной семьи господствующаго рода. Власть главы государства находила въ себѣ санкцію въ родовомъ культѣ инковъ: они вели свою родословную отъ одного изъ главныхъ божествъ перуанскаго пантеона—солнца. Представитель семьи, наиболѣе близкой къ божественному родоначальнику, естественно являлся и главой государства.

Существуютъ свѣдѣнія, правда, недостаточно доказанныя, что въ прежнее время власть сосредоточивалась не въ рукахъ свѣтскаго вождя, а въ рукахъ верховнаго жреца, служителя родовому божеству—солнцу. Онъ извѣстенъ подъ именемъ Гуилкаума. Ему, будто бы, нѣкогда былъ подчиненъ свѣтскій носитель власти—инка. Какъ бы то ни было, но еще передъ приходомъ испанцевъ власть въ полномъ объемѣ сосредоточилась уже въ рукахъ инки, а Гуилкаума былъ ограниченъ исключительно жреческими обязанностями. Вліяніе его, однако, было значительно: даже послѣ покоренія Перу испанцами Гуилкаума постоянно вмѣшивался въ дѣла государства, какъ свѣтскія, такъ и духовныя, и испанцы давали ему наименованіе pontifex, pontifex maximus, и даже иногда сравнивали его по объему власти съ папой. Гуилкаума—родовой жрецъ. Если свѣдѣнія, что нѣкогда его власти подчиненъ былъ свѣтскій вождь—инка, справедливы, пришлось бы въ лицѣ Гуилкаума признать родового старѣйшину, соединявшаго въ своемъ лицѣ и духовную и свѣтскую власть; пришлось бы далѣе признать, что въ исторіи развитія рода инковъ произошла

диференціація между свѣтской и духовной властью, что военный бытъ рода инковъ выдвинулъ на первый планъ свѣтскаго вождя, а духовная власть осталась въ рукахъ родового старѣйшины—однимъ словомъ, признать въ зачаточномъ государствѣ инковъ существованіе того же процесса диференціаціи свѣтской и духовной власти, который въ столь большомъ количествѣ случаевъ происходитъ въ первобытныхъ государствахъ, построенныхъ на родовомъ принципѣ: консерватизмъ культа заставляетъ сохранять духовную власть въ рукахъ родового старѣйшины, стремящагося сдѣлать ее наслѣдственной въ предѣлахъ своей семьи, а военный бытъ, требующій опытнаго вождя, приводитъ къ появленію свѣтской власти, въ лицѣ особаго вождя, который также стремится сдѣлать власть свою наслѣдственной въ предѣлахъ своей ближайшей родственной группы. Борьба двухъ противоположныхъ другъ другу началъ власти—военнаго свѣтскаго вождя и родового старѣйшины жреца—кончалась бы въ др. Перу побѣдой перваго, какъ и во многихъ другихъ первобытныхъ родовыхъ государствахъ. Во всякомъ случаѣ, возникла ли власть инки изъ власти военнаго вождя родового путемъ диференціаціи изъ власти старѣйшины-жреца или, наоборотъ, отъ власти родового-старѣйшины инки отдѣлилась впослѣдствіи власть жреца родовому божеству,—безразлично для уясненія строя перуанскаго государства: оно является государствомъ, въ которомъ родъ покорителей властвуетъ надъ туземнымъ населеніемъ, объединеннымъ въ государственное цѣлое фактомъ покоренія.

Какую же организацію встрѣтилъ родъ инковъ при покореніи туземцевъ и каково было устройство ихъ монархіи? Свѣдѣнія, разработанныя Куновымъ, даютъ на эти вопросы ясные и опредѣленные отвѣты.

Туземное, покоренное родомъ инковъ, населеніе дѣлилось на самостоятельныя племенныя группы, и эти группы были довольно многочисленны. Когда въ 1571—1572 гг. вице-король Перу донъ Франциско де-Толедо составилъ перепись населенія, оказалось, что нѣкоторыя племена, входившія въ составъ покоренной монархіи, могли выставить отъ пяти до семи тысячъ воиновъ, т. е. мужчинъ отъ 18-ти до 55-ти лѣтъ; это даетъ цифру населенія такихъ племенъ приблизительно въ 25—35 тысячъ. Эти племена въ эпоху самостоятельнаго существованія Перу были, однако, значительно многочисленнѣе. Куновъ основательно указываетъ, что испанское завоеваніе отразилось на быстромъ и значительномъ уменьшеніи населенія; вслѣдствіе этого онъ считаетъ возможнымъ предположить численность подобныхъ племенъ въ 50—60 тысячъ. Каждое изъ подобныхъ племенъ населяло опредѣленную территорію; населеніе было сравнительно густо, такъ какъ въ предѣлахъ нѣкоторыхъ племенныхъ территорій приходилось до 130 чел. на 1 кв. нѣм. милю. До покоренія инками каждое племя представляло самостоятельное цѣлое.

Строй этихъ племенъ-территоріальныхъ единицъ не всюду бываетъ одинаковъ. Въ однихъ мѣстахъ племя состояло изъ совокупности большаго или меньшаго количества родовъ, производившихъ себя отъ одного общаго родоначальника. Каждый родъ, входившій въ составъ племени,

представлялъ обыкновенно и деревенскую-родовую общину; онъ носилъ названіе *ayllu* или *hatha*, что въ переводѣ значитъ *родъ, семья*. Каждый изъ этихъ родовъ имѣлъ особенное названіе или по имени предка, отъ котораго онъ себя производилъ, или по мѣстности, которую онъ занималъ. Нерѣдко ayllu или hatha назывался также *pachaca* т. е. *сотня*, потому что такой родъ могъ выставить сотню воиновъ. Во главѣ каждаго рода стоялъ родовой старѣйшина, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ наслѣдственный, въ нѣкоторыхъ выборный. Нѣсколько ayllu—образовали союзъ—фратрію; всѣ ayllu данной фратріи производили себя отъ общаго родоначальника. Во главѣ каждой фратріи стоялъ, въ свою очередь, особый старшина. Члены ayllu были объединены не только территоріей и властью старшины, но и общимъ родовымъ культомъ: они имѣли общее родовое божество и для празднованія въ честь его они время отъ времени устраивали общія пиршества. Нѣсколько подобныхъ союзовъ—фратрій составляли племя, члены котораго, объединены обязанностью взаимной защиты. Во главѣ племени стоялъ племенный вождь, выступавшій обыкновенно въ качествѣ полководца во время междуплеменныхъ войнъ. Эти племенные вожди иногда были выборными только на случай военныхъ предпріятій, иногда племеннымъ военнымъ вождемъ признавался tacito concensu одинъ изъ наиболѣе выдающихся по личнымъ качествамъ родовыхъ вождей, наконецъ, въ нѣкоторыхъ племенахъ власть племеннаго вождя развилась въ постоянную и наслѣдственную. Такимъ образомъ организація племени представляла типическую форму развившагося родового строя.

Каждый родъ (ayllu) имѣлъ право собственности на извѣстный, опредѣленный участокъ племенной территоріи. Онъ носилъ названіе—*марка* Марка, составляя собственность рода, получала и свое названіе по имени данной родовой группы (ayllu). Есть основаніе полагать, что марка въ прежнее время принадлежала родовой-хозяйственной общинѣ. Съ теченіемъ времени развитіе индивидуализаціи и распаденіе родовой-хозяйственной общины вызвали и нѣкоторыя видоизмѣненія въ формахъ пользованія землею и въ самомъ способѣ разселенія родичей: именно на родовой землѣ—маркѣ, отъ главной родовой деревни стали отдѣляться выселки, меньшія хозяйственныя единицы, основанныя также на принципѣ родственномъ и имѣющія, повидимому, большое сходство съ т. н. семейными общинами. Мѣстами упадокъ родового строя привелъ къ допущенію селиться на родовомъ участкѣ даже чужероднымъ семьямъ. Но эти случаи встрѣчались лишь въ качествѣ исключеній. Въ общемъ родовые устои были настолько крѣпки, что даже въ эпоху, послѣдовавшую уничтоженію самостоятельности Перу испанцами, марки чаще всего были населены исключительно родственниками, и нерѣдко все населеніе родственниковъ группировалось въ предѣлахъ одной деревни; даже въ случаяхъ, когда отъ родовой деревни выдѣлялись выселки, эти послѣдніе не имѣли никакого самостоятельнаго значенія и составляли съ главной деревней одно цѣлое. Населеніе марки имѣло обыкновенно и общее укрѣпленное мѣсто (рисача), служившее сборнымъ пунктомъ въ случаяхъ частыхъ въ

Перу междуродовыхъ войнъ: въ рисача укрывалось населеніе съ женами и дѣтьми.

Во многихъ мѣстностяхъ др. Перу замѣтны такимъ образомъ жизненные слѣды родового строя, хотя въ описанныхъ организаціяхъ на фонѣ родовыхъ отношеній успѣла уже произойти диференціація населенія на семейныя общины. Этотъ процессъ однако коснулся не всего населенія. Значительная часть его продолжала жить въ еще болѣе архаичныхъ формахъ быта—въ родовыхъ хозяйственныхъ общинахъ. Такъ напр. населеніе внутреннихъ частей государства, т. е. *юнки*, достигшіе сравнительно высокой ступени культуры еще до прихода инковъ, дѣлилось на родовыя-хозяйственныя общины. Каждый родъ селился особнякомъ, въ общемъ помѣщеніи и велъ общее хозяйство. Это же дѣленіе на родовыя-хозяйственныя общины легло въ основаніе даже постройки и расположенія городовъ, напр. древ. Куцко и Какамара, гдѣ нѣсколько родовъ поселились другъ подлѣ друга. И здѣсь каждый родъ селился особнякомъ, строилъ себѣ общее помѣщеніе, окруженное обыкновенно стѣной. Развалины этихъ общихъ родовыхъ домовъ дошли до нашего времени въ довольно значительномъ количествѣ. Долгое время ихъ принимали за развалины дворцовъ инковъ, пока тщательное изслѣдованіе не доказало, что это не болѣе, чѣмъ простыя жилища для членовъ каждаго даннаго рода. Общій планъ родовыхъ помѣщеній былъ слѣдующій: толстыя каменныя стѣны окружали обширный четырехугольникъ, внутри котораго были расположены прежде всего цистерна и общее родовое кладбище. Въ послѣднемъ покоились многочисленныя муміи умершихъ родичей. Внутри огороженнаго стѣной четырехугольника помимо цистерны и кладбища устраивались обширные, четырехугольные же дома, съ дворомъ посрединѣ; въ каждомъ изъ этихъ домовъ жили родичи, организованные на началахъ хозяйственной и имущественной общности. Эти родовыя помѣщенія были выстроены прочно, достигали иногда до 200 шаговъ длины и вмѣщали многочисленное населеніе родичей, доходившее иногда до нѣсколькихъ сотъ человѣкъ; если вѣрить одному изъ писателей де-Молина, то одинъ изъ такихъ родовыхъ домовъ, принадлежавшихъ въ Куцко роду жрецовъ, вмѣщалъ до 4000 обитателей. Эти обширныя родовыя помѣщенія составляли какъ бы кварталы города и даже сами инки въ Куцко нѣсколько такихъ родовыхъ домовъ, въ каждомъ изъ которыхъ жило извѣстное отдѣленіе, на которыя дѣлился родъ инковъ-покорителей.

Населеніе др. Перу представляется въ свѣтѣ новыхъ данныхъ конгломератомъ родовъ, частью не вышедшихъ еще изъ стадіи родовыхъ-хозяйственныхъ общинъ, частью раздѣленныхъ уже, при господствѣ жизненныхъ слѣдовъ родового строя, на семейныя общины. При коммунистическомъ характерѣ, которымъ проникнуты на низшихъ ступеняхъ цивилизаціи родовыя хозяйственныя общины, вполнѣ естественно, что частная собственность не была развита въ др. Перу; вполнѣ естественно также, что и сельскія работы исполнялись общими силами всѣхъ членовъ родственно-хозяйственной группы. Въ этомъ отношеніи родовыя общины Перу не представляли отличій отъ аналогичныхъ хозяйственныхъ аггрегацій, кото-

рыя были отмѣчены у разныхъ народовъ, въ частности и мѣстами среди краснокожихъ Америки, и которыя существуютъ до настоящаго времени, хотя бы среди малайскаго населенія Индонезіи. Во всякомъ случаѣ, коммунизмъ въ др. Перу въ предѣлахъ родовыхъ общинъ не былъ результатомъ развитія началъ, внесенныхъ инками: онъ былъ естественнымъ и неизбѣжнымъ слѣдствіемъ господства родового быта и хозяйства, который инки застали при своемъ покореніи.

Если мы представимъ себѣ обширную область, состоящую изъ современныхъ Перу, Боливіи и Эквадора,—область, составлявшую территорію монархіи инковъ,—она окажется населенной рядомъ племенъ, живущихъ въ родовомъ-хозяйственномъ строѣ и образовавшихъ нѣкогда самостоятельныя родовыя государства: въ однихъ—сохранилось выборное начало при назначеніи старѣйшины, въ другихъ—уже совершился переходъ къ системѣ правильнаго наслѣдованія власти отъ отца къ сыну. Эта совокупность родовыхъ государствъ была постепенно покорена пришлымъ родомъ инковъ. Результатомъ этого покоренія было принудительное объединеніе туземныхъ родовъ, разросшихся въ племена, новопришедшимъ родомъ. Вождь инковъ въ силу самого факта покоренія сдѣлался абсолютнымъ монархомъ въ отношеніи къ остальнымъ покореннымъ родовымъ вождямъ. Внутри своего рода властитель Перу являлся родовымъ вождемъ, власть котораго переходила по прямой линіи, отъ отца къ сыну главной жены, которая изъ соображеній о сохраненіи чистоты крови нерѣдко избиралась изъ числа сестеръ монарха. Монархъ др. Перу—былъ членомъ захватившей въ свою руку власть семьи рода инковъ, онъ оказывался наиболѣе прямымъ потомкомъ солнца, отъ котораго весь родъ инковъ велъ свое происхожденіе. Онъ олицетворялъ на землѣ своего прародителя-солнце; поэтому его власть, покоившаяся помимо военной еще и на религіозной основѣ, могла даже въ предѣлахъ своего рода развиться до чрезвычайныхъ размѣровъ. Весь родъ инковъ, составлявшій единственный привелегированный классъ Перуанской монархіи и поставленный выше представителей покоренныхъ родовъ, не могъ оказывать никакого юридическаго ограниченія на главу государства. Они могли приближаться къ своему родичу-монарху не иначе, какъ съ босыми ногами и съ тяжестью на плечахъ.

Въ извѣстныхъ торжественныхъ случаяхъ родичи монарха исполняли передъ послѣднимъ священную ритуальную пляску. Поставленный выше даже самыхъ выдающихся родичей своихъ, властитель Перу былъ окруженъ сложнымъ церемоніаломъ. Его переносили на особыхъ носилкахъ, украшенныхъ золотыми ручками, его одежда изготовлялась изъ тонкой красной шерстяной ткани, украшенной золотомъ и каменьями, ему одному принадлежало право носить особый головной уборъ, украшенный двумя перьями опредѣленной птицы и пр. Приближаться къ монарху или коснуться его безъ исполненія цѣлаго ряда обрядовъ—считалось святотатствомъ. Монарху воздавались божескія почести; и этотъ внѣшній блескъ ихъ власти заставлялъ писателей упускать изъ вида истинное значеніе и источникъ власти его: онъ былъ лишь главой родового государства,

объединившаго принудительно другія родовыя государства туземцевъ, сохранившихъ и послѣ покоренія въ значительной мѣрѣ прежній строй.

Покореніе инковъ дѣйствительно почти не внесло существенныхъ перемѣнъ во внутреннюю организацію составныхъ элементовъ перуанской монархіи. Родовой строй отдѣльныхъ племенъ продолжалъ оставаться почти всюду неизмѣннымъ; родовыя и племенныя группы утратили лишь свою самостоятельность; родовые и племенные вожди сохранили прежній объемъ власти и пріобрѣтали власть тѣмъ же порядкомъ, какъ и до покоренія инковъ. На нихъ была инками возложена только новая обязанность—именно, слѣдить за правильнымъ исполненіемъ повинностей, возложенныхъ покорителями на покоренное населеніе. Военная организація перуанской монархіи привела однако къ тому, что прежде самостоятельныя, а впослѣдствіи подчиненныя инкамъ, родовыя государства туземцевъ стали разсматриваться съ военной точки зрѣнія. Племя было переименовано въ huņu, т. е. „десять тысячъ“, потому что предполагалось, что племенная единица могла выставить 10,000 воиновъ; фратрія (меньшой союзъ родовъ) переименованъ въ тысячу, а родъ-сотня (ayllu) остался неизмѣннымъ. Только въ немногихъ случаяхъ, гдѣ рода туземцевъ не успѣли еще объединиться въ фратріи или образовать племя, инки вводили путемъ объединенія подобныхъ разрозненныхъ единицъ административное дѣленіе на huņu и тысячи, т. е. искусственно переносили родовой строй въ его сложномъ видѣ, который они застали среди туземцевъ, на группы, не достигшія еще этого строя.

Если оставить въ сторонѣ нѣкоторыя особенности административнаго дѣленія Перу, введенныя инками, напр. чиновниковъ-надзирателей за родовыми и племенными старѣйшинами, то въ общемъ покореніе инковъ мало измѣняло внутренній строй родовыхъ государствъ туземцевъ. Покоренныя общины были лишены права пользоваться всѣмъ урожаемъ со своихъ полей; онѣ должны были часть принадлежащей имъ земли обрабатывать въ пользу инковъ, часть на содержаніе храмовъ и жрецовъ. Если эта обработка полей велась не индивидуальными силами отдѣльныхъ лицъ, а совокупной работой всей родовой группы, то происходило это оттого, что иной формы веденія сельскаго хозяйства большинство туземцевъ, раздѣленныхъ на родовыя-хозяйственныя общины, не знало. Кромѣ того племенныя и родовыя единицы были обязаны выставлять извѣстное число воиновъ на случай походовъ инковъ и, наконецъ, нѣкоторыя племенныя группы, кромѣ того, должны были время отъ времени присылать инкамъ опредѣленное количество дѣтей. Мальчики дѣлались *янакуна*, т. е. служителями инковъ и ихъ родственниковъ, занимавшихъ высшія государственныя должности, а впослѣдствіи и сами получали различныя должности. Дѣвочки воспитывались въ особыхъ помѣщеніяхъ и потомъ частью опредѣлялись въ качествѣ служительницъ въ храмахъ солнца, частью поступали въ гаремъ инковъ въ качествѣ второстепенныхъ женъ и наложницъ, частью наконецъ онѣ дѣлались женами янакуновъ. Такъ какъ судебныя и административныя функціи сосредоточивались въ рукахъ старѣйшинъ, то указанными обязательствами обработки части земли на пользу инковъ

и жрецовъ, доставленіемъ войска, а мѣстами дѣтей—ограничивалась зависимость племенъ и родовъ отъ покорителей-инковъ.

Въ интересномъ государственномъ строѣ перуанской монархіи—инки ни при чемъ. Общинный строй и коммунистическіе порядки не были дѣломъ мудрости правителей; они были естественнымъ результатомъ господства родовыхъ общинъ. Монархія инковъ представляетъ лишь интересный типъ родового государства, въ которомъ родъ инковъ господствовалъ надъ агрегатомъ чуждыхъ и часто враждебныхъ другъ другу родовыхъ и племенныхъ единицъ. Этимъ-то отсутствіемъ связи между составными частями государства объясняется какъ самый фактъ легкости покоренія монархіи инковъ испанцами, такъ и быстрое распаденіе перуанскаго государства на свои составныя части.

Н. Харузинъ.

СМѢСЬ.

Поѣздка въ Абаранъ.

25-го декабря 1898 г. мною была предпринята экскурсія въ *Абаранъ* [1]), мѣстность, состоящую приблизительно изъ 30 деревень и расположенную террасами на восточномъ склонѣ г. Алагеза. Чудный воздухъ, красота природы, обиліе водъ, отличающихся необыкновенно пріятнымъ вкусомъ, дѣлаютъ эту мѣстность весьма привлекательной и здоровой. Небольшая рѣчка *Касахъ*, протекая черезъ рядъ деревень, спускается затѣмъ на Эчміадзинскую низменность и вливается въ Араксъ. Почва здѣсь мѣстами камениста, что въ значительной мѣрѣ препятствуетъ разведенію скотоводства; главнѣйшую заботу мѣстныхъ жителей, такимъ образомъ, составляетъ земледѣліе, хотя оно далеко не удовлетворяетъ всѣмъ нуждамъ крестьянъ вслѣдствіе недостатка въ пахатной землѣ. Одна изъ важнѣйшихъ тому причинъ—близкое расположеніе деревень, отстоящихъ другъ отъ друга на разстояніи 8, 5 и даже 2 верстъ.

Абаранская деревня—типъ обыкновенной армянской деревни съ ея скученными въ безпорядкѣ хижинками, сдѣланными изъ булыжника и грязи, съ тѣсными проходами вмѣсто улицъ, съ конусообразно сложенными кучами кизяку на дворахъ и на крышахъ. Всѣ домики, лѣпясь одинъ къ другому, образуютъ какъ бы одно строеніе со множествомъ дверей, такъ что крыши представляютъ почти ровную поверхность, по которой происходитъ сообщеніе. Жалокъ видъ этихъ жилищъ, небольшихъ низенькихъ строеній съ земляной крышей, узенькой дверью, безъ оконъ; свѣтъ обыкновенно проникаетъ черезъ небольшое круглое отверстіе, сдѣланное въ крышѣ. Столь же непривлекательна внутренность этихъ лачугъ. Отворивъ дверь, вы входите въ темный корридоръ—такъ называемый *срахъ*, служащій передней; сдѣлавъ нѣсколько шаговъ въ темнотѣ, вы натыкаетесь на другую дверь, и наконецъ уже попадаете въ довольно просторную комнату, служащую конюшней для скота и вмѣстѣ съ тѣмъ «гостиной», куда собираются только мужчины для бесѣды. «Ода» (такъ называется эта комната) отдѣляется отъ конюшни невысокой деревянной

---

[1]) Эчміадзинскаго уѣзда, Эрив. губ. Народъ даетъ слѣдующее толкованіе относительно этимологіи этого имени. Аранъ значитъ „низменность“. Абаранъ—„возвышенность“.

перегородкой и тускло освѣщается черезъ отверстіе въ крышѣ, которая здѣсь дѣлается обыкновенно полукруглой. Устройство «оды» самое несложное: двѣ параллельно идущія каменныя лавки—«садры» или «тумбы», обнесенныя деревянными столбиками и загородкой, пропускають между собой узенькій проходъ и въ концѣ заканчиваются каминомъ—очахомъ,—вдѣланнымъ въ стѣнѣ. «Очахъ» почитается священнымъ предметомъ въ семьѣ каждаго крестьянина и обязательно топится при гостяхъ изъ уваженія къ нимъ. «Ода» наиболѣе зажиточного крестьянина служитъ мѣстомъ сборища сосѣдей и знакомыхъ, собирающихся поболтать о своихъ дѣлахъ или запросто убить время въ разсказахъ о былыхъ временахъ, пѣсняхъ, пословицахъ и проч.; здѣсь предоставляется полная свобода сказочнику развернуть передъ слушателями свое знаніе.

Основная часть жилища—это *тунъ* (домъ), гдѣ обѣдаетъ и спитъ вся семья. Чтобы попасть туда, необходимо опять пройти въ сѣни, откуда черезъ вторыя и даже третьи двери вы наконецъ входите въ просторную комнату съ земляным полом и четырьмя столбами, значительно отстоящими отъ стѣнъ и упирающимися въ бревенчатый потолокъ [1]. Посрединѣ находится «топиръ»—огромная глиняная, круглой формы, печь, которая помѣщается въ землѣ и имѣетъ подземный отдушникъ. Въ ней пекутъ хлѣбъ («лавашъ»), готовятъ обѣдъ и грѣются въ холодъ, опустивъ туда ноги. «Топиръ» также почитается святыней въ каждой семьѣ.—Все убранство «туна» составляютъ тюфяки и войлоки, а въ болѣе зажиточныхъ домахъ и ковры, разостланные на полу. Вся посуда состоитъ изъ нѣсколькихъ глиняныхъ чашекъ, горшковъ различной формы, кувшиновъ большихъ и малыхъ, «хноци»—глиняной маслобойни, имѣющій продолговатую форму и висящей съ потолка въ углу. Тарелки, ложки, ножи и стаканы встрѣчаются лишь въ самыхъ рѣдкихъ исключеніяхъ

Хозяйственные продукты, какъ то: мука, масло, сыръ и проч., хранятся въ сосѣдней небольшой комнаткѣ—*маранъ*,— служащей чуланомъ. Она также сообщается съ остальными частями жилища черезъ дверь, ведущую въ сѣни.

Наиболѣе состоятельные крестьяне имѣютъ большее число комнатъ (4 или 5) и, кромѣ конюшни для лошадей, коровъ и быковъ, еще особое отдѣленіе для мелкаго скота.

Костюмы мужчинъ и женщинъ ничѣмъ не отличаются отъ костюма населенія другихъ частей Эриванской губ. (за исключеніемъ Нахичеванскаго уѣзда): широкія разныхъ цвѣтовъ шаровары, короткая куртка, наз. «аба», огромная барашковая шапка «папахъ», въ которую скрывается голова и зимою и лѣтомъ,—вотъ весь несложный костюмъ крестьянина и бѣднаго и богатаго. Впрочемъ, на многихъ можно видѣть «чухý»—родъ черкески, съ длинными полами, спускающимися ниже колѣнъ. Женщины украшаютъ голову золотыми турецкими монетами, носятъ на груди ожерелье изъ таковыхъ же монетъ, браслеты и серебряный поясъ. Голова и

---

[1]) Крыша здѣсь дѣлается обыкновенно прямой.

нижняя часть лица Абаранки постоянно прикрыта платкомъ въ знакъ цѣломудрія, молодыя же дѣвушки ходятъ съ завитыми на спинѣ косами.

Все населеніе Абарана—переселенцы во время русско-персидской и русско-турецкой войны 28—30 гг. Такъ, напр., селенія Атма́ (150 дымовъ), Базарджухъ, Газанфаръ переселились изъ Маназкерта (тур. Арм.); Каракилсá (82 д.), Чамерлу́, Такарлы́ (25 д.), Хушчи́ (25 д.)—изъ Анашкерта (тур. Арм.); Башъ Акаранъ (300 д.) изъ Вана и Алашкерта; Аликюча́къ (270 д.), Кюлнджа́, Мекка-Касумъ отчасти изъ Баязида (тур. Арм.), отчасти же изъ Персіи.

Переселеніе вредно отразилось прежде всего на нарѣчіи Абаранцевъ, которое отличается неотесанностью, даже грубостью, зародившись изъ смѣшенія діалектовъ ванскаго, мушскаго и эриванскаго. Замѣчательно, что во всемъ Абаранѣ нѣтъ ни одной школы, да и сами жители не любятъ отправлять дѣтей своихъ въ ближайшія мѣстности для обученія. Явленіе это, надо полагать, не мало способствовало тому, что среди населенія этой мѣстности удержалась довольно богатая устная традиція: пѣсни, сказки, въ особенности же эпическія сказанія. Изъ послѣднихъ наиболѣе распространенными являются варіанты о Давидѣ Сасунскомъ, Бурзэ (или Брзу), и другихъ герояхъ иранскаго эпоса, о Рустемѣ же помнятъ весьма мало лишь отрывками. Мною записано по два варіанта объ армянскомъ и иранскомъ (Бурзэ) богатыряхъ, которые отличаются полнотой содержанія и законченностью частей.

Не любя просвѣщенія и будучи отдалены отъ болѣе культурныхъ мѣстностей, жители Абарана сохранили въ значительной мѣрѣ патріархальность быта. Такъ, отецъ семейства считается здѣсь полновластнымъ господиномъ надъ всѣми членами семьи. «Большая» семья не рѣдкость, состоящая иногда изъ 20—25 душъ.

Б. Халатьянцъ.

25 апрѣля 1899 г. Эчміадзинъ.

Двѣ украинскія легенды объ Ангелѣ.

I.

а) Анголъ согришывъ на небесахъ; Господьពославъ его на землю, и нанявся винъ служыть у мужыка.

Возять снопы съ хозяиномъ—вдову несуть; анголъ свои волы спыняе: «Погоняй, сучый сыну, обирвану несуть, обтрепу; та вона така, та вона сяка—ничого не стоить!»—обмынувъ; анголъ помолывся Богу; пронеслы ін и винъ поихавъ. Поскидалы снопы, йидуть опять—колы несуть богатыря велыкого, зъ охрестомъ, зъ усякымъ предовольствиемъ.

—«Стій, спыняй воливъ, покойныка несуть!»—а анголъ: «Гей!» тай поихавъ. «Що за злакъ!» —дума хозяинъ.

Йидуть у недилю—Богъ знае куды—„Херувымы“ спивають у церкви, а невирна сыла укрыла голову (церкви); анголь взявъ камушки тай почавъ кыдаты.—«Куда ты кыдаешь, бо ще попадешь у кого!» Йидуть коло шынку, а въ тому шынку тры чоловика сыдять, хорошым речы говорить; одынъ каже: «Благодарыть Бога, я отъ Бога довольный—пшеныцю продамъ, куплю Вангелию у церкву», а другый каже: «Господы мылосердный, якъ пшеныцю продамъ, куплю я тры корогы у церкву», а третій: «волыкы продамъ—обидъ дамъ». Анголъ иде и хреститься. Хозяинъ и пытае его: «Скажы, сыну, мени, — чого ты, якъ неслы удову, становывся, та Богу молывся, а якъ богатого неслы—такъ не хотивъ; на церкву каминьцямы кыдавъ, а коло шынку хрестывся?».

«Якъ удову неслы,—небеса растворылысь, херувымы спивалы, якъ богатого неслы,—нечыста тварь крючкамы тягла; зъ божого дому нечысту сылу згонявъ, а въ шинку тры чоловика хороши речы разговарывалы—такъ я Богу помолывся.

Прорвавъ стелю и полетивъ анголъ на небеса.

(Запис. въ селѣ Дружковкѣ, Бахмутскаго у. Екатериносл. губ. отъ 80-тилѣтней старухи Степаниды Кошовой).

б) Бувъ соби богатый чоловикъ; не було усе дитей, а то одынъ сынъ найшовсь, тай то нимый; нимый уродывся, нимый и росте; вже росте, росте—все нимый, нимый тай годи; до трыдцяткы вже береться—нимый; исполнылось ему трыдцять литъ—все нимый!..

Разъ батько и каже: «запрягай, сыну, волы, та поидемо у ярмарокъ». Запригъ той сынъ, силы обое и поихалы.

Йидуть, йидуть—везуть помещыка богатого, соборомъ такымъ велыкымъ—сыла попивъ, все паны, музыка духова.

Батько и каже—такъ ему гарно дывыться—и якъ бы мене, сыну, поховалы, якъ цего пана богато визуть, съ такимъ проводомъ богатымъ».

А нимый соби мовчыть.

Йидуть коло церквы. Батько знявъ шапку, трычи перехрестывся, а сынъ трычи плюнувъ.

Йидуть,тай йидуть—шынокъ стоить; нимый знявъ шапку и трычи перехрестывся.

А батько дума: що це зъ нимъ сталося—нимый, нимый, а таке робе.

Йидуть, йидуть, доиздять до базару—висыть вишалныкъ. «Якъ бы, тату, васъ такъ заховаты якъ цего що висыть—отце спасенна душа буде!»

А батько мовчыть, мовчыть—оступенивъ; «ну, дума соби, що то мни сказавъ; трыдцять литъ бувъ нимый, а теперь заговорывъ, та таке сказавъ»; а дали и каже:

— Що то значыть, сыну, що якъ йихалы мы коло церквы, я перехрестывся, ты трычи плюнувъ, а якъ шлы коло шынку, ты перехрестывся, а побачывъ вишалныка, то сказавъ—„отъ якъ бы васъ, тату, такъ заховаты?»

— «Оттого», каже, «тату, панъ богатый, та провидъ богатый, попивъ, попивъ богато, а чортивъ ще бильше—ажъ трещать, такъ тас-

каютъ его; вы, тату, и не бачыте, що на божи церкви черты ажъ цер..ть такъ деруться—я видъ того плюнувъ; а у шынку тры старыка сыдять та объ святому Евангелию розказують—все равно якъ у церкви—видъ того я, якъ йшовъ, трычи перехрестывся...

«А то же вишалныкъ?»

— «А того безневынно повисылы, надъ нимъ анголы спивають, спасеніе его души буде»...

Колы це хмары заразомъ наступылы. «Погоняй, сынку!» такый туманъ накатывъ: дощъ накрапае, наступыла хмара одынъ одного не баче; сталы пиднематься хмары— нимый хто его й знае де и дився.

(Зап. въ 1885 г. въ с. Лебединѣ, Чигиринскаго у., Кіевской губ., отъ Хиври Юхименковой).

II.

Зосталась удовушка сама соби — роду нема а ни лялечки, и найшла соби двохъ близнятокъ; зославъ Господь ангола за душою изъ небесъ принять іи душу до власти, а вона давай просыть пры смерти: «Анголу мій, анголу, дай мени дитокъ выгодувать; у мене ни роду, у мене ни плоду, у мене ни племени, нема кому дитей выкормыть». Анголъ сжалывся и прыйшовъ до Господа Бога безъ души. Пыта его Господь: «Прынисъ душу вдовы?» — «Господи, не прынисъ!» — «Чого-жъ ты не прынисъ?» — «Такъ и такъ, колы вона сыльно просыть». — «Такъ ты старшый мене? ты не старшый мене! ступай же ты на землю спокутовать грихъ!»

Анголъ спустывся на землю и голый, и босый, и нагый, тай дума: де мени прыхылыться?—нигде прыхылыться; пишовъ у шынокъ, а у шынку пьяныци; тай кинеться до его— «що ты за чоловикъ?» то знову тай «що ты за чоловикъ?» а винъ голый; а тутъ крутыться Семенъ пьяныця, крипкый пьяныця, та не пьяный; анголъ прытулывся тай сыдыть, мовчыть,—винъ до его, скинувъ пиджакъ, прыкрывъ того ангола. «Ходимъ до мене, брате, переночуемо». «Ходимъ!» «Пишлы до Семена, а у его жинка була дуже быстра, не богобоязлыва; засвитыла; якъ побачыла ангола и почала: «и такый и сякый, якый самъ пьяныця, такого и прывивъ; ще зъ себе пиджакъ скинувъ—пьяныцю прыкрывъ; тры рубля пропывъ». Семенъ, вынявъ ти тры рубля, отдавъ. «Дай хочь повечерять», каже; вона змилувалась, дала вечерю—окраиць хлиба, старенькои капусты; повечерялы; Семенъ прынисъ соломы, положывъ ангола, пиджакомъ прыкрывъ. Переночувалы соби. «Що-жъ, добрый чоловиче, куды тебе Богъ понесе? ступай чоловиче», каже Семенъ. «Не пиду я, добрый чоловиче; колы ты сапожныкъ, вчы мене сапоги шыть». Остався той анголъ.

Семенъ хороше шые, а анголъ ще краще. Прыихавъ барынъ... «Семене, пошій мени за дванадцять рублей сапогы, щобъ годъ цилый не поролысь» «Боже, Боже», дума Семенъ, «за дванадцять рублей щобъ годъ не поролысь—«ни, барынъ, ны визьмусь»; а анголъ пидторкуе:—

«Берысь, Семене, пошыемо!» Поки той Семенъ балакавъ, анголъ и ремингь поризавъ та ще самый нижный. «Що ты, брате, наробывъ — попортывъ ремивь!» — «Не попортывъ, будуть хороши; не будуть пороться бильше»; и шые смертови.

Той кучеръ поихавъ; поки доихавъ, баринъ ставъ помирать; увизъ кучеръ барина у двиръ—баринъ уже скинчався; обмылы его, нарядылы, а барыня послала до Семена, щобъ сшивъ смертельни; а анголъ уже прыготовывъ; надивъ на барина—уже не по порються до страшного суду!

Иде Семенъ за гришми, иде за нимъ и анголъ. Входыть вдова съ двома дєвушкамы, дєвушкы прыакурачены; анголъ глянувъ, пизнавъ, тай дума: «Боже, Боже мій мылосердный, гришный я передъ тобою; мабудь я вже отвитывъ за грихи!» и каже Семену: «Ступай до дому, обмый свое гришне тило, хочъ не тамъ будешь, де я, та все менче грихивъ».

Раскрылася стеля, и анголъ полетивъ на небеса. Пишовъ Семенъ до дому, нарядывся въ чисте плаття, лигъ, спокоився и пишовъ на небеса.

(Зап. въ 1889 г. въ с. Дружковкѣ, Бахмутск. у. Екатеринославской губ. отъ 80-ти-лѣтней старухи Степаниды Кошовой, по уличному Степухи).

Для сравненія припомнимъ великорусскую легенду «Ангелъ», записанную Аѳанасьевымъ въ Бобровскомъ уѣздѣ Воронежской губ. и напечатанную въ его рѣдкомъ теперь собраніи: «Народныя русскія легенды». Москва, 1859, № 26, стр. 88—90 [1]).

М. Н. Васильевъ.

---

[1]) *Ангелъ*. Родила баба двойни. И посылает Бог ангела вынуть из нея душу. Ангел прилетѣл к бабѣ; жалко ему стало 2-х малых младенцев, не вынул он души из бабы и полетѣл назад к Богу. „Что, вынул душу?" спрашивает его Господь. —Нѣт, Господи!—„Что же так?" Ангел сказал: „У той бабы, Господи, есть 2 малых младенца, чѣм же они станут питаться?" Бог взял жезло, ударил в камень и разбил его на двое. „Полѣзай туда!" сказал Бог ангелу; ангел полѣзъ въ трещину. „Что видишь тамъ?" спросил Господь.—Вижу 2-х червяков. „Кто питает этих червяковъ, тот пропитал бы и 2-х малых младенцев!" И отнял Бог у ангела крылья и пустил его на землю на три года. Нанялся агнел в батраки у попа. Живет у него год и другой; раз послал его поп куда-то за дѣлом. Идет батрак мимо церкви, остановился и давай бросать в нее каменья, а сам наровит, как бы прямо в крест попасть. Народу собралось много много, и принялись всѣ ругать его, чуть-чуть не прибили. Пошел батрак дальше, шел, шел, увидал кабак и давай на него Богу молиться. Что за болван такой! говорят прохожіе; на церковь каменья швыряет, а на кабак молится! мало было эдаких дураков!" А батрак помолился и пошел дальше. Шел, шел, увидал нищаго и ну его ругать попрошайкою. Услыхали то прохожіе люди и пошли к попу с жалобою: так и так, говорят, ходит твой батрак по улицам—только, дурак, над святынею насмѣхается, над убогими ругается. Стал поп его допрашивать: „зачѣм де ты на церковь каменья бросал, на кабакъ Богу молился?" Говорит ему батрак: „не на церковь бросал я каменья, не на кабак Богу молился! Шел я мимо церкви и увидѣл, что нечистая сила за грѣхи наши так и кружится над храмом Божьим, так и лѣпится на крест; вот я и стал шибать в нее каменья. А мимо кабака идучи, увидѣл я много народу, пьют гуляют, о

Частушки или тарантушки, записанныя въ Двиницкой волости Кадниковскаго уѣзда, Вологод. г.

1. Воду черпала въ зеленое ведро,
Чужи люди не научатъ на добро.

2. Возьму красны вёдра,
Пойду въ поле за водой,
Не проводитъ ли милой.
Погляжу я въ чисто поле,
Отъ правленья идутъ двоё:
Одинъ миленькій-то мой,
Другой подруженьки милой.
Отъ правленья-то бѣлѣетъ воротокъ,
Показался мнѣ денечекъ коротокъ.

3. Всю деревнюшку подрою,
Одного дома не трону,
Потому не трону я—
Живетъ милая моя,

4. Въ нашемъ полюшкѣ убили поляша.
У хорошаго гармонья хороша,
Хороша-то бѣломѣховая,
Что милашка полемъ ѣхала;
Полемъ ѣхала, качала головой,
Досвиданья, милый мой.

5. Въ полѣ сосенка кужлява,
Въ осени сулятъ шинель,
Шинель да ружьё,
Прощай, милая моя.

6. Въ сѣнникѣ на косякѣ
Новы карты лежатъ,
Цѣловаться велятъ.

7. Вѣтеръ дуетъ изъ деревни въ полюшко,
Ни кто не знаетъ про моё про горюшко.

8. Голубая лента съ рубчикомъ—
Поѣхала бы съ голубчикомъ,
Голубая то по плечику—
Напеняю я голубчику

9. Голубое да зеленое съ коймой—
Посидѣла умолёная со мной.

10. Голубое подрукавьицо,
Пойду домой на поруганьецо.

11. Голубой, зеленой шарфичекъ,
Мой въ лавкѣ прикащичекъ.

12. Ужъ ты милая моя,
Коротенькая шейка,
Начала меня любить,
Люби хорошенько.

13. Изъ окошка вижу старенькой овинъ,
Колечко мѣдное оставилъ на поминъ.

14. Какъ во полѣ нашемъ полѣ
Травонька шелковая,
Ни зашто не просмѣять,
Коль дѣвушка смирёная.

смертном часѣ не думают, и помолился тут я Богу, чтоб не допустил православных до пьянства и смертной погибели".—А за что облаял убогаго?—„Какой то убогій! много есть у него денег, а все ходит по міру да собирает милостыню: только у прямых нищих хлѣб отнимает. За то и назвал его попрошайкою". Отжил батрак свои три года. Поп дает ему деньги, а онъ говорит: „нѣт, мнѣ деньги не нужны, а ты лучше проводи меня". Пошел поп провожать его. Вот шли они, шли, долго шли, и дал Господь снова ангелу крылья; поднялся он от земли и улетѣл на небо. Тут только узнал поп, кто служил у него цѣлых 3 года.

Варіант. Нанялся ангел у мужика три года работать; выработал 3 рубля, пошел на базар, накупил калачей и роздал нищим. Видит он: идут 2 мальчика, и упал лицом на земь, а потом набрал камней и давай метать на избу" „Вот стали его спрашивать: „скажи, человѣче, зачѣм ты лицом упал на земь?" — А затѣм, что ради этих мальчиков Бог отнял у меня ангельскія крылья.—„А зачѣм метал на избу каменья?"—„Затѣм, что хозяева по ту пору обѣдали, а я отгонял от них дьявола".

15. Кури милый, кури мой,
За спичкамъ сбѣгаю домой,
Папиросочки кури,
Почаще, золотце, ходи?

16. Мамка мяконькій катала,
На ту пору двери полы
Жеребенокъ убѣжалъ,
Всѣ копыта изломалъ.
Поискали не нашли,
Цѣловаться пошли

17. Милая, куда ты?
—За тобой въ солдаты.
Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, не за тобой,—
На колодецъ за водой.

18. Мимо нашего сторонняго окна
Пролегала путь-дороженька торна
Знаю, знаю, кто дорожку проторилъ,
Много злата, много серебра носилъ,
Красавицѣ объ любви говорилъ.

19. Мнѣ сказали про милова:
Худенькой да маленькой;
Погляжу я на милова—
Какъ цвѣточекъ аленькой.
Мнѣ сказали про милова:
Милой водочки не пьетъ;
Погляжу я на милова—
Распьянешененекъ идетъ.

20. Мой-отъ миленкій живетъ въ лѣсу,
Напеку рагулекъ исть (ѣсть) понесу,
Рагулечки исть горячи,
Стану милова жалѣть, берегчи.

21. Мой-то миленькой по міру ходилъ,
На правой рученькѣ гребенечку носилъ,
Подъ окошечкомъ Христа ради просилъ,
Онъ просилъ, просилъ малешенько,
Подавали малехонько,
Цѣловали милешенько.

22. Моя милая капотница
Кружевница—не работница.
Кружева плела на Волкова
На милашечку, на бойкова.

23. На болотѣ вода грязь, вода грязь—
Мой-то миленькой съ тальяночкой увязъ;
Обступился милой въ ямочку,
Изломалъ свою тальяночку.

24. На горушкѣ ручеекъ,
Подъ горой рябинка,
Изсушилъ меня парнекъ
Миленькой дѣтинка.

25. На рукѣ колечко олово не мѣдь—
У себя въ деревнѣ некого любить;
Не у ся (себя) въ деревнѣ милова люблю:
Рѣдко ходитъ—насмотрѣться не могу.

26. На рѣкѣ вода и пѣна,
Скоро будетъ перемѣна.
На рѣкѣ вода и дождь—
Когда съ тальяночкой придешь?

27. На рѣкѣ рубашки мыла,
На порогѣ колотила,
На меня туманъ нашелъ,
Не помню, какъ милой ушелъ.

28. На стороннемъ окошечкѣ
Лежала примѣточка—
Винограда вѣточка.
Виноградъ-то скороспѣлый,
Безъ ума онъ дѣвку сдѣлалъ,
Безъ ума, безъ разума,
Цѣловать приказано.

29. Наша рѣчка не велика,
Не найти у рѣчки дна.
У молоденькихъ у дѣвушекъ,
Не вывѣдать ума.

30. Наша рѣчка невеличка,
Сопалатный камелекъ
Считали дѣвушку смиренной,
Постоянно есть дружокъ.

31. Не брани, мамка, я Пашку, люблю,
Кашемирову рубашку сошью.
Кашемиръ то скоро носится,

Красотой милой заносится.
Кашемиръ-отъ дорогой по рублю,
Милой женится — другого полюблю.

32. Не играй гармонюшка безъ толку,
Не славнуху любятъ—пестунью,
Что у пестуньи нога коротка,
Кто полюбитъ, тому кринка молока,
Еще кислаго кадушечку
Любитъ дѣвушу вертушечку.

33. Не кукуй въ лѣсу, кукушечка,
Не давай грибамъ рости,
Про меня про молоденьку
Хотятъ славу пронести.

34. Не по сахару-ли рѣчка бѣжитъ
По изюму разливается—
Бережка были хрустальные,
Наши дѣвки ненаглядныя,
Цѣловаться пріятныя.

35. Не успѣла самовара скипятить,
Мой-отъ миленькій изъ Вологды катитъ.

36. Обошью себѣ я платье кумачемъ,
Погуляю это лѣто съ богачемъ.

37. Ой вы, дѣвушки, дайте совѣтъ
Черезъ полюшко ходить, али нѣтъ,
Черезъ три поля песочныя,
Черезъ дорожки поперечныя.

38. Ой заиграла бѣломѣхова гармонь,
Сердечко прибыло на цѣлую ладонь.

39. Ой тошнó, тошно, тошно—
Письмо отъ милова пришло,
Не пилось не ѣлось:
Прочитать хотѣлось.

40. Опущу я камень въ воду,
Камешечка не достать.
Полюбила на недѣльку,
Три годочка не отстать.

41. Отъ порогу до порогу
Проторилъ милый дорогу,
Отъ порогу до свѣтца
Цѣловали молодца.

42. Перстенекъ мой, перстенекъ
Укатился подъ шестокъ;
Поискали не нашли,
Цѣловаться пошли

43. Платокъ голубой
Осыпается,
Паренекъ дорогой
Дожидается.

44. Подъ горою ру́чей всталъ, ручей всталъ
Не корите, отъ меня милый отсталъ
Отсталъ милой, погуливаетъ,
Со сторонки приголубливаетъ.

45. Подъ горою баня топится,
Милой парится, торопится;
Поскорѣе надо париться—
У милашки рыба парится—
Рыба, рыба, рыба: жарены ерши;
На гуляньяхъ наши дѣвки хороши.
Рыба, рыба, рыба: жарена треска,
На сердечкѣ непомѣрная тоска.

46. Поиграй, тальянка нова,
Покудъ милая здорова,
Замужъ выйдетъ да помретъ,
Тальяночка не запоетъ.

47. Полно, миленькій, куражиться,
Рубашка шьется, поясъ вяжется.

48. По пустому, милой, ходишь,
По пустому трудъ кладёшь,
Въ семь рублей калоши носишь,
Въ четвертной сибирку рвёшь.

49. Проторилъ милой дорогу
Мимо оконъ по грядамъ,—
Разсердилась на милова,
По грядамъ ходить не дамъ.

50. Пѣсенка новая
Я тебѣ замаю,
Тебѣ будетъ не прибудетъ
На весь вечеръ пѣсни будетъ.

51. Слушай, миленькій: по совѣсти скажу,
Любить не станешь, на пятишникъ накажу.

52. Снѣгъ тащитъ—не видно свѣтику.

Приходилъ просилъ кисетику,
Что кисетика заказанова,
Поясочка просилъ вязанова.

53. Снѣжку бѣлова напало, такъ не тай:
Посулила—посулёное отдай;
Снѣжку бѣлова напало глубоко:
Полюбила я милова далёко,
Далеко тамъ дѣлать нечего,
Одному ходить не весело;
Снѣжку бѣлова пушистова—
Паренька люблю форсистова.

54. Спать охота, больно лавочка узка—
На сердечкѣ непомѣрная тоска.

55. Течётъ рѣчка изъ лѣску по корешку—
Ходитъ милый за рѣку по камешку.

56. Ужъ ты милая моя, какая забѣдовая:
Отдала колечко, поясъ, сладкая медовая.

57. У милова подъ окномъ
Вскопана земелюшка:
Выйду замужъ за него
Седьмая въ семеешку;
Свекоръ да свекровушка,
Два деверя, золовушка.

58. У насъ въ полѣ не березки, кустики,
Про насъ съ повадою сказали пустяки,
Пустяки да небывальщинка,
Я милому не навальщинка;
Даромъ, даромъ за худого отдадутъ,
А за тебя, милой, съ наваломъ не пойдутъ.

59. У меня подъ казачкомъ не куделя—вата;
Отчего милый не ходишь, аль не таровата?

60. У старушки ночевалъ,
Съ печи оборвался,
Не чёртъ тебя пихалъ,
Зачѣмъ не держался.
Есть палати, воронцы,
Поцѣлуйтесь молодцы

61. Фартуки косымъ полосамъ,
Тосковала, потоскуй теперь самъ.

62. Ходитъ милый мимо оконъ,
На окошко не глядитъ,
По тебѣ худо, головушка болитъ.

63. Хороша наша деревни—
Во всю улицу песокъ,
Пропадай мое колечко,
Восемь гривенъ поясокъ.

64. Чай пила безъ сахару, безъ сахару
Тетя бяетъ: за вдовца просватаю,
За вдовца не отдаютъ,
За солдата берегутъ,
За солдата-усана
Пойди, родимая, сама.

65. Чай пила, конфетки ѣла,
Позабыла съ кѣмъ сидѣла.

66. Черезъ рѣчку перекинута доска,
Пришелъ милой, нарядилась не баска,
Нарядилась въ черной зуявочкѣ,
Просижу въ кутѣ на лавочкѣ.

67. Что молодчики молоденькіе,
Тулупчики новенькіе,
Любятъ дѣвки пригоженькія,
Цѣловаться радешенькія.

68. Шелъ тропиночкой лѣсной,
Нашелъ платочекъ носовой,
На платкѣ каемочка
Отъ моей миленочки.

69. Ѣхалъ миленькой горой
На лошадкѣ вороной,
Во серебряномъ сѣдлѣ,
Во суконномъ сертукѣ.

70. Ѣхалъ миленькой изъ города съ возамъ,
Воду черпала—Богъ помочь не сказалъ.

71. Эка паре! эка паре!
Прежде ѣздилъ я на парѣ,
А теперь на одной
На лошадкѣ на худой

72. Эко, эко, эко горе
На селѣ вино худое,
Разведенное водой,
Цѣловальникъ молодой.

73. Я косила у Миколы на мысахъ,
Увидала сгово тятю при часахъ,
Оттого далеко видѣла:
Отъ часовъ отцвѣтка свитила,
На милашечку прибавила красы
На жулеточку повѣсила часы.

74. Я на пожинкѣ косила
Да передникъ износила,
Что передникъ голубой—
Парень дѣвушкамъ милой.

75. Я съ гулянья шла домой,
На маму топнула ногой,
Что ты, мама, дѣлаешь:
Не за любова отдаешь.
Не любой навяжется,
Дологъ вѣкъ покажется.

Сообщилъ **Пр. Дилакторскій.**

Чувашскіе юмзи.

Именемъ «юмзь» называются ворожецы, которыхъ у чувашъ весьма много и къ которымъ прибѣгають они во всякой нуждѣ, во всѣхъ болѣзняхъ и несчастіяхъ. Юмзями бываютъ какъ мужчины, такъ и женщины. Чувашскіе юмзи болѣе, чѣмъ лица того же званія у другихъ инородцевъ, утратили свое древнее жреческое значеніе: нѣтъ у нихъ помощниковъ для вызыванія добрыхъ и заклинанія злыхъ духовъ, нѣтъ особаго костюма, отличающаго ихъ отъ обыкновенныхъ соплеменниковъ ихъ; въ пророческія предсказанія, которыми юмзи, по преданію, когда то славились, нынѣ они уже не пускаются, такъ какъ къ предсказаніямъ подобнаго рода сами чуваши давно уже не имѣютъ слѣпого довѣрія, да и самый богъ Пигамбаръ, по понятіямъ чувашъ прежняго времени, сообщавшій юмзямъ пророческія видѣнія, превратился уже въ покровителя домашняго скота и укротителя хищныхъ звѣрей. При жертвенныхъ моленіяхъ въ керемети (священная роща) Пигамбару приносится юсманъ (тонкая, на крови замѣшенная лепешка), при чемъ говорится: «помилуй, Пигамбаръ! Тебѣ приношу юсманъ и шербетъ: не дѣлай зла, удерживай своихъ собакъ (волковъ, которые у чувашъ называются Пигамбаровыми собаками), не давай имъ воли. Помилуй!»

Различныя болѣзни, по понятіямъ чувашъ, какъ и многихъ другихъ народовъ, признаются существами одушевленными, произвольно или по напуску недоброжелателей постигающими и мучащими человѣка до изнуренія или даже до смерти. Чтобы избавиться отъ болѣзней или узнать, отъ чего болѣзнь постигла и что нужно дѣлать для избавленія отъ нея, чуваши къ больному приглашаютъ юмзя, который при сихъ случаяхъ, совершая своеобразныя мольбы, вмѣстѣ съ тѣмъ прибѣгаетъ къ ворожбѣ, каковая производится различными способами.

Изъ всѣхъ способовъ ворожбы самый общеупотребительный слѣдующій.

Простое крестьянское блюдо наливается водою въ уровень съ краями; на края вокругъ воды кладутся небольшія хлѣбные сухарики, въ рав-

номъ одинъ отъ другого разстояніи. Послѣ такого расположенія сухарей юмзь беретъ въ одну руку кусочекъ хлѣба, втыкаетъ въ него иглу съ ниткой. Держа эту нитку, онъ подноситъ кусочекъ съ иглой на самую средину воды, опирается рукою объ столъ, чтобы кусочекъ съ иглою не колебался; при семъ юмзь глядитъ какъ бы въ воду. Кусочекъ съ иглою начинаетъ качаться и качаніемъ своимъ указываетъ на тотъ или другой изъ кусочковъ, лежащихъ на краяхъ блюда. Юмзь тотчасъ же обращается къ предстоящимъ и говоритъ, что болѣзнь его произошла отъ такого то духа, или такой то кереметя (священная роща), и что ему должно умаливать такихъ то животныхъ. Такой способъ ворожбы юмзей, очевидно, есть нечто иное, какъ обманъ невѣждъ, потому что юмзь, кладя на края блюда сухарики, знаетъ, какой сухарикъ принадлежитъ какому божеству или кереметя.

Молва объ опытности того или другого юмзя въ совершеніи обрядовъ и получаемой отъ него пользѣ быстро разносится по окрестнымъ и дальнимъ чувашскимъ селеніямъ, возбуждаетъ большой запросъ на его практику и доставляетъ имъ значительный доходъ и большой почетъ въ обществѣ чувашъ. Были раньше такіе юмзи, которые, получая въ сутки не менѣе 2—3 руб. чистаго дохода отъ своей практики, дѣлались богатыми и пользовались повсюду—въ домахъ, на базарахъ и питейныхъ заведеніяхъ—почетнымъ пріемомъ и обильнымъ угощеніемъ. Затѣмъ юмзи играли большую роль на свадьбахъ и родинахъ, предохраняя и избавляя своимъ вліяніемъ и извѣстными имъ наговорами новобрачныхъ отъ порчи и новорожденныхъ отъ глаза. Въ прежнее время, по словамъ извѣстнаго знатока чувашскихъ вѣрованій профессора Сбоева, юмзь разбивалъ надъ головою новорожденнаго два сырыхъ яйца, отрывалъ голову живому пѣтуху и выбрасывалъ все это за ворота. Это была неизбѣжная церемонія при трехъ важнѣйшихъ эпохахъ жизни человѣка: рожденіи, бракосочетаніи и смерти.

Въ заключеніе, для полноты настоящей замѣтки о чувашскихъ юмзяхъ, считаемъ не лишнимъ привести самый общеупотребительный наговоръ, употребляемый юмзями для излѣченія головной боли. Юмзь беретъ ковшъ воды, посыпаетъ его солью, бросаетъ въ нее уголь и, мѣшая ее кочедыкомъ, говоритъ, конечно, по чувашски (чувашскій текстъ этого наговора здѣсь не приводится): «Во имя Бога! Да помилуетъ Богъ! Да будетъ отъ Бога помилованье, да будетъ отъ человѣка облегченье. Если Ивану (употребляютъ имя больного) суждено продолжать существованіе, то, очистившись, какъ чистая вода, устоявшись, какъ святая вода, подобно ключевой водѣ, вышедши да уйдетъ (изъ него болѣзнь). Вошедши (проникнувъ) изъ плоти въ плоть, изъ кости въ кость, изъ сгиба въ сгибъ, съ верхушки головы, изъ подошвы ногъ вышедши, да уйдетъ (болѣзнь). Фу, фу! Тьфу, тьфу! Я не дую, я не плюю: изъ Волжскихъ лѣсовъ, изъ Сурскихъ лѣсовъ, безпрепятственно, невредимо переносящаяся старуха пришла, она дуетъ, она плюетъ; отъ этого дуновенья, отъ этого плеванья да будетъ облегченье, да не будетъ надобности во всегдашнемъ дуновеньи». Послѣ этого наговора юмзь приказываетъ больному выпить наговоренную воду. Если послѣ этого болѣзнь вскорѣ проходитъ,

то чуваши прямо приписываютъ это опытности юмзя, а въ противномъ случаѣ говорить, что юмзь чѣмъ-либо оставался недовольнымъ.

Вотъ еще наговоръ противъ болѣзни, постигающей, по вѣрованію чувашъ, съ дурныхъ глазъ: «Во имя Бога! Изъ одного человѣка выдь глазъ, черный глазъ, голубой глазъ, карій глазъ, косой глазъ, бѣлый глазъ, зеленый глазъ, глазъ русскаго, глазъ татарина, глазъ чувашина да выйдетъ! Дую, плюю, выдь глазъ! Хотя семьдесятъ семь языковъ, но отъ одного моего языка да будетъ облегченіе». (По мнѣнію чувашъ и другихъ инородцевъ, на землѣ существуетъ 77 языковъ, 77 вѣръ, 77 деревьевъ, 77 животныхъ, но одному Богъ опредѣлилъ, чтобы каждый народъ говорилъ особымъ языкомъ и исповѣдалъ особую вѣру. Такое вѣрованіе чувашъ, по всей вѣроятности, заимствовано ими отъ татаръ; какъ извѣстно, чуваши, до взятія Казани, находились подъ властію Казанскаго царя-магометанина). «Отъ Бога ожидаю благодѣянія, да будетъ облегченье!»

Противъ порчи или напуска читается такъ: «Главная киреметь, помилуй! Чѣмъ испортилъ, тѣмъ же и помилуй! Если испортилъ сурбаномъ (полотенце), гнилыми лаптями, рубахой, волосомъ, лошадиной гривой—тѣмъ же и помилуй!»

Вотъ какъ дѣйствуютъ чувашскіе юмзи для обмана простого народа.

Свящ. А. И—въ.

Замѣтка о припѣвѣ: „у-редеди—да-редедя".

Въ четвертой книжкѣ «Этнографическаго Обозрѣнія» за 1898 г. (стр. 175) г. Н. М—нъ обращаетъ вниманіе на припѣвъ къ одной свадебной величальной пѣснѣ, записанной въ г. Илимскѣ Иркутской губерніи, припѣвъ, въ которомъ упоминается какой-то «таинственный Ределя». Прежде, чѣмъ рѣшить, что это за лицо, обратимъ вниманіе на сходные припѣвы въ другихъ пѣсняхъ. Къ той же величальной пѣснѣ есть варьянтъ, записанный С. И. Гуляевымъ въ южной Сибири («Библіотека для чтенія» 1848 г., № 7, стр. 14); послѣ каждаго стиха этой пѣсни припѣваютъ: «Уряди, дидъ ладо, ўряди». Въ Сибири же записана свадебная пѣсня съ такимъ припѣвомъ: «Ой ре-ди-ди,» который повторяется, повидимому, послѣ каждаго двустишія (записки и замѣчанія о Сибири,—ы—ой. М. 1837). Сахаровъ, перепечатавшій эту пѣсню въ Сказаніяхъ русскаго народа (т. I 1840 г., кн. 3, стр. 197, № 2), приводитъ въ числѣ пѣсенъ, записанныхъ Яковлевымъ на Петербургскихъ купеческихъ свадьбахъ, одну пѣсню съ припѣвомъ послѣ каждаго стиха: Ой реди, реди» (тамъ же, стр. 193, № 29). Изъ сопоставленія различныхъ формъ припѣва: уредеди, ойредиди, уряди и ойреди, можно вывести, что основная, начальная форма, вѣроятно, звучала «уреди», а потому здѣсь не можетъ быть и рѣчи о какомъ-либо «Ределѣ».

Мы видимъ, что только одна пѣсня съ этимъ припѣвомъ записана у Петербургскаго купечества; всѣ остальныя записаны въ Сибири. На

этомъ основаніи можно думать, что припѣвъ—мѣстнаго, сибирскаго происхожденія и что онъ заимствованъ у какихъ-нибудь сибирскихъ инородцевъ. Дѣйствительно, у алтайскихъ племенъ есть рождественская поздравительная пѣсня, послѣ каждаго стиха которой повторяется припѣвъ «орадый», или «урей», довольно близко подходящій къ формамъ: «ойреди» и «уряди»; у сѣверныхъ алтайцевъ припѣвъ произносится «орадый», а въ варьянтѣ той же пѣсни, записанномъ у телеутовъ, является форма: «урей» (Алтайцы, соч. свящ. Вербицкаго. Томскъ. 1870, стр. 198). Замѣчательно, что какъ русскій, такъ и алтайскій припѣвъ составляетъ принадлежность только величальныхъ пѣсенъ.

Послѣ всего сказаннаго, надѣюсь, что «Редедя» потерялъ свою заманчивую таинственность и что «милая лада» (выраженіе, встрѣчающееся въ илимской пѣснѣ) изъ «жены Редеди» обратится просто въ милую жену священника, котораго величаютъ на свадьбѣ.

А. Марковъ.

Нѣсколько словъ къ „Словарю областного Олонецкаго нарѣчія".

А. К. Гинтеромъ, З. И. Куликовской, В. А. Мошковымъ, академикомъ Ф. Ѳ. Фортунатовымъ и нѣкоторыми другими лицами, взявшими на себя трудъ познакомиться со „Словаремъ областного Олонецкаго нарѣчія", мнѣ были сообщены слова, не имѣющіяся въ моемъ собраніи. Я отложилъ ихъ для предполагаемаго дополненія къ словарю, которое, мнѣ казалось, можно будетъ напечатать много лѣтъ спустя. Но совершенно неожиданно я получилъ отъ секретаря II отдѣленія Императорской Академіи Наукъ П. К. Симони рукопись В. Никонова „Собраніе словъ Архангельской и Олонецкой губерніи" (1862 года [1]), хранящуюся въ Академіи, а также отъ предсѣдателя Отдѣла Этнографіи И. Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, проф. В. Ѳ. Миллера, рукописные матеріалы о костюмахъ Олонецкой губерніи, доставленные въ Отдѣлъ учителями народныхъ училищъ; въ рукописяхъ этихъ также оказались нѣкоторыя интересныя олонецкія слова.

Думая, что такіе счастливые случаи повторяются не часто, а также, что едва ли скоро можетъ набраться матеріалъ для предполагаемаго дополненія, я рѣшилъ напечатать пока эти слова, прибавивъ къ нимъ матеріалъ изъ статьи свящ. А. Пономарева „Кижское нарѣчіе", помѣщенной въ Олонецкихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ (1898 г. № 54 и друг.). Въ предлагаемое дополненіе не вошли нѣсколько словъ, отличающихся обычной для Олонец-

---

[1]) Въ рукописи этой есть также слова Вологодской губерніи.

кой губерніи замѣной *л* въ *у*, *и* въ *ч* (голзать—гоузать, скачекъ—скацёкъ), а также слова, объясненія которыхъ являются неудачными, мало понятными (битуха), или, видимо, недостаточно правильно записанными (напр. гороболь вмѣсто гоноболь).

Бесе́довать и **бесѣ́довать**. „Бесёдуэшь?“ или „бесѣдуэшь?“ спрашивали меня“, сообщаетъ академикъ Ф. Ѳ. Фортунатовъ,—„когда я сидѣлъ въ Косалмѣ (Пт. у) одинъ, ничего не дѣлая, гдѣ нибудь около дома“. „Приходи къ намъ побесёдовать (побесѣдовать)“ (Косалма, Пт. у.), приходи къ намъ въ гости.

Бо́йко (Великогубская вол., Пт. у)[1] хорошо. Бо́йко ль мой парень-то понимае?

Весну́ха (Великогубск. вол.), шельма, плутовка.

Ви́ньгать (Великая губа), визжать.

Вы́волокъ (Пт.), ухабъ.

Выранда (Крг.), выжженное мѣсто въ лѣсу.

Гадо́къ (Пт.), отгадчивъ.

Га́лага (Косалма, Пт. у.), икей.

Ги́мяритъ (Великая губа), смеркается, темнѣетъ. Брось шитье, принеси дроў, на улицы ужъ ги́мяритъ. (Ср. у Барсова **гемеря**)

Гнётка, то же, что **гнетокъ**. См. „Словарь обл. Олон. нарѣчія“

Го́гольнякъ (Великая губа), тростникъ озерной.

Го̑дать (Великая губа), гадать. Отсюда **заго̑дка**.

Гу́ньговать (Великая губа), печалиться, кручиниться.

Дай (Пт.), да и. По́шоў, дай паў.

Долгоу́шка (Крг.), шапка, покрытая телячьей или оленьей шкуркой; долгоушка немного закрываетъ и лицо, наушники завязываются на макушкѣ головы.

Допоя́сникъ (Крг.), куртка безъ полъ и рукавовъ, носимая женщинами или дѣвушками.

Дѣлъ (Пт.) то-же что дѣвалъ. Куды я дѣлъ, не помню.

Забо́йникъ (Великая губа), снѣжный сугробъ.

Завбры (тамъ-же), прясло.

Загря́знуть (тамъ-же), завязнуть.

Заклина́ть (Пт., Заон.), запрещать, останавливать.

Закра́енъ (Пт.), вышитый край простыни.

Зали́цка (Великая губа), пропускная бумага.

---

[1] Великогубская волость, Петрозаводскаго уѣзда, въ простонародьи зовется Великой губой; значеніе сокращеній: Пт., Пт. у.—Петрозаводскій уѣздъ; Пв. Пов. у.—Повѣнецкій уѣздъ, Карг.—Каргопольскій уѣздъ, Заон.—Заонежье.

Замолбтчикъ (Пт.), молотильщикъ.

Зàрѣка: **нà-зарѣку**—(Пт.) въ зарѣчную часть города.

Земени́ка (Косалма, Пт. у.), земляника. См. „Словарь обл. Олонецк. нарѣчія“, **земни́ца**.

Знѣть (Велика губа), тлѣть, чуть-чуть горѣть.

Изойдетъ (Пт.), не будетъ ли, не найдется ли, не будетъ ли милость.

Камéдный (Укшозеро), люб ящій паясничать.

Исчесъ (Великая губа), чистый ленъ, волокно. „У меня одного исчесу болѣ пуда буде“.

Казачéкъ (Пт.), игра въ горѣлки.

Каля́шницять (Великая губа), управляться съ кухоннымъ дѣломъ. „До полудни каляшницяла сиводни“.

Капалы́га (Пт.), прихрамывающій на одну ногу.

Келéйка—см. **Солгинъ**.

Киби́тка (Пт.), задній уголъ избы.

Киндюга (Великая губа), ивовая или березовая гладкая палка, срубленная подъ самый корень; длина ея около 2 арш., толщина не болѣе $1^1/_2$ верш.. **Киндюгой** убиваютъ волковъ, загнанныхъ въ сѣть.

Козобáнъ (Пт., Пв. Заон.), толстякъ, пузатый; такъ же зовутъ мальчика, который много ѣстъ. „Ну, ты, козобанъ, глядѣть не на ково, а ѣшь за мужика.“

Колю́кушка (Пт.), курятникъ.

Коря́тце или **конáтце** (Пт.), кидать жребій въ играхъ.

Крохбтки (Великая губа), хлѣбныя крошки.

Кругъ (Пт.), хороводъ.

Ку́льпа (Пт., Пв.), **ку́лопа**, **кульпина** (Великая губа), середина паруса, сильно надутая вѣтромъ, складка, сборка; тѣмъ-же именемъ зовется все плохо, неровно сшитое.

Кумани́ца (Великая губа), головка съ сѣменами конопли.

Кусòу́ницать (Великая губа), ѣсть хлѣбъ въ неопредѣленное, неурочное время. Ср. **кусоловничать**.

Ку́тня (Великая губа), снѣжная мятель, вьюга. „Эка видь ку́тня сидьни, глазъ отворить не́ моци“!

Кухляки́ (Косалма, Пт. у.), вм. **хухляки́**—маскированные.

Лáйна (Великая губа), род. п. лайнъ. Пазы въ лодкѣ или соймѣ.

Лèмехъ (тамъ же), большое пламя.

Ли́стега (тамъ же), тоненькій ледъ, въ листъ толщиной. „Гляди, листега поплыла по́ воды, вѣрно приморaживать стало“.

Ли́стовка (Пт.), четки.

Мату́рна шубка (Б. Шалга, Крг. у.), сарафанъ съ высокимъ лифомъ, сшитый изъ красного своей работы или покупного сукна; спереди, отъ ворота до подола, нашивался рядъ крупныхъ яйцеобразныхъ пуговицъ.

Меженить (Пт.), дуть то съ одной, то съ другой стороны.

Моли́ться (Пт. Крг.), усиленно просить. „Помоли́сь кресному, дакъ ёнъ може и пособитъ парня жанить".

Моцъ (Пт.), сила, мощь.

Настёўка, (Великая губа), рядъ сноповъ, обмолачиваемыхъ на овинѣ. „Мы до за́втрока три настёуки вымолотили".

Насы́пать кому-либо (Пт.), дать вздучку.

Не́коли, не́какъ (Пт.), некогда, недосугъ, невозможно.

Не́моци (Великая губа), нельзя. „Не́моци въ люди го́ворить, что ёнъ ини ска́заў".

Нёртега (тамъ же), куча овса или жита, состоящая изъ трехъ „барановъ". „Бораны пролямались, мошно ихъ и въ нертеги класть".

Нудья́ (Пов. у.), то же что **нодья**. См. „Словарь областн. Олонецк. нарѣчія".

Оги́бка (Пт.), пологъ вокругъ дѣтской колыбели.

Одно. **Съ одново́** (Пт.), безъ перерыва. „Сегодня вѣтеръ съ одного дуетъ". „Говорить съ одного"—говорить безъ умолку.

Околбценка (Великая губа), игра въ прятки.

Острый клинъ (Панфиловская вол., Карг. у.). Обыкновенный русскій покрой кафтана и полушубка извѣстенъ подъ названіемъ покроя „на острый клинъ".

О́тчиватце (Великая губа), отказываться отъ угощенія. „Поўно те́би о́тчиватце, сядь, да па́ужинай!"

Оха́питься (Пт.), обняться, схватить кого-либо въ охапку.

Охити́тце (Заон.), спрятаться. Ср. **Охутиться**.

О́чисть (Выгозеро), оправдательные документы, расписки и т. п. „Говоритъ, что деньги уплатилъ, да очисти-то у него никакой нѣтъ".

Па́ношай (Великая губа), человѣкъ, сопровождающій священника при сборѣ Петровщины и т. п.

Пика (Пт.), палка съ желѣзнымъ наконечникомъ, съ которою ходятъ по льду.

Питерски шапки (Панфиловская вол., Карг. у.), шапки, хранящіяся у пожилыхъ крестьянъ, напоминающія своей формой митру, синяго сукна.

Подвёртки (Пт.), портянки, онучи.

Подъѣздки (Пт.), небольшія дровни, употребляемыя при возкѣ бревенъ; толстый конецъ бревна кладется на дровни, а вершина на подъѣздки.

Поподе́льница (Шалякушской вол., Карг. у.), вышивка на подолѣ женской сорочки.

По́ршни (Леншинской вол., Карг. у.), обувь съ короткими широкими голенищами; шьются поршни просторно, широкая подошва загибается вверхъ, каблукъ широкій и очень низкій.

Править деньги (Выгозеро, Пов. у.), собирать долги, подати и т п

Правилка (Пт.), **правнýка** (Заон.), брусъ, которымъ во время косьбы точатъ косу.

Прибóтка (Великая губа), обыкновенная булавка.

Пу́пень (тамъ же), деревянная пробка; пу́пень вставляется въ отверстіе, сдѣланное въ кормовой части лодки, для отливанія воды.

Развести́ (Пт.), сыграть что-либо на гармоникѣ. „Ну-ка, Иванъ, разведи чего-ни повеселѣе".

Ра́угать (Великая губа), **ра́вгать** (Пт.), мяукать по-кошачьи. Въ „Словарѣ обл. Олонецк. нарѣчія": **ра́вайдать**.

Рони́ть лѣсъ (Пт., Пов., Карг.), рубить.

Рóхкали (Великая губа), незрѣлыя ягоды.

Рохлу́шка (Мишковская вол., Карг. у.), женская кофточка безъ тальи, напоминающая ночную дамскую кофту.

Рунду́къ (Пт.), свободно висящая веревка, прикрѣпленная однимъ концомъ къ носу лодки, другимъ къ мачтѣ. Къ срединѣ этой веревки привязываютъ бичеву, если надо тащить лодку противъ теченія. Устраивается рундукъ для того, чтобы не тянуть лодку ни за мачту, ни за носъ. Если тянуть лодку за носъ, она поворачиваетъ къ берегу, а если за мачту—наоборотъ, отворачиваетъ отъ берега.

Рыбогóнъ (Косалма, Пт. у.), озерная птица, называемая иначе **гуйка**.

Рю́шка (Великая губа), катушка нитокъ.

Сбы́ть (Пт.), соскользнуть, соскочить. „Ноги сбыли, дый пау въ воду".

Свитéцъ (Пт., Карг.), подставка для освѣщенія избы лучиною.

Сви́та (Заон.), верхняя одежда: шуба, кафтанъ, пальто.

Семишóвка (Инфантовск. вол., Карг. у.), куртка, спинка которой изъ семи швовъ. Ср. въ „Слов. области. Олон. нарѣчія" **пятишовка**.

Сердéцникъ (Великая губа), безрукавая ватная кофта у женщинъ, на подобіе жилета.

Сестрени́ка (Косалма, Пт. у.), красная смородина. Въ „Словарѣ обл. Олонецк. нарѣчія": **сестреница**.

Си́дни (Заон.), сегодня.

Сковорóдникъ (Великая губа), коромысло (насѣкомое).

Сливнóй (Пт.), проливной (о дождѣ)

Сóлгинъ („Олонецк. Губ. Вѣд.", 1898 г., № 58), процессъ выбиранія на бесѣдѣ каждой дѣвицей наиболѣе нравящагося ей парня; имя парня сообщаетъ дѣвица одному изъ играющихъ, тотъ вызываетъ избраннаго протанцовать съ дѣвушкой русскую. Выбирающая дѣвица зовется **соминой**, выбранный парень—**соминщикомъ**. Послѣ того какъ всѣ протанцуютъ, принято „отдавать солгинъ", т. е. парни приглашаютъ, въ свою очередь, выбиравшихъ ихъ дѣвицъ; не отдать солгинъ значитъ оскорбить. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ слово **солгинъ** замѣняетъ **келейка**.

Сполáгоря (Пт.), не особенно жалко, еще терпимо. „Ну, это еще сполáгоря".

Страхови́тый (Косалма, Пт. у.), страшный. „Страховито было“ — страшно было.

Схудоу́миться (Пт.), закручиниться, заскучать, разстроиться.

Тесе́мочникъ (Фатьяновская вол., Карг. у.), вышедшій изъ употребленія сарафанъ изъ чернаго или желтаго холста, съ лифомъ, безъ рукавовъ. На весь сарафанъ нашивались сверху внизъ ленты краснаго цвѣта, на разстояніи около 3-хъ вершковъ другъ отъ друга. Сзади къ плечамъ пришивались двѣ ленты, наз. **рукавами**; длина ихъ равнялась длинѣ сарафана. Спереди, во всю длину сарафана, нашивались въ два ряда, на разстояніи вершка другъ отъ друга, крупныя серебряныя пуговицы; на пуговицы накладывались шнурки съ петлями.

Тирза (Великая губа), осенняя или весенняя грязь на улицѣ. Въ „Слов. области. Олон. нарѣчія“: **кирза**.

Тя́тивы (тамъ-же), бревна въ крыльцѣ, съ выдолбленными мѣстами для ступеней.

У́кальница (Пт.), сова.

Упра́нъ (р. Оять), покойникъ, встающій по ночамъ изъ могилъ и показывающійся, преимущественно женщинамъ, въ видѣ бѣлаго шара.

Фу́кать (Пт.), дуть, раздувать (напр. огонь).

Ха́туль, хатуле́къ (Пт.), узелокъ съ одеждой и чѣмъ-либо другимъ.

Ша́вать (Пт.), тихо, осторожно ходить.

Шве́ды (Косалма, Пт. у.), финны; **шведскій** языкъ, финскій языкъ; **шведскій** берегъ Ладожскаго озера. См. въ „Словарѣ обл. Олонецк. нарѣчія“: **Швеція**.

Ши́льникъ (Пт.), слабый, вешній, разсыпающійся ледъ.

Шинова́ть, пойти въ шинъ (Пт.), сидѣть съ кѣмъ-либо послѣ танцевъ. **Шинующіе** парень и дѣвушка садятся обыкновенно въ сторонѣ, подальше отъ толпы; иногда уходятъ за деревню и садятся гдѣ-либо подлѣ дороги.

Широкопе́льный сарафанъ (Уствелга, Карг. у.), старушечій сарафанъ, изъ синей нанки или пестряди, со спинкой и грудью, но безъ рукавовъ. Передъ застегивается старинными шарообразными пуговицами, нашиваемыми отъ ворота до подола.

Шу́морить (Великая губа), колдовать. „Ёнъ шу́моритъ маленько, дый дѣло наладится“.

Г. И. Куликовскій.

КРИТИКА и БИБЛІОГРАФІЯ.

Первобытный человѣкъ. Популярныя бесѣды Эдуарда Клодда. *Переводъ со 2-го англійскаго изданія, съ 87 рисунками въ текстѣ.* Москва. 1898 г. Изданіе магазина «Книжное Дѣло». 186 стр. in 16° Цѣна 50 коп.

Подобно многимъ другимъ популярнымъ книгамъ по исторіи первобытнаго человѣка, сочиненіе Клодда отличается чрезмѣрнымъ преобладаніемъ археологическихъ данныхъ надъ этнографическими, и это является главнымъ его недостаткомъ. Интересуясь спеціально доисторической археологіей, Клоддъ обращается къ этнографіи только мимоходомъ и при томъ преимущественно для объясненія вещественныхъ памятниковъ древности. Отсюда получается, что изложеніе общественной организаціи первобытнаго человѣка, его семьи и брака въ разбираемой нами книгѣ совершенно отсутствуетъ, если не считать нѣсколькихъ отрывочныхъ фразъ и болѣе чѣмъ краткаго очерка быта первобытныхъ „арійцевъ" по даннымъ сравнительнаго языковѣдѣнія. Еще меньше удѣлено вниманія развитію языка, письменности и счисленія, о нихъ прямо-таки ничего не говорится. Правда, книжка Клодда очень не велика, но это не можетъ служить достаточнымъ оправданіемъ для автора, такъ какъ краткость является достоинствомъ только въ томъ случаѣ, когда она не вредитъ интересамъ дѣла. Упущеніе же такихъ важныхъ сторонъ жизни, какъ упомянутыя нами, даетъ крайне одностороннее и неполное представленіе о предметѣ, что, конечно, вовсе нежелательно. Сравнительно больше посчастливилось религіознымъ вѣрованіямъ, но и тутъ сильно сказываются спеціальные интересы автора, отразившіеся какъ на содержаніи тѣхъ страницъ, которыя посвящены имъ данному вопросу, такъ и на распредѣленіи матеріала. Первобытныя анимистическія вѣрованія излагаются Клоддомъ въ главѣ о «Новомъ каменномъ вѣкѣ», не потому, конечно, чтобы онъ считалъ ихъ особенностью этого періода, не существовавшей въ палеолитическую эпоху, а просто потому, что они пришлись здѣсь къ слову для объясненія неолитическихъ могильныхъ памятниковъ. Тутъ же говорится довольно подробно и про поклоненіе камнямъ. Культъ растеній излагается уже гораздо короче и въ другомъ мѣстѣ въ видѣ иллюстраціи пользованія данными языка для возстановленія первобытной культуры индо-европейцевъ. Наконецъ, о культѣ воды идетъ рѣчь уже въ главѣ о «Вѣкѣ металловъ» по поводу нахожденія на днѣ озеръ украшеній, брошенныхъ, какъ предполагаютъ, въ качествѣ приношенія духамъ водъ.

Составить себѣ при такомъ способѣ изложенія какое-нибудь представленіе о вѣрованіяхъ первобытнаго человѣка является нелегкой задачей, тѣмъ болѣе, что и въ данномъ случаѣ о нѣкоторыхъ очень важныхъ сторонахъ вопроса нѣтъ ни единого слова. Не смотря на это, Клоддъ выражаетъ надежду, что ему удастся «уяснить преемство вѣрованій и тожество обычаевъ, преобладавшія со дня появленія человѣческой мысли», а въ «заключеніи» говоритъ слѣдующее: «Изъ этого очерка (т. е. изъ всей книги) видно также, что цивилизованный человѣкъ сохраняетъ и въ значительной степени раздѣляетъ первобытныя понятія своихъ предковъ объ окружающемъ мірѣ. Такимъ образомъ, мы узнаемъ и то, что онъ *дѣлалъ*, и то, что онъ *думалъ*». Отсюда мы видимъ, что Клоддъ отнюдь не ограничивалъ своей задачи однимъ возстановленіемъ матеріальной культуры прошлаго, и потому отмѣченные нами пропуски имѣютъ тѣмъ большее значеніе.

Обращаясь затѣмъ къ главной, археологической части книги, мы должны замѣтить, что и она не свободна отъ недостатковъ и, между прочимъ, страдаетъ сухостью изложенія, переходящаго порой въ простой перечень найденныхъ остатковъ извѣстной эпохи; до извѣстной степени этотъ недостатокъ возмѣщается многочисленными рисунками, но нѣсколько болѣе подробныя описанія были бы здѣсь далеко не лишними. Между прочимъ, и въ данномъ отношеніи автору могло бы значительно помочь болѣе щедрое пользованіе этнографическимъ матерьяломъ, которое придало бы изложенію больше живости и картинности. Другимъ недостаткомъ автора является то, что онъ совершенно не обращаетъ вниманія на эволюцію орудій и на развитіе болѣе сложныхъ изъ болѣе простыхъ. Встрѣчаются у автора и нѣкоторые отдѣльные промахи; такъ, напр., напрасно онъ утверждаетъ безъ всякихъ оговорокъ, что семья является первичной формой общественной организаціи человѣка; не совсѣмъ точно, или по крайней мѣрѣ нуждается въ поясненіяхъ его утвержденіе, что названія ячменя, пшеницы и льна являются общими въ индо-европейской семьѣ языковъ; рискованнымъ далѣе является мнѣніе о зависимости культа животныхъ и растеній отъ вѣрованія о происхожденіи человѣка отъ нихъ, и т. д. Антропологическія экскурсіи автора отличаются краткостью и страдаютъ недостаткомъ точности и отчетливости.—Что касается до перевода, то мы не могли провѣрить степени его вѣрности, за неимѣніемъ подъ руками подлинника, но мѣстами встрѣчаются очень шероховатыя фразы, какъ напр: «Необходимо пояснить, что черепъ измѣряется отношеніемъ своей ширины къ длинѣ, т. е. отъ передней части къ задней съ точностью до одной. сотой» (стр. 95); или: «Семья—единица общества, не только когда узы между родителями шатки и кратковременны, такъ что потомство относится къ материнской сторонѣ, но когда тотемизмъ, недостатокъ въ женщинахъ, ведущій къ насильственному овладѣванію ими, руководитъ выборомъ женъ» (стр. 157); или: «Что касается послѣдняго изъ этихъ открытій (пара), то замѣтимъ мимоходомъ, что съ доисторическихъ громовъ и до открытія пара въ первобытныхъ средствахъ не было сдѣлано никакихъ замѣтныхъ улучшеній» (стр. 162). Уоллесъ названъ *сотрудникомъ* Дарвина по открытію теоріи естественнаго

подбора (стр. 20), а Діодоръ Сицилійскій переименованъ въ Діодора Сикулла (стр. 69).

А. Максимовъ.

Zur Frage über den Ursprung der Slaven. Ein Nachtrag zu meiner Schrift «O původu Slovanů» Von Dr. J. Niederle. Prag 1899 15 стр.

Настоящая брошюра представляетъ дополненіе къ болѣе раннему труду Нидерле «О происхожденіи славянъ» (см. Этн. Обозр., кн. XXXVII, стр. 132—141). Издавая брошюру, авторъ имѣлъ между прочимъ въ виду болѣе широкое распространеніе своихъ взглядовъ среди читателей, незнакомыхъ съ чешскимъ языкомъ, но, къ сожалѣнію, очень неполно передаетъ свою аргументацію и ограничивается лишь одной стороной вопроса—антропологической. Онъ попрежнему настаиваетъ на длинноголовости первобытныхъ славянъ, но вноситъ теперь ту поправку, что признаетъ неоднородность антропологическаго состава древняго славянства и существованіе на ряду съ долихоцефалическимъ большинствомъ брахицефалическаго меньшинства, оставляя открытымъ вопросъ о томъ, являются ли эти два типа варіаціями одного первоначальнаго, или короткоголовый типъ привнесенъ какимъ-нибудь чуждымъ элементомъ. Попрежнему онъ настаиваетъ и на свѣтломъ типѣ славянъ и далѣе переходитъ къ тому противорѣчію, которое существуетъ между признаніемъ длинноголовости первобытныхъ славянъ и короткоголовости современныхъ, и въ которомъ онъ видитъ главное препятствіе принятію его теоріи. Для устраненія этого противорѣчія онъ, какъ и раньше, допускаетъ трансформацію антропологическаго типа славянъ и задается вопросомъ о ея причинахъ. Двѣ изъ такихъ приводимыхъ имъ раньше причинъ (вліяніе среды и умственнаго развитія) онъ теперь опускаетъ, но за то въ дополненіе къ третьей (скрещиваніе съ брахицефалическими народностями) указываетъ еще на одну возможную—поглощеніе длинноголовыхъ элементовъ короткоголовыми въ силу ихъ большей жизненности,—процессъ, который былъ уже отмѣченъ въ другихъ мѣстахъ Европы. Впрочемъ, этотъ вопросъ онъ не считаетъ рѣшеннымъ и думаетъ, что могли быть и другіе факторы трансформаціи, но сама трансформація должна была имѣть мѣсто въ виду невозможности принести кому-либо, кромѣ славянъ, длинноголовые черепа, найденные между Карпатами и Днѣпромъ.

А. Максимовъ.

Le Koran. Traduction nouvelle, par M. Kasimirski. *Nouvelle édition entiérement revue et corrigée, augmentée de notes de commentaires et d'un index.* Paris 1898. Prix 3 fr. 50 cent. («Bibliothéque Charpentier»).

Иностранные переводы Корана не могутъ не интересовать русской публики, потому что существующій на русскомъ языкѣ переводъ Саблукова не имѣетъ научнаго значенія. Трудъ Казимірскаго, такимъ образомъ, поневолѣ будетъ привлекать русскаго читателя. Къ сожалѣнію, и Казимірскаго переводъ не можетъ быть признанъ безупречнымъ; очень жаль, что даже въ новѣйшемъ изданіи, хотя оно—«entièrement revue et corrigée», встрѣчается не мало упущеній.

Не всегда удачно обставлены у Казимірскаго коментаріи. «Notice biographique sur Mahomet» написана по Коссенъ-де-Персевалю. Трудъ Коссена-де-Персеваля (1848) для своего времени былъ, конечно, очень хорошъ, потому что авторъ нагромоздилъ много новыхъ матеріаловъ; но эти матеріалы были собраны почти въ сыромъ видѣ, безъ критической обработки, и руководиться въ наше время Коссенъ-де-Персевалемъ, послѣ появленія въ свѣтъ изслѣдованій Нельдеке, Мьюра, Шпренгера (популяризованныхъ и на французскомъ языкѣ Бартелеми Сентъ-Илеромъ) просто странно. Въ «Notice» Казимірскаго читатель найдетъ, какъ непреложную истину, свѣдѣнія о юношеской встрѣчѣ Мохаммеда съ монахомъ Сергіемъ, объ эпилепсіи Мохаммеда (тогда какъ его болѣзнь была мускульная истерія) и о склонности первыхъ арабовъ къ религіозному ученію Мохаммеда. Въ примѣчаніяхъ къ переводу на стр. 301-ой Казимірскій повторяетъ старую басню, безусловно отвергнутую учеными, о томъ, что поэмы-моаллаки вывѣшивались въ Мекканскомъ святилищѣ.

Что касается собственно перевода, то возраженія могутъ быть вызваны тѣми мѣстами, которыя и по-арабски изложены неясно, такъ что самими мусульманами толкуются различно. Казимірскій въ сомнительныхъ случаяхъ слѣдуетъ англійскому переводу Сэля (Sale), но не имѣетъ осторожности, присущей Сэлю. Напримѣръ, въ сурѣ 85-ой выраженіе «товарищи рва» Сэль хотя понимаетъ въ смыслѣ «мучители» и строитъ сообразно съ этимъ пониманіемъ весь свой переводъ, но все таки оговаривается, что данное мѣсто толкуется комментаторами еще иначе. Это второе толкованіе, на которое намекаетъ Сэль, заключается въ томъ, что подъ «товарищами рва» разумѣются не мучители, а сами мученики, ввергнутые въ ровъ; разъ мы его примемъ (согласно, напримѣръ, съ проф. Гиргасомъ, авторомъ «Словаря къ Корану»), то и прочія слова даннаго отрывка должны быть переведены совсѣмъ иначе и, притомъ, на нашъ взглядъ, удачнѣе. Казимірскій совсѣмъ не упоминаетъ объ этомъ второмъ толкованіи, и вмѣсто «погибли мученики» переводитъ «да погибнутъ мучители»; вмѣсто «сидѣли на кострѣ» — «сидѣли у костра» и т. д. Подобная небрежность проявилась здѣсь, пожалуй, въ мѣстѣ спорномъ; но бываютъ случаи, когда Казимірскій небрежно переводитъ мѣста вполнѣ безспорныя. Такъ, въ сурѣ 16-ой онъ аккуратно употребляетъ вездѣ единственное число: «пчела» (abeille), тогда какъ по-арабски тамъ употреблено собирательное: «пчелы» (нахль).

Выгодныя стороны перевода Казимірскаго — ето легкость и удобопонятность, чего совсѣмъ нельзя сказать о неуклюжемъ русскомъ переводѣ Саблукова.

А. Крымскій.

А. Крымскій. Мусульманство и его будущность. *Изданіе магазина «Книжное Дѣло»*. Москва 1899 г. VI + 120 стр. Цѣна 75 коп.

Россіи приходится вступать въ очень близкія соприкосновенія съ мусульманскимъ Востокомъ, а сверхъ того въ ея собственныхъ предѣлахъ живетъ не одинъ милліонъ послѣдователей ислама. Въ виду этого

изученіе ислама имѣетъ для насъ не только теоретическій, но и живой практическій интересъ, которому, къ сожалѣнію, отнюдь не соотвѣтствуетъ та литература, которую мы имѣемъ по данному вопросу. Нельзя сказать, чтобы эта литература была бѣдна количественно, но за то она очень низко стоитъ въ качественномъ отношеніи, и серьезныхъ, стоящихъ на высотѣ науки, трудовъ можно назвать очень немного. Къ числу этихъ рѣдкихъ исключеній принадлежитъ и разбираемая нами книжка г. Крымскаго, написанная съ несомнѣннымъ знаніемъ дѣла. Къ сожалѣнію, у нея есть одинъ существенный недостатокъ, а именно, она слишкомъ коротка. Особенно сильно страдаютъ этимъ недостаткомъ двѣ первыя главы, посвященныя историческому очерку мусульманства; въ нихъ ничего не сказано о соціальныхъ отношеніяхъ и бытѣ арабовъ въ эпоху до Мохаммеда, равно какъ и о тѣхъ культурныхъ элементахъ, которые были привнесены въ исламъ различными народами, воспринявшими его, что тѣмъ болѣе важно, что самъ авторъ указываетъ на неоднородность мусульманства въ различныя времена и у различныхъ народовъ. Слишкомъ кратокъ очеркъ различныхъ мусульманскихъ сектъ, многія изъ нихъ только упоминаются безъ всякихъ поясненій. Однако, при всей своей краткости и эти главы будутъ далеко не безполезны для многихъ читателей, все знакомство которыхъ съ исторіей ислама ограничивается гимназическими учебниками. Гораздо полнѣе 3-я глава, носящая заглавіе «Современное положеніе ислама»: въ ней достаточно подробно изложены различныя стороны жизни турокъ, персовъ и другихъ народовъ; большей полноты можно было бы пожелать очерку промышленности и торговли, которому отведено лишь три страницы, да и то содержаніе ихъ посвящено преимущественно выясненію того, какимъ препятствіемъ для промышленности являются восточныя правительства. 4-я глава, посвященная вопросу о будущности ислама и его отношеніямъ къ европейской цивилизаціи, написана очень интересно и содержитъ въ себѣ рядъ выводовъ, которые для широкой читающей публики будутъ иной разъ и новостью. Главное положеніе, къ которому приходитъ авторъ, это то, что препятствіемъ процессу и усвоенію европейской цивилизаціи служитъ не исламъ самъ по себѣ, а тѣ политическія условія, въ которыхъ приходится жить большинству мусульманскихъ народовъ, въ иныхъ случаяхъ и расовыя особенности нѣкоторыхъ послѣдователей ислама (тюрки). Переходя къ частностямъ, мы сдѣлаемъ автору слѣдующія замѣчанія. Говоря объ успѣхахъ мусульманскаго миссіонерства въ сравненіи съ христіанской проповѣдью, г. Крымскій указываетъ, какъ на исключеніе, на сибирскихъ инородцевъ, гдѣ, наоборотъ, христіанство одержало побѣду надъ мусульманствомъ (стр. 105), но при этомъ онъ забываетъ, съ одной стороны, киргизовъ, окончательное обращеніе которыхъ въ исламъ принадлежитъ очень недавнему времени, а съ другой, упускаетъ изъ виду два обстоятельства: во-первыхъ, то, что обращеніе сибирскихъ инородцевъ въ христіанство зачастую было фиктивно и обусловливалось посторонними религіи мотивами, а во-вторыхъ, то, что, по указанію самого же автора, обращеніе въ исламъ совершается не путемъ спеціальнаго миссіонерства,

а при торговыхъ и иныхъ соприкосновеніяхъ данныхъ народовъ; сибирскіе инородцы очень мало входятъ въ соприкосновеніе съ мусульманскими народами, и въ этомъ заключается одна изъ причинъ неуспѣха среди нихъ ислама. Другое наше замѣчаніе относится къ тому объясненію, которое г. Крымскій даетъ извѣстному восточному пороку. По его мнѣнію, этотъ порокъ развивается первоначально среди бѣдняковъ, не имѣющихъ своихъ харемовъ и не желающихъ рисковать своею жизнью въ чужихъ (стр. 80), а отъ бѣдныхъ переходитъ къ богатымъ, гдѣ отупѣлость женщинъ мѣшаетъ всякому глубокому чувству къ женщинѣ. Что послѣдняя причина играла роль—это безспорно, но первое объясненіе намъ кажется неудачнымъ. Полигамія у мусульманъ распространена лишь у богатыхъ, слѣдовательно, недостатка въ женщинахъ нѣтъ и, вообще, бракъ на Востокѣ не обставленъ какими-нибудь трудностями; въ виду этого невозможно приписывать этотъ порокъ затруднительности естественнаго удовлетворенія потребностямъ человѣка. Помимо всего этого мы не знаемъ, какія причины побудили автора приписать первоначальное появленіе этого порока болѣе бѣднымъ классамъ населенія: никакихъ данныхъ въ пользу такого предположенія не приведено. Читается книга легко и, вѣроятно, найдетъ обширный кругъ читателей, которымъ она будетъ, конечно, полезна.

А. Максимовъ.

Труды Рязанской Ученой Архивной Комиссіи. 1898. Вып. 2.

Второй выпускъ XIII т. Трудовъ Рязанской Ученой Архивной Комиссіи заключаетъ въ себѣ главнымъ образомъ архивный матеріалъ. Кромѣ воспоминаній ген.-маіора Докудовскаго, здѣсь помѣщено еще продолженіе описи дѣлъ Рязанскаго Историческаго Архива (Платежные отписи съ 1647-го по 1725 гг.); затѣмъ, тоже уже начата работа членовъ комиссіи: «копіи съ подлинныхъ грамотъ жаловачныхъ и съ прочихъ выписей на монастырскія земли Николая Чудотворца Радовицкаго монастыря на Мещерскія, на Тамбовскія и на Шиненскія», «Состояніе укрѣпленій г. Переяславля Рязанскаго въ 1641 г.» и «Матеріалы для исторіи главнаго народнаго училища въ Рязани и учрежденія другихъ народныхъ (малыхъ) училищъ въ Рязанской губерніи.

Матеріалъ, имѣющій непосредственное отношеніе къ этнографіи, читатель найдетъ въ протоколахъ засѣданій Комиссіи, продолженіе которыхъ помѣщено въ разсматриваемой книжкѣ. Здѣсь довольно подробно излагается сообщеніе г. Рождественскаго «Раскопки древнихъ могильниковъ въ Ряз. губ.»; сообщеніе это обставлено сравнительными данными изъ области этнографіи современныхъ инородцевъ.

Для библіографа представляетъ интересъ приложенный къ Трудамъ библіографическій словарь писателей и ученыхъ Рязанскаго края. Въ разсматриваемомъ выпускѣ прилагается уже 4-я тетрадь этого словаря.

Д. С.

Судьба Грузіи. Въ стихахъ, изъ древней рукописи. *Изданіе прот. Д. Гамбашидзе.* Кутаисъ, 1897 г.

Въ предисловіи издатель вышеозначенной книги заявляетъ, что она извлечена изъ дефектной рукописи неизвѣстнаго автора, принадлежавшей царевичу Іоанну, впослѣдствіи пріобрѣтенной С.-Петербургской Публичной библіотекой. Отпечатанная книга представляетъ вторую часть той рукописи, въ которой ей предшествуетъ рифмованный пересказъ Ветхаго Завѣта до Давида и Соломона, послѣ чего слѣдуетъ изложеніе событій согласно свѣдѣніямъ лѣтописи «Картлисъ-Цховреба». Слѣдовательно, особенно выдающагося историческаго интереса книга не представляетъ, а является однимъ изъ многочисленныхъ образцовъ древней грузинской литературы, въ которой стихотворные разсказы преобладаютъ надъ прозаическими. Житія святыхъ, историческія повѣсти, біографическіе факты объ именитыхъ дѣятеляхъ и даже философскія разсужденія облекались въ рифмованную или размѣренную рѣчь, нерѣдко въ довольно неуклюжей формѣ. Это странное явленіе можетъ быть объяснено легкостью грузинскаго стихосложенія, основаннаго на количествѣ слоговъ. Авторъ разбираемой исторической повѣсти начинаетъ разсказъ съ Ветхаго Завѣта, чтобы связать легендарное происхожденіе грузинскихъ царей съ именами Давида и Соломона. «Вторая глава ея ужъ повѣствуетъ о прибытіи Гурама, отпрыска царя и пророка Давида, въ Грузію, при царяхъ ея Дачи и братѣ его Мирдатѣ». Вступленіе къ дальнѣйшему изложенію историческихъ фактовъ не имѣло поэтическаго колорита. «Издревле, съ сердцемъ необъятымъ они (Багратиды) взлюбили Картли, гдѣ воздухъ благорастворенъ и бѣгутъ ручьи; тамъ горы и долины одѣты въ чудную растительность, обиліе красивыхъ плодовъ превращаютъ ее въ нарядный рай». Любопытно, что авторъ допускаетъ народныя выраженія и придаетъ повѣствованію простой, естественный характеръ. Такъ, онъ сопровождаетъ слово рай эпитетомъ «нарядный». Авторъ слѣдитъ за внѣшними и внутренними событіями въ исторіи Грузіи,, излагаетъ безчисленныя войны отъ Гурама до нашествія монголовъ включительно. Заканчивается изданная часть царствованіемъ Давида Нарина (XIII в). Съ особенной любовью онъ останавливается на личности и дѣйствіяхъ царя Давида Возобновителя и царицы Тамары. Авторъ выходитъ здѣсь изъ предѣловъ историческихъ документовъ и создаетъ картину оплакиванія великой царицы: Плачъ первый—карталинцевъ; второй—имеретинъ, мингрельцевъ, гурійцевъ и абхазцевъ; третій—саатабагейцевъ, четвертый—кахетинцевъ и пятый—тушинъ, пшавовъ, хевсуръ, арагвцевъ, ксанцевъ и кавказскихъ горцевъ». Плачъ сохраняетъ индивидуальныя особенности и, на ряду съ прославленіемъ безсмертной царицы, заключаетъ въ себѣ изліянія народныхъ чувствъ, переполнившихъ сердца.

*А. Хаханов*ъ.

Гульбатъ (псевдонимъ). **Сборникъ грузинскихъ легендъ.** Москва. 1899. Цѣна 1 р. 25 к.

Авторъ легендъ въ предисловіи съ сожалѣніемъ заявляетъ, что старинныя преданія утрачиваются изъ памяти народной, и, желая ихъ

спасти отъ окончательнаго забвенія, онъ собралъ и напечаталъ двадцать три легенды въ надеждѣ, что одинъ изъ талантливыхъ и юныхъ писателей сумѣетъ возвратить этимъ сказаніямъ «ту прелесть и грацію, которыхъ лишаетъ ихъ старческій лепетъ автора». Въ составъ книжки, заключающей въ себѣ 467 стр. in 8°, вошли легенды, пріуроченныя къ выдающимся моментамъ грузинской жизни. Здѣсь имѣются сказанія о еретикахъ дохристіанскихъ (легенда «Тритино»), объ основаніи грузинскаго царства («Фарнаозъ»), о проповѣди евангелія св. Ниной, о царицѣ Тамарѣ и др. Такія сказанія сохранились въ грузинской лѣтописи, и нѣтъ сомнѣнія, что въ нихъ имѣются отзвуки исторической старины. Что же касается другихъ легендъ, относимыхъ авторомъ къ IV в. или XI вѣку («Дождь», «Брильянтъ»), то трудно указать ихъ основы въ письменныхъ источникахъ, и онѣ должны быть причислены къ такимъ сказаніямъ, о которыхъ не сохранилось свѣдѣній даже въ устной словесности, намъ извѣстной. Жаль, что авторъ не указываетъ, отъ кого и гдѣ были записаны такія легенды, какъ «Паукъ», «Жемчужное ожерелье», «Камета», которыя, отличаясь поэтическимъ содержаніемъ и художественной формой, до сихъ поръ не были извѣстны въ Грузіи. Нельзя не указать, что нѣкоторыя собственныя имена, по винѣ корректора, звучатъ неправильно: такъ, встрѣчаются Шавхетія, вмѣсто Шавшетія, Арзасидъ, вм. Аршакидъ, Михрандутъ, вм. Мирандухтъ. Немножко странными являются для грузинской жизни и имена героевъ изъ классическихъ писателей, таковы: Плиній, Цицеронъ и др. Несмотря на эти мелкія замѣчанія, сборникъ грузинскихъ легендъ является весьма цѣннымъ для этнологіи пріобрѣтеніемъ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя изъ нихъ отличаются значительною новизною по своему содержанію. Авторъ, очевидно, слышалъ ихъ въ такой средѣ, изъ которой никто до настоящаго времени не счелъ нужнымъ познакомить съ ними читателей. Если принять во вниманіе, что легенды изложены живымъ, образнымъ языкомъ, то нельзя не пожелать успѣха этому первому опыту отдѣльнаго изданія грузинскихъ легендъ въ русскомъ переводѣ.

А. Хахановъ.

М. Е. Соколовъ. Великорусскія свадебныя пѣсни и причитанія, *записанныя въ Саратовской губерніи.* Саратовъ, 1898.

Разбираясь въ русской этнографической литературѣ, приходится констатировать тотъ прискорбный фактъ, что почти каждый издатель произведеній народной словесности портитъ свою книгу или неумѣстными, или крайне тенденціозными предисловіями и замѣтками (вспомнимъ хотя-бы «замѣтки» покойнаго Безсонова къ извѣстнымъ пѣснямъ Кирѣевскаго и Рыбникова). Не избѣжала этой печальной участи и новая брошюра г. Соколова. Свой небольшой и скромный сборникъ свадебныхъ пѣсенъ собиратель снабжаетъ далеко не скромными, претендующими на ученость и на властное слово патріота «мыслями». Какого образа мыслей держится г. Соколовъ, лучше всего показываетъ объявленіе о его сборникѣ былинъ и пѣсенъ на обложкѣ разбираемой нами книги: «Введеніе къ этому сборнику является

опроверженіемъ украйнофильства и всякого рода русскаго (?) сепаратизма». И достается же отъ г. Соколова «сепаратистамъ», которые осмѣливаются думать, «что жизнь малороссіянки скрашивается любовью мужа!» На зло всѣмъ почему-то именно украйнофиламъ, онъ изрекаетъ «приговоръ»: «что великоруссъ, что малороссъ или пинчукъ—одно и тоже», и сейчасъ же доказываетъ свое положеніе 1) тѣмъ, что семейныя непріятности, бываютъ какъ у великоруссовъ, такъ и малороссовъ, и 2) сходствомъ пѣсенъ у тѣхъ и другихъ. Но такъ какъ сходство нѣкоторыхъ пѣсенъ не даетъ права заключать о полномъ тожествѣ народностей (иначе намъ пришлось бы принять въ свое родство и татаръ, и якутовъ), то защитникъ «этнографическаго единства русскихъ племенъ» неожиданно изрекаетъ другое «безусловно-вѣрное положеніе: всякая великорусская пѣсня варьянтъ малорусской, бѣлорусской и червоннорусской и наоборотъ», совершенно забывая хотя бы о томъ, что не существуетъ ни одного малорусскаго, бѣлорусскаго или червоннорусскаго варьянта великорусск. былинъ (а это непростительно для собирателя послѣднихъ). Мимоходомъ отчитавъ за сепаратизмъ ни въ чемъ неповинныхъ Костомарова и А. Н. Пыпина (кстати сказать, послѣдній болѣе склоненъ признавать единство этнографическаго состава Малороссіи съ до-татарской ю.-з. Русью. См. «Ист. русск. лит.» I, 166 и слѣд.) и проливъ слезы умиленія передъ мудрою древностью, г. Соколовъ, по примѣру блаженной памяти адмирала Шишкова, мечетъ громы на присутствіе въ русскомъ языкѣ иностранныхъ словъ, предлагаетъ образцы «будущаго русскаго книжнаго языка» и, въ неумѣренной ревности, изгоняетъ даже исконно-русское слово «колоколъ». Всякое пустячное замѣчаніе даетъ поводъ нашему славянофилу дѣлать несоизмѣримо-важные выводы и говорить о «мѣрахъ», которыя желательно было бы предпринять противъ иноземщины и сепаратизма. Отсутствіе «національнаго самосознанія» не только въ необразованной, но и въ образованной (!) толпѣ выводится прямо изъ того, что въ старинныхъ пѣсняхъ встрѣчаются иностранныя слова, и для поднятія уровня самосознанія остается, конечно, только исключить ихъ изъ употребленія. Плохое же самосознаніе у г. Соколова, если оно основывается исключительно на звукахъ употребляемой имъ рѣчи! Но довольно о «мысляхъ» собирателя; обратимся къ его сборничку.

Заглавіе «Свадебныя пѣсни» не даетъ понятія о книжкѣ. Дѣло въ томъ, что собиратель помѣстилъ здѣсь всѣ пѣсни, слышанныя имъ на свадьбахъ; поэтому болѣе трети пѣсенъ, именно №№ 41—74, пѣвшіяся на дѣвичникѣ, оказываются игорными пѣснями (или походочными, такими, которыя употребляются обыкновенно при танцахъ въ избѣ). Что эти №№ только случайно пѣлись на дѣвичникѣ, показываетъ сравненіе ихъ съ извѣстными въ печати варьянтами; но и самъ собиратель замѣчаетъ относительно №№ 56, 63, 64 и 74, что онѣ поются и на посидѣлкахъ, и даже приводитъ хороводную пѣсню (№ 68), какъ близкій варьянтъ къ №№ 66—7. Незнакомство съ литературою по народной словесности не дало ему возможности отмѣтить печатные варьянты и такимъ образомъ выдѣлить новый матерьялъ, какой даетъ сборникъ. На-

сколько можно было замѣтить при бѣгломъ просмотрѣ, около половины (44 изъ 95) пѣсенъ уже извѣстно по варьянтамъ (№№ 3, 6, 7, вторая половина 9-аго, 10—20, 28—36, 38, 41—., 46, 52, 57, 60, 64—8, 71—2, 74, 83, 85, 94—5).

Большая часть свадебныхъ пѣсенъ, судя по складу,—сравнительно новаго происхожденія; но въ нѣкоторыхъ замѣтны отголоски древняго быта; приведемъ нѣсколько примѣровъ: Бракъ вполнѣ отрываетъ невѣсту отъ родительскаго дома, на что указываетъ такое сравненіе:

Зелену сосну съ кореня валятъ...
Душу-Аннушку съ терема ведутъ (стр. 1).

Терминъ «ведутъ» вполнѣ согласуется со старымъ названіемъ законной жены—водимая. На обычай невѣсты разувать жениха, кое-гдѣ сохранившійся доселѣ, указываетъ просьба тещи къ зятю:

Не заставь ее (невѣсту) разувати (стр. 12).

Тотъ же мотивъ—въ варьянтахъ: Сахаровъ, III, 285; Терещенко, II, 304; Пермскій сборникъ I, отдѣлъ II, 55, и въ несвадебной пѣснѣ, ibid., 117). Объ умыканіи свидѣтельствуетъ начало пѣсни (стр. 4—5), гдѣ женихъ подступаетъ къ городу съ «силой войскою» и забираетъ въ плѣнъ «душу-дѣвицу». Этотъ древній образъ прибавленъ изъ другой пѣсни, такъ какъ во всѣхъ извѣстныхъ варьянтахъ его нѣтъ (Сах., III, 178; Терещ., II, 154; Этнографическій Сборникъ, V, Вел. свад. обр., 48, Пермск. сб. II, отд. II, 140; Вас. Поповъ 216). Подобную вставку въ новую пѣсню представляетъ конецъ №№ 19 и 20, сохранившій воспоминаніе объ удѣльномъ періодѣ русской исторіи: молодецъ молитъ Бога, чтобы его

Государь-*царь* (подновлено вм. «меня»—Колом. у.) пожаловалъ
Тремя городами славными.

Такое же воспоминаніе видимъ въ былинѣ о Вольгѣ и Микулѣ и въ олонецкомъ причитаніи невѣсты, въ «Бесѣдѣ» 1872 г., VI, 119. Въ другихъ 13 варьянтахъ (Сах. III, 68; Терещ., II, 317; Воронежскій этнограф. сборн., I, № 2130; Варенцовъ, 106; Шейнъ, Русскія нар. пѣс., 520; Вас. Поповъ, 148; въ записанныхъ мною въ Московской, Тульской и Рязанской губерніяхъ), этой вставки нѣтъ. Въ одной новой пѣснѣ (стр. 10), очевидно, уже первый слагатель воспользовался (хотя и неудачно) старымъ образомъ: женихъ, проходя (въ другихъ вар. проѣзжая на конѣ) мимо тестева двора, «ударилъ копьемъ въ ворота», но невѣсту вызвалъ очень ласково; этотъ мотивъ сохранился во всѣхъ варьянтахъ (Сах. III, 122; Шейнъ, Рус. нар. пѣс. 515; въ записанныхъ мною въ Смол., Моск. и Рязанской губерніяхъ), кромѣ одного (Шейнъ, 581), а также встрѣчается въ другихъ пѣсняхъ (Шейнъ, Великоруссъ, 365; Васнецовъ, 100; Соболевскій I, 278 и слѣд.; въ малор. свад. пѣснѣ: Этнограф. Сборникъ I, 359). Относительно введенія чертъ новаго быта въ старыя пѣсни мы не будемъ говорить, въ виду общеизвѣстности факта.

Многія свадебныя пѣсни носятъ на себѣ черты происхожденія изъ высшаго общества. Кромѣ указаннаго въ величальной пѣснѣ желанія

молодца сдѣлаться удѣльнымъ княземъ, интересно названіе (впрочемъ обычное) поѣзжанъ князьями, боярами (стр. 67); женихъ представляется обладателемъ не только пары коней, но и слугъ (24, 36); невѣста помѣщается въ Москвѣ, въ боярскомъ домѣ (24) или въ дворянскомъ переулкѣ (26). Культурный центръ, куда тянетъ населеніе Саратовской губ. (акающее), это—Москва, которая въ пѣсняхъ упоминается всего чаще (23, 24, 26; Китай-городъ, 35); изъ городовъ, кромѣ находящихся въ Сарат. губ., встрѣчаются Тамбовъ (19, 20) и Александръ (37—8, Владим. губ.?). Александровскій кремль (ошибкою «Крымъ») находимъ въ пѣснѣ, извѣстной еще, насколько я знаю, только въ бассейнѣ Волги, въ Симбир. и Вятской губ. (Шейнъ, Великоруссъ, 161). Относительно причитаній невѣсты замѣчу, что они очень коротки и что нѣтъ въ нихъ той поэзіи и содержательности, которыми отличаются причитанія нашего Сѣвера, Олонецкой, Волог., Пермской губ.

Что касается записей пѣсенъ, то онѣ сдѣланы очень точно и, притомъ, съ голоса, благодаря чему размѣры являются въ довольно правильномъ видѣ. Особенности областного говора въ большинствѣ №№ переданы настолько точно, насколько позволяетъ общепринятый алфавитъ. Можно усомниться только въ нѣкоторыхъ формахъ, напр., *ха*ть (у или ы?), пріѣзжяй (зь или жь?)—стр. 1; жениссн (сь, 22); отмѣтимъ интересный выговоръ: Ягор*а*ча (3), Иван*а*ча (13), бар*а*шни (23), вин. пад. вол*я*-ту, нѣг*а*-ту (рядомъ съ «красату», 69), въ которомъ надо видѣть фонетическую особенность. Намъ только кажется излишнимъ пестрить книгу соблюденіемъ аканья, когда нѣтъ средствъ выразить его вполнѣ точно, такъ какъ, напр., написаніе «васпаро́дила» даетъ поводъ смѣшивать звуки перваго и второго слога, обозначенные однимъ знакомъ. Въ заключеніе замѣтимъ, что для брошюры въ 77 страницъ 60 коп. является слишкомъ высокою цѣною.

А. Марковъ.

М. Е. Соколовъ. Былины, историческія, военныя, разбойничьи и воровскія пѣсни, *записанныя въ Саратовской губерніи.* Петровскъ. 1896.

Зная уже заранѣе, что «введеніе къ этому сборнику является опроверженіемъ... русскаго сепаратизма», мы съ сокрушеннымъ сердцемъ приступали къ чтенію статьи, преслѣдующей такія безсмысленныя задачи. Но дѣйствительность превзошла всякія ожиданія. Можно ли безъ крайняго удивленія читать писанія «послѣдовательнаго русскаго націоналиста (стр. III), который называетъ стихотворенія Т. Г. Шевченка «украйнофильскими книжонками» (такъ!—на стр. II); который утверждаетъ, что языкъ малорусской литературы — «украйнофильскій языкъ» (слѣдовательно, неблагонадежный въ политическомъ отношеніи?), напоминающій «отчасти офенскій языкъ и тарабарскій» (стр. VIII); который «украйнофиловъ», т. е. всѣхъ пишущихъ малорусскимъ языкомъ, честитъ наименованіями невѣждъ, наивныхъ романтиковъ, полонофиловъ, недоляшковъ (!) и мазепинцевъ; людей, признающихъ право гражданства за ма-

лорусскою литературой, сравниваетъ съ тушинцами (с. IX), а мнѣнiе ихъ считаетъ недомыслiемъ и софизмомъ (с. VI)?, Какъ безусловный поклонникъ мудрой древности, г. Соколовъ заимствуетъ у нея всѣ свои общественные идеалы, нисколько не заботясь о реальной дѣйствительности. Какое ему дѣло до отличiя малорусскаго нарѣчiя отъ великорусскаго, когда оба они «вышли изъ первобытнаго единства» (с. VI); какое ему дѣло до мѣстныхъ интересовъ населенiя, когда русскiе великiе князья, обладавшiе необычайною «политическою мудростью» (с. VII), «прибѣгали къ переселенiямъ русскихъ племенъ (цѣлыхъ племенъ!?) одного на мѣсто другого» (с. III)? Первобытная древность такъ плѣняетъ г. Соколова, что онъ договаривается до абсурда: «Если бы малоруссы такъ же отличались отъ великоруссовъ, какъ негры отъ шведовъ, и въ этомъ случаѣ не могло бы быть рѣчи о малорусской народности, такъ какъ малоруссы вмѣстѣ съ великоруссами.. составляютъ одну историческую нацiональность». Итакъ, хотя «для нацiональнаго единства... совсѣмъ ненужно этнографическое единство» (с. VII,) однако для него всетаки требуется единство литературнаго языка. Какъ видно изъ пространныхъ филологическихъ разсужденiй г. Соколова [1]), онъ требуетъ, чтобы всѣ русскiе подданные писали исключительно на книжномъ нацiональномъ языкѣ, признавая таковымъ вмѣстѣ съ авторомъ только великор. языкъ; но мы знаемъ изъ другой его брошюры, что современная литературная рѣчь его не удовлетворяетъ, что онъ желалъ бы измѣнить ее въ чисто-русскомъ, исторически-нацiональномъ духѣ. Такимъ образомъ, выходитъ, что строго-послѣдовательнымъ нацiоналистамъ, которые «весьма недовольны», кромѣ самихъ себя, нѣтъ никакой возможности выступить въ литературѣ, пока нѣтъ спецiально-нацiоналистическаго языка. Да лучше бы они и не выступали!

Можетъ быть, кто-нибудь замѣтитъ, что не стоитъ обращать вниманiя на введенiе, которое не имѣетъ никакого отношенiя къ сборнику пѣсенъ и не можетъ вредить его достоинству; но, оказывается, это — не совсѣмъ такъ: нацiоналистическiя тенденцiи автора неблагопрiятно повлiяли на выборъ матерiала для его брошюры. Стараясь доказать близость малор. нарѣчiя къ великор. и подробно разбирая съ этой цѣлью языкъ двухъ пѣсенъ объ освобожденiи крестьянъ, сложенныхъ однимъ крестьяниномъ Саратовскаго уѣзда, онъ не приводитъ этихъ весьма интересныхъ пѣсенъ; различая великоруссовъ, акающихъ по-московски и по-рязански, онъ не сообщаетъ, до какихъ предѣловъ простирается окающiй говоръ въ Саратовской губ. Впрочемъ, нужно отдать автору справедливость,—собранныя имъ пѣсни нисколько не подтверждаютъ мыслей, проводимыхъ во введенiи; высказавъ здѣсь мнѣнiе (вполнѣ неосновательное), «что во всякой русской губернiи можно записать... не менѣе 500 былинъ и историческихъ пѣсенъ» (с. IX), самъ онъ записалъ только 3 былины и 9 историческихъ пѣсенъ.

[1]) Компетентность его въ этомъ дѣлѣ можно видѣть хотя бы изъ того,что въ качествѣ примѣровъ оканья въ южно-великор. говорѣ онъ приводитъ формы: кóтюцца, тóщитъ, не утóйте! (стр. IV).

Какъ извѣстно, Саратовская губ. не отличается сохранностью былевого эпоса; и былины, приводимыя въ сборникѣ г. Соколова, являются въ отрывочномъ и скомканномъ видѣ. № 1 представляетъ собою начало рѣдкой былины о Суровцѣ-Суздальцѣ, который названъ здѣсь Сухановъ Ивановичемъ; такое смѣшеніе именъ наблюдается нерѣдко; такъ у Рыбникова (II, 158—164) этотъ же богатырь названъ Дюкомъ, а у Кирѣевскаго (II, 80)—Алешей. Саратовскій отрывокъ разсказываетъ о выѣздѣ Сухана изъ Кіева и о встрѣчѣ его съ вѣщимъ ворономъ, который посылаетъ его на Ердань-рѣку, гдѣ стоитъ татарская сила. №№ 2 и 3 являются двумя записями, отъ однихъ и тѣхъ же лицъ, былины о столкновеніи Добрыни съ Алешей изъ-за жены. Одна изъ записей воспроизводитъ пропѣтую былину фонетически, а другая—сдѣлана обычнымъ правописаніемъ, при чемъ чтеніе: «Поищу себѣ дружинушку храбрую» (стр. 4), вмѣсто «харабрава» (с. 4), намъ представляется искаженіемъ, такъ какъ подъ дружинушкой здѣсь разумѣется товарищъ. Ближайшій варьянтъ этой весьма скомканной былины записанъ въ Саратовѣ и помѣщенъ у Кирѣевскаго (II, 17). № 4—Иванъ Гостиный сынъ. Съ голоса записано только начало былины, а конецъ, котораго пѣвцы не помнили, разсказанъ ими въ краткихъ чертахъ. Основное содержаніе показываетъ, что былина—одной версіи съ варьянтомъ у Кирши Данилова; но пропущенная тамъ подробность олонецкихъ пересказовъ, что конь выхватываетъ по соболю изъ шубы Ивана, оказывается на-лицо въ саратовскомъ, и, такимъ образомъ, подтверждаетъ мнѣніе В. Ѳ. Миллера о томъ, что «она принадлежала древнѣйшей редакціи былины» («Журн. Мин. Нар. Пр.» 1896, № 4, отд. II, 285). Не представляя ничего новаго, саратовскія записи важны для сужденія о географическомъ распространеніи былинъ. То же самое можно сказать и относительно историческихъ пѣсенъ (№№ 6—18, 21), которыя извѣстны въ большемъ или меньшемъ числѣ пересказовъ; отмѣтимъ только № 10—пѣсню о Петрѣ I и шведскомъ королѣ, доселѣ не попадавшуюся намъ въ печати, и № 12—пѣсню о двѣнадцатомъ годѣ, къ которой мы нашли у Кирѣевскаго (X, 22) лишь одинъ весьма далекій варьянтъ. Изъ остальныхъ пѣсенъ новинками являются: № 5—овсеневая пѣсня, напечатанная среди былевыхъ, №№ 22—4 и 26 (послѣдній). № 24: «Мальчишка-бѣдняжечка склонилъ свою головушку», весьма популярная теперь пѣсня, интересна тѣмъ, что ея начало напоминаетъ стихотвореніе Кольцова: «Два прощанія». Относительно цѣны брошюры приходится повторить замѣчаніе, высказанное по поводу другого сборника г. Соколова,—что 21 пѣсня (безъ варьянтовъ) не стоитъ 40 копеекъ: конечно, не придастъ цѣны сборнику и введеніе, которое способно только портить кровь у читателей и за которое нужно было бы взять плату съ самого автора.

А. Марковъ.

ЖУРНАЛЫ и ГАЗЕТЫ.

Вокругъ Свѣта. 1897. 37—41. *К. Носиловъ.* По киргизской степи. (Мелкія этногр. замѣтки).—**46—47**. *П. Инфантьевъ.* Около шайтановъ.—**1898. 3.** *Н. Д.* Гостепріимство у самоанцевъ.—**11**. Испанскія народныя увеселенія (звѣрпныя травли, изъ „Morning Post“).—Къ рисункамъ. Жертвоприношенія у вотяковъ. (Мультанское дѣло).—**14**. *А. Баловъ.* Пасхальные обычаи въ Ярославской губ. **17**. Хвостатые люди (на о. около Суматры).—**34**. Сватовство въ Китаѣ (письмо жениха).—**37**. *Н. Д—ко.* Тайна озера, тунисская легенда.—**39**. Доисторическая битва (между майясами и жителями свайныхъ построекъ).—**43**. *И. А—въ.* Груэ Грозованъ, бессарабская легенда.—**48**. *И. А—въ.* Островъ Колгуевъ. (Кое-что о характерѣ самоѣдовъ, замѣтка 2 англичанъ).—**36**. *П. К—цкій.* Константинополь. Изъ записокъ туриста. (Приводится разсказъ о состязаніи ксендза съ солдатомъ, якобы случившемся въ ю.-з. краѣ; подобное преданіе приводитъ Буслаевъ въ „Лѣтописяхъ р. лит. и др.“, т. III, отд. II: „О преніи христіанъ съ жиды“).—**1899. 1—4.** *К. Носиловъ,* На обской рыбалкѣ (у остяковъ).—**5**. *И. А.* Очерки дикихъ народовъ: афрпк. племя Су-су.

Волынскія Епарх. Вѣд. 1897. 36. Документы, относящ. къ древней исторіи Почаевскаго монастыря. (1224 г.).—Историко-статистич. описаніе церквей и приходовъ Волынской епархіи (пословицы, загадки, пѣсни, загов., примѣты).—**1898. 1—13.** Документы, отн. къ др. ист. Поч. мон. (1221—1322 гг.)—**1, 13**. Программа для собиранія свѣдѣній о древностяхъ (къ XI Археолог. съѣзду).—**6**. Ист.-стат. опис. ц. и прих. Вол. еп. (обычаи, повѣрья, обряды, пѣсни, свадьба, медицина).—**19**. То же (одежда крестьянъ).—**21**. То же (суевѣрія, обычаи, обряды, свадьба, медицина).—**31** Церковно-приходская лѣтопись с. Глубочка, Житомирскаго у. (Відьмаръ, відьма, упыръ; Сонъ пресв. Богородицы, Іерусалимское знаменіе, Сказаніе Клименты папы римскаго. како... постить 12 пятницъ, Катехизма).—**32**, То же (вітровий батько, кометы, жиды, болѣзни; змовы отъ зубной боли, крови, вроковъ). **33**. То же (примѣты).

Кіевское Слово. 1898 г. - 3594. Казань (Бѣгуны-душители).—**3598**. Нѣжинскій уѣздъ (Дѣтоубійство).—**3615**. Радомысльскій уѣздъ (Суевѣріе, какъ продуктъ невѣжества.—Цыганки-ворожки).—**3622**. То же (Поголовное пьянство въ селахъ.—„Сватанья и весилья“).—**3625**. То же (Случай въ селѣ Скуратахъ, рисующій отношенія народа съ одной стороны къ больницамъ, а съ другой ко всѣмъ прорицателямъ будущаго). L'ago.—**3644**. Сквирскій уѣздъ (къ волостнымъ порядкамъ).

Иверія 1898, 114, 115. О передѣлѣ Сагареджойскихъ общинныхъ земель. *Л. Агніашвили*—**122, 127, 139, 147, 184, 185**. Библіогр. замѣтки о древнихъ груз. рукописяхъ. *М. Д.*—**125**. Католицизмъ въ Грузіи **182**. Тріалети (описаніе).—**137, 159**. Народныя пѣсни.

Кавказъ 1898, 138, 165, 184, 199. Вліяніе малярія на колонизацію. *Пантюховъ.*—**153, 160, 167** По бывшему Текинскому ха ству—**163**. Нѣчто объ одеждѣ и религіи хевсуръ. *К. Ганъ.*—**198**. Отзывъ о II вып. Ист. груз. слов. А. Хаханова. Француженка о Кавказѣ. *М. Венюкова* **223** Библ. Zichy, La migration

de la race hongroise. *А. Хаханова*—**216.** Къ до-исторической археологіи Дагестана *Ѳ. А-ва.*—**230**. Арабская азбука и ея недостатки. *Фридунъ-Бека-Кочарлинскаго.*

Московскія Вѣдомости 1898. 284. Анадырскій округъ (о лекціи И. Л. Гондатти: „Три года среди чукчей").—**289.** Археолог. открытія (въ развалинахъ храма Юпитера Олимпійскаго, изъ „Italie").—**299.** Библіографія. Блиновъ Н. Языческій культъ вотяковъ. Вятка 1898. Замѣтка *А. И.*—Договоръ о продажѣ жены. („Тифлисскій Листокъ"). **315.** Китайскіе дома (изъ „Hamburger Nachrichten").—**327.** Карлики въ верховьяхъ Амазонки. (По статьямъ „Globus" и „L'Anthropologie").—**333.** Кладъ въ Кіево-Печерской лаврѣ. (Изъ „Кіевскаго Слова").—**338.** Нападеніе людоѣдовъ съ одного изъ Соломоновыхъ острововъ. („Petersburger Herold").—**341.** Священный зубъ (на о. Цейлонѣ; статья Вегенера въ „Mutter Erde"). **348.** Происхожденіе денегъ (докладъ Штрака въ нѣмецкомъ Археолог. Общ.).—**1899. 5.** Самосожженіе (религіозное, въ Китаѣ).—Новогодніе обычаи. **28.** Смѣсь. Исторія маскарада (изъ „Варшавскаго Дневника"). Народъ, считающій лишь до двухъ (на Мурайскихъ о-вахъ).—**29.** Смѣсь: висячіе сады Семирамиды (открытіе Б. Мейснеромъ ихъ изображенія въ Британскомъ музеѣ).—**32.** Смѣсь. Положеніе женщинъ въ Индіи (лекція Шрейе, изъ „Dresdener Journal").—**38** Развалины древняго города Отрара (изъ „Русскаго Туркестана").—Смѣсь. Новый годъ въ Китаѣ.—*В. Т.* Наше Забайкалье („Комиссія для изслѣдованія, землевладѣнія въ Забайкальской области". Матерьялы 17 т. 1898).—**42.** Рѣдкая монета (I в. по Р. Х., изъ „St.-Petersburger Herold").—Масленица въ Англіи.—**46.** Смѣсь. Свадебные обычаи въ Японіи.—Происхожденіе почтоваго голубя (изъ „Italie").—**52.** Раскопки въ Карѳагенѣ (изъ „Post").—**59.** Раскопки Вавилона.—**74.** Астрономическія свѣдѣнія у негровъ (изъ „Umschau", по книгѣ Фримана: „Travels and lifes in Ashanti and Jaman").

Новое Обозрѣніе. 1898. 4987. Путевыя замѣтки отъ Н. Новгорода до Царицына *А. Ха-хоза* - **4984.** Груз. легенда о Давидѣ Возобновителѣ и Дербентѣ.—**4987. 4994.** На праздникахъ у китайцевъ.—**4997.** Объ орошеніи Мильской степи. **4950, 4955, 4973.** Спорные вопросы въ уложеніи царя Алексѣя Михайловича и законы царя Вахтанга VI.

Пастырь, 1898. 15—16. Джуматскій храмъ.

Полтавскія Епарх. Вѣд.—1897. 35—36. Св. Трифонъ, просвѣтитель лопарей.—**1898. 3.** *А. Н.* О т. н. „печатаніи" покойниковъ (изъ „Под. Еп. Вѣд.", 1897 29).—**10, 13.** *В. Курдиновскій.* Замѣчательные памятники церковной старины въ с. Рымаровкѣ, Гадячскаго у., Полт. епархіи (требникъ и евангеліе).—**15, 16** Программа для собиранія свѣдѣній о древностяхъ (къ XI Археологич. съѣзду въ Кіевѣ).—**20, 21.** *А. Пясецкій.* Малорусскія тріоди XVII вѣка (кіевской печати, интересны для исторіи малор. языка и церковной живописи).—**19.** Отвѣтъ на вопросъ о пятницахъ (изъ „С.-Пет. Дух. Вѣст.").—**1898. 30, 31, 33.** (оконч.) *И. Случевскій.* Книга св. пророка Іоиля (объясненія).—**30.** Борьба съ суевѣріемъ (приведены заговоры: „видъ прозору, гадюкы, бильма, кривы, бышныхы, волоса, перелогу, лихорадки", и разсказъ о шептухѣ).

Православный Благовѣстникъ 1898. 1—3. *Архим. Амфилохій Лутовиновъ.* Буддизмъ отъ его появленія до конца I вѣка нашей эры.—**1.** *К. Носиловъ.* Изъ послѣдней моей поѣздки на Я-малъ. I. У могилы тадибся.—**4.** II. Двѣ могилы самоѣдовъ.—**5.** III. Плясовая изба самоѣдовъ.—**13—14.** *Его же.* Серебряная баба (идолъ вогуловъ).—**3.** Матеріалы по изученію быта инородцевъ, собранные экспедиціей Вост.-Сиб. отдѣла И. Р. Г. О. въ 1894 г. („Енисей").—**4.** Японская свадьба („Новое Время").—**6, 8, 9.** *А. Н. В—ій.* Мухаммедъ и его время, переводъ изъ сочин. *Ferd. Wüstenfeld*: „Geshichte der Stadt Mekka.

В. IV, §§ 97—116.—11, 12, 14, 15. *Свящ. И. Михайловъ.* Поѣздка на Югорскій Шаръ. (Кое-что о бытѣ самоѣдовъ).—13, 14, 16. 20, 21.... *Прот. Н. Елеонскій.* Сибирскіе инородцы. IV. Чукчи.—15. *I. М. П.* На праздникѣ (бурятъ) „Обонъ".—16—20. *Свящ. П. Ляхоцкій.* Изъ дневника камчатскаго миссіонера. (Объ ороченахъ).—18—19. *Свящ. А. Ивановъ* Загробная жизнь по представленію чувашъ прежнихъ временъ и похоронные обычаи ихъ.—21. На Майдари (бурятскомъ праздникѣ: „Ирк. Еп. Вѣд.").—Бурятское суевѣріе (олицетвореніе сибирской язвы. Оттуда же).—22. *Н. Маллицкій.* Ишаны и суфизмъ. (Съ сокращеніями заимств. изъ „Туркест. Вѣдом.").—24. Положеніе женщины у корейцевъ, изъ книги *Шнейдера*: Нашъ дальній Востокъ, стр. 166—8.—Праздникъ огня у индійцевъ („Hamburger Correspondenz"). Изъ „М. В." 1899 2. *М. I. П.* Типы бурятъ. II. Ихѐлама.—Сеитовскій поселокъ; тептяри (сообщенія Рыбакова и Никольскаго въ зас. Географ. Общества; изъ „Нов. Времени").—3—6. Исламъ (по сочин. *А. Müller*: „D. Islam im Morgen u. Abendland").—Изъ путешествія преосв. Евсевія по Амуру (жилища гиляковъ; изъ „Камч. Еп. Вѣд.")—*Н. Л.* Прокаженные въ Колымскомъ окр. Якутской обл. (изъ „Церк. Вѣд.").—Открытіе останковъ Будды.—5. Бесѣда съ язычникомъ-алтайцемъ, въ 1867 г.—Буддійскій гурумъ („Ирк. Еп. Вѣд.").—*Н. Бадмаевъ.* Калмыцкіе монахи („Астрах. Еп. Вѣд.").

Прибалтійскій Листокъ 1898. 179. Спожинки (15 авг.). Изъ „Прав. Вѣст."—184. Любопытный документъ (о разводѣ язычниковъ-черемисъ. „Уф. Губ. Вѣд.").—185. Собиратели нар. пѣсенъ, Истоминъ и Некрасовъ. („Новости").—187. Медынскій у. Популярная знахарка. („Смол. Вѣст.").—195. О человѣческихъ жертвоприн. вотяковъ. (Вотяки-буддисты, докладъ *Н. Н. Блинова* на Кіевскомъ съѣздѣ естествоиспыт.—201. Чудо въ Месопотаміи. (Для уясненія еврейской легенды о маннѣ небесной. Изъ „С.-П. В.").—243. *К. Носиловъ.* Зырянка Гаша (вскормившая оленя; „Нов. Вр."). 244. Михайловъ день, 8 ноября („Правит. Вѣстн.").—Душетъ Саманъ (камень,—знакъ отреченія у горцевъ).—266. Преданія о Ермакѣ, сохранившіяся въ населеніи Тотемскаго у. (изъ „Волог. Губ. Вѣд.")—271. Библіографія. Исторія торговли, Гаулофера, пер. Кечеджи-Шаповалова. II. 90 к.

Ярославскія Губ. Вѣд. 1898—2. Рождественскія національныя кушанья.—16, 19. Раскопки могильника на Черной горѣ Яросл. у. 22. *Ильинскій.* Уводъ, современный народный обычай Яросл. губ. (современное мѣстное выраженіе „уводить угодомъ" вполнѣ соотвѣтствуетъ лѣтописному „умыкиваху уводы", а не „у воды", какъ читаетъ Карамзинъ.—26. Бурятское преданіе о происхожденіи Байкальскаго озера (перепеч. изъ „Байкала").—*Баловъ.* Остатки поклоненія огню у крестьянъ Ярослав. губ. (ссылки на другія статьи Яросл. Губ. Вѣд. ~~1888~~ г., № 53, и 1895 г., № 135, и на ст. г. *Дерунова*—тамъ же, по безъ точнаго указанія).—39. Описаніе Абиссинской санитарно-этнографической выставки въ Одессѣ.—52. *Баловъ.* Мартъ и апрѣль. Народная легенда.—85. *Баловъ.* Шигорашъ (историко географическое изысканіе объ этой мѣстности Данилов. у. Ярослав. г.).—95. *Баловъ.* Николинъ день (9 мая) въ народныхъ вѣрованіяхъ и обычаяхъ.

Новости Этнографической Литературы.

Абаза, К. К. Казаки, Донцы, Уральцы, Кубанцы, Терцы. Очерки изъ исторіи и стародавняго казацкаго быта въ общедоступномъ изложеніи, для чтенія въ войскахъ, семьѣ и школѣ. Съ рисунками и виньетками. 2-е изданіе, исправленное и дополненное. Изд. В. Березовскій СПБ. 1899. 8°.

Александровъ, А. Черногорка въ жизни частной и общественной. Страничка изъ бытовой исторіи Черногорья. (Оттискъ изъ журнала «Дѣятель») Изданіе Казанскаго Общества трезвости, Казань. 1897. 8°.

Анисимовъ, Ал., свящ. Путевыя записки русскаго пастыря о Священномъ Востокѣ паломника. Въ 2 част., съ 40 рис. и двумя портретами автора. Ч. I. Изд. П. Л. Тузова. СПБ. 1898.

Аничковъ, И. Очерки народной жизни Сѣвернаго Туркестана. Сборникъ. Ташкентъ. 1899. 8°

Архангельскій, А. С. (ординарный проф. Имп. Казанск. университ.). Изъ лекцій по исторіи русской литературы. Первые опыты миѳологическихъ изученій. Изъ «Ученыхъ Записокъ» Имп. Казанск. универс. за 1893 г. Казань 1898, 8° брош.

Архангельскій, А. С. Изъ лекцій по исторіи русской литературы. Первые труды по изученію языка. Изъ «Ученыхъ Записокъ» Имп. Казанск. универс. за 1893—94 гг. Казань 1898. 8° брош.

Балобанова, Е. Легенды о старинныхъ замкахъ Бретани. Изд. 2-е съ 7-ю картинами и иллюстраціями въ текстѣ Е. Лансере. СПБ. 1899 г. б. 8°

Блиновъ, Н., свящ. Языческій культъ вотяковъ. Вятка. 1898. Стр. 10?. Ц. 30 к. (Отзывъ въ «Мірѣ Божіемъ» 1898, кн. XII, отд. II, 9—13; 1899 г, кн. I, отд. II, 14.)

Буслаевъ, Ѳ. И. Мои воспоминанія. Съ портретомъ автора. Изд. В. Г. фонъ-Бооля. Москва. 1897. 8°.

Варпаховскій, Н. А. Рыболовство въ бассейнѣ рѣки Оби. I. Орудія рыболовства и продукты рыбнаго промысла. (Первый отчетъ Министерству Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ по командировкѣ въ 1895—1896 гг. для изслѣдованія западно-сибирскаго рыболовства) СПБ 1898. 8°.

Витевскій, В. Н. И. И. Неплюевъ и Оренбургскій край въ прежнемъ его составѣ до 1758 г. Историческая монографія. Т. I—IV. Казань 1897. б. 8°.

Воскресенскій, С. Нашъ городъ Симбирскъ на Волгѣ. Изд. С. Воскресенскаго. Самара 1897. 8°.

Волошиновъ, Н. А. Русско-монголо-бурятскій переводчикъ. 2-е изданіе. СПБ. 1898. 16°.

Гединъ, Свенъ. Въ сердцѣ Азіи. Памиръ.—Тибетъ.—Восточный Туркестанъ. Путешествіе Свена Гедина въ 1893—1897 годахъ. Переводъ со шведскаго А. и П. Ганзенъ. Съ разрѣшенія автора. Часть I. Со многими рисунками и 2 картами. Изданіе А. Ф. Девріена. С.-Петербургъ 1899. б 8°.

Гельвальдъ, Фр. (фонъ). «Полезная Библіотека». Земля и ея народы. Переводъ съ послѣдняго 4-го изданія нѣмецкаго. Вып. I—II. Изд П. П. Сойкина. Безплатное приложеніе къ журн. «Природа и Люди». СПБ. 1897. 8°.

Гёрцъ, К. К. Собраніе сочиненій, изданное И. Академіею Наукъ на средства капитала имени профессора К. К. Гёрца. Изданіе 2-е. Вып. I. Археологическая топографія Таманскаго полуострова. Изслѣдованіе. Вып. II. Историческій обзоръ археологическихъ изслѣдованій и открытій на Таманскомъ полуостровѣ съ конца XVIII стол. до 1859 г., преимущественно по неизданнымъ источникамъ. СПБ. 1898. б. 8°.

Гиддингсъ, Франклинъ Генри. Основанія соціологіи (The principles of sociology). Анализъ явленій ассоціацій и соціальной организаціи. Переводъ съ англійскаго М. В. Лучицкой. Подъ редакціей проф. И. В. Лучицкаго. Изданіе Южно-Русскаго книгоиздательства А. Іогансона. Кіевъ—Харьковъ. 1898. 8°.

Голышевъ, И. а) Мионческія изображенія двѣнадцати лихорадокъ. (Читано въ годичномъ собраніи губернскаго статистическаго комитета, 22 февраля 1871 г.).—б) Изображеніе иконъ св. Флора, Лавра, Модеста и Власія и значеніе этихъ образовъ въ народѣ. Губ. г. Владиміръ, нов. изд. 8° брош.

Гроссманъ, І. Б. Двѣ рѣчи: 1) Къ вопросу о еврейскомъ національизмѣ. 2) Къ вопросу объ иновѣрцахъ по Библіи и Талмуду. Харьковъ. 1898 8°, бр.

Гумпловичъ, Л. Очеркъ исторіи соціологіи. Переводъ съ польскаго подъ редакціей Е. Леонтьевой. Изд. редакціи журнала «Образованіе» С.-Петербургъ, 1899. 8°.

Дмитріевъ-Мамоновъ, А. И. Пугачевщина въ Сибири. Очерки по документамъ экспедиціи генерала Деколонга. Москва. 1898, б 8°.

Дремцовъ, Сергѣй. Разсказъ о томъ, какъ у насъ на Руси началось и шло земледѣліе съ самыхъ древнихъ временъ и до нашихъ дней. Москва. 1899. 8° брош.

Дуброва, Я. П. Бытъ калмыковъ Ставропольской губерніи до ~~изданія закона~~ 15 марта 1892 года. Отд. оттискъ изъ «Извѣстій Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Имп. Казанск. университ.». Казань, 1898. 8°.

Еропкинъ, А. В. Ряжскій уѣздъ. Изслѣдованіе по нѣкоторымъ податнымъ вопросамъ надѣльнаго землевладѣнія. Ряжскъ, 1898. стр. 114.

Ивановъ, П. В. Жизнь и творчество крестьянъ Харьковской губ. Очерки по этнографіи края, т. I. Харьковъ. 1898. XXXII+1012 стр. Ц. 2 р. (Рецензія въ «Вѣстникѣ Европы» 1898, кн. XII, 801.)

Его же. Обычное право крестьянъ Харьковской губ. Вып. 3. Харьковъ. 1898. стр. 240. Ц. 75 к.

Ирасекъ, А. Старинныя сказанія чешскаго народа. Составилъ А. Ирасекъ. Переводъ съ чешскаго М. А. Лялиной. Съ 93 иллюстраціями Венцеслава Чернаго. Изданіе А. Ф. Девріена. С.-Петербургъ. 1899. б. 8°.

Календарь, Сахалинскій. 1. Отдѣлъ оффиціальный. 2. Матеріалы для изученія о-ва Сахалина. Печатано въ типографіи на о-вѣ Сахалинѣ. 1898. 8°.

Калмыковъ, М. Свѣдѣнія о Кочетовскомъ говорѣ. (Собр. въ поселкѣ-хуторѣ Ещауловѣ, Донской области, 1-го Донск. округа, въ юртѣ Кочетовской станицы. СПБ. 1898. б. 8° брош.

Карскій, Е. Ѳ. Матеріалы для изученія сѣверно-малорусскихъ говоровъ, а также переходныхъ отъ бѣлорусскихъ къ малорусскимъ. (Полѣсье). Вып. I. Извлеченія изъ сообщеній №№: 1—4, сдѣланныхъ на (III) «Программу для собиранія особенностей говоровъ бѣлорусскаго нарѣчія» гг. В. Аврамчикомъ, А. Д. Ляховскимъ, С. Г. Малахой и М. Г. Фенюкомъ (Отд. оттискъ изъ Извѣстій отдѣленія русск. языка и слов. И. Акад. Н. т. III-го, кн. 3-й. Прил. II. СПБ. 1898. 8°.

Картины Изъ русской природы и быта. Изданія А. И. Мамонтова. Москва. 1898. б. 8°.

Катановъ, Н. Къ вопросу о сходствѣ восточно-тюркскихъ сказокъ со славянскими, по сказкамъ, записаннымъ Н. Ѳ. Катановымъ и И. П. Рогановичемъ. Казань. 1897. 8°.

Кеннинггэмъ, В. Современная цивилизація въ нѣкоторыхъ ея экономическихъ проявленіяхъ.—Переводъ съ англійск. М. В. Лучицкой, подъ редакціей профессора И. В. Лучицкаго. Кіевъ. 1898. 8°.

Клоддъ, Эдуардъ. Исторія первобытныхъ людей.—Переводъ съ англійскаго М. А. Энгельгардта. Изданіе Ф. Павленкова. СПБ. 1898. 8°.

Книги, Писцовыя, Рязанскаго края, подъ редакціей члена Комиссіи В. Н. Сторожева I. Изд. Ряз. Учен. Арх. Ком. Рязань. 1898 г. 8°.

Колокольниковъ, В. Страна восходящаго солнца (Японія). Изд. А. Я. Панафидина. Москва. 1898. 8°.

Комаровъ, В. Л. Манджурская экспедиція 1896 г. (Изъ «Извѣстій И. Р. Г. О.», т. XXXIV, в. 2), 8°, брош

Комиссія, Высоч. учрежд., подъ предсѣдательствомъ Статсъ-Секретаря Куломзина для изслѣдованія землевладѣнія и землепользованія въ Забайкальской области. Предисловіе къ изданію и матеріалы, въ 16 выпускахъ.

Матеріалы: Вып. 1-ый. Списки населенныхъ мѣстъ и дачъ съ картою дачъ. Составилъ С. Черемисиновъ. Вып. 2-й Статистич. данныя (Поселенныя таблицы.) Вып. 3-й. Статистич. данныя (Итоговыя таблицы.) Вып. 4-й. Географич. свѣдѣнія. Составилъ Бар. Г. Винекенъ и С. Саблеръ. Вып. 5-й.

Историч. свѣдѣнія. Составилъ А. Щербачевъ. Вып. 6-й. Населеніе, значеніе рода у инородцевъ и ламаизмъ. Составили Н. Разумовъ и И. Сосновскій. Вып. 7-й. Съемныя и землеустроительн. работы съ конца XVIII в. по 1897 г. Составилъ С. Рудинъ. Вып. 8-й. Землевладѣніе. Составилъ А. Калмыковъ. Вып. 9-й. Аренда. Составилъ В. Трейденъ. Вып. 10-й. Формы землепользованія. Сост. М. Кроль. Вып. 11-й. Земледѣліе въ связи съ характеристикою естественныхъ условій пахотныхъ угодій. Составилъ Н. Бутовичъ. Вып. 12-й. Характеристика естеств. условій покосныхъ, выгонныхъ и лѣсныхъ угодій. Составилъ Д. Грудининъ. Вып. 13-й. Скотоводство. Составилъ Н. Разумовъ. Вып. 14-й. Сбытъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ. Наемный трудъ въ сел. хозяйствѣ, промыслы и неземледѣльческ. заработки. Составили Д. Григоровъ, К. Миллеръ и И. Безугловъ. Вып. 15-й. Подати и повинности. Составилъ Г. Цыбиковъ. Вып. 16-й. Бюджеты. Составилъ Д. Головачевъ. СПБ. 1898. б. 8°.

Корсаковъ, Д. Константинъ Дмитріевичъ Кавелинъ. Очеркъ жизни и дѣятельности. СПБ. 1896. б. 8°. брош.

Крафтъ, И. И. Сборникъ узаконеній о Киргизахъ степныхъ областей. Изданіе неофиціальн. Оренбургъ. 1898. б. 8°.

Кудрявцевъ, В. Ф. Старина, памятники, преданія и легенды Прикамскаго края. Тверь. 1899. Ц. I вып. 25 к.; II вып. 60 к.

Кузнецовъ, И. А. Прошлое Ростова. Очерки по исторіи гор. Ростова н/Д. Изд. Высочайше утвержденнаго Донского Акціонернаго Общества печатнаго и издательскаго дѣла въ Ростовѣ н/Д. Ростовъ н/Д. 1897. 8°.

Кулаковскій, Ю. Смерть и безсмертіе въ представленіяхъ древнихъ грековъ. Кіевъ. 1899, 8°.

Къ вопросу о состояніи и нуждахъ золотопромышленности въ Олекминскомъ краѣ. СПБ. 1898, б. 8°, бр.

Львовъ, Д. М. Легенда о происхожденіи табака. Отд. отт. изъ «Изв. Общ. Арх., Ист. и Эти.» т. XIV, вып. 6. Казань. 1898. 8°.

Маіорановъ, П. (свящ.). О вредѣ деревенскихъ посидѣлокъ. Москва. 1898. 8°. брош.

Максимовъ, А. Я. На далекомъ Востокѣ. (Полное собраніе сочиненій). Кн. I—III. Изд. М. К. Максимовой. СПБ. 1898. 8°.

Мечъ, Сергѣй. Центральная Азія. 8-е исправл. изданіе. Москва. 1898, 16°.

Его-же. Гренландія. — Географическій очеркъ страны и разсказъ о путешествіи Ф. Нансена. 3-е испр. изданіе. Москва. 1898. 16°.

Миккола, I. А. Къ изученію кашубскихъ говоровъ. I. Нѣсколько замѣтокъ по кашубскимъ говорамъ въ сѣверо-восточной Помераніи. Отд. отт. изъ Извѣстій Отдѣленія рус. яз. и словесности Акад. Наукъ, т. II кн. 2-й, стр. 400—428. СПБ. 1897. 8° брош.

Молчановъ, Іоаннъ. Церковная лѣтопись прихода Успенской церкви села Городковичъ, Спасскаго уѣзда, Рязанской епархіи. Изд. Ряз. Епархіальн. Училищн. Совѣта. Рязань, 1898. 551 стр. Данныя нравственности населенія, о вліяніи отхожихъ промысловъ, объ отношеніи

къ церкви, о нѣкоторыхъ особенностяхъ праздниковъ, о празднованіи дня св. Власія (на стр. 20—21) и о «разныхъ обычаяхъ»: а) при свадьбахъ, б) при погребеніи, в) мѣстныя суевѣрія.

Никольскій, А. М. Астраханскіе морскіе ловцы. Статистическо-экономическое описаніе. (Труды Общ. Судоходства). СПБ. 1898. 8°.

Опытъ изслѣдованія экономическаго положенія станицъ Астраханскаго казачьяго войска. Астрахань 1897· 8°.

Павелъ, Алеппскій. Путешествіе Антіохійскаго Патріарха **Макарія** въ Россію въ половинѣ XVII в., описанное его сыномъ архидіакономъ Павломъ Алеппскимъ. Переводъ съ арабскаго Г. Муркоса. (По рукописи Московскаго Главнаго Архива Министерства Иност. Дѣлъ). (Изд. Имп. Общ. Исторіи и Древностей Россійскихъ при Москов. Университетѣ). Вып. I. (Отъ Алеппо до Земли казаковъ). Вып. II (Отъ Днѣстра до Москвы). Вып. III. (Москва). Вып. IV (Москва, Новгородъ и путь отъ Москвы до Днѣстра). М—1896—97—98. б. 8°. Vol 5.

Поржезинскій, В. К. Замѣтки по діалектологіи литовскаго языка. I, Діалектическ. границы въ русской Литвѣ. II. Къ фонетикѣ восточно-литовскаго нарѣчія: 1. Восточно-литовскіе говоры Ковенск. губ. (Отд. оттискъ Извѣст. Отд. русск. яз. и слов. И. Ак. Наукъ, Т. I.- 1896. кн. 3) СПБ. 1896. б. 8° брош.

Потанинъ, Г. Н. Русскіе путешественники-изслѣдователи. Путешествія Г. Н. Потанина по Китаю, Тибету и Монголіи. Обработаны по подлиннымъ его сочиненіямъ. **М. А. Ляпиной.** Съ 48 рисунк., портретомъ и картою. СПБ. Изд. А. Ф. Девріена. 1898. 8°.

Промыслы, Рыбные, Западной Европы. I. Промыслы у Лофотенскихъ островов. Очерки норвежскихъ промысловъ. Отчетъ Министерству Земледѣлія и Госуд. Имуществъ причисл. къ Департаменту Земледѣлія **В. К. Беша.** (М. З. и Г. И. Департаментъ Земледѣлія). СПБ. 1897 98. 8°.

Е. Р. Профессоръ М. С. Дриновъ. (Къ чествованію двадцати-пятилѣтія его ученой дѣятельности). Харьковъ 1898 г. 8° брош.

Ремезовъ, М. Н. Въ Закавказьѣ (отрывки изъ воспоминаній). Тифлисъ. 1897. 8°.

Романовъ, Е. Р. Матеріалы по исторической топографіи Витебской губерніи. Уѣздъ Велижскій. Могилевъ. 1898. 8°.

Свидерскій, П. Θ. Матеріалы для антропологіи Кавказа.—Кумыки. Диссертація на степень д-ра медиц. СПБ. 1898 8°.

Сенигов. Народныя сказки и пѣсни объ Іоаннѣ Грозномъ. Изданіе 2-е. С. Петербургъ 1898 г. 8° брош.

Словарь (Киргизско-русскій). Оренбургъ. 1897 8°.

Соколовъ, М. Е. Пѣсни, Великорусскія свадебныя, и причитанія, записанныя въ Саратовской губерніи. Саратовъ. 1898 г. 8° брош.

Спенсеръ, Гербертъ Таинственный міръ, сверхъестественные дѣятели. Міръ тѣней. Духи. Привидѣнія. Заклинанія и колдовство. Переводъ съ англійскаго, предисловіе, примѣчанія и заключеніе И. П. Рапгофъ. Изданіе В. И. Губинскаго. СПБ. 1899. 8°.

Сперанскій, С. В. Къ исторіи нищенства въ Россіи (оттискъ изъ журнала «Вѣстникъ благотворительности»). СПБ. 1897. 8°.

Сумцовъ, Н. Ѳ. Разысканія въ области анекдотической литературы. Анекдоты о глупцахъ. Харьковъ. 1898.

Тайшинъ. Д. И. Русско-корейскій словарь. Хабаровскъ. 1898 б. 8° брош. въ 43 стран.

Черевкова, А. А. женщина-врачъ. Очерки современной Японіи. Съ 12-ю гравюрами. СПБ. 1898. 8°.

Шахматовъ, А. А. Къ исторіи звуковъ русскаго языка. I. Смягченныя согласныя, глава I: Эпоха общеславянская (стр. 3). Глава II: Эпоха общерусская (стр. 20) (отд. отт. изъ Извѣстій Отдѣленія рус. языка и словесности Имп. Академіи Наукъ, т. 1-го (1896 г.) кн. 4-й (стр. 695—743). СПБ. 1898. 8°.

Его же. Къ исторіи удареній въ славянскихъ языкахъ. (Отд. оттискъ изъ Изв. Отд. рус. яз. и слов. И. Ак. Н. т. III, 1897, книг. 1-ой). СПБ. 1898 б. 8° брош.

Шевченко-Красногорскій. Отъ Каспія до Аму-Дарьи. Очеркъ съ 14 рис. въ текстѣ. Извлечено изъ газеты: «Міровые Отголоски» №№ 52, 58, 65, 79, 100, 127, и146 СПБ. 1897. б. 8°

Щенинъ В. П. Пѣсни разныхъ народовъ: албанцевъ, арабовъ, армянъ, болгаръ, грековъ, грузинъ, евреевъ, зырянъ, индійцевъ, испанцевъ, итальянцевъ, литовцевъ, персовъ, поляковъ, португальцевъ, сербовъ, татаръ, турокъ, французовъ, цыганъ, черкесовъ, черногорцевъ, чеховъ, шведовъ и другихъ. Москва. 1898. 8°.

Щепкинъ В. Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей болгарскаго языка. Составилъ П. А. Лавровъ. М. 1893 г. Извлечено изъ «Отчета о присужденіи премій проф. Котляревскаго въ 1895 г.», II стр. 20—64. СПБ. 1896 г. 8° брош.

Эспинасъ, А. Соціальная жизнь животныхъ. Опытъ сравнительной психологіи, съ прибавленіемъ краткой исторіи соціологіи, перевелъ съ франц. Ф. Павленковъ. Второе пересмотрѣнное изданіе Ф. Павленкова. СПБ. 1898 8°.

Bachofen, Joh. Jac. Das Mutterrecht. Eine Untersuchung über die Gynaikokratie der Altenwelt. Basel. 1897. 4°, 16 Mk.

Balicki, Tadeusz. Szkice o narodowości. Warszawa. 1898. 8°.

Bełza, Stanisław. W Stolicy Padyszacha. (Wrażenia z podróży do Konstantynopola). Warszawa. 1898. 8°

— Nad brzegami Bosny i Narenty. Warszawa. 1899. 8°.

— W kraju Tysiąca Iezior (Z podróży i przechadzek po Finlandyi). Wydanie drugie. Warszawa. Kraków. Petersburg. 1897. 8°.

Krzywicki, Ludwik. Kurs systematyczny antropologii. I. Rasy fizyczne. Warszawa. 1897. 8°.

Merz, John Theodore. A history of European thought in the nineteenth century. Vol. I Introduction. Scientific thought, part I. Edinburg—London. 1896. 8°.

Majewski, Erazm. Drobne prace i notatki z dziedziny Archeologii przedhistorycznej i Etnografii. Warszawa. 1897 8°.

Mortillet, S. Formation de la nation française. (**Отзывъ въ «Мірѣ Божіемъ»** 1898, **кн.** XII, **отд.** II, 109; **объ авторѣ книги статья тамъ же**, 39—55).

Sieroszewski, Wacław, (Sirko). Wśród lodów. (Z illustracyami). Warszawa. 1898 8°.

Verdun, Paul. Le diable dans la vie des saints. T I. Du X-e au XIV-e siecle. T. II. Du XV-e au XVIII-e siécle. Paris—Lyon. (1897?) 8° V. 2.

Wissendorff von Wissukuok, H. Materialien zur Ethnographie des lettischen Volksstammes des Witebskischen gouvernements. Eine kritische Beleuchtung. Mitau. 1897.

КАВКАЗСКАЯ БИБЛІОГРАФІЯ [1]).

Дроэба (Время) [2]). Редакторъ Г. Церетели; изд. С. Меликишвили. 1866, 6. Гора Аѳонъ (Монастыри). 14—18. Картины изъ народной жизни. *Ал. Цагарели*.—20—24. Современные грузины. *В. Петріашвили*,—28. Очередное войско, установленное царемъ Иракліемъ II.—34. Нѣсколько словъ о кн. Сулханѣ Бараташвили. († 13 авг. 1866). *В. Тулашвили*.—43, 44. Ингилойцы.

1867. 3, 6—8. Мингрелія. 3—7. Картины изъ нашего воспитанія.—13. Библ. Сочиненія кн. Г. Эристова, ч. I. 14—20. Картины изъ народной жизни—21. Грузинскій спектакль. (Комедія „Майко", „Путешествіе на плотахъ").—26—27. По поводу ст. „Грузинскій спектакль".—33. Сцены изъ первыхъ временъ освобожденія крестьянъ. 33—8. Письма изъ Гори. *А. П.*—Осетинскія суевѣрія. *Іосифъ Ефеміашвили*.

1868. Редакторъ Г. Церетели, изд. С. Меликишвили. 3, 4, 6, 8.—Жизнь Георгія Мушакидзе.—14—17. Кизикинцы среди ингилойцевъ.—20. Бесѣда съ читателемъ (по поводу „Сельской Газеты", изд. съ 1868 г. Г. Церетели).—23. Изъ жизни грузин. царя Георгія XII. (по Пл. Іосселіани).—26. Образецъ списка вещей въ приданое въ XVIII в.—35, Объ изданіи въ 1869 г. жур. „Мнатоби".—36, 37. Путешествіе по Имеретіи. *Г—тели* 40—43, 45. Картины изъ повѣсти *Г. Церетели* „Гвритіа".—47 Сцены изъ жизни. *Лазаря Мехишвили*.

1869. Ред. Г. Церетели, [3]) изд. С. Месхишвили. 1, 2, 4, 5, 8—10—12, 19, 22, 26. Истор. обзоръ Грузіи. *Дм. Бакрадзе*. 17—118 Паша-пастухъ. Османская легенда Лабуле (переводъ).—30, 36 Библіогр. „Сборникъ свѣдѣній о кавказ. горцахъ". Вып. I. —Изъ Мингреліи *А. Пурцеладзе*.—31. Пѣвецъ Залаканъ (легенда)—37. Изъ Петербурга *Н. Цхветадзе*.—43—44. Отъ Петербурга до Нижняго. *Г. Церетели*—47. На Волгѣ. *Г. Церетели*.—52. Некрологъ. Князь Александръ Вахтанговичъ Орбеліани (род. въ 1801. г.).

1870. (Времен. редактор. С. Месхи.). 1. Мнѣніе крестьянокъ о сельской школѣ. *Ек. Тархань—Моуравова*. — 2, 8. Наша злосчастная литература въ этомъ столѣтіи.—16, 22. Письма туриста.—Библіогр.: Журналъ „Мнатоби".—21. По поводу изданія проповѣдей епископа Гавріила.—20, 27, 31, 43. Нѣсколько картинъ изъ жизни нашего народа. *Раф. Эристовъ*.—45. По поводу смерти Н. Инашвили. *Н. Скандели*.—48, 49. Деревня Мухури (Суевѣрія, преданія).—49. Отъ Тифлиса до Душета.

1872. [4]) 3. „Чіакокона" (Обычай зажигать костры: „кокона" сопоставляется съ „коцони"—костеръ, „чіа" съ „тцгіа"—сжигать, а „арурь" съ Авророй). *Д. Мегвинетихуцишвили*.—5. Мцхетскіе могильники *С. М.*—9. Сигнахскіе могильники (близъ дер. Вакири открыты скелеты, обломки кувшиновъ) *Л. Хирсели*.—11 Библ. „Кребули".—13. Грузинская колонія въ Персіи. *Кипіани*—16, 23. Погребеніе покойниковъ въ Имеретіи—28. Грузин. Царевичъ Алек-

---

1) См. „Этногр. Обозр." XXXI.

2) Газета основана 4 марта 1866 г. Г. Церетели, съ 1875 выходила три раза въ недѣлю, а съ 1877 г.—ежедневно.

3) Съ № 16 времен. редакторъ С. Месхи.

4) За 1871 г. Въ Императорской Публичной библіотекѣ и въ Московской Дроэба" не имѣется.

сандръ въ Персіи.—30. Обычаи воспитанія и гостепріимства въ Абхазіи.—35, 36. Изъ Женевы. Швейцарцы. *Г. Цитоевъ*.—49. Картина изъ Сванетіи. *Л. Дадуани*.

1873. (Ред. Мсеха.) 2. Изъ жизни грузинъ въ Турціи. *Д. Михеладзе*.—4. „Горячія вѣсти" (Имеретинъ въ Тифлисѣ). *А. Церетели*. 2—5. Изъ Мингреліи.—6. Одна изъ причинъ бѣдности свановъ (суевѣріе). *Виссаріонъ Сванъ*.—25. Вѣсти изъ Имеретіи. *Н. Скандели*.—26. Библ. „Бежаніани" изд. Арс. Каландадзе. *П. У*.—34. Изъ повѣрій „о томъ свѣтѣ". *А. Церетели*.—41. [1]) Вѣрованія свановъ *Лав. Дадуани*.—402. Значеніе театра. *Мевеле*.—404, 7. Грузины въ Европѣ (письма туриста).

1874. 409. Замѣтка о томъ, что „Врачъ по неволѣ" Мольера передѣланъ на груз. яз. Ив. Эристовымъ, а не Георгіемъ Эристовымъ.—420. Переводъ „93 годъ В. Гюго" (С. М.)—427. Письма персидскаго грузина. *Ал. Оникашвили*.—429—430. Пословицы.—435. Отъ Тифлиса до Кавтисхеви. N.—440.—444. Изъ грузинской исторіи: церковные дѣятели. Царицы и полководцы. *Иngило Джанашвили*.—446, 8. Грузія при монголахъ. *Его же*.—453. Поиски душъ покойниковъ. *Леонъ Дадіани*. —453—454. Айсоры-несторáне. *І. Еліевъ*.

1875. 2. Убійство Азиза Давидомъ Сослани (въ эпоху монголовъ въ Грузіи). *Ингило Джанашвили*.—5. Царствованіе Давида Сослани. *Его же*.—6. Библ. Essai sur les troubles actuels de Perse et de Géorgie. Paris 1753. Par M. P.—7. Библ. Sainte Nina communement nommée Sainte Chrétienne. Notice historique par le P. Auguste Daras, de la compagnie de Jésus. Lyon. 1874.—8. Саргисъ Джакели. *Инг. Джанашвили*.—8, 9. Рождество и Крещеніе въ Сванетіи. *Л. Дадуани*.—9, 18, 21, 23. Истор. очерки *Инг. Джанашвили*.—29, 30. Свадьба у духоборовъ *И. Алхазовъ*.—38. Кядемагала. Легенда *Н. Чалели*.—49. Легенда о св. Георгіи въ дер. Сарке *Ѳ. Канделаки*.—50. Воспроизведеніе древней Груз. газеты № 2—12. „Тифлисскія Вѣдомости" за 1832 изд. С. Додаевымъ.—57, 58. Древнія сказанія. „Датуна Гоцяридзе". *Акакій Церетели*.—57. Воспроизведеніе древней груз. газ. „Грузинская газета" (1821, № 36) съ изображеніемъ въ заголовкѣ св. Георгія.—59. Празднованіе седьмого мая въ Грузіи („Лазароба").—63. Гогія Хамхадзе. *П. Чалели*.—64, 65, 108. Истор. преданія. *Схвиторели*.—76. Борьба между осетинами и сванетами *Л. Д*.—80, 81. Свѣдѣнія о турецкой Грузіи. *Р. Эристовъ*.—92, 93, 95, 183, 197. Памятники старины.

1876. 1. „Каландоба" (1 января) въ Гуріи. *Окр. Тенiешвили*.—4, 5. Груз. „грамматическая и научная литература. *А. Ч—а*.—11. Народная пѣсня „Курша", записанная въ Сванетіи.—17. Сцена изъ жизни гурійцевъ предъ мировымъ посредникомъ. *Г. Чаладидели*.—31, 4. Библ.: Сочиненія драматурга Антонова. *А. К—дзе*.—36, 34. Лекція въ Сорбоннѣ о Кавказѣ, читан. проф. Nimby.—39. Сцены въ лѣсу. *Г. Чаладидели*.—43, 44. Сношенія Грузіи съ Франціей при Людовикѣ XIV.—53. Некрологъ: Францъ Палацкій.—54. Монастырь Вардзіа. *Прот. Гамрекеловъ*.—58. Груз. монастыри внѣ Грузіи.—60, 61. Произведенія Н. Баратишвили. *Г. Т*.—62. Недѣля св. Ѳомы въ Сванетіи. *О*.—67 *De-Willeneuve*. Мцхетъ и Иверія. Парижъ. 1870.—67, 68. Чальскій крестъ. *П. Чалели*.—74. Сцена изъ Сванетской жизни. *Л. Дадуани*.—80 Библ.: Груз. пословицы. Тифлисъ. 1876 *Г. Т*.—85, 94, 113. 114, 139, 140. Ѳеофилактъ Русановъ первый экзархъ Грузіи.—103. Молельня евреевъ. *З. Ч—дзе*.—120. Мнѣніе народа о войнѣ. *Кн. Георгій Орбеліани*.—126, 130. Изъ г. Гори въ Осетію (Замѣтки туриста). *И Алхазовъ*.—133. Виноделы въ Грузіи. *Г. Гремели*-112, 137. Груз. монастырь па Аѳонѣ.

1877. 60. [2]) Гор. Эрзерумъ.—69. Страхъ въ г. Телавѣ предъ возстаніемъ Дагестана. *И. Шіуковъ*. 71. Празднованіе 1 іюня въ Тифлисѣ „Вид-

---

[1]) Съ № 39 ред. К. Лоркипанидзе, съ 25 ноября нумерá считаются со дня основанія газеты.

[2]) Предшествующихъ №№ въ Публ. Библіотекѣ не имѣется.

чаки"—3. *Мтацминдели*—80. Легенда объ Амиранѣ. *Его-же.*—83. Корона груз. Багратидовъ. Народное сказаніе. *Его же.*—88. Георгій Махатадзе при ц. Ираклін. Легенда *Его же.*—108. Пѣсня народная о Джанарѣ, героѣ ц. Ростома.—109. Легенда о Горисджвари.—116. Изъ жизни Шамиля. 119—121. Имеретія—Мингрелія. *Ө Канделаки.*—39, 134, 135 Грузины въ Турціи.—137, 139, 147, 153, 162, 178, 179, 201, 205. Вардзійскій монастырь. *Ил. Алхазишвили.*—154—Гр. Рчеуловъ.—189, 191, 219. Легенды и вѣрованія дагестанцевъ.— 200. Сказаніе о Дидубэ и цар. Тамарѣ .209. „Квирилоба"—праздникъ. „Пѣсни сазандра".

1878. 2 Дагестанскія легенды.— 3. Ревазъ Хмаладзе, сказаніе о героѣ при Ираклін II.—17. Сказаніе о Рачинской крѣпости „Минда-цихе".—40, 41, 70. Базарныя сцены. *Кн. Р. Эристовъ.*—68. Сказанія о Тарханѣ Амилахвари (XVI в.) *З. Мтацминдели.*—73 .Царица Тамара. *Его же.*—111 и 112 Груз. типографіи въ XVIII в. *Его же.*—145. Изъ Кобулетіи.—147 Керъ-Оглы. *З. Мтацминдели.*—149. Царь Ираклій въ гостяхъ. *И. Д.*—152, 154, 157. Волненія въ Абхазетіи.—166. Батумъ.—169. Гела Нателашвили. Рыцарь Ираклія II.—190. Враги Ираклія II при нашествіи Ага-Магометъ-хана. *З. Мтацминдели.*—204. Сказаніе о Давидѣ Куратпалатѣ. *Винмэ Месхи.*—220, 201, 224, 226, 227. Изъ жизни хевсуровъ. *В. Барновъ.*—234, 237. Путешествіе въ Саингило. *М. Джанашвили.*—23?. Груз. монахи на Аѳонѣ.—241, 243, 244, 252, 254. Изъ жизни Артаани.

1879, 11. Письмо изъ Хевсуретіи. *Л. Раз-въ.*—22, 23, 29. Разборъ „Альманаха", изд. Г. Тумановымъ—25, 26, 27, 29. Письма туриста отъ Артаани до Артвина. *С. Барзели*—31, 34. Библ. „Иверія" за 1879, № 1—35. Причины переселенія грузинъ Батумской области. *Кн. Д. Ц.*—43, 44, 116, 117. Истор. обзоръ Грузіи подъ владычествомъ мусульманъ. *Винмэ Месхи*—51. Некрологъ *В. Гогоберидзе.* — 118, 119. Паата Темуришвили (Герой ц. Ираклія II). *З. Мтацминдели.*—127, 128, 136. Матеріалы по исторіи. *Винмэ Месхи.*—149, 151, 471, 172, 173. 214, 235, 259, 260. Письма туриста изъ омусульманившейся Грузіи. *А. Н—дзе*—154, 155, 166, 179. О старопечатныхъ груз. книгахъ. *Д. Г—дзе.*— 185. Народныя пѣсни о побѣдахъ ц. Ираклія.—191, 192, 199. Остатки городовъ и населенія въ окрестностяхъ Абастумана. *Ил. Алхазишвили.*—219. Хахульскій монастырь.—225, 226. „Ростоміани" (переводъ Шахъ Намэ).—236, 237 Театральныя представленія въ Грузіи въ XVIII в.—246. Грузин. рукопись (1817 года) о Троянской войнѣ.—152. Свѣдѣнія о рукописи „Убѣжище героевъ" (Сазанэгмирта).

1880, 40. Кретинизмъ въ Сванетіи. *М.*—49. Масляница въ Грузіи и Заграницей. *Анчхатели.*—65, 87, 89. О Хизанахъ —74, 78, 80, 82. Батумская область. *Д. Бакрадзе.*—98, 100, 101, 102, 106, 107. Путешествіе по Арагвскому ущелью. *Р. Цамсашвили.*—109, 110 „Схема груз. грамматики". *Ев. М—дзе.* 114. Письма изъ Аджаріи.—121. Поляки на берегу Чернаго моря (изъ „Рус. Ст". 1879, XI)—133. Грузинское дворянство. *К. Картлели*—138, 140, 141. Отвѣтъ по грамматикѣ Ев. М—дзе *Р. Эристова.*—149, 154. Три недѣли въ Кахетіи.—154. Народная пѣсня, запис. въ Кизикіи.—156, 161, 164, 167, 169, 174, 177. Мохевцы и ихъ жизнь. *А. Мочхубаридзе.*—171. Грузинскій герой по Вахушти и его атласъ.—175, 176. Путешествіе въ странѣ ингилойцевъ.—178. Груз. монеты. *І. Меунаргіа.*—184. Некрологъ М. Броссе.—195. Эпизодъ изъ временъ Шамиля.—197. Цицка (разсказъ изъ жизни мохевцевъ)—223, 224, 225, 226. Отъ Шильды до Сагурамо.—265. Разсказы старца Дели-ага Цецхладзе.

1881, 20, 21, 23, 27, 30, 32, 34. Озида. Повѣсть изъ жизни кистинцевъ. *М. Джорджадзе.*—25. Рецензія на пьесу „Воспитатели" Мочхубаридзе.—30. Безпорядки въ пользованіи водою. *Кн. Св. Везировъ.*—33. О народныхъ школахъ. (По поводу письма г. Яновскаго). *Ил. Чавчавадзе.*—44, 60, 71, 123. Отчетъ Комиссіи по исправленію текста поэмы Ш. Руставели.—45, 46. О повѣсти „Дидъ-Хеви", Ек. Габаевой. *Вл. Микеладзе.*—49. Замѣтки изъ путешествія въ Сванетіи. *Еф. Клдіашвили.*—60. Батумская школа.—69. Національ-

выя черты народностей груз. племени. Лекція *А. Церетели.*—86, 184. Голосъ изъ горъ (Картина). *Л. Р—з.*—90, 91. Мтіулы-гуданакарцы (Этногр. замѣтки). *Д. Метревели.*—113, 116, 117. Путешествіе по Кахетіи *М. Джанашвили.*—120. Шуамтійскій монастырь.—125, 127, 131, 198, 213, 251. Эльгуджа. Повѣсть *А. Мочхубаридзе.*—140. Мысли изъ Висраміани. *Лело.*—148, 156. Древнее груз. церков. пѣніе. *Епископъ Александръ.*—159. Сцены изъ груз. жизни. *Р. Эристовъ.*—167. Церковь въ Али.—199. Груз. спектакль для археологовъ.—203. Джавахетія.—238, 241, 248, 257. Путешествіе въ Турецкой Грузіи.—253—4. Состояніе образованности въ древней Грузіи. *К. Мамацевъ.*—260, 261. Тамарь (Персид. легенда) изъ La Nouv. Revue, 1881.

1882, 5. Грузины и армяне. *Д. Джанашвили.*—6, 7, 10, 14. 19, 37, 45, 75, 191, 198, 209, 227, 240. Убійца отца. Повѣсть *А. Мочхубаридзе.*—12. 13, 18, 20, 28, 36, 50, 109, 111. Грузинская исторія *Дм. Бакрадзе.*—26, 42, 95, 202, 212. Восстаніе въ Грузіи въ 1802. *Фридоніанъ да-Гоча.*—40. Въ защиту груз. театра противъ Каткова. *И Чавчавадзе.*—52. Оплакиваніе покойника въ Тушетіи. *М. Джанашвили.*—73. Пѣсни грузинъ-мусульманъ,—85. Татарскіе анекдоты.—88- † Свѣтл. Кн. Ираклій Грузинскій.—113, 114. Изданія „Шрома" и „Иведи". *Дчони.*—122. Забытый уголокъ (Хевсуретія).—126, 127. Послѣдній представитель груз. династіи. *А. Эрицовъ.*—143, 145. Общественныя игры въ древней Груз'и.—150, 151. Изъ Джавахетіи. Деревня Кумурдо. *Винмэ Месхи.*—168. 169, 186. Археол. путешествіе. *Винмэ Месхи.*—173. Наши суевѣрія. *З. Мтацминдели.*—215. Христіанство въ Сваветіи. *К. Гелована.*—251. Стихи царицы Кетеваны.—264, 265. Суевѣрія. *И. Д.*

1883, [1]) 3, 15, 17, 29, 31. Воспоминанія пастуха. *А. Мочхубаридзе.*—4, 7. Будущность мохевцевъ и мтіульцевъ. *А. Мочхубаридзе.*—7, 8, 242, 244, 251. Грузинскіе термины.—8. Матеріалы для народной поэзіи. *И. Давитишвили.*—20. Матеріалы для исторіи Грузіи.—20, 26. Загадки, запис. въ шорапанскомъ уѣздѣ.—22, 24. Вердіа. Повѣсть *Мочхубаридзе.*—40, 41. Бэдшави, Повѣсть *А. Мочхубаридзе.*—47. Загадки, собранныя въ Кутаис. у.—61. Некрологъ поэта Гр. Орбеліани.—62. Разсказъ старца о временахъ ц. Соломона II.—65, 66, 69. Рѣчи на могилѣ Гр. Орбеліани.—76. Библ.: Калила и Димва. *З. Мтацминдели.*—77, 82. Южная Осетія. *Чоч-ли.*—78, 79. Бытъ хевсуровъ.—78, 79, 176. Матеріалы для біографіи Гр. Орбеліани.—80. Отдѣленіе армянской церкви отъ грузинской. *Б. П—дзе.*—91, 96, 178. Ципіа. Повѣсть *А. Мочхубаридзе.*—124. Гл. Успенскаго „Письма" о Кавказѣ, -138. Изъ Каки (языкъ страны ингилойцевъ). *Цица.*—143, 145. Смерть С. Месхи.—190, 200. Народныя пѣсни, запис. въ Алаверди I. Меунаргія.—198. Истор. документы объ управленіи церковью въ Грузіи.—199. Осетинская азбука.—212, 213, 214. О мингрельскихъ владѣтеляхъ. *Дм. Туманишвили*—230, 231. Библ.: Мученич. кончина. царицы Катеваны. *А. Мочхубаридзе.* Замѣтка *Н. Урбнели.*—231. Царевичъ Летъ въ Осетіи.—253. Феодализмъ въ Осетіи. *Г. Чочишвили*—258. Празднества въ Осетіи. *Г. Чочишвили.*—260. Нашествіе иноплеменниковъ на Осетію. *Его же.*—263. Народныя пѣсни.

1884. 13. Библ,: Іоаннъ Шавтели. Груз. поэтъ XII в. *З. Мтацминдели.*—24. Библ : Груз. календарь за 1884 г. *З. Мтацминдели* (біографіи писателей: С. Месхи, I. Орбеліани и др.).—25, 26. Крѣпость Самшвильде. *В. Баркова.*—24, Владѣтель Сванетіи Констан. Дадешкеліани.—39. Мнѣніе ген. Фадѣева о грузинахъ (изд. газ. „Русь").—37, 39. Царевичъ Юлонъ.—41. Библ. „Журналъ Нобати".—51, 52 Общинное владѣніе въ Грузіи.—60, 77. Амиранъ.—66. Съѣзды Грузинъ въ Чечнѣ. *М. Джанашвили.*—68, 94. 98. По поводу статьи Патканова „Ванскія надписи".—73. Обычаи при паханіи. *З. Б—ли.*—76, 77, 79, 80. Исторія Иверскаго монастыря на Аѳонѣ. *Свящ. Джанашвили.*—83. Анчисхатская церковь *М. Джанашвили.*—126, 127. Библ.: Сочин. Г. Эристова.—168, 263, 267, 269, 270. Общинное землевладѣніе въ Кизикіи. *Шакро.*—183. Нынѣшняя Кахетія. *Шакро.*—201. Грузинское лѣтосчисленіе.—Библ.:

---

[1]) Съ № 122 ред. И. Мачабели, изд. Г. Картвелишвили

Словарь С. С. Орбеліани.—225. Никоцминда (церковь) - 226, 229, 244. Народныя празднества въ Сванетіи.—231, 241. Пшаво-Хевсуретія. *Н. Урбнели.*—256. Мнѣніе Мурье о Руставели.—258. 262, 264, 265. Мнѣніе Арова Сюттнера о Руставели.—266, 275, 276. Судьба женщины въ Абхазетіи.—269. Изамаръ-Цихе въ Веджини.

1885. 2, 3, 5, 89, 92, 96, 192, 193. Древне-грузинская семья *Н. Хизанашвили.*—6, 7. Гнѣвъ Божій (Осетинская легенда). *Георгія Ліахвели.*—8. Бочорма и Эрцо. Путевыя замѣтки. *А. Гулисашвили.*—9, 12, 19, 20, 22, 24. Этногр. письма. Абхазетія. *К. Мачавαріани.*—25. Сказаніе о царѣ Вахтангѣ Горгасланѣ. *Шакро.*—35. Тура Кайхосро. Легенда.—49, 50, 52, 55. Мингрелія. Воспоминаніе *Бороздина.* Переводъ съ русскаго.—51, 56. Обряды погребенія въ Сванетіи.—64. Обзоръ груз. военной тактики 1089—1224. *Татарканъ.*—66, 67. Сцена изъ Тамаръ-Цбіери. *А. Церетели.*—78. Церковное имущество въ Сванетіи.—Мцхетскій церковный актъ (гуджаръ).—79, 80. Семейныя отношенія въ Сванетіи. Танисупали сваны (псевдонимъ).—34. Библ.: E. Orsolle. Le Caucase et Perse. Paris 1885—94. Народныя басни. *А. Миріанашвили.*—99. Груз. лѣчебники.—103. Цар. Тамара въ сказаніяхъ свановъ.—114. Письма Бараташвили.—162. Рукопись Амиранъ-Дареджаніани. *З. Чичинадзе.*—165, 166. Этногр. письма. Пшаветія и Хевсуретія. *Н. Урбнели.*—169. Изъ горъ. *Мгела Хинкала-Чакіашвили.*—173. Дер. Млеты. *М.*—184. Народныя пѣсни.—187. О Пшаветія. *Бачана.*—190. Два письма Гр. Орбеліани.—125. Загадки.—197. † Д. Гугунова (поэтъ).—190. Обычное право въ Сванетіи.

(На этомъ номерѣ закончилось изданіе „Дроэба", пріостановленное правительствомъ 15 сент. 1885 г.).

Шрома (Трудъ). Ред. Д. Дадіани; изд. Д. Дадіани и Д. Назаровъ.

1881 г. 14. Мнѣніе образованнаго русскаго объ отношеніи Россіи къ Грузіи („Русская Рѣчь", ноябрь, 1881). **1882** г. 4. Кахетія. (Духовенство и паства).—17. О журналѣ „Имеди". *Бослевели.*—19. Лекція А. Церетели о Ш. Руссавечи.—23. Праздникъ в. Георгія Молисскаго и Троица. *Д. Кезели.*—37. Праздникъ на Алевской горѣ.—47. Церковное сочиненіе и его рецензентъ- 45, 49. Историческіе матеріалы.—49. Похищеніе женщинъ въ Сванетіи.—**1883.** 1. Историч. матеріалы.—13, 14. Поэтъ Гр. Орбеліани —15. Фамилія Кикнадзе.—18. Поэма И. Чавчавадзе „Отшельникъ". *Бослевели.*—20, 22, 24. Народныя празднеств въ Сванетіи.—*Сванетъ.* 24. Наши древнія церкви.

Сост. **А. Хахановъ.**

Отчетъ о дѣятельности Этнографическаго Отдѣла за 1897—98 годъ.

Бюро Этнографическаго Отдѣла, согласно выборамъ 22 дек. 1897 года, составляли: предсѣдатель поч. чл. *Вс. Ѳ. Миллеръ*, товарищъ предсѣдателя поч. чл. *В. М. Михайловскій*, секретарь непр. чл. *В. В. Богдановъ*.

Въ истекшемъ отчетномъ году Отдѣлъ имѣлъ *11 засѣданій*, изъ нихъ девять закрытыхъ и два публичныхъ. Публичныя засѣданія были посвящены докладамъ П. И. Бларамберга (съ демонстраціями В. П. Прокунина), А. Н. Корещенко и В. М. Михайловскаго. Темы этихъ докладовъ, несмотря на научность своихъ пріемовъ изслѣдованія, затрогивали интересы большого круга просвѣщенной русской публики. На засѣданіяхъ закрытыхъ докладывались сообщенія болѣе спеціальнаго характера, а также обсуждались поступившія въ Отдѣлъ заявленія, статьи, матеріалы, рѣшались различные вопросы по изданію журнала, расширенію вообще дѣятельности Отдѣла, выбирались спеціальныя комиссіи.

Съ докладами на засѣданіяхъ Отдѣла выступили слѣдующія лица:

1. *Вс. Ѳ. Миллеръ*: Новая запись былины о Добрынѣ Никитичѣ.
2. *В. М. Михайловскій*: Жители Килима-Нджаро, ихъ разселеніе и бытъ (съ демонстраціями на экранѣ).
3. *А. И. Аарне*: Обзоръ дѣятельности Финскаго Литературнаго Общества по изученію народной поэзіи финновъ.
4. *Н. Л. Абазадзе*: „Ханулоба"—обычай соучастія въ молокѣ у грузинскихъ крестьянокъ (доложилъ А. С. Хахановъ).
5. *П. И. Бларамбергъ*: Русская народная пѣсня и ея вліяніе на музыку (съ демонстраціями фонографомъ, а также голосомъ въ исполненіи solo и хоромъ подъ управленіемъ *В. П. Прокунина*).
6. *Н. М. Гусевъ*: Къ былинамъ объ Иванѣ Годиновичѣ.
7. *Вс. В. Иллюминарскій*: Характеристика пѣсенъ, собранныхъ въ деревнѣ Заболотьѣ Нечаевской вол., Егорьевскаго уѣзда, Рязанской губ.
8. *А. В. Киселевъ*: Имущественныя отношенія между супругами по русскому обычному праву.
9. *С. И. Киселевъ*: Характеръ общиннаго землевладѣнія въ Иркутскомъ округѣ.
10. *Ар. Н. Корещенко*: Къ вопросу объ изслѣдованіи восточной вокальной музыки (съ демонстраціями мелодій на рояли).
11. *А. В. Марковъ*: Новыя записи русскихъ пѣсенъ.
12. *Н. М. Мендельсонъ*: а) Къ былинамъ о Ставрѣ. б) Обдорскія пѣсни.
13. *Л. З. Мсеріанцъ*: а) Къ исторіи армянской діалектологіи. б) О суевѣріяхъ у армянъ Ахалцыхскаго и Шушинскаго уу. по представленной въ Отдѣлъ рукописи С. П. Зелинскаго.
14. *А. А. Семеновъ*: Легенда объ отрѣзанной головѣ у восточныхъ христіанъ и у магометанъ монголо-тюрковъ.
15. *М. А. Слободской*: Отраженіе личности сказителя въ былинахъ.
16. *Б. М. Халатовъ*: а) Географія былинъ. б) Этнографія былинъ.

17. *Н. Н. Харузинъ*: Юридическіе обычаи якутовъ по матеріаламъ Н. П Припузова.

18. *С. К. Кулжинскій*: Народныя писанки: техническая сторона крашенія и расписыванія пасхальныхъ яицъ и географическое распространеніе этого обычая (по матеріаламъ Лубенскаго Музея Е. Н. Скаржинской).

Всего было доложено на означенныхъ засѣданіяхъ *21 сообщеніе.*

Кромѣ того, давались отзывы о вновь вышедшихъ трудахъ. По приглашенію состоявшей при Учебномъ Отдѣлѣ О. Раст Техн. Знаній „Комиссіи по организаціи домашняго чтенія", члены Отдѣла приняли, какъ и въ предыдущіе годы, участіе въ выработкѣ программы чтеній по этнографіи; на этотъ разъ имѣлись въ виду славяне, литовцы, евреи, цыгане и румыны.

При Отдѣлѣ дѣйствовала также избранная имъ „Музыкально-Этнографическая комиссія", при чемъ дѣятельность ея выразилась какъ въ выработкѣ программы наиболѣе успѣшнаго изученія русской народной музыки, такъ и въ рефератахъ (съ демонстраціями), съ которыми гг. члены выступали на засѣданіяхъ Отдѣла. Общій характеръ программы былъ намѣченъ еще и раньше, при самомъ возникновеніи музыкально-этнографической комиссіи, теперь же выяснены были и детали. Прежде всего, для собиранія библіотеки музыкально-этнографическихъ фонограммъ, выяснилась необходимость въ цѣлой системѣ фонографовъ: самую существенную услугу оказали бы такіе фонографы, которые бы удовлетворяли идеѣ свободнаго разъединенія отдѣльныхъ голосовъ въ хоровой гармонизаціи; значительную услугу оказалъ бы также и обыкновенный фонографъ, если бы былъ приспособленъ къ одновременному записыванію двухъ голосовъ съ особой для каждаго фонограммой; наконецъ, для успѣшнаго выполненія задачъ изслѣдованія нуженъ не одинъ фонографъ, а цѣлая система ихъ: для записыванія одного или нѣсколькихъ голосовъ какъ въ различныхъ мѣстахъ бытованія пѣсни, такъ и въ ученыхъ центрахъ (съ приглашеніемъ народныхъ исполнителей), для кабинетныхъ занятій, для демонстрированія въ залѣ и т. д. Далѣе, что касается самаго собиранія матеріала, то обращено было особое вниманіе на русскую пѣсню въ хоровомъ ея исполненіи, а также и на всякое другое народное музыкальное произведеніе, создалось ли оно у русскаго племени или у инородца, исполняется ли голосомъ или на музыкальномъ инструментѣ. Между прочимъ, намѣченъ былъ богатый музыкальный матеріалъ старообрядческихъ мотивовъ, въ настоящее время въ просвѣщенномъ мірѣ почти неизвѣстныхъ. Здѣсь же важно еще замѣтить, что разработку собираемаго такимъ путемъ матеріала постановлено вести не только со стороны музыкальной гармонизаціи, но одновременно и со стороны языка, такъ какъ и спеціалистъ-музыкантъ и спеціалисты-языковѣды единогласно высказались противъ разъединенія этихъ двухъ задачъ въ изслѣдованіи вокальныхъ свойствъ пѣсни. Наконецъ, чтобы распространить свѣдѣнія о собираемомъ и разрабатываемомъ матеріалѣ и тѣмъ сдѣлать доступнымъ этотъ матеріалъ и для просвѣщенной публики, и для ученыхъ изслѣдователей, намѣчена была программа изданій, публичныхъ засѣданій и музыкальныхъ демонстрацій въ видѣ учено-этнографическихъ концертовъ. Изданія, въ видѣ сборниковъ, статей и проч., постановлено было вести особой серіей при Отдѣлѣ, и первымъ выпускомъ этой серіи долженъ былъ явиться сборникъ тѣхъ мотивовъ, которые уже демонстрировались въ Отдѣлѣ, были переведены съ фонограммъ на нотную запись и приготовлялись къ изданію чл.-сотр. Е. Э. Линевой по системѣ обработки четырехъ голосовъ съ аккомпанементомъ фортепіано. Что касается учено-этнографическихъ концертовъ, то здѣсь намѣчено было возможно-широкое знакомство съ народной молодіей и по музыкальному содержанію, и по исполненію. По содержанію признано желательнымъ допустить все: 1) народные мотивы старинные и новые, не исключая даже

пѣсенъ каменщиковъ и маляровъ, которые вдохновляли своей мелодіей такихъ художниковъ, какъ П. И. Чайковксій, 2) обработку народныхъ музыкальныхъ сюжетовъ у композиторовъ, и 3) наиболѣе характерныя оригинальныя произведенія композиторовъ, поскольку въ нихъ сказался духъ и пріемы народной мелодіи. По исполненію—весь этотъ матеріалъ признано было желательнымъ обставить также наиболѣе широко: 1) въ исполненіи голосомъ, а именно: какъ народными пѣвцами и народными хорами, такъ и интеллигентными пѣвцами и хорами, 2) въ исполненіи музыкальными инструментами: опять-таки и народными (лирой, балалайкой, жалѣйкой и т. п.) и интеллигентными, 3) въ демонстраціи фонографомъ. Этнографическому Отдѣлу не удалось въ отчетномъ году устроить ни одного концерта по намѣченной программѣ, но имъ было устроено, какъ уже выше сказано, два публичныхъ засѣданія съ рефератами по изслѣдованію народной музыки и съ музыкальными демонстраціями къ нимъ. Рефераты эти принадлежали: 1) Арс. Ник. Корещенку: „Къ вопросу объ изслѣдованіи восточной вокальной музыки" и 2) Пав. Ив. Вларамбергу: „Русская народная пѣсня и ея вліяніе на музыку". А. Н. Корещенко сопровождалъ свой докладъ демонстраціей мелодій на рояли, а Пав. Ив. Брарамбергъ—хоровымъ пѣніемъ. Демонстраціи къ реферату П. И. Вларамберга, исполненныя подъ управленіемъ В. П. Прокунина, въ значительной степени подходили къ программѣ, намѣченной Отдѣломъ для учено-музыкальныхъ концертовъ. На слушателей произвело особенно сильное впечатлѣніе исполненіе такой популярной пѣсни, какъ „Внизъ по матушкѣ по Волгѣ" въ двухъ записяхъ: въ обыкновенной, къ которой всѣ привыкли съ дѣтства, и такъ сказать, въ учено-этнографической, сдѣланной посредствомъ фонографа и точно переданной въ нотной партитурѣ. Послѣдній варіантъ наглядно показалъ, какъ много новыхъ горизонтовъ можетъ открыть намъ наука даже въ такихъ предметахъ, къ которымъ мы сами присматривались чуть ли не каждый день. Остальные чисто-народные мотивы, представлявшіеся также въ совершенно новомъ, вполнѣ достовѣрномъ видѣ, были встрѣчены съ необыкновеннымъ сочувствіемъ. Наконецъ, были еще исполнены нѣкоторыя подражанія композиторовъ народнымъ мелодіямъ, а также и оригинальныя произведенія (Глинки, Чайковскаго, А. Рубинштейна, Даргомыжскаго, Мусоргскаго, Бородина и др.), въ которыхъ сказались тѣ или другія черты народной музыки.

Изъ бѣглаго очерка дѣятельности Этнографическаго Отдѣла въ области музыкально-этнографической видно, что Отдѣлъ стоитъ все еще на ступени начинаній и проектовъ. Причина этому—все та же, старая, которая тормазитъ это дѣло вотъ уже семь—восемь лѣтъ: скудость матеріальныхъ средствъ. Однако, какъ и прежде, Этнографическій Отдѣлъ не перестаетъ ожидать лучшаго времени, когда для разумной силы найдутся достойные покровители.

Въ числѣ изданій Этнографическаго Отдѣла продолжалъ выходить подъ ред. *Н. А. Янчука* журналъ „Этнографическое Обозрѣніе", который съ 1898 года вступилъ въ десятый годъ своего существованія; кромѣ того, при кн. XXXVI вышелъ указатель къ книгамъ XVI—XXXI, составленный *Г. И. Куликовскимъ*.

Къ изданію готовятся: 1) Сборникъ историческихъ народныхъ пѣсенъ и 2) программы для собиранія свѣдѣній по этнографіи (2-е изданіе).

Этнографическій Отдѣлъ въ отчетномъ году получилъ въ даръ нѣкоторыя этнографическія коллекціи, которыя переданы были въ собственность Дашковскаго Этнографическаго Музея. Поступили также въ Отдѣлъ многіе рукописные матеріалы по быту и вѣрованіямъ различныхъ племенъ Россіи, а также автобіографіи русскихъ этнографовъ. Матеріалы эти хранятся въ архивѣ Отдѣла и предназначены къ печати; выдержки изъ автобіографій также печатаются по частямъ въ „Этногр. Обозрѣніи".

Наконецъ, въ Отдѣлъ поступили многія печатныя изданія (частью въ обмѣнъ на „Этнографическое Обозрѣніе"), которыя вмѣстѣ съ прежде поступившими составили солидную этнографическую библіотеку. Библіотека эта, съ любезнаго разрѣшенія г. директора Румянцовскаго Музея, хранится въ помѣщеніи Дашковскаго Этнографическаго Музея, не переставая быть собственностью Отдѣла. Каталогъ этой библіотеки по карточной системѣ составленъ почти весь.

Въ нынѣшнемъ отчетномъ году изъ состава бюро Этнографическаго Отдѣла выбылъ секретарь Н. А. Янчукъ, исполнявшій эту должность въ теченіе 10-ти лѣтъ и вынесшій на себѣ самые тяжелые моменты въ жизни Отдѣла. Въ благодарность за эти труды Этнографическій Отдѣлъ 22 декабря 1897 года чествовалъ Н. А. Янчука, при чемъ были поднесены адресъ и подарокъ отъ членовъ Отдѣла.

Весною и лѣтомъ 1898 года слѣдующія лица находились въ экскурсіяхъ для собиранія научныхъ данныхъ по этнографіи:

1. *С. И. Киселевъ* работалъ въ Иркутской губерніи. Въ Оёкской, Хомутовской, Уриковской и Усть-Балейской волостяхъ овъ занялся снятіемъ копій съ рѣшеній волостныхъ судовъ, приговоровъ и договоровъ, равно и опросами мѣстнаго населенія по обычному праву. Собранный матеріалъ освѣщаетъ преимущественно вопросы по семейному праву: имущественныя отношенія членовъ семьи, приданое, „запросъ" (калымъ), „присѣвы", выдѣлъ, семейные дѣлежи и проч.

2. *Г. И. Куликовскій* собиралъ этнографическія свѣдѣнія въ московской губ., а также и въ губ. Архангельской и Олонецкой. Герм. Имъ также были собраны богатые матеріалы по быту и вѣрованіямъ, при чемъ сдѣлано много фотографическихъ снимковъ для иллюстраціи этихъ матеріаловъ.

3. *А. В. Марковъ* былъ въ губ. Олонецкой и Архангельской. Въ Каргопольскомъ уѣздѣ онъ записалъ большое количество сказокъ, пѣсенъ, духовныхъ стиховъ и загадокъ; въ селѣ же Золотицѣ на Зимнемъ берегу Бѣлаго моря имъ записано 5 былинъ, 2 историч. пѣсни и 3 духовныхъ стиха. Кромѣ того, собранъ матеріалъ по быту крестьянъ. Варіанты былинъ, записанныхъ г-мъ Марковымъ, имѣютъ большую цѣнность.

4. *Н. М. Мендельсонъ* провелъ весну и лѣто въ Зарайскомъ уѣздѣ, Рязанской губерніи. Имъ составлены на мѣстѣ обширные дневники о бытѣ населенія и условіяхъ мѣстной жизни; собранъ большой матеріалъ по вѣрованіямъ и творчеству крестьянъ; вывезены старинныя рукописи и, наконецъ, снята цѣлая коллекція фотографій.

5. *А. А. Семеновъ* ѣздилъ въ Самаркандскую и Ферганскую области и въ Бухарскія владѣнія для этнографическихъ наблюденій и изслѣдованій среди мѣстныхъ инородцевъ. Вмѣстѣ съ гр. Бобринскимъ онъ направился въ Зарявшанскія горы, къ озеру Искандеръ-Куль, перевалилъ черезъ Хиссирскій хребетъ (12.700 ф. н. у. м.) и черезъ Каратагъ, Дюшамбе, Кафирниганъ и Фейзабадъ, далѣе черезъ долины Сурхоба и Хингау, они спустились съ верховьевъ Гохуда въ долину Ванджа, которая и была пройдена почти до самаго устья. Собранъ матеріалъ по быту, народн. словесности и языку мѣстнаго населенія, обширный словарь нарѣчій, преимущественно таджиковъ.

6. *Б. М. Халатовъ*. лѣтомъ занялся изслѣдованіемъ быта и вѣрованій въ Эриванской губ. и Карсской области.

7. *А. С. Хахановъ* собиралъ этнографическія свѣдѣнія въ Терской обл. и Тифлисской губ. Имъ посѣщенъ „Музей археологическихъ древностей и предметовъ народнаго быта", открытый въ прошломъ году во Владикавказѣ, и изучены его коллекціи: фотографіи могильниковъ, грузинскія надписи и грузинскій пергаменный манускриптъ (XII вѣка). Въ окрестностяхъ Военно-грузинской дороги записаны народныя пѣсни и сказанія мохевцевъ и мтіуловъ, новая версія сказанія о царицѣ Тамарѣ; въ различныхъ селеніяхъ тифлисскаго, душетскаго и горійскаго уѣздовъ

записано до 40 заговоровъ. Кромѣ того, А. С. занимался древними грузинскими рукописями ранѣе XIII вѣка и позднѣйшими (XIII XVIII) въ Тифлисѣ въ библіотекѣ Общества распространенія грамотности среди грузинъ и въ Сіонскомъ древлехранилищѣ. Наконецъ, имъ переведены (въ сокращеніи) изданныя Отдѣломъ „Программы для собиранія свѣдѣній по этнографіи" на грузинскій языкъ; программы пока печатаются въ грузинскомъ журналѣ „Кребули", а потомъ будутъ изданы отдѣльно и разсылаться будутъ безплатно.

Кромѣ означенныхъ членовъ Отдѣла, лѣтомъ этого года отправились 9 лицъ для занятій по указаніямъ Отдѣла въ губерніи: Томскую, Энисейскую, Калужскую, Уфимскую, Симбирскую, Пензенскую, Терскую и Кубанскую область. Означенныя лица привезли богатые матеріалы и коллекціи и представили ихъ въ распоряженіе Отдѣла. Эти лица слѣдующія: В. В. Миллеръ, С. И. Чистяковъ, Н. Д. Маслюковъ, И. Я. Антуфьевъ (отчеты объ ихъ лѣтнихъ занятіяхъ помѣщены въ приложеніяхъ), Т. А. Лебединскій, Л. Ф. Масюкевичъ, С. П. Олферьевъ, и С. С. Саббатаевъ.

Т. А. Лебединскій совершилъ поѣздку въ Уфимскую губ. (Вирскій уѣздъ) для изслѣдованія быта черемисъ-язычниковъ. Посѣщены были волости Чураевская, Мишкинская, Кіебаковская, Кассевская и Кутеремская. Главною цѣлью поѣздки служило собираніе матеріаловъ о религіозномъ и юридическомъ бытѣ черемисъ. Кромѣ свѣдѣній, пріобрѣтенныхъ опросами, было снято 300 копій съ рѣшеній волостныхъ судовъ и собраны свѣдѣнія о семейномъ, родовомъ культѣ черемисъ, родовыхъ и общественныхъ моленіяхъ; записаны пѣсни, сказки, заговоры, примѣты и пр.

Л. Ф. Масюкевичъ совершилъ поѣздку въ Рыбинскую, Сухо-Бузимскую, Частоостровскую и Погорѣльскую волости Канскаго и Красноярскаго округовъ Енисейской губерніи и Нелюбинскую волость Томской губ.

Главное вниманіе было обращено на снятіе копій съ рѣшеній волостныхъ судовъ и снятіе копій съ сдѣлокъ и договоровъ. Собрано около 280 копій съ дѣлъ, касающихся преимущественно наслѣдственнаго и семейнаго права (Имущественныя отношенія между супругами, родителями и дѣтьми, пріемные зятья, отношенія между вотчимомъ и пасынка, мисемейные дѣлежи при жизни отца и послѣ его смерти и пр.).

С. П. Олферьевъ совершилъ поѣздку, частью совмѣстно съ *А. М. Германомъ*, въ Пензенскую губ. для изслѣдованія быта мордвы. Свои изслѣдованія С. П. Олферьевъ сосредоточилъ на Саранскомъ уѣздѣ, въ которомъ имъ были посѣщены всѣ волости, населенныя мордвой, какъ Ерзей, такъ и Мокшей. Посѣщены были и сосѣднія мордовскія селенія, находящіяся въ Инсарскомъ и Ардатовскомъ уу. Симбирской губ.

Главною задачею при собираніи было изученіе религіозныхъ вѣрованій мордвы, ея преданія и пѣсни. Собраны также свѣдѣнія о пережиткахъ родового быта и матеріальной культурѣ (одежда, жилище, утварь и пр.).

С. С. Саббатаевъ истекшимъ лѣтомъ совершилъ поѣздку въ г. Омскъ и въ Кустанайскій у. Тургайской области. Во Омскѣ г. Саббатаевъ ознакомился съ архивомъ мѣстнаго уѣзднаго управленія, при чемъ снялъ копіи съ нѣкоторыхъ наиболѣе характерныхъ судебныхъ рѣшеній, касающихся семейственнаго права, дѣлъ о кражахъ и пр. Подобная же работа была совершена г. Саббатаевымъ и въ г. Кустанаѣ. Во время разъѣздовъ по Тургайской области были собраны свѣдѣнія о мѣстномъ судоустройствѣ и судопроизводствѣ (судъ біевъ) и о судѣ аксакаловъ. Кромѣ того, г. Саббатаевымъ снята копія съ родословной киргизовъ, преимущественно Средней Орды, и записано нѣсколько пѣсенъ и пословицъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ОТЧЕТУ.

I. Изъ наблюденій въ Зарайскомъ уѣздѣ Ряз. губ.

Два съ небольшимъ мѣсяца истекшаго года я провелъ въ этнографической поѣздкѣ по Зарайскому у. Рязанской губ. Большую часть времени я прожилъ въ при-окскихъ селахъ этого уѣзда: Дѣдиновѣ, Ловцахъ, Любичахъ, Бѣлоомутѣ, которыя когда-то были „государевыми ловецкими селами“. Какъ „дворцовые рыбаки“, поставлявшіе рыбу на „государевъ обиходъ“, жители этихъ селъ сохранили свою свободу и при Борисѣ Годуновѣ; въ среду этихъ свободныхъ рыбаковъ или „ловецкихъ посацкихъ людей“ во множествѣ спасались крестьяне, бѣжавшіе отъ притѣсненій помѣщичьей или монастырской власти, и до сихъ поръ еще фамиліи нѣкоторыхъ крестьянъ ясно указываютъ или на помѣщиковъ, отъ которыхъ ихъ предки бѣжали, или на города и селенія, откуда они вышли. Въ селѣ Дѣдиновѣ сохранились указанія и на болѣе раннихъ его насельниковъ. До сихъ поръ бытующее преданіе говоритъ, что послѣ разгрома Новгорода часть опальныхъ новгородцевъ была сослана сюда; до сихъ поръ еще двѣ далекія отъ центра улицы этого села называются „Верхнимъ и Нижнимъ концами“; сохранилась до сихъ поръ и память о праздникѣ въ честь Ярилы: въ ночь на послѣднее воскресенье передъ Петровскимъ постомъ справляютъ „Ярилки“, для чего по рѣкѣ отправляются къ мѣстности, называемой „Ярилина плѣшь“. Старики говорятъ, что когда-то пѣлись пѣсни, спеціально пріуроченныя къ этому празднику; пѣсни эти, разумѣется, забыты, но разнузданный характеръ самого праздника сохранился. Розданные помѣщикамъ при Екатеринѣ II, жители здѣшнихъ селъ, въ большинствѣ случаевъ, получили свободу ранѣе 61 года: крестьяне любичскіе откупились отъ помѣщика, верхне-бѣлоомутскіе и ловецкіе крестьяне были отпущены на волю самими помѣщиками. Это обстоятельство, въ связи съ малымъ луговымъ надѣломъ и близостью столицы, рано заставило жителей при-окскихъ селъ пойти на сторону и наложило своеобразный отпечатокъ на жизнь этихъ селъ. „Ни у насъ городъ, ни у насъ деревня“, говорили мнѣ въ Дѣдиновѣ и Бѣлоомутѣ. Дѣйствительно, въ Бѣлоомутѣ—Верхнемъ и Нижнемъ—всѣ почти поголовно портные, работающіе на крупные московскіе магазины готоваго платья; въ Дѣдиновѣ—почти все мужское населеніе на сторонѣ, поставляя многочисленный штатъ портерщиковъ, трактирныхъ молодцовъ и кабацкихъ сидѣльцевъ. Кому удалось устроиться на сторонѣ, тотъ рѣдко возвращается на родину, а если и возвращается, то отвюдь не съ цѣлью крестьянствовать. „У насъ средняго народа нѣтъ“, говорили въ томъ же Дѣдиновѣ, „а либо богатый, либо уже совсѣмъ бѣдный“. Служба по кабацкому дѣлу—давнишнее занятіе дѣдиновцевъ; здѣсь хорошо помнятъ откупа, Кокорева, а бывалые люди разскажутъ и про Сибирь и про Польшу, куда заносила ихъ кабацкая служба. Положеніе тѣхъ изъ при-окскихъ крестьянъ, которые не порвали съ землей, далеко не завидно. Съ какихъ-нибудь $^3/_4$ десятинъ на душу лугового надѣла трудно

прокормить корову—главное подспорье хозяйства; приходится прибѣгать къ покупкѣ сѣна въ кредитъ у мѣстныхъ кулаковъ, которыхъ здѣсь достаточно. Двѣ—три цифры убѣдительно показываютъ всю тяжесть экономическихъ условій жизни окскаго крестьянства. Въ октябрѣ минувшаго года, давшаго средній урожай сѣна, дѣдиновцы покупали сѣно по 50—60 коп. за пудъ въ кредитъ, съ обязательствомъ уплатить долгъ молокомъ, „наносить молокомъ", какъ здѣсь говорятъ. Кулакъ-сѣнникъ, онъ же и хозяинъ большого молочнаго дѣла, принималъ въ уплату долга молоко въ маѣ текущаго года по разсчету 40 к. за пудъ, спустивъ эту цѣну въ іюлѣ до 32 коп. И молочное и сѣнное дѣло все въ рукахъ кулаковъ, такъ же какъ и ловля рыбы (стерлядь) и доставка ея въ Москву. Слабымъ подспорьемъ крестьянскому бюджету служатъ сады. Значительную часть населенія отвлекаетъ Коломна со своимъ заводомъ и близь-лежащія торфяныя болота.

Нельзя было надѣяться, чтобы въ селахъ, про которыя я только что упомянулъ, этнографическая *старина* сразу бросилась въ глаза наблюдателю. Я намѣренно подчеркиваю *старина*, такъ какъ для этнографа-наблюдателя, слѣдящаго за тѣмъ, какъ отражаются на жизни крестьянства вліянія города, появленіе въ деревнѣ крупныхъ капиталовъ, при-окскія села даютъ богатый матеріалъ. Но этнографическую старину приходилось искать, и иногда съ предвзятой увѣренностью, что не найдешь Какъ, напримѣръ, искать старины въ женскихъ костюмахъ села, на главной улицѣ котораго красуется вывѣска „модной мастерской" или „школы кройки", рядомъ съ вывѣской фотографа или, по мѣстному, „портретчика", гдѣ въ праздникъ въ церкви вы увидите женщинъ въ турнюрахъ и шляпкахъ и сплошь и рядомъ услышите, какъ женщины эти, говоря про своихъ сосѣдокъ. называютъ ихъ „дамы и барышни"? Всѣ мои поиски въ этомъ направленіи остались безуспѣшными, несмотря на то, что, по словамъ ряз. археолога А. Н. Черепнина, знатока мѣстнаго края, не такъ давно еще старинные женскіе костюмы и головные уборы были въ употребленіи и въ Дѣдиновѣ.

Съ поисками пѣсенной старины дѣло оказалось благополучнѣе, и,— что нѣсколько меня удивило въ селахъ, подвергшихся такому замѣтному вліянію городской культуры,—симпатіи большинства на сторонѣ старой пѣсни; модные романсы и фабричныя пѣсни въ ходу только среди самой зеленой молодежи. Въ каждомъ изъ упомянутыхъ селъ есть свои, особенно знаменитые пѣсенники, въ репертуарѣ которыхъ главную часть составляютъ пѣсни старыя. Этихъ пѣсенниковъ мнѣ тотчасъ же рекомендовали всюду, какъ только узнавали, что я интересуюсь пѣснями. Изъ этихъ пѣсенниковъ особенно замѣчательны двое, оба въ Дѣдиновѣ. Во-первыхъ, крестьянка М. И. Родимцева, обладательница удивительно красиваго голоса; по профессіи она „начетчица", читаетъ псалтырь по умершимъ; женщина очень набожная, она считала грѣхомъ пѣть въ Петровскій постъ, и записалъ я отъ нея немного. Другой пѣвецъ—Н. М. Луда, какъ показываетъ его прозвище, по профессіи лудильщикъ. Не дуракъ выпить, хорошій разсказчикъ, особенно про крѣпостное право, Луда поль-

зуется общей любовью за свой веселый нравъ и пѣсни; недавно еще онъ крестилъ въ Дѣдиновѣ 108-го крестника, котораго, какъ и всѣхъ предыдущихъ, неграмотный Луда попросилъ записать себѣ въ книжку. Пѣсни свои Луда дѣлитъ на двѣ части: „барскія“ пѣсни и пѣсни „простыя“ „Барскія“ пѣсни это тѣ, которымъ Луда выучился еще во время крѣпостного права по приказанію барина; во многихъ изъ этихъ пѣсенъ фигурируетъ баринъ, барыня, барскій дворъ; начиная такую пѣсню, Луда непремѣнно разскажетъ, какъ тяжело ему достались эти пѣсни, изъ-за которыхъ онъ во время порки „не одинъ пудъ земли выглодалъ“; барскихъ пѣсенъ я записалъ отъ Луды 10 (Какъ изъ барскихъ воротъ выѣзжаетъ самъ холуй“; День работушку мы работали, ночь по улицѣ гуляли“; „Ежъ“; „Повадилась чечетка на барскій дворъ“ и др.). Большинство барскихъ пѣсенъ, по выраженію Луды, „съ причинкой“, т. е. не совсѣмъ удобны для печати. „Простыя“ пѣсни Луда дѣлитъ на „унывныя“ и „игровыя“. Къ „унывнымъ“ онъ относитъ такія, какъ, напримѣръ, „Проходи-ка-сь, мое скушное время“, „Ужъ вы горы, горы мои, горы Воробьевскія“, къ „игровымъ“—пѣсни хороводныя, каковы, напримѣръ, „Во лужкахъ было лужкахъ, ходятъ дѣвушки въ кружкахъ“, „Пойду, схожу, повыберу богатаго я тестеньку“ и др. Всѣ выдающіеся пѣвцы—желанные гости во время всякихъ праздничныхъ сходбищъ. Изъ трактировъ за ними очень часто посылаютъ любители хорошихъ пѣсенъ, а Луда такъ прославился своими пѣснями, что для него нарушенъ даже давній обычай: его, отца семейства, приглашаютъ на упомянутый выше праздникъ „Ярилки“, куда, по обычаю, допускаются только парни и дѣвушки. Стоитъ отмѣтить, что всѣ выдающіеся пѣвцы не занимаются собственно крестьянскимъ дѣломъ: Родимцева—начетчица, Луда—мѣдникъ, ловецкая знаменитость—Милліонный—плотникъ, въ Бѣлоомутѣ славится пѣснями мясникъ и т. д. Всего въ при-окскихъ селахъ мною записаны 93 пѣсни, не считая повтореній и варіантовъ.

Кромѣ довольно значительнаго числа мелкихъ наблюденій и записей, главнымъ образомъ по части демонологіи, въ число добытыхъ мною матеріаловъ входятъ авсеневыя пѣсни; 10 заговоровъ (включая сюда и „молитву зарѣ“, имѣющую характеръ заговора); разсказы про разбойника Веревкина, сохранившіеся до сихъ поръ въ Бѣлоомутѣ; нѣсколько историческихъ разсказовъ (про 12-ый годъ, про Петра Великаго), нѣсколько разсказовъ про крѣпостное право; небольшой словарикъ областныхъ словъ и словарь условнаго языка, который въ употребленіи въ Бѣлоомутѣ среди портныхъ и торговцевъ портновскимъ прикладомъ, бывшихъ ранѣе офенями.

Что касается разсказовъ о Петрѣ Великомъ, то долженъ замѣтить, что объ этомъ императорѣ разсказываютъ особенно охотно потому, что въ с. Ловцахъ, въ волостномъ правленіи, до сихъ поръ хранится грамота Петра, подтверждающая права мѣстныхъ крестьянъ на рыбныя ловли. Пѣсенъ изъ Петровской эпохи совсѣмъ почти не слыхать: мнѣ удалось записать всего одинъ небольшой отрывокъ изъ пѣсни о взятіи Азова.

Поиски книжной и рукописной старины, если ихъ производить съ

значительнымъ запасомъ времени, который далъ бы возможность ближе сойтись со стариками, проникнуть на чердаки и разобраться въ бумажномъ хламѣ, оставшемся зачастую отъ дѣдовъ и прадѣдовъ, должны были бы дать, по моему мнѣнію, хорошіе результаты: среди стариковъ и теперь попадаются большіе любители рукописной старины, а среди книжнаго хлама, вытащеннаго на базарную площадь Дѣдинова во время книжной ярмарки, попадались такія вещи, какъ „Премудрый Эзопъ", изданія конца прошлаго столѣтія или истрепанныя тетрадки съ полууставной записью „Плача Адама" и сказанія о Варлаамѣ и Іоасафѣ. (Послѣднее сказаніе очень распространено въ при-окскихъ селахъ, быть можетъ, потому, что въ монастырѣ Св. Николая, что въ Радовицахъ, лежащемъ въ 35—40 вв. отъ Оки, находится мѣстно-чтимое рѣзное изображеніе Іоасафа, царевича Индійскаго). Изъ моихъ наблюденій по части рукописной старины отмѣчу прежде всего любопытное „сказаніе" объ изгнаніи бѣса изъ дѣвицы Ѳеодосіи, учиненномъ учителемъ Воронежской семинаріи. Рукописное „сказаніе" это съ дефектнымъ первымъ листомъ, который, впрочемъ, легко возстановляется изъ дальнѣйшаго текста, принадлежитъ Дѣдиновцу А. И. Бронину; я снялъ копію съ рукописи, которую владѣлецъ ея ни за что не хотѣлъ мнѣ продать, и разсчитываю въ одномъ изъ засѣданій предложить вниманію Отдѣла это сказаніе, любопытное и въ этнографическомъ отношеніи. Въ Верхнемъ Бѣлоомутѣ, у крестьянина В. К. Влазнева мнѣ пришлось познакомиться съ интереснымъ сборникомъ, принадлежавшимъ ранѣе крестьянину Курову, дряхлому старику, живущему въ Ловцахъ. Отличаясь большою набожностью, Куровъ много ходилъ по монастырямъ, списывая, а отчасти пріобрѣтая казавшіяся ему любопытными сказанія, молитвы, житія; изъ всего этого матеріала составился довольно объемистый сборникъ. Изъ богатаго и мозаичнаго содержанія сборника приведу нѣсколько заглавій и выписокъ. „Молитва во время скорби или клеветы гоненія отъ человѣка сущаго"; „Наказаніе Божіе за грѣхи человѣкомъ" (разсказъ о всемірномъ потопѣ, казни Содома и Гоморры и о потопленіи египтянъ). Непосредственно за этимъ слѣдуетъ разсказъ безъ заглавія, замѣненнаго первыми словами: „Было двое друзей, провождали оба они жизнь широкою пути роскоши"... одинъ сдѣлался инокомъ, другой жилъ такъ, какъ началъ: инокъ во снѣ видитъ своего товарища, уже умершаго; червь точитъ его, отъ ранъ смрадъ; смрадъ этотъ былъ такъ великъ, что, проснувшись, инокъ выбѣжалъ изъ кельи; изъ-за смрада, наполнившаго всю обитель, братія покинула монастырь. Дальше идетъ: „Сказаніе Афанасія архіепископа Александрійскаго о Мерхиседецѣ царѣ"; „Молитва святого Мерхиседека"; „Писано изъ Зерцала великаго о исходѣ души изъ тѣла"; „Молитва царя Соломона при освѣщеніи храма Іерусалимскаго"; „Молитва богатыря Рогдая"; „Молитва отъ пьянства"; „Молитва отъ огня палящаго"; „О сказаніи 12-ти пятницъ, въ которыя въ году Господь повелѣваетъ всякому человѣку поститься". Здѣсь простое перечисленіе 12 пятницъ. Нѣсколько ниже слѣдуетъ такое же перечисленіе съ прибавленіемъ о томъ, чтобы не совершать въ этотъ день супружескихъ обязанностей: „аще кто бракомъ со-

вокупится съ женою, отъ нихъ дѣтища родится, будетъ слѣпъ, глухъ или тать, разбойникъ, клеветникъ, душегубецъ или чародѣй, піяница, прелюбодѣй и злу подражатель". Перечисленіе пятницъ встрѣчается въ сборникѣ еще въ третій разъ, а въ самомъ концѣ сборника помѣщено сказаніе о 12 пятницахъ, разсказывающее, какъ въ г. Шаволѣ былъ споръ между христіаниномъ Елеферіемъ и жидовиномъ Тарасіемъ и сыномъ его Мелехомъ. Послѣдній сообщаетъ Елеферію сказаніе о 12 пятницахъ; отецъ убиваетъ его и себя; наставленіе Елеферія о почитаніи 12 пятницъ. Отмѣчу въ сборникѣ еще слѣдующія статьи: „Свитокъ Іерусалимскій"; „молитва заклинательная"; „молитва отъ лихорадки"; „молитва Кирика и Іулиты"; „молитва свят. священномученика Антипія отъ болѣзни зубныя"; „молитва грозному архангелу Михаилу"; „плачъ прекраснаго Іосифа"; „предсказаніе старца Серафима о четырехъ старообрядцахъ, которые пришли къ старцу спросить о двуперстномъ сложеніи"; „молитва святого Сисинія"; „заговоръ любовный". Заслуживаютъ вниманія занимающія 2 листка и не носящія особаго заглавія 23 изреченія на разные случаи, напр.: „Когда будетъ громъ гремѣть, то вспомни ангела Руфаила, архангела Михаила, то не прикоснется къ тебѣ діаволъ": „когда будешь въ заблужденіи, то вспомни ангеловъ Руфаила и Реула"; „когда будешь начинать строить домъ новой, то вспомяни 4 евангелистовъ, они сохранятъ твой домъ своими святыми молитвами": „когда идешь пахать, то вспомни Илію и Власія, они тебѣ, человѣче, помогутъ пахать"; „когда идешь сѣять, то вспомни царя Медскаго (сверху поправлено—Мерхиседека), который снесъ хлѣбъ и вино, бяше священникъ Бога Вышняго". Два списка „Сна Иресв. Богородицы", помѣщенные въ сборникѣ, привлекли мое вниманіе упоминаніемъ объ Ильѣ Муромцѣ. Послѣ разсказа о страстяхъ Господнихъ слѣдуетъ: „Іуда въ овину удавился и осталось его тридцать сребренниковъ, а потомъ куплено было на оныя деньги село называемое Корачарово и досталось оное Иліе Муромцу: оныя мощи почиваютъ въ городе Кееве и нынѣ, и прииде Іосифъ со святымъ Никодимомъ" и т. д. Во второмъ спискѣ, представляющемъ изъ себя сокращеніе перваго, упоминаніе объ Ильѣ Муромцѣ удержано. Послѣ одного изъ списковъ „Сна" слѣдуетъ заговоръ, озаглавленный такъ: „После сна заговоръ Пресвятыя Богородицы". Текстъ заговора слѣдующій: „Я самъ Господь пошлю святыхъ верховныхъ апостолъ Петра и Павла и Михаилъ архангела подите приступите къ рабу Божію им^рку замкните вы на рабѣ сонъ Матушки Моей Пресвятой Богородицы и присно Дѣвы Маріи на немъ тело ретивое сердце крепко накрепко такъ крепко какъ крепко замкнутъ рай Отца Моего Бога Савоофа отъ всякаго ухищенія диавольскаго отъ душегубовъ отъ еретиковъ и отъ разбойниковъ и отъ колдуновъ и отъ колдуницъ и отъ еретиковъ и отъ еретицъ и отъ ведниковъ и также отъ всякаго нечестивой женщины и отъ трава беззаконнаго младенца зубнаго первенца и отъ красноволосой женщины и девицы и также отъ всякаго железа и отъ укладу и отъ булату и отъ мѣди и отъ стали и отъ свинцу".

Изъ моихъ экскурсій въ сторону отъ Оки упомяну о пребываніи въ Радовицкомъ монастырѣ, куда я попалъ во время ярмарки, живописно

раскинувшейся подъ стѣнами монастыря, в гдѣ я записалъ небогатый репертуаръ слѣпцовъ или по мѣстному „костоломовъ". Въ выселкахъ Самарѣ и дер. Кунаковѣ мнѣ пришлось пожить довольно значительное время среди сектантовъ—молоканъ, штундистовъ („святыхъ" какъ иронически зовутъ ихъ крестьяне) и занести въ свой дневникъ не много наблюденій надъ отношеніемъ православной части населенія къ сектантамъ и вообще къ религіознымъ вопросамъ. У штундистовъ мнѣ удалось списать рукописную тетрадку съ изложеніемъ основныхъ догматовъ ихъ ученія подъ заглавіемъ: „Покайтесь, ибо приблизилось царство небесное".

Въ заключеніе своего краткаго отчета о поѣздкѣ не могу не упомянуть съ глубокой благодарностью о томъ радушіи и содѣйствіи, которое оказали мнѣ какъ г. рязанскій губернаторъ П. С. Брянчаниновъ, такъ и тѣ лица, съ которыми меня свела общность нашихъ этнографическихъ интересовъ. А. И. Черепнинъ, членъ Рязанской Ученой Архивной Комиссіи, обязательно подѣлился со мной своими цѣнными указаніями относительно того, куда направить мои этнографическіе поиски, и любезно познакомилъ меня съ музеемъ, созданнымъ въ Рязани трудами, энергіей и средствами небольшого кружка лицъ, входящихъ въ составъ Архивной Комиссіи. Я позволю себѣ сказать нѣсколько словъ о музеѣ. Главное мѣсто среди коллекцій музея, пріютившагося не въ особо просторномъ помѣщеніи занимаютъ археологическія коллекціи, заключающія въ себѣ предметы по археологіи каменнаго вѣка, археологіи дохристіанской и христіанской. Здѣсь А. И. Черепнинъ показалъ мнѣ коллекцію замѣчательныхъ височныхъ подвѣсокъ, дѣтскую свистульку съ 4 клапанами, въ которой, по словамъ г. Черепнина, П. Н. Милюковъ нашелъ строй восточной гаммы; очень любопытны въ этомъ отдѣлѣ остатки женской обуви (чулки и башмаки), добытые при раскопкѣ одного изъ пронскихъ кургановъ; чулки вязаны въ одну спицу, накидной петлей; башмаки, сшитые изъ двойныхъ цѣльныхъ кусковъ кожи, охватывавшихъ верхнюю часть ступни и пятку, на высотѣ щиколотки стягивались узкими ремешками, продѣтыми въ небольшіе сквозные прорѣзы. Въ отдѣлѣ церковныхъ древностей обращаютъ на себя вниманіе коллекціи крестовъ, змѣевиковъ, древняя епитрахиль съ замѣчательнымъ шитьемъ, царскія врата, плетеные изъ ремней и рѣзныя изображенія святыхъ. Значительный этнографическій интересъ представляютъ изъ себя коллекціи костюмовъ рязанскихъ крестьянъ и витрина, въ которую музей тщательно собираетъ всѣ остатки работъ крѣпостныхъ крестьянокъ: чулки, блонды, кружева, нитки и пр.

Въ Бѣлоомутѣ радушныхъ и дѣятельныхъ сотрудниковъ нашелъ я въ лицѣ корреспондентовъ нашего отдѣла Д. В. Шишлова и В. К. Влазнева. Біографія В. К. Влазнева могла бы составить одну изъ поучительнѣйшихъ и характерныхъ страницъ исторіи русской этнографіи. По профессіи рѣзчикъ по дереву, В. К. Влазневъ своимъ образованіемъ обязанъ одной изъ московскихъ воскресныхъ школъ на зарѣ ихъ существованія, въ 60 годы. Вынесенное изъ школы Влазневъ пополнилъ разнообразнымъ и усерднымъ чтеніемъ. Интересуясь прошлымъ при-окскихъ селъ, онъ

составилъ и напечаталъ въ „Трудахъ“ Ряз. Уч. Арх. Ком. „Матеріалы для историко-статистическаго очерка, бывшихъ „Государевыхъ Дворцовыхъ рыбныхъ ловцовъ селъ: Бѣлоомута, Ловецъ, Любича и Дѣдинова“. Пользуясь глубокимъ уваженіемъ своихъ односельчанъ, В. К. Влазневъ до послѣдняго времени былъ почти безсмѣннымъ волостнымъ судьей; долгое время онъ былъ и земскимъ гласнымъ отъ крестьянъ. Знаніе крестьянскаго быта, честное отношеніе къ общественнымъ дѣламъ, вѣра въ силу печатнаго слова сдѣлали изъ него одного изъ дѣятельныхъ сотрудниковъ прекратившагося „Р. Курьера“. Близкій другъ Сурикова, который вмѣстѣ съ поэтомъ-переводчикомъ Ѳ. Б. Миллеромъ первый обратилъ вниманіе на поэтическіе опыты Влазнева, В. К., особенно въ молодости, много времени удѣлялъ поэзіи и беллетристическимъ очеркамъ изъ жизни родного села. Большинство его произведеній этого рода напечатано въ издававшемся когда-то журналѣ „Чтеніе для народа“. Нѣсколько мелкихъ этнографическихъ замѣтокъ Влазнева было напечатано въ „Этн. Обозрѣніи“. Замѣтки эти составляютъ лишь весьма малую долю той массы интереснаго этногр. матеріала, которымъ полны портфели Влазнева. Среди этого матеріала находится обширный, вполнѣ законченный трудъ по этнографіи Мещерскаго края. Симпатичный обликъ Влазнева навсегда останется въ памяти всякаго, кто входилъ съ нимъ въ близкое сношеніе, какъ не забудетъ всякій, побывавшій въ избѣ Влазнева маленькаго столика съ письменнымъ приборомъ, книгами, бумагами и самодѣльными портфелями, отодвинутаго къ стѣнѣ и теряющагося за громаднымъ верстакомъ; останется въ памяти и стѣна этой деревенской избы, вся увѣшанная портретами корифеевъ русской мысли и слова, во главѣ съ Н. П. Огаревымъ, въ 46 году отпустившимъ своихъ бѣлоомутцевъ на волю. Интересуясь этнографіей, Влазневъ внушилъ любовь къ ней кое-кому изъ сельской молодежи. Д. Д. Шишловъ одинъ изъ его учениковъ. И учитель и ученикъ оказали мнѣ не мало услугъ.

Н. Мендельсонъ.

II. Въ Карачаѣ.

Истекшимъ лѣтомъ, въ теченіе іюня и первой половины іюля мѣсяца, я имѣлъ возможность ознакомиться съ обычнымъ правомъ небольшого общества горскихъ татаръ, извѣстныхъ подъ именемъ карачаевцевъ и занимающихъ верхніе истоки Кубани, у подножія главнаго Кавказскаго хребта. Весь Карачай дѣлится на двѣ неравныя части, на такъ называемый Большой Карачай и Малый. Большой Карачай, въ которомъ мнѣ пришлось быть, заключаетъ въ себѣ 5 ауловъ: 3 аула—Картъ-Джюртъ, Учкуланъ и Хурзукъ—въ мѣстѣ сліянія двухъ рѣчекъ Учкулана и Уллукама, образующихъ Кубань, и 2 аула—Доутчи, Джазлыкъ—въ сосѣдней долинѣ р. Даута, притока Кубани. Аулы Большого или Стараго Карачая, были образованы при первомъ заселеніи карачаевцами этихъ долинъ, судя по народнымъ преданіямъ нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ. Лишь

въ самое послѣднее время, въ 60-хъ и 70-хъ годахъ, по почину русской администраціи, были заселены карачаевцами долины рѣкъ Теберды, Мары и Джегуты, притоковъ Кубани. Пять ауловъ, образованныхъ выселенцами, расположены къ сѣверу отъ Стараго Карачая, въ болѣе широкихъ долинахъ и называются Малымъ Карачаемъ. Они заселены почти исключительно бывшими крѣпостными узденей и князей Большого Карачая, освобожденными въ 1867 году отъ крѣпостной зависимости, конечно, безъ земельнаго надѣла; образцомъ ихъ земельнаго устройства послужили сосѣднія казацкія станицы, почему оно не представляетъ ничего оригинальнаго. Между тѣмъ Большой Карачай носитъ сословно аристократическій характеръ: князья и уздени составляютъ въ немъ большую половину населенія. Земельное устройство чрезвычайно запутано и сложно: на ряду съ общественной, именной землей мы встрѣчаемъ и частную, такъ называемыя родовыя зимовки, образовавшіяся путемъ захвата представителями отдѣльныхъ родовъ-фамилій, въ стародавнія времена. Въ настоящее время они составляютъ дворовую собственность. До сихъ поръ главнымъ занятіемъ карачаевцевъ служитъ скотоводство, преимущественно разведеніе овецъ. По регистраціи 97 года въ трехъ аулахъ Большого Карачая приблизительно на 30000 населенія числилось болѣе 12000 лошадей, 28000 головъ рогатаго скота, 180000 овецъ и 23000 козъ. Въ среднемъ на карачаевскій дворъ приходится отъ 50 до 100 лошадей, нѣсколько сотъ овецъ, и десятка два, три головъ рогатаго скота; встрѣчаются богачи, обладатели двухъ, трехъ тысячъ лошадей и тысячъ 20 овецъ, но они представляютъ рѣдкое исключеніе. Земледѣліе для карачаевца лишь подспорье: земли, удобной для пахоты, въ его тѣсныхъ долинахъ очень мало; участки пахотной земли—сабаны—цѣнятся чрезвычайно дорого; самый большой участокъ не превышаетъ $^1/_2$ десятины; но не рѣдкость—участки размѣрами въ нѣсколько десятковъ квадратныхъ саженъ. Всѣ они обнесены каменной изгородью и тщательно воздѣланы; климатическія условія позволяютъ сѣять только ячмень и овесъ; своего хлѣба населенію, конечно, не хватаетъ, и приходится его прикупать изъ сосѣднихъ станицъ. Условія скотоводства заставляютъ карачаевца почти круглый годъ жить далеко отъ ауловъ: лѣтомъ, съ іюня по октябрь, онъ пасетъ свой скотъ на высокихъ горныхъ пастбищахъ, въ ущельяхъ главнаго хребта, куда онъ забирается, какъ только стаетъ снѣгъ; зимой онъ спускается въ низменныя долины, гдѣ снѣгъ не лежитъ долго, по возможности защищенныя отъ вѣтровъ; круглый годъ скотъ пасется на подножномъ корму, и поэтому обильная снѣгомъ зима, лишая скотъ корма, можетъ нанести чувствительный ущербъ скотоводу. На зимовкахъ карачаевцы строятъ коши, очень первобытныя жилыя постройки, въ которыхъ всегда проживаетъ часть семьи. Продолжительное занятіе скотоводствомъ, пребываніе на кошахъ въ полномъ одиночествѣ не способствовали развитію въ карачаевцахъ воинственныхъ наклонностей. Это, можетъ быть, самое мирное племя среди кавказскихъ горцевъ. Самое завоеваніе Карачая въ 30-хъ годахъ произошло вполнѣ мирно, не вызвавъ серьезнаго отпора со стороны туземцевъ. Объ ихъ мирныхъ наклонностяхъ свидѣтель-

ствуетъ и бывшій начальникъ Эльборусскаго округа полковникъ Петрусевичъ. Въ своемъ проектѣ заселенія карачаевцами долины рѣки Теберды, оставшейся свободной послѣ выселенія въ Турцію населявшаго ее племени медовеевцевъ, онъ руководствуется тѣмъ соображеніемъ, что этимъ путемъ будетъ достигнуто замиреніе этой мѣстности и положенъ предѣлъ разбоямъ цѣлыми организованными шайками, которымъ предавались сосѣднія племена. Съ именемъ Петрусевича связанъ цѣлый рядъ реформъ, произведенныхъ въ Карачаѣ, улучшившихъ ихъ экономическое положеніе и отчасти пріобщившихъ къ культурѣ. Во-первыхъ, освобожденіе крѣпостныхъ, затѣмъ образованіе Малаго Карачая, при чемъ прирѣзка казенной земли, въ количествѣ 40000 десятинъ, была произведена главнымъ образомъ по настоянію Петрусевича; наконецъ, проведеніе колесной дороги, соединяющей центры Карачая, аулъ Картъ-Джюртъ, съ Хумарой, по которой теперь безпрепятственно можно добраться на почтовыхъ до самаго подножья главнаго хребта; раньше сообщеніе производилось только верхомъ, по извивающимся вдоль горныхъ склоновъ тропинкамъ. Но и до сихъ поръ жизнь карачаевца протекаетъ въ довольно примитивныхъ условіяхъ. Карачаевская сакля представляетъ приземистый срубъ изъ толстыхъ дубовыхъ бревенъ, концы которыхъ не обрубаются и торчатъ иногда на полтора, два аршина. Въ суровыя зимы карачаевецъ отъ времени до времени обрубаетъ ихъ, сколько ему нужно для топлива. Земляная крыша покрыта высокой травой, которой зачастую питаются козы. Вообще, не гоняясь за изяществомъ въ постройкахъ, карачаевецъ предпочитаетъ полезное пріятному. Въ послѣднее время богачи обзаводятся домами „русскаго образца", какъ говорятъ туземцы. Ихъ строятъ за огромныя деньги русскіе плотники, уроженцы Тамбовской и Пензенской губерній. Никакихъ ремеслъ, исключая приготовленія бурокъ, карачаевцы не знаютъ; за предметы роскоши имъ приходится сильно переплачивать и кумыкамъ, пришельцамъ изъ Дагестана, золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастерамъ, которые украшаютъ позолотой ихъ кинжалы и пояса, и горскимъ евреямъ, держащимъ въ каждомъ аулѣ мелочныя лавки; главнымъ товаромъ въ послѣднихъ, а отчасти и мѣновой единицей, монетой, служатъ всякіе бракованные ситцы, которыми торговцы щедро награждаютъ карачаевокъ, приносящихъ на продажу бурку, стоящую по малой мѣрѣ 12 рублей,—торговецъ даетъ ситцу рубля на полтора, два, увѣряя, что цѣна ему рублей 15, и карачаевка уходитъ вполнѣ довольная выгодной продажей. Даже продукты скотоводста, айранъ, масло и сыръ, карачаевцы приготовляютъ неумѣло и чрезвычайно нечистоплотно; на продажу молочныя издѣлія не идутъ, не удовлетворяя вкусу болѣе требовательныхъ покупателей, и употребляются исключительно туземцами; очевидно скотоводство, въ такихъ крупныхъ размѣрахъ, далеко не приноситъ тѣхъ выгодъ, какія могло бы приносить болѣе умѣлымъ хозяевамъ; мнѣ разсказывали, что на на кошахъ, часто, за неимѣніемъ посуды, коровъ доятъ прямо на землю. Несмотря на не гигіеническія условія жизни, особенно на лѣтнихъ кошахъ, гдѣ мясо битой скотины просушиваемое на солнцѣ разлагаясь, до того отравляетъ воздухъ, что кошъ приходится обходить

за-версту,—карачаевцы отличаются замѣчательнымъ здоровьемъ и долговѣчностью; столѣтніе старики между ними не рѣдкость, встрѣчаются и 110. и 120 лѣтъ. Болѣзней карачаевцы почти не знаютъ; къ сожалѣнію къ нимъ, вотъ уже 30 лѣтъ, пробралась проказа, и постепенно, путемъ браковъ, передается изъ одного семейства въ другое; никакихъ мѣръ противъ ея распространенія туземцы не принимаютъ, даже не отдѣляя больныхъ. Въ одномъ только Картъ-Джюртѣ въ 95 году было зарегистрировано болѣе 30 прокаженныхъ.—Карачаровцы хорошіе мусульмане, что можно заключить, какъ изъ большого количества мечетей (напр. въ одномъ Картъ-Джюртѣ ихъ 12 на 1000 дворовъ), такъ изъ тѣхъ оригинальныхъ приговоровъ, которые по настоянію духовенства составляютъ ихъ общества. Такъ, напр., въ одномъ изъ приговоровъ за прошлый годъ аула Картъ-Джюртъ мы встрѣчаемъ—наложеніе штрафа за нехожденіе на намазъ по 5 разъ въ день, по 20 к. за пропущенный разъ, и по 50 копеекъ за пропущенные 5 намазовъ по пятницамъ; штрафныя деньги идутъ въ пользу мечети, отъ посѣщенія которой виновный уклонялся. Не знаю, насколько строго соблюдается это постановленіе, исполнять которое карачаевцамъ, проводящимъ почти круглый годъ на кошахъ, невозможно; во всякомъ случаѣ оно даетъ право эфендіямъ отъ времени до времени дѣлать поборы въ свою пользу съ болѣе богатыхъ одноаульцевъ. Въ ихъ же пользу идетъ и обязательная милостыня, предписываемая кораномъ, въ размѣрѣ $^1/_{40}$ доходовъ каждаго мусульманина. Поэтому матеріальное положеніе эфендіевъ не оставляетъ желать ничего лучшаго, и не смотря на существованіе 12 мечетей въ одномъ Картъ-Джюртѣ, каждый изъ эфендіевъ получаетъ въ годъ отъ 2 т. до 3000 р. Отмѣчаю здѣсь выдающееся положеніе духовенства, такъ какъ оно, получая духовное образованіе въ Кабардѣ, является ревностнымъ проводникомъ мусульманства и мусульманскаго права, враждебно относящимся къ народному адатному праву. Въ общемъ экономическое положеніе карачаевцевъ совсѣмъ не такъ плохо, какъ можно было бы заключить изъ ихъ словъ, и карачаевцу могъ бы позавидовать любой русскій крестьянинъ. Получая ежегодно 100000 р. арендной платы за свою землю отъ общества „Эльбрусъ", разрабатывающаго свинцово-серебряные рудники на Индышѣ, карачаевцы имѣютъ возможность содержать прекрасно обставленныя школы съ русскимъ преподаваніемъ во всѣхъ почти аулахъ. Въ Картъ-Джюртѣ школу посѣщаетъ до 100 учениковъ; въ Учкуланѣ, первая въ Карачаѣ русская школа, существующая уже 15 лѣтъ, въ этомъ году расширяетъ свои помѣщенія: въ ней 3 отдѣленія съ 3-мя учителями, а съ этой осени предполагается довести число учащихся до 300 человѣкъ. Въ Хурзукѣ тоже есть школа съ 70 учениками. Курсъ ученія продолжается отъ 3 до 5 лѣтъ, пока ученики основательно не научатся говорить и писать по-русски. Знаніе русскаго языка благодаря школѣ съ каждымъ годомъ все распространяется. Помимо вліянія русской школы, укажу еще на ожидаемую карачаевцами въ скоромъ времени желѣзную дорогу, которая должна пройти по ихъ долинамъ, соединивъ Сѣверный Кавказъ съ Западнымъ: именно она должна соединить Владикавказскую жел. до-

рогу съ Баталпашинскомъ и Хумарой, пройдя по Тебердинской долинѣ тоннелемъ, прорѣзать главный хребетъ и выйти въ долину рѣки Кодора, направляясь къ Сухуму. Уже теперь, подъ вліяніемъ слуховъ, сильно поднялась въ цѣнѣ земля въ долинѣ Теберды, покрытой чудным сосновымъ лѣсомъ. Если этому проэкту суждено получить утвержденіе, то, быть можетъ, въ недалекомъ будущемъ желѣзная дорога измѣнитъ весь экономическій бытъ Карачая, не оставивъ безъ вліянія и тѣхъ юридическихъ отношеній, которыя имъ обусловливаются. Но пока этого еще нѣтъ, и юридическій бытъ, особенно Большого Карачая, изобилуетъ многими архаическими чертами, давая богатый матеріалъ археологу права.

Скажу теперь нѣсколько словъ о томъ матеріалѣ, который мнѣ удалось собрать во время моего пребыванія въ Карачаѣ. Какъ и вездѣ почти на Кавказѣ, родовое начало сохранилось и въ Карачаѣ еще въ живыхъ учрежденіяхъ, напримѣръ, въ запрещеніяхъ родниться браками съ родичами, въ экзогаміи. Любопытно, что недалѣе, какъ въ началѣ іюля истекшаго лѣта, какъ мнѣ передавали, въ Карачаѣ можно было наблюдать слѣдующій интересный фактъ. Съѣхались всѣ представители отдѣльныхъ фамилій, входящихъ въ родъ такъ называемыхъ Шатъ-бековъ,—Шатбеклэры, и отбирали подписку въ томъ, чтобы не брать другъ у друга замужъ дѣвушекъ. Съѣздъ этотъ былъ вызванъ отдѣльными случаями нарушенія экзогаміи, взволновавшими весь Карачай.—Самое расположеніе дворовъ въ аулахъ указываетъ на ихъ родовое происхожденіе. Карачаевскій аулъ разбросанъ отдѣльными кварталами, какъ ихъ называютъ, на нѣсколько верстъ вдоль Кубани и ея притоковъ, и почти невозможно опредѣлить, гдѣ кончается одинъ аулъ, напримѣръ, Картъ-Джюртъ, и гдѣ начинается сосѣдній Учкуланъ. Кварталы, какъ бы отдѣльные аулы, носятъ имя населяющей ихъ фамиліи, подраздѣленія рода, и иной разъ заключаютъ въ себѣ 60—100 дворовъ. Нѣкоторыя фамиліи такъ разрослись, что образовали 2, 3 одноименныхъ квартала. Таковы Хубіевы, Салпагаровы и Узденовы. — Тавра которыми карачаевцы мѣтятъ лошадей, которыя мнѣ удалось срисовать, несомнѣнно тоже родового происхожденія. Черты родового быта мнѣ пришлось наблюдать или непосредственно, или возстановлять помощью разспросовъ отдѣльныхъ лицъ. Послѣднее было очень нетрудно, такъ какъ вопросъ о родословіи своемъ чрезвычайно интересуетъ каждаго карачаевца. Дѣло въ томъ, что принадлежность къ сословію узденей тѣсно связана съ родовымъ происхожденіемъ; узденями считаются только лица, принадлежащія къ извѣстному роду, потомки первыхъ насельниковъ Карачая. Вотъ почему всякій въ разговорѣ старается выставить свое порисхожденіе какъ можно болѣе древнимъ, производя свой родъ, если не отъ самого Карачи, по преданію основателя Карачая, то по крайней мѣрѣ, отъ одного изъ его трехъ товарищей, съ нимъ вмѣстѣ пришедшихъ изъ Крыма, откуда себя производятъ карачаевцы.—Помимо словесныхъ источниковъ, при выясненіи чертъ родового быта, я пользовался и письменными данными. Въ судебныхъ рѣшеніяхъ Горскаго Словеснаго суда въ Хумарѣ часто встрѣчаются споры нѣсколькихъ родовъ о поземельныхъ границахъ:

многочисленность родичей, запутанность родственныхъ отношеній и врожденная карачаевцамъ склонность къ сутяжничеству, дѣлаютъ подобнаго рода процессы неизбѣжными, и вотъ по нимъ-то становится нетруднымъ возстановить родовыя отношенія и ознакомиться съ цѣлыми генеалогіями, которыя приводятъ тяжущіеся въ подтвержденіе своихъ правъ.—Такія письменныя родословныя хранятся во многихъ, болѣе образованныхъ семьяхъ, насчитывающихъ въ числѣ своихъ предковъ цѣлый рядъ эфендіевъ и кадіевъ, знакомыхъ съ арабской грамотой. Благодаря любезности учителя Учкуланской школы Байрамукова, мнѣ удалось завладѣть интересной копіей родословной его рода, хранящейся у его отца. — Черты материнскаго рода, болѣе первобытной общественной организаціи, предшествовавшей агнатическому роду, нашли себѣ выраженіе во многочисленныхъ переживаніяхъ, главнымъ образомъ свадебныхъ обрядахъ и подаркахъ; къ числу такихъ переживаній надо отнести и выдающуюся роль брата невѣсты при заключеніи брака, и дяди по матери, играющаго и до сихъ поръ въ жизни карачаевца бо́льшую роль, нежели дядя по отцу. Упомяну далѣе о нѣкоторыхъ архаическихъ обычаяхъ, и сейчасъ примѣняющихся въ Карачаѣ: объ аталычествѣ, которое практикуется среди высшихъ сословій, біевъ и узденей, хотя этотъ институтъ едва ли оригинальнаго происхожденія, и по всей вѣроятности заимствованъ карачаевцами у кабардинцевъ, о левиратномъ бракѣ, теряющемъ теперь свою обязательную силу При выясненіи всѣхъ этихъ институтовъ, я пользовался сообщеніями свѣдущихъ лицъ, стариковъ, и болѣе или менѣе интеллигентныхъ карачаевцевъ. Особенно мнѣ были полезны народные учителя, изъ туземцевъ, прекрасно знакомые съ юридическимъ бытомъ своего племени. До нѣкоторой степени, главнымъ образомъ разспросами стариковъ, мнѣ удалось выяснить и прежнія сословныя отношенія карачаевцевъ, имѣвшихъ до освободительной реформы довольно сложную организацію, до 5 сословій. Къ сожалѣнію, подъ вліяніемъ моихъ разспросовъ, стали циркулировать въ средѣ узденей слухи о томъ, что правительство намѣрено возстановить въ Карачаѣ крѣпостную зависимость, и съ этой цѣлью выясняетъ, какія повинности въ прежнее время лежали на крѣпостныхъ-кулахъ по отношенію къ узденямъ. Эта догадка была мнѣ высказана эфендіемъ, котораго я болѣе всего разспрашивалъ; я, конечно, поспѣшилъ его разувѣрить, не знаю насколько это удалось, и пожалѣлъ, что невольно разбудилъ крѣпостническія вожделѣнія узденей. Недоразумѣніе это, къ тому же, невыгодно отразилось на достовѣрности сообщенныхъ мнѣ матеріаловъ. Но безспорно самымъ характернымъ явленіемъ въ жизни карачаевцевъ, служитъ такъ называемая большая семья, или вѣрнѣе, семейная община, обнимающая въ среднемъ 20—25 человѣкъ, живущихъ въ одномъ дворѣ. Общинное начало сохраняется въ такой чистотѣ, что совершенно исключаетъ частную собственность, и распространяется даже на потребленіе въ тѣсномъ смыслѣ, выражаясь въ общихъ столахъ, къ которымъ ежедневно, въ опредѣленное время, собираются всѣ члены отдѣльныхъ семей, составляющихъ большую семью. Выяснить

юридическія отношенія членовъ большой семьи мнѣ удалось довольно детально, съ помощью юридической программы, такъ же какъ и процессъ разложенія, распаденія семейной общины путемъ семейныхъ раздѣловъ, учащающихся теперь съ каждымъ годомъ, и кладущихъ начало частной собственности, не допускаемой въ большой семьѣ. Путемъ разспросовъ мнѣ удалось ознакомиться съ тѣми случаями, въ которыхъ составляются духовныя завѣщанія, и со значеніемъ послѣднихъ, какъ орудіемъ реформъ въ наслѣдственномъ правѣ. Подтвержденіе всѣхъ данныхъ, добытыхъ такимъ путемъ, я находилъ въ судебныхъ рѣшеніяхъ Учкуланскаго и Картъ-джюртскаго аульныхъ судовъ, которые мнѣ удалось просмотрѣть за нѣсколько лѣтъ, именно, за послѣдніе два года и за нѣкоторые изъ 70-хъ годовъ. Такимъ путемъ я имѣлъ возможность отмѣтить нѣкоторыя измѣненія, которымъ подверглись карачаевскіе адаты за послѣдніе 20 лѣтъ. Пользоваться судебными рѣшеніями за промежуточные годы не представлялось возможности, такъ какъ они почему-то записаны на татарскомъ языкѣ, такъ что надо было обращаться къ помощи эфендіевъ-переводчиковъ; но такая работа подвигалась очень медленно. Аульныя судебныя рѣшенія дали мнѣ главный матеріалъ по обязательственнымъ отношеніямъ, носящимъ чрезвычайно архаическія черты; по нимъ можно было ознакомиться, главнымъ образомъ, съ типическими особенностями, характеризующими древнее долговое соглашеніе—ссуду-заемъ, какъ, напр., безсрочность обязательствъ, требованіе возвращенія того же предмета, сближающее заемъ съ ссудой. По нимъ, далѣе, мнѣ удалось выяснить карачаевскую систему счета сложныхъ процентовъ, соотвѣтственно приплоду скота, до сихъ поръ примѣняющуюся въ Карачаѣ, несмотря на противодѣйствіе Горскаго словеснаго суда; объ этой системѣ упоминаетъ, какъ извѣстно, и Ковалевскій, въ своемъ „Современномъ обычаѣ и древнемъ законѣ", считая ее первичнымъ нагляднымъ способомъ процентнаго счета. Судебныя рѣшенія за старые годы знакомятъ изслѣдователя и съ нѣкоторыми процессуальными особенностями, теперь уже не примѣняющимся, но еще живущими въ памяти карачаевцевъ, напр., съ интереснымъ институтомъ атауловъ-присяжниковъ, которыхъ ставилъ за себя обвиняемый въ прежнее время на судѣ, и которые за него давали очистительную присягу въ его невинности. Судебной инстанціей для Карачая, на ряду съ аульными судами, компетенція которыхъ ограничена разборомъ дѣлъ, гражданскія взыскасканія по которымъ не превышаютъ 30 р., является, какъ я уже упоминалъ, и Горскій Словесный судъ въ Хумарѣ. Благодаря любезности предсѣдателя суда г. Филимонова, я получилъ доступъ въ Хумаринскій судебный архивъ и ознакомился съ судебными рѣшеніями за нѣсколько лѣтъ. Матеріалъ по семейному и наслѣдственному праву, собранный мною, интересенъ въ томъ отношеніи, что даетъ возможность опредѣлить степень вліянія въ разныхъ областяхъ правовыхъ отношеній, которые оказываетъ на адатъ судебная практика Горскаго суда. Между тѣмъ какъ рѣшенія аульныхъ судовъ, въ которыхъ судейскія функціи отправляются двумя, тремя почетными стариками, являются точнымъ выраже-

ніемъ правовыхъ адатныхъ воззрѣній карачаевцевъ, Горскій судъ, уже въ силу своей организаціи, долженъ быть враждебенъ адату. И дѣйствительно, не трудно усмотрѣть въ его рѣшеніяхъ тенденцію, гдѣ только можно, вытѣснить адатъ, замѣняя его или русскимъ законодательствомъ или шаріатомъ. Проводникомъ перваго вліянія является русскій чиновникъ, предсѣдатель суда, основывающій свои рѣшенія на статьяхъ X тома Свода Законовъ или на Уголовномъ Уложеніи. Представителемъ мусульманскаго права, является кадій, состоящій при судѣ изъ духовныхъ лицъ; къ его помощи обращается предсѣдатель въ дѣлахъ, очень многочисленныхъ, касающихся калыма, семейныхъ и наслѣдственныхъ отношеній. Неудивительно, что цѣлые отдѣлы обычнаго права реформированы этими законодательствами, и, во всякомъ случаѣ потеряли свой адатный обликъ. Для примѣра я укажу на признаніе въ цѣломъ рядѣ шаріатскихъ рѣшеній права жены на калымъ, который согласно идеѣ шаріата долженъ служить обезпеченіемъ женѣ на случай развода, и на образованіе такимъ путемъ отдѣльнаго имущества замужней женщины; или на непризнаніе за сыномъ права на выдѣлъ ему его части изъ семейнаго имущества, что совсѣмъ не согласуется съ той формой семейной общины, въ которую она отлилась въ Карачаѣ; при этомъ судъ основываетъ свои рѣшенія на соотвѣтствующихъ статьяхъ X тома, гласящихъ, что совершеннолѣтній сынъ не имѣетъ права требовать у отца обезпеченія, ибо самъ можетъ себѣ снискивать пропитаніе. Наконецъ, вся область уголовнаго права всецѣло рефрмирована Горской судебной практикой: въ дѣлахъ объ убійствѣ исключительно примѣняется Уголовное Уложеніе; наказываютъ „по закону“, какъ говорятъ туземцы. О родовой мести карачаевцы имѣютъ весьма смутное представленіо, и она сохранилась только въ разсказахъ стариковъ о прежнихъ порядкахъ.

Борисъ Миллеръ.

III. Лѣтомъ 1898 г. въ Томской и Енисейской губерніяхъ.

Лѣтомъ въ настоящемъ году я занимался собираніемъ свѣдѣній по обычному праву въ губерніяхъ Томской и Енисейской. Въ Томской губерніи моя работа носила болѣе или менѣе случайный характеръ. Здѣсь я работалъ въ Томскомъ губернскомъ архивѣ и посѣтилъ только одну Нелюбинскую волость, разбирая дѣла Томскаго губерскаго по крестьянскимъ дѣламъ Присутствія. Имѣя въ виду, что степень грамотности и занятіе жителей налагаютъ свой особый отпечатокъ на характеръ населенія, считаю необходимымъ сдѣлать краткую характеристику тѣхъ волостей, въ районѣ которыхъ мнѣ пришлось работать.

Прежде всего сдѣлаю это по отношенію Нелюбинской волости. Волостное правленіе находится въ селѣ Нелюбинѣ, отстоящемъ отъ гор. Томска на разст. 30 верстъ. Коренные жители этой волости бывшіе государственные крестьяне, остальную часть населенія составляютъ пересе-

ленцы и ссыльно-поселенцы. Въ волости пять школъ министерскихъ, одна школа грамотности и двѣ домашнія школы.

Что касается занятія жителей, то главную роль играетъ здѣсь лѣсной промыселъ, т. е. крестьяне рубятъ лѣсъ и доставляютъ его въ гор. Томскъ въ видѣ бревенъ, плахъ или дровъ.

Къ числу второстепенныхъ промысловъ относится щепной, заключающійся главнымъ образомъ въ производствѣ саней и телѣжныхъ одровъ. Впрочемъ, я долженъ замѣтить, что, съ проведеніемъ желѣзной дороги, этотъ видъ промысла сильно упалъ, какъ въ стоимости издѣлій, такъ и въ количествѣ сбыта. Объясняется это тѣмъ, что грузъ переселенцевъ и арестантовъ перевозятъ теперь по желѣзной дорогѣ, тогда какъ прежде все это двигалось на лошадяхъ. Довольно значительная роль въ данной волости выпадаетъ на долю рыболовства; такъ жителями деревни Попадейкиной добывается рыбы приблизительно на 800 р. въ годъ. Считаю нужнымъ подчеркнуть, что земледѣліе здѣсь занимаетъ довольно скромное мѣсто въ занятіяхъ жителей. Вся его роль сводится къ тому, что оно только удовлетворяетъ потребности самихъ крестьянъ. Изъ остальныхъ промысловъ намъ остается упомянуть объ огородничествѣ и пчеловодствѣ. Огородничество практикуется въ небольшихъ размѣрахъ, именно, крестьяне имѣютъ собственные парники и сбываютъ продукты на Томскій рынокъ. Пчеловодствомъ занимаются, приблизительно, около 100 человѣкъ крестьянъ и имѣютъ до 3000 ульевъ. Отхожими промыслами жители данной волости почти не занимаются. Во всей волости крестьяне живутъ малыми семьями; если могутъ встрѣтиться одна или двѣ большихъ семьи, то на это слѣдуетъ смотрѣть, какъ на исключеніе.

Въ этомъ случаѣ рѣзко бросается въ глаза разница между семейными отношеніями, въ двухъ, хотя и смежныхъ губерніяхъ—Томской и Енисейской. Въ рѣшеніяхъ волостного суда Нелюбинской волости мнѣ пришлось натолкнуться на цѣлую массу дѣлъ о ссорахъ родителей съ дѣтьми, тогда какъ въ посѣщенныхъ мной волостяхъ Енисейской губерніи дѣла подобнаго рода встрѣчаются крайне рѣдко. Поражаетъ также разница въ отношеніи къ этому факту волостныхъ судовъ той и другой губерніи. Въ Томской губерніи, если сынъ самовольно уходитъ отъ отца, то волостной судъ не только не относится къ этому отрицательно, но даже заставляетъ отца датъ сыну надѣлъ. Тогда какъ въ Енисейской губерніи не только заставляютъ въ такихъ случаяхъ вернуться къ отцу, но еще наказываютъ за ослушаніе. При этомъ я долженъ замѣтить, что о семейныхъ отношеніяхъ мнѣ удалось узнать кое-что и путемъ разспросовъ Такъ я записалъ свадебный обрядъ и, насколько могъ, познакомился съ нравственнымъ уровнемъ жителей.

Въ Томскомъ губернскомъ архивѣ, какъ мною было уже сказано выше, я просматривалъ дѣла Томскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ Присутствія. Здѣсь мною выписаны дѣла: объ открытіи училищъ, отчетъ о состояніи училищъ въ 188²/₃ уч. году, дѣла о заселеніи Бухтарминскаго края Алтайскаго горнаго округа, дѣла о земельныхъ спорахъ между инородцами и крестьянами въ Томскомъ и Алтайскомъ

округахъ и свѣдѣнія о самовольно образовавшихся селеніяхъ въ Томской губерніи до 1851 года. Кромѣ того мнѣ удалось снять копіи съ приговоровъ: о раздѣленіи деревни Глѣбовой и хуторовъ на два сельскихъ общества, объ открытіи сельскихъ училищъ, объ учрежденіи ярмарокъ и нѣсколько другихъ.

Въ Енисейской губерніи мы совершили поѣздку вмѣстѣ съ Львомъ Флорентиновичемъ Масюкевичемъ и посѣтили три волости Красноярскаго округа: Частоостровскую, Погорѣльскую и Сухобузимскую и одну волость Канскаго округа, именно Рыбинскую. Всѣ четыре волости характеризуются одинаковыми чертами въ томъ отношеніи, что населены по преимуществу бывшими государственными крестьянами, и земледѣліе составляетъ главное занятіе жителей. Крестьяне Частоостровской волости, владѣя обширными сѣнокосными лугами, берутъ въ гор. Красноярскѣ большіе подряды на поставку сѣна. Отхожими промыслами занимаются жители Частоостровской и Рыбинской волости. Первые уходятъ вверхъ по Енисею на р. Маку и оттуда гонятъ лѣсъ въ Красноярскъ, а также отправляются на золотые промыслы въ южную и сѣверную тайгу Енисейскаго Горнаго округа и на работы по линіи желѣзной дороги. Большая часть крестьянъ Рыбинской волости уходятъ на золотые промыслы въ тайгу, на такъ называемое Бѣлогорье. Что касается нравственнаго уровня жителей, то онъ выше всего въ Погорѣльской и ниже всего въ Рыбинской и Сухобузимской волости.

Мной и Львомъ Флорентиновичемъ Масюкевичемъ были просмотрѣны книги для записки рѣшеній волостныхъ судовъ, книги сдѣлокъ и договоровъ, а также и книги постановленій волостного схода. Всего было выписано около 280 копій съ рѣшеній волостныхъ судовъ, общественныхъ приговоровъ, договоровъ и постановленій волостного схода. Изъ семейственнаго права встрѣчались рѣшенія по вопросамъ: о возмѣщеніи убытковъ на свадебные подарки въ случаѣ отказа со стороны невѣсты, о возвращеніи приданаго, о расходѣ супруговъ, о самовольныхъ уходахъ сыновей, или родителей къ дѣтямъ, о содержаніи, а также дѣла: о непочтеніи дѣтей къ родителямъ, о пріемныхъ зятьяхъ, о сводныхъ семьяхъ, споры братьевъ изъ-за имущества и земельные споры между родственниками. По наслѣдственному праву матеріалъ составляютъ нѣсколько духовныхъ завѣщаній и копій съ рѣшеній волостныхъ судовъ по поводу споровъ о наслѣдствѣ. Относительно вещнаго права я долженъ замѣтить, что въ качествѣ предметовъ гражданскаго оборота у крестьянъ фигурируютъ движимыя вещи, изъ недвижимыхъ же только усадьбы и земли. Объясняется это, по всей вѣроятности, тѣмъ, что земля отводится для цѣлой волости, и каждый, гдѣ расчистилъ себѣ мѣсто, тамъ и пашетъ, только сѣнокосныя мѣста дѣлятся между общественниками по числу работниковъ. Интересно то, что не смотря на существованіе заемовъ, случаи закладовъ встрѣчаются только по отношенію къ движимому имуществу.

По обязательственному праву намъ приходилось встрѣчать договоры: займа, ссуды, поклажи, купли и продажи, найма, аренды и подрядовъ.

Нами выписано также нѣсколько уступныхъ писемъ. При этомъ пришлось наткнуться на такого рода случаи, что одинъ крестьянинъ уступаетъ за невысокую плату свой собственный домъ другому крестьянину, а этотъ послѣдній обязанъ, въ свою очередь, поить, кормить и вносить подати за лицо, уступившее домъ. Всѣ добытыя нами свѣдѣнія мы почерпнули изъ книгъ Волостныхъ правленій, такъ какъ опросами намъ, по обстоятельствамъ отъ насъ независящимъ, приходилось заниматься очень немного.

С. И. Чистяковъ.

IV. О поѣздкѣ по волостямъ Томской губерніи.

Лѣтомъ 1898 года я совершилъ поѣздку по волостямъ Томской губерніи съ цѣлью собранія свѣдѣній о бытѣ населенія, для чего пользовался рѣшеніями волостныхъ судовъ, которыя пополнялъ личными опросами. Мною посѣщено три смежныя волости вышеназванной губерніи, лежащихъ по лѣвому берегу рѣки Оби, а именно: Богородская, Елгайская и Уртамская.

Богородская волость имѣетъ весьма неблагопріятное географическое положеніе вслѣдствіе низменнаго болотистаго мѣста, занимаемаго ею, почему и занятія жителей этой волости, главнымъ образомъ, отхожіе промыслы въ городахъ, а также на пріискахъ и Обь—Енисейскомъ каналѣ, кромѣ того, они занимаются рыбнымъ промысломъ. Елгайская же и Уртамская волости въ отношеніи почвы находятся въ далеко лучшемъ положеніи, чѣмъ Богородская волость; главный промыселъ этихъ волостей: хлѣбопашество, рыболовство, сѣнокосъ, рубка дровъ и отчасти скотоводство, — но скотъ жители держатъ исключительно для своихъ нуждъ,—и пчеловодство.

Мною собрано 120 рѣшеній волостныхъ судовъ по семейному и наслѣдственному праву и 25 духовныхъ завѣщаній, договоровъ же о приданомъ о пріемныхъ зятьяхъ я ни въ одной изъ волостей не встрѣтилъ, вслѣдствіе того, что вышеупомянутые договоры заключаются сторонами исключительно устно, на совѣсть, что, большею частью, бываетъ и съ духовными завѣщаніями.

Собранный матеріалъ, пополненный, какъ я уже упомянулъ, личными опросами, показалъ, что въ посѣщенныхъ мною волостяхъ семейные раздѣлы есть обычное явленіе, которое вызывается большею частью слѣдующими причинами: желаніемъ жить отдѣльно, ссорами съ родителями, желаніемъ отца или матери въ предупрежденіе недоразумѣній послѣ ихъ смерти по поводу раздѣла наслѣдства, и др.. Дѣлежомъ завѣдуетъ отецъ; каждый изъ членовъ семьи получаетъ поровну изъ движимаго и недвижимаго; деньги въ раздѣлъ не идутъ; исключеніе изъ общаго правила— дѣлить пополамъ—составляютъ: гумно, которое остается за сыномъ, живущимъ съ отцомъ, и мельница, которая отдается всѣмъ братьямъ съ тѣмъ, чтобы каждый изъ нихъ могъ пользоваться ею понедѣльно; по-

правка же общая. Личныя отношенія супруговъ не представляютъ рѣзкихъ отличій отъ того же отдѣла обычнаго права Европейской Россіи, почему я и не буду упоминать о нихъ въ этомъ краткомъ отчетѣ. Имущество супруговъ считается общимъ, кромѣ приданаго, которое есть собственность жены, почему послѣ ея смерти, если она не оставитъ дѣтей, оно переходитъ въ собственность ея родителей, а за неимѣніемъ послѣднихъ—въ собственность другихъ ближайшихъ родственниковъ, мужу же остается изъ приданаго только икона, постель и подушки.

Что мнѣ удалось полностью записать, такъ это обрядъ свадьбы. Свадьбы бываютъ почти исключительно въ промежутокъ времени послѣ Рождества и до масляницы; это объясняется тѣмъ, что къ этому времени оканчиваются работы по уборкѣ хлѣба, часть котораго продается въ ближайшій городъ, а также и многія другія работы. Свадебный обрядъ состоитъ изъ четырехъ частей: 1) сватовство, которое обыкновенно бываетъ съ обѣихъ сторонъ; 2) рукобитіе, состоящее въ условіи „калыма" со стороны жениха; калымъ дается большею частью деньгами отъ 15—50 р., а иногда къ этому прибавляютъ водку, съѣстные припасы, носильное платье и пр.; размѣръ калыма зависитъ отъ состоянія жениха и невѣсты; въ посѣщенныхъ мною волостяхъ калымъ, не смотря на то, что это слово заимствованное у сосѣднихъ тюрковъ, не есть плата за невѣсту, а понимается какъ вознагражденіе за свадебные расходы; онъ дается въ руки невѣсты, и послѣдняя можетъ распорядиться имъ по своему усмотрѣнію; 3) дѣвишникъ; онъ бываетъ у невѣсты наканунѣ свадьбы; передъ дѣвишникомъ невѣсту водятъ подруги въ баню, а жениха бояре, которые выбираются послѣднимъ по одному изъ каждой семьи родственниковъ; 4) наконецъ, послѣдняя часть свадьбы—свадебный поѣздъ; онъ состоитъ, кромѣ жениха и невѣсты, изъ дружки—устроителя брачныхъ празднествъ, 5 или 6 бояръ, двухъ свахъ и тысяцкаго, всѣ они носятъ названіе „поѣзжанъ". Новобрачная считается женщиной со времени окручиванія: свахи заплетаютъ ей двѣ косы и надѣваютъ наколку.

Кромѣ всего этого, я записалъ нѣсколько народныхъ пѣсенъ, которыя поются обыкновенно на „вечеринкахъ", а также нѣсколько святочныхъ гаданій.

Ник. Маслюковъ.

V. Изъ поѣздки въ Томскую губернію.

Минувшимъ лѣтомъ мнѣ пришлось совершить поѣздку по Томской губерніи съ цѣлью собиранія матеріаловъ по обычному праву, хранящихся въ архивахъ волостныхъ правленій. Изъ нихъ мною посѣщено три: Богородское волостное правленіе находится въ селѣ того же имени; Елгайское—въ селѣ Кожевниковѣ и Уртамское—въ селѣ Вороновѣ.

Въ географическомъ отношеніи посѣщенныя мною волости занимаютъ лѣвую сторону главной артеріи Томской губерніи, рѣки Оби, между устьемъ Томи, впадающей въ Обь, и городомъ Колыванью.

Главное занятіе населенія даннаго района исключительно земледѣліе, а въ мѣстностяхъ, находящихся по близости рѣки Оби, благодаря ея рыбнымъ богатствамъ, и рыболовство. Сравнительная близость Обь—Енисейскаго канала, а также и пріисковъ Алтайскаго Горнаго Округа служитъ источникомъ отхожихъ промысловъ для мѣстнаго населенія.

Изъ всей массы архивнаго матеріала мнѣ удалось выписать до 100 рѣшеній, а изъ книгъ договоровъ и сдѣлокъ до 30 договоровъ.

Въ то же время путемъ личныхъ опросовъ въ селѣ Десятковѣ, Богор. волости, собраны отвѣты на нѣкоторые вопросы по вещному и обязательственному правамъ, что является значительнымъ подспорьемъ при изученіи собраннаго матеріала, относящагося, какъ и опросы, къ области вещнаго и обязательственнаго права. Всѣ собранныя рѣшенія по ихъ характеру можно раздѣлить на нѣсколько группъ: такъ, по вещному праву группа о потравахъ, сервитутахъ, а по обязательственному праву на группы: о договорахъ, купли-продажи, мѣны и личнаго найма. Изъ отдѣловъ вещнаго и обязательственнаго правъ въ числѣ матеріаловъ, полученныхъ путемъ опросовъ, слѣдуетъ упомянуть отдѣлы о дареніи, мѣнѣ, куплѣ-продажѣ, сосѣдскихъ отношеніяхъ, помочахъ, договорѣ личнаго найма и въ часности о наймѣ пастуха. Для того, чтобы дать небольшое представленіе о собранномъ матеріалѣ считаю нелишнимъ сказать о нѣкоторыхъ отдѣлахъ предметовъ моего наблюденія—вещнаго и обязательственнаго правъ.

Говоря о сервитутахъ, приходится констатировать большое ихъ сходство съ этимъ институтомъ въ Европейской Россіи. Такъ же, какъ и тамъ, признается право прохода и проѣзда, нарушеніе котораго влечетъ за собой одинаковыя послѣдствія; то же право пользованія водой у сосѣда, если нѣтъ другого способа удовлетворенія такой нужды. Указаніемъ на существованіе сервитутовъ можетъ быть свидѣтельство нѣсколькихъ рѣшеній объ ограниченіи хозяевъ мельницъ, лежащихъ выше какой-нибудь другой меньницы, въ пользованіи ими водой, которую не должны задерживать и тѣмъ лишать воды нижележащую мельницу.

То же сходство замѣчается и въ области мѣны, предметами которой въ большинствѣ случаевъ служатъ вещи движимыя, хотя въ видѣ исключеній бываютъ и недвижимыя, напримѣръ дома, что, впрочемъ, встрѣчается очень рѣдко.

Встрѣчается также и совмѣстное владѣніе, при чемъ объектъ его управляется владѣльцами, каждымъ по очереди. Такъ, напр., нѣсколько лицъ, владѣя мельницей, по очереди бываютъ на ней, при чемъ все заработанное каждымъ поступаетъ въ его личную собственность. Каждый изъ владѣльцевъ можетъ выйти изъ совмѣстнаго владѣнія, не спрашивая согласія своихъ товарищей, продавъ свою часть кому угодно, хотя, нужно добавить, товарищи имѣютъ предпочтительное право покупки, которое, однако, нарушается въ случаѣ предложенія со стороны цѣны гораздо большей, чѣмъ можно получить съ товарищей.

Въ области купли-продажи встрѣчается видъ продажи подъ условіемъ. Иллюстраціей этого можетъ служить содержаніе нижеслѣдующаго

договора: одинъ крестьянинъ продаетъ своему односельчанину въ разсрочку (въ теченіе 7 лѣтъ) свой домъ со всѣми хозяйственными принадлежностями и передаетъ въ полное владѣніе покупателя все свое движимое имущество за немногимъ исключеніемъ въ видѣ самовара, одежды и пчелъ, оставляя за собой право жить въ этомъ домѣ въ теченіе 7 лѣтъ на полномъ содержаніи покупателя, обязуясь въ то же время помогать ему въ хозяйственныхъ работахъ, но отнюдь не по принужденію, сохраняя во взаимныхъ отношеніяхъ полное уваженіе другъ къ другу. Въ случаѣ дурного обращенія бывшій хозяинъ, продавецъ, имѣетъ право возвратить уплаченныя ему деньги и выдворить покупателя изъ проданнаго дома.

Какъ мною было упомянуто, сравнительная близость пріисковъ, канала, а также и губернскаго города служитъ источникомъ отхожихъ промысловъ, при наймѣ на которые существуетъ свойственная предпринимательской артели круговая порука, какъ это видно изъ договоровъ и рѣшеній относительно взысканія артелью съ одного изъ своихъ членовъ за уплоченныя за него деньги, вслѣдствіе его побѣга съ промысловъ. Подробныхъ же свѣдѣній, кромѣ приведеннаго о круговой покупкѣ, о предпринимательской артели собрать не удалось.

Хотя нормы обычнаго права сибирскаго населенія иногда совпадаютъ съ нормами обычнаго права въ Евр. Россіи, тѣмъ не менѣе не исключается возможность полной ихъ противоположности. Такъ, никоимъ образомъ нельзя согласовать одно мѣсто изъ „Обычн. гражд. права“ Пахмана относительно договора купли-продажи. Согласно Пахману недобросовѣстный покупатель приравнивается къ добросовѣстному въ правѣ отыскиванія цѣны отобранной вещи съ продавца. Въ одной же изъ посѣщенныхъ волостей путемъ личныхъ опросовъ удалось подмѣтить, что между такого рода покупателями, т. е. между добросовѣстнымъ и недобросовѣстнымъ, проведено строгое различіе, такъ что недобросовѣстный покупатель отнюдь не можетъ взыскивать съ продавца свои деньги, что является только правомъ покупателя добросовѣстнаго.

Между прочимъ, среди разныхъ договоровъ мнѣ пришлось встрѣтить исчезнувшій уже нынѣ видъ договора найма въ рекруты.

Болѣе подробныя свѣдѣнія буду имѣть честь изложить Обществу въ особомъ рефератѣ.

И. Я. Алтуфьевъ.

ВОПРОСЫ и ОТВѢТЫ.

Писанки и крашанки.

(Съ приложеніемъ таблицъ).

Въ отвѣтъ на напечатанную въ XXXVI кн. „Этнографическаго Обозрѣнія" программу съ просьбою о доставлешіи свѣдѣній объ обычаѣ употребленія писаныхъ яицъ на праздникъ Пасхи, получено нижеслѣдующее сообщеніе отъ нашего сотрудника А. Н. Малинки изъ Глухова Черниговской губерніи. Свѣдѣнія собраны авторомъ преимущественно въ Волынской губернія.

А. Н. Малинка сообщаетъ въ отвѣтъ на наше приглашеніе, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ имъ была послана въ даръ Дашковскому Этнографическому Музею коллекція писанокъ, собранная имъ преимущественно въ Волынской губерніи, а именно, въ г. Острогѣ и въ селахъ Острогскаго уѣзда: Здолбуновѣ, Бродовѣ, Соловѣ, Кривинѣ, Майковѣ, Плужнѣ, Милятинѣ; въ с. Слободкѣ Новогр.-Волынск. у.; въ с. Жалобкахъ Кременец. у.; въ с. Сабаровѣ и др. Винницкаго у., также въ уѣзд. Житомірскомъ, наконецъ въ Липовецкомъ у. Кіев. г. (погранични. съ Подольск. г., м. Лозово). Всего послано свыше ста нумеровъ, изъ которыхъ, къ сожалѣнію, многіе не дошли благополучно. Всѣ уцѣлѣвшіе экземпляры, въ числѣ прочихъ, теперь зарисованы для изданія Лубенскаго музея; изъ пострадавшихъ впрочемъ нѣкоторые узоры возстановлены по обломкамъ скорлупъ.

О самомъ обычаѣ нашъ корреспондентъ пишетъ слѣдующее:

„Различаются *писанки и крашанки.* Крашанки —одноцвѣтныя яица разныхъ колеровъ. „Якъ по жадному узору, то вже крашанки". Писанки—яица разныхъ цвѣтовъ и узоровъ. И тѣ и другія приготовляются только передъ Свѣтлымъ праздникомъ. Крашанки умѣетъ красить всякая хозяйка и готовитъ ихъ только для себя. Писанки готовить умѣетъ не всякая.

Въ Волынской губ. писанки очень распространены. Пишутъ ихъ главнымъ образомъ по селамъ. Въ Острогѣ мнѣ пришлось встрѣтить всего 3 женщинъ, умѣющихъ ихъ рисовать; но всѣ онѣ раньше жили по селамъ. И жители Острога, когда я обращался къ нимъ съ просьбой указать умѣющихъ приготовлять писанки, обыкновенно отвѣчали, что писанки приготовляются по селамъ, а въ городѣ онѣ только продаются на базарѣ. Писанки приготовляются, гл. обр., для забавы дѣтямъ. Цѣна писанки (яицо и работа) отъ 2—5 коп., смотря по изяществу рисунка и цѣнѣ на яйца. Писанки готовитъ

и православныя женщины, и католички. Между узорами тѣхъ и другихъ есть разница, но въ чемъ она заключается, опредѣлить не могу, вслѣдствіе незначительнаго количества у меня католич. писанокъ (всего четыре штуки). Но что разница есть, это видно изъ того, что мнѣ нѣкоторыя лица безошибочно указывали католич. писанки.—*Краски* для крашанокъ и писанокъ частью покупаются готовыми въ лавкахъ, частью готовятся самими хозяйками. „*Зеленка*"— темно-зеленая краска, приготовляемая изъ ягодъ бузины (sambucus nigra L): ягоды сушатся и варятся; въ отварѣ ихъ и красятъ яйца. —„*Рудая*"—изъ луку. „*Жовтая*" готовится такъ: приготовляется легкая сѣчка изъ коры старой дикой, кислой яблони и ея молодыхъ побѣговъ; сѣчка эта кладется въ горшечекъ, наливается водой и ставится въ теплое мѣсто часа на 2, пока не получится густой настой; затѣмъ кора выбрасывается, а въ настой бросаютъ галунъ. Чтобы узнать, готова-ли краска, опускаютъ въ настой руку и по цвѣту ея окраски судятъ о годности краски.— „*Червона*" краска обыкновенно покупается.— *Приготовленіе писанокъ*. Яйцо покрывается воскомъ въ тѣхъ мѣстахъ, которыя желаютъ оставить на писанкѣ бѣлыми, и опускается въ желтую краску; когда оно окрасится, его обсушиваютъ, покрываютъ снова воскомъ, тамъ гдѣ на писанкѣ должна быть желтая окраска, и кладутъ въ зеленую краску; снова обсушиваютъ, кладутъ 3-ій рядъ воска въ мѣстахъ, гдѣ узоръ долженъ быть зеленымъ; затѣмъ яйцо кладутъ въ какую либо кислоту (квасъ), которая выѣдаетъ краску въ мѣстахъ, не покрытыхъ воскомъ; побѣлѣвшее яичко—въ красную краску, и фонъ писанки получается красный. Если же опустить яйцо, не лежавшее въ квасу, въ красную краску, то фонъ получится черный. Когда послѣдняя краска высохнетъ, яйцо ставится въ теплую печь; воскъ на немъ растапливается, и писанка готова. Трудность работы, такимъ образомъ, состоитъ въ умѣніи наизусть налагать растопленнымъ воскомъ одинъ за другимъ узоры. Изящество работы, помимо вкуса и сноровки мастерицы, зависитъ еще и отъ „косточки", инструмента, при помощи котораго рисуется писанка. *Косточка*. Растопленный воскъ налагается на яичко при помощи „косточки"; это короткая, приблизительно въ полъ-дюйма, тоненькая металлическая трубочка, по серединѣ прикрѣпленная къ деревянной ручкѣ, длиной вершка въ $1^1/_2$—2; черезъ эту трубочку льется воскъ на яйцо. Чѣмъ тоньше трубочка, чѣмъ уже въ ней отверстіе, тѣмъ тоньше и вязщѣе будетъ русунокъ на писанкѣ. Трубочки приготовляются крестьянками такъ: на тонкую иголку густо, рядъ къ ряду, наматывается тонкая проволока, которая затѣмъ снимается, и трубочка готова.—*Узоры для писанокъ* не составляются рисовальщицами вновь, а передаются, такъ сказать, по наслѣдству отъ бабушки къ дочери, внучкѣ и т. д. Мнѣ передавали, что иногда пользуются и готовыми альбомами рисунковъ писанокъ, но лично я ихъ не видалъ въ рукахъ простого народа. Передается изъ рода въ родъ собственно только типъ рисунка. Этотъ главный остовъ узора имѣетъ свое названіе (сòсонка, рожа и т. д.), другія же, болѣе мелкія подробности рисунка принадлежатъ или извѣстной мѣстности (въ одномъ селѣ „пòвна рòжа" рисуется съ однѣми подробностями, въ другомъ—съ другими), или извѣстному времени (въ одномъ и томъ же селѣ одинъ и тотъ же типъ рисунка снабжался раньше однѣми подробностями, теперь—другими), или, наконецъ, отдѣльной личности (болѣе смѣлая рисовальщица вноситъ въ рисунокъ

отъ себя подробности). Эти детали рисунка, иногда затемняютъ и самый остовъ рисунка, что затрудняетъ опредѣленіе названія рисунка. Такъ, опредѣляя имѣющуюся у меня коллекцію писанокъ, одна женщина выражалась: „якись лапкы, не можно розибраты дила“, т. е. остовъ узора „лапокъ“ замѣтенъ, но детали узора не позволяютъ разобрать, какой болѣе частный видъ общаго типа „лапокъ“ здѣсь изображенъ.

Итакъ, въ узорѣ нужно различать двѣ стороны: 1) главную, основную сторону, типъ рисунка, по которому и писанка получаетъ свое названіе, и онъ переходитъ преемственно изъ рода въ родъ, и 2) второстепенную, детальную, дальнѣйшее развитіе основного типа. Иныя изъ деталей крѣпко привились, передаются съ главнымъ рисункомъ и пріобрѣтаютъ свое названіе; такъ, изъ основного рисунка „рожа“ (мальва) развилось три, болѣе частныхъ узора: „бокова, пуста и повна рожа“; основной рисунокъ „лапкы“ подраздѣлился впослѣдствіи на „курячы“, „гусячы“, „гындычы“ и др. Другія детали, составляя продукты мѣстнаго или личнаго творчества, не пріобрѣли еще себѣ названія и составляютъ безыменную разновидность основного типа.—Привожу алфавитный списокъ извѣстныхъ мнѣ *названій узоровъ*: берѐза, бесáга, бузынà, вáхляшъ, венгѐрочкы, вúкна, вильшúна, виноградъ, винограднци, вышня, вoздú(ч)кы, гординійка, грабына, гребешкы, греб. въ длыну, гребúночкы, гребинци, гребúнчыкы, дубрóвыця, зыркú. зырочкы, клéшы, ключечкы, клúнци (або клынчыкы, клыночкы), клынци глухыйи, клынци повныйи, клынци простыйи, клынци саморобськыйи, клынци хрыщатыйи, крылó орлове, лапкы; лапкы гусячы, лапкы гындычыйи, лапкы качéни, лапкы кýрячы, лапкы овéчы, лапкы сорóчы, лищúна, лыстя березове, лыстъ вербовы, лыстъ глухойи вербы, лыстъ въ винограду, лыстя грабове, лысткы дубовы, лысткы клыновы, лúстячко лыпове; мурѐли; мутéлыкы; носкы качарòвы; ошúбкы; пановúчка; пывòнія; рожа боковая, рожа пòвна, рожа пуста; рожкы барàначы; сòсонка, сосонка простая; сурàжко; топорú, топорцú; тюльпанъ; урожкы, човны(ч)кы, човныкы велыкы, човныкы маленькыйи; шыбочкы; шыпшына; хрестыкы клынчàсты, хрестыкы крыжовыйи; хрестыкы просты; ягидкы.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (с. Майково) существуетъ обычай *„волочино“*: къ парню, съ того времени какъ онъ можетъ жениться (лѣтъ съ 17), является дѣвушка, которой нравится этотъ парень, и приноситъ ему въ хусткѣ 6—9 писанокъ; если дѣвушка также нравится парню, то онъ на слѣдующій день возвращаетъ ей хустку съ завернутыми въ ней деньгами (коп. 10—20); въ противномъ же случаѣ хустку отдаетъ пустою. Въ с. Русивелѣ Острогск. у. на 2-й день Пасхи парень идетъ въ гости къ дѣвушкѣ, которую онъ любитъ и которая отвѣчаетъ ему взаимностью; она угощаетъ его и даетъ ему около полу-копы (30 шт.) писанокъ и крашанокъ. Въ названныхъ селахъ и въ г. Острогѣ съ „волочиномъ“ ходятъ на Проводы (Ѳомино воскресеніе) къ священнику, а на 2-й день праздника къ помѣщикамъ, причемъ носятъ съ крашенками и бѣлыя яица. Хозяинъ угощаетъ ихъ и даетъ нѣсколько денегъ“.

А. Н. Малинка.

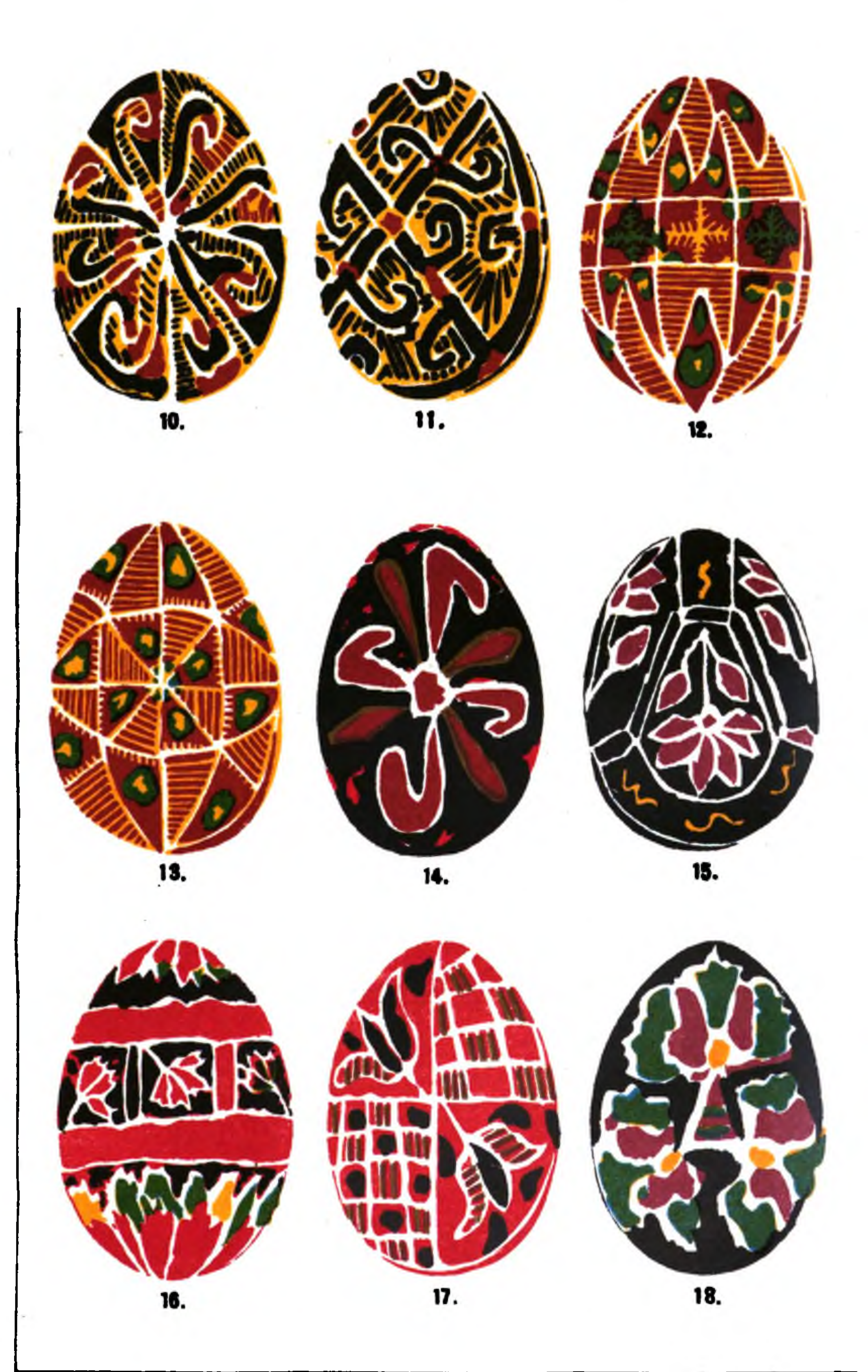
Печатая это сообщеніе, мы возобновляемъ нашу просьбу къ читателямъ о присылкѣ дальнѣйшихъ свѣдѣній и коллекцій. При этомъ пользуемся случаемъ,

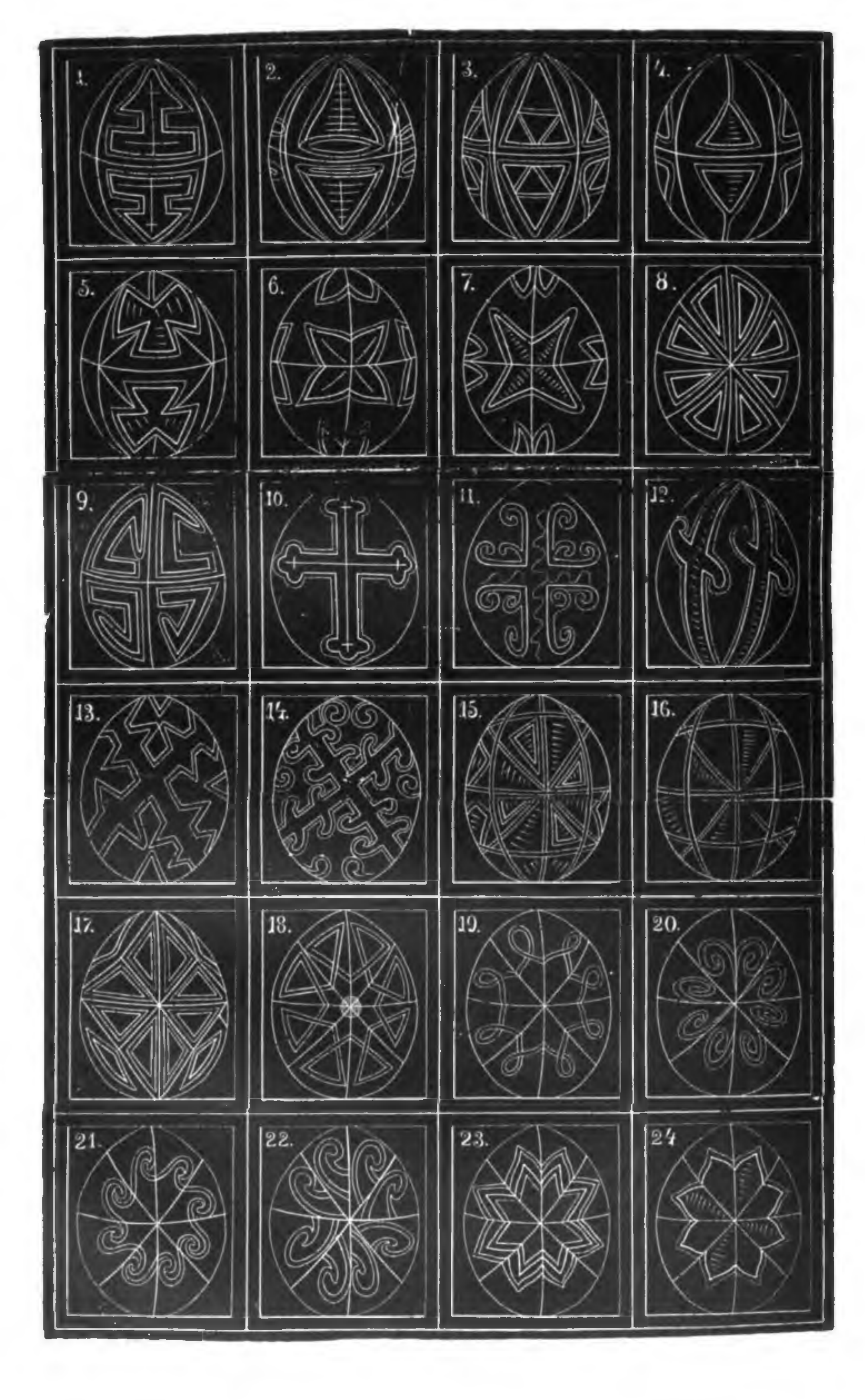
чтобы выполнить данное обѣщаніе относительно рисунковъ, и прилагаемъ двѣ хромолитографическія таблицы съ 18 рисунками писанокъ. Означенныя таблицы любезно предоставлены „Этнографическому Обозрѣнію“ Е. Н. Скаржинскою изъ числа таблицъ, имѣющихъ войти во 2-й выпускъ издаваемаго ею „Описанія коллекціи народныхъ писанокъ“ Лубенскаго Музея Е. Н. Скаржинской (текстъ описанія составленъ нашимъ сочленомъ С. К. Кулжинскимъ, секретаремъ Лубенскаго Музея). Рисунки, прилагаемые здѣсь, представляютъ точныя копіи нѣкоторыхъ писанокъ изъ собранія Дашковскаго Этнографическаго Музея, имѣвшихъ различное происхожденіе. Такъ, №№ 1—3 происходитъ изъ с. Корницы Сѣдлецк. губ. Константиновскаго уѣз., № 4—изъ Волынской губ., №№ 5—6 — изъ Конотопа Черниговской губ., №№ 7 и 8—изъ Путивльскаго уѣз. Курск. г., №№ 9—18—неизвѣстнаго происхожденія.

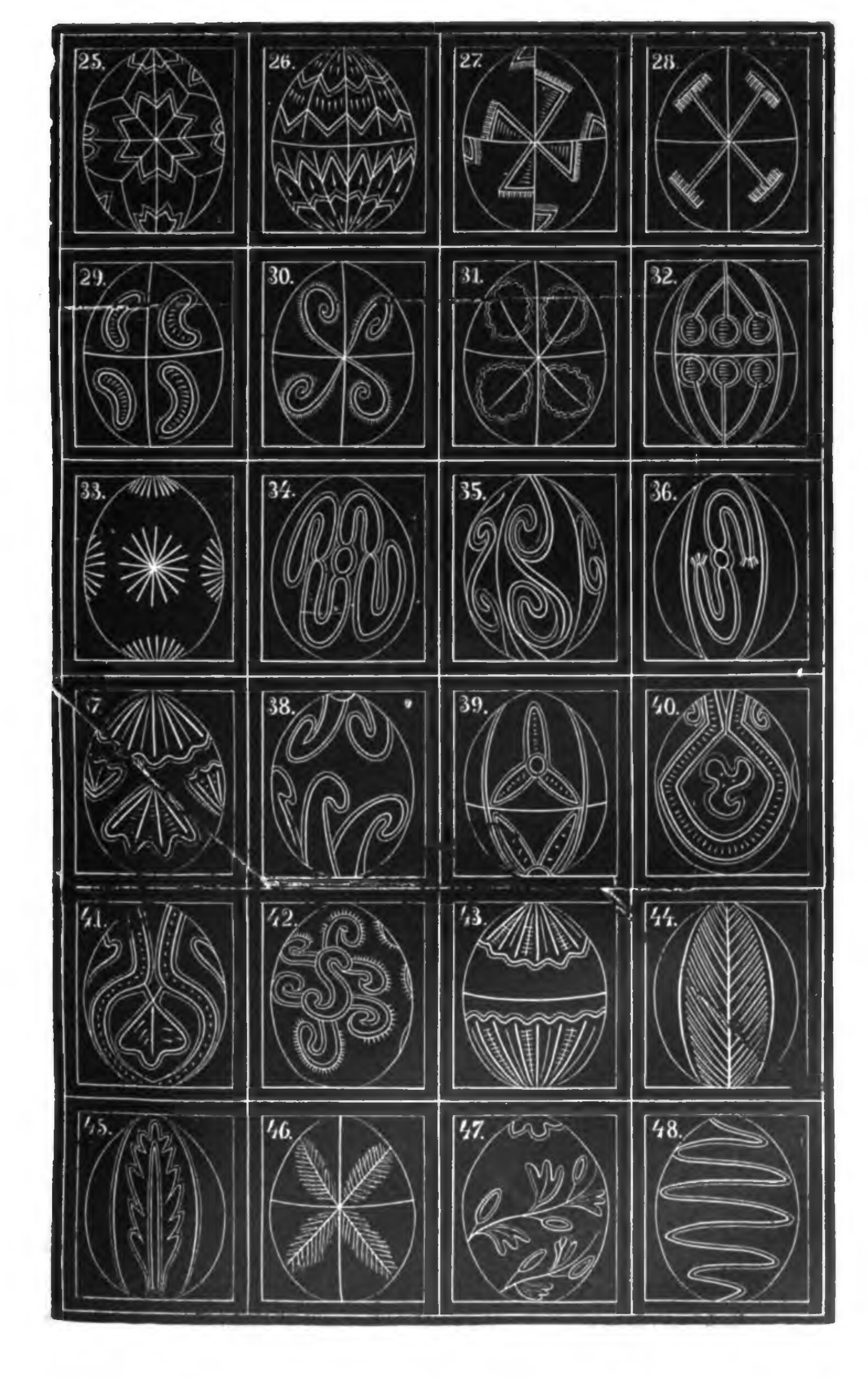
Кромѣ того, прилагаемъ давно имѣвшіяся въ распоряженіи редакціи двѣ таблицы съ 48 схематическими рисунками писанокъ изъ Галиціи. Это тѣ самые рисунки, которые нѣкогда были помѣщены при статьѣ Оскара Кольберга въ польскомъ журналѣ „Tygodnik Powszechny“ (1882, № 31) и потомъ повторены въ варшавской „Wisle“ (1890, № 1, стр. 218—219). Кольбергъ сообщилъ и названія этихъ узоровъ на галицкомъ языкѣ, въ польской транскрипціи, которую мы замѣняемъ русскою: 1. Царковци. 2. Давинъ. 3. Рыскалыки (заступы). 4. Кутасы (кисточки). 5 и 6. Попови рызы. 7. Рижкѐ (рожки). 8. Кàлыткѐ (сумочки). 9. Барда (бердышъ, сѣкира). 10. Хрэстъ. 11. Паска (пасха). 12 Пырѐрва поздòвжна. 13. Пырѐрва проста. 14. Пырерва кучирява. 15 и 16. Сорокъ клынцивъ. 17. Мотовыльци (мотовило). 18 и 19. Пырыплыты нижка. 20 Кучири. 21 и 22. Ключкы (крючки). 23 и 24. Ружи (розетки). 25. Звуздыки (гвоздики?). 26. Ружи поздòвжна. 27. Грыбинци (гребешки). 28. Грабли. 29. Слымакѐ (улитки). 30. Барани рогы. 31. Винòвый лыстòкъ (виногр. листъ). 32. Кетыци (букетъ). 33. Квиткѐ (цвѣты). 34. Стòчена бывда (свернутая лента). 35. Пысани рукавы. 36. Куричи лапы. 37. Гусячи лапы. 38. Качичи шыи (утиныя шейки). 39. Заячи вуха. 40. Бысагы (двойная сума). 41. Бысагы въ лапками. 42. Равлыкы (улитки). 43. Парасоли. 44 и 45. Сосны. 46. Сосна дрибна. 47. Огыркѐ (огурцы). 48. Воловый сыкъ.—Эти узоры происходитъ изъ с. Городницы, въ 7 верстахъ отъ уѣзднаго города Городенки, на Днѣстрѣ.

1.
2.
3.
4.
5.
6.
7.
8.
9.

10.
11.
12.
13.
14.
15.
16.
17.
18.

1.
2.
3.
4.
5.
6.
7.
8.
9.
10.
11.
12.
13.
14.
15.
16.
17.
18.
19.
20.
21.
22.
23.
24

25.
26.
27.
28.
29.
30.
31.
32.
33.
34.
35.
36.
38.
39.
40.
41.
42.
43.
44.
45.
46.
47.
48.

Извѣстія и Замѣтки.

Проектъ 1-го Съѣзда славянскихъ филологовъ.

Мы получили изъ Праги слѣдующее воззваніе, подписанное восемью чешскими учеными: Гебауэромъ, Кадлецомъ, Махаломъ, Нидерле, Пастрнекомъ, Поливкою, Волчкомъ и Зубатымъ:

«М. Г! Достойно замѣчанія и всѣмъ извѣстно, что славянская филологія до настоящаго времени не пользуется такимъ глубокимъ повсемѣстнымъ вниманіемъ, какъ, напримѣръ, филологія классическая, романская, германская и др.

Причинъ такого неутѣшительнаго явленія есть нѣсколько; изъ нихъ не послѣднее мѣсто, несомнѣнно, занимаетъ то обстоятельство, что ученые представители славянской филологіи не составляютъ дружно сплоченной силы, объединенной извѣстными идеалами и имѣющей общую, въ главныхъ чертахъ, опредѣленную программу.

Чтобы достигнуть такого единенія, мы предлагаемъ, чтобы, по примѣру другихъ спеціально-научныхъ съѣздовъ, устраивались также съѣзды ученыхъ представителей и любителей славянской филологіи, и чтобы первый такой съѣздъ былъ въ Прагѣ, если возможно, въ 1901 или въ 1902 году.

Предметами этого съѣзда и всѣхъ будущихъ должны быть, конечно, исключительно научныя занятія и нужды славянской филологіи. Всякія иныя цѣли строго должны быть устранены.

Найдется, вѣдь, много вопросовъ, которые слѣдовало бы обсудить сообща.

На первомъ планѣ стоитъ изданіе общаго сборника (compendia) по славянской филологіи, въ которомъ чувствуется большая потребность. Важною задачею съѣзда было бы

обсудить вопросъ, какимъ образомъ установить однообразіе въ записяхъ народныхъ произведеній и діалектическихъ образцовъ. Особымъ вопросомъ стоитъ изданіе сводной славянской библіографіи. Важнымъ предметомъ обсужденія могло бы быть изданіе словаря церковно-славянскаго языка, равно какъ и словарей отдѣльныхъ славянскихъ нарѣчій на общихъ основаніяхъ, а можетъ быть и большого всеславянскаго словаря. Это темы по языку; подобныхъ темъ найдется не мало и по другимъ отдѣламъ славянской филологіи.

Съѣздъ былъ бы призванъ судить о способѣ, какимъ бы должна была развиваться славянская филологія, чтобы достигнуть наибольшаго успѣха. Главнымъ образомъ дѣло шло бы объ университетскихъ курсахъ и занятіяхъ: сюда относятся организація каѳедръ славянской филологіи, семинарій, научныхъ командировокъ и т. д.

Такихъ важныхъ вопросовъ и предметовъ обсужденія нашлось бы довольно много, и мнѣніе съѣзда, въ которомъ бы приняли участіе всѣ важнѣйшіе представители славянской филологіи, навѣрно не было бы оставлено безъ вниманія въ подлежащихъ случаяхъ.

По примѣру другихъ спеціальныхъ съѣздовъ, и этотъ съѣздъ славянскихъ филологовъ долженъ быть обставленъ необходимыми условіями:

Онъ долженъ: а) повторяться черезъ опредѣленные сроки;

в) созываться въ разныхъ славянскихъ земляхъ и городахъ;

с) имѣть значеніе международное, чтобы всѣ спеціалисты и любители славянской филологіи, а равно и смежныхъ наукъ могли принимать въ немъ участіе;

и д) оффиціальнымъ языкомъ даннаго съѣзда долженъ быть языкъ той страны, въ которой съѣздъ происходитъ, напр.: въ Прагѣ—чешскій, въ Краковѣ—польскій, въ Бѣлградѣ—сербскій, въ Петербургѣ или Москвѣ—русскій и т. д., причемъ вполнѣ допускается употребленіе авторами любого славянскаго языка въ своихъ докладахъ.

Предлагая Вамъ, М. Г., краткій проектъ предполагаемаго съѣзда, осмѣливается вмѣстѣ съ тѣмъ просить высказать предварительно свои соображенія откровенно и неотлага-

тельно, и если одобряете нашъ проектъ, то можемъ ли мы надѣяться, что Вы лично примете участіе въ съѣздѣ и заранѣе намѣтите, какому вопросу Вы думаете посвятить свой докладъ на съѣздѣ.

Сообразно съ результатами настоящаго обращенія мы будемъ дѣйствовать дальше.

Отвѣтъ благоволите адресовать или на имя: *Prof. D-r. Fr. Pastrnek. Praha, Marianska ul., 15*, или на имя кого-нибудь изъ подписавшихся подъ этимъ воззваніемъ [1]). Прага 26 іюня, 1899.

ПРИ СЕМЪ ПРИЛАГАЕТСЯ.

Программа 1-го Съѣзда славянскихъ филологовъ въ Прагѣ.

1. Цѣль Съѣзда—содѣйствовать славянской филологіи.

2. На Съѣздѣ дѣлаются доклады и обсуждаются вопросы, относящіеся къ области славянской филологіи въ болѣе широкомъ смыслѣ, а именно:

   а) по исторіи славянскихъ языковъ,
   в) по исторіи славянской письменности.
   с) по славянской этнографіи,
   д) по славянскимъ древностямъ.

3. Съѣздъ будетъ дѣлиться на четыре отдѣленія:

   а) языкознаніе,
   в) словесность,
   с) этнографія,
   д) древности.

4. Доклады и обсужденія могутъ быть на всѣхъ славянскихъ языкахъ, а также на языкахъ нѣмецкомъ и французскомъ. Офиціальнымъ языкомъ Съѣзда для всѣхъ формальностей, привѣтствія депутатовъ, выборовъ и т. д., служитъ чешскій языкъ.

---

[1]) Подписались, кромѣ проф. Пастрнека, еще названныя семь лицъ: J. Gebauer, K. Kadlec, J. Máchal, L. Niederle, J. Polívka, J. Vlček и J. Zubatý—съ обозначеніемъ адресовъ, которыхъ мы не повторяемъ, считая достаточнымъ одинъ вышеуказанный. *Ред.*

5. Доклады, сообщенія, предложенія, сдѣланныя на Съѣздѣ, и, вообще, вся дѣятельность Съѣзда—должны быть опубликованы въ Трудахъ 1-го Съѣзда славянскихъ филологовъ въ Прагѣ».

Печатая настоящее воззваніе въ переводѣ съ чешскаго, мы предлагаемъ его вниманію тѣхъ спеціалистовъ и любителей славистики, которые не получили подлиннаго обращенія. Мнѣніямъ по этому вопросу можетъ быть дано мѣсто въ „Этнографическомъ Обозрѣніи". Проектъ, несомнѣнно, заслуживаетъ серьезнаго вниманія и горячаго сочувствія всѣхъ, кому дороги интересы славянской науки и народности.

Замѣченныя опечатки, поправки и дополненія

(КЪ СТАТЬѢ О НАРОДНОЙ БОТАНИКѢ).

Стр.	*Строка.*		*Напечатано*:	*Должно быть*:
24	29	снизу	ὀπτ-αβόσσινα	οπτ-αβόσσινα
—	11	„	ψόρος	χόρος
—	4	„	спнимъ	синимъ
25	20	сверху	ἡ Θεά Ἱππεύς	ἡ Θεὰ Ἱππία (ср. Ἀθηνᾶ Ἱππία)
—	21	„	ἰτέα ἰπεύς	ἰτέα ἰπία
27	8	снизу	αὐωρκαυμένος	αὐωρκαομένος
—	6	„	μπροσταυώρκυνα (=μ—καιονα?)	μπροσταυώρκυμ'νον (=μ—καομένον)
31	28	„	Ἀϊδωνεύς	Αϊδωνίς
—	17	„	εἰπὲ	εἰπὲ
—	7	„	Ῥωμαΐς	Ῥωμαλέα
—	3	„	тканскрипціи	транскрипціи
32	7	„	Любы	Любви
25	19—15	„	Молодая Заря, Молодая Заря, Красная Царица-Амазонка! Αὔωρ Ναΐς, Αὔωρ Ναΐς, Ανασσα Ἐνίππος Κόκκινη!	Молодая Заря, Молодая Заря, Погорѣвшая (Огненная) Царица-Амазонка! Αὔωρ Ναΐς, Αὔωρ Ναΐς, Ανασσα Ἐνίππος Κεκυμένη (=Κεκαυμένη).
—	16—11	„	δόναζ	δόναξ
35	12	„	Красная Царица	Огненная Царица
—	10	„	Ἄνασσα κόκκινη	Ανασσα Κεκυμένη
—	8	„	ніи	неи
36	15	„	Ἱππεύς	Ἱππία
—	—	„	ἰπεύς	ἰπία
—	8	„	Борейская	Гиперборейская
—	7	„	Βόρεος	Ὑπερβόρεος
37	1	сверху	Ἐνίπους	Ενίππος
—	9	„	Eigennomen	Eigennamen
—	20	„	ἀ=„вотъ“, „вотъ какая“ (+соотвѣтственный жестъ), „великая“	Αὔ '(=Αὔως)=„Заря“.
41	12	„	кабы	кобы
47	22	снизу	Вронилы-бронилы	Брынилы-брынилы
48	11	сверху	лила	била

Стран.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
48	13 снизу	завсеогды	завсьогды
49	25 „	Ῥωμαίς	Ῥωμαλέα
50	23 „	γεωργ'ος	γεωργός
51	8 „	квуки	звуки

Кромѣ того, во многихъ случаяхъ мною употреблены формы мужского рода вм. женскихъ, что было обычно у греческихъ поэтовъ, начиная съ Гомера; напр. ἡ λέων, вм. λέαινα; Ἀΐδωνεύς, вм. Ἀΐδωνίς и т. д.

Послѣ выраженія: „Чудо Юдо Беззаконный“ я поставилъ подъ вопросомъ: Οὔδαῖα Ἄνα Μία? въ настоящее же время могу дать по этому поводу категорическое объясненіе. Въ великорусскихъ сказкахъ Чудо Юдо Беззаконный называется еще: 1, Чудо-Юда, Соленая Губа (*Аѳан.* № 165 а); 2) Чудо Юдо Морское (*Аѳан.* № 125 d); 3) Чудо-Юдо, Мосальская Губа (*Аѳан.* № 76). Для объясненія всѣхъ этихъ именъ слѣдуетъ обратиться къ греческой миѳологіи.

Въ Иліадѣ Гомера Аѳинѣ и Афродитѣ пріурочено бранное прозвище Κυνάμυια=„Песья Муха“ (Il. XXI, 394, 421), путемъ искаженія образовавшееся изъ первоначальнаго Κυμενηΐς=Καομένη Νηΐς=„Огненная Наяда“. (Ср. м.-рус.: *намастырь, намысто*, вм.: *монастырь, монисто*). Такая этимологія видна еще въ другомъ прозвищѣ Аѳины: Ἀλαλκομενηΐς, понимаемомъ неправильно въ смыслѣ „Отразительницы“, тогда какъ здѣсь рѣчь идетъ о „Свѣтлой Огненной Наядѣ“, Ἄλια Κωμένη (Καομένη) Νηΐς. Есть основаніе думать, что и выраженіе χαλκῆ Μυῖα=„Мѣдная Муха“ образовалось изъ первоначальнаго Ἀλκυμενηΐς=„Свѣтлая Огненная Наяда“. Такимъ образомъ, и эпитетъ Чуда-Юда: *Беззаконный*, Ἀνομία, есть искаженіе первоначальнаго Ἄνα (Ἄνασσα) Νηΐς=„Царица-Наяда“. Такое толкованіе прозвища подкрѣпляется и замѣняющимъ его выраженіемъ: „Губа“, Χελύνη, Χελώνη, которое, вмѣстѣ съ прозвищемъ богини: „Χελύνη, Χελώνη=„Черепаха“, восходитъ къ первоначальному Ἥλια Νηΐς=„Свѣтлая Наяда“. Затѣмъ, выраженіе: „Соленая“ соотвѣтствуетъ греческой шепелеватой формѣ Σαυλομᾶ (=Σαυρομᾶ)=„Небесная Мать“, а выраженіе: „Мосальская“— шепелеватому Μάσαυλα (=Μάσαυρα; ср.: Ῥέα Μάσταυρα)=„Мать Небесная“. Эпитетъ Чуда-Юда: „Морское“ слѣдуетъ поставить рядомъ съ прозвищемъ Афродиты: Θαλασσαίη=„Морская Богиня“, а самое имя *Чудо*—съ ея же прозвищемъ Θαυμακίη, происходящимъ отъ Θαῦμα=„чудо“. Превращеніе Чуда-Юда изъ женщины въ мущину, очевидно, произошло въ періодъ патріархата, когда миѳологія, возникшая въ предыдущій періодъ, должна была подвергнуться измѣненіямъ сообразно съ вновь установившимися семейными и общественными отношеніями.

М. Дикаревъ.

На стр. 328—329 вм. рисача чит.:—рисага *Ред.*
